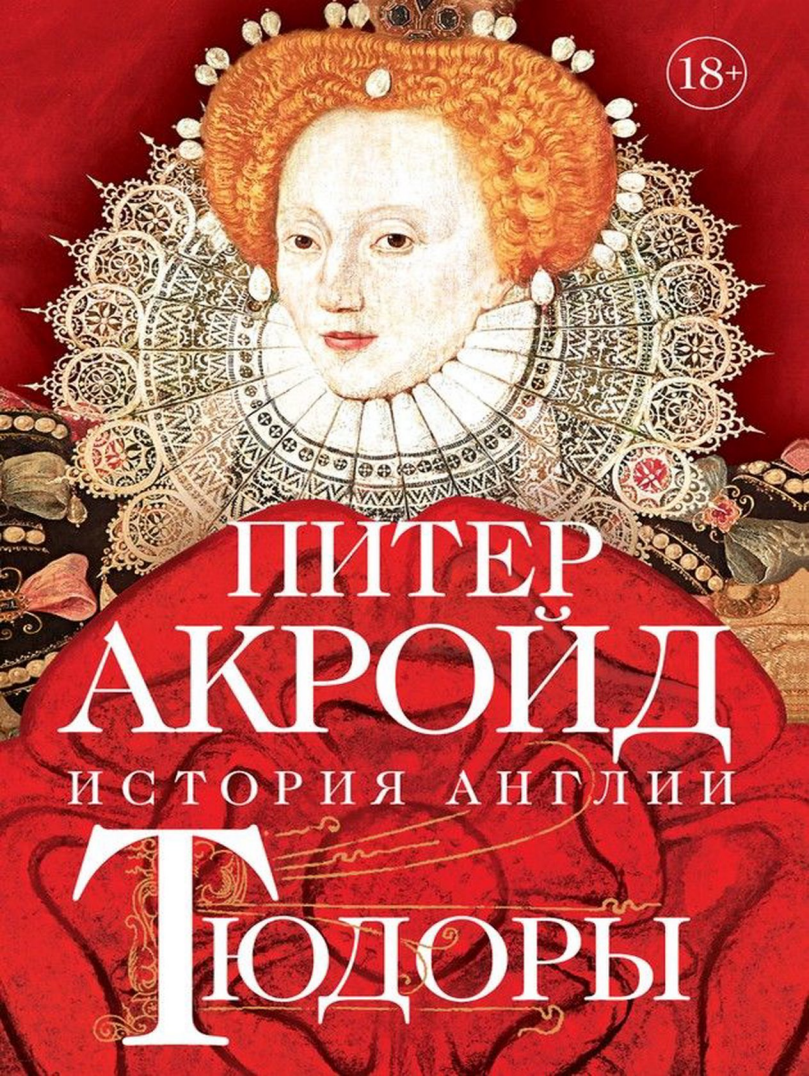

18+
ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ
ТЮДОРЫ

Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I

Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I
1. Аллилуйя
2. Все в алом
3. Еретик!
4. Супружеские невзгоды
5. В суд
6. Правдивые истории прошлого
7. Королевские радости
8. Маленькая шея
9. Великое восстание
10. Конфискации
11. Старые обычаи
12. Тело Христово
13. Падение
14. Военные игры
15. Семейный портрет
16. Последние дни
17. Крушение алтарей
18. Бей папистов!

19. Амбары Кредитона
20. «Князь беспорядков»
21. Королева на девять дней
22. Восход
23. Вера отцов наших
24. Беспокойное время
25. «Ныне отпущаеши»
26. Королева-девственница
27. Две королевы
28. Тридцать девять шагов
29. Соперницы
30. Весенние обряды
31. Заговоры и группировки
32. Окончание праздника
33. Лягушатник
34. Великий заговор
35. Мертвые не кусаются
36. Непобедимая армада
37. Покайся! Покайся!
38. Заходящее солнце
39. Непокорный слуга
40. На исходе жизни
41. Реформация
Библиография
Вкладка

Аннотация

История Англии — это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней — не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна, которая всегда была единым целым, сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

В этой книге освещается период правления в Англии династии Тюдоров. Это история о разрыве с Римом, предпринятом Генрихом VIII, и неустанном стремлении короля к обретению идеальной жены и идеального наследника. История о том, как за кратким правлением короля-подростка Эдуарда VI последовало насильственное возрождение католицизма, трагическими проявлениями которого стали казни и расправы, учиненные

Марией I, прозванной Марией Кровавой, а также о грандиозном правлении Елизаветы I, в конце концов принесшем стабильность, хоть и отмеченном междоусобицами, заговорами против королевы и масштабной Англо-испанской войной. Но прежде всего это история английской Реформации — которая существенным образом отличалась от Реформации в Европе — и становления Англиканской церкви, ведь в начале XVI века Англия все еще оставалась в значительной степени феодальной страной и часто обращалась к Риму. В конце XVI века это уже была страна, где справедливое управление было обязанностью государства, а не церкви, и где люди стали самостоятельно искать ответы на занимавшие их умы вопросы, перестав надеяться на тех, кто стоял во главе страны…

Историко-литературный труд блистательного британского автора, снабженный 43 цветными иллюстрациями, представит интерес для широкого круга читателей.

Питер Акройд
Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume II. Tudors

© Peter Ackroyd, 2011
© Черненко И.А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
КоЛибри®

1. Аллилуйя

Жизнь в этой земле текла привольно, словно молочные реки меж кисельных берегов. 21 апреля 1509 года престарелый король, на склоне дней одолеваемый еще большей нетерпимостью и алчностью, скончался в своем Ричмондском дворце на южном берегу Темзы. Весть о его смерти скрывали два дня, чтобы королевство не охватило смятение. Однако нового Генриха уже провозгласили следующим королем.

9 мая тело покойного Генриха VII в черной колеснице повезли из Ричмондского дворца в собор Святого Павла. Катафалк сопровождали 1400 церемониальных плакальщиков и 700 знаменосцев. Впрочем, скорбели немногие — если таковые и были вовсе; придворные и домашняя прислуга уже ожидали сына и наследника. Когда тело почившего короля опускали в склеп после заупокойной панихиды в Вестминстерском аббатстве, герольды возвестили: «Его величество король Генрих Седьмой скончался». И тут же единогласно вскричали: «Да здравствует его величество король Генрих Восьмой!» Его титул

никто не оспаривал. Это было первое бесконфликтное престолонаследие в стране. Новому королю шел восемнадцатый год.

Праздник летнего солнцестояния, 24 июня, выбрали для торжества коронации. Блистательное в своем великолепии солнце провозглашало восход другого солнца. До восемнадцатилетия короля оставалось всего четыре дня. Церемония коронации считалась восьмым церковным таинством, в ходе которого Генрих был помазан миром или елеем в знак священного царствования. Его одеяния густо усыпали драгоценные камни — бриллианты, рубины, изумруды и жемчуг, создавая вокруг него сияющий ореол света. В тот момент он был олицетворением славы и власти. Возможно, его манера держаться и церемониальные одежды не обошлись без рекомендаций советников, однако вскоре он сам осознал всю силу театрализованного великолепия.

Генрих предусмотрительно устроил бракосочетание со своей избранницей за тринадцать дней до коронации, чтобы во время церемонии короля сопровождала королева. Так он давал всем понять, что на престол восходит зрелый мужчина, а не ребенок. Екатерина Арагонская была дочерью Изабеллы Кастильской и Ферди-

нанда Арагонского, во время правления которых произошло объединение Испании. Она приехала в Англию, чтобы обвенчаться с принцем Артуром, старшим братом Генриха, однако обстоятельства обернулись не в ее пользу. Меньше чем через полгода после их свадьбы Артур скончался то ли от чахотки, то ли от потливой горячки, оставив Екатерину одну при английском дворе в незавидном положении вдовы, чья польза для монархии была исчерпана. Поговаривали, что якобы сам король Генрих VII, возможно, хотел с ней обручиться. Но об этом не могло быть и речи. Вместо этого она обручилась с принцем Генрихом и несколько лет испытывала нужду и лишения из-за сложного характера свекра, стремившегося подыскать своему сыну и будущему наследнику престола партию позавиднее. И все же спустя семь лет ожидания наступил момент ее торжества. За день до коронации в паланкине, богато украшенном шпалерами и вышитыми золотом тканями, ее пронесли по улицам города из лондонского Тауэра в Вестминстер. На одной из современных гравюр Генрих и Екатерина вместе проходят обряд коронации в окружении епископов и высшего духовенства.

Молодость Генриха прошла в тени беспокой-

ного и чрезмерно заботливого отца, вознамерившегося прежде всего обеспечить продолжение рода. Юный принц никогда не разговаривал на публике, разве что отвечая на вопросы короля. Ему разрешалось покидать дворец в Гринвиче или Элтеме лишь под бдительным надзором придворных, а оттуда через заднюю дверь он проскальзывал в дворцовый парк. Генрих получил основательное и разностороннее образование и приобрел репутацию самого просвещенного принца. Всю жизнь он считал себя превосходным полемистом, разбирающимся в тонкостях теологической науки, основанной на учении Фомы Аквинского. С ранних лет Генрих увлекался музыкой, сочинял мессы, песни и мотеты; пел и играл на клавишных инструментах. Вокруг него собралась собственная группа музыкантов, которая следовала за ним, куда бы король ни отправился, и к концу жизни он владел семьюдесятью двумя флейтами. Все в принце говорило о гармонии. В стихотворении, приуроченном ко дню коронации, Томас Мор назвал его славным венцом эпохи. Несомненно, его правление должно было знаменовать начало нового золотого века, в котором все добропорядочные люди живут в довольстве и процветании.

Крепко сложенный и привлекательный, юный Генрих был воплощением великолепия. Ростом чуть менее двух метров, он в буквальном смысле возвышался над своими подданными. В письменных свидетельствах говорилось, что «когда он идет, земля содрогается под его ногами». Он преуспел в искусстве рукопашного боя и стрельбе из лука, соколиной охоте и поединках. Через девять месяцев после коронации Генрих организовал турнир, который должен был прославлять доблесть рыцарских подвигов. Король лично выехал на арену под видом вымышленного участника, но тайна вскоре была раскрыта. Он был знаком с произведениями Томаса Мэлори и Фомы Аквинского и прекрасно понимал, что хороший король должен быть храбрым и воинственным. Противника нужно повергнуть копьем или мечом. Нельзя колебаться или отступать. Это вопрос чести. Рыцарские поединки позволяли почувствовать войну на вкус, и новый король окружал себя молодыми вельможами, любившими зрелищные битвы. Английские аристократы были не прочь размять сухожилия и разогнать застоялую кровь.

В дни, когда Генрих не демонстрировал молодецкую удаль в поединках, он с равным рвением

и храбростью предавался охоте. Он рассказывал о своих охотничьих выездах еще долгие дни после их окончания и спустя какое-то время стал владельцем конюшни на 200 лошадей. Охота была и остается любимым спортом королей. Она была формой войны против врага, полем битвы, где скорость и сноровка ценятся превыше всего. Генрих, бывало, понукал коня: «Тпру! Тпру! Полегче! Пошла!» Если лошадь получала увечья во время охоты, он перерезывал ей шею и вспарывал живот, чтобы запустить руки во внутренности; затем он вымазывал своих спутников в ее крови.

Более пожилые и почтенные придворные находились на его стороне. Это были королевские советники, большинство из которых служило прежнему королю. Архиепископ Кентерберийский Уильям Уорэм продолжил служить канцлером казначейства. Епископ Винчестерский Ричард Фокс по-прежнему занимал пост лорда-хранителя печати. Другие главные епископы — Даремский, Рочестерский и Нориджский — оставались при дворе. Молодой король нуждался в наставлении и советах: только так королевство продолжало бы развиваться по намеченному пути. Однако его готовность прислушиваться к этим советам и следовать наставлениям остава-

лась под вопросом.

После безразличия и даже враждебности предыдущего короля уцелевшие члены дома Йорков вновь пользовались королевской милостью. Генрих VII считал себя претендентом на трон от Ланкастеров. Даже вступив в брак с Елизаветой Йоркской после коронации, он с подозрением и неприязнью относился к соперничающей королевской семье. В стране вынашивалась идея о том, что после династических войн предыдущего века существенное значение имеет единство нации.

Старшие члены совета не преминули воспользоваться возможностью сместить некоторых неугодных им «новых людей», которым благоволил Генрих VII. Двух самых близких его советников, пользовавшихся наибольшим доверием, арестовали и заключили в тюрьму. Сэр Ричард Эмпсон и сэр Эдмунд Дадли оказывали содействие предыдущему королю в кампаниях по сбору денежных податей, однако большинство епископов и пожилых аристократов испытывали к ним неприязнь и недоверие. Их обвинили в совершении «предполагаемой государственной измены» против юного короля, что само по себе было маловероятно, и казнили по закону. Неясно,

сыграл ли Генрих какую-нибудь роль в вынесении этого, по сути, несправедливого смертного приговора, но без его формального одобрения это было невозможно. В дальнейшем он прибегал к тем же самым методам избавления от врагов.

В любом случае у Генриха был королевский характер и капризный нрав. Он мог быть как щедрым и великодушным, так и упрямым и капризным. Испанский посол докладывал своему королю, что «по правде говоря, принца не считают доброжелательным человеком». Немного позже посол Франции рассказывал, что в присутствии Генриха его всегда охватывал страх за свою жизнь.

Одна из ранних вспышек королевского темперамента уже говорит о многом. Летом 1509 года король Франции Людовик XII прислал ответ на письмо, которое якобы отправил Генрих. В нем новый король предлагал дружбу и мир. Однако Генрих не имел никакого отношения к письму. Его от имени короля написал совет. Молодой монарх вознегодовал. «Кто написал это письмо? — потребовал он ответа. — Чтобы я просил мира у французского короля — короля, который не осмеливается взглянуть мне в глаза, а уж тем паче объявлять войну!» Его гордость была

уязвлена. Он считал Францию своим извечным врагом. От владений по ту сторону Ла-Манша, над которыми некогда господствовали английские короли, остался лишь Кале. Генриху не терпелось вернуть свои исторические права, и с момента коронации он смотрел на Францию как на заветную награду, которую жаждал заполучить. Война была для него не только удовольствием, но и династическим долгом.

Однако удалось вкусить и радости мирной жизни. Генрих унаследовал королевство, не потревоженное военным лихолетьем, равно как и золотые горы, скопленные отцом. Генрих VII завещал сыну более 1 миллиона 250 тысяч фунтов стерлингов, что в современном исчислении равнялось бы примерно 380 миллионам фунтов. Вскоре все это богатство было растрачено, если не сказать — выброшено на ветер. Поговаривали, что молодой король сорил деньгами на любимые развлечения и спортивные состязания, что усугублялось его пренебрежением государственными делами. Однако не стоит понимать это буквально. Как свидетельствует письмо к французскому королю, ученые епископы предпочитали, чтобы их господин не предавался серьезным размышлениям.

Как бы то ни было, в королевстве назрели более важные дела. В конце января 1510 года у Екатерины Арагонской начались тяжелые схватки, в результате которых на свет появилась мертворожденная девочка. Однако Екатерина, по всей очевидности, носила под сердцем еще одного ребенка, и приготовления к королевским родам продолжились. Впрочем, напрасно. Припухлость живота спала, оказавшись последствием инфекции, а не беременности. Народу объявили о том, что у королевы произошел выкидыш, однако не утихали слухи, что, возможно, она бесплодна. Для королевы Англии не было более зловещего рока, чем неспособность дать королевству наследника. Она положила конец пересудам, родив мальчика в первый день 1511 года, однако младенец умер двумя месяцами позже. Можно было подумать, что королеве просто не благоволит судьба, но король в конечном итоге стал подозревать нечто куда худшее, чем просто несчастная доля.

Генрих уже нарушал супружескую верность. Пока Екатерина боролась с тяготами фантомной беременности в первых месяцах 1510 года, он нашел утешение в объятиях Анны Стаффорд. Она была одной из фрейлин королевы и уже состояла в браке. Анна приходилась сестрой герцогу Бе-

кингему, чрезвычайно щепетильному в вопросах семейной чести. Анну Стаффорд отправили в монастырь, а Бекингем удалился от двора после яростной стычки с королем. Екатерину Арагонскую поставили в известность о случившемся. Совершенно естественно она встала на сторону Бекингема. Королеву стыдили за измену супруга с ее служанкой. Во дворце и без того уже царили обман и разногласия. Возможно, у короля были и другие связи, о которых никто не подозревал. Его любовница, жена придворного ювелира, позже объявила о том, что король тайно приходил к ней в дом на улице Темзы, принадлежавший одному из первых вельмож.

Впрочем, все грехи плоти можно было искупить. В самом начале 1511 года Генрих отправился в паломничество к святыне Божьей Матери Уолсингемской в графстве Норфолк. По свидетельствам очевидцев, король прошел весь паломнический путь босиком, в одиночку, чтобы помолиться за своего новорожденного сына, жизнь которого висела на волоске. Летом того же года он совершил паломничество к усыпальнице магистра Джона Шорна в местечке Северный Марстон, расположенном в графстве Бекингемшир. Шорн был приходским священником в

той деревне, снискавшим репутацию святого и безгрешного человека, а его усыпальница стала местом чудесных исцелений. Говорили, будто бы он запрятал самого дьявола в ботинок благодаря своим магическим способностям.

В вопросах веры Генрих был преданным сыном церкви. По крайней мере, в этом отношении он походил на подавляющее большинство своих подданных. Как докладывал посол Венеции, «все они каждодневно посещают литургию и всенародно читают „Отче наш“, а женщины в руках держат длинные четки». Начало царствования Генриха ознаменовалось процветанием католической церкви. Она восстановила свою мощь и влияние. На юго-западе, к примеру, началось бурное строительство и реконструкция церквей. Больше внимания стали уделять проповедям. Там, где раньше прихожане стояли на коленях на устланном камышом полу, теперь ставили скамьи напротив кафедр.

Это была церковь древних обычаев и традиционных церемоний. В Страстную пятницу, например, проходил обряд поклонения Кресту Господню. Два священника держали над головой укрытое покровом распятие, стоя за главным алтарем, а в это время певчие исполняли антифо-

ны; затем покров снимали и ставили распятие на третьей ступени перед алтарем, священнослужители на коленях подползали к нему и целовали. Позже, под звуки исполняемых певчими гимнов, крест сносили к прихожанам, которые преклоняли колени и прикладывались к нему устами. Далее распятие облекали в полотно и устанавливали в «саркофаге», чтобы вновь торжественно представить пастве утром в Пасхальное воскресенье. Это был век рождественских богослужений и церковных праздников, святых мощей, паломничества и чудес.

Прежняя вера в равной степени зиждилась на общинных обрядах, как и на богословских учениях. Краеугольным камнем благочестия было таинство пресуществления во время мессы, когда хлеб и вино превращались в тело и кровь Христа. Религиозная жизнь питалась священнодействиями, которые отправляли рукоположенные служители церкви, верные подданные папы римского. Верующим надлежало посещать мессу по воскресным дням и религиозным праздникам, поститься в определенное время, исповедоваться и причащаться по меньшей мере раз в год. Самым сильным верованием была вера в хождение по мукам, когда живые молились за души мертвых,

чтобы скорее положить конец их страданиям. Сама старая церковь представляла собой приобщение живых и мертвых.

Святые играли роль могущественных посредников, их почитали как заступников и благодетелей. Святая Варвара защищала своих приверженцев от грома и молнии, а святая Гертруда оберегала от мышей и крыс. Святая Дорофея охраняла целебные травы, тогда как святая Аполлинария излечивала зубную боль. Святой Николай не давал верующим утонуть, а святой Антоний охранял домашних свиней. Однако самой почитаемой заступницей была Дева Мария, Матерь Божья, чей лик, окруженный свечами и фимиамом, можно было встретить повсюду.

Церкви, таким образом, были заполнены изображениями святых и светом. Например, лондонские храмы представляли собой настоящие сокровищницы с серебряными подсвечниками и кадильницами, серебряными распятиями, кубками и дискосами. Главный алтарь и крестная перегородка, отделявшие священника от прихожан, являлись подлинными произведениями искусства и лучшими образцами филигранной работы. Изображения Иисуса и Девы Марии, святых покровителей и местнопочитаемых святых

украшали все свободные пространства. Они носили венцы и ожерелья из драгоценных камней; на пальцах были надеты кольца, а одежды сверкали золотом. Некоторые церкви даже демонстрировали рога единорогов или страусиные яйца, чтобы вызвать восхищение у верующих.

Священнослужители, возможно, не отличались подобной непоколебимостью. И все же положение духовенства было прочным, насколько позволяла человеческая природа. Некомпетентные или нерадивые священники, конечно, встречались, однако в церковной канцелярии не наблюдалось общей неорганизованности и злоупотреблений. Больше мужчин и женщин вступали в религиозные ордены, чем в прошлом веке, а с изобретением печатного станка наступил бурный расцвет церковной литературы. В период между 1490 и 1530 годами вышло не менее двадцати восьми изданий «Часов Пресвятой Девы Марии». Религиозные гильдии, основанные для сбора средств на благотворительность и молебны о душах умерших, еще никогда не были столь популярными; они представляли собой институциональный аспект религиозной общины.

Несомненно, были и ревностные сторонники Реформации, которые мечтали о возрождении

христианского духа, погребенного под золотым панцирем религиозного церемониала и традиций. Тот факт, что подобные страстные призывы звучали повсюду, являлся, в сущности, мерилом жизнеспособности церкви в начале XVI столетия. Зимой 1511 года Джон Колет, взойдя на кафедру в соборе Святого Павла в Лондоне, обратился к высшему духовенству королевства с проповедью о религиозной реформе. Он вновь вернулся к этой теме во время собрания священнослужителей в здании капитула Кентерберийского собора. «Никогда, — сказал он, — церковь еще так не нуждалась в ваших энергичных усилиях». Слово было сказано, однако сама затея казалась немыслимой. Под реформацией Колет понимал повышение компетентности, а следовательно, и престижа священства.

Он питал презрение к более примитивным религиозным предрассудкам католиков, таким как почитание мощей святых и использование молитвы в качестве магического заклинания, однако не ставил под сомнение принципы веры и теологические догматы. В отношении этих вопросов церковь была непоколебима. В мае 1511 года шестерых мужчин и четырех женщин из городка Тентерден в графстве Кент обвинили

в ереси за то, что они заявляли, что в таинстве причастия используется не тело Христа, а обыкновенный хлеб. Их заставили отречься от своих вероучений и всю оставшуюся жизнь носить на одежде значок с изображением вязанки хвороста, горящей в языках пламени. Двух мужчин тем не менее сожгли на костре за «рецидив» ереси: они раскаялись, но потом вновь вернулись к своим прежним убеждениям. Латинский секретарь Генриха, клирик из Италии по имени Аммониус, несколько преувеличенно написал: «Не приходится удивляться, что цена хвороста взлетела, ведь столько еретиков ежедневно отправляют на сожжение, и тем не менее растет количество новых, занимающих их место».

Карьера самого Аммониуса свидетельствует о том, что церковь по-прежнему являлась сферой королевского фаворитизма. Это была истина, высшим воплощением которой стал Томас Уолси. Уолси попал в круг приближенных Генриха благодаря посредничеству епископа Фокса, лорда-хранителя печати, и, очевидно, сразу впечатлил молодого короля своей энергией и скрупулезным вниманием к деталям. К весне 1511 года он отправлял письма и счета по непосредственным указаниям короля, таким образом искусно обходя

стороной сложные формальности. Он по-прежнему оставался всего лишь настоятелем собора в Линкольншире, однако уже тогда давал Генриху советы по международным и религиозным вопросам.

Он обладал даром учтивости, а также трудолюбия и был бесконечно изобретателен; он делал то, что хотел король, и при этом быстро. Мнение короля было его собственным. Уолси был, по словам его церемониймейстера Джорджа Кавендиша, «самым убежденным и охотливым из всех членов совета, готовым исполнить любое желание и прихоть короля в любых обстоятельствах». Двадцативосьмилетний служитель церкви, он был на целое поколение младше престарелых епископов в совете. Такого человека молодой король мог сделать своим поверенным, на него можно было положиться. Уолси просыпался в четыре утра и мог работать по двенадцать часов кряду. Кавендиш рассказывал, что «мой господин ни разу не вставал, чтобы сходить в уборную или поесть мяса». Закончив свои дневные труды, он шел на литургию, съедал легкий ужин и удалялся ко сну.

Уолси, таким образом, стал исполнителем воли короля, особенно истово усердствуя там,

где дело касалось притязаний Генриха в отношении Франции. В ноябре 1511 года Генрих присоединился к Священной лиге вместе с папой римским Юлием II и его свекром, испанским королем Фердинандом, чтобы с благословения папы вторгнуться на территорию Франции. Генрих грезил о войне, и, конечно, предлог для битвы всегда можно было найти. В данном случае предлогом для развязывания военных действий стало вторжение французских войск на территорию Италии. На следующий месяц для Генриха устроили рождественское пиршество в доме монахов-доминиканцев в Ладгейте, где красовались искусственные чучела льва и антилопы. Четверо рыцарей-поединщиков сразились со своими соперниками, переодетыми «вудву», или лесными жителями. Это было зрелище, призванное прославить военные сражения. Несколько месяцев спустя парламент издал указ, согласно которому всем мальчикам полагалось тренироваться в стрельбе из лука.

Впрочем, в тот момент королю давали совершенно иной совет. Епископы и члены Королевского совета убеждали Генриха сохранить мир и воздержаться от непредсказуемой и затратной войны с Францией. Многие из реформистски

настроенных священнослужителей придерживались антивоенных убеждений и сожалели, что замечательный князь мира так скоро превратился в яростного воинственного льва. Выступая с кафедры собора Святого Павла, Колет заявил, что «несправедливый мир лучше справедливейшей из войн». Как писал Эразм Роттердамский, голландский гуманист, состоявший на тот момент при Кембриджском университете, «простой народ строит города, а безумие государей их разрушает».

Однако старые аристократы и молодые вельможи из королевской свиты настаивали на сражении и заключении выгодного союза с Испанией против давнего врага. Екатерина Арагонская, взявшая на себя роль посла Испании при английском дворе своего супруга, также выступала за войну с Францией. Таким образом она исполняла желание своего отца. Соотношение сил было неравноценно, особенно когда его нарушало стремление Генриха к боевой славе. Больше всего ему хотелось быть «доблестным рыцарем» в духе артуровских традиций. В этом состояло истинное предназначение настоящего короля. Какое значение имело то, что в тот момент Англии грозила целая череда неурожаев, когда хлеб

дорожал, а жить становилось все тягостнее? Воля короля означала закон. Разве его не провозгласили королем Франции во время коронации? Он хотел вновь вернуть себе право, принадлежащее ему по рождению.

В апреле 1512 года Франции объявили войну; флотилии из восемнадцати боевых кораблей предстояло доставить 15 тысяч воинов в Испанию, откуда они должны были напасть на врага. В начале лета английские войска высадились в Испании. Для них не подготовили ни палаток, ни провизии. Они ночевали в полях и под зарослями кустов, ничем не защищенные от проливных дождей. Сезон выдался душным, распространяющим вокруг заразу — угроза, обострению которой способствовало горячее испанское вино. Люди жаждали пива, но его негде было найти.

Вскоре стало очевидно, что Фердинанд обвел их вокруг пальца: не имея никакого намерения вторгаться во Францию, он просто хотел, чтобы его границу охраняли английские войска, в то время как сам он ведет самостоятельную войну против королевства Наварры. На посулы он был щедр, как говорил один английский командир в письме королю, однако слово свое не держал. Из-за дизентерии погибло множество людей, а

на фоне бушующих болезней и нехватки продовольствия поползли слухи и предостережения о грядущем мятеже. В октябре 1512 года английские войска отправились восвояси. «Англичане долгое время воздерживались от войны, — говорила дочь императора Максимилиана, — они потеряли сноровку из-за отсутствия практики». Молодой король был обесчещен и предан. Вероломство тестя привело Генриха в ярость, и, казалось, частично он возлагал вину за это фиаско на Екатерину. Вскоре в Риме появилось сообщение, что король желает аннулировать свой брак с женой, главным образом потому, что она так и не смогла родить ему здорового наследника, а затем жениться на ком-нибудь другом.

Генрих тем не менее не смирился с подобным унижением в Испании и тотчас стал планировать собственную военную экспедицию. Он возглавил бы гигантскую кампанию, а масштабы его побед повторяли бы триумфы Генриха V. Король, как главный феодал, призвал своих подданных аристократов и их вооруженную свиту. Славные дни Азенкура воскресли вновь. Вскоре Генрих вернул Томасу Говарду отцовский титул герцога Норфолка, а Чарльзу Брэндону, своему партнеру по рыцарским турнирам, даровал титул герцога

Суффолка; оба военачальника, таким образом, обрели достаточный сан. Однако, чтобы повторить подвиги средневекового короля, Генрих нуждался в людских и материальных ресурсах. По существу, Уолси превратился в военного министра. Именно он организовал флотилию и позаботился об отправке кораблей с 25 тысячами воинов во Францию под королевским знаменем. Он стал абсолютно незаменимым для Генриха. Король пожаловал его настоятелем Йоркского собора — еще одна веха его неудержимого карьерного роста.

Большая часть воинов отплыла веснами 1513 года, а несколькими неделями позже за ними последовал король. Он прибыл в Кале с дружиной в 300 человек и со свитой из 115 священников и певцов капеллы. Его богато украшенную кровать внушительных размеров перевозили следом за королем вдоль всего маршрута на восток и еженощно застилали в специально сооруженном шатре из золотой парчи. У короля было одиннадцать шатров, соединенных вместе; один из них предназначался для его повара, другой служил кухней. Куда бы он ни отправился пешком или верхом, его повсюду сопровождал эскорт из четырнадцати юношей в вышитых золотом

жакетах. На его лошади звенели золотые колокольчики. Самый пышный из всех шатров украшали золотые дукаты и флорины. Король стремился продемонстрировать свое величие, равно как и свою доблесть. Генрих вступил в союз с императором Священной Римской империи Максимилианом I, чьи номинальные владения охватывали большую часть Центральной Европы, однако Генрих также жаждал личного императорского полновластия. Еще до этого он заказал себе «роскошную корону, усыпанную драгоценными каменьями», которая вскоре стала известна как императорская корона; в свое время она стала олицетворением его владычества над всей Британией, а также верховенства над церковью в пределах своих владений.

Военные действия в самой Франции были в значительной мере непоследовательными. Летом 1513 года английские войска осадили небольшой городок Теруан в графстве Фландрия; одно из формирований французской кавалерии пошло на них в наступление, обменялось несколькими залпами с противником, а затем ретировалось. Их отступление было настолько стремительным, что бой окрестили «битвой шпор». Сам Генрих все это время оставался в тылу и не принимал

участия в военных действиях. Эта победа не стала блистательным триумфом, и все же это была победа. Когда Теруан наконец сдался, королевские хористы исполнили «Тебя, Бога, хвалим».

Английская пехота и кавалерия перешла к осаде Турне, намного более заманчивого трофея, который не удалось заполучить Эдуарду III летом 1340 года. Город сдался через неделю после прибытия английских войск. Генрих поставил в городе гарнизон и укрепил его цитадель; он также потребовал, чтобы Томаса Уолси назначили епископом городского собора. Три недели победу отмечали рыцарскими турнирами, танцами и шумными гуляньями, перемешав в общем веселье придворных Максимилиана и Генриха. Затем король с триумфом отплыл обратно в Англию.

Однако эти короткие войны повлекли за собой непомерные издержки и трату большей части накопленного Генрихом VII богатства, которое тот завещал сыну. Уолси убедил парламент выделить субсидию — по сути, в виде налога, взимаемого с каждого совершеннолетнего жителя, однако мера оказалась непопулярной и сложной в исполнении. Стало очевидно, что Англия не могла позволить себе вести войну на равных с более влиятельными европейскими державами. У ко-

роля Франции было втрое больше подданных и втрое больше ресурсов; у короля Испании было в шесть раз больше подданных и в пять раз больше доходов. Честолюбие и жажда славы Генриха превосходили его возможности.

Так или иначе, настоящую пальму первенства удалось получить совсем в другом месте, в 1513 году. Воинственно настроенные шотландцы были готовы в очередной раз возобновить старый союз с Францией. Витали опасения, что Яков IV готовился к вторжению в Англию, пока король занят другими делами. Так и оказалось. Екатерина лично участвовала в приготовлениях к сражению. В письме мужу она сообщала, что «ужасно занята подготовкой штандартов, знамен и эмблем», и сама повела армию на север. Однако победа была одержана еще до ее прибытия. Яков IV перевел своих солдат через границу, но по команде престарелого графа Суррея английские войска сдержали натиск и победили противника. Тело поверженного Якова оставили на поле битвы, и Джон Скелтон писал, что «под холмами Флоддена наши луки и копья выкосили весь цвет шотландской чести и доблести»; пали 10 тысяч шотландцев. Окровавленную и разодранную в клочья мантию шотландского короля отослали

Генриху в Турне. Екатерина отправила мужу весть с сообщением о победе и заявила, что битва при Флоддене «стала для Вашей светлости и для всего государства величайшей наградой — большей, чем могла бы дать корона Франции». Генрих был поистине властителем своего королевства.

2. Все в алом

Ричард Хунне был зажиточным купцом, чей младенец-сын Стефан умер весной 1511 года. Священник местной приходской церкви в Уайтчепеле Томас Драйфилд попросил крестильную сорочку умершего ребенка в качестве «заупокойного дара»; это было традиционное подношение священнику во время похорон. Хунне отказался последовать обычаю. Годом позже его призвали в Ламбетский дворец, где обвинили в неповиновении; однако он по-прежнему отказывался платить столь несправедливую, по его мнению, цену. Когда в конце года он пришел в приходскую церковь на вечерню, Драйфилд во всеуслышание предал его анафеме. «Хунне, — вскричал он, — я проклинаю тебя, да будь ты отныне проклят».

Вопрос был серьезный. Никому не разрешалось вести с Хунне дела. Все его избегали, не желая быть замеченными в компании изгнанника. Его обрекли гореть в адском пламени на веки вечные. Однако Хунне нанес ответный удар, обвинив священника в клевете. Он поставил под сомнение правомочность церковного суда,

прежде признавшего его виновным. Дело вошло в правоприменительную сферу, где было приостановлено на двадцать два месяца. Осенью 1514 года управление церкви произвело обыск в доме Хунне и обнаружило несколько еретических книг, написанных на английском. Его заключили в Лоллардской башне в западной части церковного двора собора Святого Павла, где зимой того же года обнаружили повешенным. Епископ Лондона заявил, что еретик лишил себя жизни из-за мук вины и раскаяния. Сочувствующие Хунне жители обвиняли церковь в убийстве. По словам Джона Фокса, занимавшегося жизнеописаниями святых мучеников, «его шею переломили железной цепью, изранили другие части тела, а затем повесили на собственном поясе».

Еще до того, как Хунне сожгли в Смитфилде как осужденного и «гнусного» еретика, был назначен судебный осмотр тела, чтобы установить род смерти. В феврале 1515 года жюри вынесло решение, что трое клириков — среди них епископ лондонского канцлера Уильям Хорси — виновны в убийстве. Епископ немедленно написал Томасу Уолси и потребовал провести беспристрастное разбирательство; по словам епископа, обращенным к Уолси, жители Лондона проявляли столь

«злонамеренную склонность» к ереси, что его подчиненного признали бы виновным, будь он «невинен аки Авель».

Король приказал провести расследование в Бейнардском замке на северном берегу Темзы возле Блэкфрайерс, где епископ Лондона воспользовался возможностью и осудил членов жюри, назвав их «подлыми лживыми трусами». Затем в процесс вмешался сам Генрих, приняв решение помиловать Хорси и других; он повелел его адвокату объявить их невиновными во вменяемом преступлении. Покинув Лондон, Хорси немедля отправился в Эксетер. Казалось, на этом дело было исчерпано.

Тем не менее у случившегося были важные последствия. Тремя годами ранее парламентский созыв 1512 года принял закон, согласно которому церковные прислужники, обвиненные в убийстве, лишались «привилегии духовной неподсудности»; «привилегия» означала, что судебный процесс над клириками велся в церковных судах и к ним не применялась смертная казнь. Церковные прислужники представляли собой низшие чины духовенства, такие как чтец или аколит. На фоне громких обстоятельств дела Ричарда Хунне эта мера приобрела новое

значение. Аббат Винчестера объявил членам палаты лордов, что закон 1512 года противоречил законам Божьим и свободам церкви. Текст его проповеди был взят из Первой книги Паралипоменон, «Не прикасайтеся к помазанным Моим».

Генри Стэндиш, страж нищенствующей монашеской братии Лондона и один из духовных советников короля, выразил несогласие. Он настаивал, что никакое из действий короля не могло нанести ущерб интересам церкви и что церковь, в сущности, входила в сферу королевских полномочий. Был поднят основополагающий вопрос, мог ли светский суд привлекать священство к ответственности; мог ли мирской правитель накладывать ограничения на епископа, Богом облеченного властью. Стэндиша призвали появиться перед собором высшего духовенства, отчитаться за свое мнение, и он воззвал к королю с просьбой о защите.

Великое собрание ученых мужей, включавшее всех судей королевства, состоялось в Блэкфрайерс зимой 1515 года и после долгих обсуждений приняло сторону Генри Стэндиша; они обвинили высшее священство в нарушении парламентского статута о предостережении *(praemunire*) 1392 года, запрещавшего ходатайство к иностранному

суду или органу власти. Иностранным органом власти в данном случае являлся папа римский и папский суд. Томас Уолси, которого пожаловали кардинальским титулом всего три месяца назад, предложил королю выразить формальное повиновение и попросил передать дело в Рим. Может показаться странным, но вполне вероятно, что Уолси и король были заодно. Все ждали королевского вердикта. Пришло время Генриху вынести свое решение по делу Генри Стэндиша.

В ноябре монарх обратился к собранию адвокатов и священнослужителей в Бейнардском замке со следующим заявлением: «По воле и дозволению Божьему мы король Англии, и короли Англии испокон веков не имели выше себя никого, кроме Бога. Так разумейте же, что мы сохраним за собой принадлежащие нашей короне права и наши светские полномочия как в этих обстоятельствах, так и впредь». Генрих поддержал позицию Стэндиша.

Возможно, это выглядело как начало великой Реформации XVI века, однако король не сказал ничего нового. В Положении о казначеях 1351 года говорилось о «святой англиканской церкви» во время Эдуарда III как отличной от «папской церкви в Риме». В конце XIV века Ричарда II объявили

единовластным императором в своих суверенных владениях. В 1485 году лорд — главный судья Хасси заявил, что король Англии подчиняется лишь одному Богу и власть его превыше папской в пределах государства. В действительности уже Генрих VII неоднократно оспаривал статус церкви, обвиняя высшее духовенство в *praemunire*; он дал понять, что в его королевстве не место еще одной суверенной власти, и при назначении епископов отдавал предпочтение юристам, а не богословам. Папа не вмешивался.

Возможно, странным было то, что в своем письме к Уолси епископ Лондона обвинял собственных церковников в повсеместной ереси, однако при данных обстоятельствах это было простительное преувеличение. Епископ просто ссылался на тот факт, что у лондонцев существовала давняя и устойчивая традиция антиклерикализма. Всегда звучали призывы к обновлению церкви или подчинению ее власти короля, а в адрес духовенства сыпалась критика и нападки по меньшей мере с XIV века. На парламентских созывах 1370-х и 1380-х годов обсуждали необходимость лишения клириков высоких государственных постов, а в ходе крестьянского восстания под предводительством Уота Тайлера

в 1381 году архиепископ Кентерберийский был обезглавлен толпой. Высшее и низшее духовенство обвиняли в прелюбодействе и внебрачных связях; они проводили время за соколиной охотой или ловлей зверя; носили длинные волосы и развлекались в тавернах; были вооружены мечами и кинжалами. Это было продолжением длинного перечня жалоб, начатого веком раньше Чосером и Ленглендом. Тем не менее подобные злоупотребления, равно как и резкие обвинения, были естественными и неизбежными, когда дело касалось древнего религиозного института. Католическая церковь всегда нуждалась в обновлении и преобразованиях.

Король изъявил свою волю в один из зимних дней в Бейнардском замке, и Уолси преклонил перед ним колено. Однако прелат уже и без того успел обрести могущество. Осенью 1515 года, по настоятельному требованию короля, папа Лев X торжественно возложил на голову Уолси красную кардинальскую шапку. С этого времени он стал носить алые одежды. Впрочем, прежде всего он был кардиналом короля, нежели кардиналом папы, и это лишь способствовало укреплению королевского превосходства. В конце того же года Генрих назначил Уолси новым лорд-канцлером,

ведущим министром государства и держателем большой государственной печати. Он занимал господствующее положение в Королевском совете. Любая корреспонденция, предназначенная для местных судей или послов, теперь проходила через его руки. Ни один законодательный акт не мог быть сформулирован без его активного участия. Ни одно назначение на высшую должность не обходилось без его вмешательства. «Объяви я о своем решении сложить полномочия, — сказал он, — уверен, что ни король, ни его титулованные приближенные не дали бы на то своего согласия».

В решении государственных и международных вопросов ему была необходима изрядная тонкость ума и изворотливость. Смерть испанского короля Фердинанда в феврале 1516 года и восхождение на престол его шестнадцатилетнего внука Карла поднимали деликатные проблемы соотношения сил и влияния. Собственные титулы Карла свидетельствуют о сложности и запутанности континентальной политики. С 1506 года он являлся номинальным правителем Бургундии, спустя десять лет был коронован королем Испании, Карлом I; три года спустя он стал императором Священной Римской империи,

приняв имя Карла V. Его земли в Центральной и Южной Европе составляли наследие династии Габсбургов, которому суждено было стать главным предметом внешнеполитических интересов Англии на протяжении следующей сотни лет.

О своих притязаниях на престолонаследие заявлял и другой молодой монарх. Франциск I взошел на трон Франции в 1515 году в возрасте двадцати лет, и в течение девяти месяцев он во главе армии осуществил переход на север Италии, где овладел Миланом. Это был подвиг, о котором Генрих мог лишь мечтать.

В первомайский праздник 1515 года Генрих поинтересовался о Франциске у венецианского посла. «Расскажи-ка мне, — потребовал он, — король Франции, каков он? Столь же высок, как я?» Разница в росте была невелика. «Тучен ли он?» Нет, отнюдь. «А какие у него ноги?» Худые, или «сухопарые». В этот момент король Англии приподнял подол своего дублета и положил руку на бедро. «Вот, посмотри. И голени у меня столь же добротные». Позже он заявил, что Франциск — француз, поэтому ему нельзя доверять.

Вплоть до самой смерти Генриха эти молодые монархи боролись за влияние или, по крайней мере, за временное превосходство, и междуна-

родная история того времени состояла из их маневров и контрманевров. Заключались конвенции и тайные соглашения, происходили вооруженные стычки и войны, вторжения и осады. Европа превратилась для них в площадку для игр. При дворе каждого из них охота, рыцарские поединки и турниры стали олицетворением власти. Но когда три молодых человека затевают борьбу, в результате почти неминуемо проливается чья-то кровь.

Появление на арене трех могущественных суверенов изменило равновесие сил во всей Европе и, в частности, неизбежно привело к определенному снижению авторитета папы римского. Власть королей считалась наивысшей, господствующей над церковью и знатью. Между Карлом и Франциском постоянно возникали разногласия, поскольку территории их государств граничили друг с другом, и задачей Генриха было извлечь максимальную пользу из их соперничества. Впрочем, монархи далеко не всегда прибегали к открытым вооруженным действиям, пытаясь воспользоваться преимуществами более сподручных помолвок и династических браков. Рождение дочери 18 февраля 1516 года предоставило Генриху козырь в великой монаршей игре. И

все же принцесса Мария стала для отца большим разочарованием: он надеялся и молился о сыне и наследнике, однако скрыл свое огорчение. «Мы оба молоды, — сказал он, — если в этот раз суждено было появиться на свет девочке, то с помощью Божьей родятся и сыновья». Но он ошибался.

Весной 1517 года на дверях собора Святого Павла повесили декларацию с жалобами на то, что «иностранцы» получают слишком много привилегий от короля и совета и что они «скупают шерсть в ущерб англичанам». Это послужило одним из поводов к восстаниям «Черного Первомая», которые обнажили радикальные и бунтарские настроения лондонской толпы. В конце апреля один из проповедников призвал англичан защищать свои дома и имущество от «чужаков», имея в виду торговцев из Флоренции, Венеции, Генуи и Парижа. Уолси вызвал городского мэра, услышав новости о том, что, как он выразился, «ваша необузданная молодежь чинит беспорядки и докучает иностранцам». Подобные волнения вызывали большую озабоченность у городского правления, не имевшего в своем распоряжении ни полицейских формирований, ни постоянной армии, дабы обеспечить соблюдение своих законов.

Мэр отверг все слухи о подстрекательстве к мятежу, однако вечером 30 апреля две тысячи лондонцев — с подмастерьями, лодочниками и домашней прислугой во главе — разграбили дома французских и фламандских торговцев. Они взяли штурмом дом королевского секретаря и угрожали жителям итальянского квартала. Уолси, опасавшийся беды, несмотря на все заверения мэра, призвал на помощь вооруженные дружины знати и артиллерию лондонского Тауэра. Более четырехсот человек было взято в плен, над ними устроили судебный процесс и признали виновными в измене. Тринадцать из них присудили к смертной казни через повешение, потрошение и четвертование; останки их растерзанных тел вздернули на одиннадцати сооруженных по всему городу виселицах.

Для других бунтовщиков устроили подобающую случаю театрализованную церемонию, надев им на шею висельные веревки и приведя в Вестминстер-Холл, где за всем этим наблюдал король. С высоты своего царственного помоста он объявил заключенным смертный приговор. Затем Уолси пал на колени и стал молить монарха о сострадании, а сами узники выкрикивали: «Пощади! Пощади!» В конце концов король сме-

нил гнев на милость и даровал им прощение. В этот момент обвиняемые сорвали с шеи веревки и, по словам одного из лондонских летописцев, «запрыгали от радости».

Опасность чудом миновала, но невозможно было скрыть подлинную неприязнь и даже ненависть, существовавшую между королевским двором и гражданами. Знать не доверяла и презирала простонародье, и это чувство было взаимным. Почему-то бытовало мнение, что епископы и духовенство встали на сторону знати; враждебность городских жителей по отношению к ним сыграла свою роль в религиозных преобразованиях грядущих лет. Да и сам Лондон способствовал провоцированию бунтов и разжиганию противоречий, являясь постоянным источником беспокойства для короля и его совета.

Через две или три недели после мятежей город и страну охватила неведомая хворь. Она началась ранним летом 1517 года с лихорадки, сопровождаемой дурно пахнущим потом. Ей сопутствовали острые боли в спине и плечах, распространявшиеся затем в печень; потом наступала вялость и забытье, больной впадал в сон, от которого зачастую не просыпался. Быстрая и безжалостная

болезнь приобрела известность под названием «пот» или «потливая горячка»; а поскольку она, по всей видимости, поражала только англичан, в таких городах, как Кале и Антверпен, ее прозвали *sudor Anglicus*, или «английский пот». Ее также называли такими именами, как «Знай своего господина» или «Наказание Божье». Погибли десятки тысяч людей. Доктор Кайус, один из лекарей того времени, описывал, как болезнь «мгновенно убивала жителей: одни в этот момент распахивали окна в доме, другие играли с детьми возле калитки; кто-то умирал через час, многие через два; но даже и тем, кто днем беззаботно обедал, она готовила траурный ужин». Случайная встреча на улице, стук нищего в дверь, поцелуй в щеку — стоить жизни могло все что угодно.

Да и сами дома могли стать рассадниками заразы. Эразм сетовал, что полы в жилищах англичан выстланы камышом, в котором перемешались «отхарканная мокрота, рвота, моча собак и людей, разлитый эль, рыбьи объедки и другие скверности, о которых лучше не упоминать». С каждой переменой погоды выделялись пары отравленного воздуха. Зловонные мутные потоки катились по открытым уличным водостокам прямо в Темзу.

Летом того же года сам Томас Уолси занедужил потливой горячкой, тогда как многие его домочадцы и вовсе погибли. Однако он был крепок и решителен, мог стряхнуть с себя любую болезнь без непоправимого ущерба для своего сильного организма. Выздоровев, Уолси отправился в паломничество в Уолсингем; столкнувшись лицом к лицу со смертью, он поклялся помолиться у святыни местной Богоматери, копии дома в Назарете, где Гавриил явился Деве Марии. После благочестивых размышлений и поста он вновь вернулся к государственным делам.

Весной прошлого года он долго обсуждал с Генрихом и советом неэффективность мер по отправлению правосудия и чудовищность злоупотреблений. Он не был адвокатом и не имел юридической подготовки, однако его ум и уверенность в своих силах легко преодолевали любые сомнения в его способностях. Совместно с королем он решил укрепить процедуры применимого права посредством органа, известного как Звездная палата; в качестве судейской инстанции Королевский совет собирался в зале, потолок которого был усыпан звездами.

Под звездным небом лорд-канцлер мог допрашивать, в частности, сильнейших лиц

государства и определять им меру наказания. «Я намерен, — писал он, — обучить их закону Звездной палаты». Он наказывал лордов за содержание слишком многочисленной вооруженной свиты, а рыцарей — за «давление» (принуждение к действию) на своих более бедных арендаторов; он расследовал случаи клятвопреступления и фальшивомонетничества; он регулировал цены и запасы провизии, справедливо полагая, что нехватка продовольствия может спровоцировать бунт. Одной из главных функций палаты было подавление общественных беспорядков или наказание за участие в них. Уолси изучал поведение шерифов. Во время предыдущего правления в Звездной палате слушалось примерно двенадцать дел в год; под руководством Уолси их количество достигло 120 за тот же период.

У Уолси был свой суд, называвшийся Канцлерским. Это был гражданский, а не уголовный суд, занимавшийся урегулированием таких вопросов, как получение наследства и разногласия по контрактам. Истцы могли изложить дело простым языком, а ответчики были обязаны явиться в суд, получив «повестку». Это был эффективный способ рассмотрения апелляций против решений, вынесенных судами общего

права. А для кардинала подобный суд служил средством жесткого контроля государственных дел. Каждый день Уолси следовал с процессией в Вестминстер-Холл, перед ним несли два больших серебряных креста вместе с большой печатью и кардинальской шапкой; на нем были одеяния из багряного шелка с пелериной или капюшоном, отороченным собольим мехом. В руке он нес выскобленный и заполненный уксусом апельсин и прижимал его к носу, проходя через толпу ждущих его просителей. «О мои господа и повелители, — кричали прислужники, — расступитесь перед его преосвященством!» Джон Скелтон так описал его поведение в Канцлерском суде:

В стенах суда дает он волю
Своему неистовству и гневу
И называет их погаными мерзавцами…
Одним кивком головы вершит он судьбы в палате Звездной…
Всяк — герцог, граф, барон и лорд —
Обязан подчиниться приговору[1].

[1] Примечания: 1
And openly in that place / He rages and he raves / And calls them cankered knaves… / In the Star Chamber he nods and becks… / Duke, earl, baron or lord / To his sentence must accord.

Он вызывал негодование у тех, кого наказывал, однако его служение правосудию, по всей видимости, принесло свои плоды. Поздним летом 1517 года он написал Генриху письмо, в котором с изрядной долей самодовольства рассказывал о благоденствующем королевстве. «Хвала Богу, — говорил он, — никогда прежде в государстве не царил такой мир и спокойствие».

В том же году Уолси организовал расследование причин сокращения сельского населения в графствах Англии. Сельская местность менялась на протяжении многих поколений: метаморфозы происходили настолько медленно, что были незаметны, пока не становилось слишком поздно что-либо предпринимать. К тому времени, как огораживание земель более состоятельными или предприимчивыми крестьянами было признано вопиющей несправедливостью, это уже стало привычной практикой, которую нельзя было повернуть вспять. Общество мелких землевладельцев уступило место крупным фермерам-арендаторам и классу безземельных батраков. Таков путь любых исторических перемен. Они происходят на протяжении многих десятилетий, многих веков, пока не станут необратимыми.

В XVI веке в свет вышло множество трактатов

и памфлетов на тему пагубного влияния огораживания. «Утопия» Томаса Мора была отчасти направлена против этой практики. Огороженную землю стали использовать для разведения овец вместо выращивания сельскохозяйственных культур. Многие писали, что теперь овцы стали поедать людей, а не наоборот. Один пастух занял место множества земледельцев, что в результате привело к оттоку населения из значительной части сельских районов. Один из епископов писал Уолси: «Ваше сердце бы сжалось при виде городов, деревень, селений, дворянских поместий в упадке и запустении, вокруг ни души, лежат лишь брошенные плуги». Крестьяне, не находя себе работы, двигались дальше. Простые дома сельских арендаторов, покинутые хозяевами, разрушались от ветра и дождя; крошились стены и падали крыши, оставляя лишь земляные холмики там, где некогда стояли жилища. Деревенская церковь порой становилась кровом для скота. И все-таки определить причины этого упадка было очень сложно. Причиной бедственного положения в начале XVI века скорее могла стать череда неурожаев и неуклонный рост населения, к примеру, нежели резкое ускорение темпов огораживания земель. Население при-

мерно в три миллиона человек оставалось ниже уровня, достигнутого в начале XIV века, однако оно постоянно росло[2].

Само по себе огораживание было частью земледельческой практики еще с XIV века, когда чума, или Черная смерть, погубила огромное количество жителей. На фоне низкого спроса на зерно земельным угодьям необходимо было найти другое применение. Бесхозные поля стоили дешево, и начался процесс их устойчивой скупки, продолжавшийся еще в XVIII веке. Фермеры устраивали бартеры и обмены, в которых самые богатые или же самые изобретательные извлекали из сделок наибольшую выгоду. Многие из прежде открытых полей теперь огораживали изгородями боярышника. По подсчетам, стоимость огороженных участков в полтора раза превышала стоимость всех остальных земель. Этот процесс было невозможно остановить или предотвратить. И это, как нам предстоит убедиться, привело к кризису поколением позже.

---

[2] Примечания: 2

В середине XIV в. разразилась эпидемия чумы, или Черной смерти. В Англии население сократилось не менее чем на 25 % (порой указываются и более внушительные данные — о гибели 60 % жителей). В начале XIV в. население Англии составляло около пяти миллионов человек. Великий голод 1315–1317 гг. унес жизни более полумиллиона англичан. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

Положение королевства по-прежнему в значительной степени определялось состоянием аграрного общества. Оно состояло из фригольдеров и лизгольдеров, манориальных арендаторов и батраков; все они подчинялись своему господину[3]. Их дома стояли стеной к стене, а вокруг простирались поля. Это было общество, в огромной степени зависящее от переменчивости погоды, когда один неурожай мог обернуться катастрофой.

В мире, в котором всегда господствовали традиции и обычай, существовавшие прежде связи манориальной системы уступали место новым рыночным законам. Обычай заменялся законом и договорными отношениями. Совместная работа медленно вытеснялась конкурентной борьбой. «Мир сегодня настолько изменился для бедного

[3] Примечания: 3

Фригольдеры — «в английском феодальном праве лица, державшие землю на условиях „свободного держания“ (фригольда)» (Большая российская энциклопедия, статья «Фригольдеры»). К фригольдерам относились и крестьяне, и рыцари, державшие землю на условии несения военной службы, и духовенство, и горожане. В узком смысле фригольдеры — лично свободные крестьяне, имевшие фригольд внутри манора (имения). Они могли завещать, делить и отчуждать свои держания, пользовались судебной защитой. Лизгольдеры — дословно «арендаторы», обязанные платить за пользование землей или строением. Срок и условия аренды зависели от арендодателя, в феодальном праве — владельца земли. Манориальные арендаторы (customary tenants) — держатели земельных наделов по обычаю манора.

арендатора, — писал один из современников, — что он испытывает физический страх перед своим жадным соседом — так, что за два или три года до истечения срока аренды он должен испросить у своего господина разрешения на его продление». Крупные фермеры продавали урожай растущему населению больших и маленьких городов; мелкие фермеры были вынуждены заниматься натуральным хозяйством, обеспечивая себя тем, что удалось вырастить. Земля перестала быть общинной собственностью, управление которой подразумевало социальную ответственность. Она превратилась в капиталовложение. Так, вместо ренты по манориальному обычаю арендатор теперь выплачивал так называемую грабительскую, или рыночную, ренту. Процесс шел медленно и долго, завершившись лишь к XVIII веку. И все же традиционному общинному сельскому хозяйству, с его коллективными ритуалами и обычаями, не суждено было пережить эти преобразования. В этом отношении историческое развитие сельского хозяйства можно сравнить с развитием религии.

Между ними и в самом деле прослеживается взаимосвязь. На общинных полях, протянувшихся вдоль прибрежных долин Уэстморленда

и Нортумберленда, к примеру, сохранялась приверженность старой религии. В деревнях Восточной Англии и в восточной части Кента, где выращивали зерновые культуры для производства продовольствия, царил твердый настрой на реформу вероисповедания. Представляется вполне очевидным, что религиозный радикализм процветал в восточных графствах, в то время как на севере и западе преобладали более сдержанные настроения. Однако на фоне стольких исключений и обособленных случаев даже эти обобщения можно подвергнуть сомнению. Восточная часть Суссекса, например, приняла новую веру, тогда как на западе по-прежнему поддерживали старую. Можно лишь с определенной долей уверенности сказать, что приближалось время «новых людей».

3. Еретик!

В 1517 или 1518 году некоторые ученые Кембриджа стали встречаться в трактире «Белая лошадь», где, подобно университетским студентам всех времен, обсуждали насущные интеллектуальные темы. Все актуальные вопросы того времени, впрочем, вращались вокруг религии; она была средоточием любых дискуссий. Некоторые из этих ученых со всем свойственным юности пылом увлекались новыми и потенциально подрывными доктринами. Реформистские настроения витали в воздухе. Кто-то мечтал вернуться к простому благочестию движений, известных как бедные католики, или гумилиаты; они хотели уйти от помпезности и театральности средневековой церкви и взращивать так называемую *devotio moderna*, «современную набожность». Другие стремились вернуться к текстам Священного Писания, в особенности — к Новому Завету.

Работа, изданная Эразмом Роттердамским, уже вдохнула более строгий дух в теологические изыскания. В бытность профессором богословия

леди Маргарет в Куинз-колледже Кембриджского университета[4] он осуществил перевод Нового Завета на греческий и латинский языки, который, казалось, должен был заменить старую Вульгату, используемую более тысячи лет. Эразм, проведя историческое исследование, возродил некий дух раннего христианского Откровения.

Он считал, что ритуалы и формальная теологическая теория церкви имели меньшее значение, чем духовное восприятие посланий, содержащихся в Писании; внутренняя вера как в божественную благодать, так и в искупительную силу Сына Божьего давала много больше, чем приверженность религиозной обрядности. «Если ты благочестиво, с почтительностью, смиренно» приблизишься к Писаниям, «ты почувствуешь, как тебя вдохновляет воля Божья»[5], — писал он. Сатирически он высмеивал чрезмерное благоговение перед святыми мощами, слишком частые паломничества ради замаливания гре-

---

[4] Примечания: 4

Профессор богословия леди Маргарет — старейшая именная профессура в Кембридже, основанная в 1502 г. Маргаритой Бофорт, матерью короля Генриха VII.

[5] Примечания: 5

Цит. по: *Эразм Роттердамский*. Философские произведения / Отв. ред. В. В. Соколов. Пер. и коммент. Ю. М. Розума. М.: Наука, 1986 (Памятники философской мысли). С. 102.

хов и вырождение монашеских орденов. Он редко упоминал таинства, являвшиеся частью божественного инструментария официальной религии.

Его вероучения не переросли в еретические догматы, однако он являлся таким же искоренителем традиционной религиозности, как Лютер или Джон Уиклиф (Виклиф). Без Эразма ни Лютер, ни Тиндейл не смогли бы перевести греческий Завет. Эразм лелеял надежду на то, что Писание станет общедоступным, — стремление, которое впоследствии будет сочтено почти еретическим. Томас Билни, один из ученых — завсегдатаев встреч в трактире «Белая лошадь», заявил, что, читая Эразма, он «наконец услышал о Христе». Немного позже Билни был сожжен на костре.

Эразма традиционно характеризовали как «гуманиста», хотя само слово стало использоваться в данном значении лишь в начале XIX века. В общих чертах гуманизм, или же «новое учение» начала XVI века, подразумевал обновление системы образования и научных знаний посредством изучения вновь обретенных или заново переведенных классических образцов. Вместе с собой он принес скептическое отношение к средневековым авторитетам и схоластической

теологии, на которой они зиждились. Новое учение распахнуло окна церкви, чтобы впустить в нее свет и свежий воздух. Несколько банальный антиклерикализм лоллардов устарел в век конструктивной критики и обновления, и представлялось вероятным, что вселенская церковь способна самообновиться.

Осенью 1517 года Мартин Лютер бросил церкви более пылкий и догматичный вызов, чем общие призывы к реформе. Во многих отношениях он был схож с Эразмом, однако вскоре пошел дальше в своем утверждении о достаточности одного лишь оправдания верой. Вера даруется Богом человеку без посредничества священников и церковных обрядов. Церковь не может и не должна вставать между Христом и стремящейся к вере душой. Человек, спасенный жертвой Христа, получит вечную жизнь. Божья благодать поднимет душу верующего на небеса. Тех же, кто не обрел спасение в вере, ждет единственная участь — вечно гореть в пламени ада.

В серии памфлетов Лютер критиковал догматы и церковную иерархию общепринятой веры. Папа римский был Антихристом. Признавались только два таинства — крещение и причащение в противовес семи, предлагаемым католической

церковью. Каждый добрый христианин уже являлся священником. Благодати и веры было достаточно для спасения. Тексты Священного Писания не должны иметь себе равных[6]. «Я больше и словом не обмолвлюсь с этим животным, — писал кардинал Каэтан после разговора с Лютером в 1518 году, — ибо глаза его бездонны, а голова полна предивных вымыслов».

В Кембридже Лютера читали и обсуждали с тех самых пор, как монах вывесил свои Девяносто пять тезисов на двери замковой церкви в Виттенберге. Трактир «Белая лошадь» прозвали «Германией», поскольку в его стенах обсуждались лютеровские учения, а участников дискуссий окрестили «немцами». Они, однако, представляли собой весьма разношерстную компанию; среди них были Томас Кранмер и Уильям Тиндейл, Николас Ридли и Мэтью Паркер. Двое из них впоследствии стали архиепископами, семеро

[6] Примечания: 6

В католичестве источником Откровения служит не только Священное Писание (Ветхий и Новый Завет), но и Священное предание — совокупность религиозного опыта и воззрений, выраженных в действиях церкви, в том числе в виде решений Вселенских соборов, трудах Отцов Церкви, священнодействиях и таинствах. Священное предание необходимо для правильного понимания Священного Писания как в католичестве, так и в православии. Именно это и отрицали Лютер и его последователи. В протестантизме действует принцип *Sola Scriptura* — «Только Писание».

— епископами, а восемь приняли мученическую смерть на костре. Это было захватывающее, но вместе с тем опасное время.

Чтение трудов Лютера углубило инстинктивные представления полемистов «Белой лошади». Доктрина оправдания только верой не имела параллелей у Уиклифа, однако многие другие антиклерикальные догмы уже звучали на протяжении двух предыдущих веков. И все-таки никогда прежде они еще не были сформулированы настолько последовательно и убедительно. Кафедра маленькой кембриджской церквушки Святого Эдуарда, Короля и Мученика, стала трибуной, с которой такие проповедники, как Томас Билни, Роберт Барнс и Хью Латимер, провозглашали новые истины. Одною лишь верой, но не делами праведный жив будет. Если вы однажды уверуете, что Иисус Христос пролил свою драгоценную кровь и принял смертное распятие на кресте за ваши грехи, эта же вера приведет вас к спасению. Для этого не нужны священники, епископы и даже кардиналы.

Весной 1518 года по настоятельной инициативе короля Уолси был назначен папским легатом, став представителем Рима при дворе, где уже являлся главным министром. Он воплощал в

себе все то, что ненавидели реформаторы; он был «блудницей в алых одеждах»[7]. Всякий раз, когда ему было необходимо выступить в роли папского посла, он покидал двор, а затем вновь торжественно являлся в новом амплуа. И все же невозможно было скрыть тот факт, что церковь и Королевский совет теперь управляются одной и той же рукой. Истинное положение вещей не ускользнуло от короля, который впоследствии утвердил свое суверенное полновластие над обоими институтами. Уолси показал Генриху, что возможно руководить и осуществлять эффективный контроль над церковью без вмешательства любых внешних сил. Король, таким образом, в дальнейшем взял на себя роль кардинала и значительно расширил ее полномочия.

Статус папского легата наделял Уолси дополнительной властью для реформации англиканской церкви. Он начал с того, что весной 1519 года отправил «ревизоров» по монастырям для сбора сведений об условиях и образе жизни монахов,

---

[7] Примечания: 7

В данном случае обыгрывается, с одной стороны, образ вавилонской блудницы из 17-й главы Откровения Иоанна Богослова, где ее красные одежды (багряница и порфира) означали кровь христианских святых; а с другой — кардинальская, то есть красная, мантия Уолси. Сравнение католической церкви и папы римского с вавилонской блудницей встречается у Лютера, Савонаролы и в «Божественной комедии» Данте.

где, конечно, они столкнулись с различными злоупотреблениями и беспорядком. Аббат приводил своих гончих собак прямо в церковь; монахи находили утешение в трактирах; приора видели с женой мельника. Такова была повседневная сторона монашеской жизни, которая в значительной мере воспринималась как общепринятая данность. Однако Уолси наказал главных нарушителей и разослал строгие предписания, или уставы, для регламентации поведения монахов в будущем.

Подобный ригоризм Уолси, разумеется, не помешал ему приумножить собственное благосостояние коллекцией духовных должностей. Он последовательно занимал должности епископа Бата и Уэллса, епископа Дарема и епископа Винчестера; одновременно он являлся архиепископом Йоркским, а в 1521 году получил в свое распоряжение аббатство Сент-Олбанс — богатейшее во всем королевстве. Его столы ломились от золотой и серебряной посуды, а стены дворцов украшали самые изысканные гобелены. Уолси, несомненно, был самым состоятельным человеком в Англии — богаче самого короля, чей доход сокращался из-за широкого круга обязательств, однако кардинал всегда утверждал, что его рос-

кошь способствовала поддержанию могущества церкви.

Немного позднее Уолси закрыл двадцать девять монастырей, а изъятые доходы направил на финансирование школы в Ипсвиче и колледжа, получившего название Кардинальского, который он намеревался построить в Оксфорде. Неисповедимая религиозность нескольких монахов и монахинь не должна стоять на пути великих образовательных учреждений. Уолси интересовало как надлежащее обучение, так и надлежащее руководство; и в действительности их невозможно было четко разграничить. И вот работа церкви продолжилась, несмотря на обличительную критику и угрозы со стороны «новообращенных», называемых также «евангелистами» и «сведомыми».

В конце 1520-х годов учение Лютера признали еретическим, а его книги запретили. От них «разило сковородкой», стоявшей в раскаленных огненных печах Смитфилда и самого ада. Весной следующего года Уолси устроил торжественную церемонию сожжения текстов Лютера на церковном дворе собора Святого Павла. Впрочем, останавливать поток новых учений было уже слишком поздно. Сведомые, по словам Томаса

Мора, «активно расхаживали» по всем питейным и трактирам, проповедуя свои доктрины. Мор на тот момент уже являлся тайным советником и служителем королевского двора. Предполагаемые еретики встречались и в адвокатских палатах, где братские связи можно было превратить в связи духовные. Люди «имели обыкновение предаваться полуночным чтениям, сидя в своих покоях». Они начали собираться в долине Темзы и некоторых районах Эссекса, а также в Лондоне. В приходской церкви городка Рикмансворт, в графстве Хартфордшир, неизвестные бросили статуи и крестную перегородку в огонь, что стало предвестием иконоборчества в Англии в более поздний период.

Книги Лютера ввозили в страну контрабандой, пряча в мешках с сукном, доставляемых из портов тогдашних Нидерландов и городов Рейнской области. Однако трактаты попадали в руки не только к инакомыслящим. Они дошли и до самого короля. 21 апреля 1521 года Генрих был замечен за чтением лютеровского сочинения *De Captivitate Babylonica Ecclesiase* («О вавилонском пленении церкви»), а в следующем месяце он написал папе Льву X о своем намерении изобличить ересь, которой пестрит трактат. Уолси выразил мне-

ние, что королю не помешало бы среди других европейских государей показать себя эрудитом и правоверным христианином. И вот, при помощи семи королевских слуг, включая Мора, Генрих составил ответ Лютеру, озаглавленный *Assertio Septem Sacramentorum*, «В защиту семи таинств».

Трактат Генриха не был блестящей или увлекательной работой, однако он выполнил свое предназначение. Папа признался, что восхищен сочинением, и даровал Генриху титул *Fidei Defensor*, «Защитник веры». Титул не предполагалось передавать по наследству, однако королевская семья использует его с тех самых пор. Лютер сочинил свой ответ на ответ монарха, в котором клеймил его «королем лжи» и «окаянным и подлым червем». Вследствие этого Генрих никогда не испытывал симпатии к лютеранству и в большинстве случаев оставался правоверным католиком.

Папа скончался через два месяца после того, как пожаловал королю титул, и некоторые считали, что сам Уолси, возможно, возглавит следующий понтификат. Однако кардинальский конклав навряд ли когда-нибудь решил бы избрать англичанина, да и в любом случае Уолси и без того хватало забот с церковными делами

в Англии. Учиненная им ревизия монастырей была лишь частью его программы клерикальной реформы. Он разрабатывал новые уставы для белого или немонашествующего духовенства и вводил новый регламент в монашеских братиях бенедиктинцев и августинцев. Кардинал руководил двадцатью монашескими выборами, чтобы заполучить большинство голосов для своих кандидатов, и отстранил от дел глав четырех монастырей.

Весной 1523 года Уолси распустил созыв высшего духовенства в Кентербери и призвал их в Вестминстер, где объявил о применении новой системы налогообложения к их доходам. В будущем епископы и архиепископы обязались выплачивать ему «контрибуцию», прежде чем приступать к отправлению обязанностей в своих юрисдикциях. Он предлагал провести реформы в церковных судах и настаивал, что собственноручно должен заниматься всеми делами, касающимися завещаний и наследства. Церковь еще никогда не находилась под столь строгим контролем со времен Генриха II. А тот факт, что Уолси, преследуя свои цели, издавал санкционированные Ватиканом папские буллы, письма и хартии, еще больше настраивал английских

епископов против него.

Однако прелат находился под покровительством короля. Уолси являлся исполнителем воли Генриха, поэтому его растущее влияние фактически обеспечивало королю господствующее положение. Больше не существовало противоречий между церковью и государством, как их стали называть позже: они были едины в лице одного и того же человека. Тогда, впрочем, вопрос о доктринальной реформе не вставал, и Уолси лишь вполглаза наблюдал за распространением еретических учений в королевстве. Куда больше его заботила дисциплина и эффективность работы церкви, в особенности в том, что касалось использования нажитых ею богатств.

Роль папского легата включала в себя и иные обязанности. Как представителю папы римского, Уолси полагалось установить мирные взаимоотношения между христианскими правителями европейских стран — предварительное условие их объединенного крестового похода против турок. Изощренный в вопросах дипломатии, весь 1518 год кардинал вел переговоры с императором Священной Римской империи Максимилианом, королем Франции Франциском и королем Испании Карлом. Их делегаты прибыли в Лондон

осенью того же года и заключили соглашение о всеобщем мире, получившее название Лондонского. Кардинал устроил его к вящей своей чести. В мимоходом брошенном намеке на возможность крестового похода папа упоминался лишь как *комес,* или «соучастник» в переговорах. «Мы можем видеть, — писал один кардинал, — чего стоит ожидать Святому престолу и папе от английского канцлера».

Английский канцлер был на вершине своего влияния. За четырнадцать лет полномочий в качестве лорд-канцлера он созвал только один парламент. Во время первого пребывания в королевстве посла Венеции Уолси обычно объявлял ему, что «Его Величество изволит сделать то-то и то-то». Потом фраза изменилась на «Мы изволим сделать то-то и то-то», пока в конечном итоге не стала звучать как «Я сделаю то-то и то-то». И все же он никогда не забывал, откуда проистекает настоящая власть и влияние; он оставался у кормила правления ровно до тех пор, пока подчинялся воле короля. Достижением кардинала, наряду с Лондонским соглашением, был триумф его суверена. Честь короля всегда была самым важным аспектом во внешнеполитических расчетах Уолси. Сам Генрих, казалось, был доволен

достигнутыми успехами. «Мы хотим, чтобы все правители были довольны имеющимися у них территориями, — заявил он венецианскому послу, — а мы счастливы, имея этот остров». Для демонстрации своей удовлетворенности в тот момент он написал несколько стихотворных строк.

Стремиться к лучшему; отвергать худшее;
Мой разум будет
Пристанищем добродетели, изгонит порок,
Этому отдаю всего себя[8].

И все же он был куда менее доволен, когда в феврале 1519 года император Священной Римской империи умер и титул перешел к его внуку, королю Испании Карлу. Девятнадцатилетний Карл стал номинальным правителем Австрии, Польши, Швейцарии, Германии, Нидерландов, не считая самой Испании; таким образом, он распоряжался судьбой половины Европы.

Три юных короля теперь занимались замысловатыми церемониальными ритуалами налажи-

[8] Примечания: 8
The best ensue; the worst eschew; / My mind shall be / Virtue to use, vice refuse, / Thus shall I use me.

вания союзнических отношений, которые можно было интерпретировать и как военные игры. Летом 1520 года Генрих отплыл во Францию на «Большом Гарри» со свитой из четырех тысяч человек для переговоров с французским королем. Из-за небывалой пышности королевской делегации место встречи обрело известность как Поле золотой парчи. В долине возле городка Ардр, неподалеку от английского анклава Кале, соорудили павильоны и дворцы, башни и заставы, искусственные озера и мосты, установили статуи и фонтаны, из которых текли пиво и вино. Генрих был разодет, как свидетельствует история, «в золотые слитки чистейшей пробы», да и Франциск, в свою очередь, ослеплял великолепием. Религиозные службы шли вперемежку с рыцарскими поединками, пирами и рукопашным боем, а празднования длились целых семнадцать дней. Событие называли восьмым чудом света. Словно сцена с богато вышитой шпалеры стала явью. Значимость соглашений состояла вовсе не в их содержании, а в способе их заключения. Они являлись проявлением скорее власти, нежели дружелюбия.

И все же за шпалерными кулисами кипела тайная активность. Еще до того, как Генрих от-

правился во Францию, с визитом в Дувр прибыл король Испании Карл, приветствовать которого вышел сам Генрих. С торжественной процессией Карла препроводили в Кентербери, где он впервые встретился со своей теткой, Екатериной Арагонской. Трое суток балов и пиршеств включали также многочасовые переговоры. После встречи с французским королем на Поле золотой парчи Генрих отправился в Кале, где вновь вступил в сговор с Карлом. Все их планы были направлены против Франции. Сам Генрих желал еще раз заявить о своих притязаниях на французскую корону как часть неотъемлемого права, принадлежавшего ему по рождению.

Теми же летними ночами, пока монархи почивали в своих золотых шатрах, лондонский ночной дозор выискивал «подозрительных лиц». Докладывали, что портной и двое слуг картежничали и играли в кости до четырех утра, когда игру принудительно остановили, а игроков сдали констеблю. В Саутуарке и Степни в ходе поисков «бродяг и правонарушителей» дозор обнаружил множество «бесхозяйных лиц», живущих в обветшалых домах. Десять немцев были задержаны в Саутуарке. «Старая блудница и молодая девица» были обнаружены лежащими на грязной

простыне в подвале; а на верхнем этаже Хью Льюис и Элис Болл были «задержаны вместе в одной постели, не будучи при этом супругами». Анну Саутвик допрашивали в трактире «Роза» в Вестминстере по подозрению в распутстве. Извозчиков обнаружили спящими у стен трактира. Жнецы и косари, плиточники и каменщики, по донесениям, мирно обитали в пригородных гостиницах. Мужчины и женщины занимались своими повседневными делами, законными или не очень. Так прошло лето.

4. Супружеские невзгоды

Слухи о неверности короля всегда витали в воздухе. За связью с Анной Стаффорд последовали другие, и осенью 1514 года Генрих завел пятилетний роман с Элизабет, или Бэсси, Блаунт. Местом их романтических свиданий был дом в Эссексе под названием Иерихон. Его придворным строго-настрого приказывалось хранить молчание об этих визитах, а слуги королевских покоев были обязаны «не обращать внимания и не осведомляться, где сейчас находится король или куда направляется»; им запрещалось обсуждать «времяпрепровождение короля» или «его ранний или поздний отход ко сну». Плод этого союза появился на свет в 1519 году и был назван Генри Фицрой, что значило «Генри, сын короля»; впоследствии он стал герцогом Ричмондом. Элизабет Блаунт получила должное вознаграждение в виде выгодного замужества и навсегда сохранила расположение Генриха.

Несомненно, для услаждения короля в Иерихоне имелись и другие молодые женщины, однако следующей, чье имя сохранилось в исто-

рии, стала Мария Болейн. Она состояла в браке с вельможей из числа приближенных его величества, что было очень кстати, и под прикрытием королевского двора в 1520 году стала любовницей короля. Сегодня она в основном известна как сестра другой леди Болейн, но их роман с Генрихом длился на протяжении примерно пяти лет. В 1523 году король назвал один из новых королевских кораблей «Мария Болейн», а двумя годами позже пожаловал ее отцу пэрство, наделив титулом виконта Рочфорда.

К этому времени, впрочем, король воспылал чувствами к младшей сестре Марии. Дата его первой встречи с Анной Болейн доподлинно не известна, однако к 1523 году на нее уже обратил внимание Томас Уолси. Ее привязанность к Генри Перси, наследнику владений графа Нортумберленда, сочли недозволительной; Перси отправился обратно на север, а Анну удалили от двора. По словам церемониймейстера Уолси Джорджа Кавендиша, она была настолько зла, что «вся дымилась», багровея от ярости. Только после этих событий ее, вероятно, заприметил король.

Вскоре он был совершенно пленен ею. Она была, как полагали, «довольно смугла», но имела великолепные блестящие волосы и яркие

глаза; ее узкое овальное лицо, высокие скулы и небольшую грудь впоследствии унаследует ее знаменитая дочь. На ранних портретах она изображена цветущей и жизнерадостной, однако более поздние выдают напряженность и подозрительность. О ее характере существует такое множество разрозненных сведений, что истинное представление сформировать попросту невозможно. Однако нет никаких сомнений в ее находчивости и остроумии — иначе бы она не смогла удержаться при дворе. Анна любила музыку и прекрасно танцевала. Часто высказывается мнение, что благодаря своему обаянию и дару убеждения ей удавалось избегать интимной связи с королем до тех пор, пока она не обрела уверенность в том, что станет его женой, но столь же вероятно и то, что сам Генрих желал заключить официальный союз, дабы обеспечить законность рожденным в нем детям.

Екатерина Арагонская знала или, по крайней мере, подозревала об этой связи и попросила Эразма написать трактат *De Servando Conjugio* — «О сохранении брака». Она знала также о существовании Генри Фицроя и была глубоко уязвлена, когда того представили двору ровно в тот момент, когда стало понятно, что ей больше

не суждено иметь детей. Так или иначе, Генрих отвернулся от нее. Екатерина приближалась к сорока годам; все изящество ее юности погасло, и молодой король Франции называл ее «безобразной и бесформенной». Возможно, поэтому Генрих больше не навещал брачное ложе. Однако самое главное, она не выполнила своей прямой обязанности — родить королю сына и наследника.

В сознание Генриха уже закрались кое-какие сомнения. В Книге Левит он прочел, что мужчине запрещено жениться на вдове умершего брата. В ней говорилось: «…наготы жены брата твоего не открывай; это нагота брата твоего», ибо наказание за этот грех — бездетность. Он цитировал Левит в своем трактате против Лютера, в тексте которого ссылался на «твердую и непреклонную справедливость Божью». Что, если его брак попрал божественное предопределение? В самой Книге Левит Бог говорит: «…то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно…» (Лев. 26:16). Возможно, Бог отказал Генриху в наследнике, наказав за грех.

В вопросах престолонаследия Генрих мог быть беспощаден. Он уже дал всем понять, что гнев

короля означает смерть. В случае смерти самого монарха самым вероятным претендентом на трон считался Эдуард Стаффорд, третий герцог Бекингем; он был потомком Томаса Вудстока, одного из сыновей Эдуарда III, а потому стал подозреваемым. Весной 1521 года король лично устроил допрос среди прислуги герцога, чтобы найти доказательства измены. Главным выдвинутым обвинением было то, что герцог якобы обращался к монаху-колдуну, который сказал ему, что у Генриха не будет сыновей и что «ему должно достаться все». Бекингем накупил неподобающее количество золотой и серебряной парчи. Один из слуг даже заявил, что его хозяин замышлял «тайно проникнуть к королю с ножом». Разумеется, Эдуард был признан виновным по вердиктам семнадцати пэров и казнен в Тауэр-Хилл. В то время многие считали, что Уолси — известный среди жителей Лондона как «мясник» — стоял за трагической кончиной Бекингема, однако первопричиной на самом деле являлось непреодолимое стремление Генриха сохранить династию.

Возможно, в тот момент все его надежды возлагались на сына-бастарда Генри, однако не существовало прецедента, согласно которому

незаконнорожденный ребенок мог наследовать престол, за исключением уже давно покрытого пылью истории Гарольда I в 1037 году. Оставалась еще принцесса Мария, имевшая на тот момент собственный двор[9], однако история Англии знала всего лишь одну царствующую королеву; и Матильду, по правде говоря, называли «владычицей Англии»[10]. Необходимо было, таким образом, найти наследника мужского пола. На тот момент Генрих уже задумывался о возможности нового брака.

Мария же в то время могла послужить осуществлению других целей. В возрасте двух лет она уже была обещана сыну Франциска I, однако четыре года спустя ее официально обручили с Карлом V. Что могло быть более подходящим, чем замужество с императором Священной Римской империи и сувереном Испании? Тем не менее то были не обручальные обряды, но игры войны.

Летом 1521 года Генрих заключил с Карлом соглашение против Франциска I и пообещал

[9] Примечания: 9

Дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, королева Англии в 1553–1558 гг. Родилась в 1516 г. За гонения на англиканскую церковь вошла в историю под именем Марии Кровавой.

[10] Примечания: 10

Матильда (1102–1167), дочь короля Генриха I и внучка Вильгельма Завоевателя, была королевой Англии в 1141 г.

отправить огромную армию из 30 тысяч пеших и 10 тысяч конных солдат во французские владения. Впрочем, склонность к военным авантюрам разжигает страсть к деньгам. И вскоре Уолси снова стал требовать и собирать доходы церкви. В марте 1522 года он начал масштабную государственную кампанию по оценке богатства каждого отдельного подданного и боевого потенциала каждого мужчины; это было весьма характерно для его прямолинейного и всеохватного стиля правления. Взимаемые налоги наименовались «займами», но в действительности так никогда и не были возмещены. Двумя месяцами позже граф Суррей вторгся в Северную Францию с большим войском, но так и не добился никаких результатов. Карл отплыл в Англию и был официально обручен с принцессой Марией. Во время путешествия вверх по Темзе от Грейвсенда до Гринвича императорские ладьи были украшены благоухающими «ароматическими травами», чтобы заглушить дурные запахи, доносившиеся с реки.

Весной следующего года был созван парламент, чтобы обсудить, по словам Уолси, вопрос «великого вторжения во Францию» или скорее спонсирования этой военной кампании. «Еще никогда ни в одном парламенте, — писал один

из современников, — я не был свидетелем столь напряженных трений и канители из-за уплаты двух шиллингов с фунта, какие устроила палата общин. Вопрос обсуждали вдоль и поперек пятнадцать или шестнадцать дней подряд…» Введение налога на земельную собственность стало «неслыханным доселе» прецедентом. Спикер палаты Томас Мор силой своего невозмутимого убеждения добился принятия законопроекта.

Именно на этом собрании парламента внимание присутствующих впервые привлек к себе Томас Кромвель. На тот момент он уже был торговцем и клерком, красильщиком тканей и ростовщиком — разносторонняя деятельность, свидетельствовавшая о его сноровке и мастерстве на всех жизненных поприщах. Вскоре он также поступил на службу адвокатом в Грейс-Инн. В речи, обращенной к коллегам, Кромвель изъявил желание «выразить свое скромное мнение». Он убеждал короля остаться в Англии и не рисковать своей жизнью ради французских кампаний; он призывал к осторожности и бдительности в поддержании линий снабжения «продовольствием». В заключение он высказал мысль, что Шотландия должна быть основной целью королевской армии, сославшись на старую максиму «тот, кто

вознамерился завоевать Францию, пусть начнет с Шотландии».

Парламентские дебаты не воодушевили Кромвеля. В письме одному из друзей он сетовал, что «целых шестнадцать недель мы обсуждали войну, мир, борьбу, разногласия, полемику, ропот, затаенные обиды, богатство, бедность, нужду, правду, обман, правосудие, справедливость, обман, притеснения, великодушие, действия, силу… со всем нашим энтузиазмом, но вернулись туда, с чего начали». Впрочем, он признал, что палата общин выделила королю «весьма крупную субсидию, подобных которой еще никогда не предоставляли в нашем королевстве».

И вот летом 1523 года великая кампания началась. Десять тысяч человек отплыли в Кале под командованием Суффолка, партнера Генриха по рыцарским турнирам. В своем великолепии, равно как и в размере талии, Суффолк был под стать монарху. Он намеревался взять в осаду Булонь и таким образом заполучить еще один порт для Англии. Однако король и кардинал убеждали его идти на Париж и с помощью Карла V и других союзников разрушить сердце Франции. Однако война капризна и переменчива. Союзники попали в плен, или были окружены, или бежали

с поля боя. Дождь, слякоть и болезни сократили численность английских сил за пределами Парижа, и в конце концов они были вынуждены отступить.

В водовороте этой войны неизбежным было возникновение необъяснимых промашек и коллизий. Итальянские города-государства эпохи Возрождения, истинная причина конфронтации межу Франциском и Карлом, стояли перед лицом серьезной угрозы. Шотландия угрожала вторжением в тандеме с войсками Франции, ее давней союзницы, а пока европейские монархи воевали друг с другом, турки вплотную приблизились к своей цели — завоеванию восточных территорий Европы. Никто не мог разглядеть путь в этих потемках, потому что, по правде говоря, никакого пути и не было. Это была изнурительная череда битв и осад, вторжений и отступлений, после которой соотношение сил между участниками практически не изменилось.

Тем не менее история запомнила еще один всполох боевого пыла. В начале 1525 года испанская императорская армия одержала сокрушительную победу в битве при Павии, взяв в плен короля Франции и наголову разбив большую часть его знати. Воодушевленный Генрих

строил планы очередной большой коалиции с Испанией с целью, как он выразился, «получить полную сатисфакцию от Франции». Карл V не был расположен делиться выигрышем. Став властителем всей Европы, он куда менее нуждался в поддержке Генриха. Однако английский король продолжал мечтать и плести интриги.

Вместе с Уолси Генрих намеревался изыскать средства на новую кампанию путем принудительного займа, названного «добровольным пожертвованием». Ничего добровольного, впрочем, в нем не было. На основании королевской прерогативы с мирян взималась одна шестая часть их состояния, а с духовенства — одна четвертая. Однако английский народ устал от войны, которая велась лишь в угоду стремлению Генриха к чести и славе. Война ставила под угрозу торговые отношения между европейскими странами и, искусственно повышая цены на основные товары вроде мяса и напитков, разрушала национальную торговлю и промышленность. Поскольку солдат в Англии набирали в основном из числа земледельцев, их призыв самым отрицательным образом сказался на развитии сельского хозяйства. Возможно, война и отвечала интересам короля, однако явно не велась во благо страны.

Да и какой прок был от вторжения и завоевания Франции? Один из сочинителей баллад посвятил Уолси несколько хулительных строк:

> *Твоею виной многие сводят концы с концами,*
>
> *И торговле все пути ты перекрыл,*
>
> *Оттого народ наш горюет и рыдает*[11].

Из-за войны страдала коммерция. Большая часть внешней торговли осуществлялась через Антверпен, где основным английским экспортом была суконная ткань мануфактур. Жители Фландрии говорили, что «если бы отцов англичан вздернули на городских воротах Антверпена, их дети проползли бы у них под ногами, чтобы попасть в город». Объем торговли сукном вырос вдвое за время правления Генриха, что способствовало росту авторитета и влияния гильдии экспортеров сукон, известной как «Купцы-авантюристы». Начиная с этого периода, таким образом, мы можем говорить о возвышении английского купца. Все, что угрожало или

[11] Примечания: 11

By thee out of service many are constrained / And course of merchandise thou hast restrained / Wherefor men sigh and sob.

препятствовало торговле, считалось предосудительным.

Как следствие, население королевства оказывало открытое, а порой и насильственное сопротивление новым налогам: в Суффолке четыре тысячи человек взялись за оружие, а в Кенте избили сборщиков податей. Жители Лондона отказывались платить, считая поборы незаконными. В Кембридже и Линкольншире недовольные искали «повода учинить протест». Когда герцог Норфолк потребовал привести к нему вожака бунтовщиков в своем графстве, ему ответили, что «имя ему — Бедность, ибо именно она и ее сестра Нужда сподвигли нас на эти деяния».

Угроза еще одного масштабного бунта, вроде восстания Уота Тайлера в 1381 году, была слишком велика. Подобное восстание вот-вот должно было начаться в Германии, погрязшей в пучине насилия и хаоса; триста тысяч мятежников ополчились против власти, и в борьбе погибли сто тысяч крестьян[12]. И король решил пойти на попятную. Генрих обнародовал прокламацию, где отрицал любую причастность к налоговым сбо-

[12] Примечания: 12

Речь идет о Крестьянской войне в Германии 1524–1525 гг., ставшей одним из следствий и этапов Реформации.

рам; затем он благосклонно освободил народ от уплаты податей и даровал помилование мятежникам. Он извлек урок из своего опыта, осознав ограниченность королевской власти. И тем не менее основную вину за случившееся возлагали на кардинала. По словам одного летописца, «конца-краю было не видать той затаенной злобе и ненависти, которую народ питал к прелату». Генрих прекрасно понимал, что Уолси не оправдал ожиданий. Это уже была не та спокойная и беззаботная страна, которую он унаследовал при восхождении на престол. А кардинал… что ж, он был всего лишь одним из многих.

Фальшивая громогласность военной политики обнаружилась еще сильнее, когда в 1525 году кардинал начал изучать возможности коалиции с Францией против давнего союзника — Испании. Карл сосредоточил в своих руках достаточную власть, чтобы теперь представлять собой угрозу. Соглашение «о вечном мире» было заключено с Францией тем же летом, всего лишь через полгода после того, как кардинал предложил начать против нее великую войну. Карл V потребовал аннулирования своей помолвки с юной принцессой Марией. Все сошло на нет. Все нужно было начинать заново.

Помимо военных дел Генрих предавался делам сердечным. Он был, по его словам, «поражен стрелой амура». В 1526 году на воду спустили новый корабль, названный «Анна Болейн». Весной того же года королевские ювелиры изготовили для него четыре броши для подарка некой леди. Одна из них представляла собой богиню Венеру, а другая изображала девушку и сердце; на третьей мужчина преклонял голову на колени женщины, а на четвертой красовалась та же женщина с короной на голове. Окружающие отмечали, что в тот период монарх был более темпераментным и энергичным, чем обычно. Новообретенная дружба с Францией стала предлогом к бесчисленному количеству пиршеств, званых обедов, рыцарских турниров и зрелищ. Летом 1526 года Генрих со всей страстью и неистовством предавался охоте. Он жаждал выигрыша.

Он начал писать Анне Болейн письма на французском — языке куртуазных ухаживаний. Один из историков, живших в XVIII веке, так отозвался об этих письмах: «Весьма дурно написаны, почерк едва разберешь, а французский кажется безграмотным». Тем не менее они выполнили свою задачу. Первое было вручено вместе с оленем, подстреленным королем накануне, а немного

спустя последовало и второе, где он благодарил возлюбленную: «...сердечно за то, что изволишь изредка вспоминать обо мне». Это послание не назовешь традиционным письмом короля своей даме сердца.

В следующем письме Генрих признался, что сбит с толку ее чувствами: «Умоляю тебя всем сердцем, поведай мне, не тая, все свои сокровенные мысли о любви нашей». Затем он обещал, что она будет «единственной возлюбленной моею, и я вычеркну из мыслей и сердца всех других, кроме тебя, чтобы лишь тебе одной служить». Однако Анна Болейн уже уехала в родовое поместье Хивер в графстве Кент и отказывалась возвращаться ко двору. «Мне ничего не остается, как сетовать на свою горестную судьбу, — писал он ей, — усмиряя мало-помалу мое неистовое безрассудство». Несомненно, Генрих испытывал к ней всепоглощающую страсть, а она, в свою очередь, делала все возможное, чтобы удержать его привязанность, не охлаждая чувств. Задача эта давалась непросто и, должно быть, чуть не довела ее до нервного истощения.

В другом письме Генрих убеждал возлюбленную, что «ничего на свете так не желает, как встречи с тобой; ведь нет в мире радости боль-

шей, чем быть рядом с той, кого горячо любишь». Как же мягко отказать великому и могущественному королю? Анна отправила ему бриллиант, украшенный изображением леди на своем корабле. Девушку бросало из стороны в сторону на бурных волнах, однако бриллиант символизировал непоколебимое и твердое сердце.

Екатерина оказалась отодвинута на задний план. После соглашения с Францией отпала необходимость снискивать расположение ее племянника Карла V. Когда трое из ее испанских фрейлин пожаловались на то, что Генри Фицрою, незаконнорожденному сыну Генриха, был дарован титул герцога, их удалили от двора. Уолси вскрывал и прочитывал письма Екатерины. Кардинал или сам король тайком приставили к ее свите шпионов. Уолси настоял, что его присутствие необходимо при любой аудиенции между королевой и делегатами Карла. Неудовольствие Генриха, впрочем, не распространялось на дочь, которой, возможно, еще предстояло стать королевой Англии. У Марии был теперь свой двор с более чем тремястами слугами; за обедом она могла выбирать из тридцати пяти разных блюд. Она занималась охотой, в том числе соколиной, играла в карты и кости.

Конечно, всегда существовала возможность родить сына. Справедливо предполагать, что поначалу Генрих намеревался сделать Анну своей любовницей, однако после первых порывов безрассудной страсти решил, что она должна стать его женой. Анна Болейн в качестве невесты могла обеспечить будущее королевской династии. Без сына же, как Генрих утверждал чуть позже, королевство бы объяли «смута и злосчастья». Его сомнения по поводу союза с Екатериной Арагонской были, безусловно, истинными. Им не руководила одна лишь слепая страсть к Анне Болейн. Если он женился на Екатерине вопреки запрету вступать в связь с вдовой брата своего, как гласит Книга Левит, то, возможно, он действительно накликал на себя проклятие. Теперь его долгом было добиться признания первоначального разрешения на брак недействительным, чтобы он мог впервые заключить брак по всем правилам. Папа римский не мог да и не должен был пренебрегать богоданным законом, установленным в самой Библии. Совесть короля была серьезным вопросом; Генрих использует это слово во многих из своих писем как способ самооправдания перед Богом. Однажды он заявил, что совесть есть «высший и наиглавнейший суд,

мерило воздаяния и справедливости». Он знал, что был прав.

Таким образом, весной 1527 года Генрих предпринял первую попытку убедить папу Климента VII аннулировать брак с Екатериной. Жене он сообщил, что лишь изучает вопросы, поднятые некоторыми адвокатами и богословами. В этот момент она расплакалась и поклялась, что ее брачный союз с принцем Артуром никогда не был официально узаконен. Она прекрасно понимала, к чему все идет. В мае 1527 года Уолси призвал короля предстать перед ним и архиепископом Кентерберийским, чтобы обсудить статус его брака. Это был постановочный маневр, поскольку король уже распорядился, чтобы кардинал объявил союз с Екатериной недействительным. Однако, будучи папским легатом, Уолси не мог принять такое решение, не представив вопрос папе. Он прервал рассмотрение дела и объявил, что ему необходимо навести больше справок. Этим ознаменовалось начало всех тех бед, которые в конечном итоге привели к разрыву с Римом.

Уолси не был до конца уверен в том, кто является невестой короля. Он полагал, что это будет дипломатический брак — возможно, с кем-то из французского королевского дома. Анна Болейн

казалась ему всего лишь очередным увлечением короля. И вот в этот раз Генрих скрыл свои истинные намерения от Уолси; воспользовавшись отсутствием кардинала, отбывшего с дипломатической миссией во Францию, король отправил одного из своих секретарей в Рим с проектом папской буллы, разрешающей королю брак с другой, неназванной женщиной, с благословения и санкции церкви. Секретарю король сообщил, что все должно оставаться в тайне, «дабы избежать козней со стороны кардинала или кого бы то ни было». Это многозначительное упоминание главного королевского министра подразумевало, что их первоначальным близким отношениям пришел конец. Генрих начал привлекать ученых и богословов для исследования всех прецедентов и печатать трактаты, отстаивавшие его позицию. В определенный момент в 1527 году началась работа над сбором и обобщением аргументов в пользу развода; Генрих назвал эту серию доводов *Liber noster,* или «Наша книга».

За этим последовал процесс бесконечных фальстартов, тщетных надежд, запутываний вопроса и проволочек, сбивших короля с толку и лишивших его присутствия духа. Екатерине Арагонской удалось поставить в известность своего

племянника Карла V об опасностях сложившейся ситуации. В мае войска Карла подвергли Рим варварскому разграблению, а папа фактически стал узником замка Святого Ангела. Если сам понтифик находился во власти Карла, то каковы были шансы успешно уладить вопрос с браком тетки императора? Бракоразводный процесс теперь стал частью более масштабных действий.

В мае 1527 года юная принцесса Мария танцевала перед отцом на торжественном ужине. Движения церемониальных танцев всеми воспринимались как своего рода аллегория, а финальный реверанс был жестом «благоговейного страха, любви и почтения». В следующем месяце король официально отрекся от супружеского ложа; испанский посол, несомненно проинформированный самой Екатериной, признался, что король «заявил ей, что они жили в смертном грехе все эти годы, проведенные вместе». Она разрыдалась, а Генри пытался успокоить ее, говоря, что все в конечном итоге обернется к лучшему. Он умолял ее сохранить все в тайне, но было уже слишком поздно. Слухи о расторжении брака скоро разлетелись по всему королевству. По словам посла, королевский развод «приобрел такую же огласку, как если бы о нем объявил городской

глашатай». Народ, разумеется, встал на сторону королевы, с которой обошлись несправедливо, и отказывался верить, что король способен упорствовать в столь «нечестивых» деяниях. Королева тем временем сохраняла свой статус при дворе и сидела подле мужа во время торжеств и церемоний, улыбаясь и излучая, как казалось, жизнерадостность. «Прекрасно видеть ее храбрость, — говорил герцог Норфолк, — кажется, ничто не может ее устрашить».

Вопрос королевского брака без конца обсуждался в Риме. Папа Климент сослался на незнание канонического права одному из послов Уолси, на что тот ответил, что весь свод канонических законов заперт в душе его святейшества. «Возможно, это так, — сказал папа, — но, увы, Господь забыл дать мне ключ от этого хранилища». Тем не менее к концу 1527 года, после долгих промедлений, он наконец дал согласие на то, чтобы кардиналы Уолси и Кампеджио изучили все факты и вынесли вердикт без возможности обжалования. Кампеджио был выбран потому, что являлся вторым и младшим папским легатом по делам Англии. Уолси безотлагательно написал ему и попросил поспешить с приездом из Рима. «Надеюсь, — говорил Уолси, — все будет исполнено согласно воле

Божьей, желанию короля, спокойствию королевства и нашей чести, с чистой совестью». Затем он зачеркнул последние три слова. У кардиналов церкви совесть всегда была чиста. Папа, по-прежнему находясь в плену у Карла, дал Кампеджио указание как можно дольше затягивать дело, чтобы вердикт по королевскому браку никогда не был вынесен. Кардинал согласился и стал не спеша строить планы поездки в Англию.

В начале 1528 года Анна Болейн отправила Уолси письмо, где благодарила его за «труды и хлопоты, которыми вы утруждали себя денно и нощно ради моего блага». Во втором письме она утверждала, что «из всех живущих ныне я как никто обязана, после его милости короля, любить и служить вашей милости». Очевидно, что в их общих планах с Генрихом было сделать ее королевой. Однако в реальности не все оказывалось тем, чем представлялось. Через три месяца после своего прибытия в Англию Кампеджио доложил в Рим, что кардинал «в действительности не благоволит этому союзу»; он «не осмеливается открыто это признать и не может никак помешать делу; напротив, ему приходится скрывать свои чувства и притворяться, что охотно исполняет желания короля».

В личных беседах с Кампеджио Уолси просто пожимал плечами. «Мне приходится угождать королю, — сказал он ему, — какими бы ни были последствия. Со временем найдется решение». Возможно, Генрих начал подозревать Уолси. В тот период он стал показывать письма своего главного министра другим членам Королевского совета, среди которых был и отец Анны Болейн. Уолси все глубже затягивало в ловушку, из которой он никогда не сможет выкарабкаться. Как-то раз, в 1528 году, окружающие стали свидетелями, как король разговаривал с кардиналом, «бранясь и ругаясь», оставив его в расстроенных чувствах и смятении. Когда Уолси назначил новую настоятельницу одного из монастырей в обход протестам короля по поводу выбора кандидатуры, Генрих написал кардиналу гневное письмо в ответ на его извинения. «Ваше преосвященство, плохо обойтись с человеком, да и еще и покривить душой при этом — двойное оскорбление… а потому, ваше преосвященство, впредь не допускайте подобного по отношению ко мне, ибо пуще всех живущих я этого не терплю». Эти слова в общем смысле можно было трактовать как предупреждение.

Весной 1528 года королевская семья вместе

какое-то время гостила в родовом поместье Уолси Титтенхенгер, возле Сент-Олбанса. Принцесса Мария вспоминала, что это были счастливые дни. Тем не менее в том же году сообщили, что брак между Генрихом и Анной Болейн был «доподлинно определен» и уже шли приготовления к свадьбе. Уолси тогда писал, что, если папа не подчинится желаниям и планам короля, «я предвижу погибель, бесчестие и крах всего величия и авторитета Святого престола». В этом, по крайней мере, он оказался прав.

5. В суд

Угроза папскому правлению проистекала и из других источников. За трактатами Лютера, контрабандой провозимыми в Англию после того, как его заклеймили еретиком, последовал перевод Нового Завета Уильямом Тиндейлом. Тиндейл был молодым клириком, разочаровавшимся в напускном великолепии и мощи церкви; аскет и ученый от природы, он инстинктивно тяготел к более чистой вере, ассоциированной с лоллардами и «новообращенными», которые уже тогда провозглашали новое учение Лютера на тайных молельных собраниях.

Он не смог найти работу в Лондоне после переезда туда из Кембриджа и отправился в Германию в поисках более терпимой атмосферы. Именно там он перевел Священное Писание с оригинальных текстов, написанных на греческом и иврите. Рассказывали, что содействие с переездом ему оказывали немецкие купцы, проникшиеся учением Лютера.

Приехав в Виттенберг, он принялся за перевод греческого на простой и достойный английский

— язык, который был бы одинаково понятен и сельскому жителю, и ученому. Более ортодоксальные клирики считали, что Писание является слишком священным текстом, чтобы отдавать его в руки мирянам, и что любая его интерпретация должна осуществляться под строгим надзором духовенства. Они также считали, что греческие слова являются сами по себе священными и перевод их только осквернит.

Именно в этом — в изменении значения некоторых важных понятий — заключалось самое серьезное прегрешение Тиндейла. Вместо «церкви» употреблялось слово «конгрегация», вместо «священника» — «старший священнослужитель»; «епитимья», «милосердие», «благодать» и «исповедь» были опущены. Позже Тиндейл отмечал: «Я никогда сознательно не исправлял ни единого слога в Слове Божьем», однако представителям церкви было вполне очевидно, что на его сознание сильно повлияли труды Мартина Лютера. В действительности Тиндейл отвергал роль церкви в решении духовных вопросов и верил в невидимый сонм верующих, известных одному Богу. Он также включил перевод лютеровского «Предисловия к Посланию св. Павла к римлянам», и один молодой человек,

Роберт Пламптон, писал своей матери: «Если вам будет угодно прочесть это предисловие, вы увидите, какие удивительные откровения в нем скрыты». Английская Библия стала сенсацией и откровением; ее перевод явился достижением, намного превосходящим все труды «новой» теологии и памфлеты с антиклерикальными изысканиями. Она попала точно в цель, словно как если бы Божественная истина была наконец раскрыта. Библия перестала быть тайным и мистическим текстом, короткие выдержки из которого невнятно бормотали священники; теперь она в буквальном смысле слова стала открытой книгой.

Книгу напечатали в вольном городе Вормсе, на реке Рейн, и вскоре она оказалась в Англии, где стала тайно распространяться среди жителей. Копии продавались за 3 шиллинга 2 пенса[13]. По словам епископа Лондона, книга представляла собой «тлетворную и губительную отраву», и зимой 1526 года ее торжественно сожгли на церковном дворе собора Святого Павла. Впервые в истории Лондона Священное Писание было пре-

[13] Примечания: 13

В тогдашнем шиллинге было 12 пенсов. Один фунт стерлингов состоял из 20 шиллингов, или 240 пенсов. Таким образом, книга стоила 38 пенсов, или чуть меньше $\frac{1}{6}$ фунта ($\frac{38}{240} = \frac{19}{120}$).

дано огню. Прелаты сожгли бы и Тиндейла тоже, если бы смогли отыскать его. Епископ Лондона выкупил и сжег весь тираж книги, имевшийся в Антверпене — главном поставщике, слишком поздно осознав, что вложил деньги в карманы типографщиков, тем самым предоставив им прекрасную возможность отпечатать новый тираж.

Небольшие группы жителей с лондонских улиц Коулман-стрит, Хозиер-Лейн и Хани-Лейн с энтузиазмом восприняли новый перевод, а некоторые из них были храбры настолько, чтобы провозглашать собственные убеждения. Реформаторы, которых иногда называли «евангелистами», воспользовались преимуществами печатного станка и стали выпускать тексты, памфлеты и трактаты на тему религиозной реформы. В качестве королевского советника Томас Мор возглавил облаву на ганзейских купцов, проживавших в здании, известном как Стил-Ярд. «Нет никаких оснований волноваться из-за нашего прихода, — сказал он торговцам, когда те усаживались за обеденный стол. — Мы получили достоверные сведения, что у многих из вас есть книги Мартина Лютера». Он даже обвинил некоторых в провозе этих книг в страну. Трех купцов немедленно арестовали, а восемь других предстали перед Уолси.

В начале 1526 года Роберта Барнса обвинили в проповедовании ереси после того, как он во всеуслышание подверг обличительной критике роскошь и богатство духовенства с кафедры церкви Святого Эдуарда в Кембридже. Его заставили предстать перед кардиналом.

Уолси. Неужто было бы лучше мне, в моем почтенном и благородном положении, продать свои жезлы и секиры и раздать деньги пяти или шести нищим, чем радеть во имя всеобщего блага королевства, как это делаю я? Не считаешь ли ты, что благо народа важнее, чем судьба пяти или шести нищих?

Барнс. Продажа этих вещей может стать спасением души вашей милости, а что до народа — то, как вашей милости прекрасно известно, народ существовал и до вашей милости и будет существовать после того, как вашей милости не станет. В своей проповеди я лишь бесчестил непомерную роскошь и чопорность всего внешнего убранства.

Уолси. Что же, слова твои очень красноречивы.

Когда кардиналу сказали, что Барнса «можно вернуть на путь истинный», тот пообещал «про-

явить к нему доброту». В последовавшем письме королю Барнс охарактеризовал себя как «бедного ничтожного человека, который и кошку не тронет». Однако он заявил, что «некоторые люди сродни собакам; если какой-нибудь человек, который им не земляк, которого они не любят или не знают, скажет вопреки что-нибудь, то тотчас же они закричат „Еретик, еретик, в огонь, в огонь!“. Это и есть собаки, которые страшатся истинных проповедников». Барнс не отправился в огонь. Его привели в собор Святого Павла 11 февраля и заставили встать на колени в проходе. На возвышении, на золотом троне перед ним восседал кардинал в окружении восемнадцати епископов и восемнадцати аббатов и священнослужителей. К спине у него были привязаны охапки хвороста: дерево символизировало языки пламени, пылающего вокруг столба. Осенью того же года все более широкое распространение тиндейловского Нового Завета побудило епископа Лондона опубликовать очередное официальное предупреждение о чтении еретических книг.

Допрос Роберта Барнса имел весьма любопытное продолжение. Он находился под своеобразным «домашним арестом» в монастыре городка Нортгемптон, где один из его друзей разработал

план побега. Барнс написал кардиналу письмо, в котором заявил, что крайнее отчаяние вынуждает его утопиться и покончить с жизнью; он обозначил место, а затем сложил кипу одежды на берегу реки. Он также оставил другое письмо для мэра Нортгемптона с просьбой обыскать реку; он упомянул, что написал кардиналу личное письмо, которое сургучом привязано к его шее. Реку должным образом исследовали, и, несмотря на отсутствие тела, за границей опубликовали долгожданные известия о том, что еретик утопил себя от отчаяния. А Барнс тем временем тайком прибыл в Лондон в обличье «бедняка» и оттуда на корабле отправился в Нидерланды, где сочинил два трактата под именем Антониуса Англуса.

Сведомые становились все более серьезной угрозой для тех, кто был убежден в опасности их учений, например для Томаса Мора. Осенью 1527 года один кембриджский ученый, Томас Билни, в своих проповедях критиковал религиозные обряды, связанные с некоторыми образами Девы Марии и святых; они представляли собой не что иное, как неодушевленные истуканы. Разъяренная толпа прихожан дважды прогоняла его с кафедры. И все же он продолжал упорно атаковать то, что называл идолопоклонством и

«показным богослужением». «Святым на небесах не нужен свет, — говорил он, — а у изваяний нет глаз, чтобы видеть». Его заставили предстать перед епископом Лондона и публично отречься от своей веры. Однако на этом дело не закончилось. Он вернулся к своим прежним неортодоксальным убеждениям и в конечном итоге был сожжен в «Лоллардской яме» недалеко от Нориджа. «Маленький Билни», как его называли, стал одним из первых протестантских мучеников.

Другой предполагаемый еретик из Кембриджа, Джордж Джой, был вызван к Уолси. Его попросили прибыть в «присутственную комнату» для допроса, однако он никогда прежде не слышал этого названия. «Мне было немного неловко спрашивать, и я зашел слева, пошел по длинному коридору и наконец наткнулся на дверь, постучался и открыл ее; заглянув вовнутрь, я обнаружил, что это кухня. Затем я вернулся в прихожую и осведомился о присутственной комнате — кто-то жестом указал мне на лестницу». Возможно, этот факт и малозначителен, однако он дает представление о том страхе и трепете, которые охватывали человека, не привыкшего к допросам или судам.

Через три месяца после свершения правосудия

над Билни церковь принялась за целенаправленную работу по поиску и задержанию еретиков. В домах подозреваемых торговцев проводили обыски. Тщательные проверки устраивали среди кожевников и портных, сапожников и печатников. Оксфордского ученого Томаса Гарретта задержало для допроса руководство университета. Своему другу он поведал, что «дни его сочтены». Его главный дознаватель, доктор Лондон, по описаниям очевидцев, «горячился, рявкал и шумно пыхтел, словно хищный лев, выискивающий добычу». Гарретту удалось совершить побег, никто не знал куда. Доктор Лондон обратился к астрологу, который сообщил ему, что подозреваемый «скрылся в юго-восточном направлении, облачившись в пальто бурого цвета». В действительности Гарретта поймали в Бедминстере, на южном берегу реки Эйвон, а надет на нем был «костюм придворного и шапка с пуговицами».

В результате показаний Гарретта был проведен обыск в комнатах других ученых, обнаруживший более ста запрещенных книг. Шесть оксфордцев провели несколько месяцев в заточении в рыбном погребе Кардинальского колледжа, собственного создания Уолси, и, по сообщениям,

трое из них умерли. Немаловажен тот факт, что все члены этой «новоявленной братии», как Мор называл их, принадлежали университетскому сообществу; они формировали небольшое студенческое братство, однако власти боялись, что их вопросы и мнения могут просочиться в более широкие слои населения. Они тем не менее составляли меньшинство, и их убеждения, вероятно, не распространялись далеко за пределы университетских стен. Понадобился стимул, «веская причина», коей явился королевский развод, чтобы ускорить религиозную реформу.

Кардинал Кампеджио, назначенный папой для рассмотрения дела, отправился в утомительное и тягостное путешествие в Англию летом 1528 года; он страдал от подагры и делал множество остановок по пути. Его ждали с нетерпением, и, как только он разместился в Бат-Хаус по приезде в Лондон, Уолси тотчас же нагрянул к нему с визитом. «Они не потерпят промедления, — сообщал Кампеджио в Рим, — ссылаясь на то, что дела в королевстве зашли в тупик и что если вопрос не получит развязки, то это чревато неизбежными и бесчисленными опасностями». К сожалению, ему было поручено затянуть решение проблемы всеми возможными способами.

Вскоре ему устроили аудиенцию у короля в Блэкфрайерс, где кардинал посоветовал «воздержаться от попыток исполнить поручение»; если на то будет необходимость, папа дарует Генриху новое разрешение связать себя узами брака с Екатериной. Король терпеливо слушал, после чего произнес в ответ «заранее отрепетированную», как сказал Кампеджио, речь об абсолютной недействительности брака. Было очевидно, что король не собирается уступать. Кампеджио затем высказал предположение о возможности отослать Екатерину в монастырь; если бы она стала невестой Бога, Генрих был бы волен жениться вновь.

С этими намерениями Кампеджио и Уолси нанесли визит королеве, которая после долгих раздумий отказалась от их предложения. «Я намереваюсь, — заявила она, — жить и умереть в брачном союзе, к которому призвал меня Господь. Я всегда останусь при этом мнении и никогда не изменю его». Перед лицом столь немыслимого давления ее достоинство и самообладание были поистине удивительны. На фоне сложившегося положения дел Рим вновь повторил, что никакие заявления или действия невозможны «без нового четкого поручения с его стороны».

Угроза Екатерине приняла более четкие очертания. На Королевском совете сослались на якобы раскрытый заговор, целью которого было отравить короля и кардинала; в связи с этим королева получила письмо с предупреждением, что «если она приложила к этому руку, то пощады может не ждать». Это была довольно неуклюжая и провальная попытка подчинить ее. Совет пожаловался, что «она слишком проявляла себя в заграничных визитах, любезничала, благосклонно кивала, чего раньше за ней не замечалось, и изучала нравы людей». Однако жители Лондона уже были на ее стороне. Уолси приказал провести обыски среди населения на предмет аркебуз и арбалетов — атрибутов восстания. Ситуация достигла критической точки, что еще больше усугубилось неожиданным обнаружением так называемого испанского бреве — очередного папского разрешения на брак Екатерины и Генриха.

Одна за другой тянулись осенние и зимние недели, не принося никакого результата; Анну Болейн и Генриха все больше одолевало раздражение и нетерпение. Король был одурманен ею; он гостил в ее дворце в Гринвиче и осыпал украшениями и другими подарками. «Король ослеп от любви, — писал Кампеджио в Рим, — он

ни о чем думать не может, кроме Анны». В досаде и волнениях они обратили свой гнев против кардинала. Уолси, в свою очередь, упрекал Кампеджио и грозился, что, если не предпринять никаких действий, разразится такая буря, что «смерть покажется раем». Один из королевских послов, Стефан Гардинер, встал на колени перед папой. «Ты, кто должен быть столь же прост, как голуби, — заявил он ему с неслыханной бесцеремонностью, — полон обмана, коварства и лицемерия». Папа сообщил Генриху, что не может ничего решать, не выслушав сначала аргументы обеих сторон, а весной 1529 года сэр Фрэнсис Брайан, двоюродный брат Анны Болейн, написал из Рима, что «тот, кто заставил Вашу милость поверить, якобы он позаботится об этом вопросе, оказал Вашей милости дурную услугу». Он со всей очевидностью намекал на кардинала. Сам Уолси говорил своим личным слугам, что намерен, насколько будет в его силах, разобраться с ситуацией, а затем добровольно удалиться на покой и посвятить себя духовным делам. Так или иначе, он прекрасно осознавал, что его конец, возможно, уже близок.

В последний день мая 1529 года в парламентском зале Блэкфрайерс был созван легатский суд

под руководством Уолси и Кампеджио; король и королева остановились неподалеку во дворце Брайдуэлл и перешли по деревянному мосту через реку Флит, чтобы присутствовать на судебном процессе. Они оба получили требование явиться в суд в пятницу 18 июня, но за два дня до этого Екатерина попросила аудиенции с архиепископом Кентерберийским и восемью епископами; она опротестовала саму идею судебного разбирательства и заявила собравшимся, что хочет передать дело в Рим. Это бы гарантировало нескончаемую вереницу прений и допросов. Она также выразила официальный протест двум кардиналам в Блэкфрайерс, обвинив их в некомпетентном исполнении своих судейских обязанностей.

В назначенный день король и королева явились в легатский суд, где Генрих занял свое место под балдахином. Затем Кампеджио произнес речь на тему «неприемлемости прелюбодеяния, или, вернее, инцеста», по которой им сейчас нужно вынести решение.

— Генрих, король Англии, предстань перед судом!

— Присутствует, — ответил он.

— Екатерина, королева Англии, предстань перед судом!

Она молча встала и подошла к королю, оставив позади небольшой круг советников и адвокатов; она встала перед ним на колени и заговорила так, чтобы все собравшиеся могли расслышать. «Я бедная женщина, чужая в ваших владениях, — я не могу рассчитывать ни на хорошего адвоката, ни на беспристрастных судей. Все эти годы я была вам верной женой и желаю знать, чем я могла вас обидеть». Затем она заявила о своей невинности до союза с королем и о том, что родила ему нескольких детей (лишь один из которых, как уже известно, выжил). «Если я в чем-либо перед вами провинилась, то приму свое позорное изгнание». Она добавила, что ни один адвокат в Англии не захотел бы — или не смог — открыто заступиться за нее. «С вашего позволения я удаляюсь до тех пор, пока не получу новостей из Испании». С этими словами она встала, сделала низкий реверанс королю и покинула зал суда. Кардиналы кричали ей вслед, но она не ответила на оклики.

Затем король обратился к собравшимся и заявил, что Екатерина всегда была ему верной и послушной женой. Уолси встал и опроверг сообщения о том, что он был инициатором бракоразводного процесса. Король поддержал его

слова и признался, что за этим шагом стоят его собственные угрызения совести. Если бы этот союз признали законным, он с радостью продолжил бы жить в браке с королевой. Мало кто из присутствующих в суде поверил ему.

В последующие дни заслушивались показания нескольких свидетелей, главный из которых клятвенно утверждал, что Екатерина и принц Артур консумировали свой брак после венчания. Придворные слышали, как, покидая покои жены на следующее утро, Артур сказал: «Всю ночь напролет я словно был в Испании». Один из сторонников Екатерины, Джон Фишер, епископ Рочестера, возмутился такими «скабрезностями, звучащими в зале суда». Уолси резко осадил его, после чего последовала разгоряченная полемика.

Карл V отправил посла в Рим с сообщением, гласившим, что вынесение вердикта против его тетки станет великим позором для семьи. Он настаивал, чтобы вопрос был «делегирован» или возвращен в Рим для более беспристрастного разбирательства; он обязался утвердить ближайших членов семьи папы в качестве правителей Флоренции. Посредник Уолси, доктор Беннет, припал к ногам папы и в слезах заявил, что «ко-

роля и всю Англию ждет неминуемый конец». И представить было нельзя, чтобы его господин явился в римский суд в качестве просителя. Папа Климент стенал и умолял о смерти. 9 июля он собрал английских послов и объявил, что слушание переносится в Рим. «Я оказался между молотом и наковальней, — сказал он. — Я не могу отказаться выполнить требования императора, чьи войска вплотную окружили меня».

Тем временем Кампеджио затягивал процесс вынесения решения целым рядом отсрочек и процессуальных вопросов. К пятнице 23 июля казалось, развязка близка, однако в тот день Кампеджио отложил заседание суда до октября под предлогом необходимости соответствия римской системе правосудия. Он надеялся, что к тому моменту, возможно, суд вынесет положительное решение. Герцог Суффолк был в числе тех, кто открыто выражал недовольство. «Но клянусь мессой, — сказал он, — теперь я вижу, что правду говорила людская молва, ничего хорошего доселе не видела Англия от этого кардинала!» Несколько дней спустя король получил письмо от папы, где сообщалось, что дело было передано в Рим. Неспособность легатского суда вынести положительное для Генриха решение стало поворотным

моментом в карьере Уолси. Вполне очевидно, что он более не управлял делами государства; свое последнее распоряжение о получении королевского жалованья он подписал 18 июля, а 27 июля отправил последнее письмо английскому послу.

Уолси еще не отстранили от дел, однако на его плечи уже спустилась тень. Анна Болейн написала ему гневное письмо, в котором обвиняла его в тайной поддержке Екатерины; теперь она могла полагаться лишь на небеса и на короля, «дабы вновь навести порядок во всех тех замыслах, что вы успели разрушить и испортить». Один из приглашенных на королевский званый ужин услышал разговор между Анной и королем и доложил его впоследствии церемониймейстеру кардинала: «Найдись в королевстве хоть один вельможа и сделай он хоть половину того, что учинил кардинал, то не сносить ему головы».

Королевским советом было подготовлено досье, перечислявшее все провалы кардинальского служения; этот отчет о гордыне, расточительстве и безрассудстве подписали тридцать четыре члена совета. Французский посол не сомневался в их истинных намерениях. «Эти господа, — писал он, — хотят уничтожить Уолси или же отправить его на плаху, обвинить церковь в преступлениях

и забрать себе все ее имущество».

После провальной попытки добиться положительного судебного вердикта Генрих не знал, что делать дальше; он решил собрать вместе ученых и клириков для решения своей «важной проблемы». Среди собравшихся был Томас Кранмер. Молодой преподаватель богословия из Кембриджа высказал предположение, что король может избежать затяжных и бесплодных переговоров с Римом, обратившись напрямую к ученым из европейских университетов; если они решат в его пользу, то папа будет вынужден действовать. Как только Генриху сообщили о плане Кранмера, король заявил, что клирик «как будто в воду смотрел». Впоследствии Кранмеру суждено было стать идейным вдохновителем английской Реформации.

Королевские послы отправились с визитами в университеты Европы, чтобы узнать мнение выдающихся знатоков канонического права о запрете на брак с вдовой брата, о котором говорится в Книге Левит. Некоторых удалось убедить дать ответ в пользу короля благодаря щедрым взяткам, однако другие оказались менее сговорчивыми. Затея не обернулась полным успехом. Париж и Болонья вместе с еще шестью университетами

поддержали королевскую позицию. Тем не менее богословы Падуи, Феррары и Венеции выступали против. Пуатье и Саламанка также приняли сторону Екатерины. Когда поползли слухи, что даже доктора теологии и прокторы из Оксфорда критикуют позицию короля, в ответ на это он написал им из Виндзора негодующее письмо, заканчивавшееся словами *Non eset bonum irritare crabrones* («Не стоит ворошить осиное гнездо»). Король позаботился о том, чтобы отправить понтифику сочувственное письмо, подписанное всеми пэрами и прелатами Англии. Он решил пока не бросать открытый вызов папе и по-прежнему надеялся убедить его.

К началу осени 1529 года стало очевидно, что время Уолси подошло к концу. Он более не являлся одним из доверенных советников короля, и Генриху сообщили о существовании тайной переписки между Уолси и папой. Церемониймейстер Уолси докладывал, что в один из последних случаев присутствия прелата в суде кое-кто увидел, как король достает письмо и спрашивает: «Да как это возможно: разве оно написано не твоей рукой?» Предназначение письма неизвестно, однако, по всей видимости, там было нечто, что ставило кардинала в весьма невыгодное

положение.

9 октября против Уолси выдвинули первые официальные обвинения. Его изобличали в *praemunire*, или же в том, что он ставил интересы папы превыше интересов короля. С тех пор как он стал папским легатом по настоятельной инициативе Генриха, это не было главной проблемой. Король критиковал притязания папы, равно как и предполагаемые злоупотребления кардинала. Когда суд издал постановление против Уолси, было отдано распоряжение конфисковать все его земли и имущество в пользу короны. Его дни славы близились к закату. Кардинал написал Генриху прошение, умоляя о «милосердии, сострадании, прощении и отпущении грехов». Навещавший Уолси французский посол застал его в состоянии обреченного безмолвия. Его лицо «поникло, словно лишившись полжизни».

Через две недели после отстранения Уолси король с радостью предложил Томасу Мору стать его новым канцлером. Тот факт, что Мор был известен своей жгучей нетерпимостью к еретикам, служил доказательством нежелания Генриха отмежевываться от ортодоксальной церкви. В действительности через месяц после вступления в новую должность Мор принялся за преследо-

вания неверных; он арестовал жителя Лондона Томаса Филипса по подозрению в ереси. Даже после неоднократных допросов Томас отказался признать какую-либо вину; тогда Мор отправил его в тюрьму, где он провел три года. Этим ознаменовалось начало кампании нового канцлера против сведомых.

Впрочем, самого короля одолевали весьма противоречивые настроения. Даже стремясь получить согласие папы на развод с Екатериной, он размышлял над вариантами. В одной из словесных перепалок с королевой Генрих заявил, что, если папа не признает их брак недействительным, он «объявит его еретиком и женится на ком заблагорассудится». Императорскому послу король заявил, что поддерживает критику Лютера, направленную против помпезности и излишеств церкви. Однако он не имел четкого представления о дальнейшем пути и не вынашивал масштабных замыслов религиозной Реформации. Так или иначе, неопределенность развязки судебного процесса привела Генриха в состояние замешательства и тревоги. Говорили, что король страдает от бессонницы и лежит больной в кровати «из-за гнева и горести, которые давеча его настигли». Он провел четыре часа за

закрытой беседой с французским послом, обсуждая стоящие перед ним опасности и возможные пути решения.

Несмотря на это, Генрих решил взять в свои руки заведование государственными делами. Никогда более не позволял он никакому министру определять политику королевства, как это делал Уолси. Через одиннадцать дней после отстранения кардинала король собственноручно поставил Большую печать, знак и символ королевской власти, на некоторых документах в одном из внутренних покоев Виндзорского дворца; это торжественное событие было должным образом упомянуто в летописях. Король сформировал вокруг себя узкий круг приближенных, куда входили герцог Норфолк и герцог Суффолк. Даже сам лорд-канцлер был светским лицом, что шло вразрез с многовековой традицией.

Руководящий аппарат королевства включал в себя еще одного члена. Томас Кромвель ранее находился в подчинении у Уолси, занимаясь, в частности, работой по роспуску небольших мужских и женских монастырей. После низвержения прелата Кромвеля видели с молитвенником в руках, стенающего по печальной доле своего господина; однако ему удалось снискать распо-

ложение короля, который назначил ему место в парламенте. Вскоре его талант и самоуверенность помогли ему выслужиться и сделать карьеру, подобно великому визирю в одной из восточных деспотий, и он последовательно занимал должности королевского советника, хранителя королевских драгоценностей, канцлера казначейства (пожизненно), начальника судебных архивов и государственного секретаря. Впрочем, он никогда не отрекался от своего предыдущего покровителя и, будучи пожалованным собственным гербом, взял эмблему Уолси с изображением корнуоллской клушицы.

Кардиналу доверительно сообщили, что ему следует удалиться в маленький епископский дворец в Эшере, и во время своего путешествия туда верхом на муле Уолси повстречал посланника от короля, который передал ему кольцо и письмо. В нем Генрих сообщал Уолси, что не стоит отчаиваться и что в любое время он может подняться еще выше к вершинам власти. Кардинал спешился и встал на колени, чтобы помолиться. Мотивы короля не были очевидны с первого взгляда. Говорили, что все происходящее в королевской семье — тайна за семью печатями и никому не стоит пытаться в нее проникнуть. Однако может быть,

что Генрих хотел проверить успешность своего нового совета, прежде чем нанести кардиналу последний, сокрушительный удар.

В начале ноября был созван парламент, чтобы изъявить жителям королевства волю короля. Члены палаты общин, в большинстве своем адвокаты и землевладельцы, воспринимали королевскую прерогативу довольно спокойно; их роль заключалась в том, чтобы регистрировать указы короля и защищать его от обвинений в непопулярных мерах. Когда Томаса Кромвеля впервые назначили членом парламента, ему велели просить совета у герцога Норфолка, «как следует вести себя в парламенте по благоусмотрению короля». Спикером выступал один из королевских подданных, чье жалованье выплачивал сам Генрих, и, как писал Эдвард Холл в «Хронике», «большинство членов палаты представляли собой королевских слуг».

Парламент 1529 года не отличался от всех предшествующих. Король восседал на своем троне, а стоявший по правую руку лорд-канцлер Томас Мор произносил речь о причинах созыва. Он отозвался об Уолси как о «большом валухе [кастрированном баране], наконец-то низложенном». Члены палаты общин вскоре

продемонстрировали свою лояльность, приняв закон, «освобождавший короля от обязанности выплачивать взятые им займы». Когда один из несогласных опротестовал подобную меру, король поинтересовался, «на его ли он стороне». Парламент утвердил законопроекты о выращивании телят и цене на ввозимые шерстяные шапки, однако его внимание было в основном сосредоточено на денежных поборах церкви. Это происходило на фоне резкого обострения антиклерикальных настроений, последовавшего за низложением Уолси. Была составлена всеобщая петиция, где пороки и злоупотребления священнослужителей подверглись обличительной критике как плоды семи смертных грехов; «приходской клир», или белое духовенство, погрязло в пороке, алчности, праздности и жестокости.

Недовольство вылилось в форму официальных законопроектов против поборов, требуемых клириками за утверждение завещаний и поминальные службы; духовенству запрещалось владеть землей на праве аренды и заниматься торговлей. Вполне очевидно, что вдохновителем этих жалоб, если не непосредственным инициатором, был Королевский совет. Это был еще один выпад в сторону папы, служивший напоминани-

ем о том, что парламент всегда будет исполнять волю короля. Характерно, что на своих ранних этапах религиозная реформа в Англии в основном строилась вокруг практических и финансовых вопросов. Инстинктивно английский народ всегда тяготел больше к практике, нежели к теории.

Когда законопроекты были переданы в верхнюю палату, Джон Фишер, епископ Рочестерский, пожаловался, что палата общин пытается уничтожить церковь и действует так в силу своего «маловерия»; когда же члены палаты общин, в свою очередь, пожаловались королю, Фишеру пришлось отказаться от своих комментариев. Впрочем, по широко распространенному мнению, английские епископы уж слишком ревностно оспаривали обвинения в финансовых злоупотреблениях. Услышав заявления, что их практика основана на предписаниях и обычаях, один из адвокатов Грейс-Инн заметил: «Что ж, обыкновением воров стало грабить на Шутерс-Хилл — следовательно, это законно?» Охота началась.

Осенью того же года Анна Болейн дала своему царственному повелителю экземпляр недавно выпущенного памфлета. Некоторые утверждали, что во всем, кроме имени, Анна являла собой

приверженку лютеранской веры, однако возможно, что ею просто двигало желание дать Генриху совет, как расширить свои властные полномочия, равно как и запасы казны. «Мольба о нищих» Саймона Фиша была антиклерикальным манифестом, где автор открыто обращался к королю, сетуя на возмутительное поведение священнослужителей — «ненасытных волков», опустошающих его королевство. От епископа до дьячка этот «праздный алчный народец… прибрал к своим рукам более трети твоего государства». Он также развратил сто тысяч женщин. Какое против этого может быть лекарство? Принять против священнослужителей законы. Фиш добавил, что «эти поросшие коростой догматики не хотят, чтобы Новый Завет распространялся за пределами страны на Вашем родном языке». Сообщается, что Генрих «держал книгу у себя за пазухой три или четыре дня» и, вероятнее всего, был со многим в ней согласен. Епископ Нориджа в смятении писал архиепископу Кентерберийскому, что «куда ни отправься, повсюду говорят, якобы король желает, чтобы Новый Завет на английском печатался и распространялся и чтобы народ имел и читал его». Разве у Анны Болейн не было французского перевода Нового Завета?

Всю осень и зиму 1529 года группа ученых по распоряжению короля изучала бесчисленные архивы давно забытой истории, чтобы найти прецеденты для развода Генриха с Екатериной. Однако в ходе своей работы Кранмер и его коллеги обнаружили или были ознакомлены с материалами, которые могли целиком изменить традиционно существовавшие отношения короля и папы. В старой книге под заглавием *Leges Anglorum* они нашли сведения, что в 187 году от Р. Х. некий Луций I стал первым христианским королем Англии; Луций попросил папу вверить ему римское право, на что тот ответил, что королю не нужно никакое вмешательство Рима, ибо «ты есть наместник Божий в своем государстве». В напряженной обстановке того времени это, конечно, имело большое значение. Сославшись на древний прецедент, Генрих мог бы претендовать как на господство над церковью, так и на верховенство светской власти. Ученые скрупулезно изучили канонические уставы церковных советов, чтобы найти суждения о том, что никакой епископ не имеет права называться «вселенским епископом» и что ни одна епархия не обязана зависеть от авторитета римского престола. Материалы впоследствии объединили под названием

Collectanea satis copiosa, или «Довольно внушительная коллекция».

Генрих получил этот документ летом 1530 года и тщательно его изучил; он сделал пометки относительно сорока восьми отдельных выдержек. В разговоре с послом французского короля он заявил, что папа — невежественный человек, неспособный выступать в роли духовного пастыря. Генрих прекрасно знал об антиклерикальных трактатах, печатавшихся в Антверпене и Гамбурге. Прочитав «Послушание христианина» Уильяма Тиндейла, где высказывалось суждение о том, что полномочия короля должны распространяться и на дела духовные, Генрих, по сообщениям, заявил: «Эта книга обязательна к прочтению как для меня, так и для всех королей».

Тем же летом королевские послы в Риме объявили папе, что ни один подданный Англии не может быть привлечен к ответственности иностранным судом. Отец Анны Болейн, граф Уилтшир, прибыв к понтифику в качестве посланника, отказался поцеловать ступню папы, благосклонно ему протянутую. Чуть позже сам Генрих написал папе письмо, сетуя на невежественных советников: «Это воистину большая

провинность, непростительное прегрешение, заслуживающее отторжения и презрения к наместнику Христову, ибо Вы допускали подобное непостоянство и прибегали к обману». Затем он заявил, что «ни с одним королем так не обращался папа, как ваше святейшество обошлись с нами». Вопрос в английском суде теперь касался наилучшего пути, по которому следует пойти.

Последние дни Уолси близились к завершению. Он отправился на север, в свою архиепископскую епархию в Йорке. Герцог Норфолк посоветовал Томасу Кромвелю «передать ему, если он сию же минуту не уедет и будет медлить, я разорву его на части зубами». Получив известия о том, что планировавшийся им проект школы в Ипсвиче отложили в долгий ящик, а строящийся Кардинальский колледж в Оксфорде приспособили под нужды короля, кардинал сообщил Кромвелю, что «от огорчений и печали у меня больше нет сил писать». Однако он по-прежнему продолжал отстаивать собственную власть. Он назначил дату своей интронизации в качестве архиепископа Йоркского и написал королю с просьбой предоставить ему его митру и омофор. Генрих во всеуслышание назвал слова кардинала «оскорбительной дерзостью». «Неужто в этой падшей,

растленной душе осталась еще самонадеянность?» — спросил король. 4 ноября, за три дня до планируемой интронизации, Уолси арестовали. Сообщалось, что он якобы вел тайную переписку с папой римским и правителями Франции и Испании. Возможно, в этом была доля правды, поскольку в своем отчаянном положении он искал помощи повсюду, где только мог, однако крайне маловероятно, что он совершил измену. Не исключено также, что он пытался помочь Екатерине и тем самым сорвать планы женщины, которую называл «ночной кукушкой».

После ареста Уолси медленно повезли на юг, останавливаясь в аббатствах и монастырях по пути. Некогда крепкое здоровье прелата сейчас было губительным образом расшатано, и во время путешествия его одолел острый приступ дизентерии. Говорили, будто бы кардинал якобы переел груш из садов Уордена, однако были и другие причины его хвори. Тюремный надзиратель Тауэра, сэр Уильям Кингстон, получил приказ встретить Уолси в Шеффилде; пункт назначения был уже близок. Услышав о приезде Кингстона, Уолси ударил ладонью по бедру и тяжело вздохнул. Его церемониймейстер пытался сгладить тяжелое предчувствие, сказав, что Кингстону по-

ручено отвезти кардинала к королю. Уолси этому не поверил. «Я чувствую, — сказал он, — больше, чем ты знаешь или можешь себе представить. Этому научил меня жизненный опыт».

Кингстон, представленный прелату, склонил перед ним колени. «Прошу вас, встаньте, — сказал Уолси, — не преклоняйте колени перед жалким, несчастным человеком, недостойным уважения, грешником, всеми отторгнутым». Кингстон также попытался обнадежить его, но кардинал остался неутешен. «Я знаю, — ответил он, — что уготовила мне судьба». Он понимал, что его ждет смерть предателя и что в лучшем случае его возведут на эшафот. Приступы дизентерии обострялись, и к тому времени, как Уолси привезли в Лестерское аббатство, все его силы иссякли. «Отец Эббот, — сказал он по прибытии, — я приехал упокоить здесь свое бренное тело». Уолси положили в кровать, где он и остался ожидать своего часа. Кардинал вспоминал короля: «Он преисполнен великой отваги, и у него благородное сердце, как и подобает королю; и он не раздумывая рискнет потерять половину королевства, чтобы удовлетворить свои амбиции». Вечером, ровно в ту минуту, когда часы пробили восемь, Уолси потерял сознание и умер.

Он до сих пор лежит похороненным где-то меж руин Лестерского аббатства, а на предполагаемом месте его могилы возвышается памятник. Однако смерть Уолси значила нечто большее, чем просто уход одного человека. Закат его могущества был неразрывно связан с упадком церкви.

6. Правдивые истории прошлого

Генрих решил действовать от имени «всего английского народа», по его словам, а не «английского папского наместничества». Ранней осенью 1530 года он обвинил четырнадцать членов высшего духовенства, в том числе восемь епископов и трех аббатов, в совершении *praemunire*; их изобличали в сговоре с Уолси в его бытность папским легатом. Всего лишь через несколько дней после кончины кардинала те же самые «сведения» были выдвинуты против всего английского священства. Им предъявили обвинения в связи с отправлением ими правосудия согласно нормам канонического или римского права в церковных судах — «преступление», которое они, как известно, совершали на протяжении вот уже многих веков. Испанский посол докладывал, что епископы и аббаты «объяты ужасом». Никто не понимал, как работает этот новообретенный принцип, а его толкования, согласно распространенному мнению, нигде, кроме как в голове самого короля, было не сыскать. Парламент был созван во внеочередном порядке в начале 1531 го-

да, и в то же самое время конвокации (собрания) духовенства перенесли из собора Святого Павла в Вестминстер. Оба органа власти отныне были всецело в руках короля.

На фоне этой атмосферы страха и угроз стало известно, что король благосклонно примет крупную сумму денег, дабы нивелировать провинности духовенства. В действительности священнослужители были вынуждены заплатить субсидию. Провинция Кентербери надлежащим образом ассигновала дотацию в сумме ста тысяч фунтов стерлингов, но сопроводила ее рядом условий. Епископы и аббаты попросили у короля четкого определения *praemunire* на случай разногласий в будущем и потребовали вернуть церкви все принадлежавшие ей исторически привилегии, предусмотренные Великой хартией вольностей. Эти предложения, по всей видимости, привели в негодование короля, не желавшего торговаться со своими подчиненными. Апелляция к Великой хартии вольностей создавала угрозу для любых односторонних действий, которые он потенциально мог применить для решения религиозных вопросов.

И Генрих перешел в наступление. В феврале 1531 года он отправил пять статей в качестве до-

бавления к предложению о церковной субсидии. В первой из них он обращался к собору духовенства с требованием признать его «единственным защитником и верховным главой английской церкви и всего священства». Это был результат изучения им древних источников — идеи, подсказанной Кранмером и другими, где господство над церковью Англии было впервые возложено на короля Луция. Во второй статье король выдвинул теорию, согласно которой именно он обладает способностью *cura animarum*, или «исцеления душ» своих подчиненных. Ни один король до этого не притязал на столь широкие полномочия; ни один король не имел столько честолюбия.

Среди высокопоставленных членов духовенства поселился страх. У них не было возможности прочесть *Leges Anglorum*, равно как и другие доступные королю источники, поэтому присвоение Генрихом власти над церковью представлялось из ряда вон выходящим и немыслимым новшеством. Он хотел избавиться от папского наместничества, которое правило церковью более тысячи лет. И что он имел в виду под «исцелением» или «заботой» о душах? Это было компетенцией рукоположенного священнослужителя.

Священнослужители понимали, что у всего этого должна быть какая-то тесная связь с желанием короля расторгнуть свой брак с Екатериной. Однако и об этом, разумеется, ничего конкретного они не знали. Они лишь могли с тревогой наблюдать. В стране и ее столице наметился глубокий раскол в этом «важном вопросе». Когда служитель церкви Остин-Фрайерс в Лондоне попросил прочитать молитву от имени Анны Болейн, «королевы», большинство прихожан встали со своих мест и покинули богослужение. Говорили, что женщины в стране встали на сторону королевы — все, за исключением, конечно, самой Анны Болейн. Испанский посол писал, что «леди Анна храбрее льва… Она сказала одной из фрейлин королевы, что хотела бы, чтоб все испанцы потонули в море. Фрейлина ответила, что подобные слова — оскорбление для ее госпожи. Она сказала, что ей нет никакого дела до королевы и что она скорее отправит ее на виселицу, чем признает своей госпожой».

Члены конвокации, разрывавшиеся между необходимостью выполнять обязанности перед папой и верностью королю, были вовлечены в разгоряченные дебаты. Они понимали, что навлечь гнев суверена — значит поставить себя под

угрозу, возможно даже смертельную. И все же под номинальным руководством Джона Фишера, епископа Рочестерского, который уже высказывался от имени королевы, они пытались противостоять давлению короля. В этот период Фишер подвергался угрозам со стороны неизвестного человека или группы лиц. По его епископскому дворцу на берегу Темзы выстрелили пушкой, и залп, как представлялось, был сделан из дома графа Уилтшира на противоположной стороне реки; граф Уилтшир был отцом Анны Болейн. Один из первых биографов Фишера писал, что при первой же возможности епископ решил вернуться в Рочестер.

Другое странное событие еще больше усилило его беспокойство. Для семейства епископа была приготовлена каша, которую отведали несколько домашних слуг. Сам Фишер не был голоден и поэтому не стал ее есть. Умер один слуга и еще одна бедная женщина, которую накормили из милости; многие другие заболели. Каша была отравлена поваром, который сознался, что добавил в пищу яд; однако он настаивал, что сделал это шутки или забавы ради, закончившейся неудачей. Король был вне себя от ярости. Он постановил, что парламент должен принять закон,

согласно которому отравление приравнивается к государственной измене, наказание для которой — сварение в кипятке. Повара отправили в кипящий котел в Смитфилде. Некоторые в суде шептались, что Анна Болейн или один из ее сторонников подговорили его на это преступление. Неожиданный акт жестокости Генриха был, возможно, продиктован желанием усыпить любые подобные подозрения.

Даже личные советники короля пребывали в неопределенности относительно последствий его требований к конвокации, разделившись на радикальную и консервативную фракции. Семейство Болейн стремилось форсировать решение вопроса. Если бы король стал главой церкви, то мнение папы по данному делу не имело бы никакого значения и можно было бы совершить обряд бракосочетания с Анной. Другие боялись, что папский интердикт, или отлучение королевства от церкви, может привести к войне с Испанией и повсеместному разрыву торговых отношений со странами Европы. Сам король не был до конца уверен в своей будущей стратегии; он двигался осторожно, зондируя почву с каждым шагом.

Поэтому он пришел к соглашению с духовенством, которое, казалось, избавляло его от

ощущения покорного подчинения. После долгих обсуждений и согласований между архиепископом Кентерберийским и королем было решено, что Генрих станет главой английской церкви *quantum per Christi legem licet* — «в той мере, в какой позволит закон Христа». Некоторые источники трактуют его как *Dei legem*, «Закон Божий», но суть остается та же. Когда это предложение было озвучено конвокации, последовало всеобщее молчание. «Тот, кто молчит, — обратился к собранию архиепископ, — по всей видимости, согласен». Тогда раздался один из голосов: «В таком случае мы все храним молчание». И предложение приняли. Это был один из определяющих моментов Реформации, который положил начало расколу, существующему и по сей день. Он также поставил под сомнение саму концепцию единого христианского мира[14]. Туркам, на тот момент подступавшим к восточным границам Европы, подобное развитие событий, вероятно, пришлось по душе.

В то же время фразу с упоминанием закона Христа можно было толковать по-разному, а в

[14] Примечания: 14

Единый христианский мир распался не позднее 1054 года, когда католическая и византийская православная церкви предали друг друга анафеме. До этого момента христианская церковь считалась единой.

своей крайней форме ее интерпретация отрицала любой духовный суверенитет, на который претендовал король. Оставалось неясным, вознамерился ли Генрих окончательно вытеснить папскую власть из королевства; как бы то ни было, он сделал Риму предупреждение. При любом возможном столкновении интересов в будущем английское духовенство будет обязано подчиниться его воле. Все прекрасно осознавали, что никто не посмеет бросить его единовластию открытый вызов. Впрочем, получив деньги от священнослужителей, он, казалось, не имел желания форсировать этот вопрос — по крайней мере, до поры до времени.

Генрих все чаще стал закрываться от посторонних глаз в своих личных дворцовых комнатах, известных как «королевские покои» или «тайные покои», в резиденциях Уайтхолл и Хэмптон-Корт. Он все больше отдалялся от Екатерины. В письме своему племяннику она писала, что ее жизнь «разбита вдребезги несчастиями, и ни один христианин никогда не испытывал подобной мучительной агонии». Ее страдания сказались и на дочери, принцессе Марии, которая весной 1531 года на три недели занедужила каким-то желудочным расстройством; врачи распознали

болезнь как «истерию», указывавшую, по их мнению, на порок матки. Когда Екатерина спросила дозволения посетить дочь, король в ответ предложил ей пребывать близ нее неотлучно. В конце мая к ней была отправлена делегация от тайного совета с мольбой «благоразумно» отнестись к бракоразводному процессу. Она же обрушилась на них со всей яростью несправедливо оклеветанной женщины. «Я его законная жена, — ответила она им. — Отправляйтесь в Рим и вразумляйте других, вместо того чтобы спорить с одинокой женщиной!»

Через два месяца король официально отрекся от жены. В середине лета она сопровождала Генриха в Виндзор, однако затем без всякого предупреждения он уехал в Вудсток, приказав ей оставаться там, где была. Получив от Екатерины гневное письмо, он послал ей ответ в довольно оскорбительных выражениях. Она подвергла его унижению, потребовав явиться в качестве ответчика в Рим. Она пренебрегла наставлениями своих советников. Он не желал видеть больше никаких писем. Ее заставили переселиться в Мор, большой дом в графстве Хартфордшир, принадлежавший ранее кардиналу; затем отправили в Эмптхилл-Касл в Бердфордшире. Многочис-

ленные придворные Екатерины остались с ней, она стала центральной фигурой для всех противников семейства Болейн и той радикальной религиозной идеи, которую они продвигали. Сама королева стала еще строже соблюдать религиозные обряды. Она вставала в полночь для совершения молебнов; она исповедовалась и постилась дважды в неделю; читала лишь религиозную литературу и под придворным платьем носила рясу францисканского терциария.

Яркий признак общественных настроений обозначился зимой этого же года. 24 ноября Анна в небольшой компании отправилась на ужин к одному из друзей, жившему неподалеку от Темзы. Весть о ее прибытии вскоре разлетелась по всему городу, и толпа из семи или восьми тысяч женщин (или, возможно, мужчин, переодетых женщинами) стала стекаться к месту событий, чтобы напугать или схватить ее. К счастью, до Анны дошли слухи об их приближении, и она, сев в лодку, спешно скрылась по реке. Король приказал никому не распространяться о произошедшем событии, однако венецианский посол уже успел оставить о нем запись.

Неприязнь к Анне все возрастала. В народе ее называли «пучеглазой прелюбодейкой», а

аббат Уитби был арестован и привлечен к ответственности за то, что окрестил ее «худородной потасканной блудницей». Всеобщее волнение и разногласия накалялись, по мере того как жители церковных приходов обсуждали каждый аспект королевского «важного вопроса», касавшегося разрыва союза с Екатериной и верховенства папской власти. Сообщается, что воздух был наполнен невероятными слухами и домыслами, ходили разговоры о ведьмах и бесах, звучали истории о святых и призраках. Сам Томас Кранмер видел знамение в небе. Он рассказывал, как над луной возник образ голубого креста вместе с головой лошади и пылающим мечом. «Одному лишь Богу известно, — писал он, — что нам предвещают сии таинственные знаки».

Зимой 1531 года появилась некая молодая женщина, выступавшая в роли боговдохновенной пророчицы, предсказывавшей судьбу. Элизабет Бартон была юной служанкой из Кента, работавшей в доме распорядителя архиепископа Кентерберийского. Ранее ее настиг неизвестный недуг, и через несколько месяцев хвори она начала впадать в ясновидческие трансы, в которых «молвила слова чудодейственной благодати». Слава о ней стала распространяться по всему

королевству, пока не достигла фантастических масштабов; она объявила, что ее посещала Богоматерь, пообещавшая, что в должный день избавит ее от страданий. В назначенный день Элизабет в сопровождении процессии из двух тысяч человек проследовала к часовне Девы Марии, где впала в транс; голос из ее чрева вещал «так сладко и так упоенно» об отраде религиозной веры, но в то же время «грозно и зловеще» предостерегал о грехе.

Сборник ее прорицаний отправили Генриху, который, впрочем, не отнесся к нему серьезно. Ангел велел Элизабет просить аудиенции с ним, и, по всей видимости, ей три раза предоставили возможность беседы с королем. В 1528 году у нее состоялся личный разговор с Томасом Уолси. На какое-то время, по крайней мере, король оставил ее в покое. Однако она таила в себе бóльшую опасность, чем он предполагал. К 1531 году ее пророчества стали затрагивать непосредственно самого Генриха. Если он разведется с женой, то «не быть ему больше королем и месяца, а умереть смертью преступника». Он должен озаботиться тремя вопросами: во-первых, «он не должен принимать от папы ни властных полномочий, ни церковной собственности; во-вторых, он должен

уничтожить всех нововерцев и все плоды их новых учений [религиозную реформу]; в-третьих, если он возьмет Анну в жены, то его неминуемо постигнет кара Божья».

Из ее уст звучали и другие заявления схожей природы, которые лишь еще больше распаляли чувства людей, подспудно верящих в Божественное откровение. Вокруг нее собралась группа священников и монахов, выступавших в ее защиту с церковной кафедры и возле рыночного креста. Она стала беседовать с придворными Екатерины; Джон Фишер рыдал, внимая ее речам, убежденный, что слышит слова самого Бога. Эта молодая женщина становилась по-настоящему опасной. Как впоследствии признавался Томас Кранмер: «Истинно, я думаю, своими проповедями она восхитительно заставила короля отказаться от брака».

С церковных кафедр звучало все больше хулительных слов. В Пасхальное воскресенье 1532 года монах-францисканец читал проповедь в Гринвиче в присутствии Генриха и Анны Болейн. Отец Пето отважно обрушился на короля с обличительной критикой и предрек, что если Генрих свяжет себя узами брака с Анной, то Бог накажет его, как наказал Ахава: «Собаки будут

лизать твою кровь — да, твою!» К счастью, монах не сложил голову на плахе за пророчествование смерти королю; вместо этого его пожизненно изгнали из королевства.

Посреди всех этих волнений в очередной раз был созван парламент, в котором король заявил о своем намерении продолжить кампанию против папы Климента VII. Должным образом был представлен к рассмотрению закон, отменявший так называемые *аннаты*, или налог, взимаемый Римом с новоизбранных епископов или архиепископов. Действие меры отсрочили на год, со вступлением ее в силу по усмотрению короля; это была взятка за примерное поведение папы. Закон столкнулся с ожесточенным сопротивлением палаты лордов, в особенности «духовных пэров», глубоко обеспокоенных конечными планами Генриха. Впрочем, они были в меньшинстве.

Затем палата общин, члены которой были склонны уступать велениям короля, представила ему длинную петицию, перечислявшую все жалобы против церкви; в частности, ставилось под вопрос право духовенства принимать законы во время конвокаций. Члены палаты выразили недовольство церковными судами, судебными процессами над еретиками и размерами церков-

ных сборов. Эти жалобы, давно всем известные, получили еще большую актуальность в свете новой роли короля как главы церкви.

В самом начале апреля король отправил петицию архиепископу Кентерберийскому, который на тот момент уже заседал в конвокации, и потребовал предоставить быстрый ответ. Ответ был получен неделей позже. Священнослужители отвергали все выдвинутые против них обвинения, утверждая, что их законотворческие полномочия зиждились на Священном Писании; их действия никоим образом не входили в противоречие с королевской прерогативой. Генрих, призвав к себе представителей палаты общин, озвучил им ответ духовенства. «Мы считаем, что подобный ответ вас вряд ли удовлетворит, — сказал он, — поскольку нам он кажется очень малоубедительным. Вы — мудрые и достопочтенные господа; не сомневаюсь, что вы обстоятельно рассмотрите этот вопрос и примете меж собой беспристрастное решение». Король, таким образом, настраивал палату общин против церкви.

Епископы понимали, что их ответ не удовлетворил короля или парламент, и поспешили пойти на уступки. Они дали торжественное обещание, что за время правления короля никогда

не примут закон в отношении не связанных с верой вопросов; эта оговорка была слишком несущественной и никак не повлияла на решение проблемы. 11 мая король вновь пригласил делегацию для официальной аудиенции. «Я обнаружил, — сказал он, — что духовенство верно мне только наполовину. Все прелаты при посвящении в сан дают клятву верности папе, напрямую противоречащую той, что они дают нам, поэтому они скорее его подданные, а не наши». Со стороны короля подобное заявление было лицемерием, однако его намерения очерчивались все яснее. Он стремился полностью уничтожить власть и авторитет папы римского.

Генрих VIII отправил конвокации еще один меморандум или, скорее, набор требований. Ни один канон, ни один законодательный регламент не мог быть предложен или принят без дозволения короля. Все существующие церковные законы подлежали пересмотру комиссией, состоящей из клириков и членов парламента, по шестнадцать с каждой стороны, и вердикта большинства было достаточно для их отмены. Любой подобный вердикт большинства затем был бы поддержан королем, обладающим верховной властью.

Конвокация дискутировала вопрос на протяжении пяти дней, однако к этому моменту терпение короля было на исходе. Он требовал ответа. За единственным исключением, епископа Бата, все священнослужители объявили, что принимают предложение короля с полным осознанием его «непревзойденной мудрости, царственного великодушия и страстного стремления защищать честь Господа Бога». Их ответ, или уступка, получил известность как «Повиновение клириков». Испанский посол писал: «У духовенства теперь будет меньше власти, чем у сапожников, которые, по крайней мере, имеют право собраний и издания собственных законоположений». Несколько позже великий историк лорд Актон описывал «Повиновение» как символ «воцарения нового государственного устройства». Независимое государство Англия не могло возникнуть без радикального раскола с римским правлением. Тем не менее эти перемены можно представить и в более непосредственном, сиюминутном масштабе. Абсолютному монарху была нужна абсолютная власть над всеми своими подчиненными, светскими и духовными.

Через день после «Повиновения» Томас Мор сложил с себя — или был вынужден сложить

— полномочия канцлера. Он стал слишком заметным сторонником папы и многовековых прав церкви. «Если бы лев осознавал собственную мощь, — сказал он однажды королю, — нелегко бы пришлось тому, кто захотел бы подчинить его себе». Был еще один человек, который по-прежнему сопротивлялся воле короля. Джон Фишер, епископ Рочестера, тайно поддерживал переписку с испанским послом; они договорились, что, случайно встретившись в людном месте, не признают друг друга. Однако уже через несколько месяцев Фишер заявлял, что испанская армия должна отправиться в Англию и свергнуть короля. Архиепископ Кентерберийский Уильям Уорхэм диктовал своим писцам церковное распоряжение, в котором критиковал закон, направленный против церкви. «Сим письменным свидетельством, — заявил он, — мы выражаем наше несогласие, отказ и возражение». Затем он слег и умер, став в итоге недосягаемым для короля. По привычке послушания и верности короне все остальные епископы безропотно согласились. Возможно, их еще страшил королевский гнев.

На каждом этапе этого процесса Генрих стремился заручиться поддержкой парламента, в большей мере в целях предосторожности. Король

лично три раза присутствовал на парламентских заседаниях, чтобы повлиять на решение. Он не был уверен, как страна воспримет те великие преобразования, к которым он ее готовил. По этой причине он попытался представить все так, как будто бы палата общин, в частности, занимается подстрекательством или изыскивает меры, направленные против церкви. Хотя в действительности Генрих был единственной движущей силой антиклерикальных реформ, он считал более целесообразным создавать видимость своего нейтралитета.

По мере развития событий сама палата общин приобрела дополнительный авторитет и стала рассматриваться в качестве партнера короля. В одном из более поздних обращений король заявил парламенту, что «судьи наши нам повестили, что нигде в королевстве главенство наше не находит более высшего воплощения, как в парламенте, где мы как глава государства и вы как члены парламента объединяемся вместе в единое правящее целое». Это заявление фактически представляло собой новую доктрину, согласно которой «король в парламенте» обладал верховной властью в заново объединенной стране.

Ранней осенью 1532 года король надел тем-

но-красную мантию и золотую корону на Анну Болейн. Ей пожаловали потомственное пэрство, титул маркизы Пембрук, впервые дарованный английской женщине. Было очевидно, что вскоре ее возведут на трон. Часть драгоценностей королевы теперь перешла ей, несмотря на яростные протесты Екатерины. Однако не все было гладко. Во время путешествия по южным графствам королевства Генрих и Анна столкнулись с недружелюбным, а порой открыто враждебным приемом местных жителей. Генрих вглядывался в лица членов суда, когда те находились в ее присутствии, чтобы убедиться, что ей выказывают достаточное почтение. Сообщалось, что король «умолял членов палаты лордов нанести визит и представиться новой королеве».

Приблизительно в это время королевский печатник Томас Бертелет издал несколько трактатов в поддержку королевского «важного вопроса». Один из них, «Зерцало правды», возможно, частично был написал самим королем. В нем защищалось решение Генриха разорвать союз с Екатериной в силу библейского запрета, а также содержались некоторые личные детали ее предполагаемой брачной ночи с принцем Артуром.

Генрих взял Анну с собой в путешествие во Францию. Вплотную приблизившись к открытому разрыву отношений с Карлом V, племянником королевы, он был вынужден поддерживать союз с Франциском I. Однако сестра французского короля, равно как и придворные дамы и фрейлины Парижа, не стали встречаться с Анной; даже сестра самого Генриха, Мария, также отказалась сопровождать их через Ла-Манш. Анне пришлось остаться в Кале, а Генрих тех временем отправился дальше, в Булонь, для свидания с французским сувереном. Их визит затянулся намного дольше, чем планировалось, из-за того что разыгравшиеся бури и шторма не давали им подняться на борт «Ласточки» целых две недели. Вернувшись наконец в Англию, они столкнулись в Кентербери с Элизабет Бартон, «сумасшедшей кентской монахиней», которая вновь принялась читать нравоучения об их прегрешениях и пророчить великие бедствия.

И все же мнения и намерения короля изменить теперь было невозможно. По-видимому, несколько дней спустя он провел ночь с Анной Болейн. К началу декабря она определенно носила под сердцем ребенка. Елизавета родилась через девять месяцев. Единственной возможной причиной

для решения вступить в интимную связь могла быть уверенность в том, что Генрих и Анна договорились о скорейшем бракосочетании. По некоторым сведениям, тайная церемония, свидетелями на которой были лишь ближайшие родственники Анны, состоялась через два дня после их возвращения из Франции, однако эти свидетельства невозможно подтвердить. Вероятно, впрочем, что король позаботился о проведении официального обряда в той или иной форме в качестве меры предосторожности, прежде чем оплодотворить свою любовницу. Риск рождения внебрачного ребенка был слишком велик.

Формальная церемония бракосочетания тем не менее состоялась в следующем месяце: до восхода солнца 25 января 1533 года королевский капеллан совершил обряд венчания в «высоких палатах» над только что построенными вратами Гольбейна во дворце Уайтхолл. Другие подробности их бракосочетания неизвестны, однако есть основания полагать, что на ней присутствовали двое или трое приближенных короля. Вскоре после окончания церемонии придворные пасторы начали служить молебны об «Анне, королеве», а Екатерине приказали более не упоминать свой

титул. К следующему месяцу положение Анны стало широко известно, а сама она шутила о своей новоприобретенной тяге к яблокам; ее смех раздавался в дворцовых коридорах. Венецианскому послу она сказала, что «сам Бог вдохновил его величество на брак с ней».

Их брачный союз состоялся в преддверии окончательной размолвки с Римом. В начале февраля состоялось заседание парламента. Первые обсуждаемые меры касались качества сапожной кожи и справедливых цен на товары; необходимости уничтожить воронов и ворон, а также вымостить дорогу от Стрэнда до Чаринг-Кросс. Только потом члены парламента обратились к духовным вопросам. В Акте об ограничении апелляций говорилось, что все церковные дела подлежат рассмотрению в самой Англии, без обращения к какому бы то ни было высшему органу; это означало, что решение по королевскому бракоразводному процессу должно было выноситься в Лондоне и Кентербери, а не в Риме. Этот акт называли самым важным законоположением XVI века, поскольку именно он фактически разрушил государственное устройство, существовавшее в Средневековье.

Сам пролог к акту в достаточной мере под-

черкивал имперские притязания короля. В нем говорилось, что «сие положение, основываясь на различных старинных достоверных историях и хрониках, гласит и утверждает, что королевство Англия есть империя и как таковая признана во всем мире, управляемая единственным верховным главой и королем… которому подчиняется все государство, населяемое всякого рода людьми, разделенными в бытии своем и по имени своему на людей духовных и светских, приверженных королю, как и Господу Богу, в своем естественном и смиренном послушании». Реформация религии, таким образом, представлялась как долгожданное возвращение к истокам прошлого. Все перемены и нововведения зиждились на авторитете древних законов и правоприменения. В законе, в отличие от предыдущих статутов, нет упоминания «папского святейшества», а говорится лишь о «римском престоле». Генрих восстановил свой императорский титул как единовластный правитель, намереваясь обрести контроль над всеми Британскими островами. Двадцатью годами ранее он назвал два новых построенных корабля «Генрих-Империал» и «Мария-Империал». Были отчеканены печати и медали с изображением монарха, торжественно

восседающего на троне.

Зачастую утверждается, что именно Томас Кромвель был министром, руководившим или даже разрабатывавшим планы конституционных реформ, однако за этими предложениями стояли многие государственные умы. Одним из них, разумеется, был Кранмер, но адвокаты из парламента также заявили о готовности помочь с подготовкой законопроектов. Многие из них выступали против широких властных полномочий церковных судов и систематически отдавали предпочтение общему праву в противовес каноническому. Как-никак это была их профессия. Обозначилось и еще одно последствие. Если каноническое право подчинялось общему, то оно подчинялось и королю. Так постепенно сформировалась концепция *империума*. В более строгом смысле она известна как «цезарепапизм»; король теперь являлся одновременно и цезарем, и папой. Генриха называли королем с папой римским в чреве. Подобное двуединое всевластие повлекло за собой материальные последствия. Весной того же года императорский посол докладывал, что король «вознамерился возвратить короне все принадлежащее ей имущество, которым владеет духовенство».

Томас Кранмер был выбран Генрихом в качестве нового архиепископа Кентерберийского, на смену покойному Уильяму Уорхэму, однако сочли необходимым все же получить благословение папы римского. Многовековой порядок диспенсации следовало соблюдать еще какое-то время, хотя бы для того, чтобы гарантировать законность преемственности Кранмера. Руководствуясь этими соображениями, Генрих не дал свое королевское согласие на принятие Акта об ограничении апелляций, точно так же, как он воздержался от наложения запрета на предназначенные Риму аннаты. В глазах папы Климента VII он по-прежнему играл роль защитника веры, выступающего против непокорной и антиклерикально настроенной палаты общин. Король даже попросил папского нунция сопровождать его во время одного из визитов в парламент.

Папа изъявил свое согласие, издав буллу с подтверждением назначения Кранмера, однако еще до того, как новый архиепископ принес официальную клятву Риму как легат Святого престола, Кранмер заявил, что намерен выполнять свои обязательства лишь перед Богом и королем. В конце марта его посвятили в архиепископы. Настало время для дальнейших шагов. Духовен-

ство, собравшись на очередную конвокацию, объявило брак между Генрихом и Екатериной Арагонской незаконным. Только 19 из 216 высказались против. Церковь оказалась в полном подчинении короля. Джона Фишера посадили под домашний арест и не выпускали до тех пор, пока статус Анны Болейн не был окончательно подтвержден.

На заседании церковного суда в Данстейбле 23 мая Кранмер издал указ, подтверждающий полную законность брака короля с Анной Болейн. Ранее архиепископ обратился с письмом к Томасу Кромвелю, умоляя сохранить судебное заседание в тайне; он хотел избежать риска внезапного появления в суде Екатерины. Папа Климент VII, услышав вердикт, вынесенный «милордом Кентербери», заявил, что «подобные деяния слишком вопиющи, чтобы я сидел сложа руки и ничего не предпринимал. Дозволять такое — значит попирать мой священный долг перед Господом и всеми мирянами». Епископ Лондона, присутствовавший при этом событии, выразил понтифику протест, после чего Климент пригрозил сжечь его заживо или сварить в котле с кипящим свинцом. Епископ рассказал королю, что папа «беспрестанно сворачивал и разворачивал свой носовой

платок, что происходит с ним только в случае, когда он разгневан до самой глубины души».

Утром 31 мая Анну Болейн провезли от лондонского Тауэра до Вестминстера в белой колеснице, запряженной парой лошадей со сбруей из белой дамасской стали; над ее головой возвышался золотой балдахин, обрамленный серебряными колокольчиками. Горожане и их жены украсили фасады своих домов алыми ткаными коврами и пурпурными шпалерами, отчего улицы, казалось, превратились в многоцветную мозаику. На специально сооруженных помостах устраивались мистерии, а из лондонских фонтанов текло вино. На следующий день Анну сопроводили из Вестминстер-Холла в аббатство, где она была провозглашена королевой Англии. «Я возложил корону на ее голову, — писал Кранмер, — и затем песнопевцы исполнили „Тебя, Бога, хвалим“».

Несмотря на пышность церемонии, настроение народа нельзя было назвать благоволящим. Во время продвижения ее процессии по городу в каждом приходе на страже стояли констебли с дубинами наготове, «дабы поддерживать порядок и благопристойность». Монограмма короля и его новой королевы, *HA* (Henry and Anna), была истолкована некоторыми как фривольное «Ха!

Ха!». Однако, по словам венецианского посла, среди толп народа наблюдался «совершеннейший порядок и спокойствие», даже если в каком-то отношении это спокойствие можно было скорее трактовать как молчаливую враждебность. Возможно, горожане вышли на улицы только из любопытства, нежели уважения. Сообщалось, что сама Анна насчитала лишь с десяток человек, прокричавших общепринятое «Да хранит Бог вашу светлость!». Один из писателей-современников, комментируя замысловатые узоры на ее коронационных одеждах, высказывал мнение, что «платье королевы пестрит изображениями языков, насквозь пронзаемых ногтями, как предупреждение о той каре, которая может настигнуть ее противников». Возможно, власть и упоительна, однако она может быстро стать жестокой; через три года блистательная новая королева испытала это на себе.

К Екатерине, теперь официально именуемой вдовствующей принцессой, а не королевой, прибыла делегация советников. Они оповестили ее о решении состоявшегося в Данстейбле суда и о женитьбе короля. «О да, — ответила она, — нам известен источник этих полномочий: власть, а не законность». Она попросила дать ей экземпляр

принесенных предложений и, заметив фразу «вдовствующая принцесса», взяла в руки перо и вычеркнула ее. В отместку Генрих сократил численность ее свиты. Летом этого года двух женщин раздели и избили палками, приколов гвоздями за уши к деревянному столбу, за то, что те назвали «королеву Екатерину истинной королевой Англии».

Король и его советники затем обратили свои силы против Элизабет Бартон. Летом 1533 года Генрих распорядился, чтобы Кранмер и Кромвель внимательно изучили заявления и поведение монахини, которая, как говорили, призналась архиепископу «во многих сумасбродных выходках». Ее обвинили в государственной измене за то, что предрекала Тюдорам роковой конец, и отвели в лондонский Тауэр для допроса. Возможно, ее подвергали пыткам. Так или иначе, было объявлено о ее признании, что все видения и откровения были мистификацией, а на последующем собрании Звездной палаты «некоторые стали шептаться и призывать сжечь ее на костре». Было решено, что монахиню провезут по всему королевству, и в разных городах и селениях она будет обязана публично признаться в своем обмане. В начале 1534 года ее «предали правосу-

дию» в парламенте за измену и позже протащили по улицам от Тауэра до Тайберна, где возвели на эшафот. Было предельно ясно, что любой, кто посмеет воспротивиться королю, подвергнет себя смертельной опасности. Освященной традицией религиозности верующих, некогда благословлявших и поддерживавших монахиню, оказалось недостаточно для ее спасения.

Во время ареста и признания Элизабет Бартон король, как сообщалось, был в «чрезвычайно хорошем расположении духа». Он добился всего, чего хотел. Он был папой и цезарем в одном лице. Его сравнивали с Соломоном и Самсоном. «Невозможно взирать, не отводя глаз, — писал один из современников, — на пылающие лучи его блистательного солнца». Король строил новую арену для петушиных боев в своем дворце в Уайтхолле, а его королева носила под сердцем, как надеялись, мальчика, наследника престола. Наконец судьбе династии ничего не угрожало.

Во время беременности королевы Генрих, впрочем, изменял супруге. Личность женщины осталась неизвестной, но императорский посол описывал ее как «писаную красавицу»; он утверждал, что «многие вельможи содействуют королю в новой любовной связи», возможно с

целью унизить Анну Болейн. Узнав об этих отношениях, Анна устроила Генриху сцену, произнеся «слова, которые королю очень не понравились». Он разразился вспышкой ярости и, как говорили, приказал ей «закрыть глаза и молча терпеть, как другие на ее месте»; он заявил, что в его силах как повысить ее статус, так и низвергнуть с высоты влияния.

Буря утихла, и Анна Болейн по-прежнему хранила в себе будущее династии. Придворные астрологи и врачи предсказывали рождение сына, а Генрих выбирал между именами Генрих и Эдуард для будущего наследника. Однако 7 сентября в одной из дворцовых спален, известной как «Покои непорочных дев», Анна родила на свет девочку. «Господь отвернул от него свой взор», — писал императорский посол своему господину. Младенца назвали Елизаветой в честь матери короля, Елизаветы Йоркской. Генрих был разочарован, однако выражал надежду, что вскоре родится и сын. Через неделю после этого события семнадцатилетнюю принцессу Марию лишили ее титула; впредь к ней должны были обращаться как к «леди Марии, дочери короля». Она написала тактичное письмо-жалобу, заявляя, что является «его законной дочерью, рожденной

в истинном браке». В своем ответе король обвинил ее в том, что она «забыла о своем дочернем долге и преданности», и запретил «бесстыдно узурпировать» титул принцессы. Три месяца спустя Елизавету торжественно привезли в Хартфилд-Хаус в Хартфордшире, где обосновался ее двор. На следующий день Марию также вызвали в Хартфилд, но лишь в качестве «придворной дамы принцессы». Поговаривали, что король якобы желал ей умереть от горя.

Однако не все было благополучно в королевском дворце. Неожиданное рождение дочери и появление у короля новой любовницы ясно дали понять Анне Болейн, что ее положение при дворе было не столь твердо, как раньше. На одном из званых ужинов она сказала французскому посланнику, что не осмеливается выражать свое мнение так свободно, как хотелось бы, «из-за боязни этого места и глаз, пристально за ней наблюдающих». Королевский двор, наполненный страхами и подозрениями, погряз в пересудах и интригах. Анна прекрасно знала, насколько ее не любит народ. Время ее горестных страданий было уже не за горами.

7. Королевские радости

Процесс религиозной реформы ускорялся принятием королевских статутов, направленных против папы. Генрих не стремился к каким-либо радикальным переменам в вероубеждениях или богослужении, однако его первоначальные меры, несомненно, должны были повлечь за собой другие. Папское правление являлось краеугольным камнем, на котором зиждился свод старой веры; убери его — и вся конструкция, вероятно, ослабнет и рухнет. Возникновение национальной церкви в конечном итоге привело бы к формированию национальной религии. Радикальный проповедник Хью Латимер в Бристоле читал нараспев назидания о «паломничествах, поклонении святым, поклонении образам, хождении по мукам»; однако он же являлся и видным сторонником развода с Екатериной, и в 1533 году Кромвель пригласил его ко двору. Вскоре Латимер уже рассылал пасторов, проповедовавших его убеждения, в разные части страны. Для Генриха было достаточно, что эти проповеди критиковали правление папы, однако они выступали и за

более радикальные меры в других сферах богослужения. Побудительные мотивы религиозной реформы и верховенства королевской власти, таким образом, были взаимосвязаны.

Сообщалось также о некоторых попытках иконоборчества. Джон Фокс, автор «Деяний и памятников церкви сих давешних тревожных дней», более известных как «Книга мучеников», отмечает, как в 1531 и 1532 годах религиозные образы «свергались и уничтожались во многих местах». Распятие — изображение Христа на кресте, висевшее между нефом и алтарем, — было изъято из небольшой церквушки в эссекской деревне Дувркорт. Его пронесли полкилометра, а затем сожгли «без всякого сопротивления вышеупомянутого божества». Поскольку считалось, что распятие обладает чудодейственной силой, держа двери церкви открытыми, это стало знаковым поражением для тех, кто поклонялся ему. Трое из зачинщиков были арестованы и вздернуты на виселице.

Осенью 1533 года стали появляться сообщения, что жители выбрасывают из церквей статуи, словно «бездушные чурбаны»; горожане с женами пронзали их своими пиками, чтобы «посмотреть, потечет ли из них кровь». Однако это не

были лишь акты беспорядочного уничтожения. Как говорили в то время, смыв всю краску с Рима, можно свергнуть его величие. Должно быть, находились те, кто рассматривал религиозную атрибутику как один из инструментов порабощения, однако для многих позолоченные статуи и образа являлись оскорблением беднейшей части населения. «Сей год, — писал один каноник-августинец в 1534 году, — на нас обрушились ужасные бури, непрекращающиеся дожди, молнии, особливо летом и на протяжении всего года, настигая в самое непредвиденное время; а также внезапные смертельные лихорадки, да и сердца многих людей черствеют день ото дня; ни любви, ни толики благочестивости не остается в их душах, одни лишь предубеждения и раздоры». Распалась связь времен. Некоторые даже обличительно прозывали Генриха Королем-кротом из английского предания, который будет «проклят устами самого Господа Бога».

Вопросы религии так или иначе еще предстояло проработать законодательно. В конце 1533 года Королевский совет ежедневно собирался для разработки политических решений, и несколько ученых каноников были приглашены в качестве советников. Парламент созывался

и собирался в начале каждого нового года. Он заседал в течение первых трех месяцев 1534 года и за это время одобрил и ратифицировал все меры, предложенные королем и его советом. Акт о подчинении духовенства признавал все предыдущие принудительные меры по отношению к священнослужителям. Акт о полном запрещении аннатов возбранял отправлять папе денежные средства и поддерживал инициативу выборности епископов. Акт о диспенсации и Акт о лепте святого Петра подтверждали, что архиепископ Кентерберийский с этого момента отвечал за ограничения и отступления от норм канонического права.

В марте 1534 года папа Климент VII издал декрет, признававший законным первый брак короля с Екатериной, предавая таким образом Анну Болейн и Елизавету забвению. Сообщалось, что Генрих не принял папский указ во внимание. В качестве возмездия, впрочем, имя папы было вычеркнуто из всех молитвенников и литаний. Затем последовал приказ «никогда впредь (кроме как оскорблением или упреком) не поминать его, но предать вечному позору и забытью». Если папа когда-нибудь и упоминался, то только как епископ Рима. Именно в тот период слово «папский»

приобрело уничижительный смысл. Весной того года один священник, сторонник королевского верховенства, вылепил фигуру папы из снега; четыре тысячи жителей пришли наблюдать за тем, как она медленно тает.

Через несколько дней после постановления папы парламент принят Акт о престолонаследии, согласно которому право наследования короны переходило к детям Анны Болейн. Действие акта подкреплялось клятвой защищать его положения, которую были обязаны давать все совершеннолетние жители. В действительности это была клятва верности, а значит, любой отказ от нее считался изменой. После недолгих обсуждений и изъятия некоторых двусмысленных выражений парламент одобрил законопроект, однако нет никакого сомнения, что мера снискала общую поддержку. Такова была степень содействия королю, что новый принятый Акт о субсидиях, по сути, гарантировал ему доход от сбора налогов как в мирное, так и в военное время. Палата общин поддерживала его; знать поддерживала его или, по меньшей мере, не высказывалась против него принародно; епископы также поддерживали его, хотя и с подспудными сомнениями и опасениями. Расхожей фразой

тех лет стали слова «нечего ради умирать». Двое жителей, в частности, отказались следовать этому совету.

Однако в воздухе витал неподдельный страх, на фоне того, как некоторым выносили предупреждения за хулу в адрес короля и его нового брака. Их могли осудить как изменников. Один житель деревни посетовал, что, если кто увидит, как трое или четверо людей идут куда-то вместе, «появится констебль, который начнет расспрашивать, о чем они держат беседу, и грозить расправой». Фрагмент одного из разговоров записан в судебном архиве: «Будьте же довольны, ибо, если вы доложите на меня, я скажу, что никогда этого не говорил». Эразм писал, что «друзья, посылавшие мне раньше письма и подарки, теперь не шлют ни писем, ни подарков и сами ни от кого их не получают, охваченные страхом». Он добавил, что жители Англии стали реагировать и вести себя так, «будто бы под каждым камнем их подстерегает скорпион». Между 1534 и 1540 годами более трехсот человек приговорили к смертной казни за измену. Огромное количество людей бежали из королевства.

Томас Кромвель лично занялся расследованием дел обвиняемых. В его письме одному из

священников Лестершира говорилось: «Король желает и приказывает, чтобы вы, без всяких промедлений и оправданий, немедленно по получении сего письма прибыли ко мне…» Это было одно из многих столь нежеланных приглашений. Говорить о полицейском государстве в данном случае было бы анахронизмом и ошибкой, однако совершенно очевидно, что Кромвель и его доверенные лица создали эффективную, пусть даже неофициальную, систему контроля. «Я слышал, — писал один из членов палаты лордов, — вы велите, чтобы я отправился по деревням и селам и проведал, нет ли в тех частях каких зложелателей, кто распространяет слухи аль замышляет недоброе». В Англии XVI века, как бы то ни было, отсутствовало понятие личного пространства; ложе зачастую приходилось делить с другими людьми, а принцы ужинали у всех на виду. Жители любого сообщества находились под пристальным контролем своих соседей и подвергались насмешкам, а то и наказаниям за нарушение общепринятых норм поведения. Отсутствовал сам принцип свободы. Если кто-то спрашивал: «Разве я не волен распоряжаться тем, что имею, как мне заблагорассудится?» — то получал ответ, что никому не дозволено делать

то, что неправильно. В каждой школе, за каждой церковной кафедрой акцентировалась идея добродетельного послушания. Это был Закон Божий, который не подлежал обжалованию.

Духовенству было велено надзирать за своими прихожанами, а местным судьям приказывалось следить за епископами, дабы убедиться, что те «верно, искренне и без притворства, обмана и лицемерия исполняют и вершат нашу волю и приказ». «Шарлатанов» и «сочинителей фальшивых новостей» необходимо было арестовывать. Акт о престолонаследии прибили гвоздями к дверям каждой приходской церкви в королевстве, а священнослужителям было приказано читать проповеди, обличающие папские претензии; им запрещалось обсуждать такие спорные вопросы, как почитание святых или чистилище. С каждой церковной кафедры должна была звучать апологетика королевского всевластия. Генрих требовал ни много ни мало полнейшего подчинения своих подданных методами, к которым не прибегал ни один из его предшественников. Он ясно дал понять, что, подчиняясь суверену, народ подчиняется самому Богу. В то же самое время король вместе с Кромвелем проводил реформу местного самоуправления, назначая доверенных лиц в

муниципальные советы. В Ирландии, Уэльсе и на севере Англии старый караул был заменен новой и предположительно более лояльной охраной. В стране был установлен порядок с сильной центральной властью, контролируемой Томасом Кромвелем, рассылавшим циркулярные письма шерифам, епископам и судьям.

Вскоре была проведена присяга Акту о престолонаследии. Поклялись все жители Лондона. Жители Йоркшира также были «всецело готовы принести клятву». Шериф Нориджа докладывал, что «никогда народ еще не выказывал такого желания или усердия». В маленькой деревушке Литл-Уолдингфилд в графстве Суффолк девяносто восемь жителей подписались своим именем, а тридцать пять оставили отметку.

Тем не менее нашлись и те, кто отказался поставить подпись, считая, что это противоречит воле папы и всей церкви. Среди этих смельчаков — или упрямцев — были монахи-картузианцы[15]

---

[15] Примечания: 15

Картузианцы — члены католического монашеского ордена картузианцев (*Ordo Cartusiensis*), отличающиеся особым аскетизмом и уединенной созерцательной жизнью. Орден основан в 1084 г. Бруно Картузианцем в монастыре Гранд-Шартрёз в Альпах, в исторической области Дофине. Название монастыря на латыни — *Cartusia* — дало имя ордену. В английском языке термин *Carthusians* омонимичен, означая как членов ордена картузианцев, так и последователей философа XVII в. Рене Декарта.

из Чартерхауса. Из достоверного источника сообщалось, что сам король, скрыв свое обличье, отправился в монастырь, чтобы обсудить с ними этот вопрос. Те, кто не поколебался в своем мнении, вскоре отправились в тюрьму. 15 июня 1534 года один из доверенных лиц короля доложил Томасу Кромвелю, что францисканцы-миноритыиз Ричмонда также отказались подчиниться. «В заключение они сказали, — писал доносчик, — что их религия — это религия святого Франциска, и, исповедуя ее, они живут и умрут». Разумеется, смерть им была уготована. Через два дня повозки, полные монахов, отправились через весь город по направлению к Тауэру.

Непокорный епископ Рочестерский Джон Фишер отказался принести клятву и был также сослан в Тауэр. Из своего заключения он писал Кромвелю, умоляя сжалиться над ним и «снабдить вещами, необходимыми мне в моем преклонном возрасте». Один из посетителей вспоминал, что священник был живой скелет, кожа да кости, на котором едва держалась одежда.

Томас Мор предстал перед Кранмером и Кромвелем в Ламбетском дворце, где ему показали текст клятвы; однако и он отказался его подписать. Он бы с радостью поклялся, что дети Анны

Болейн смогут вступить на престол, но не осмелился заявить под присягой, что все предыдущие парламентские акты были законными. Он не мог отказаться от признания авторитета папы римского «без риска подвергнуть душу свою вечному проклятию». Его, как и других, отправили в Тауэр, где он и оставался до смертной казни. Еще один знаменательный отказ поступил от первой дочери короля, Марии, которую невозможно было убедить отречься от матери. Услышав эту новость, Анна Болейн заявила, что «незаконнорожденная» заслуживает «хорошей взбучки». Мария фактически стала узницей в собственной комнате, а одну из ее служанок заточили в тюрьму. Вскоре она в очередной раз слегла с хворью, и придворный врач после визита к больной заявил, что болезнь в определенной мере была вызвана «печалью и тревогой».

Необходимо было сделать последние шаги в долгом процессе разрыва отношений с папой. Последний акт парламента, собравшегося на вторую сессию в ноябре, был призван свести воедино и подытожить всю проделанную прежде работу. В клятву к Акту о престолонаследии внесли изменения, с учетом реакции Мора и других лиц, а также приняли новый Акт об изменах,

запрещавший под страхом смертной казни злоумышленные высказывания против короля и королевской семьи. Изменой, к примеру, считалось назвать короля еретиком, схизматиком или тираном. Теперь это был вопрос лояльности, а не теологии.

Был принят Акт о супрематии, облекавший все приобретенные королем властные полномочия в законную и непротиворечивую форму и гласивший, что «король, наш верховный повелитель, а также его наследники и преемники должны восприниматься, приниматься и признаваться единственным верховным главой на земле и главой английской церкви, именуемой *Anglicana Ecclesia*». Он мог исправить все ошибки и искоренить ересь; его духовный авторитет не подлежал оспариванию. Ему не хватало лишь *potestas ordinis*; не будучи священнослужителем, он не имел права проводить священные таинства или читать проповеди. Он являлся кафолическим главой одной из католических церквей. Таким образом, по словам Джона Фокса, папу «запретили, сокрушили и изгнали из этой страны». Действия короля фактически основывались на английских философских принципах и обычаях, впервые оформившихся в XII веке. Противостояние Виль-

гельма II Рыжего и Ансельма Кентерберийского напоминало соперничество Генриха и архиепископа Уорхэма. Один из слуг отца короля, Эдмунд Дадли, еще за двадцать лет до этого заявлял, что «источник любви к Богу, который есть познание Его своими делами добрыми, в королевстве нашем должен проистекать в первую очередь от короля, нашего верховного повелителя». Подобное преклонение перед короной являлось одним из неизменных аспектов английской истории.

На обложке перевода Библии Майлса Ковердейла, опубликованного в 1535 году, представлено изображение короля, восседающего на троне под Всевышним Богом. В каждой руке Генрих держит книгу, на которой написано «Слово Божие»; он дает экземпляры Кранмеру и другому епископу со словами «Бери и проповедуй». В нижней части обложки люди выкрикивают: *Vivat Rex! Vivat Rex!*, а дети, не знающие латыни, восклицают: «Да здравствует король!»

В ответ на Акт о супрематии папа издал буллу об отлучении и низложении короля. Генриха предали анафеме; после смерти его телу будет отказано в погребении, а душа навеки заточена в ад. Жители Англии обвинялись в неповиновении, если не решатся немедленно восстать против

короля; их браки признавались незаконными, а завещания недействительными. Ни один истинный сын церкви не должен был впредь торговать или поддерживать связь с островом. По настоятельной просьбе французского короля, однако, папа отложил введение в силу этого всеобщего отлучения от церкви на три года. В сложившемся положении дел внешняя политика пришла на помощь Генриху.

Более консервативно настроенные епископы считали, что Генрих сможет стать оплотом против немецких еретических вероучений, тогда как Кранмер надеялся, что король послужит орудием реформы. Эту надежду разделял и Томас Кромвель, понимавший, что его господин теперь способен обрести как богатство, так и влияние. Был подготовлен документ под названием «Имущество, передаваемое его королевскому величеству ради приумножения и увеличения состояния для содержания великих королевских владений». Было предложено изъять большую часть земель и доходов церкви и перевести их в королевскую казну.

В начале 1535 года, таким образом, была проведена инвентаризация всего церковного имущества. Эта опись стала самой масштабной в своем

роде после Книги Страшного суда, составленной в XI веке. Служащие каждого собора и каждого приходского храма, каждого монастыря и каждой больницы, каждой обители и каждой коллегиальной церкви были обязаны предоставить доступ к своим имущественным книгам и бухгалтерским ведомостям; их допрашивали под присягой о доходах от сбора десятины и от земельных наделов. Их просили отчитаться об имеющихся золотых чашах и серебряных подсвечниках. Вскоре король точно знал, какую прибыль можно ожидать от доходов церкви, постановив при этом, что десятая часть этих доходов будет отходить ему. В результате собираемые им подати многократно превышали папские за всю историю.

В тот же период Томаса Кромвеля назначили «наместником», или административным представителем в церковных делах, исключительно с целью осуществления контроля над сбором податей. Он был искушенным в финансовых вопросах церкви; именно он под начальством Уолси ассигновал деньги, изъятые у некоторых монастырей, на строительство нового Кардинальского колледжа в Оксфорде. Летом того же года на западе Англии возобновились ревизии небольших монастырей, отслеживавшие случаи

мздоимства и аморального поведения среди монахов и аббатов; ревизоры облекались полномочиями дисциплинировать или отстранять непокорных священнослужителей и побуждали духовных братьев доносить друг на друга за различные прегрешения. Об одном настоятеле говорили, что у него «только шестеро детей и единственная дочь… он благодарен Господу, что никогда не путался с замужними женщинами, но лишь с самыми прекрасными девами, которых только можно было найти… Папа, учитывая его немощность, дал ему разрешение содержать блудницу». Был принят указ, запрещавший всем аббатам и монахам выходить за пределы монастырских стен. Другое постановление гласило, что все монахи младше двадцати четырех лет отстраняются от богослужения. Некоторые послушники появлялись на службе в высоких сапогах с отворотами и с атласными розетками на шляпах.

Затем проверяющие переключились на университеты, и было решено, что изучение схоластики и сочинений средневековых Отцов Церкви необходимо заменить гуманистическими дисциплинами, одобренными Эразмом и другими реформаторами. Вводились ежедневные лекции

на латинском и греческом, имевшие ключевое значение для философии эпохи Возрождения. Каноническое право убрали из учебного курса. Хоть основной целью ревизий и являлся сбор денежных средств, они содействовали религиозному и образовательному обновлению.

Это время ознаменовалось множеством смертей. Монахов из Чартерхауса казнили первыми, вменив в вину нарушение Акта об измене, только что принятого парламентом. Жюри не осмеливалось вынести смертный приговор этим святым праведникам, однако Кромвель пригрозил, что они сами отправятся на плаху, если откажутся это сделать. Когда настоятель Чартерхауса Джон Хотен услышал вердикт, то в ответ изрек: «Такова кара земная». 4 мая 1535 года осужденных в монашеских рясах возвели на эшафот — впервые в английской истории священнослужители принимали смерть в своих церковных облачениях. Хотена казнили первым. Сначала священника подвесили на петле, вырвали из его груди сердце и вымазали им лицо; затем вытащили из живота кишки и сожгли прямо перед ним. Его обезглавили, а тело четвертовали. За этой казнью последовали две другие, и еще три — в следующем месяце. Многие вельможи и при-

дворные, включая двух герцогов и одного графа, находились среди толпы. Сообщалось, что «сам король был бы не прочь взглянуть на кровавую расправу». Это было олицетворение его власти над церковью и людьми.

Жители Лондона меньше радовались экзекуциям, и многие пришли в ужас от того, что монахов казнили в их священнических рясах. Отмечалось, что со дня их казни непрерывно шел дождь. Урожай зерновых не удался — собрали лишь одну треть от обычного объема. Все сочли это знаком божественной немилости. Однако какой храбрец осмелился бы выступить против короля? Некоторые вельможи, впрочем, отправляли тайные послания в Испанию с целью подстрекательства к вторжению; говорили, что король потерял сердца всех своих подданных.

В памятной книге, принадлежавшей Томасу Кромвелю, содержатся следующие заметки:

1. Известить короля о судебном распоряжении в отношении господина Фишера.

2. Узнать его волю касательно господина Мора.

Фишер был и в самом деле предан суду в середине июня, обвиненный в государственной измене за слова «король, наш суверенный повелитель, не есть верховный глава английской

церкви на земле». Злому року не смогло помешать даже решение папы даровать Фишеру красную кардинальскую шапку. Генрих воспринял это как явное вмешательство в дела Англии и пообещал, что голова слетит с его плеч еще до тех пор, пока на нее успеют надеть шапку. Шапка успела доехать лишь до Кале.

Жюри из двенадцати свободных землевладельцев приговорило состарившегося клирика к смерти изменника, по образцу казненных монахов, однако верный своему слову Генрих заменил экзекуцию простым обезглавливанием. Пять дней спустя, 22 июня 1535 года, Фишера возвели на эшафот; изможденный и больной, он был слишком слаб, чтобы самостоятельно пройти путь до места казни на Тауэр-Хилл, поэтому его несли на стуле. Перед самой казнью он обратился к толпе с просьбой помолиться за него. «Я прошу Всемогущего Господа, — сказал он, — в его бесконечной благости, спасти короля и это королевство…» Его голова слетела с плахи от одного удара, и собравшиеся изумились, что столько крови хлынуло из столь исхудалого тела.

Через день после казни король посетил театрализованное представление, направленное на обличение папы римского и основанное на

Откровении Иоанна Богослова. Подобные зрелища и лицедейства набирали популярность. Императорский посол отметил, что король сидел уединенно, «однако был настолько доволен образом собственного персонажа на сцене, отрубающего головы священникам, что, дабы вдоволь посмеяться и дать возможность зрителям позабавиться, он обнаружил свое присутствие».

Вслед за Джоном Фишером на эшафот отправился и Томас Мор. Через четыре дня после смерти Фишера была учреждена специальная комиссия для рассмотрения его дела. С самого момента заключения Мора в Тауэре Кромвель обманывал и запугивал его в надежде, что он изменит свою позицию. Кромвель даже намекнул, что упрямство Мора, послужив плохим примером, стало одной из причин низвержения монахов из Чартерхауса. На этом терпение Мора лопнуло. «Я никому не делаю ничего дурного, — ответил он, — я не говорю дурного, не помышляю дурного, а желаю лишь только блага. И если этого недостаточно, чтобы сохранить человеку жизнь, то по доброй воле я не желаю больше жить».

Судебный процесс проходил в Вестминстер-Холле, где Мор держался с достоинством и остроумием. Однако в вердикте не сомневались

ни на минуту. Мора обвинили в измене и через пять дней отправили на Тауэр-Хилл, где его уже ждал топор. Его последними словами была шутка в адрес палача. «В этот день ты мне окажешь, — сказал он ему, — величайшую услугу, которую только может оказать любой смертный человек. Соберись же с духом, друг мой, и не бойся исполнить свой долг. Моя шея коротка; будь же внимателен, не промахнись, нанося удар, дабы не замарать честь свою».

Екатерина Арагонская, наблюдая за уничтожением тех, кого считала святыми, отправила срочное письмо папе с сообщением, гласившим, что «если в кратчайшее время не предпринять меры, то конца-краю не будет погубленным душам и преданным мученической смерти святым. Сильные духом будут тверды и примут страдания. Слабые духом покорятся, если не найдут никого, кто протянет им руку помощи». Однако помощи было ждать неоткуда. Католические страны Европы восприняли казнь Мора и Фишера, а также монахов из Чартерхауса как акт варварства, видимо забыв, к каким жестоким мерам прибегали их христианские правители для расправы над еретиками. В Англии не существовало святой инквизиции.

В поиске союзников было целесообразным достичь определенных соглашений с протестантскими властителями Германии. В сообщении курфюрсту Саксонии, например, Генрих восхвалял его «в наивысшей степени благонравный ум» и заявлял, что две страны, «объединившись, станут многократно сильнее и смогут противостоять своим недругам». Надеялись, что король, возможно, согласится подписать лютеранский Символ веры, известный как Аугсбургское исповедание, составленный за пять лет до этого немецкими князьями. Все намерения оказались тщетными.

Масштаб проверок небольших монастырей расширили в 1535 году. Прежде внимание ревизоров ограничивалось лишь западными областями Англии; завершив работу там, они переместились на восток и на юго-восток, прежде чем отправиться на север в начале 1536 года. Спешность этих инспекций не предвещала их надежности. И все же ревизоры неустанно засыпали настоятелей, аббатов, монахов и их слуг вопросами и подвергали проверкам: «Должным ли образом проводится богослужение, денно и нощно, в урочные часы? А сколько человек посещает службу и кто часто отсутствует? Встречаются ли монахи с женщинами, в монастыре ли или же в его окрестностях?

Есть ли какие потайные двери, через которые женщины могут проникнуть на монастырскую территорию? Есть ли послушники, которые возлежат с этими женщинами? А есть ли кто из духовной братии, кто отказывается встать на путь истинный? Всегда ли вы носите ваши церковные одеяния и не снимаете их, кроме как отходя ко сну?»

Всего было восемьдесят шесть вопросов. Одного из настоятелей обвинили в апологетике измены и заставили пасть на колени и раскаяться. Аббат из Фаунтейнс содержал шесть блудниц. Аббат из Бэттл был охарактеризован Кромвелем как «самый истый сквернавец, остолоп и межеумок, и отъявленнейший каналья, каких я видал на свете». Сквернавец значило негодяй; остолопом называли глупца; межеумок обозначало дурака. А отъявленного каналью можно описать как сущего мерзавца. Каноников Лестерского аббатства обвинили в мужеложстве. Приор ордена крестовых братьев был найден в постели с женщиной, в пятницу, в одиннадцать утра. Аббата Уэст-Лэнгдон описывали как «самого закоснелого пьяницу и прощелыгу, который только жил на свете». Один из ревизоров, Ричард Лейтон, отчитывался Кромвелю о том, как пришел в дом аббата. «Я

долго стучался в его дверь; однако никто не отзывался, окромя маленькой собачки аббата, что по ту сторону двери была привязана и громко лаяла. Возле двери стоял небольшой топор, которым я вышиб дверь аббата, отчего та разлетелась вдребезги… и вот я отправился осматривать дом с топором в руках, поскольку аббат этот — опасный и отчаянный мерзавец, да еще и дюжий малый».

Ревизоры зафиксировали количество святилищ и реликвий, которые попадались им в ходе проверок; они перечислили их под заголовком «предрассудки» (*superstitio*) — знак того направления, в котором двигались Кромвель и его помощники. В аббатстве Бери-Сент-Эдмундс, к примеру, они нашли один из камней, которым был убит святой Стефан, и один из углей, на которых был поджарен святой Лаврентий. Там же они обнаружили череп святой Петрониллы, который люди прикладывали к голове, чтобы исцелиться от лихорадки. Монастыри, таким образом, стали восприниматься как рассадники папизма. Говорили, что в каком-то смысле монахи составляют запасную армию Рима. Томас Кромвель называл их «папскими шпионами». Если никаких свидетельств прегрешений не обнаруживалось, ревизоры просто делали заключение, что монахи

состоят в тайном заговоре молчания. При должном усердии грехи всегда найдутся.

Парламент, сформированный семью годами ранее, был созван в феврале 1536 года на свою последнюю сессию. С тех пор он стал известен как Реформаторский парламент, оказавшийся, возможно, самым важным во всей истории Англии. Король пришел в палату лордов с «декларацией» о состоянии монастырей, основанной, без сомнения, на различных отчетах ревизоров. Хью Латимер, назначенный епископом Вустерским годом ранее, присутствовал на заседании и отмечал, что «когда гнусные бесчинства священнослужителей впервые озвучили в зале парламента, то их размах и чудовищность вынуждали покончить с этим раз и навсегда». Некоторые, возможно, заявили о своем несогласии. Согласно одному из отчетов, король призвал членов палаты общин к королевскому балкону: «Я слышал, что мой законопроект не хотят принимать, но я заставлю палату его принять, или же некоторым из вас не видать своей головы».

Акт о роспуске монастырей в самом деле был принят. Согласно документу, все монастыри с ежегодным доходом менее 200 фунтов стерлингов подлежали ликвидации. Это была крупная сумма

денег, и теоретически закрыться были должны 419 монастырей; аббаты составили петиции для исключения из этого правила, и 176 монастырям даровали право на отсрочку исполнения решения. Очевидно, что Кромвель и его помощники получали взятки в виде денежных вознаграждений или других подарков. И все же этот процесс нельзя было назвать общим роспуском монастырей. Крупные монастыри не тронули, и монахам из небольших обителей разрешили в них перейти. Прежнее благоденствие царило в «великих и законопослушных монастырях, где (слава Господу!) религия должным образом охранялась и блюлась». Сложно поверить, впрочем, что религиозность начиналась лишь с 200 фунтов стерлингов в год.

Как следствие, протесты были немногочисленны и хаотичны. Можно подумать, что план Кромвеля заключался в медленном и осторожном движении с устранением одного препятствия за другим. Вероятнее всего, однако, что король и его главный министр пытались найти дорогу в незнакомой местности; они еще сами до конца не знали своей конечной цели и меняли курс по мере продвижения. Тем временем высшее духовенство на конвокации формулировало

принципы новой веры под верховенством короля. Императорский посол отмечал, что «они не признают ни чистилища, ни соблюдения Великого поста или других постов, ни дней почитания святых или поклонения образам, что есть кратчайший путь к разграблению церкви святого Томаса Кентерберийского и других мест, почитаемых паломниками в этом королевстве». В своем заключении посол был совершенно прав. Решение конвокации, в сущности, скорее основывалось на соображениях практического и финансового характера, нежели догматических и доктринальных предпосылках.

Во время своего последнего заседания парламент учредил суд по приращению королевской казны, через который все доходы от роспуска монастырей — все ренты и десятины — проходили судебное рассмотрение и затем передавались короне. Другие тоже были не прочь заполучить свою долю добычи. Один вельможа писал Кромвелю, «умоляя посодействовать с каким-нибудь старым аббатством ввиду моих преклонных лет». Суд был учрежден весной 1536 года. По словам Томаса Кранмера, это был «мир Реформации».

8. Маленькая шея

7 января 1536 года Екатерина Арагонская скончалась. Отверженная и униженная мужем, отлученная от собственной дочери, она не знала счастья в последние годы жизни. В ее адрес звучали оскорбления, перемежавшиеся угрозами, однако ничто не могло заставить королеву поступиться убежденностью, что Генрих — ее законный супруг. Она упорно держалась за свою уверенность, в то время как мир вокруг нее изменился. Поговаривали даже, что король готовится обезглавить ее, но вряд ли монарх позволил бы себе совершить столь вопиющую ошибку. Своей дочери Марии Екатерина писала: «Он не допустит твоих страданий, если будешь остерегаться обидеть его»; подобные слова не свидетельствуют о снисходительности к королю. Она напутствовала дочь: «В чьем бы окружении ты ни оказалась, повинуйся приказам короля, будь немногословна и ни во что не вмешивайся». Мария не вмешивалась; она просто терпела. В тот период истории испанцы всегда ассоциировались со строгим соблюдением формальностей и самоконтролем;

эти качества в Екатерине были развиты в высочайшей степени. В письме мужу, написанном за несколько часов до смерти, она умоляла его уберечь свою душу от страшных грехов, «коими вы ввергли меня в пучину несчастий, а себя — в пучину тревог». Она подписалась как «Королева Екатерина». Кое-кто подозревал, что королеву могли отравить, однако в действительности вокруг ее сердца впоследствии обнаружили раковую опухоль.

Услышав весть о ее кончине, король возрадовался. «Слава Господу, — воскликнул он, — война нам более не грозит!» Он опасался, что племянник покойной королевы Карл V может создать католическую лигу с Францией и папой против английского безбожника. На следующий день Генрих и Анна Болейн явились на бал в золотых одеждах.

Доподлинно неизвестно, откуда Мария узнала о кончине матери, однако эти новости спровоцировали у нее очередной приступ болезни. В очередной раз она столкнулась с угрозой в лице Анны Болейн. «Если у меня скоро, как я надеюсь, родится сын, — писала Анна, — то знаю, какая судьба ей уготована». «Она — моя смерть, — однажды сказала Анна, — а я — ее». Мария теперь

осталась совсем одна, и в ее сознании зародилась мысль искать убежища в императорской семье ее матери в Брюсселе. Она обсудила с императорским послом возможность бегства через Ла-Манш, однако он настоял на осторожности и бдительности. Тем временем, по его словам, «она ежедневно готовилась к смерти». Положение, в котором оказалась Мария, было поистине несправедливым. При определенных обстоятельствах она могла считаться претенденткой на королевский престол. Противники нового религиозного порядка, к примеру, с радостью приветствовали бы ее как свою королеву. Со всех сторон ее окружала опасность.

В день похорон Екатерины, состоявшихся в церкви аббатства Питерборо 29 января, у Анны Болейн случился выкидыш — она потеряла мальчика; это стало еще одним звеном судьбоносной цепи, связавшей воедино обеих женщин. Анна оправдывалась, что виной всему потрясение, которое она испытала, получив известие о падении короля с лошади во время рыцарского турнира в Гринвиче; два часа он пролежал на земле без сознания. И все же король верил — или же предпочитал верить, — что за происшедшим стоит Божий Промысел. «Я вижу, — молвил король, по

словам очевидцев, — что Господь не дарует мне детей-мальчиков».

Король вновь стал предаваться увлечениям. Обращаясь к императорскому послу, Томас Кромвель отметил, что «в будущем королю придется вести более нравственный образ жизни, чем до сих пор, — в праведном браке с его новой королевой». Министр, однако, поспешил прикрыть рукой улыбку, и посол заключил, что он мог говорить неправду. В действительности Генрих добивался расположения Джейн Сеймур, юной барышни из числа придворных дам самой Анны Болейн, чьи резкие черты лица унаследовал ее сын. Сообщалось, что Анна Болейн застала мужа с сидящей на его коленях девушкой и впала в ярость, однако возможно, что это лишь более поздние домыслы.

Посол рассказал и другую историю, намекающую на сложную ситуацию при дворе. Разговаривая с «братом нынешней возлюбленной короля», он стал свидетелем спора, в котором «король и Кромвель, казалось, обменивались гневными репликами, поскольку после долгой перепалки последний вылез через оконный проем, возле которого стоял король, под предлогом мучившей его жажды. И действительно, обуреваемый

досадой, он присел на стоявший поодаль сундук, подальше от королевских глаз, и попросил чего-нибудь испить». В конце концов Генрих отправился его искать.

Один из придворных однажды описывал, как «король бранит его [Кромвеля] по два раза на неделе и задает ему порой хорошую взбучку; сам же Кромвель тем временем, отчитанный и получивший выволочку словно пес, выходит из Большой палаты… с таким ликованием на лице, будто бы правит королевский бал». Эта столь редко наблюдаемая человеческая сторона придворной жизни дает нам возможность украдкой взглянуть на непрерывные личные противоречия, формировавшие решения, которые мы сегодня называем историей.

И действительно, в недалеком будущем королевский двор ждали великие и драматичные перемены. Сообщали, что король поделился своими страхами по поводу Анны Болейн с одним из приближенных в своих личных покоях, обвинив ее в том, что она обманом заставила жениться на себе с помощью колдовства. Именно поэтому Бог покинул его. Так, по крайней мере, рассказывают. Однако в повседневной жизни король по-прежнему обходился с Анной учтиво и внимательно,

а хроники свидетельствуют, что она тратила изрядное количество денег на изысканные наряды для себя и своей дочери. Несмотря на опасения короля, были все основания полагать, что она сможет произвести на свет еще одного ребенка. Сама Анна Болейн во всеуслышание заявляла об этом.

А потом разразилась беда. 24 апреля в условиях полной секретности были созданы две отдельные комиссии с целью исследования случаев или подозрений в измене. В одной заседал Томас Кромвель и герцог Норфолк, приходившийся Анне Болейн дядей, но уже не другом. Три дня спустя высказали предположение, что король, возможно, потребует развода. Что же произошло? Одна из придворных дам допустила неосторожность в разговоре о личных связях королевы и упомянула некоего «Марка». Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Сокрытие или попытка утаить информацию о предполагаемой неверности королевы приравнивались бы к государственной измене — или же, в контексте того времени, укрывательстве измены. Слухи в мгновение разлетались по всей округе.

30 апреля Марка Смитона, придворного музыканта и одного из камердинеров личных

королевских покоев, препроводили из Гринвича в Тауэр, где он сознался в любовной связи с Анной; признание, возможно, и было вырвано пытками, однако не исключено, что Смитон, страшась возмездия, говорил правду. Впоследствии он не отрекся от своих слов и повторил признание у подножия эшафота. На следующий день состоялись первомайские рыцарские турниры, в которых брат Анны Джордж Болейн, виконт Рочфорд, состязался с сэром Генри Норрисом. Норрис был близким другом монарха и главным камердинером личных королевских покоев. Вскоре их обоих ждала смертная казнь из-за подозрения в любовной связи с Анной Болейн.

После завершения турнира король отправился из Гринвича в Уайтхолл в небольшой компании приближенных, взяв с собой Норриса. Во время путешествия он обвинил Норриса в любовной связи со своей женой. Любовные интриги с королевой Англии означали государственную измену. Король пообещал даровать ему прощение, если он расскажет всю правду, однако Норрис с негодованием отверг все обвинения. На рассвете следующего дня его отвезли в Тауэр. Джорджа Болейн к тому времени уже арестовали и обвинили в прелюбодеянии с собственной сестрой.

Доказательства инцеста были предоставлены его женой, леди Рочфорд, решившей, возможно, из злого умысла изобличить распутного мужа. Придворные дамы королевы также были допрошены и, по-видимому, раскрыли любопытные подробности. Пятерых мужчин обвинили в сношениях с королевой — Марка Смитона, Джорджа Болейна, Генри Норриса, Уильяма Бреретона и Фрэнсиса Уэстона — и казнили. Трое других, включая поэта Томаса Уайетта, были помилованы. Созванные комиссии по расследованию отнюдь не всегда представляли собой показательные судебные процессы.

Саму королеву допросили на собрании Королевского совета. В какой-то момент свидетели в Гринвичском дворце могли наблюдать, как Анна Болейн заклинала короля простить ее, держа на руках малютку-дочь; однако этого было недостаточно. Вскоре раздался залп пушки, возвещая народу о том, что некую знатную особу или члена королевской семьи заключили в Тауэр. По прибытии она пала на колени и взмолилась «Господу с просьбой о помощи, ибо не совершала она того греха, в котором ее обвиняют». Узнав, что Смитон и Норрис находятся среди заключенных, она воскликнула: «О, Норрис, неужто ты осудил меня?

Сейчас же ты в Тауэре вместе со мной, и вместе мы умрем; Марк, и тебя ждет та же участь».

В беседах со своим тауэрским стражником, сэром Уильямом Кингстоном, она вспоминала некоторые более ранние разговоры:

> Анна Болейн. Почему ты не создашь свою семью?
>
> Генри Норрис. Я подожду еще немного.
>
> Анна Болейн. Ты ждешь у моря погоды; если что-нибудь случится с королем, тебе придется остаться со мной.
>
> Генри Норрис. Пусть мне снесут голову с плеч, если я когда-нибудь помышлял такое.

Запомнился и диалог с Марком Смитоном:

> Анна Болейн. Почему ты так печален?
>
> Марк Смитон. Это не важно.
>
> Анна Болейн. Не стоит ждать, что я стану говорить с тобой как со знатным вельможей, ведь ты простолюдин.
>
> Марк Смитон. Нет, нет, госпожа. Мне достаточно одного взгляда.

Эти фразы никоим образом не являются дока-

зательством вины, но и не кажутся совершенно невинными. «Представлять себе смерть короля», подобно Анне, само по себе было актом измены. Присяжным не составило бы никакого труда вынести ей обвинительный приговор. Королевский суд теперь обратился против нее, почуяв, в какую сторону дует ветер. Лишь у Кранмера оставались сомнения. «Я в таком замешательстве, — признался он королю, — что мой разум совершенно сбит с толку; никогда еще ни об одной женщине я не был лучшего мнения, чем о ней».

Четверо обвиняемых предстали перед судом в середине мая, в Вестминстер-Холле, в то время как судебный процесс над Джорджем Болейном должен был пройти в присутствии членов палаты лордов в Тауэре. Один лишь Смитон сознался в совершении преступления, повторив свое признание, что трижды вступал в любовную связь с королевой. Остальные своей вины не признали. Сообщается, что при первом допросе Норрис признался в содеянном, однако позже отказался от своих слов. Всех их приговорили к смертной казни.

Прибыв в Тауэр, королева обратилась к коменданту тюрьмы, сэру Уильяму Кингстону, со словами: неужто ей суждено взойти на эшафот,

так и не удостоившись правосудия? «Даже самый бедный подданный короля, — ответил он, — заслуживает правосудия». Его ответ заставил ее рассмеяться. Она прекрасно понимала, что ей не под силу выстоять перед гневом и подозрительностью короля. Вместе с братом ее препроводили в Большой зал Тауэра и допросили в присутствии двадцати семи пэров королевства, в знак уважения к их статусу. «Нет. Это все, что я могу ответить вам, — сказала королева, — не обнажая наготы тела своего. Всем тем, кто обвиняет меня, я могу лишь сказать „нет“, и они не смогут привести ни одного свидетеля». Анну и ее брата обвинили в государственной измене, наказанием за которую для королевы являлось сожжение на костре. Впрочем, обезглавливание посчитали достаточной карой. Комендант Тауэра сообщил ей, что «все произойдет без боли, совершенно незаметно».

«Я слышала, — ответила она, — что палач хороший мастер, а у меня такая маленькая шея». С этими словами она обхватила горло руками и расхохоталась. 19 мая, незадолго до полудня, ее возвели на эшафот, сооруженный в стенах Тауэра. Нервничая, она постоянно оглядывалась назад, словно боясь быть застигнутой врасплох. Она ста-

ла первой королевой в истории Англии, которую обезглавили. Точный возраст Анны Болейн на момент казни неизвестен, однако по примерным оценкам ей было чуть за тридцать. Когда палач поднял отрубленную голову, глаза и губы еще шевелились. Тело затем бросили в обычный сундук из вяза, в котором хранили стрелы.

Генрих позаботился о том, чтобы его брак с Анной был расторгнут на основании ее любовной связи девятью годами ранее, не осознавая, по-видимому, что она не могла бы совершить адюльтер, не будь его женой. Так или иначе, король хотел вычеркнуть ее из своей жизни, изгладив любое воспоминание о ней. Правильно ли он поступил — вопрос, который остается спорным со времени самих событий. Некоторые предполагают, например, что Анна Болейн стала жертвой заговора, учиненного Кромвелем или консервативной фракцией монаршего двора.

И все же здравый смысл подсказывал, что подобная авантюра таила бы в себе большую опасность. Все обвиняемые были хорошо известны при дворе; Джордж Болейн приходился братом Анне и занимал высокое положение, а Генри Норрис был близким другом самого короля. Было бы верхом безрассудства впутывать таких

людей в сговор, не имевший никаких мотивов. На судебном процессе вслух зачитали все детали о времени и месте совершения преступления. К примеру, первое обвинительное заключение гласило, что «королева 6 октября 25 Ген. VIII [1533] в Вестминстерском дворце словом и т. д. побудила и склонила некоего г-на Генри Норриса, одного из камердинеров личных королевских покоев, к незаконному сношению с ней; сие деяние было совершено в Вестминстере, 12 октября 25 Ген. VIII». Описанные подробности, возможно, не совсем точны, однако само их присутствие указывает на наличие веских и убедительных доводов против подозреваемых. Это не было лишь туманным обвинением, построенным на слухах и кляузах. К чему инкриминировать подобное пяти господам, четверо из которых пользуются известностью и уважением, когда было бы достаточно и одного?

И обвинениям поверили. Согласимся, что никто по своей воле не осмелился бы воспротивиться желаниям короля, но показательно, что все двадцать семь пэров единодушно признали факт совершения королевой инцеста с собственным братом. Два больших и одно малое жюри вынесли решения по делам остальных обвиняемых.

Представляется возможным, по крайней мере, что Анна Болейн была не настолько невинна, как пыталась всех убедить. Вероятно, она добивалась других мужчин в отчаянном стремлении родить мальчика, которого страна приветствовала бы как наследника престола, тем самым обезопасив собственную жизнь и судьбу своей семьи в обозримом будущем.

Еще один аспект судебного процесса был сокрыт от внимания посторонних. Утверждали, что королева якобы поведала жене Джорджа Болейна о мужском бессилии короля. Во время заседания Джорджу Болейну передали листок бумаги, где излагались подробности случившегося, для личного ознакомления. «Король не искусен в сношениях с женщиной и не отличается ни нравственностью, ни мужским достоинством». В насмешку ли, или бравады ради он прочитал содержимое записки вслух. Подобный поступок не всегда свидетельствует о порядочности. Этот поступок обвиняемого бросил дерзкий вызов суду и подлил масла в огонь. Анна Болейн не отрицала, что Джордж распространял слухи о подлинном отцовстве принцессы Елизаветы. Поговаривали даже, что ее настоящим отцом был сэр Генри Норрис. По прошествии стольких веков никто уже не

сможет сказать доподлинно. Как говорится, ищи ветра в поле, а правду — на дне морском. Лучшим эпиграфом к событиям весны 1536 года служат строки одного из ненадолго осужденных за связь с Анной, поэта Томаса Уайетта[16]:

> *Те дни кровавые сердце мне разбили,*
>
> *И страсть, и мою юность загубили…*[17]

В день казни Анны Болейн король облачился в белые одежды, а уже на следующее утро обручился с новой избранницей. Должно быть, он свято верил в виновность бывшей королевы, или узнал о другом ее прегрешении, которое решил не предавать огласке, или же то и другое вместе. Во время визита своего незаконнорожденного сына Генриха, герцога Ричмонда, король приветствовал его со слезами на глазах и заявил, что он и Мария «должны возблагодарить Господа за то,

---

[16] Примечания: 16

О нем см.: *Уайетт Т.* Песни и сонеты. М.: Время, 2005; *Кружков Г.* Очерки по истории английской поэзии. Поэты эпохи Возрождения. Т. 1. М.: Прогресс-традиция, 2015. С. 31–44. Уайетт (1503–1542) был арестован одновременно с Анной Болейн в мае 1536 г., но 14 июня освобожден из Тауэра то ли по распоряжению Кромвеля, то ли благодаря ходатайству отца (там же, с. 38).

[17] Примечания: 17

These bloody days have broke my heart, / My lust, my youth, did then depart…

что уберег от рук той женщины, замыслившей их отравить». Рассказывали, что монарх держался с почти вызывающей веселостью и даже сочинил стихотворную трагедию, где у Анны Болейн было сто любовников.

У Генриха был и другой мотив для нового брака. Сорокалетний король отчаянно желал иметь наследника. В действительности он уже объявил незаконнорожденными Марию и Елизавету. Герцог Ричмонд родился вне брака и поэтому не имел права на престол.

Смерть Анны Болейн не встретила большого сочувствия среди английского народа. Большая часть населения относилась к ней с пренебрежением, по крайней мере в глубине души, а один из современников описывал проявления ликования и радости «от обесчещения сожительницы». Новая жена Генриха, Джейн Сеймур, впрочем, также не могла похвастаться всенародной поддержкой. «Намедни про нас сочинили весьма язвительную балладу, — говорил ей Генрих, — поэтому, если она распространится среди народа и дойдет до ваших глаз, умоляю, не удостаивайте ее своим вниманием. Сейчас мне неизвестно, кто автор сего оскорбительного произведения; однако, будь он найден, его ждет немедленное наказание».

Автора так никогда и не нашли.

К ликованию народа примешивалась всеобщая уверенность, что леди Мария теперь вновь обретет королевское благоволение. Однако подобная интерпретация событий, происходящих при дворе, представлялась слишком уж оптимистичной. Томас Кромвель стал выступать против сторонников Марии, объясняя это тем, что они якобы пытались выгодно устроить ее престолонаследие. Кажется, сама Джейн Сеймур уговаривала нового супруга помириться со старшей дочерью, но вместо этого Генрих подверг Марию еще большему давлению.

Он отправил к ней делегацию во главе с герцогом Норфолком, убеждая принести клятву верности — что означало бы дезавуировать брак своей матери и собственную законнорожденность. Ей пришлось бы признать короля верховным главой церкви. Мария отказалась дать все эти клятвы. Тогда герцог Норфолк объявил ее виновной в измене. Было вполне очевидно, что Генрих стремился предать ее суду, со всеми плачевными и даже мучительными последствиями. В письме, адресованном Марии, Томас Кромвель написал: «Вы самая упрямая и несговорчивая женщина… каких я когда-либо знал»; он убеждал ее рас-

каяться в «своей неблагодарности и позорном бессердечии». В противном случае, добавлял он, ее ждет «полный крах», а может, даже и изменническая смерть. Принцессе шел двадцать второй год.

Вскоре после этого она сдалась. Императорский посол увещевал ее, настаивая на том, что она обязана пережить весь хаос и ужас своего положения. Он убеждал, что, возможно, в спасении народа ради истинной веры лежит ее предназначение и ничто в мире не должно этому воспрепятствовать. Мученичество означало бы провал всех усилий. Мария, не читая, поставила свою подпись под декларацией о повиновении. Она признала «его королевское величество верховным главой английской церкви, наместником Христа на земле», равно как и то, что брак между ее матерью и королем был, «сообразно Закону Божьему и закону людскому, кровосмесительным и незаконным».

Больше ей ничего не оставалось. В своем бедственном положении она написала отцу: «Всецело вверяю тело свое Вашему милосердию и отцовскому состраданию, не желая ни высокого статуса, ни положения, ни привилегий, опричь тех, что Ваше величество мне даровать изволит».

Король сразу благосклонно принял дочь ко двору, однако ее нравственности и чувству собственного достоинства был нанесен непоправимый ущерб. Никогда впредь не склонится ее голова, не пошатнется сила воли. Чувство вины за отречение от собственной матери будет терзать ее, и лишь костры Смитфилда, возможно, смогли его немного унять[18]. Сообщается, что сразу после подписания декларации Марией овладели тоска и угрызения совести, и она просила императорского посла получить для нее особую диспенсацию от римской церкви. Несмотря на все это, Мария, по всей видимости, вполне освоилась с возвращением к придворной жизни, покупая драгоценности и изысканные наряды; она играла в азартные игры — умеренно, но постоянно — и имела собственный ансамбль менестрелей. У нее был свой шут — молодая бритоголовая женщина по имени Джейн.

После казни Анны Болейн стало ясно, что партии религиозных преобразований, извлекавшей выгоду из ее вмешательства в государственные дела, возможно, грозит крах. В Риме неприязнь

[18] Примечания: 18

В конце правления Марии I, в 1555–1558 гг., на рынке Смитфилд в центре Лондона устраивались сожжения протестантов. Погибло не менее 282 человек, по данным Британской энциклопедии.

к королю сменилась сочувствием и жалостью, и в воздухе витала надежда, что теперь, после всех злоключений с «ведьмой», Генрих вернется в лоно церкви. Само собой разумеется, это было совершенно неверное истолкование сути королевской реформы. Он никогда не выступал против учения церкви — лишь против ее верховенства. Его понимание власти и накопленного благодаря этому дохода было вполне достаточным, чтобы воспрепятствовать любым попыткам вернуться к Риму. Король считал, что религиозное единство является необходимым условием для единства политического.

Он видел себя в роли одного из тех ветхозаветных царей, что в страхе быть испепеленными божественным гневом стремились водворить Закон Божий в своих царствах. Разве Иоас, царь Израиля, не отобрал у священников их золото? Разве Иосия не восстановил Иерусалимский храм? Разве Соломон не вершил правосудие? Епископ Даремский Кутберт Тунсталл заявил, что в своих деяниях Генрих был подобен «главнейшим и лучшим из израильских царей — пример, которому должны следовать и все добрые христиане».

Его притязания на верховенство короны, впро-

чем, шли рука об руку с желанием реформировать монастыри и духовные учебные заведения. Ежедневно король посещал несколько литургий и никогда не провозглашал и не считал себя лютеранином. Ему не чужды были разнообразные формы народной религиозности, включая ритуал «поклонения Кресту Господню». Всю свою жизнь он перебирал в руках собственные молитвенные четки, принадлежащие сейчас герцогу Девонширскому, и распорядился отслужить множество заупокойных месс в момент своей кончины. Во многих отношениях он был правоверным католиком.

В начале июля созвали парламентское собрание, чтобы обсудить положение в королевстве после недавней казни Анны Болейн. Парламентарии отменили два закона, обеспечивавшие привилегии Анне Болейн и ее потомству, тем самым низводя Елизавету до одного статуса с Марией. Лорд-канцлер славословил третий брак короля, который, «по смиренному ходатайству его благородия, согласился в очередной раз принять это условие и взял себе жену, чей возраст и состояние здоровья сочли пригодными для воспроизведения потомства».

Целью было родить мальчика-наследника, и,

в случае кончины короля (не дай Бог!) или бесплодности новой королевы, «он поручает вам назначить того, кто станет престолонаследником». Возможно, ответ был согласован и отрепетирован заранее. При отсутствии законного наследника мужского пола парламент предоставлял королю право завещать корону по своему усмотрению. Сообразно этому претендентом на престол становился незаконнорожденный герцог Ричмонд. Он был меньшим из всех зол. Однако хрупкость династии вновь подтвердилась, когда летом 1536 года Ричмонд скончался от туберкулеза или какой-то иной нераспознанной легочной болезни. Генрих распорядился провести тайные похороны, чтобы не допустить общественных волнений, но ничто не могло скрыть тот факт, что судьба наследования отныне зиждилась на двух объявленных незаконнорожденными дочерях. Богато украшенную могилу почившего молодого герцога по сей день можно видеть в церкви Святого Архангела Михаила во Фрамлингеме, в графстве Суффолк.

Тревога, охватившая Генриха в тот период, стала очевидной, когда лорда Томаса Говарда, младшего брата герцога Норфолка, тем же летом обвинили в измене; ему инкриминировали связь

с леди Маргарет Дуглас, дочерью королевы Шотландии. Королева приходилась Генриху сестрой, поэтому король заподозрил Говарда в притязаниях на престол. Говарда заключили в Тауэр, где он и скончался в следующем году.

В июне 1536 года конвокация высшего духовенства собралась в соборе Святого Павла. Хью Латимер, недавно посвященный в сан епископ Вустерский и главный реформатор, был избран для прочтения проповеди. Текст его наставления отсылал к шестнадцатой главе Евангелия от Луки, а именно строкам, гласившим, что «сыны века сего догадливее сынов света в своем роде» (Лк. 16:8). Латимер обратился к собравшимся с просьбой заглянуть глубоко в душу и спросить себя, какого результата они добились после многочисленных конвокаций. Одиозные вымыслы Рима так и не были изжиты, включая «канонизации и беатификации, дозволения и диспенсации, а также великое множество всевозможных индульгенций», равно как и «стародавнюю басню о чистилище, призванную очистить кошельки верующих». «Вы знаете поговорку, — сказал он им. — От худой курицы худые яйца». В конце своей проповеди он предостерег собрание словами: «Господь покарает вас. Он придет. Он не будет

мешкать».

Реакция пятисот духовных делегатов неизвестна, однако две недели спустя они вручили королю петицию с жалобами на многочисленные богохульства и ереси, распустившиеся по всему королевству. Это был, по сути, плохо скрываемый выпад в сторону Латимера и других радикально настроенных священников. Их не устраивало, что таинство евхаристии описывалось как «карусель с передаванием кусочка хлеба». Священный елей, использовавшийся при помазании, окрестили «маслом епископа Римского». Богоматерь была лишь женщиной, «похожей на мешок с залежавшимся шафраном или перцем». Литургии и заутрени представляли собой не что иное, как «какофонию из рокотаний, подвываний и свистов, с ряженьем, фокусами и фиглярством». Это был негласный призыв королю остановить Реформацию. О веротерпимости не приходилось и говорить. Эта концепция упоминалась лишь изредка. Религиозные вопросы слишком масштабны и слишком важны, чтобы относиться к ним с осторожностью. С ложью необходимо было бороться всеми возможными способами.

В ответ Генрих с помощью Кранмера и других священнослужителей составил краткое изло-

жение принципов веры, которым должен был следовать английский народ. В предисловии к Десяти статьям[19] говорилось, что их цель заключается в достижении «единства и согласия во взглядах». На практике король стремился утвердить примат королевской власти и обусловить необходимость общего обновления церкви, не прибегая к лютеранской доктрине. По всей видимости, он разделял мнение реформаторов лишь в отношении трех церковных таинств — крещения, покаяния и причащения, не отрицая в то же время действенности оставшихся четырех[20]. Концепция чистилища осуждалась как пагубный вымысел папы римского, однако священники заявляли, что «согласны с уместностью и целесообразностью молиться о душах умерших, как того требует давно устоявшийся обычай». Это был вопрос нахождения равновесия. Сохранилась черновая рукопись одной из страниц, на которой можно видеть небрежные записи реформатора Кранмера и консерватора Тунсталла, соперничавших за влияние.

---

[19] Примечания: 19

Десять статей (The Ten Articles) — первый вариант систематизации норм англиканской церкви, созданный в 1536 г.

[20] Примечания: 20

Миропомазание, елеосвящение, священство и брак.

Есть и другие примеры компромиссов или заступничества. Привычку преклонять колени и обожествлять лики святых сочли чрезмерным идолопоклонством. Впрочем, другие церковные обычаи и церемонии, такие как помазание пеплом в Пепельную среду[21] и шествие с пальмовыми ветвями в Пальмовое воскресенье[22], назвали «благими и достойными». Даже во время работы над статьями король вместе с новоизбранной королевой Джейн Сеймур принял участие в торжественной процессии в день праздника Тела и Крови Христовых, посвященного совершению причащения во время Божественной литургии. Вопрос реформы был поднят, однако никаких дальнейших шагов не последовало — и английская церковь по-прежнему во всех отношениях оставалась католической. Выше головы не прыгнешь. Процесс религиозных преобразований был прерывистым, спонтанным и таким же неопреде-

[21] Примечания: 21

Пепельная среда (Dies Cinerum) — день начала Великого поста в католичестве, англиканстве и ряде лютеранских церквей.

[22] Примечания: 22

Пальмовое воскресенье — Вход Господень в Иерусалим, отмечаемый в шестое воскресенье Великого поста, за неделю до Пасхи, и называемый в католичестве по характерной черте — держанию в руках пальмовых ветвей во время шествия вокруг или внутри храма. В северных странах могут использоваться вербные ветви. В русском православии — Вербное воскресенье.

ленным, как прежде. По этой причине немецкий реформатор Меланхтон прозвал Десять статей «запутаннейшими сочинениями» (*confusissime compositi*).

Впрочем, ни о какой путанице в стремлении Генриха к достижению своей непосредственной цели говорить не приходилось. Поздней весной и ранним летом 1536 года мелкие монастыри перешли в ведение Томаса Кромвеля. Еще в самом начале года парламент принял закон о роспуске монастырей, и теперь представители королевской комиссии начали работу по их закрытию. На роспуск одного небольшого монастыря уходило шесть и более недель. С башен снимали колокола, а от крыш отдирали свинцовые листы; вся церковная утварь и драгоценности изымались, а имевшиеся запасы зерна шли на продажу. В период этих церковных расхищений две тысячи монахов и монахинь расстригли и отослали обратно в светский мир. Как складывалась их жизнь после этого — истории неизвестно.

Процесс этот, однако, не всегда проходил быстро и спокойно. Когда прихожане монастыря Святого Николая в графстве Эксетер решили, что хоры над алтарной перегородкой необходимо снести, толпа разъяренных женщин ворвалась

в церковь, схватила прислужника и «стала забрасывать его камнями — так, что ради спасения жизни ему пришлось искать убежище в колокольной башне». Однако толпа ринулась за ним, и несчастный был вынужден выпрыгнуть из окна, из-за чего «едва было не свернул себе шею, но сломал одно ребро».

В конце сентября монахи из Хексема в графстве Нортумберленд пытались оказывать сопротивление посягательствам на их монастыри. Приехав в город, представители комиссии увидели «множество столпившихся на улице жителей с копьями, алебардами и другим оружием наготове, словно собравшись защищать осажденный город». По мере продвижения королевских посланцев к святой обители зазвонил городской, а затем и большой монастырский колокола; жители закрывали двери своих домов и лавок, а на крыше и шпиле монастыря собралось несколько монахов с мечами, луками и стрелами. «Нас здесь двадцать братьев, — прокричал один каноник, — и мы все скорее погибнем, прежде чем вы пересечете порог этой обители!»

Помимо мечей и луков у них было и другое оружие. Архиепископ Йоркский умолял короля пощадить монахов Хексема и действительно

получил наивысшее дозволение, скрепленное Большой печатью. Посланники, увидев это дозволение, отступили. На следующий день монахи парами вышли из своей обители и с оружием присоединились к жителям Хексема в «зеленом месте». Оттуда они наблюдали за посланниками, пока те «не скрылись из виду». Несмотря на это, наказание настигло мятежников позже. Король упомянул Хексем в письме к герцогу Норфолку, заявив, что монахов «следует связать [повесить] без дальнейшего промедления и формальностей».

Общенародное возмущение и разочарование лишь усугубилось с выходом в свет неких «предписаний». Опубликованные как итог вердиктов, изложенных в Десяти статьях, они запрещали упоминание чистилища и отменяли дни многих святых, которые прежде отмечались как религиозные праздники. В том же году Томас Кромвель приказал снести гробницу Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Это была очередная атака на «предрассудки», популяризируемые и рьяно оберегаемые монахами. Многим людям, а возможно, жителям Лондона в особенности, подобные вопросы представлялись маловажными. Однако более ревностные и консервативно

настроенные верующие испытывали острое негодование, которое вскоре вылилось в открытое восстание.

9. Великое восстание

К весне и лету 1536 года королевство наполнилось слухами и толками. Один священник из городка Пенрит в графстве Камбрия отправился на самый юг, в Тьюксбери, где, сидя в местной пивной, заявил: «Нас обирают до нитки и хотят сломить, однако мы поднимемся с колен — сорок тысяч человек восстанет в один день». Возможно, слова и сорвались с хмельного языка, однако жители севера были особенно недовольны упразднением мелких монастырей, обеспечивавших продовольствием и помощью многие поколения в трудные времена.

Другой священник, из Эссекса, отправился собирать снопы пшеницы вместе с работником по имени Ламбелес Редун. «На севере назревает смута», — сказал священник и добавил, что он и еще десять тысяч других священнослужителей вскоре отправятся туда.

«В добрый час молвить, — мудро изрек работник, — в худой промолчать».

«Словам моим ты не внимай и о сказанном не заботься, ибо, прежде чем наступит Пасха, дни

короля будут сочтены».

Ходили слухи, что все драгоценности и сосуды вынесли из приходских церквей и заменили жестяной или латунной утварью. Разграбление святынь в некотором отношении подтверждало людскую молву. Поговаривали, что приходские церкви должны были отстоять друг от друга по меньшей мере на восемь километров, а все, что ближе, подлежало сносу. Сообщалось, что за проведение крещения, похорон и бракосочетаний отныне взимался налог и что ни одному бедняку не будет дозволено есть белый хлеб и мясо гуся без дани королю. Эдуард Брок, «убогий старик», заявил, что, пока король сидит на троне, ненастьям и непогоде не будет конца-краю.

Падение Анны Болейн, как считалось, предсказал еще Мерлин. Народ внимательно изучал другие знаки и предзнаменования. Среди монастырей прошел слух, что «прекрасная роза будет растоптана в чреве его матери», означая, что Генрих будет убит священниками, поскольку угнетаемая им церковь и есть его мать. Язык этих пророчеств отражал язык народа, ополчившегося против риторики королевских прокламаций.

Предвестники бунта появились тем же летом. Священника из Виндзора, проповедовавшего о

народном восстании, вздернули на виселице. Пятьдесят или шестьдесят мужчин и женщин подняли мятеж в городке Тонтон — двенадцать приговорили к смерти и отправили на казнь в разные места в качестве предупреждения. Ни одному священнику или монаху в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет не разрешалось носить оружие, за исключением ножа для мяса.

Первое масштабное восстание разразилось в начале октября 1536 года, после того как три комиссии королевских советников прибыли в Линкольншир с различными целями. Первой было поручено упразднение небольших монастырей, две другие занимались сбором налогов и допросами священнослужителей. Это вторжение из Лондона переполнило чашу терпения народа. В торговом городке Лут собралась процессия из местных жителей, несущих перед собой три серебряных креста, и церковный певчий Томас Фостер прокричал: «Граждане, прошествуем же за крестами в этот день: одному Богу известно, суждено ли нам когда-либо повторить сей путь». Народ боялся конфискации имущества, и в тот вечер группа вооруженных деревенских жителей прибыла к приходской церкви, чтобы защищать ее богатства.

Новости о «беспокойствах» в Луте вскоре распространились, и отряды вооруженных мужчин под предводительством некоего капитана Коблера начали разъезжать по стране, чтобы помешать или остановить работу королевских комиссий; звон городских колоколов многочисленных приходов созывал людей. Бунтовщики требовали, чтобы король «прекратил собирать дань с простого народа, пока живет и правит, и остановил роспуск монастырей»; они призывали сдать им Томаса Кромвеля и других «епископов-еретиков», чтобы те понесли заслуженное наказание. Викарий Лута добавил, что народ потрясен «упразднением церковных праздников… и упразднением святых обителей», равно как и «новыми ошибочными суждениями по поводу Девы Марии и чистилища». Религия была средоточием их протеста.

Протестующие заручились поддержкой джентльменов[23] и отвели им, добровольно или вынужденно, руководящую роль, чтобы придать восстанию более законную форму. Несмотря на это, когда толпа сдернула с лошади и убила

[23] Примечания: 23

Джентльмены — представители низшего ранга английского нетитулованного дворянства (джентри), занимавшие промежуточное положение между эсквайром и йоменом. — *Прим. пер.*

канцлера Линкольна, науськиваемая криками священников «Смерть ему! Смерть ему!», дело приняло куда более серьезный оборот. Поступил сигнал к всеобщему вооружению, и вдоль южного берега Хамбера сторожевые зажгли маяки. Народ Йоркшира увидел эти огни и догадался об их значении. Большая армия из десяти тысяч человек, отрядами прибывших из различных уголков Линкольншира, собралась на Хэмблтон-Хилл. Она набирала силу, и сообщалось, что двадцать тысяч повстанцев пошли в наступление на сам Линкольн.

При дворе, разумеется, знали об этих событиях, и Генрих, призвав герцога Норфолка, поручил ему возглавить войско для борьбы с мятежниками. Шаткость положения была такова, что король забрал к себе в Уайтхолл двух дочерей, Марию и Елизавету, и приказал стянуть подкрепления к лондонскому Тауэру. Существовала вероятность, что вся страна может ополчиться против него. Неужели он просчитался в своей религиозной политике? Стивен Гардинер, тогдашний епископ Винчестерский, впоследствии вспоминал, что «когда во время правления Генриха VIII на севере разгорелись волнения, король, несомненно, был намерен вернуть право верховной власти

папе римскому, однако время для этого еще не пришло». До слуха Кромвеля и монарха доходили разные толки. Подмастерья уходили от своих мастеров. Города стояли без защиты. Землевладельцы восставали против своих господ. Около сорока тысяч человек примкнули к наступавшим. Король собрал вокруг себя пятнадцать советников.

Когда бунтовщики прибыли в Линкольн, джентльмены размещались в соборе неподалеку; здание капитула стало местом их собраний. К этому времени слуги Генриха мобилизовали множество всадников, а в Ноттингем, Хантингдон и Стамфорд стянулись отряды королевских войск. Мятежники намеревались затеять битву и требовали, чтобы джентльмены возглавили ополчение. Этим ознаменовалось начало гражданской войны, религиозной войны, которая могла полностью уничтожить страну. Сообщалось, что «все джентльмены и честные йомены королевства устали от такого положения дел и сочувствуют народу, однако не осмеливаются высказать свое мнение в страхе за жизнь». В каком-то смысле простолюдины держали их теперь в заложниках.

Они отправили послание королю с просьбой

о помиловании, после чего вышли из собора и отправились к раскинувшимся за городом полям, где их ожидал народ; они сообщили присутствующим, что не пойдут с ними дальше, а останутся ждать ответа от короля. Мятежники, ошеломленные этой новостью, стали опасаться полного краха своих планов. Многие разошлись по своим деревням — по свидетельствам, почти половина всего ополчения покинула Линкольн. В город прибыл королевский глашатай с требованием сдаться, и, перед лицом королевской власти, бунтари разбрелись в разные стороны. Ответ Генриха на петицию народа звучал демонстративно дерзко. «Какое нахальство слышать от вас, неотесанных простолюдинов одного графства, — написал он в запальчивости, отбросив всю дипломатичность, — одних из самых отъявленных варваров и каналий в королевстве… роптания на вашего Государя?» Большей части мятежников было даровано помилование, и лишь нескольких местных главарей вздернули на виселице. Аббатов Киркстеда и Барлингса казнили за участие в разжигании волнений. Бунт продлился две недели.

Впрочем, потухший мятеж в Линкольншире стал лишь прелюдией к куда более масштабным

и опасным брожениям в других уголках страны. «Беда сия по-прежнему тяготеет над нами, словно лихорадка, — писал один из королевских служащих Кромвелю, — один день все хорошо, другой день все плохо». Народ Йоркшира видел зажженные маяки по ту сторону Хамбера и с энтузиазмом поднял повстанческие знамена. «Не случись восстания в Линкольншире, — говорил впоследствии Кромвелю один из членов королевской комиссии, — не восстал бы и народ на севере». Мятеж на востоке Йоркшира стал, по сути, перемещением зародившегося восстания на север, однако в этот раз он проходил более организованно. Монастыри играли важную роль в жизни йоркширцев, и упразднение небольших обителей вызвало всенародное осуждение.

Восстание под номинальным предводительством дворянина Роберта Аска началось со звоном колоколов в Беверли; манифест призывал всех дать клятву верности Богу, королю, народу и святой церкви. Епископы и аристократы, разумеется, не упоминались, поскольку, согласно широко распространенному мнению, своими «нечестивыми внушениями» они сбили монарха с пути истинного. Король, простой народ и церковь — вот краеугольный камень, на котором,

как считалось, зиждется Англия. Так или иначе, ничто не могло навредить Генриху; это расценивалось бы как измена.

В народе восстание получило известность как Благодатное паломничество. Его символом стала эмблема или знамя с изображением пяти святых ран Иисуса Христа, полученных во время распятия. Это вполне может служить доказательством того, что мятежники в своем большинстве устроили религиозный протест. Их требования включали возвращение «прежней веры» и возрождение монастырей; любопытно, что еще одним требованием стало «вновь признать принцессу Марию законнорожденной дочерью и аннулировать прежний правовой акт [о ее незаконнорожденности]». Марию, таким образом, воспринимали как неофициального представителя ортодоксального католического движения.

Услышав раздавшийся в обратном порядке перезвон колоколов в Беверли, жители собрались на полях и под руководством Аска условились встретиться в Вествуд-Грин в полном вооружении; все графство поднялось на призыв, и Аск опубликовал декларацию, обязывающую «всякого человека хранить верность потомству короля и благородству крови и охранять Божью церковь от

расхищений». Лорда Томаса Дарси, королевского распорядителя в Йоркшире, уведомили о неких «умалишенных», подстрекавших к восстанию в Нортумберленде, Денте, Седберге и Уэнслидейле; он тотчас поехал в замок Понтефракт, а сына отправил к королевскому двору в Уайтхолл. Восстаниями на севере Йоркшира и в графстве Дарем руководил Капитан Нужда — скорее некая идея, чем конкретное лицо. Представляется, что население этих регионов, а с ними и жителей Камберленда и Уэстморленда сельскохозяйственные и экономические вопросы заботили не меньше, чем религиозные. В Камберленде четыре «капитана» — Вера, Нужда, Жалость и Сострадание — прошествовали торжественной процессией вокруг церкви в Бурге, после чего приняли участие в Божественной литургии.

К середине октября паломники Роберта Аска намеревались начать наступление на Йорк. Других ополченцев стянули для осады Халла, торгового конкурента Беверли, который в скором времени пал без сопротивления. Дарси отправил Генриху послание с просьбой выслать деньги и оружие, чтобы спасти королевские сокровища в Йорке. 15 октября Аск вместе с ополчением в двадцать тысяч человек подступил к городской

заставе и издал прокламацию, в которой заявлял, что враждебные королю злоумышленники стоят за всеми нововведениями, «противоречащими святой вере», и намереваются «осквернить и разграбить дочиста все государство». Это была аллюзия на ликвидацию малых монастырей и опасения за судьбу приходских церквей; однако в ней содержалась отсылка к налоговому бремени, лежащему на плечах народа.

Мэр Йорка открыл городские ворота и впустил Аска с его людьми. Первоочередным требованием было наведение порядка, в связи с чем власти издали указ, обязывавший всех мятежников или «паломников» платить два пенса за каждую трапезу. С собой Аск принес петицию, которую собирался отправить королю. В ней перечислялись все прежние жалобы и недовольства, и в первую очередь — «упразднение столь огромного числа святых обителей». Они сопровождались критикой Томаса Кромвеля и многих епископов, «кто подрывал веру в Иисуса Христа». На двери Йоркского собора Аск повесил приказ «всем верующим вернуться в свои обители». В городах и на их окраинах располагалось множество небольших монастырей. Жители, освещая путь факелами, с ликованием и торжеством сопроводили монахов

к их прежним жилищам. Той же ночью во всех новообретенных обителях, «несмотря на позднее время, отслужили заутреню».

Неудача линкольнширцев стала большим разочарованием для йоркширских мятежников, но теперь они действовали куда более дисциплинированно и целенаправленно. Они заручились — в добровольном или принудительном порядке — поддержкой местных джентри, которых обязали дать клятву, что они «присоединяются к нашему благодатному паломничеству ради народа лишь только во имя всемогущего Бога, веры и воинствующей святой церкви и служения им, оберегания короля и его потомков, религиозного очищения аристократов и изгнания всех сквернавцев и злоумышленников». Разгон всех «сквернавцев» являлся еще одним признаком народного беспокойства; считалось, что основы традиционного общественного уклада, со всеми его титулами и сановностью, находились под угрозой полного краха. Как джентри, так и простой народ были в равной степени консервативны. Аск и его сторонники, по всей видимости, искренне полагали, что действуют от лица короля и что в конечном итоге он воздаст должное всем их усилиям.

Аск пошел в наступление на замок Понтефракт

с немногочисленным отрядом из трехсот человек. Он отправил письмо собравшимся в нем вельможам с требованием сдаться. В противном случае им грозила атака. Аск прекрасно знал, что тысячи его соратников уже спешат для подкрепления. Лорд Томас Дарси решил устроить переговоры и пригласил Аска в зал для торжественных церемоний, где он мог обсудить жалобы паломников с архиепископом Йоркским и другими лицами. Аск взял слово перед этими титулованными сановниками и объяснил им, что «духовные лорды не выполнили свой долг». Двумя днями позже Дарси капитулировал и сдал замок. Генрих, равно как и другие, считал, что он не справился со своими обязанностями.

К тому времени бунт разросся далеко за пределы Йоркшира, охватив Камберленд, Уэстморленд, Дарем и Нортумберленд. Точнее сказать, существующие волнения и подозрительность еще больше обострились на фоне событий, развернувшихся на востоке Йоркшира. Бервик и Ньюкасл, а вместе с ними королевские замки в Скиптоне и Скарборо требовали от короля выполнения требований. Никакой всеобщей кампании не последовало, имели место лишь отдельные стычки; множество людей были мобилизованы, в

то время как перспективы оставались весьма туманными.

Королевского глашатая, прибывшего в замок Понтефракт, сопроводили к Роберту Аску; герольд отметил, что «выражением лица и манерой держать себя он походил на благородного принца». Ему вручили прокламацию короля, однако, по всей видимости, она представляла собой лишь набор высокопарных слов. Вскоре подоспел рапорт, гласивший, что королевская армия под предводительством графа Шрусбери собралась всего в 19 километрах к югу от Донкастера; солдаты разбили лагерь в 40 километрах от замка Понтефракт. Было решено, что Аск и его войско двинутся вниз к Дону и встанут у них на пути. Высказывалось мнение, что во всех битвах народ должно сопровождать священное знамя святого Кутберта, небесного покровителя северных регионов Англии. В Понтефракте к Аску присоединились другие отряды вооруженных ополченцев, и теперь вся местность находилась в боевой готовности.

К приблизившимся к Донкастеру мятежникам отправили королевского глашатая с сообщением от графа Шрусбери. В нем он настаивал, что гражданскую войну необходимо предотвратить,

и предлагал «четверым самым благоразумным мужам севера» прийти в Донкастер и объяснить собравшимся вельможам причины своего восстания. За этим приглашением последовали разгоряченные споры между Аском и его соратниками. Если они проиграют битву с королевским войском, их дело обречено на неминуемый крах. Если они выиграют, это всколыхнет религиозную войну, самые ожесточенные действия которой развернутся на юге. Тем не менее ничего лучше этой возможности они не имели. Немногочисленную королевскую армию можно было легко разбить, тем самым открывая себе путь в Лондон. Мятежники не знали, что среди отрядов Генриха царила смута, и не имели точного представления о военной мощи или положении своего врага. Не будучи Наполеоном или Кромвелем, Аск сомневался — и выбрал более безопасный вариант. Вельможи и бунтовщики встретятся в назначенном месте.

Отряды йоркширцев и даремцев двинулись на Донкастер, сопровождаемые идущими вдоль верениц священниками и монахами, которые напутствовали бойцов воодушевляющими речами и молитвами; они несли перед собой знамя Кутберта и пели походную песню:

Всесправедливый Бог
Отпустит воздаяние свое
И порабощенным
Дарует вновь свободу…[24]

Они выбрали четырех делегатов, проследовавших в королевский лагерь, где к Шрусбери присоединились герцог Норфолк и другие знатные сановники. Делегаты озвучили свои жалобы, включая возвращение к старой вере и сохранение прежних свобод церкви, которые записал Норфолк. Решили, что совет из примерно тридцати человек с каждой стороны соберется на Донкастерском мосту и обсудит все эти вопросы. Подробности их дискуссии неизвестны, однако Норфолк, возможно, доверительно сообщил, что встал на сторону мятежников в области религиозных вопросов; он, как известно, придерживался строгих ортодоксальных взглядов, будучи приверженцем старой католической веры.

Стороны заключили перемирие, согласно которому паломники обязались разойтись, при условии, что их жалобы будут донесены до сведения короля. Генрих неистовствовал, что Норфолк

---

[24] Примечания: 24
God that rights all / Redress now shall / And what is thrall / Again make free…

пошел на уступки тем, кого он считал злостными смутьянами; он хотел, чтобы королевская армия сокрушила их в прах. Впрочем, преимущество сейчас было на его стороне. Шансы, что паломники наберут былую мощь, практически равнялись нулю. Теперь он обладал неоспоримым козырем — временем, способным взять измором любое сопротивление. Аск и его сторонники по-прежнему верили, что король благосклонно примет их предложения; стоит лишь злосоветникам Томасу Кромвелю и архиепископу Кранмеру уйти со сцены — и король прозреет.

2 ноября всем мятежникам с севера Донкастера объявили всеобщую амнистию — за исключением Роберта Аска и девяти других зачинщиков бунта. В проповеди, произнесенной с кафедры Креста Святого Павла в предыдущее воскресенье, Хью Латимер говорил о тех, кто нес «святой Крест и Раны, возглавляя и замыкая процессию», чтобы «ввести бедный невежественный народ в заблуждение и сподвигнуть на борьбу против короля, церкви и всего королевства».

Когда Норфолк и другие переговорщики предстали перед монархом в Виндзоре, поначалу Генрих обрушился на них с гневными обвинениями за пощаду предателей; впрочем, по

прошествии времени он успокоился и принялся писать ответы на жалобы паломников. «Первонаперво, — писал он, — сколь бы трогательно ни звучали призывы к сохранению веры, условия их настолько расплывчаты, что их выполнение не представляется возможным». Генрих тем не менее воспользовался этой расплывчатостью формулировок, чтобы заявить, что он больше, нежели любой другой король, был привержен сохранению чистоты веры. Он бросил им вызов, дав понять, что на попятную не пойдет. «Сего ради, — предупредил их он, — памятуйте впредь об обязанностях подданных перед своим королем и сувереном и не вмешивайтесь более в дела, которые вас не касаются». Поразмыслив один день, однако, король решил, что разумнее всего занять выжидательную позицию, нежели открыто выступить против йоркширцев. Среди мятежников по-прежнему царил воинственный настрой, и «дикари» с севера были готовы в любую минуту примкнуть к их рядам.

Генрих отправил послание лорду Дарси, подговаривая его путем какой-либо хитрости похитить или убить Аска; Дарси ответил отказом, заявив, что «предательство или коварство по отношению к кому бы то ни было» противоречит его

принципам чести. Этот дерзкий ответ сослужил ему медвежью услугу. Некоторые полагали, что Дарси, чья верность и без того вызывала серьезные подозрения, встал на сторону приверженцев старой веры. Утверждали, что он якобы слишком легко сдал врагу замок Понтефракт. Король заподозрил, что многие представители северного дворянства тайно пособничали восстанию, и соответствующая реакция не заставила себя долго ждать. По сообщениям двух свидетелей, Дарси, услышав новости о линкольнширском мятеже, заявил: «А, значит, народ восстал в Линкольншире. Бог в помощь. Жаль, что они не затеяли это тремя годами раньше — мир был бы гораздо лучше, чем он есть сейчас». Его час расплаты был уже не за горами.

Из северных графств по-прежнему доносились слухи о народных волнениях и сходках. Еще большую тревогу, с точки зрения королевского двора, вызывали новости о том, что копии петиции паломников распространились по всему Лондону. Аск и его соратники встречались в Йорке и Понтефракте. Генрих отдал приказ Норфолку вернуться на север и потребовать незамедлительного подчинения мятежников. Ответ герцога, что подобный благоприятный исход противо-

стояния невозможен, привел короля в ярость. Его гнев был направлен как на самого Норфолка, так и на бунтовщиков. Он считал, что герцог проявил слабость и нерешительность, и даже стал подозревать его в пособничестве жителям севера. Несмотря на все это, он ясно осознавал сохранявшуюся угрозу. Генрих пообещал полное помилование и даже собрание парламента в Йорке для обсуждения требований противников; он тянул время, тайно готовя войско, чтобы сокрушить их на поле битвы.

Норфолк провел еще одну встречу с Аском и его союзниками. Он согласился, что король попал под дурное влияние Кромвеля и той ведьмы, Болейн; Благодатное паломничество открыло ему глаза на их бесчестные интриги; впрочем, монарх не был намерен санкционировать петиции, навязываемые силой. Если паломники разойдутся с миром, он благосклонно рассмотрит их требования. В отношении роспуска монастырей Норфолк заявил, что они будут восстановлены до следующего созыва парламента, на котором решится их окончательная судьба. По правде говоря, это была очередная ложь, хотя Генрих и без того уже дал понять, что способен наобещать что угодно. Мятежникам объявили всеобщую амнистию. Этого

было достаточно. Аск отправился в Понтефракт и убедил собравшихся в том, что они достигли своих целей. Он сорвал с себя эмблему Пяти Ран и заявил, что слагает с себя полномочия капитана восставших. Восстание подошло к концу.

Впрочем, обман и притворство по-прежнему оставались распространенной тактикой тех дней. В пятницу 15 декабря король передал Роберту Аску послание с одним из слуг личных покоев его величества. В нем он сообщал, что очень желает встретиться с предводителем мятежников, которому давеча даровал помилование, и открыто обсудить причину и обстоятельства восстания. Возможность реабилитировать свою репутацию показалась Аску весьма привлекательной. Как только Аска представили королю, тот встал и заключил его в свои объятия. «Добро пожаловать, мой дорогой Аск; я хочу, чтобы ты огласил свое желание перед лицом моего совета, и я исполню его».

— Милостивый государь, ваше величество позволяет тирану по имени Кромвель руководить вашими действиями. Всем доподлинно известно, что если бы не он, то семь тысяч священников, пополнивших ряды моего войска, не превратились бы в обездоленных скитальцев, коими стали.

Король даровал мятежнику накидку из алого атласа с королевского плеча и попросил подготовить историю событий последних месяцев. Возможно, Аску могло показаться, что король мысленно разделяет его позицию по важнейшим религиозным вопросам. Однако Генрих обвел его вокруг пальца. У него не было ни малейшего намерения остановить или обратить вспять процесс упразднения монастырей; он не собирался отменять никаких действующих религиозных законов; и уж тем более в его замыслы не входил созыв парламента в Йорке. Тем не менее Аск мог оказаться ему полезным. До совета доходили слухи о растущих беспорядках на севере; король обратился к Аску с просьбой помочь подавить волнения и тем самым засвидетельствовать свою новообретенную верность. У Генриха в самом деле были основания для беспокойства. Он получил сообщения о новых восстаниях в Нортумберленде. На дверях церквей висели манифесты. «Жители Нортумберленда, не сдавайте позиции. Не доверяйте дворянам. Восстаньте всем народом. Бог будет вашим господином, а я — вашим капитаном».

Один из этих капитанов возглавил восстание. Сэр Фрэнсис Бигод происходил из благородного

северного рода, чей замок располагался в пяти километрах к северу от Уитби. Однако помимо этого он был ученым, доведенным до крайней нищеты, и утверждал, что его «научные изыскания снискали зависть и подозрения». Непосредственный свидетель событий «паломничества», он не верил обещаниям короля. Бигод, которого, возможно, лучше всего охарактеризовать как консервативного лолларда, испытывал особенную неприязнь к монастырской системе; однако он боялся за судьбу северных земель и стремился защитить их. Возможно, что дух воинственности был у него в крови; его предки ранее боролись против Генриха I и Эдуарда III.

Бигод обратился к толпе с речью о недовольстве и жалобах жителей севера, многие из которых откликнулись на его слова призывом «Сейчас или никогда!». Было решено, что мятежники возьмут под контроль Халл и Скарборо и будут удерживать их до тех пор, пока король не соберет парламент в Йорке, однако в обоих местах последователей Бигода ждал решительный отпор. Томас Кромвель отправил на север наблюдателя, который в ответном послании сообщил: «Уверяю Вашу светлость, что настроение народа переменчиво, словно погода, — я полагаю, что жители

теряются в догадках и весьма озадачены; ибо они стремятся, и ищут, и жаждут чего-то, а чего — не знают сами».

Эта запоздалая волна восстаний не смогла достичь своей цели. Местные джентри, желавшие доказать свою верность королю, мобилизовали своих сторонников. Герцог Норфолк собрал войско в четыре тысячи человек, большинство из которых не так давно сражались на стороне Роберта Аска, а теперь стремились искупить свои прежние грехи. Они настигали мятежников, заманивали в засаду и чинили расправу. Один из отрядов предпринял попытку нападения на Карлайл, однако потерпел поражение и попал в плен. Норфолк обнародовал прокламацию, в которой приказывал всем бунтовщикам добровольно прийти в Карлайл и сдаться на милость короля. Так, «жалкие презренные существа», как их называли, один за другим заявляли: «Я сдаюсь из-за страха за свою жизнь»; «Я сдаюсь из-за страха потерять все свое имущество»; «Я сдаюсь из-за страха, что мой дом сожгут и погибнут мои жена и дети».

Однако ничто не могло усмирить гнев короля. Он приказал герцогу Норфолку «устроить столь жестокие казни значительного количества жите-

лей в каждом городе, деревне и селении… чтобы это грозное зрелище послужило уроком для любого, кто в будущем осмелится учинить что-либо подобное; и мы требуем, чтобы вы выполнили сей приказ без всякой жалости или уважения». По злой иронии судьбы другой приказ постановлял проведение судебных процессов над некоторыми заключенными с участием их родственников в качестве присяжных; так, например, дядя выносил смертный приговор племяннику и видел, как его голову насаживают на кол. Многих восставших повесили в родных деревнях на деревьях в их садах — в знак памяти об их измене. Других повесили в цепях. Король потребовал устроить самую беспощадную расправу как предостережение будущим поколениям.

Жестокое возмездие, как и воцарившийся после него страх, сделало свое дело. Больше не было слышно слухов или разговоров о мятеже. Не звучали жалобы о ликвидации монастырей. Народ погрузился в молчание. Предводителей восстания уже отправили в Лондон и определили в Тауэр. Лорд Дарси предстал перед судом в Вестминстер-Холле по обвинению в измене и был обезглавлен на Тауэр-Хилл. Роберта Аска, несмотря на прежнее гостеприимство короля, судили и

признали виновным. Его повесили в Йорке.

Если бы мятежники держались сплоченнее и перехватили инициативу, то они могли бы дойти до Лондона и королевского двора. Это им не удалось, однако они обнаружили сильное течение народного протеста против религиозной политики короля и Кромвеля. Большинство людей стремились сохранить статус и состояние своих приходских церквей и боролись против всякого рода нововведений. Они настаивали, к примеру, что *cura animarum*, или «забота о душах», должна вновь стать обязанностью папы римского. Они критиковали Лютера и его единомышленников, которых называли еретиками. Тем не менее Генрих сумел их подавить; хитростью и вероломством он разрушил планы их предводителей. Он нарушил обещания, данные от его лица герцогом Норфолком. В свою защиту, возможно, он мог сказать — а как еще бороться с предателями? И он одержал победу. Кранмер писал, что противники реформы «теперь обузданы и усмирены и боле нам не противятся». Генрих мог безнаказанно двигаться дальше.

10. Конфискации

Всех монахов и аббатов, замешанных в последнем восстании, схватили и казнили, а их дома конфисковали в пользу короны. Аббатов Киркстеда и Барлингса, Фаунтэйнс, Жерво и Уэлли вздернули на виселице; годом позже за ними последовали аббаты Гластонбери, Колчестера и Рединга. Это была лишь прелюдия к полномасштабным изъятиям имущества. Факт одержанной королем победы над Благодатным паломничеством означал, что у Генриха и Кромвеля теперь были развязаны руки для продолжения и расширения своей ликвидационной политики. В течение трех лет мужские и женские монастыри, святые обители нищенствующих братств и приорства были упразднены.

Но Генрих по-прежнему опасался общественного недовольства. Он рассказал о своем методе правителям Шотландии, и они начали собственную кампанию по роспуску монастырей. Он посоветовал им держать свои намерения «в строжайшей тайне», чтобы пресечь любые попытки духовенства помешать процессу. Он высказал

мнение, что необходимо разослать ревизоров по духовным обителям, «якобы для проверки должного содержания оных», а на деле «чтобы собрать сведения обо всех их прегрешениях». Шотландские правители должны были меж собой обсудить раздел монашеских земель «ради собственной выгоды и почета». Монахам и аббатам полагалось определенное финансовое вознаграждение. Он действительно следовал такой политике.

Некоторых крупных аббатов сначала обязали передать в пользу короля свои дома и подписать декларацию, гласившую, что «они серьезно осмыслили, что их поведение и образ жизни, который они и другие приверженцы их мнимой религии долгое время вели, состояли из весьма нелепых обрядов… слепо соблюдаемых ими, не ведающими истинных Божьих законов». Конфискацию с определенной оговоркой можно назвать добровольной, хотя она и подкреплялась угрозами заключения или казни. За добровольными изъятиями последовали принудительные — по мере того, как один за другим распускались большие монастыри. За первые восемь месяцев 1538 года, к примеру, тридцать восемь из них перешли во владение короны.

Представитель Кромвеля в монастыре Льюис писал: «Нам пришлось сровнять все здание с землей». Первыми снесли правый свод и главный алтарь, за ними последовали крещатые перекрытия, стены и колонны церкви. «Из Лондона мы привезли с собой, — писал он, — семнадцать человек, троих плотников, двух кузнецов, двух водопроводчиков и одного печника». В печи переплавляли снятые с крыши свинцовые листы. Ничто не пропало даром. Страницами книг из монашеских библиотек, некогда составлявших славу Англии, скоблили подсвечники или начищали обувь; было у них и другое предназначение — ведь страницы могли послужить «общим нуждам всякого человека, прибитые гвоздями к столбам во всех ретирадных местах». Ретирадным местом называлась уборная.

Юноша, живший в окрестностях аббатства Рош на юге Йоркшира, пообщался с одним из рабочих, который принимал участие в сносе аббатской церкви.

— Был ли ты, — спросил он, — хорошего мнения о верующих и об исповедуемой в то время религии?

— Да, — ответил работник, — у меня не было причин думать о них плохо.

— Так почему же ты с таким рвением разрушаешь и грабишь то, что так высоко ценил?

— А разве не могу я поживиться богатствами аббатства, как другие? Все соблазнились выгодой, и я тоже.

Так звучали слова англичанина — выразителя общественного мнения эпохи Реформации.

Суровее всего обошлись с картузианцами; летом 1537 года составили список, свидетельствовавший о выпавшем на их долю жребии — среди них были «покойные», «стоявшие на пороге смерти» и «больные». Чартерхаус в Смитфилде превратили в место проведения состязаний по борьбе, а церковь стала складом королевских шатров; алтари приспособили для игорных столов.

Чем отчетливее ощущалась неминуемость упразднения, тем охотнее монастыри распродавали и сдавали в аренду свое имущество. Монахи Бишемского аббатства продавали свои ризы в здании капитула, а в самом монастыре организовали рынок, куда принесли на продажу собственные монашеские куколи.

Несмотря на все это, о жизни самих монахов также позаботились. В монастыре Касл-Акр, к примеру, духовникам выплатили по два фунта стерлингов и назначили скромную ежеквартель-

ную пенсию; это стало общепринятой практикой. В результате некоторые монахи не противились роспуску обителей и даже приветствовали его. «Слава Богу, — сказал бывший аббат Больё, — я избавился от своих нечестивых монахов». Бывший аббат Сотри признался, что «в свою бытность аббатом я не вылезал из долгов». Некоторые аббаты стали епархиальными епископами, и их благосостояние процветало как никогда. Настоятель Семпрингема, к примеру, стал епископом Линкольна, а аббат Питерборо Джон Чемберс — епископом одноименной епархии. Сами монахи зачастую становились канониками или пребендариями соборов.

Идеи сопротивления по-прежнему отстаивали смельчаки — или безумцы. Когда один из монахов картузианской обители в Хинтоне не признал верховенства монарха, остальные члены братии поспешили объяснить, что он душевнобольной. Королевские ревизоры иногда покидали обители крамольников, оставляя их незащищенными и отрезанными от остального мира до следующего своего визита. Впрочем, иногда конфискации проходили внезапно и без всякого промедления. Монахов Ившема комиссия застигла за хоровыми песнопениями во время вечерни и приказала им

«завершить службу».

Куда же отправляли церковные богатства? Изначально предполагалось, что роспуск монастырей затевался ради высшего блага всего народа. Доход различных монастырей должен был пойти на содержание колледжей, больниц и школ, «посредством которых можно содействовать богоугодным делам, растить и воспитывать детей, обучать клириков в университетах, обеспечить старых служителей средствами к существованию, а для неимущих построить богадельни, назначить щедрые стипендии преподавателям греческого, латинского и иврита, ежедневно раздавать милостыню, ремонтировать дороги…». Все это так и осталось только на бумаге. Единственным божеством, которому поклонялись власть имущие, был золотой телец.

Сложно оценить масштабы упразднения монастырей. Считалось, что на тот момент духовенство владело одной третью всех земель, однако справедливее будет предположить, что под контролем монахов находилась одна шестая всей территории Английского королевства. Для короны эти территории, означавшие несметные богатства, представляли собой самую крупную передачу прав собственности на землю со времен

Нормандского завоевания.

Крупнейшие наделы доставались тем, кто предложил самую высокую цену — или самую высокую взятку. Многие территории отошли местным джентри или торговцам-нуворишам, желавшим закрепить свой статус в обществе, основанном на землевладении. Это был способ заручиться верностью набиравших влияние семей как по отношению к Реформации, так и самой династии Тюдоров. Земли скупали и городские торговые компании, и синдикаты инвесторов, среди которых были доктора и адвокаты. Гостиные состоятельных жителей украшали алтарные покровы, вместо ковров на столах и кроватях лежали ризы. Некогда священные потиры и дискосы теперь использовались в быту. Сообщалось, что в Бервике одну из крестильных купелей приспособили для лохани, «в которой вымачивали мясо и засоленную рыбу».

Многочисленные монастыри и приорства достались придворным чинам. Кромвель и герцог Норфолк, например, поделили между собой земли и доход богатых клюнийских монастырей в Льюсе и Суссексе, а также Касл-Акра в Норфолке. Впоследствии Кромвель прибавил к этому земли и доход еще шести монашеских обителей и стал

повсеместно считаться самым богатым (после короля) человеком в Англии. Герцог Нортумберленд завладел восемью монастырями, а герцог Суффолк стал хозяином тридцати религиозных учреждений. Огромные количества церковной утвари и драгоценностей свозились в королевскую казну.

Из руин разграбленных монастырей и аббатств выросли новые здания. Сэр Уильям Полет (первый маркиз Винчестер) выкупил аббатство Нетли и построил роскошную резиденцию на месте разрушенной церкви и монастыря; сэр Томас Райэтсли (первый граф Саутгемптон) приспособил неф аббатства Титчфилд под дом привратника, а сэр Эдвард Шэрингтон превратил женский монастырь в родовое поместье. Сообщалось, что один дворянин из Ланкашира, приобретя аббатство, «устроил гостиную на месте алтаря, зал из церковного нефа и кухню в соборной башне». Башня Остин-Фрайерс в Лондоне использовалась для хранения угля. Минориз, аббатство монахинь из ордена Святой Клары, превратили в оружейный склад, а в аббатстве Святой Марии Грейсис, отданной в ведение морского флота, разместили огромные хлебопекарные печи. Обитель Кратчт-Фрайерс, расположившуюся на одноименной

улице возле Тауэр-Хилл, что и по сей день носит это имя, превратили в стекольную фабрику. Другие церкви приспособили для конюшен, столовых и таверн. В аббатствах Малмсбери и Озни разместились швейные предприятия.

Некоторые из самых влиятельных придворных открыто требовали доли церковных богатств. Сэр Ричард Гренвиль, маршал Кале, в письме Кромвелю сообщал, что «если я не получу своей части конфискованных земель, приобретя их покупкою или в дар от его величества, я буду белой вороной на фоне немногочисленных высокопоставленных подданных королевства». Другими словами, он следовал примеру всех остальных.

Пререкания и торгашество развернулись и среди самих монахов. Аббату Ателни предложили в качестве компенсации 100 марок и другой духовный пост. Вскинув руки, он заявил: «Я скорее проживу три дня на воде и хлебе, чем приму такое жалкое подаяние». Один монах пытался продать дверь своей кельи за два шиллинга, утверждая, что на самом деле она стоит больше пяти. Так, в течение трех лет десятивековой жизненный уклад полностью рухнул.

Своего рода спасительной благодатью, пожалуй, было то, то восемь соборных церквей, в

которых прежде служили монахи и монахини, теперь стали светскими соборами. Самыми главными соборами Англии являлись Кентербери, Рочестер, Винчестер, Или, Норидж, Вустер, Дарем и Карлайл. Снесли лишь монашеский собор в Ковентри. Остальные сохранились как центры музыки и певческой литургии в послереформенном королевстве, с всевозрастающей тревогой наблюдая за шаткостью своего положения.

Сложно оценить последствия роспуска монастырей для развития образования в стране. Предпринимались определенные попытки заменить религиозную подготовку светской. Количество образовательных учреждений выросло на рубеже XV–XVI столетий, однако потребность в формальном обучении никоим образом не ослабла и не изменилась. Генрих и его министры, к примеру, жертвовали средства двенадцати постоянно действующим классическим школам в городах с кафедральными соборами, и можно с определенной уверенностью утверждать, что XVI век по-прежнему оставался веком классической школы. Наиболее состоятельные торговцы спонсировали школы в своих городах, а место монашеских учебных заведений заняли районные. Например, в бывшей монашеской обители

Грейфрайерс в Лондоне учредили больницу Крайст-Хоспитал.

Ведущий реформатор Хью Латимер неустанно напоминал духовенству Винчестерского собора о долге обучать детей английскому языку, а Кранмер тем временем предложил создать коллегиальный фонд в Кентербери вместо монашеской кафедральной школы. Впрочем, старая вера еще могла оказаться полезной: некоторые монахи начали новую жизнь в качестве учителей своих деревенских или городских школ; в часовнях разместились классные комнаты.

Одними из последних упраздненных монастырей стали Колчестер, Гластонбери и Рединг, чьих аббатов уличили в подстрекательстве к мятежу. Сообщалось, что аббат Гластонбери, обвиненный в сокрытии или незаконном присвоении ценностей своей обители, заявил: «Король никогда не получит мой монастырь, кроме как отберет его силой». Куда более серьезными, возможно, были обвинения в предполагаемой поддержке мятежников с севера и их Благодатного паломничества. Он называл их «добрыми христианами» и «славными людьми». Обнаружилось, что он вместе с аббатом Рединга снабжал паломников деньгами. При обыске самого аббатства в стенах, подвалах

и других «тайных местах» было обнаружено золото и серебро, драгоценные сосуды и разнообразная церковная утварь. Ревизоры обыскали покои аббата и нашли в них подозрительные принадлежности, в числе прочего — папские буллы и тезисы против королевского развода. Его допросили и сочли ответы «злоумышленными и предательскими».

Аббата обвинили в измене и приговорили к смертной казни; его протащили по улицам Гластонбери, после чего вздернули на виселице на холме конической формы, известном как Гластонбери-Тор. Голову аббата посадили на кол, а четвертованное тело разбросали по Сомерсету. Так была уничтожена одна из величайших святынь Англии и — предположительно — хранилище Святого Грааля и могила короля Артура. Аббатов Рединга и Колчестера постигла такая же судьба в своих городах.

Затем пришла очередь женских и мужских обителей. В Англии в ту пору существовало около 140 женских монастырей, в которых жило порядка 1600 монахинь, большая часть из которых принадлежала к ордену бенедиктинцев. Монахине, в отличие от монаха, было гораздо сложнее устроить свою жизнь в светском мире; она не могла

найти достойного труда, чтобы зарабатывать на жизнь, а ее положение незамужней женщины причиняло еще больше неудобств в обществе, считавшем брак единственным уделом особы женского пола. Как бы то ни было, монахи и монахини по-прежнему оставались связанными обетом целомудрия.

Монахини Ленгли, по свидетельствам членов королевской комиссии, «все до единой желали сохранить свой отшельнический образ жизни». Настоятельница обители «стара и немощна», а «другая инокиня, считай, юродивая». Однако и их не пощадили. Упразднение женских обителей принесло жителям близлежащих окрестностей неподдельное огорчение. Зачастую они играли роль гостиных домов для более влиятельных джентри. Леди Одли, к примеру, раньше посещала церковь в женском монастыре Ленгли вместе со своими двенадцатью собаками.

Обители служили центрами элементарного образования для благородных девиц, обучая их врачеванию, рукоделию, кулинарии, письму и рисованию. Великая эпоха женской духовности, воплощенная в таких исторических личностях,

как Юлиана Нориджская[25], подошла к концу.

Осенью 1538 года мужские монастыри были ликвидированы. Все они располагались в пределах городов или их окрестностей, а сами монахи занимались активной миссионерской деятельностью, проповедуя среди народа. Всего насчитывалось 200 обителей, служивших домом для примерно 1800 послушников. Они не владели сколь-либо значительным состоянием или ценностями, однако власти сочли нужным, чтобы они тоже признали верховенство короля. Во многих случаях их покорность выражалась в признании себя виновными в неназванных «преступлениях и грехах». Иногда против них выдвигались более конкретные обвинения. Их уличали в занятиях черной магией. Общество монахов-августинцев в Лондоне сравнивали со стадом диких зверей в Шервудском лесу и утверждали, что они якобы сидят в пивной с шести утра до десяти вечера, «словно хмельные

[25] Примечания: 25

Юлиана Нориджская, или Норвичская (Dame Julian of Norwich, 1342–1416), — английская отшельница и первая писательница Англии, автор «Откровений божественной любви». См.: *Юлиана Нориджская*. Откровения божественной любви / Пер. Юлианы Дресвиной. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010.

фламандцы»[26]. На самом деле главным их преступлением было сопротивление реформе. Среди монахов-францисканцев, в частности, звучали особо громкие голоса в поддержку Екатерины Арагонской. Некоторые монахи сменили рясы на светские облачения священника, другие вернулись в мирскую жизнь. Впрочем, Томас Кромвель повстречался с одним монахом, по-прежнему носившим старые одеяния. «Если до часу мне доложат, что ты так и не сменил эти одежды, — предупредил он его, — тебя тотчас же вздернут на виселице в назидание другим».

Роспуск монастырей повлек за собой уничтожение хранившихся в них святынь и реликвий. «Милосердное распятие» из аббатства Боксли в графстве Кент являлось одним из таких предметов религиозного почитания. Поборникам новой веры оно было известно как Дагон из Ашдода или Вавилонский Бэл. Реликвия представляла

---

[26] Примечания: 26

Фламандские протестанты в XVI в. переселялись в Англию, спасаясь от преследований со стороны католиков Габсбургов. Они варили пиво с использованием хмеля, что отличало получаемый напиток от обычного английского эля. Англичане считали хмель подозрительной травой. Фламандцы принесли свой способ пивоварения еще в XV в. Сложился куплет: «Хмель, лютеранство, лаврушка и пиво / Стали нам в Англии необходимы» (Hops, Reformation, Bays and Beer / Came into England all in one year). См.: *Peter Matthew McCluskey*. Representation of the Flemish on the Early Modern Stage. New York: Routledge, 2019. Действие куплета относится к 1524 г.

собой деревянное распятие с фигурой Иисуса Христа, голова и глаза которого могли двигаться; в некоторых случаях все тело на кресте начинало дрожать, демонстрируя, что молитвы верующих услышаны. К этому чудотворному изваянию стекалось множество паломников с подношениями. Человек по имени Партридж заподозрил обман и, обследовав распятие, продемонстрировал всем внутренние пружины, приводившие в движение фигуру Христа. Крест привезли в Лондон, разломали на мелкие части и бросили их толпе возле собора Святого Павла.

Летом 1537 года с широко почитаемой статуи Богоматери Вустерской сорвали все одежды и драгоценности и обнаружили под ними истукан раннесредневекового епископа. Изображения Девы Марии снимали со святынь в Ипсвиче, Уолсингеме и Кавершеме; на телегах их свозили в Смитфилд и сжигали. Святая кровь аббатства Хэйлз, которую в народе считали кровью самого Христа, оказалась смесью меда и шафрана. Епископ Солсбери Николас Шэкстон призывал к уничтожению всех «смердящих башмаков, замызганных расчесок, обносившихся стихарей [церковных одеяний], трухлявых поясов, истерханных [ветхих] кошелей, бычьих рогов, локонов

волос, грязного шмотья и деревянных чурбанов под видом обломков креста Господня...». Некоторое время спустя вышел указ, запрещавший «целовать и облизывать» мнимые священные изваяния.

Это была всего лишь прелюдия к величайшему акту уничтожения или осквернения в истории Англии. Гробница святого Томаса Бекета[27], пожалуй, превосходила все другие подобные святыни в мире по своему богатству. Чистейшее золото было наименее дорогим из ее материалов, а Эразм Роттердамский писал, что «вся она сияла, сверкала, искрилась редкими и невероятно крупными драгоценными камнями, размером порой превышавшими гусиное яйцо». Она представляла собой сокровищницу религиозного поклонения, чудодейственную и магическую святыню. Теперь ее разобрали на части, а драгоценностями и золотом нагрузили деревянные сундуки и отправили в Лондон на двадцати шести повозках, запряженных волами. Из од-

[27] Примечания: 27

Бекет Томас (1118–1170) — английский религиозный деятель, архиепископ Кентерберийский с 1162 г. Вступил с спор с королем Генрихом II, отстаивая неподсудность духовенства королевскому (светскому) суду и неправомерность обложения церкви королевскими налогами. Убит по приказу Генриха II, канонизирован папой римским Александром III в 1173 г.

ного массивного рубина, подаренного святому французским королем Людовиком VII, ювелиры сделали кольцо, которое Генрих впоследствии носил на большом пальце руки.

Самого святого понизили в статусе — отныне истории он был известен как епископ Бекет; все его изображения убрали из церквей, а из церковного календаря вычеркнули день его памяти. Устроили заочный судебный процесс и обвинили в государственной измене. Бекет не был святым мучеником, но лишь предателем своего господина. В силах короля, таким образом, было канонизировать и деканонизировать святых. Останки Бекета эксгумировали и сожгли на костре посреди города; его пепел затем развеяли по ветру, выпалив им из пушки. Именно тогда папа римский Павел III принял решение обнародовать свой Билль о низложении английского короля, объявляя его отлученным от церкви и освобождая народ от обязанности ему подчиняться. Никаких практических последствий этот указ не имел.

Разрушение святынь способствовало тенденции осмеяния и глумления над всеми испокон веков существовавшими верованиями. Можно было услышать, как кто-то говорит: «Если бы Дева Мария жила на земле, я бы трепетал перед ней не

более чем в присутствии уличной девки». Когда во время одной мессы священник воздел над головой Святые Дары, один из прихожан поднял вверх маленькую собаку. Сообщалось, что некоторые жители городка Рай заявляли, что «месса — не что иное, как скоморошество с показыванием фокусов» и что «они охотнее будут слушать лай собаки, чем песнопения священника».

За упразднением мужских монастырей последовало сожжение монаха. Джон Форрест, монах-францисканец, четыре года провел в заточении за отказ признать верховенство короля. 22 мая 1538 года над поленницей дров в Смитфилде повесили клетку из цепей. Вскоре над костром должна была появиться осквернённая икона святого — некоего Дарвела Гадарна, почитавшегося в Северном Уэльсе. Икона изображала святого воителя с мечом и копьем в руках. Говорили, что тех, кто приносит в жертву деревянному изваянию деньги или животных, святой спасет из чрева самого ада. Считалось, что статуя может заставить запылать пожаром лес. Теперь самому Дарвелу суждено было сгореть в пламени костра.

Казнь проходила вполне традиционно. На деревянных кольях Форреста протащили от Ньюгейта до Смитфилда, где собралась десятитысячная

толпа горожан. Епископом для прочтения проповеди выбрали Хью Латимера, который незадолго до этого воодушевленно писал Томасу Кромвелю: «Если вашей светлости будет угодно, чтобы я разыгрывал шута по своему обычаю во время истязания Форреста, то пусть мой помост установят подле грешника». С кафедры, сооруженной на возвышении рядом с эшафотом, Латимер прочел трехчасовую проповедь. Форрест в ответ на увещевание епископа раскаяться громко воскликнул: «Если бы сам ангел спустился с небес и сказал, что всю жизнь я заблуждался в своих убеждениях, я бы не поверил ему».

«О, — ответил Латимер, — какой же ересью папа наполнил святую церковь! Дабы ты узрел всю ложность такой веры, я покажу тебе одного из его идолов, которому многие века слепо поклонялся народ Уэльса». По сигналу Кромвеля восемь человек вынесли икону Дарвела Гадарна на всеобщее обозрение, вызвав пронзительный крик в толпе горожан, после чего трое палачей, продолжая начатую комедию, принялись связывать ее веревками и цепями, чтобы не дать ускользнуть.

«Ваше преосвященство, — обратился к епископу Кромвель, указывая на Форреста, — я полагаю, что зря вы мучаетесь с этим упрямцем. Лучше

отправить его на костер». Затем он повернулся к солдатам: «Заберите его немедленно».

Форреста отвели к месту казни и вздернули в клетке с цепями. Деревянную икону святого бросили в сложенную под ним поленницу дров и подожгли.

Когда монах, висевший над огнем, почувствовал обжигающие языки пламени, он ударил себя в грудь и прокричал: *Domine miserere me!* (Помилуй мя, Боже!) Он умирал в течение двух медленных часов. В предсмертной агонии монах цеплялся за приставную лестницу, чтобы, раскачавшись, увернуться от пламени костра, однако ему это не удалось. Историк Эдвард Холл без особого сожаления отмечал, что «монах столь нетерпеливо ждал своего конца, как ни один христианин, вверивший судьбу Богу». Вскоре на улицах Лондона зазвучала сатирическая песня:

Теперь воочию видим мы,
Какие же это истинно боги
Инда куклы, истуканы и лешие;
Низвергнешь их трижды —
Ни единожды не оживут,
Не воскреснут, чтоб защитить се-

бя[28].

Несколько часов спустя святое распятие или крест в церкви Святой Маргариты Паттенс на Руд-Лейн варварски уничтожили неизвестные. Впрочем, разрушить или стереть с лица земли догматы старой веры было не так просто.

[28] Примечания: 28

But now may we see, / What gods they be / Even puppets, maumets and elves; / Throw them down thrice / They cannot rise / Not once, to help themselves. Это баллада Уильяма Грэя (William Gray) «Вымысел идолопоклонства» (Fantasy of Idolatry), написанная в 1538 г.

11. Старые обычаи

В начале 1537 года епископам было поручено составить манифест веры, который бы отражал в общих чертах замысел Генриха найти некий срединный путь между ортодоксальностью и реформой. Епископам так и не удалось достичь соглашения ни по одному вопросу. Итогом их дебатов стало то, что епископ Уинчестерский назвал «общим складом, где каждый оставил на хранение те товары, которые захотел». Одни считали, что существует всего три церковных таинства, другие — семь, третьи — целая сотня. Епископы сидели за столом, покрытым напрестольной пеленой, позади которого стояли их советники. Предварительно согласовав заключительные положения, они не мешкая разошлись: Лондон охватила чума и неподалеку от входа в Ламбетский дворец лежали мертвые тела.

Король, внимательно просмотрев документ, внес в текст множество поправок. Томас Кранмер, наблюдавший в тот момент за работой монарха, позволил себе смелость исправлять его смысловые и грамматические ошибки. Обра-

щаясь к правителю, он отметил, что одно слово «затрудняет понимание предложения и вовсе тут лишнее», и напомнил ему, что «значение претерита (формы прошедшего времени) нельзя сочетать со значением настоящего времени». По всей очевидности, дерзкие замечания архиепископа не прогневали Генриха.

Труд, изначально озаглавленный как «Наставление христианина», получил известность под названием «Епископская книга». По сути, он представлял собой серию пастырских наставлений для народа, близких по духу к предписаниям старой веры, признанных приемлемыми в новых религиозных реалиях. Главное различие верований заключалось в противоречии между верой и деяниями; лютеране считали, что единственная надежда на искупление заключается в вере во Христа[29]; все человечество погрязло в грехах, но искупительной жертвы Христа — его распятия на кресте — достаточно, чтобы спасти заблудшие души. Если человек возлагает всю свою веру и надежду на Христа, ему будет даровано спасение. Деяния и поступки не имеют никакого значе-

[29] Примечания: 29

Лютеранский догмат об оправдании (спасении) только верой отличается от католического вероучения о спасении благодаря посредничеству церкви, вере и добрым делам.

ния. Это был вопрос перерождения в Божьей благодати, подобно вспышке молнии, когда грешник всецело вверял себя милосердию Господа. Приверженцы догматов старой веры глубоко расходились с положениями этой доктрины, считая, что акты милосердия и благочестивые деяния являются непреложным условием спасения; они ревностно отстаивали убеждение, что семь церковных таинств являются частью искупления.

В Епископской книге этот вопрос деликатно обошли стороной посредством творческой двусмысленности. В частности, в новой редакции короля отсутствовали или были исправлены параграфы об оправдании одной лишь верой, написанные Кранмером. Там, где Кранмер утверждал, что верующий становится «собственным сыном Господа через принятие и веру», Генрих добавил слова «доколе соблюдаю я его заповеди и законы». В окончательном варианте текста подчеркивалась вера, но без привязки к лютеранской доктрине, и в то же время сокращалась роль благочестивых деяний без опровержения католического вероучения. Однако книга защищала такие многовековые практики, как шествие со свечами на Сретенье Господне и освящение крестильной купели. Генрих потребовал изменить

раздел о трех церковных таинствах и добавить в него недостающие четыре. По всей видимости, большинство людей не сомневались, что «старые традиции» продолжат существовать и впредь.

Один из мировых судей кентского города Рейнхем высказал мнение, что новая книга «дает полную свободу старым традициям, заставляя умолкнуть всех адептов нового учения, которые более не смеют сказать ни слова». В ответ на это Кранмер заявил, что «если верующие беспристрастно прочтут те прежние заявления, то осознают, что все эти атрибуты веры — чистилище, паломничества, моление святым, иконы, просвира, святая вода, заслуги, деяния, церемонии — не должны вновь стать предметом прошлых злоупотреблений». Епископская книга, таким образом, допускала различные толкования.

На следующий год английская Библия была представлена народу в виде набора религиозных предписаний. Томас Кромвель обнародовал приказ, согласно которому в течение двух лет каждой церкви поручалось обзавестись собственной копией Библии на родном языке и представить ее прихожанам; ее необходимо было прикрепить цепями на открытом месте, чтобы каждый имел возможность ее читать. Изданная Библия

основывалась на редакции Майлса Ковердейла, вышедшей в 1535 году и являвшейся, в общем и целом, переработкой оригинальной версии Тиндейла. Таким образом, человек, которого обвиняли в ереси и чей перевод по приказу короля сожгли одиннадцатью годами ранее, теперь стал невоспетым и непризнанным автором новой английской веры. Каждой церкви также велели разместить на столе по одной книге, содержавшей «Отче наш», «Аве Мария», Символ веры и десять заповедей — также на английском языке.

Этот перевод зачастую считается одним из величайших моментов в истории Реформации. Он сразу отождествил английскую Библию с религиозными преобразованиями, тем самым связав прообраз будущей протестантской веры с национальным английским самосознанием. В XVII веке, в частности, культурная и религиозная история стали единым целым. Жизненный путь Оливера Кромвеля, к примеру, невозможно понять без должного осмысления английского перевода Священного Писания. Стоит отметить, что Оливер Кромвель приходился дальним родственником Томасу Кромвелю через брак своего прадеда. Перевод Библии сформировал в Англии библейскую культуру словесности, в отличие от

преимущественно визуальной культуры прежнего средневекового мира. Эта видоизмененная культура впоследствии нашла отражение в произведениях Мильтона и Баньяна, Блейка и Теннисона.

Английская Библия способствовала формированию языка религиозной веры. Ковердейл первым ввел в обиход такие выражения, как «сердечная доброта» и «милосердие Божье». В одном из трактатов тех времен говорилось, что «у каждого жителя Англии теперь в руке — равно как и в каждой церкви и ином месте — есть священная Библия на его родном языке». Историк XVII века Уильям Страйп писал: «Всякий, кто мог, купил эту книгу, или жадно читал ее, или просил других прочесть ее ему». Текст Священного Писания вслух зачитывали с кафедры собора Святого Павла собравшимся толпам народа. Подданные короля питали надежду, что чтение Библии привьет чувство послушания законным властям — с тем лишь отличием, что блюсти верность теперь полагалось королю, а не папе римскому.

В том же собрании религиозных постановлений Томас Кромвель приказал каждому приходскому священнику или викарию «завести книгу либо журнал, в который следует записывать день и год

каждой свадьбы, крестин и похорон». Приходские журналы ведутся по сей день, ознаменовав собой одно из наиболее значительных нововведений послереформенной веры. Согласно другому указу, иконы святых угодников более не признавались священными, а стоявшие перед ними лампады и свечи надлежало убрать. Католическую церковь Англии предстояло очистить от всего лишнего и реформировать, не подрывая при этом ее устоев.

Кромвель приказал духовенству хранить молчание в вопросах толкования Священного Писания, «не пустословить и не краснобайствовать, не заниматься словопрениями и не обсуждать оное; и не думать, яко знают то, чего на самом деле не знают». Подобная осмотрительность в отношении религиозной доктрины имела первостепенное значение на фоне опасений новых разногласий и недовольства в стране, которая едва избежала разрушительной религиозной войны.

Нарочитой двусмысленности религиозных реформ самой по себе было достаточно, чтобы пресечь дальнейшие попытки пропаганды лютеранства. Летом 1538 года некоторые немецкие лютеране прибыли в Англию, чтобы изучить перспективы заключения союза в вопросах веры;

король намеренно заманил их в Лондон, намекнув на возможность соглашения с немецкими правителями, например с курфюрстом Саксонии и ландграфом Гессена, составив тем самым противовес папе римскому и императору. Оставалась, впрочем, одна проблема. Один из членов делегации Генриха, Роберт Барнс, однажды заявил самому Лютеру, что «мой король безразличен к религии». По-видимому, это была правда.

Немецкая дипломатическая миссия из трех делегатов так ничего и не добилась. Их разместили в скверных условиях, «со стаями крыс, денно и нощно носившихся по комнатам и причинявших огромные неудобства, и с кухней, столь близко располагавшейся к уборной, что от запаха всем становилось дурно»; один из делегатов серьезно заболел. В вопросах веры король оставался вежлив, но непреклонен. Посланцы стремились положить конец таким злоупотреблениям, как мессы по личному заказу и принуждение духовенства к целибату, однако Генрих не пошел на компромисс. Задержавшись в Лондоне почти на пять месяцев, делегаты с облегчением вернулись к себе в Германию. Лютеранский реформатор Меланхтон отправил личное письмо Кранмеру, сетуя на содействие папским предрассудкам.

Из Германии прибыли и первые анабаптисты; они верили, что крещение младенцев противоречит сути Нового Завета и что они являются истинными избранниками Божьими, которые не нуждаются в каком-либо внешнем авторитете. Всеми благами (включая жен) полагается владеть сообща, в ожидании неминуемого второго пришествия Христа. В прокламации, обнародованной в ноябре 1538 года, король приказал им покинуть страну; того, кто остался, преследовали и предавали смертной казни.

Неприязнь Генриха к любому, на ком лежало порочное пятно неортодоксальной доктрины, стала очевидной в тот же месяц во время судебного процесса против школьного учителя Джона Ламберта, обвиненного в отказе признать божественное присутствие Христа в Святых Дарах причастия. Сам король присутствовал на заседании суда по делу о ереси, с ног до головы облаченный в одежды из белоснежного шелка — символ невинности; его стража также была одета во все белое. Кромвель писал: «Удивительно видеть, насколько царственен… и благосклонен его величество в своих попытках обратить нечестивца в веру истинную, насколько убедительны и явственны доводы его величества против него».

Судебный процесс проходил в банкетном зале Вестминстерского дворца. «Скажи-ка, милейший, — начал король, — как звать тебя?» Он восседал на помосте под балдахином со своими лордами по левую руку и епископами — по правую. На поверку оказалось, что Ламберт использовал вымышленное имя, чтобы избежать обнаружения, и попытался объяснить это королю. Громовым голосом король перебил его: «Я бы не поверил тебе, двуликий притворщик, будь ты моим братом». Дело в суде, как полагал Ламберт, несомненно было уже им проиграно.

— Скажи мне откровенно, признаешь ли ты, что это есть тело Христово?

— Это не есть его тело. Я отрицаю это.

— Так запомни ж ответ свой — ибо будешь ты осужден словами самого Христа. *Hoc est enim corpus meum*. Сие есть тело мое[30].

Допрос продолжался пять часов.

— Будешь ли ты жить или примешь смерть

---

[30] Примечания: 30

Цитата из Евангелия от Матфея (26:26) в рассказе о Тайной вечере: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое». То же — у Марка (14:24), Луки (22:19) и в Первом послании к коринфянам (1 Кор. 11:24). У Луки и в послании добавляется утверждение «творите сие в Мое воспоминание», что лютеране толковали как аргумент против догмата о пресуществлении, то есть действительном превращении хлеба и вина во время причащения в плоть и кровь Христову.

свою? — спросил король обвиняемого в конце судебного заседания. — У тебя еще есть выбор.

— Я вверяю душу свою Господу и тело свое милости короля.

— В таком случае ты должен умереть. Я не стану защищать еретиков.

Через шесть дней Ламберта казнили в Смитфилде. Пламя костра сожгло его бедра и ноги, однако стража подняла его еще живого на алебарды и бросила в огонь. «Никто, кроме Христа! — прокричал он. — Никто, кроме Христа!» — и испустил дух.

Из другой страны прибыл очередной религиозный посланник. Английский кардинал Реджинальд Поул был отправлен Римом в качестве папского легата, однако король, услыхав о его миссии, по понятным причинам отказался пускать его в страну, окружив его шпионами и наемными убийцами. Сам Генрих отправил письмо Карлу V, предупреждая его о том, что кардинал жаждет посеять вражду между государствами; нравом он «столь злоехиден, что не способен ни на одно благое дело, но будет рыдать крокодиловыми слезами, изливая яд своей змеиной натуры».

Получив известие о прибытии кардинала во

Францию, Генрих написал своему послу: «Мы будем очень рады, если вышеупомянутого Поула свяжут и препроводят в Кале»; самого Поула проинформировали, что сто тысяч золотых монет получит тот, кто доставит его в Англию живым или мертвым. Посланник остался в живых, но вернулся в Рим с проваленной миссией.

Король затеял судебный процесс против членов семьи Поула. «Какая досада, — писал Кромвель, — что из-за безрассудного поступка одного умалишенного Поула, или, лучше сказать, одного безмозглого дурака, должна страдать столь почтенная семья». Поул происходил из выдающегося рода, восходящего к династии Плантагенетов; его мать, Маргарет Поул, графиня Солсбери, была дочерью герцога Кларенса, которого, по расхожему мнению, утопили в Тауэре в бочке с мальвазией по приказу Эдуарда IV. Одной их родословной было достаточно, чтобы кардинал и его родственники оказались под серьезным подозрением. То обстоятельство, что они ратовали за сохранение старой веры, лишь усугубляло рискованность их положения. Сами они прекрасно осознавали эту опасность и всячески пытались избегать друг друга на публике, боясь предполагаемого заговора. Однако настоя-

щей причиной их гибели стал открытый мятеж Реджинальда Поула.

Младшего брата кардинала, сэра Джеффри Поула, арестовали и допросили; будучи человеком неустойчивой психики, он сдался при первом же нажиме. Он рассказал все, что знал о делах своей семьи, — возможно, приукрасив между делом некоторые детали. В результате другой его брат, Генрих, лорд Монтегю, был задержан вместе с его кузеном маркизом Эксетером. Джеффри Поул попытался задушить себя подушкой в собственной тюремной камере в Тауэре. Саму Маргарет Поул вызвали на допрос, где она яростно отрицала все выдвигаемые против нее обвинения. «Никому прежде, — признался допрашивающий, — не приходилось иметь дело с подобной особой, какая попалась нам; это скорее сильный и непреклонный мужчина, нежели женщина». В конце концов ее заточили в тюрьму и предали казни.

Восходя на эшафот, она сказала палачу, что отказывается класть голову на плаху, ибо ее не удостоили надлежащим судебным разбирательством. Когда ее все же насильно склонили над колодой, палач — по всей видимости, не слишком опытный в своем деле — молотил по ее голове и шее несколько минут. В конце концов утоми-

тельный труд увенчался успехом: голова слетела с плеч. Услышав о смерти матери, кардинал Поул заявил: «Теперь я сын святой мученицы. — И продолжил в том же духе: — Возрадуемся же, — сказал он. — Отныне на небесах стало на одного святого покровителя больше».

Джеффри Поул засвидетельствовал слова, произнесенные некогда лордом Монтегю, который сказал, что короля «однажды настигнет внезапная кончина — его нога станет причиной смерти, — и вот тогда все мы будем ликовать». Монтегю опасался, что, когда наступит «свето-преставление», в мире не останется «порядочных людей». Он заявил: «Я верю, что когда-нибудь над всеми этими проходимцами, что правят подле короля, свершится справедливый суд; я верю, что однажды наступит лучшая пора». Выражение «лучшая пора» — трюизм тех времен — обладало разным смыслом, в зависимости от того, что под ним понимал говорящий. Подобных эпизодов было не сосчитать. Обнаружилось, что Поул поддерживал связь со своим братом, жившим по ту сторону Ла-Манша, и даже предупредил его об угрожавшей опасности. В то время полагали, что за всем этим стоят католики, замышляющие серьезный заговор с целью свергнуть короля,

однако, вероятнее всего, это были лишь единичные роптания одной недовольной — хоть и авторитетной — семьи. Несмотря на это, король вряд ли бы стал смотреть сквозь пальцы на любые проявления несогласия с его религиозной политикой. Если правитель не чувствует себя в безопасности, то опасность грозит всем. Монтегю и Эксетера приговорили к смерти и вздернули на виселице как предателей. В журнале ордена Подвязки напротив их имен записали: *Vah, proditor!* («О, предатель!»). Сына Эксетера, Эдуарда Куртене, заточили в Тауэр, где он провел следующие пятнадцать лет. Его освободили лишь тогда, когда на престол взошла Мария. Таков был способ борьбы с потенциальными претендентами на королевский трон.

Как бы то ни было, династическим амбициям Генриха уже ничто не угрожало. К весне 1537 года новая жена короля была на сносях, а 12 октября на свет появился здоровый мальчик. Наследника назвали Эдуардом в честь святого Эдуарда Исповедника, в день которого он родился. Род королей продолжался. Сама Джейн Сеймур, однако, заболела родильной горячкой, возможно от родовой

раны, и через двенадцать дней скончалась[31]. Ей было двадцать девять лет.

12 ноября, после почти трехнедельного официального траура, ее тело захоронили в часовне Святого Георга в Виндзоре. По приказу короля в лондонских церквях отслужили двенадцать тысяч месс, молясь за упокой ее души, — поразительный пример верности Генриха догматам и ритуалам старой церкви. Король был облачен в пурпур, цвет королевской скорби; на леди Марии были черные одеяния и белый головной убор, в знак того, что королева умерла при родах. В Бэл-Инн на Тауэр-Хилл арестовали одного мужчину, пророчествовавшего, что наследный принц «станет таким же великим убийцей, как и его отец», поскольку, не успев родиться на свет, он уже умертвил собственную мать.

Зловещая сцена разыгралась несколькими месяцами позже, когда несколько зевак наблюдали за похоронами младенца на одном из церковных кладбищ Лондона. Одному из них, священнику,

---

[31] Примечания: 31

Вероятно, причиной ее смерти стало заражение кокками от родового кровотечения и ужасающей антисанитарии той эпохи. Даже открытие И. Земмельвейсом в 1847 г. причин родильной горячки и необходимости антисептиков во время приема родов (хотя бы ополаскивание рук акушеров раствором хлорной извести) было признано лишь в 1880-е гг.

поведение плакальщиков показалось странным, и, спешно подбежав к ним, он приоткрыл покрывало; никакого ребенка в складках не оказалось — вместо этого он увидел вылепленную из воска фигурку младенца с двумя вонзенными в нее булавками. Поговаривали, что обряд пророчил смерть маленькому принцу, и новости о колдовских похоронах разлетелись по всему королевству.

Так или иначе, в королевской детской комнате ввели тщательно разработанные правила и меры предосторожности. Никому не разрешалось приближаться к колыбели младенца без королевского разрешения с собственноручной подписью монарха. Всю еду, предназначавшуюся для ребенка, следовало проверять на содержание яда. Его одежду стирала собственная прислуга, и никому более не позволялось к ней прикасаться. Все комнаты в личных покоях принца надлежало подметать и мыть с мылом трижды в день. Страх болезни всегда присутствовал там, где речь шла о новорожденных и маленьких детях. В Королевской коллекции есть одна очаровательная камея, на которой изображен Генрих, держащий на руках своего младенца-сына; это одно из немногих изображений, представлявших короля как

обычного человека, которому ничто земное не чуждо. Весной следующего года король проводил много времени с сыном, «нянча его в руках… и показывая в окне собравшемуся народу, к великой радости последнего». Следующие шесть лет своей жизни лорд Эдуард провел, судя по его воспоминаниям в дневнике, «среди женщин». Тем самым он повторял судьбу отца.

Вскоре Генрих занялся активными поисками новой жены. Он писал своим послам при императорском дворе в Брюсселе: «Денно и нощно увещевают нас Королевский совет и сановники наши не мешкать с выбором супруги, дабы нажить потомство ради сохранности рода, и, внемля их остережениям о грядущей старости и о том, что время изумительно быстротечно и ускользает, словно песок сквозь пальцы, осознаем мы необходимость безотлагательно сие окончательное решение принять, тем манером либо иным, и не терять более времени». «Изумительно» — очень характерное для XVI века слово. «Меня изумляет» может означать «хотел бы я знать» или «диву даюсь», то есть короткий диалог может звучать так: «Хотел бы я знать…» — «Диву даюсь, что вы хотите знать…»

Несмотря на то что подготовка к четвертому

браку шла полным ходом, Генрих никогда полностью не вычеркнул из памяти Джейн Сеймур. Дважды он посещал ее фамильный дом в Вулф-Холле и в своем завещании приказал похоронить «кости и тело нашей верной и любящей жены, королевы Джейн» вместе с его останками в одной могиле. Сам король, впрочем, мог оказаться там скорее, чем рассчитывал. Весной 1538 года язвы на его опухших ногах закупорились; говорили, что «жидкости, не имея выхода из организма, душили его тело». Возможно, в его легких образовался кровяной сгусток; двенадцать дней он лежал неподвижно, с трудом дышал, а его глаза и вены выступали от длительного напряжения. Появились слухи о кончине английского короля, и народ стал спорить о законности притязаний на престол Эдуарда и Марии. Впрочем, в конце концов тяжелый приступ прошел, и король оправился от болезни.

Генрих развернул очередную кампанию по строительству королевских резиденций. Он расширил дворец Хэмптон-Корт, который теперь насчитывал свыше тысячи залов и был самым крупным зданием в Англии со времен римского завоевания. Осенью 1538 года король начал строительство архитектурного каприза, или фантазии,

известного как Несравненный дворец (Nonsuch Palace), названный так, потому что во всем королевстве подобного ему было не сыскать. В нем имелись башни и турели, купола и зубчатые стены с бойницами; верхние ярусы были отделаны деревом и украшены лепниной и резной скатной крышей. Сады украшали статуи и водопады с фигурами птиц, купидонов и пирамид, извергавших фонтаны воды. Дворец, мыслившийся под стать эксцентричному и тщеславному королю, так и не был построен при его жизни. Генриху оставалось править лишь девять лет.

12. Тело Христово

Начало 1539 года ознаменовалось страхами по поводу угрозы вторжения, подогреваемыми обнародованием папской буллы против короля; ходили слухи, что король Франции и император Испании вступили в союз с папой римским, заручившись поддержкой шотландского короля Якова V. «Мы станем, — писал один придворный, — куском мяса среди мясников». Поговаривали, что в Нидерландах собралось войско из восьми тысяч наемников. Флотилия из шестидесяти восьми кораблей была замечена недалеко от Маргита. Это нападение стало бы первым скоординированным ударом со времен Нормандского завоевания. Генриха отлучили от церкви, однако его враги заявляли, что народ по-прежнему остается в рабском подчинении еретику-монарху; один купец писал из Лондона, что всех их сочтут за «евреев либо безбожников», которых враг сможет законно поработить.

Генрих произвел смотр своего флота, состоящего из 150 судов, и приказал провести военные сборы по всей стране; затем он объехал самые

уязвимые области вдоль южного побережья и повелел возвести новые фортификационные сооружения. Были укреплены крепости вдоль границы с Шотландией. Королевская флотилия покинула Темзу и отправилась в Портсмут. Строительный камень, оставшийся от заброшенных монастырей, использовали при строительстве защитных укреплений. Тайный совет проводил ежедневные совещания, готовясь к войне. Личная охрана короля, так называемые джентльмены-пенсионеры[32], носила бархатные камзолы и мундиры с золотыми цепями; в правой руке каждый стражник держал большую секиру.

В начале мая тысячи мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет собрали все свои доспехи и оружие и маршем прошли из Майл-Энд, традиционного места встреч вооруженных дружин, в город; поля Степни и Бетнал-Грин «были сплошь усыпаны людьми и оружием», с батальонами копий, громоздящихся «бескрайним лесом». На следующий месяц Томас Кромвель устроил на Темзе импровизированную

[32] Примечания: 32

Джентльмен-пенсионер — церемониальная должность; член почетного отряда джентльменов-пенсионеров (*англ.* The Honourable Band of Gentlemen Pensioners), отвечавшего за охрану британского монарха. — *Прим. пер.*

битву между двумя судами; одним командовала группа матросов, переодетых папой римским и его кардиналами, экипаж другой представлял короля с его подданными. Само собой разумеется, Ватикан был повержен и сброшен в реку.

Сам Генрих пребывал в состоянии чрезвычайной озабоченности. Именно такого исхода событий он больше всего и опасался. Находившийся в то время в Лондоне французский посол отправил своему владыке тревожное послание, где умолял освободить его от обязанностей, страшась гнева короля; Генрих — «самый жестокий и опасный человек в мире», — казалось, пылал такой яростью, что «ни благоразумия, ни понимания» от него нельзя было ожидать. Посол, по его признанию, считал, что король вполне способен напасть или даже убить его во время аудиенции.

Несмотря на это, военная кампания против Англии так и не состоялась из-за разгоревшихся распрей между Францией и Испанией. Возможно, что шпионы тех стран доложили своим господам об отсутствии сколь-нибудь существенного внутреннего недовольства; народ не восстанет против своего короля. Никакого вторжения не последовало, и всеобщее беспокойство вскоре улеглось. Король, однако, прекрасно осознавал,

что нагнетать напряженность в стране было бы крайне опрометчиво; он и так испытывал на прочность религиозную терпимость народа. В силу этих обстоятельств он счел разумным заручиться поддержкой ортодоксальных, консервативно настроенных верующих, составлявших большую часть населения. Руководствуясь этими соображениями, он также следовал своему природному чутью.

Генрих, по всей видимости, решил отмежеваться от религиозной реформы. В декларации о «единстве религии», составленной весной 1539 года, король заявлял, что причиной «роптаний, неприязни и озлобленности» в королевстве стало неразборчивое прочтение английской Библии. Он надеялся, что Священное Писание будут читать «со смирением», однако оно лишь обострило соперничество и противоречия. Верующие «бесцеремонно» спорили друг с другом в питейных домах и даже церквях, яростно осуждая альтернативные трактовки как еретические или папистские. Библию, таким образом, полагалось в будущем читать молча. Декларация так и не была обнародована — ее заменили более официальным воззванием.

Свидетельства религиозных разногласий мож-

но найти в протоколах заседаний церковных судов. Госпожу Цецилию Маршалл из прихода Сент-Олбанс обвинили в «презрении к Святым Дарам и святой воде», а другого прихожанина уличили в «презрении к Деве Марии». Джона Хамфри из Сен-Жиля, что в Крипплгейт, вызвали в суд за «хулу против церковных таинств и обрядов». Женщина из прихода Святого Николая во Флеш-Шемблз предстала перед судом за «разглагольствования о новом учении и непосещение церковных богослужений», а Маргарет Эмбсворт из церкви Святого Ботольфа на Олдгейт — за «наставления служанкам и занятия врачеванием». Роберт Плат с женой были «большими знатоками библейских текстов, утверждая, что вдохновлены самим Святым Духом». Всех этих, как и многих других людей стали нарицательно называть «докучателями».

Весной 1539 года был созван очередной парламент для обсуждения назревших религиозных вопросов. По сообщениям одного современника, целью нового парламентского созыва было согласовать «полное единство и общность, необходимые для реформации церкви в этом королевстве». Достичь этого единства было очень непросто.

Различные мнения, к примеру, существовали относительно причащения хлебом и вином. Ортодоксальные католики поддерживали доктрину пресуществления, согласно которой хлеб и вино превращались в истинное тело и кровь Христову. Это загадка религии: верят в то, что невозможно, считая это доказательством всемогущества Бога. Лютер также верил в настоящее присутствие Христа в таинстве, однако отрицал, что он представал там «в своем существе»; он верил в то, что впоследствии стали называть соприсутствием, или причастным союзом, в котором хлеб и вино сохраняли свою первоначальную природу, превращаясь в тело и кровь Господни.

Более радикальные реформаторы, настроенные положить конец власти священнослужителей и предрассудочным, как им казалось, обрядам, заявили, что причащение является лишь данью памяти жертвенной смерти Христа, осуществленной единожды и навсегда; невозможно бесконечно воспроизводить ее у алтаря. *Hoc est corpus meum*, таким образом, следует переводить как «Сие означает Тело Мое». Христос пребывал на небесах; он не присутствовал на земле, даже во время причастия.

Между этими тремя догматами веры, разуме-

ется, могло существовать бесконечное число различных вариаций. Так, один из реформаторов отказывался признать, что хлеб и вино чудесным образом пресуществляются, однако соглашался, что «тело и кровь Христовы истинно принимаются верой», когда верующий приобщается к ним в состоянии наивысшего благочестия. Эта точка зрения получила название «виртуализм». В эпоху, когда религия являлась важнейшим аспектом общественной жизни, подобные дискуссии имели государственное значение. В начале парламентского заседания был создан небольшой комитет для рассмотрения всех этих вопросов, наиболее тенденциозным из которых представлялся вопрос причастия.

В комитет вошли восемь епископов — четыре консерватора и четыре реформатора, Кромвель же занял пост председателя в качестве наместника короля по религиозным вопросам. Разумеется, никакого соглашения достичь не удалось, и Генрих взял дело в свои руки. Он позволил консерватору герцогу Норфолку задать в палате лордов шесть простых вопросов, сформулированных таким образом, чтобы получить единственно возможный ответ. Итогом их обсуждений стал документ, известный как Шестистатейный ста-

тут, или Шесть статей, который вновь утверждал однозначную ортодоксальную точку зрения на такие вопросы, как покаяние и безбрачие священнослужителей. По сути, это был способ прекратить религиозную полемику и прийти к единству доктринальных позиций. Противники документа, в свою очередь, прозвали его «кнутом о шести хвостах», или «кровавым статутом».

Шесть статей ознаменовали собой уверенную победу консервативной фракции, став резким отпором реформаторам вроде Кранмера и Кромвеля. Пресуществление сохранило значимость лишь в своем наименовании, хотя в конце концов Кранмеру удалось вычеркнуть из обихода и само понятие. Впрочем, последнее слово оставалось за Генрихом; он собственноручно внес поправки в проект закона — так, под хлебом и вином теперь подразумевались «никакие иные сущности, кроме сущности его природного тела». После смерти Генриха Кранмер заявил, что «Христос вкушается сердцем. Вкушение устами не сотворяет жизнь. Одни лишь праведные могут вкушать Тело Господне». Однако на тот момент ему пришлось безмолвствовать.

Впоследствии он засвидетельствовал свое мнение, что Шесть статей «настолько грешат

против истины и здравых суждений правоведов и духовников, что, если бы его величество король не соблаговолил лично присутствовать в здании парламента, те законы никогда не были бы приняты». Несмотря на это, народ, по всей видимости, отнесся к ним благосклонно. Французский посол писал своему повелителю, что «жители восприняли королевскую декларацию о таинстве с большим воодушевлением, питая больший пиетет к старой религии, нежели новым веяниям». Верующие даже не были готовы читать молитвы на английском языке. «Насколько же брезгуют наши священники учить свою паству заповедям, — сетовал один реформатор, — догматам веры и молитве Господней на английском! И какое же нежелание демонстрирует народ его выучить! Да, они лишь потешаются, называя ее новой молитвой Господней…»

Отрицание пресуществления теперь каралось смертью на костре, а отказ признать остальные пять догматов веры приводил к конфискации всего имущества и тюремному заключению по повелению короля. Этот религиозный закон стал самым суровым за всю английскую историю. Догматы, по сути, являлись декларацией веры короля — веры, определяемой волей правителя

и страхом наказания. Сообщалось, что около двухсот человек было арестовано и заключено в тюрьму. Впрочем, некоторых вольных духом реформаторов это не остановило. Джон Харридонс, известный в народе как вдохновенный каменщик из Уайтчепела, по-прежнему проповедовал из своего окна между девятью и двенадцатью вечера и называл религиозных реформаторов «просветителями». На предостережение соседского пекаря о том, что он нарушает постулаты Шести статей, Джон ответил: «Гореть в пламени мне столь же пристало, как и тебе — печь буханки хлеба».

В разговоре со своим капелланом герцог Норфолк мимоходом заметил:

— Видите ли, мы запретили священникам иметь жен.

— А может ли ваша милость, — поинтересовался капеллан, — также запретить чужим женам греховодничать со священниками?

В результате введения новых мер свои кафедры были вынуждены оставить два епископа: Хью Латимер покинул Вустер, а Николас Шэкстон — Солсбери. Архиепископу Кранмеру пришлось отправить свою жену и детей в изгнание. Ранним летом архиепископ призвал шотландского

евангелиста Александра Алезиуса в Ламбетский дворец. «Счастливый же ты человек, — сказал он, — что можешь уйти, спастись! Была бы на то моя воля, последовал бы твоему примеру; клянусь, моя кафедра не стала бы мне помехой». Он признался, что подписал королевский приказ «под страхом наказания». Немецких лютеран Шесть статей повергли в полный ужас, ознаменовав конец Реформации в Англии. Король показал свое истинное лицо. Он совершенно не симпатизировал идеям евангелистов. Ему лишь хотелось пополнить свою казну богатствами старой церкви и тем самым укрепить свою власть.

Принятие закона имело весьма громкую развязку. Томас Кранмер, мучимый угрызениями обостренного чувства совести, написал серию ученых записок, в которых проиллюстрировал содержащиеся в догматах ошибки и неправильные суждения. Его секретарь Ральф Морис сел в лодку-верейку возле Ламбетского дворца и отправился к королю, чтобы лично доставить ему книгу с записями. В тот момент на южном берегу реки устроили травлю медведя. Медведь вырвался из пут своих мучителей и бросился в воду, преследуемый неистовой сворой собак.

Все пассажиры лодки, кроме секретаря Кран-

мера, кинулись в реку. Увидев, что в шлюпку взобрался медведь, Морис тоже не выдержал и выпрыгнул за борт. В панике он и думать забыл о записках, спасая свою жизнь. Добравшись наконец до берега, он, впрочем, увидел плавающую в реке книгу. Он подозвал укротителя медведя и попросил достать ее, однако тот, выловив записки из воды, передал их священнику. Клирик тотчас же понял, что в его руках хулительные рассуждения о Шести статьях, и обвинил Мориса в измене. В ходе последовавшего за этим спора Морис опрометчиво сознался, что записки принадлежат перу самого архиепископа Кентерберийского. Священник отказался их отдать.

В смятении и отчаянии Морис обратился к Томасу Кромвелю. На следующее утро Кромвель призвал священника, который вот-вот собирался передать книгу одному из врагов Кранмера. Кромвель «выхватил книгу из его рук и пригрозил суровым наказанием за то, что вмешался не в свое дело, завладев книгой члена тайного совета». Как бы то ни было, эта история является ярким свидетельством тех страхов и противоречий, которые царили при королевском дворе. Распространялись сообщения, что Кранмера отправили в Тауэр и даже казнили. В то же самое

время между Томасом Кромвелем и герцогом Норфолком вспыхнула ожесточенная ссора в доме Кромвеля; предмет спора остался неизвестен. Могло ли оказаться, что сам Кромвель более не чувствовал себя в безопасности?

13. Падение

С самой смерти Джейн Сеймур Генрих искал себе новую жену; рождение еще одного наследника могло бы обеспечить будущее его династии. В то время повсеместно считалось, что роль королевских жен сводилась лишь к вынашиванию потомства. Карл V предложил сосватать герцогиню Миланскую, а французский двор выдвинул кандидатуры еще нескольких дам, подходящих для столь незавидного замужества. Король попросил французского посла отправить восемь из них в Кале, где он мог бы произвести личный смотр всех сразу; предложение отклонили.

Кромвель, благоволивший союзу с протестантскими правителями Северной Европы, посоветовал остановить выбор на Анне Клевской. Ее недавно почивший отец был сторонником Реформации, если не прямо лютеранином; старшая сестра Анны приходилась женой курфюрсту Саксонии. Из них бы получились бесценные союзники. Генрих опасался возможного альянса между королем Франции, императором и папой римским против Англии в будущем. В тот самый

момент Карл V направлялся из Испании во Францию. Генрих нуждался в друзьях.

Поговаривали, что Анна Клевская блистала как умом, так и красотой; ее портрет кисти Ганса Гольбейна доставили в Англию. Король, взглянув на него, объявил Анну в высшей степени достойной женитьбы. Сообщалось, что тогда она не говорила ни на одном языке, кроме немецкого, и не имела музыкального слуха. Однако в государственных делах такие пустяки не имели значения. В конце 1539 года, по окончании переговоров, продлившихся несколько месяцев, Анну отправили на корабле в Англию. Генриху столь не терпелось увидеть ее, что он поспешил инкогнито в Рочестер, где ему удалось украдкой взглянуть на будущую жену. Невеста пришлась Генриху не по вкусу — он сравнил ее с фландрской кобылой. Король обрушился с критикой на графа Саутгемптона за то, что тот писал ему из Кале восторженные отзывы о ее красоте. В свое оправдание граф ссылался на то, что на тот момент дело, как ему казалось, зашло слишком далеко, чтобы отменять помолвку. Следующим, на кого Генрих обрушил свой гнев, стал Кромвель. Король посетовал, что невеста «отнюдь не столь хороша, как твердит молва». Затем он

заявил: «Знай я тогда то, что знаю сейчас, ноги бы ее не ступило в мое королевство». Чуть позднее на одном из собраний он спросил его: «Неужто нет иного выхода, кроме как мне впрячься в супружеское ярмо против воли моей?»

Другого выхода не было. Он не осмелился отречься от нее, рискуя потерять поддержку своих новых союзников в Северной Европе и, по его словам, «из-за страха поднять переполох в мире». «Мое положение шатко», — сказал он Кромвелю. Час расплаты для Кромвеля еще настанет. Торжественная церемония бракосочетания состоялась 6 января 1540 года, даже несмотря на то, что король прилюдно демонстрировал сильнейшую антипатию к своей невесте. Он всегда обходился с ней подчеркнуто вежливо, а не знающая английского Анна, возможно, и не подозревала о его неприязни. На следующее утро после женитьбы Кромвель поинтересовался, не стала ли милее королю его новая супруга. Нет. Он подозревал, что она вступила в этот брак уже не девственницей и вдобавок источала столь «неприятный запах», что он возненавидел ее еще больше. Генрих сомневался, что брак когда-либо будет консумирован. В этом он оказался прав. Королевская чета жила в браке чуть более полугода и, несмотря

на эпизодические ночи, проведенные в одной постели, не дала потомства. В действительности король даже сообщил одному из своих врачей, что у него было *duas pollutions nocturnas in somno,* или, в просторечии, два «мокрых сновидения».

Один из придворных подошел к Кромвелю, одиноко стоявшему напротив окна в галерее.

— Во имя всего святого, — обратился он к советнику, — придумайте же какой-нибудь способ помочь его величеству.

— Да, но чем и как? — попытался уйти от ответа Кромвель. И добавил: — Так, так… дело чрезвычайно важное.

В конечном итоге решили, что король и королева разойдутся полюбовно; Анна Клевская избежит печальной участи Анны Болейн или даже Екатерины Арагонской. Конвокация духовенства пошла на уступку и объявила брак незаконным по причине отсутствия наследников, а парламент подтвердил вердикт священнослужителей. Сама же Анна Клевская, казалось, не слишком огорчилась расторжением брака, да и к тому же получила весьма щедрый пансион. Она довольно быстро овладела английским и следующие семнадцать лет жизни провела в одном из сельских поместий, ни о чем не жалея. Одну из множества

ее резиденций по-прежнему можно увидеть в Льюисе, Восточный Суссекс[33].

Все это время Генрих уделял пристальное внимание безопасности и образованию своего единственного сына. Эдуард был для него залогом успешного будущего. Его первый портрет кисти Ганса Гольбейна был, вероятно, выполнен в 1540 году. На нем изображен младенец, облаченный в богатые одеяния, — миниатюрная копия отца. Подобно ему, со сдержанным достоинством мальчик смотрит прямо на зрителя; его правая рука поднята, словно он вот-вот сделает торжественное заявление, а погремушка в левой руке напоминает крохотный скипетр.

В том году трехлетнему мальчику был назначен домашний учитель Ричард Кокс, чтобы обучать его всем навыкам и знаниям, которыми должен обладать достойный принц; четыре года спустя появился еще один учитель, Джон Чек. Оба педагога были учеными-гуманистами, последователями Эразма Роттердамского, и, по всей очевидности, занимали такую же компромиссную позицию в вопросах религии, что и сам Генрих. Наставники наследника престола не

[33] Примечания: 33

Анна Клевская ни разу там не была. Это лишь одно из ее владений.

могли быть лютеранами. Несмотря на это, факт остается фактом: как только Эдуард взошел на трон, религиозная политика государства приняла более радикальную протестантскую направленность. Впоследствии его нарекли «благочестивым бесенком».

Эдуарда обучали греческому и латыни, и вскоре он уже прекрасно владел обоими языками. Он познакомился с искусством верховой езды и стрельбы из лука — подобающим занятиям для короля. По мере освоения новых дисциплин принцу выделили собственный рабочий кабинет с письменным столом, покрытым черным бархатом; в его распоряжении были различные математические и астрономические приборы, включая компас и стальную линейку. На полке лежал комплект для игры в шахматы, а на стене висели песочные часы. У принца были грифельные доски для письма, а также разнообразные писчие принадлежности. В комнате по соседству со своей спальней он хранил разные бумаги и документы, имеющие отношение к его матери, Джейн Сеймур, а также книги. Помимо этого у него был щенок и две пары очков. Среди его личных вещей имелись всяческие резные и расписные предметы вроде копья и «рога единорога»

из позолоченного серебра.

Весной 1540 года Томас Кромвель получил титул графа Эссекса; он по-прежнему находился в зените славы. Он управлял важнейшими государственными делами; вскоре после своего повышения он заключил епископа Чичестерского в лондонский Тауэр, обвинив в поддержке тех, кто отказался признать верховенство короля. Он пригрозил епископам Дарема, Винчестера и Бата гневом короля.

Однако недовольных влиятельным вельможей всегда хватало. Авторитарным отношением к дворянству он нажил себе множество противников, а герцог Норфолк стал его заклятым врагом. Его обвиняли в чрезмерной властности и богатстве, а также в бездумной растрате сокровищ королевской казны.

Утром 10 июня 1540 года он, по обыкновению, занял свое кресло в палате лордов; тем же днем, в три часа пополудни, он проследовал к своему месту во главе стола, за которым заседал совет. Норфолк прокричал: «Кромвель! Не смей здесь садиться! Это не место для тебя! Предатели не должны сидеть среди джентльменов». — «Я не предатель», — ответил Кромвель. Вслед за этим к нему подошел начальник дворцовой стражи и

шестеро других конвоиров:

— Вы арестованы.

— За что?

— Это вы узнаете в другом месте.

В гневе Кромвель бросил свою епископскую шапку на каменный пол зала. «Такова, значит, — сказал он, — награда за все мои заслуги». После этого между членами совета вспыхнул ожесточенный спор; они выкрикивали ругательства и стучали кулаками по столу.

Невозможно распутать клубок всех тех подозрений и враждебных коллизий, которые привели к его падению. Его ненавидели многие представители дворянства, не смирившиеся с тем обстоятельством, что сын кузнеца смог подняться над их сановным положением. Приверженцы старой веры презирали его за разрушение их святынь и монастырей. Обвинений и упреков среди народа было не счесть. Его уличали во взяточничестве и злоупотреблении королевской властью при помиловании осужденных и раздаче вознаграждений. Он и в самом деле был виновен во всех этих прегрешениях, если слово «вина» тут вообще уместно. Это были, если можно так выразиться, издержки профессии, на которые король прежде закрывал глаза. Взятки, к примеру,

служили единственным механизмом, благодаря которому функционировала вся королевская бюрократическая машина.

Выдвигались обвинения и против вероубеждений Кромвеля; его уличали в поддержке еретической идеологии и защите еретиков при дворе и по всему королевству. Утверждалось, что он — лютеранин, который все это время замышлял заговор с целью устроить религиозный переворот в стране; его усилиями, как выразился королевский посол при императоре, сложилось впечатление, что «все благочестие и религиозность, лишившись пристанища, были изгнаны из Англии». Обнаружилась переписка между Кромвелем и лютеранскими князьями Германии, хотя возможно, что эти письма были фальшивыми. Немецким правителям сообщалось, что он тайно грозился убить короля, если тот попытается обратить вспять процесс религиозной реформы; он заявлял, что вонзит кинжал в сердце того, кто посмеет пойти против Реформации. Если подобная угроза действительно звучала, то Кромвель был виновен в измене. Разумеется, на этом базировалось основное обвинение, выдвигаемое против него.

Ему разрешили встретиться лицом к лицу со

своими обвинителями, однако в праве на открытое судебное разбирательство с участием присяжных, равных ему по положению в обществе, было отказано. Вместо этого решили прибегнуть к Закону об опале, позволявшему осудить человека за измену без судебного разбирательства, — уловка, которую Кромвель сам и изобрел. Билль об опале был единогласно принят палатами общин и лордов. Лишь один Кранмер попытался заступиться за него и написал королю письмо с напоминанием о прошлых заслугах Кромвеля. «Я любил его как друга, — сказал он, — ибо за друга я принимал его».

Иногда можно встретить утверждения, что злой рок, постигший Кромвеля, стал в значительной степени следствием трагической взаимосвязи между религией и политикой, хотя неудавшийся брак Генриха с Анной Клевской также сыграл свою роль. Французскому королю и императору не удалось договориться о союзе против Англии, поэтому Генрих более не нуждался в немецких правителях в качестве сторонников. Супружество не принесло желанных результатов. Хотя Кромвель содействовал заключению брачного союза по указу Генриха и с его одобрения, он не мог полностью оградить себя от раздражения и

гнева короля.

Само собой разумеется, что сила реакционного отклика приверженцев консервативного курса на религиозные законы Кромвеля, ярким доказательством чего явилось Благодатное паломничество, потрясла Генриха. Король вступил с ними в сговор, однако в представлении людей именно Кромвель считался основным инициатором реформы. Он был тем «демоном-искусителем», который шептал коварные советы на ухо государю.

Впрочем, у отстранения Кромвеля были более глубокие и мрачные причины. Арест и судебный процесс над Кромвелем был частью дипломатической игры. Французский король, Франциск I, всегда испытывал сильнейшую антипатию к нему, считая его еретиком и сторонником проводимой Испанией политики. Когда герцог Норфолк прибыл ко французскому двору в качестве специального посла, Франциск сообщил ему, что соглашения возможно будет достичь в том случае, если Кромвеля удалят от государственных дел. Норфолк передал эти слова своему королю. Самому Генриху, довольному своей новой репутацией религиозного консерватора и стремившемуся снискать расположение Франции,

было выгодно представить Кромвеля как тайного лютеранского еретика, который умышленно ввел своего господина в заблуждение. То обстоятельство, что эти обвинения в большинстве своем были ложны, не имело существенного значения. В действительности Кромвель выполнил свое предназначение, обогатив короля в ходе роспуска монастырей, и теперь мог быть удален со сцены.

Кромвеля отправили в Тауэр для ожидания смертной казни через обезглавливание. При обыске его дома обнаружилось несчетное количество «крестов, потиров, митр, сосудов и другой церковной утвари из монастырских богатств». Генрих лишил министра всех титулов и заявил, что отныне его прежнего слугу следует величать не иначе как «Томас Кромвель, чесальщик шерсти», в память о его занятиях до поступления на королевскую службу. Повсюду гремел радостный перезвон колоколов, а на улицах Лондона устраивали импровизированные гулянья.

Из своего последнего жилища Кромвель написал покаянное письмо королю, в котором «самый несчастный и горемычный узник и жалкий раб вашего величества» нижайше просит «пощады, пощады, пощады». Пощада, однако, была товаром, которым король не торговал. Утром 28 июля

Кромвель, взойдя на эшафот, провозгласил, что умирает во имя старой веры, — и опустил голову на плаху. Два палача походили на «варварских и кровожадных мясников» и, по воспоминаниям одного из современников, «рубили по шее и голове лорда Кромвеля почти полчаса».

Падение Кромвеля стало предвестием более жестоких гонений на тех, кого Генрих и консервативная фракция его подчиненных считали еретиками. Роберт Барнс, некогда монах-августинец из Кембриджа, был одним из реформаторов, кому Кромвель оказывал протекцию; именно его министр использовал в прошлом в качестве посла к немецким лютеранам. В феврале 1540 года в проповеди, направленной против виднейшего консерватора Стивена Гардинера, епископа Винчестерского, Барнс обвинил его в том, что тот посадил «цветы зла» в «райском саду». Окончив проповедь, он бросил на землю свою перчатку в знак вызова епископу. Барнса арестовали, но впоследствии он публично отрекся от своих слов. Три месяца спустя, весной 1540 года, он уже вновь проповедовал о вероучении, которое признали еретической доктриной монастыря Святой Марии в Спиталфилде. В этот раз его отправили в Тауэр. Возможно, что на данном этапе его ис-

пользовали как одно из звеньев в деле против Кромвеля: один из ближайших сторонников королевского наместника, как бы там ни было, был отъявленным еретиком. Через два дня после казни Кромвеля Барнса сожгли на костре в Смитфилде.

Впрочем, он не был единственным, кто принял смерть. В триумфальном насаждении своего «срединного пути» король отправил на костер еще двух реформаторов, которых считали сообщниками предполагаемого заговора Кромвеля, и повесил троих священников-папистов, отрицавших супрематию (верховенство короля). Генрих заявил, что не поддерживает ни одну из политических фракций; он беспристрастно отправляет правосудие всем и каждому. Было лишь одно отличие: говорили, что сторонников папы римского отправляли на виселицу, а его противников — на костер.

С этого времени, в сущности, Генрих более не назначал одного ведущего министра. Эпоха Уолси и Кромвеля подошла к концу. Король решил, что отныне будет лично управлять делами государства. Он, возможно, и называл себя «стариком», однако не был слишком стар для контроля над работой совета или чтения депеш послов. Коро-

левский совет заработал на более формальной основе; его членами было девятнадцать пэров или священников, проводивших ежедневные собрания. Велся журнал протоколов. Теперь тайный совет формировал политику вместе с королем; он надзирал за правоприменительной практикой и управлял государственной казной. Само собой, некоторые советники занимали более влиятельное положение, и самыми видными из них теперь оказались Стивен Гардинер, Томас Кранмер и герцог Норфолк.

Норфолк обладал и другим козырем. В конце предыдущего года он представил ко двору свою миловидную племянницу в качестве одной из фрейлин Анны Клевской. Екатерине Говард было то ли шестнадцать, то ли двадцать два — дата ее рождения точно не известна, — и целомудрием она не отличалась. Один из девизов ее семьи гласил, что брак должен обеспечить больше чем «одну кровать для четырех голых ног». Другими словами, супружество должно давать и другие преимущества. Екатерина Говард, обученная всем хитростям и уловкам обольщения, была, по всей видимости, не прочь пустить их в дело, чтобы завоевать внимание короля. 28 июля, всего лишь через девятнадцать дней после официаль-

ного расторжения своего союза с Анной Клевской, Генрих женился на молодой девушке. Этот день стал для нее поистине роковым.

Вскоре она познала всю мощь необузданного нрава своего супруга. Язва на его ноге вновь воспалилась, и из нее приходилось откачивать гной, что временами причиняло нестерпимую боль. Король стал замкнутым и подавленным. Он начал раскаиваться в казни Кромвеля и сетовал, что его ввели в заблуждение некоторые из советников, которые «ложными обвинениями заставили его отправить на плаху своего самого преданного слугу». Он часто винил других в собственных просчетах. Сообщалось, что у короля «сложилось предвзятое мнение о некоторых из его виднейших подданных» и что он отстранил от обязанностей стольких придворных, что его окружение «больше напоминало узкий семейный круг, нежели королевскую свиту». Генриха охватывали приступы гнева, он отказывался даже слушать музыку. Целых десять дней король не подпускал к себе новую королеву.

Однако вскоре наступила передышка. Весной 1541 года язва затянулась, а 10 апреля французский посол доложил, что «королева, как считается, находится в положении». Впрочем,

это оказалось лишь слухом. Возможно, у Екатерины Говард случился выкидыш. Казалось, старое проклятие по-прежнему висело над королем. Тот же французский посол сообщал, что Генрих недоволен супругой и «всеми силами избегает ее общества».

Несмотря на все это, 30 июня король и королева отправились с грандиозным визитом на север. Генрих никогда прежде не посещал эти области и имел представление лишь о тамошних мятежах и восстаниях. Поездка стала возможностью показать жителям севера королевскую мощь и величие во всем их великолепии. Король возглавил торжественную процессию из пяти тысяч всадников и тысячи пехотинцев. Казалось, огромный вооруженный лагерь отправился в шествие из Графтона в Нортгемптон, из Линкольна в Бостон, Донкастер, Понтефракт и Йорк. Король, облаченный в золотую парчу, благосклонно принял челобитную былых мятежников. Он был истинным мастером театрализованного могущества.

Однако за кулисами этого театра разворачивалась иная драма. Екатерина Говард, раздосадованная и неудовлетворенная браком со стареющим королем, стала нарушать супружескую верность. В самом разгаре торжественного

визита на север она вступила в связь с одним дворянином, Томасом Калпепером, и с помощью своих фрейлин назначала ему тайные встречи; задние двери и черные лестницы стали верными помощниками ее пылкой страсти. Он был ее «милым дурачком».

Одновременно поползли слухи, что пять лет назад Екатерина якобы имела связь со своим учителем вёрджинела (разновидности клавесина). Генри Манокс похвалялся, что она пообещала ему «отдать свою девственность, несмотря на боль». Ее вину отягчило признание еще одного бывшего любовника, Фрэнсиса Дерема, с которым она крутила роман в тот же период. Впоследствии распространилась точка зрения, что на самом деле он был ее сожителем. Возможно, он угрожал ей разоблачением. Так или иначе, Екатерина назначила его своим личным секретарем и камергером личных покоев. Тем самым она совершила непростительную ошибку.

К Кранмеру обратился один осведомитель, который знал все о прежних прегрешениях Екатерины Говард. Архиепископ призвал на допрос некоторых из ее прежних домочадцев, которые лишь подтвердили слухи. Следовало доложить обо всем королю, однако никому не хотелось быть

гонцом с плохими вестями. Если сведения окажутся ложными, последствия будут плачевными. 1 ноября в королевской часовне Генрих публично произносил благодарственную молитву Богу за то, что «дал ему жену, столь подобающую нраву моему». Пока служба продолжалась, архиепископ оставил на столе запечатанное письмо для короля с подробностями прошлых провинностей королевы.

Генрих отказался поверить им. Он настаивал, что эти свидетельства сфабрикованы фракцией, намеренной свергнуть герцога Норфолка и королеву. Король приказал Кранмеру провести расследование заговора и «не прекращать, пока не докопается до истины». Тем временем королевская стража окружила Екатерину, танцевавшую вместе с фрейлинами, заявив, что «танцы окончены». Молодую королеву заточили в ее личных покоях, где она и оставалась, дрожа от страха. Должно быть, она подозревала, что некоторые неудобные факты ее личной жизни выплыли на поверхность.

Устроив более тщательное расследование дела об измене, Кранмер и совет обнаружили, что королева действительно была серьезно скомпрометирована. Маноксу и Дерему устроили допрос,

в ходе которого Манокс сознался, что «не раз ласкал интимные и другие части тела королевы». Дерем подтвердил, что «неоднократно познавал ее, как одетым в камзол и чулки, так и нагим в постели».

Кранмер по меньшей мере дважды допросил Екатерину, однако нашел ее «в столь угнетенном и горестном состоянии, какого за всю свою жизнь не видел». Она стенала в исступлении, оплакивая свою печальную участь. Иногда казалось, что она вот-вот впадет «в неистовый экстаз или, того и гляди, в безумие». Екатерина солгала Кранмеру о своих прежних любовниках, утверждая, что Дерем изнасиловал ее «с упрямой силой», но несколькими днями позже признала, что он действительно дарил ей подарки. Дерем знал «одну женщину в Лондоне с горбатой спиной, которая очень искусно мастерила всевозможные цветы» из шелка. Екатерина созналась, что он называл ее «женой». Во время их интимных свиданий он приносил с собой вино, яблоки и клубнику. Однако она настаивала: «Что до этих слов, „Я клянусь, я люблю тебя всем сердцем“, не помню, чтобы когда-нибудь их произносила». Она написала чистосердечное признание королю, которое, по всей видимости, немного его приободрило. По

крайней мере, она никогда не изменяла ему во время их супружества.

Однако мирская молва — что морская волна, и королевский двор стал настоящей гаванью для слухов. Когда обнаружилась вся правда о прошлых похождениях королевы, сложно было скрыть более поздние примеры. Кто-то упомянул имя Томаса Калпепера. Слухи о молодом придворном вскоре дошли до тайного совета, который, судя по протоколам заседаний, «тщательно обдумывал этот вопрос и взвешивал тяжесть совершенного проступка». Совет призвал некоторых фрейлин королевы и допросил их о ее поведении. Одна из придворных дам, Маргарет Мортон, сказала, что королева и Калпепер обменялись «таким красноречивым взглядом, что я заподозрила любовную связь между ними». Она утверждала, что они якобы находились вдвоем наедине в королевской уборной пять или шесть часов и, «очевидно, лишились чувств» — выражение XVI века, обозначавшее оргазм. Другая фрейлина подтвердила, что слышала множество «охов и вздохов». Придворную статс-даму королевы, леди Рочфорд, вероломную золовку Анны Болейн, находившуюся в приступе «буйного помешательства», уже арестовали. Она помогала

Калпеперу проникать в спальню своей госпожи. Обезумевшую, ее привезут на эшафот.

Затем тайный совет допросил Калпепера. Он выступал главным свидетелем, поскольку прелюбодеяние королевы считалось государственной изменой. Он отрицал фактическую интимную связь, но признал, что «намеревался и помышлял согрешить с королевой и что таково было намерение королевы». Тайный совет не поверил ему. Он и королева, должно быть, не раз вступали в связь. «Вы видите, что творилось до брака с королем, — заявил членам совета Кранмер. — Одному Богу известно, что успело произойти после!» Высказывались предположения, что Екатерина также имела интрижку с Деремом во время северного визита.

Генрих присутствовал на тайном ночном заседании совета в лондонской резиденции епископа Винчестерского. Когда ему представили исчерпывающий отчет по делу, он пришел в такое неистовство, что окружающие стали опасаться, как бы король и вовсе не сошел с ума. Он приказал принести свой меч, намереваясь убить молодую супругу. Он поклялся, что никогда «сладострастие ее прелюбодейства не сравнится с той болью и пытками, которые она испытает в час

своей смерти». Затем он испытал нервный срыв и разрыдался, что придворные нашли «странным» для человека подобной «бодрости духа». Новости о позорном бесчестье королевы вскоре разлетелись повсюду. Ее дядя, герцог Норфолк, заявил французскому послу, что она «продала свое тело семи или восьми мужчинам» и за это заслуживает сожжения на костре.

1 декабря Калпепер и Дерем предстали перед судом в Вестминстер-Холле по обвинению в измене. Во время оглашения статей обвинения саму Екатерину называли «общедоступной шлюхой». Обоих ее любовников признали виновными и приговорили к изменнической смерти через повешение и потрошение. Генри Манокса, согрешившего с Екатериной задолго до того, как она стала королевой, помиловали. Калпеперу, выходцу из благородной семьи, смягчили приговор, присудив казнь через обычное обезглавливание.

13 февраля 1542 года Екатерина Говард последовала за ним на эшафот. Она была замужем за королем менее двух лет. Взойдя на борт судна, чтобы отправиться по Темзе в свое последнее путешествие, она запаниковала, и страже пришлось насильно удерживать ее на месте. Флотилия судов затем повезла Екатерину из Сайона в Тауэр,

где ее встретили со всеми подобающими королеве почестями. Ее обезглавили тремя днями позже, на Тауэр-Грин. Говорили, что королева смиренно приняла свою судьбу и раскаялась. Как оказалось, она репетировала свою смерть и даже попросила принести в ее тюремную камеру плаху, чтобы потренироваться изящно склонять над ней голову. Ее останки захоронили недалеко от могилы Анны Болейн в часовне Святого Петра в Веригах. Многих членов ее семьи отправили в Тауэр, однако впоследствии отпустили на свободу. Герцог Норфолк жил в своих поместьях и избегал королевского двора. Однако с этого дня Генрих никогда по-настоящему ему не доверял.

В день казни жены король устроил пышный званый обед, усадив за один стол с собой двадцать шесть дам, и в последующие дни подобные торжества повторялись еще не раз. Он так много ел, что его дородное тело стало еще более тучным и кровать в спальне пришлось расширить до двух метров. Вместе с тем за закрытыми дверями король оставался печален и удручен. На полях перевода Книги притчей Соломоновых король поставил двойную отметку напротив следующих строк: «Ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее. Но последствия от нее горьки,

как полынь, остры, как меч обоюдоострый».

14. Военные игры

Летом 1542 года папа Павел III учредил Священную канцелярию инквизиции, назначив шестерых кардиналов великими инквизиторами. «Будь даже мой собственный отец еретиком, — заявил папа, — я бы собирал хворост для его костра». Пути религиозной реформы таили в себе множество опасностей. Генриху, порвавшему все связи с папой, не терпелось, чтобы Карл V последовал его примеру; английский король хотел, чтобы был созван Вселенский собор, участники которого могли бы обсудить — и, возможно, решить — проблемы религиозных противоречий.

Дипломатическая ситуация, казалось, складывалась в пользу Генриха VIII. Он подумывал о заключении союза с Карлом V против Франции, о совместном вторжении, которое, по правде говоря, состоялось лишь летом 1544 года. В то же время важно было обеспечить контроль над северными территориями. Генрих согласился встретиться в Йорке с королем Шотландии Яковом V ближе к концу своей поездки на север летом 1541 года. Однако Яков, опасавшийся, воз-

можно, похищения или убийства, на встречу не явился. Его отец Яков IV пал от рук английской армии в битве при Флодден-Филд менее тридцати лет назад. Отказ шотландского короля лишь усилил недовольство Генриха участившимися приграничными набегами шотландцев, которые по-прежнему считали области Северной Англии своим настоящим домом. Когда летом 1542 года отряд шотландцев захватил одного из представителей короля, конфликт вылился в открытую войну.

Французского короля и его придворных новость привела в восторг. Франциск I заявил английскому послу, что «его величество [Генрих] начал с шотландцев, и теперь у вас хлопот полон рот». Ему нечего было бояться англичан, пока все их внимание переключилось на стародавнего врага. Шотландцы с энтузиазмом включились в борьбу. «Все принадлежит нам, — заявили они. — Англичане — еретики!» Осенью 1542 года герцог Норфолк, вновь снискавший расположение короля, повел армию из 20 тысяч человек на Лотиан, где она уничтожила весь урожай и прошла по городам и деревням, оставив после себя лишь руины. Затем армия отступила в Берик.

В отместку армия из 15 тысяч шотландцев

выступила на Камберленд в последнюю неделю ноября. Их встретили вовсе не английские войска, чьих командиров маневры шотландцев застали врасплох, а крестьяне и сельские работники графства, сиюминутно взявшиеся за оружие и оседлавшие своих коней; в этой части Англии жители понимали, как важно всегда быть начеку. Они предприняли несколько атак на шотландцев, расколов их войска и убив всех отбившихся от строя солдат. Когда на горизонте внезапно показался отряд всадников, пронесся клич, что прибыл герцог Норфолк со своим войском.

На тот момент Норфолка там даже близко не было, но, несмотря на это, шотландцы пустились в бегство назад к границе, преследуемые несколькими тысячами английских солдат, которых спешно мобилизовал один из северных магнатов, сэр Томас Уортон. Однако шотландцы, сбившись с пути, завязли на подступах к заливу Солуэй-Ферт, где в тот момент начался прилив. Они утонули или были убиты. Большинство солдат встретило свой конец в Солуэй-Мосс, торфяных болотах между Гретной и Эском, где противник взял их в кольцо и учинил расправу. Многих виднейших представителей местного дворянства взяли в плен и отправили в Лондон. «Обыватели твердят,

что причиной стали беспорядки в войске и злой рок, — сказал Джон Нокс, — но кто хоть немного разумеет в путях Господних, несомненно увидит в этом Его Промысел…»

Известие о поражении повергло Якова V в безутешное уныние, которое свело его в могилу. Он в буквальном смысле слова страдал от потери власти. 8 ноября он узнал, что у его жены родилась девочка Мария, которой судьба уготовила стать несчастной королевой Шотландии[34]. «Пропади оно все пропадом, — воскликнул он. — Все закончится так, как началось. Первой была девчонка, и последней будет девчонка». Под этим он имел в виду, что династия Стюартов началась с дочери Роберта Брюса, а завершится его новорожденной дочерью. Однако Марии, королеве Шотландии, не суждено было стать последней представительницей рода. Конец династии наступил с кончиной королевы Анны 172 годами позже. Через несколько дней после своего пророчества, близкого к истине, 14 декабря, Яков V скончался.

---

[34] Примечания: 34

Мария I в 1567 г. была вынуждена отречься от престола в пользу малолетнего сына Якова VI, ставшего позднее английским королем Яковом I. В 1587 г. Елизавета I казнила Марию за предположительное участие в заговоре с покушением на убийство королевы. Мария в 1558–1560 гг. была замужем за французским дофином, а позднее королем Франциском II, умершим спустя год после вступления на престол.

Английский король ликовал. Именно для этого на земле правят монархи. Прославить свое имя. Победить своих врагов. Казалось, вся удрученность, охватившая его после позора Екатерины Говард, испарилась.

В начале 1543 года был созван парламент. Первой его задачей стало предоставление королю субсидии для покрытия издержек на войну с Шотландией и «для иных важных и неотложных поводов», под которыми подразумевалось грядущее вторжение во Францию. Был принят закон «во имя содействия истинной религии и искоренения ереси» — еще одна попытка подавить религиозные противоречия в стране. Ни в каких представлениях или интермедиях не позволялось упоминать Священное Писание; никто не мог заниматься прилюдным чтением Библии. Купцам и дворянам разрешалось изучать ее в тишине собственного дома, однако «женщинам, ремесленникам, ученикам и подмастерьям, прислужникам вплоть до йоменов; а также земледельцам и сельским работникам читать ее запрещается».

Поздней весной того же года в печать вышел еще один вероучительный документ англиканской церкви, получивший название «Необ-

ходимое учение и наставление христианина, составленное его величеством королем Англии». В народе катехизис стал известен под названием Королевской книги. Консервативный по своей сути документ тем не менее вновь утверждал срединный путь между католичеством и лютеранством. Отрицая власть папы римского, он признавал искупительную жертву причастия. Существование чистилища полностью не отвергалось, но его роль значительно уменьшилась. Таинство пресуществления признали обоснованным. Вера и деяния были одинаково важны для спасения души; святыни и паломничества же никакой роли не играли.

В этот период Королевский совет активно занимался вопросами ереси. За пять дней, с 15 до 19 марта, семеро подозреваемых предстали перед судом или были разосланы по тюрьмам. 17 марта, к примеру, одного клирика отправили во Флитскую тюрьму за «хулительные речи о таинстве причастия». Поговаривали, что главный член консервативной фракции Стивен Гардинер «натянул лук, чтобы сразить оленей-вожаков». В пасхальной проповеди Гардинер обрушился с критикой на анабаптистов и тех, кто подвергал сомнению культ Девы Марии, выкрикивая с

кафедры: «Еретики! В костер их! В огонь!» После того как одного из капелланов Кентербери похоронили в соборе, звонарь взял курильницу у кадильщика и высыпал из нее горящие угли на свежую могилу; почившего клирика подозревали в ереси.

Тем не менее одному служителю Кентербери все же удалось избежать наказания. Архиепископ Кранмер, главный приверженец идей Реформации, попал под подозрение. Как считали некоторые, во время одной проповеди в соборе он утверждал, что священное таинство причастия есть не что иное, как «подобие» — не тело Христово, а знак памяти. Если таковы действительно были его слова, то он посмел зайти намного дальше, чем любой английский сановник. Некоторые каноники его собора стали шептаться за его спиной. Кое-кто слышал, что более ортодоксальные члены Королевского совета роптали, что несправедливо сжигать на костре бедняков, когда главный пособник ереси купается в королевской милости. Весной 1543 года они отправили королю прошение с предложением созвать комиссию по расследованию кранмеровских проповедей.

В один из вечеров, несколько дней спустя, королевская баржа причалила возле Ламбетского

дворца, и король пригласил архиепископа прокатиться по реке. Когда оба устроились поудобнее, король обратился к Кранмеру: «Ах, мой капеллан, у меня есть для вас новости. Теперь я знаю, кто самый главный еретик в Кенте». Он достал обвинительный документ со всеми уликами, собранными советом в Кентербери. Прочитав его, Кранмер встал на колени перед королем. Он пожелал, чтобы дело было рассмотрено в ходе судебного процесса. Он признал, что по-прежнему не согласен с постулатами Шести статей, однако никогда не совершал ничего вопреки этим догматам. Король всегда доверял архиепископу и полагался на него. Он стремился избежать обострения разобщенности и противоречий в церкви, и без того одолеваемой проблемами.

В силу этих обстоятельств король решил попросить самого Кранмера стать судьей в этом деле. Архиепископ возражал, однако Генрих настоял на своем. Вскоре после этого клирик назначил своего наместника в епископском суде и архивариуса для проведения расследования в отношении тех лиц, кто обвинял его в ереси. При обыске домов советников обнаружились бумаги, свидетельствовавшие о существовавшем между ними заговоре; нашлись и некоторые письма от

Стивена Гардинера. Кроме этого, Кранмер узнал, что в сговоре замешаны и некоторые из его предполагаемых союзников. Однако возмездие было не в его духе. Он предпочел обойтись молчанием. Когда король потребовал, чтобы Кранмер устроил одному из своих тайных врагов очную ставку и назвал его «подлецом», клирик ответил, что подобные речи недостойны епископа.

Еще один демарш против Кранмера был предпринят в конце ноября. Король играл в опасную игру. Он разрешил своему совету вызвать на допрос Кранмера по обвинению в ереси и, «если посчитаете нужным, отправить его в Тауэр». В ту же самую ночь он призвал архиепископа к себе. Когда Кранмер спешно прибыл во дворец, Генрих рассказал ему в точности о намерениях совета.

Кранмер, казалось, воспринял новость довольно спокойно и ответил, что надеется на беспристрастное слушание. Король резко оборвал его: «Разве не считаешь ты, что, упрячь они тебя в тюрьму, сразу же появятся трое или четверо подставных негодяев, которые будут свидетельствовать против тебя и обвинят тебя, — те, кто, пока ты на свободе, не смеют явиться перед лицом твоим и слова молвить?» Генрих слишком хорошо представлял себе суть судебных процес-

сов над еретиками.

Затем Генрих дал Кранмеру кольцо со своего пальца в знак решительной королевской поддержки; это означало, что король намеревался взять дело в собственные руки. Заручившись содействием короля, Кранмер вернулся в Ламбетский дворец. На следующее утро его, как и ожидалось, вызвали в совет, где ему, однако, пришлось унизительно ожидать аудиенции целых сорок пять минут «среди пажей, прислужников, лакеев». Королю немедленно об этом доложили, отчего он пришел в ярость. «Так, значит, так они мне служат? — вскричал он. — Что же. Вскоре они от меня дождутся». У этого исторического эпизода есть все задатки театральной драмы, в которую он, с легкой руки Шекспира, в конечном итоге и превратился[35].

Кранмер стоял перед членами совета, своими прежними коллегами, которые объявили ему, что он арестован по подозрению в проповеди еретических учений. После этих слов он показал всем собравшимся кольцо короля, при виде которого они пришли в полнейшее замешательство. «Разве я не говорил вам, милорды?» — восклик-

[35] Примечания: 35

Отсылка к исторической пьесе-хронике Шекспира «Генрих VIII». Процесс над Кранмером описан в первых трех сценах пятого акта.

нул один из них. Заблуждавшиеся советники предстали перед королем, который прочел им назидательную речь о важности дружбы и согласия. «Ах, милорды, — сказал он им, — я-то думал, что руковожу благоразумным и мудрым советом, но вижу сейчас, как глубоко ошибался. Как же вы обошлись с милордом Кентербери?»

Герцог Норфолк, один из зачинщиков заговора против Кранмера, ответил: «Мы не мыслили никакого зла милорду Кентербери, потребовав его задержания; мы так поступили лишь для того, чтобы после суда он триумфально вышел на свободу к вящей славе своей». Отговорка была в лучшем случае весьма неубедительна. «Что ж, — ответил король, — я прошу вас не обращаться так с моими друзьями. Теперь мне понятно, какие у вас заведены порядки. Меж вами по-прежнему существует неприязнь друг к другу. Внемлите моему совету, забудьте про нее без лишних раздумий». До самых последних дней правления Генриха Кранмер был в безопасности.

Генрих покровительствовал архиепископу в силу искреннего расположения к нему, а также из соображений государственной политики. Ему не хотелось еще больше углублять народный — или, скорее, религиозный — раскол. Казалось,

однако, что реформаторы потерпели поражение в фундаментальных вопросах вероучения. Один из них писал, что можно вдоль и поперек исходить все королевство и не найти ни одного проповедника, который «с чистым сердцем и неподдельной верой тщился бы обрести славу Божию. Он [король] забрал их всех». Эти меры были частью нового союза Генриха с Карлом V — императором Священной Римской империи и самым ревностным католиком из всех королей Испанской империи.

Впрочем, по-прежнему существовала вероятность того, что Реформация обретет нового апологета. Летом 1543 года Генрих сочетался браком со своей шестой — и последней — женой. В своем ближайшем придворном окружении, к которому принадлежала и Екатерина Парр, король, по свидетельству испанского посла, был «печален, задумчив и тяжело вздыхал». Он жаждал женского внимания и заботы. Екатерина Парр — дважды вдова и одна из придворных дам из свиты леди Марии — была влюблена в одного королевского подданного по имени Томас Сеймур. Не смутившись этим, король отправил его в Брюссель в качестве посла, а сам решил жениться на Екатерине. Об отказе и речи не шло. Король,

возможно, и стал с годами тучен и немощен, однако он был верховным владыкой; принять предложение было ее долгом. «Хорошую же ношу взвалила себе на плечи леди Екатерина!» — заметила Анна Клевская.

Екатерина Парр могла похвастаться по меркам того времени хорошим образованием, а также примерной набожностью; она написала два богословских наставления, одно из которых получило название *Плач грешницы*. Таким образом, она проявляла живой интерес к идеям религиозной реформы. «Изо дня в день пополудни, в течение одного часа, — рассказывали очевидцы, — один из ее капелланов устраивал сеансы религиозных чтений в личных королевских покоях для Екатерины, ее фрейлин и придворных дам…» Среди них был целый ряд тайных приверженцев лютеранства — леди Элизабет Хоуби, леди Лайл, леди Баттс и герцогиня Суффолк, помимо прочих. Одной из наиболее интересных особенностей придворной жизни позднего периода правления Генриха являлось возрождение женской религиозности. Как отмечал один из современников, «молодые барышни… не выпускают из рук псалмы, пастырские наставления и другие богословские труды». Екатерина Парр была одной из

них и, по словам Джона Фокса, «весьма ревностно относилась к Священному Писанию». В свое время это увлечение сослужило ей плохую службу.

В течение всего предыдущего и в начале 1544 года шли приготовления к масштабному вторжению во Францию под объединенным командованием Генриха, короля Англии, и Карла, короля Испании[36]. Издержки этого мероприятия оказались столь внушительны, что в стране началась массовая порча монет путем разбавления золота и серебра сплавами иных металлов. Благодаря этим мерам король сосредоточил в своих руках огромные богатства, поскольку номинальная стоимость валюты осталась неизменной, несмотря на меньший вес драгоценных металлов. Цены, разумеется, росли на 10 % ежегодно, и экономике понадобилось для восстановления двадцать лет. Таковы были последствия королевской тяги к ведению войны.

Обнаружились и другие источники дохода. Решили ввести налог с населения в виде «добровольных пожертвований». Новый указ обязывал всех землевладельцев с совокупным годовым доходом в 40 шиллингов платить взнос в коро-

[36] Примечания: 36

Строго говоря, Карл V был императором Священной Римской империи, а не только королем Испании, где он был Карлосом I.

левскую казну; это был их долг перед монархом. Тех, кто отказывался, ждало наказание. Одного олдермена из Лондона отправили рядовым солдатом на границу с Шотландией, где его командиру было приказано назначить несчастному самые тяжелые и опасные обязанности. Другого олдермена просто сослали в Тауэр, где он просидел три месяца.

Подготовка к вторжению и без того влекла за собой кровопролитие. Шотландия нарушила все свои обещания и соглашения с королем, заключенные после разгромного поражения при Солуэй-Мосс 24 ноября 1542 года, и возобновила союзнические отношения с Францией. Перспектива иметь врага у своего черного хода Генриху совсем не импонировала, и он решил наказать шотландцев за их, как ему казалось, двуличие и неверность. В начале мая английская флотилия отправилась к Ферт-оф-Форт, а их командиру Эдуарду Сеймору, графу Хартфорду, было приказано «сжечь город Эдинбург дотла, сокрушить и стереть с лица земли, расхитив и завладев всем, чем сможете, дабы на веки вечные осталась память о возмездии Божьем». Сеймору приказали захватить замок и взять штурмом дворец Холируд, попутно сжигая все близлежащие города и

селения. Кампания террора затем перекинулась на Лит и Сент-Андрус, «предавая огню и мечу поголовно мужчин, женщин и детей, там, где посмеют оказать вам сопротивление». В очередной раз в истории гнев короля означал неминуемую гибель.

Хартфорд подчинился приказам своего господина и в депеше от 9 мая рапортовал, что устроил в Эдинбурге «славное огненное зарево». Девять дней спустя он сообщил, что его задача выполнена согласно приказу, и добавил: «Вашему величеству, смеем надеяться, вскоре доложат, что подобного опустошения Шотландия не видала многие годы». Французская флотилия пришла на помощь своим союзникам с внушительным десантом, который, объединившись с шотландской армией, отправился к границе с Англией; их неистовой и яростной кампании дало отпор очередное вторжение графа Хартфорда, уничтожившего осенью того же года 243 селения, пять торговых городов и семь монастырей. Танец смерти между двумя государствами продолжался с переменным успехом вплоть до появления на политической сцене Оливера Кромвеля.

Летом 1544 года английская армия развернула военную кампанию и против самой Франции.

Крупнейшие силы вторжения в составе 48 тысяч солдат направились к Ла-Маншу. Понадобилась объединенная мощь 6,5 тысячи лошадей, чтобы тащить орудия и повозки со снарядами. Епископа Винчестерского Стивена Гардинера назначили — по причудливой иронии судьбы — главным поставщиком армии; по его словам, он был «неизменным поставщиком сыра, масла, сельди и сушеной рыбы». Среди своих врагов он приобрел прозвище Стивен Сушеная Рыба.

Изначальный сценарий военных действий предполагал, что армии короля и императора пойдут в наступление на Париж, однако Генрих обнаружил в плане недостатки; тыловые эшелоны его армии оказались бы совершенно беззащитными. Надлежало первым делом подчинить Булонь и Монтрёй, а затем, минуя Сомму, двинуться к столице. К концу июня английская армия собралась возле Булони, а 14 июля Генрих пересек Ла-Манш. Несколько дней спустя он выехал из городских ворот Кале, в котором тогда располагался английский военный гарнизон, и достиг территории Франции; поперек его седла лежал большой мушкет с длинным железным стволом. Он проехал 40 километров на юг, чтобы воссоединиться со своей армией под Булонью.

Вскоре загремели пушки, осыпая снарядами осажденный замок на восточном склоне городского холма.

Дипломатические и военные мероприятия шли полным ходом. Летом 1544 года Франциск отправил личные послания каждому из двух монархов, увещевая их пойти на мировую и тем самым надеясь посеять разлад среди их советников. Генрих переслал письмо своему союзнику Карлу и ответил французскому королю, что предлагаемая им политика «сильно задевает его честь, которую, как вам известно, я ревностно доселе охранял и не позволю в моем преклонном возрасте никоим образом позорить». В следующем месяце он написал — или, скорее, надиктовал — письмо Екатерине Парр, продолжая осаждать Булонь. Он признался, что «на наших плечах лежит столько забот, мы так радеем и заботимся лично обо всем на свете, что нам нет ни минуты покоя, ни досужего времени». Таков образ короля, ведущего войну, хлопотливого и полного сил. Он вновь упоенно предавался ратным трудам и, по воспоминаниям одного из своих военачальников, был «радостен и настолько здоров и энергичен, каким я не видывал его величество ни разу за семь лет». Король жаждал славы, что было единственным

настоящим поводом к войне.

Карлу V пришлось задержаться в городе Сен-Дизье, или Сен-Дидье, на семь недель, из-за чего он потерял половину времени, которое требовалось для переброски армии к Парижу. Однако император упорно продвигался вперед, несмотря на то что в ходе кампании его пути сообщения были отрезаны, а снабжение армии прекратилось. Это успешное продвижение удивило Генриха, однако король не мог предвидеть двуличность своего союзника. Франциск и Карл согласовали условия сепаратного мира и нуждались лишь в поводе, чтобы официально провозгласить его. Находясь вместе с армией в весьма рискованном положении, испанский император заявил, что вынужден заключить соглашение. В очередной раз испанцы и французы взялись за руки в дипломатическом танце.

Осада Булони, казалось, не закончится никогда. Отвага защитников города восхитила даже самого короля Генриха. «Они сражаются бок о бок, — писал он королеве, — куда мужественнее, чем бургундцы или фламандцы…» Однако победа осталась за ним, и побежденные жители вышли из города в знак капитуляции. Монтрёй по-прежнему держался, и всем стало ясно, что

английская армия никогда не достигнет городских ворот Парижа. На этом этапе Карл скрепил печатью мирное соглашение с Франциском, оставив Генриха единственным воином на поле битвы. Гнев и озадаченность короля вероломным предательством союзника вполне объяснимы, однако нельзя отрицать и относительный провал военной кампании. Генрих взял Булонь, но не Париж, потратив на это порядка двух миллионов фунтов стерлингов — примерный эквивалент десятилетнего объема расходов казны. Подавляющую часть принадлежащих короне земель, изъятых у церкви, пришлось продать. Это непосредственно обусловило значительную шаткость финансового положения в стране в последующие годы и стало одной из сопутствующих причин гражданской войны. Однако здесь мы слишком далеко забегаем вперед. Тогда же, в 1544 году, королевская казна была опустошена, и это обстоятельство побудило Стивена Гардинера написать, в подражание Колету тридцатью тремя годами ранее, что «худой мир лучше доброй войны». В последний день сентября корабль Генриха пустился в обратное плавание к берегам Англии.

Угроза со стороны Франции, впрочем, не миновала, очертившись еще яснее после заключения

ею мира с Испанией. К весне следующего, 1545 года стало ясно, что Франциск затевает вторжение в Англию и готовит для этих целей огромную флотилию кораблей; из Средиземного моря даже перебрасывали по суше галеры, чтобы пополнить их ряды. Вдоль берегов англичане укрепляли фортификационные сооружения, а подготовленные отряды местного ополчения привели в боевую готовность. В результате этих мероприятий французские войска не добились ровным счетом ничего; штормовые ветры отбрасывали корабли обратно к берегам Франции, а продовольственные запасы стали быстро иссякать. Французское командование отдало приказ к отступлению. Попытка развязать битву была сделана возле Портсмута, когда несколько французских галер открыли огонь по кораблям англичан, однако неблагоприятный ветер вновь заставил их повернуть назад. Флотилия французских кораблей была замечена вблизи Шорхэма, но и в этот раз пришлось возвращаться ни с чем: моряков скосила вспышка эпидемии. В ходе этой бурной морской кампании флагманский корабль англичан «Мэри Роуз» (Mary Rose) умудрился затонуть

в гавани Портсмута[37], став своеобразным символом вооруженной борьбы между Англией и Францией.

[37] Примечания: 37

«Мэри Роуз» затонула в проливе Те-Солент, разделяющем остров Уайт и остров Британию (то есть собственно территорию Англии). На берегах пролива расположены города Портсмут и Саутгемптон.

15. Семейный портрет

В 1545 году король заказал у неизвестного художника семейный портрет. На нем Генрих изображен сидящим на троне в полном великолепии между своим наследником и давно почившей Джейн Сеймур; справа от него стоит леди Елизавета, слева — леди Мария. Рука Генриха покоится на плече сына. Декорациями служат королевские покои на первом этаже дворца Уайтхолл. Екатерина Парр, не будучи элементом этого грандиозного полотна, стала, впрочем, не менее неотъемлемой частью семьи. Во время французской кампании короля она регентствовала в Англии. Королева проводила бóльшую часть времени в Хэмптон-Корт, в обществе принцессы Марии, а затем и Елизаветы. Они получили образование в духе универсального гуманизма, связанного с именем Эразма Роттердамского и вскоре ставшего основой раннего протестантизма.

Екатерина помогала вести обучение юного принца Эдуарда. Он называл ее «дорогой матушкой» и признавался, что «получил от нее так

много полезных знаний, что едва укладывается в голове». Сама она также посвящала время занятиям, и Эдуард писал: «Ваше высочество, я слышал, делает успехи в латыни… что так отрадно сердцу моему, ибо просвещение вечно». Это расхожее выражение тех времен, которое вовсе не обязательно отражало подлинные чувства Эдуарда. Так или иначе, он упорно продолжал изучение античных наук. Он прочел и заучил наизусть, к примеру, четыре книги Катона[38]. Он читал Цицерона на латыни и Геродота на греческом. Вскоре он принялся за французский: теоретически принц должен был однажды стать королем Франции. Он также углубился в изучение географии и истории для подготовки к монаршему правлению. Находясь в таком привилегированном положении и имея столь тщеславного отца, он прекрасно отдавал себе отчет о своей роли и ответственности. Отмечали, что, даже будучи мальчиком, он держался совершенно как взрослый.

---

[38] Примечания: 38

Речь идет о Двустишиях (Дистихах) Катона — собрании назидательных стихов и высказываний, которое в Средние века и раннее Новое время служило пособием для изучения латыни. Написаны Двустишия в III или IV в. Дионисием Катоном. Они состоят из четырех глав, именуемых книгами. В 1517 г. сборник Двустиший вышел в Лёвене под редакцией Эразма Роттердамского.

Береты Эдуарда украшали бриллианты и сапфиры, а одежда соткана из золотой парчи; у него был золотой кинжал, который висел на украшенной жемчугом перевязи в ножнах, усыпанных алмазами, рубинами и изумрудами. Всем своим видом он излучал сияние, когда шел или ехал верхом. Сохранился его портрет 1546 года. Эдуард в парадных королевских одеждах стоит между колонной и окном. В правой руке он держит золотой кинжал, а левая символично касается гульфика — знак того, что династия будет продолжаться.

Впрочем, у принца находилось время и для спортивных забав, достойных короля. Среди его личных вещей имелись перчатки для соколиной охоты, удочки для рыбалки и мечи для фехтования. Он владел борзыми собаками и лошадьми. Наследник увлекался охотой и стрельбой из длинного лука; играл в ракетки и занимался благородным искусством рыцарских поединков. Как и его отец, Эдуард музицировал на лютне.

Принц питал особое расположение к своей единокровной сестре Марии, однако и к этой любви примешивалось чувство долга. Он попросил Екатерину Парр гарантировать то, чтобы Мария более не посещала «чужестранные танцы и уве-

селения, которые не подобают благочестивой христианской принцессе». Ему было всего восемь лет, когда он озвучил это указание. Впоследствии брат и сестра спорили о том, что на самом деле означает слово «христианин». Несмотря на это, его беспокойство о Марии рисует в воображении образ, совершенно отличный от угрюмой и ревностной охотницы за еретиками: она любила танцы; ей нравились пышные наряды и карточные игры. Мария страстно увлекалась музыкой, как и ее отец, брат и сестра. Музыка — ключ к эпохе Тюдоров. Сохранилось изображение Елизаветы, ужинающей под звуки двенадцати труб и двух литавр, а также флейт, корнетов и малых барабанов. Каждый напевал мелодию, идя по улице или занимаясь работой, «каменщик у стены, юнга за веслом и кровельщик на крыше». Во многих цирюльнях имелись лютни, чтобы посетители могли скоротать время.

Однако Мария была известна своей образованностью, и другая королевская особа, Мария Португальская, прославляла ее «знаменитую добродетель и ученость». В последние месяцы 1545 года Мария под руководством Екатерины Парр занималась переводом пересказа Эразма Роттердамского Евангелия от Иоанна, опубликованного

в следующем году.

В тяге к учению с Эдуардом могла соперничать и другая единокровная сестра, имевшая особый талант к языкам. Елизавета с легкостью овладела греческим и латинским, изучая первый по утрам, а второй — днем; позднее, во время своего правления, будучи по меркам того времени женщиной преклонных лет, она восхитила своих придворных импровизированной речью на латыни. Она изучала испанский, итальянский, фламандский и немного — уэльский. В семнадцать лет она вручила своей мачехе собственный перевод с французского длинной поэмы Маргариты Наваррской «Зерцало грешной души»; английский текст насчитывает двадцать семь страниц. Роджер Ашем, главный наставник Елизаветы, сообщал, что в возрасте шестнадцати лет «склад ее ума лишен женской слабости, и она обладает истинно мужской способностью к прилежанию. Нет смекалки более догадливой, памяти более цепкой, чем у нее…». Джейн Дормер, подруга детства принца Эдуарда, поделилась менее оптимистичной оценкой молодой девушки: в двенадцать или тринадцать лет Елизавета «горделива и надменна». Перед нами, таким образом, прекрасный образец двух молодых леди, полу-

чивших гуманистическое образование, которое могло составить конкуренцию любой школе или университету. Это был не уникальный случай — Томас Мор точно так же занимался обучением своих дочерей, — однако для того времени весьма не характерный.

Но семейную идиллию вскоре потревожили религиозные противоречия. Сам Генрих по-прежнему активно занимался вопросами веры. Появившись в парламенте в конце 1545 года, он обратился к собранию с речью о разногласиях в королевстве и внезапно разрыдался. «Я слышал, — сказал он, — что основа основ нашей религии, милосердие человека к человеку, превратилась в соляной столп, ибо никогда еще не было большего разлада и нелюбви человека к человеку, чем ныне… одни называют себя папистами, другие — лютеранами, третьи — анабаптистами; имена от лукавого…» Затем он заявил: «Мне горестно знать и слышать, как дерзновенно сей драгоценный камень, Слово Божие, толкуется, рифмуется, поется и смакуется на все лады в каждой таверне и пивной».

Сам Кранмер переосмысливал свои самые сокровенные убеждения. В этот переходный период, в ходе продолжительных и методичных

исследований и размышлений, архиепископ отказался от идеи пресуществления, путем которого хлеб и вино прелагаются в тело и кровь Христову. Впоследствии он пришел к мысли о том, что таинство совершается в сердце самого причащающегося, который претерпевает духовную метаморфозу с принятием Святых Даров. Все текло, все изменялось.

Дискуссии и прения вовлекали более язвительные и пытливые умы. Генрих стремился вернуть первозданную католическую церковь, избавленную от ее чудовищных предрассудков; он также хотел создать национальную церковь под своим верховенством. В итоге, однако, получился хрупкий и в известной мере противоречивый институт. То обстоятельство, что английская церковь в корне изменилась после его смерти, свидетельствует о хрупкости этого института. Новая литания на английском языке была напечатана летом 1545 года, однако месса и другие церковные службы по-прежнему проводились на латыни. В том же году законопроект против еретиков, самый суровый за всю историю, был отменен палатой общин в парламенте, став очередным свидетельством раскола. Церемонию «поклонения Кресту Господню» в Страстную

пятницу упразднили в начале 1546 года. Когда Кранмер намерился отменить все церемонии, включавшие использование колоколов и распятий, король поначалу согласился, но потом одумался и изменил решение. Он по-прежнему хотел сохранить образ правоверного монарха в глазах французского короля и императора и даже вел с ними переговоры.

После сорванной военной кампании стало очевидно, что Франции и Англии придется общаться на равных, вместо того чтобы напрасно тратить еще больше сил на пустые угрозы и их отражение. Так начался процесс дипломатических переговоров, которые Генрих язвительно прозвал «толкованиями». Своего посла он напутствовал: «Неукоснительно стой на своем и никоим образом не снисходи до компромиссных условий, пока не станет доподлинно ясно, что они скорее отвергнут договор, чем согласятся на наши требования». Это была игра уловок, нюансов и маневров в атмосфере взаимной подозрительности и недоверия. Итогом переговоров стало Ардрское соглашение, подписанное летом 1546 года, по которому Генрих оставлял за собой Булонь на восемь лет, с последующим возвращением ее Франции за сумму в два миллиона

экю[39]. Это соглашение было последним, которое Генрих подписал в своей жизни.

К «милосердию человека к человеку», в защиту которого выступал Генрих в парламенте, заметно не были склонны некоторые члены Королевского совета. Более консервативно настроенные из них ставили под сомнение благотворность влияния Екатерины Парр на королевское семейство. Одно лишь обстоятельство, что Мария переводила Эразма, само по себе говорит о многом, а пересказ ученым Евангелия от Иоанна сыграл определенную роль в политике позднейшей Реформации во время правления Эдуарда. Екатерина, таким образом, содействовала воспитанию реформированной духовности, навеянной идеалами гуманизма.

В самом начале 1546 года король пожаловался на то, как его супруга обращается с вопросами веры. Джон Фокс, на чьи свидетельства, как правило, можно полагаться, цитирует саркастичную реплику Генриха, обращенную к Стивену Гардинеру: «Как же отрадно в моем преклонном возрасте вразумляться у собственной жены». При

[39] Примечания: 39

Экю — золотая монета средневековой Франции, которая в XVI в. весила примерно 3,375 г. Следовательно, Англия должна была получить 6750 кг (6,75 т) золота.

первой возможности Гардинер прошептал на ухо королю, что мнения королевы, согласно закону, являются еретическими и «он, разумеется, прекрасно понимает, насколько опасно пригревать змею на своей груди». Это подтвердил и Фокс. Генрих затем разрешил Гардинеру опросить самых приближенных к королеве фрейлин.

Эти вопросы всплыли как раз во время ужесточившихся гонений на еретиков, в частности одной женщины, близкой к королеве и ее придворным дамам. Анна Аскью имела друзей при дворе, а ее брат был джентльменом-пенсионером и виночерпием; несмотря на это, за ней установили слежку. Один шпион, живший напротив ее дома, докладывал, что «в полночь она начинает молиться и продолжает молиться часы напролет…». В марте 1546 года она предстала перед комиссией по ереси в Сэдлерс-Холле на Гаттер-Лейн; там она призналась в некогда сказанной фразе, что «Господь не обитает в рукотворных храмах». Ее спросили, обретает ли Бога мышь, съев гостию[40]. На это она ничего не ответила и лишь улыбнулась.

Ее отправили в лондонскую тюрьму, а оттуда

[40] Примечания: 40

Гостия — хлеб для причащения в католичестве и англиканстве, опреснок.

представили епископу Лондона Эдмунду Боннеру, которого впоследствии прозвали «Кровавый Боннер». В те годы он еще придерживался довольно умеренных взглядов и, получив ходатайство от ее «добрых друзей», отпустил невольницу с тем условием, что она признает свою неправоту. Однако вскоре она вновь впала в ересь и летом того же года предстала перед советом в Гринвичском дворце. Анна была из «набожного семейства», поэтому ее непокорность служила более показательным примером; консервативные члены совета надеялись, что страх пыток или сожжения, возможно, заставит ее заявить о причастности к еретическим действам некоторых придворных дам. На просьбу подтвердить, что Святые Дары есть истинно «плоть, кровь и кости», она ответила: «Совету должно быть стыдно проповедовать о заведомо ложном». Когда ее заставили поделиться своим мнением о причащении, она заявила, что «не будет петь песнь Господню на земле чужой». Стивен Гардинер обвинил ее в том, что она говорит загадками, — на что Анна ответила словами Христа: «А как я истину говорю, то не верите мне». Гардинер воскликнул, что она болтает всякий вздор, словно попугай. К тому моменту Анна, истомившаяся в заточении, «страдала и мечтала

о скорейшей смерти». В тюрьме она сочинила балладу, один из куплетов которой звучит так:

Я видела королевский трон,
Где Справедливость восседать должна.
Однако ж вместо нее на престоле
Правит бездушная жестокость[41].

В Тауэре узницу вынуждали назвать других участников ее секты; она хранила молчание, ее вздернули на дыбу и пытали. Она не выдала имени ни одного из своих тайных союзников. Анна написала собственный отчет о событиях, напечатанный в следующем году в Германии. «И потом они отправили меня на дыбу, ибо я не изобличила ни одной леди, ни одной фрейлины единого со мною мнения, поэтому они пытали меня столь долго; но я лежала неподвижно и не проронила ни слезы, и тогда лорд-канцлер и мистер Рич стали пытать меня собственноручно до полусмерти». 15 июля Анну доставили в Смитфилд для сожжения, однако от пыток она получила такие увечья, что не могла держаться на ногах. Тогда ее привязали к столбу и подожгли хворост. Во время

[41] Примечания: 41
I saw a ryall trone / Where Justyce shuld have sitt / But in her stede was one / Of modye [angry] cruell wytt.

казни разразился дождь с громом, и один зритель из толпы крикнул: «Это вам всем возмездие за сожжение верной послушницы Христовой». Услышав эти слова, извозчик-католик ударом свалил его с ног. Религиозные противоречия в народе были как никогда очевидны.

Через месяц Екатерина Парр стала объектом расследования. Эту историю рассказал Джон Фокс двадцатью годами позже в «Книге мучеников». Вероятнее всего, он услышал ее от тех, кто в то время был вхож в придворные круги. Вряд ли он придумал ее сам, ведь эта история не служит никакой практической цели в его протестантской «Книге мучеников», кроме очернения репутации Стивена Гардинера. Для этих целей, впрочем, он вполне мог приукрасить некоторые факты. Фокс справедливо утверждает, что в тот период Генрих редко покидал свои личные дворцовые покои и пускал к себе лишь ближайших советников. Именно такая атмосфера царила во дворце, когда король разрешил Гардинеру тайно расследовать религиозные убеждения своей супруги на предмет малейшей ереси. Он даже позволил выдвинуть против нее некоторые обвинения. Это, в сущности, вполне правдоподобно: учитывая обстоятельства его шаткого здоровья, в которых

к тому моменту Генрих прекрасно отдавал себе отчет, он, возможно, заботился о том окружении, в котором окажется после его смерти принц Эдуард.

К счастью, кто-то неосторожно уронил обвинительные статьи на пол в суде, где их подобрал некий «благочестивый человек» и тотчас отнес Екатерине Парр. Скорее всего, этот «благочестивый» друг решил предупредить королеву, будучи осведомленным о кознях против нее. Узнав об этом, королева пришла в состояние «великой тоски и муки»; учитывая то, как ее муж обошелся с некоторыми из своих бывших жен, это неудивительно. Однако ужас, объявший ее, был столь силен, что король послал к ней одного из собственных врачей; тот, в свою очередь, также знал о планах Генриха и поделился с ней дополнительными подробностями о врагах, замышляющих против нее заговор.

Несмотря на это, однажды вечером король подозвал Екатерину к себе и завел разговор о вопросах религии. Она воспользовалась этой возможностью, чтобы извиниться за свою прежнюю «дерзость» и заверить, что вовсе не стремилась «заявить о своих убеждениях», а лишь отвлечь его мысли «в это мучительное время вашего

недуга». Чтобы еще больше смягчить его гнев, Екатерина, как сообщается, выразила надежду, что «слушая мудрые речи вашего величества, я, возможно, тоже смогу извлечь из них пользу». Польщенный король благосклонно даровал ей прощение. «Ах, так ли это, душечка моя?»

Два или три дня спустя король и королева вместе с некоторыми из приближенных прогуливались по личному королевскому саду. Внезапно появился лорд-канцлер Томас Райэтсли, сопровождаемый сорока стражниками, с намерением арестовать Екатерину Парр и некоторых из ее фрейлин по обвинению в ереси. Король заступился за них. Он отвел канцлера в сторону и потребовал объяснений. Затем окружающие услышали, как он воскликнул: «Подлец! Жалкий подлец! Животное! И глупец!» — прежде чем отослать его и стражу обратно.

Это история, о которой повествует лишь один-единственный источник, однако в ней можно найти и правдивые подробности. Придворная жизнь того времени действительно была полна подозрений и неприязни к влиятельным особам, и разногласия по поводу характера и масштаба религиозной реформы, несомненно, лежали в основе этих противоречий. В значительной

степени коварное поведение короля, настраивавшего одних придворных против других, также весьма характерно для той эпохи. Это был способ контроля и утверждения своего превосходства даже по отношению к супруге. Как позже сообщал Фокс, Генрих больше никогда не доверял консервативному епископу Винчестерскому Стивену Гардинеру, который первым инициировал расследование против Екатерины. Это недоверие подтверждается дальнейшим отношением короля к епископу. Королева вновь обрела благосклонность супруга и более не вмешивалась в религиозные дискуссии. Вскоре она посвятила себя уходу за смертельно больным мужем.

16. Последние дни

В свои пятьдесят с лишним лет король и слышать не хотел о смерти. Он проводил большую часть времени в своих личных покоях во дворце Уайтхолл или Гринвиче; на стенах висели шпалеры, а убранство включало два или три стола, шкаф для посуды и кубков и несколько кресел. Для утешения и развлечений имелись различные музыкальные инструменты. Снаружи, в приемном зале, придворные делали реверансы перед пустым троном. Это по-прежнему было место королевского величия и, как таковое, требовало должного почтения.

К тому моменту король тяжело болел. Королевские финансовые счета демонстрируют, что огромные суммы денег тратились на покупку ревеня, королевского снадобья против недомоганий холерической природы. Король всегда был подвержен бурным вспышкам гнева, однако его неистовство усугублялось практически неотступной невыносимой физической болью. Страдающего ожирением короля приходилось переносить по залам и комнатам на специальных

креслах, называемых «тележками». Подобная тележка — прообраз современного кресла-каталки — помогала облегчить нагрузку на его пораженные язвами ноги. По свидетельству историка Эдварда Холла, король «не мог подняться или спуститься по лестнице без помощи специального приспособления» — несомненно, того или иного варианта транспортера или подъемника. Он был вынужден носить очки, которые в то время назывались «гляделки» и прицеплялись зажимами к носу.

Несмотря на это, король смог нанести очередной удар. Он отстранил Стивена Гардинера от двора за отказ обменяться некоторыми епархиальными землями с королем. Такова была официальная трактовка событий в то время, однако, возможно, позор епископа стал результатом его интриг против Екатерины Парр. Сообщают, что, хотя епископу отказали во всех аудиенциях у короля, он все равно стоял вместе с другими членами совета у двери королевской опочивальни и ждал, пока более привилегированные советники выйдут, только чтобы создать впечатление, что он по-прежнему пользуется благосклонностью монарха. В действительности же довольно легко заключить, что в «консервативной фракции»

происходила полномасштабная чистка рядов. Самый влиятельный ее член, герцог Норфолк, вскоре оказался в Тауэре.

Норфолк оставался одним из виднейших советников на протяжении почти всего правления короля, однако в ноябре 1546 года он и его сын, граф Суррей, стали жертвой подозрений и опасений короля. Суррей объединил свой родовой герб с королевским, а сестре посоветовал стать любовницей Генриха, чтобы увеличить состояние семьи; кто-то слышал, что он предлагал назначить своего отца регентом Англии в случае смерти короля. Они рисковали вдвойне, ведь Говарды, потомки Плантагенетов по боковой линии, могли предъявлять права на престол. В обвинительный акт король собственноручно добавил слова, отмеченные здесь курсивом: «*Каким образом судить о намерениях сего человека, и не представляет ли оное* опасности, угрозы или клеветы против титула принца или самого законного наследника…» Престолонаследование Эдуарда надлежало защитить любой ценой.

В самом начале декабря Норфолка и Суррея заключили в тюрьму. Сообщалось, что герцог знал о тайном заговоре, замышляемом Стивеном Гардинером с целью восстановить папское правление.

Суррей заявил, что «новые верующие», религиозные реформаторы, «поплатятся за свои идеи» после смерти короля. Граф предстал перед специальной комиссией в Гилдхолле 13 января 1547 года, где получил смертный приговор. Норфолк избежал суда — по крайней мере, в тот момент, — но отправился в Тауэр. От рук палача он спасся лишь благодаря кончине самого короля.

Отчеты различных послов рассказывали одну и ту же историю угасания и распада; король «очень сильно сдал» и выглядит «столь нездоровым, учитывая его возраст и полноту, что может не выжить». Его придворные врачи, по сообщениям, ломали руки от отчаяния, и ходили слухи, что король уже мертв. «Как бы он себя ни чувствовал, — отмечал один посол, — дела его однозначно плохи, и долго он не протянет».

Однако кто посмеет сказать королю, что тот умирает? Даже «вообразить» смерть монарха значило навлечь на себя обвинение в измене. Было так же неразумно гасить последний луч надежды. Доктора возложили ответственность на сэра Энтони Денни, некоторое время служившего главным камергером личных королевских покоев. Он подошел к своему господину и прошептал: «Говорят, конец уже близок». Он посоветовал ему

позаботиться о приготовлениях к смерти, как полагается благочестивому христианину. Королю затем предложили позвать Томаса Кранмера, однако он ответил, что сначала хочет «немного вздремнуть». Когда архиепископ наконец приехал, было уже слишком поздно; если в Генрихе еще и теплилась жизнь, то он уже не мог вымолвить ни единого слова. Король скончался в два часа ночи 28 января 1547 года. Он правил тридцать семь лет и девять месяцев.

Сложно оценить, какими были личные верования короля в конце его жизни. По свидетельству Джона Фокса, он якобы подумывал об идее заменить мессу одним таинством причастия; однако обоснований подобного лютеранского духовного порыва нет. Факты говорят о том, что при смерти — как и при жизни — он остался верен католичеству. В завещании он ссылался на «имя Господа Бога и славной Пресвятой Девы Марии» и приказал служить мессы во спасение его души, до скончания мира. Это не слова лютеранина. Они подразумевают, хотя и не доказывают, что король по-прежнему верил в существование чистилища, несмотря на его отрицание в собственных религиозных трактатах.

Что же до религии королевства, то мнения

разнились тогда, разнятся и сейчас. Было ли это преимущественно и фактически католическое королевство, с королем во главе государства вместо папы римского? Или оно переживало исключительный по своей природе переход к более простому и понятному вероисповеданию? Возможно, лучше всего рассматривать его как запутанный и сбивающий с толку процесс вынужденного согласия с желаниями короля. Привычка подчиняться носила инстинктивный характер, особенно когда подкреплялась страхом и угрозой применения силы. Один из французских наблюдателей того времени сказал, что, объяви Генрих пророка Магомета Богом, английский народ не посмеет возразить. Некоторые глубоко верующие люди не могли поступиться тем, что велела им совесть, — например, Томас Мор и Анна Аскью, но для большинства религиозная практика определялась традицией и регламентировалась властью. Обряды богослужения не отличались от тех, что существовали в XIV и XV веках. Свидетельства завещаний указывают на то, что послереформенная религия не оказала существенного влияния на жизнь большей части народа. Узаконив принцип королевского верховенства, Генрих одновременно создал

инструмент, который можно использовать для целей религиозной реформы.

Теперь цепи суровой необходимости сковали воедино всех участников драматического действа. Смерть короля стала знаковым событием, разломом в естественном порядке вещей, который следовало незамедлительно восстановить, прежде чем наружу выйдут стихийные силы хаоса. В последние месяцы жизни короля право аудиенции с ним предоставляли сэр Энтони Денни и сэр Уильям Пэджет, личный секретарь. Денни и Пэджет обладали огромным влиянием на больного короля, и вероятно, что в этот критический период они присоединились к реформаторам из Королевского совета.

Осенью 1546 года императорский посол в депеше своему господину описывал неожиданный рост влияния реформаторов. «У этих протестантов, — заявил он, — есть свои общеизвестные идеологи… Я даже слышал, что некоторые из них снискали большую благосклонность короля; жаль, что их нельзя отправить подальше от двора — туда, где они были еще в прошлом году». Двумя самыми влиятельными из них он назвал «графа Хартфорда и лорда-адмирала». Эти двое сановников, Эдуард Сеймур и Джон Дадли,

действительно будут задавать тон правлению следующего монарха.

Эдуард Сеймур, граф Хартфорд, приходился принцу Эдуарду дядей; он был старшим братом Джейн Сеймур и после бракосочетания своей сестры с английским королем стал камергером личных покоев Генриха. Он получил титул графа во время крестин маленького принца и уверенно завоевал благосклонность короля; он также был назначен смотрителем Шотландских марок, или северных границ с Шотландией, где с блеском продемонстрировал свое воинское мастерство. Он принимал участие в шотландской и французской кампаниях короля и стал, таким образом, доверенной правой рукой короля в ратных делах. Джон Дадли был сыном королевского советника, обезглавленного в начале правления Генриха. Вскоре он прекрасно проявил себя в мореходном искусстве и прошел путь от вице-адмирала до лорда-адмирала; он также участвовал в экспедициях против Шотландии и Франции, чем завоевал восхищение и дружбу Генриха. Сеймур и Дадли, в сущности, оба были полководцами.

Их, в силу изложенных обстоятельств, глубоко беспокоил вопрос последней воли и завещания короля. Оно датировано 30 декабря 1546 года, ко-

гда до его смерти оставалось чуть меньше месяца. Изначальная версия была пересмотрена Генрихом 26 декабря в присутствии некоторых членов Королевского совета. Среди них мы можем видеть Денни и Пэджета, Сеймура и Дадли. Генрих завещал корону своему сыну и его потомству; при отсутствии такой возможности следующими претендентами он называл детей, рожденных от его королевы, однако тут он, возможно, несколько недооценил ситуацию. Трон перейдет к леди Марии, а затем — к леди Елизавете. Так и случилось. Право престолонаследования затем переходило к потомству его младшей сестры, герцогини Суффолк, исключая тем самым претензии на престол со стороны шотландской семьи Стюарт, с которой породнилась его старшая сестра. Это привело к серьезным разногласиям во время правления Елизаветы.

Затем Генрих назначил шестнадцать своих подданных членами регентского совета, чтобы осуществлять контроль над правлением Эдуарда VI в первые годы. Однако он так и не подписал завещание. Он тянул с этим до последнего момента — вероятно желая оставить за собой возможность изменить отдельные детали и тем самым поддерживать порядок при дворе.

Позднее завещание подписали «сухой печатью», или факсимиле, за день до его смерти, 27 января. Задержка, возможно, позволила кое-кому творчески подредактировать текст. Подпись, проштампованная на завещании и затем обведенная чернилами, также была подстроена на той стадии, когда король уже не мог никак реагировать на какие-либо изменения.

Все члены регентского совета были «новыми людьми», или теми, кого можно назвать профессиональными придворными, кто приобрел высокое положение при дворе в последние годы правления Генриха. Представители аристократии добились этих званий лишь сравнительно недавно. Некоторые из них, включая Денни и Сеймура, склонялись к реформированной вере, однако большинство чувствовало себя вполне уютно в том религиозном миропорядке, к которому компромиссным путем пришел Генрих. Король активно стремился к равновесию и умеренности в регентском совете для юного наследника.

Возможно, именно поэтому Стивена Гардинера, ведущего консерватора, исключили из членов совета. Король, очевидно, подозревал Гардинера в симпатизировании папе римскому, что заклю-

чало в себе двойную опасность для малолетнего Эдуарда. Генрих самостоятельно принял это решение. Сообщается, что он вычеркнул имя Гардинера с пометкой, что «он своенравный человек и не должен находиться подле его сына». Пэджет докладывал, что он и другие подданные пытались разубедить короля, но Генрих резко оборвал их, заявив, что «дивится нашим словам, ведь мы же все знаем, какой он своенравный человек». Король, по свидетельствам очевидцев, сказал: «Я прекрасно его помню и неспроста исключил его имя; ибо, упомяни я его и одного из вас [совета] в моем завещании, он станет чинить препоны всем вам, и не должно вам управлять им; у него такая беспокойная натура. Я бы лично мог распоряжаться им и пускать в ход для разных целей, по моему благоусмотрению; однако вам того делать не следует». Отстранению Гардинера, возможно, больше способствовали соображения эмоционального характера, нежели доктринальная подоплека. Вероятнее всего, король стремился продолжить свою политику «срединного пути» в реформированной католической вере. Тут его, однако, ждало разочарование.

Наследник престола в своей летописи описывал события, развернувшиеся сразу же после смерти

короля. Эдуарда, гостившего в замке Сеймура в Хартфорде, доставили во дворец Энфилд, где сообщили о смерти отца. «На следующий день… он [сам Эдуард] был доставлен в лондонский Тауэр и пробыл там три недели; тем временем совет собирался на ежедневные заседания для исполнения королевского завещания». Затем он сообщает, что «они решили избрать герцога Сомерсета регентом королевства и короля». Герцогом был не кто иной, как сам Эдуард Сеймур, получивший этот титул после того, как стал регентом.

Пэджет и Сеймур организовали заговор еще при жизни умирающего короля. «Вспомните то, что пообещали мне в зале Вестминстера, — писал позже Пэджет Сеймуру, — прежде чем почивший ныне король испустил свой последний вздох. Вспомните то, что пообещали мне сразу же после, обсуждая со мной план касательно занимаемого вами сейчас положения». Через сутки после смерти Генриха Сеймур отправил послание Пэджету из Хартфорда. Письмо было отправлено между тремя и четырьмя часами ночи, а забравшему его посыльному было приказано «спешить, спешить что есть мочи, спешить со всем усердием, ради своей жизни, ради своей жизни». Сеймур сообщил Пэджету, что «по ряду соображений, я

считаю нецелесообразным раскрывать народу» подробности королевского завещания, пока они не встретятся и не устроят дела таким образом, «дабы впоследствии избежать противоречий».

Таким образом, двое вельмож коварно замышляли захват власти. Возможно, что Пэджет ни много ни мало добавил текст в завещание короля при пособничестве Денни. К примеру, в духовной содержалась статья, известная как «неосуществленные дарственные», согласно которым любое вознаграждение, обещанное Генрихом своим подданным, должно быть им вверено после его смерти; тем самым земли и титулы налево и направо раздавались «новым людям».

В условиях ожесточенной борьбы, среди страхов и честолюбивых притязаний, пробужденных смертью короля, в ход шли любые уловки и обман. Обстановка всеобщей тревоги и подозрений вынуждала придворных действовать алчно и беспринципно. Возможно, создание такой атмосферы было делом рук самого Генриха, однако в этом отношении он не слишком отличался от своих предшественников и наследников.

4 февраля новый совет проигнорировал основное волеизъявление в королевском завещании. Генрих предписал учредить систему правле-

ния большинства для сохранения равновесия в правительстве, которая может быть свергнута только в случае письменного согласия «большинства». Свержение, впрочем, последовало незамедлительно после того, как совет решил, что «некий специально назначенный человек» должен взять в свои руки контроль над делами государства; Сеймур, доказавший свои способности и приходившийся кровным родственником новому королю, был избран регентом королевства и короля. Императорский посол выразил менее лестное мнение; он докладывал сестре императора, что Сеймур — или Сомерсет, как его следует теперь называть, — был «сухим, неприветливым и высокомерным человеком». В борьбе за власть, впрочем, победа осталась за ним.

Тело почившего короля обмыли и вынули все внутренности, однако, как обнаружили хирурги, артерии настолько закупорились, что «во всем его теле едва ли оставалось полпинты чистой крови». Затем его заключили в свинцовый кожух и поместили в гроб, который во время похорон несло шестнадцать человек. Армия из тысячи солдат, 250 плакальщиков, а также высокопоставленные сановники церкви и государства сопровождали похоронную процессию из Вестминстера в

Виндзор, растянувшуюся на шесть с половиной километров. Когда процессия остановилась на ночь в Сайон-Хаус, то часть свинцового гроба, по свидетельствам, частично отломилась, и кто-то видел, как собака лижет пролитую кровь. Это поразительная иллюстрация зловещего пророчества, сделанного отцом Пето Генриху пятнадцать лет назад: «Собаки будут лизать твою кровь — да, твою». Этот эпизод, наверное, слишком безукоризненно вписывается в данный драматический контекст, чтобы быть правдой.

Чтобы провезти тяжеловесный ступенчатый катафалк, пришлось заново вымостить дорогу в Виндзор. В верхней части погребальной колесницы поместили восковую фигуру короля для демонстрации толпам народа. Она была одета в пунцовый бархат и украшена драгоценными камнями. Настоящее тело, уже начавшее разлагаться, опустили в склеп под церковными хорами в часовне Святого Георга.

17. Крушение алтарей

20 февраля 1547 года важный маленький мальчик шел по главному проходу в Вестминстерском аббатстве; виднейшие вельможи королевства держали над головой корону, державу и скипетр. «Да, да, да! — прокричала толпа. — Король Эдуард! Король Эдуард! Король Эдуард!» За день до этого в Лондоне в честь мальчика устроили театрализованный праздник, в котором приветствовали его изображениями феникса и льва, короны и цветов. Внезапно в толпе кто-то громко выкрикнул: «Пойте же громче, пойте всем сердцем, нет боле печали, ликуйте и славьте короля Эдуарда, что венчан короной». Он остановился, чтобы полюбоваться акробатическими трюками канатоходца.

Эдуарда, взошедшего на трон Англии в возрасте девяти лет, некоторые подданные прославляли как нового Иосию. Иосия, сын Амона, вступил на престол в восемь лет и своим правлением стремился вершить «дела, угодные Богу». Он истребил всех идолов ассирийских культов и сокрушил их алтари в прах. Во время его правления народ

чудесным образом обрел истинный Закон Божий, который стал законом Иудейского царства[42]. Эти параллели были очевидны тем, кто жаждал искоренить следы католической веры. Эдуарда воспринимали как праведного короля, обладающего неоспоримой библейской властью.

О преемственности позаботились — совет, созданный Генрихом, теперь собирался вокруг его сына. В «Книге мучеников» Джон Фокс, однако, пришел к заключению, что «обстановка приобрела новую форму, словно меняя мизансцену в пьесе: появились новые актеры, вытеснив прочь старых». Среди сброшенных со счетов фигур оказались консерваторы Стивен Гардинер и герцог Норфолк, тем самым сместив чашу весов в пользу дальнейшей религиозной реформы. Стивен Гардинер, по правде говоря, участвовал в церемонии коронации. Но это была его единственная публичная обязанность за все время правления нового короля. Регент герцог Сомерсет теперь сосредоточил в своих руках контроль над работой совета и стал, по сути, королем во всем, кроме

[42] Примечания: 42

Библейский царь Иосия вступил на престол в восьмилетнем возрасте, после убийства его отца Амона, и прославился религиозной реформой — установлением монотеизма Яхве и очищением Иерусалимского храма. При нем первосвященник Хилкия нашел в храме некую «Книгу закона», которую обычно считают старозаветным Второзаконием.

титула; в процессиях перед ним всегда несли два позолоченных жезла, а сам он попросил Екатерину Парр отдать свои королевские драгоценности его жене. Он даже осмелился назвать короля Франции «братом» в одном из дипломатических писем; английскому послу в Париже намекнули, что такие обращения неприемлемы со стороны того, кто не является помазанником Божьим.

Отношения Сомерсета со своим настоящим братом были напряженными и сложными. Томаса Сеймура наградили пожизненным титулом лорда-адмирала. Один из первых биографов описывал его как «неистового в отваге, галантного в обхождении, с величавой осанкой и звучным голосом», но отметил и иное наблюдение: он был, с позволения сказать, «довольно пустым человеком». Он представлял собой одного из тех ограниченных людей, которые триумфально шествуют по придворной карьерной лестнице. Он потребовал назначить его регентом юного короля, который как-никак приходился ему племянником. Вместо этого ему предоставили место в тайном совете и пообещали выгоды и привилегии вкупе с должностью. Впрочем, этим его честолюбие было не утолить, и Сеймур стал строить заговор против своего брата Эдуарда.

Он позаботился о том, чтобы заручиться поддержкой вдовы короля. Екатерина Парр мечтала выйти за него замуж, еще когда за ней ухаживал король, и теперь, после смерти Генриха, они поспешили заключить свой союз. В период недолгих ухаживаний она писала ему из своего дома в Челси, упрашивая приехать к ней ранним утром, чтоб «избежать подозрений». Многие сочли эту спешку неуместной; если бы вскоре обнаружилось, что Екатерина ждет ребенка, то отцом признали бы Генриха. Любой новый ребенок создал бы нешуточную династическую головоломку. Юные принцессы Мария и Елизавета заявили, что для них совершенно возмутительно «видеть, как пепел — или, скорее, едва остывшее тело — короля, нашего отца, позорнейшим образом порочится королевой, нашей мачехой». Это слова Елизаветы, которая призывала свою старшую сестру к осторожности и сокрытию помыслов. Они имели дело со «слишком могущественными людьми, сосредоточившими в своих руках всю власть». Самой ей приходилось прибегать к «дипломатичности» в отношениях с Екатериной Парр; молчание и хитрость всегда были ее оружием.

Томас Сеймур, получивший отказ в коро-

левском регентстве, тем не менее намерился втереться в доверие к своему маленькому племяннику. Он стал посещать его с глазу на глаз и тайно давал ему деньги, сетуя на скаредность своего брата. «Ты — нищий король, — сказал он мальчику. — У тебя нет денег ни для игр, ни для милостыни». Он даже убедил его написать письмо Екатерине Парр, в котором, как казалось, Эдуард просил свою мачеху выйти замуж за Сеймура. «Ибо тогда, — писал он, — вам не будет печали аль нужды ни в чем; поскольку он, будучи дядей моим [регентом], душой столь благонравен, что беспокойств вам никаких не учинит». Другими словами, он предлагал защитить Екатерину от неминуемого гнева Сомерсета в случае тайного брака. Регент действительно был сильно оскорблен.

Вероятнее всего, Сеймур сам надиктовал письмо юному королю, что ставит под сомнение образ не по годам серьезного и благочестивого мальчика. Через несколько недель после восшествия Эдуарда на престол заметили, что король стал сквернословить и богохульствовать, произнося фразы наподобие «клянусь кровью Христовой». Своему наставнику он сослался на одного из товарищей по учебе, из титулованной дворянской

семьи, который его заверил, что «король всегда сквернословит». Его заставили смотреть, как школьному товарищу задали хорошую порку.

Регент по своей природе был религиозным реформатором, равно как и его ближайшие сподвижники; его личный врач, Уильям Тернер, публиковал трактаты, запрещенные во время предыдущего правления. Сообщалось, что его дочерей обучали «благочестивой литературе и знанию святейших Законов Божьих», что в контексте того времени иносказательно подразумевало обращение в евангельскую веру. В одном из своих воззваний он призывал «родителей уберегать своих детей» от таких «скверных и порочных игр», как кегли и теннис, — указ, который в более позднее время сочли бы пуританским.

Радикальный сектант Джон Бредфорд был допрошен епископом Даремским в конце правления короля. «Милорд, — сказал он, — доктрина, проповедовавшаяся в дни царствования Эдуарда, суть чистая религия Бога». Последовал незамедлительный и весьма показательный ответ: «О какой религии в дни короля Эдуарда ты говоришь? О каком годе его царствования?» Первые попытки перемен были предприняты весьма скоро. За десять дней до коронации нового короля

старосты и хранители церкви Святого Мартина в Лондоне сорвали все иконы святых и замазали известкой все настенные фрески. Впрочем, они слишком погорячились в своем усердии и были на время сосланы в Тауэр.

Но перемены в умонастроениях проступали все отчетливее. В дневнике одного из современников от 1547 года есть запись, что «сей год архиепископ Кентерберийский публично ел мясо во время Великого поста, в зале Ламбетского дворца, чего Англия не видала со времен принятия христианства». Томас Кранмер дал свою характеристику церкви Англии; по его словам, ему и другим епископам следовало восстановить свои полномочия в качестве должностных лиц при новом короле. Отныне они рассматривались не как преемники апостолов, но как представители королевской власти. Теперь это была государственная церковь, где кафедры использовались для обнародования декретов и указов Королевского совета. Не стоит забывать, что Эдуард стал первым венчанным королем Англии, который обрел титул верховного главы английской церкви.

В начале нового правления Томас Кранмер отрастил бороду. Может показаться, что он сделал это в знак траура по своему почившему

господину, однако на самом деле духовенство послереформенной церкви отдавало бородам предпочтение; тем самым оно словно демонстрировало решительный отпор тонзуре и гладковыбритым папистским священникам. После долгих размышлений архиепископ, как мы могли убедиться, отказался от доктрины действительного присутствия Христа в таинстве причастия. Он пригласил нескольких протестантских реформаторов в Англию и вверил им руководство некоторыми престижнейшими профессорскими кафедрами в двух университетах.

В течение следующих шести лет около семидесяти европейских богословов прибыли в Англию — проповедники, ученые, гуманисты и пасторы, активно и увлеченно поддерживавшие связь со своими оставшимися на континенте коллегами. Какое-то время казалось, что юный король Эдуард может в конечном итоге возглавить великое движение европейского протестантизма. Протестантские беженцы, спасавшиеся от преследований Карла V, осели в Англии. Группе фламандских поселенцев разрешили проводить причастие в церкви Остин-Фрайерс в Лондоне, а на руинах бывшего аббатства Гластонбери обосновалась община валлонских ткачей. Масштабы

религиозной терпимости во времена регентства Сомерсета были таковы, что ни одного человека не казнили и не пытали за его верования; это поистине уникальный период в истории Англии XVI века.

Многие из этих европейских беженцев и ученых еще до переселения в Англию попали под влияние Жана Кальвина, который основал реформаторское движение, отличавшееся строгостью и дисциплиной. Кальвин, французский ученый, открыл в себе дар систематической теологической мысли и выдающиеся способности к руководству. В 1536 году, в возрасте двадцати шести лет, он опубликовал «Наставление в христианской вере», где определил принципы того, что можно было назвать новым градом Господним. За короткий промежуток времени, работая в относительном уединении, он создал целую теологическую систему, авторитарную и безличную. У Кальвина не было ничего частного; он всегда был общественной силой. В этом заключался источник его величия.

Он отправился в Базель, а затем в Страсбург, чтобы спастись от преследований французского короля и церкви. В Женеве, благодаря мощи своей несгибаемой воли вкупе с нравственным запа-

лом, он учредил новую республику, основанную на вере. Он регламентировал практику богослужения и создал ритуалы церковной службы; посредством совета он осуществлял контроль над нравственностью горожан. Можно сказать, что Кальвин собственноручно возродил духовность и развитие европейской Реформации в то время, когда она, казалось, отступала под натиском сил католичества.

В сердце кальвинизма лежал догмат о предопределении, уходящий корнями в религиозные трактаты Павла и Августина. Прежде чем создать землю, Бог повелел, что некоторые будут спасены для вечной жизни, а другие осуждены на вечное страдание. Если Господь был действительно всемогущ, то, разумеется, он уже знал, кто именно станет избранным, а кто — проклятым грешником. Небесный горшечник вылепил из глины сосуды чести и милосердия и сосуды гнева и позора. Некоторые верующие, принимавшие учение Кальвина, возможно, страшились судьбы, уготованной их душе, и впадали в отчаяние. Однако для большинства это учение о предвидении и предопределении стало высшим спасением от тревоги и уныния; это была вдохновляющая и одухотворяющая доктрина, поощрявшая само-

пожертвование и твердость духа. Какая радость заранее знать, что ты спасен? Именно эта идея питала торжествующую веру Оливера Кромвеля в «провидение». Истинная церковь состояла из избранных, известных одному Богу; спасенный однажды милостью Господа никогда не впадет в греховность. Это убеждение придавало ощущение собственной значимости тем, кто, возможно, чувствовал себя обделенным другими благами.

Именно такая вера провозглашалась отныне в Англии, в особенности в тех церквях, которые основали спасавшиеся от Карла V европейские реформаторы. Эта доктрина по понятным причинам привлекала энтузиастов и идеалистов; будучи людьми, которые чудесным образом меняют мир, они способствовали стремительному распространению кальвинизма. Учение стало господствующей темой для более «пылкой» плеяды реформаторов и вскоре утвердилось в Польше и в Богемии, в Пфальце и Нидерландах.

Теперь, после восхождения на трон юного короля Эдуарда, некоторые наиболее ревностные и радикально настроенные верующие вышли из тени религиозной цензуры времен Генриха VIII. Томас Андерхилл, к примеру, провозгласил себя «истовым евангелистом» в приходе Стрэтфорд

в лондонском районе Боу. Хью Латимер, самый влиятельный радикальный проповедник того времени, вышел на свободу в начале правления нового короля и поселился с архиепископом Кранмером в Ламбетском дворце. С кафедры он обрушивался с критикой на прелатов, отказавшихся проповедовать послереформенную веру, за то, что те «удобно устроились при дворах, заботясь о своей ренте, танцуя в своих владениях, обремененные посольскими полномочиями, набивают свои животы, аки монах, празднующий юбилей, лакомясь у своих кормушек и горбатясь в своих богатых поместьях и особняках». Он закончил проповедь двумя словами «ну-ну».

Недовольство старыми священниками время от времени выливалось в уличные протесты. Королевский совет повелел, что служилым людям и подмастерьям Лондона отныне запрещается прибегать к «столь возмутительному и гнусному обхождению со священниками, а именно оскорблять их, сбивать с ног, буйственно срывать с их головы биретты и капюшоны». Яркое описание подобных протестов дано в «Разоблачении протестантов», опубликованном несколькими годами позже. О лондонских подмастерьях там говорилось: «Они и пальцем не шевельнут, чтоб

в церковь сходить в священный день, но толпятся кучками на задних рядах и улюлюкают над прохожими или сочиняют свои заветы, изощряясь в остроумии». Таковы неудовлетворенность и неприятие, с которыми порой сталкиваются эпохи перемен.

Более преданные или ревностно верующие католики переселились во Францию или Италию, забрав с собой опальные реликвии; в их числе были монахи, выдворенные из лондонского монастыря Чартерхаус. На одной деревянной гравюре, изображавшей исход верующих, значилась надпись: «Забирайте все свои побрякушки и отчаливайте прочь, паписты». Один священник бросился со шпиля церкви Святого Магнуса Мученика, на Лоуэр-Темз-стрит, в протекающую внизу реку.

Весной 1547 года, через три месяца после коронации, вышел ряд судебных приказов, направленный на всеобщее очищение церквей. Все настенные росписи, все иконы святых и апостолов подлежало убрать с глаз долой, «дабы вычеркнуть любое воспоминание о них». Четки использовать запрещалось. Суеверием объявлялись «зажжение свечей, целование, коленопреклонение, украшение святых образов»; паломничества к святыням

более не дозволялись, а в наиболее радикальных приходах Лондона убрали или разбили все витражи. В других религиозных приходах царило не меньшее воодушевление. В Мач-Уэнлок, что в графстве Шропшир, кости местного святого выбросили в костер. В Норидже «разные викарии и другой досужий народ» ходили по церквям в поисках предметов идолопоклонства. В Дареме члены королевской комиссии прыгали по реликварию, который демонстрировался народу во время праздника Тела Христова. Приказы постановили, что затейливой многоголосной музыке более не место в церкви. Органы замолкли. По словам реформаторов, музыка старой церкви представляла собой не что иное, как «какофонию из рокотаний, подвываний и свистов, с ряженьем, фокусами и фиглярством; а игра на органе — лишь праздное тщеславие».

Приказами предписывалось использование английской литании и чтение наставлений на английском языке. Смотрителям церкви надлежало обзавестись копией «Изложения Нового Завета» Эразма Роттердамского, ключевого религиозного текста реформаторов. Они были обязаны держать в церкви издание «Книги проповедей» Томаса Кранмера, собрание двенадцати назида-

ний о фундаментальных доктринах английской церкви. Проповеди, которые следовало читать с кафедры каждое воскресенье, представляли собой в значительной мере самостоятельный труд Кранмера, в котором он изложил свое видение реформированной веры. Именно поэтому в книге нет упоминания о причастии и содержится лишь беглая отсылка к крещению. Важнейший источник духовной твердости и силы лежал в прилежном чтении Библии, ибо «в Священном Писании есть множество пологих равнин и утоптанных троп, по которым легко пройдет любой человек, но там есть и высокие холмы и горы, на которые взберутся лишь немногие». Эта благозвучность и изящные кадансы кранмеровского слога во многом способствовали укоренению новой веры среди народа.

В мае 1547 года объявили о начале новых церковных ревизий. Страну разделили на шесть округов, в каждом из которых члены королевской комиссии опрашивали приходское священство о соблюдении приказов. Используется ли надлежаще английская литания? Проповедует ли кто из священников о верховенстве папы римского? Остались ли какие-либо «запретные изображения… одежда, камни, обувь, подноше-

ния, лобзание икон, подсвечники, истуканы из воска и оным подобные?». Ревизоры приказали всем приходам упразднить свои традиционные празднества, или «церковные пивные гулянья», во время которых собирались пожертвования на поддержание внутреннего и внешнего устройства церкви; празднества в честь местных святых тоже запретили.

Один за другим канули в Лету великие празднества старой церкви. Процессии в день Тела Христова в ознаменование Святого причастия, майские игры Робин Гуда, пасхальные «связывания» в день Хоктайд, во время которых собравшиеся привязывали к себе участников противоположного пола и отпускали лишь за обещание поцелуя или небольшого выкупа, — все это было объявлено пережитками папизма. Упразднили и ритуалы с участием «маленьких епископов», где ряженые мальчишки пародировали священников. Церкви более не украшали цветами. Под запретом оказались и религиозные гильдии, а с ними исчезли и театрализованные представления предыдущих поколений. По словам одного из современников, страна, «некогда прославленная во всем христианском мире как веселая Англия, утратила радость и веселье и

теперь должна зваться печальной и заунывной Англией».

Внутреннее пространство церквей выбелили известкой и мелом; распятие заменили королевским гербом, а на месте фресок на стенах появились заповеди. По словам одного ревностного проповедника, церкви «лишились столь нарядного благолепного убранства». Консервативные верующие утверждали, что храмы теперь больше похожи на сараи, нежели часовни, однако для приверженцев Реформации новые церкви стали подходящим местом для пения псалмов, чтения Библии и проповедей. Эти церкви, реформированные столь радикальным образом, теперь в корне отличались от существовавших ранее и стали провозвестниками совершенно иных форм богослужения. Зимой 1547 года в течение одной ночи из собора Святого Павла вынесли большое распятие вместе со всеми другими реликвиями. Впоследствии церковный склеп и часовню превратили в жилые дома и магазины. Набожность прихожан заметно пошла на убыль. Когда пятью годами ранее Джон Леланд путешествовал по юго-западным регионам Англии, собирая материал для своего «Путеводителя», он не обнаружил никаких новых церковных сооружений; все

церкви, о которых он хвалебно отзывался, были построены предыдущими поколениями.

Два епископа публично высказались против изменений. Стивен Гардинер, исключенный из Королевского совета, критиковал непомерную жажду нововведений. «Если вы перекроете старую протоку, — сказал он, — вода может утечь дальше, чем вы предполагаете». Получив предупреждение о том, что своим противодействием совету он рискует поставить себя под удар, Гардинер ответил: «Я и так уже с самого рождения осужден на смерть». Гардинер написал письмо регенту, в котором увещевал его повременить с реформой, пока король не достиг совершеннолетия; он считал, что в противном случае это может привести к общественным волнениям. Епископ отправил послание Томасу Кранмеру, где оспаривал некоторые постулаты, утверждаемые в «Книге проповедей». Гардинера призвали в совет и заставили подчиниться новым приказам; когда же он попытался уйти от ответа, его сослали во Флитскую тюрьму вместе со своим поваром и двумя слугами.

Эдмунда Боннера, епископа Лондонского, заключили туда еще раньше. «Ах, епископ, — воскликнула сторонница реформы, герцогиня

Суффолк, проходя под окном тюремной камеры Гардинера, — без волков овцам раздолье!» Однако епископы были не единственными протестующими. Французский посол докладывал о недовольных и горестных роптаниях «в северных регионах ввиду новшеств, навязываемых этими новыми правителями в ущерб веками утвержденной религии». Этот ропот становился все громче и громче, пока в конце концов не вылился в полномасштабное восстание в королевстве.

18. Бей папистов!

Регент Сомерсет был в первую очередь солдатом, а дело солдата — война. С самых первых дней регентства он занимался вопросами обороны государства на южном побережье и севере, где Шотландия все еще представляла серьезную угрозу. В этой стране герцог Сомерсет уже доказывал свое военное искусство, сначала успешно возглавив поход, а на следующий год — весьма эффективный набег на границы Шотландии, поэтому его взоры снова обратились на север. В 1534 году произошла помолвка принца Эдуарда с шотландской королевой Марией, которая, однако, так ничем и не закончилась. И хотя заключение брака между ними представлялось маловероятным, герцог Сомерсет публично выразил надежду на объединение двух стран и создание королевства Великая Британия, единого в новой англиканской вере.

Как многие успешные военачальники, регент Сомерсет отличался резкостью и склонностью отдавать приказы, не прислушиваясь к мнению других. Он нередко прибегал к использованию

прокламаций, чтобы объявить свою волю народу, и менее чем за три года успел издать семьдесят семь таких документов, включая указы, запрещавшие копить зерно и устанавливающие цены на мясо. Эти прокламации могли издаваться без одобрения тайного совета и за редким исключением сопровождались угрозами сурового наказания. Возможно, герцог Сомерсет испытывал тревогу из-за природы своей власти, и поэтому ему требовалась грубая сила прокламаций. В чем бы ни заключалась истинная причина, он прославился надменностью и холодностью. Сообщалось, что он никогда не спрашивал мнения своих коллег по тайному совету и предпочитал править единолично, оберегая свое одинокое высокое положение. «С недавних пор, — писал ему один из старых придворных, — ваша светлость стали проявлять чрезвычайную раздражительность, когда кто-либо имеет неосторожность возразить на то, что вы изволили замыслить». Тем не менее герцог Сомерсет все же проявлял отеческую заботу о стране, когда интересы государства совпадали с его собственными.

Регент был человеком алчным во многих отношениях и завладел бесчисленным множеством церковных земель и прочего имущества. Однако

церковная Реформация обошлась ему довольно дорого. Через три месяца после коронации Эдуарда герцог Сомерсет начал строить дворец между Стрэндом и Темзой, который вошел в историю под названием Сомерсет-Хаус. Чтобы освободить место под строительство, были снесены три епископских дворца и приходская церковь Сент-Мэри-ле-Стрэнд, а часовню при церкви Святого Иоанна Крестителя в Кларкенуэлле взорвали бочками с порохом, чтобы обеспечить будущий дворец камнем и другими строительными материалами. Помимо этого герцог Сомерсет разграбил собор Святого Павла. Как писал французский посол, «строительство герцогского дворца в Лондоне не прекращается ни по воскресным, ни по праздничным дням; и работали даже в прошлое Вознесение». Причем посол подчеркивал не скорость возведения здания, а скорее готовность регента пренебречь древними церковными праздниками. В то время говорили, что именно такое вопиющее присвоение церковного имущества ожесточило сердца людей против герцога. Позднее Джон Стоу писал в «Обзоре Лондона», что эти «в высшей степени богомерзкие деяния повлекли за собой не только открытую неприязнь людей, но и тайное боже-

ственное возмездие».

Впрочем, тогда казалось, что небеса благоволят регенту. В конце лета 1547 года после долгих безрезультатных переговоров с шотландцами герцог Сомерсет напал на северного соседа Англии. Такой шаг объяснялся отношениями не только с Шотландией, но и с Францией: ее новый король Генрих II намеревался вернуть Булонь, которая за год до этого перешла под власть Генриха VIII в соответствии с условиями Ардрского мира. Молодой король Франции, взошедший на престол весной в возрасте двадцати восьми лет, естественно, стремился к военной славе. Готовясь бороться с Англией в пределах собственного королевства, он упрочил связи с Шотландией, своим давним союзником. Сообщалось о нападениях флотилий обеих стран на английские корабли. Помимо этого герцог Сомерсет желал наказать шотландцев за формальный отказ от исполнения брачного договора, заключенного между юной королевой Марией и Эдуардом VI. Так что он тоже мечтал о славе.

К концу весны сухопутные и морские войска собрались на небольшом участке приграничной территории, на которую несколько раз нападали шотландцы. Кутберт Тунсталл, епископ Дарема,

получил приказ вернуться в свою епархию для подготовки к войне. Перейдя границу 31 августа с «единственной целью защищать и блюсти честь обоих принцев и королевств», герцог Сомерсет одержал решительную победу над шотландскими войсками в местечке под Масселборо, известном как ущелье Пинки. Оборонявшиеся шотландцы также попали под огонь английских кораблей, расположившихся в прибрежной акватории.

Согласно оценкам, погибло около десяти тысяч шотландцев. Как отмечает один из современных летописцев, «тела убитых лежали таким плотным слоем, что напоминали пасущиеся стада». Одни выжившие бежали в Эдинбург, бросая оружие по дороге; другие пытались укрыться под ивами в близлежащих болотах и с головой погружались в воду, словно выдры, оставляя на поверхности только рот. Победоносный герцог незамедлительно возвратился в Англию, оставив в фактически разгромленной стране оккупационные войска. Было решено построить несколько крепостей с гарнизоном, достаточным для усмирения и подчинения местного населения. Так начался финансовый кризис, с дальнейшим развитием которого становилось все более очевидно, что расходы на оккупацию

гораздо больше ее преимуществ. Шотландцы не собирались покоряться.

Столь поспешное возвращение герцога Сомерсета объяснялось страхом, что французы попытаются напасть на южное побережье; шотландская знать уже попросила Генриха II о помощи в борьбе с общим врагом. Возможно, регент опасался и козней своего младшего брата. Как вспоминал впоследствии юный король Эдуард, «в сентябре месяце 1547 года лорд-адмирал говорил мне, что мой дядя, находившийся на тот момент в Шотландии, не заключит мир, пока не будет перебито великое множество людей или пока он сам не погибнет, а также что он тратит много денег впустую». В этом Томас Сеймур оказался прав. Далее Эдуард писал: «После возвращения моего дяди он [Томас] сказал, что я слишком робок в делах и не стою за свои права. Я же возразил, что это не так».

Однако возвращение герцога Сомерсета послужило необходимой предпосылкой для первого в правление нового короля созыва парламента. Заседание состоялось 4 ноября и началось с мессы, на которой гимны «Слава в вышних Богу», «Символ веры» и «Агнец Божий» исполнялись на английском языке, что красноречиво свидетель-

ствовало о направлении развития и будущем разрешении вопросов веры. Действительно, первым был принят закон о запрете поминовений — денежных пожертвований по завещанию на отправление заупокойной службы. Такие пожертвования были признаны ненужными предрассудками, связанными с потерявшей силу верой в чистилище; они лишь укрепляли людей в их невежестве, незнании «своего истинного и совершенного спасения через распятие Иисуса Христа».

С напускным благочестием сообщалось, что полученные у церкви средства и земли, очищенные от тщеславного стремления жертвователей к добродетели, будут направлены на нужды школ и прочих богоугодных учреждений. На самом деле большая часть доходов шла в казну на финансирование войн с Шотландией. Количество школ, открытых Эдуардом VI, было подсчитано неверно. Большая часть школ, считающих его своим основателем, в действительности существовали задолго до его правления, и он лишь продолжил их развитие, введя фиксированную оплату школьных учителей вместо денег, которые те ранее получали с ныне отмененных поминовений. Тем не менее во время правления Эдуарда

были открыты бесплатные школы в Сент-Олбансе, Беркхамстеде и Стамфорде. Секуляризация также коснулась университетов: старые учреждения при монастырях закрывали, открывая на их месте новые. Например, Тринити-колледж Кембриджского университета был основан в 1546 году, а Эммануэль-коледж — в 1584-м, на месте распущенного доминиканского мужского монастыря, здание которого приобрели специально для этой цели.

Часть дохода от поминовений была, очевидно, использована более привычным образом. Как сообщал посол Священной Римской империи, «всё джентри, как мелкое, так и крупное… ожидает от короля наград и льгот». Небольшая группа приближенных на верхушке власти разделила большую часть оставшейся добычи; подобную развращенность правящих кругов Томас Мор назвал в «Утопии» «заговором богатых, которые стремятся к собственному процветанию, называя это всеобщим благом». Поговаривали даже, что лучше оказаться в аду, чем в одном из так называемых судов приращения, распоряжавшихся церковным имуществом. С народных уст не сходила поговорка: «Друга обретешь — закон обойдешь». «Кто мог бы воздержаться от наруше-

ния закона, владей он средствами, достаточными, чтобы такой закон не исполнять?» В этой фразе вся история английского правительства.

Таким образом, согласно подсчетам, было ликвидировано более 2500 фондов пожертвований на помин души. Англичанам больше не разрешалось молиться за упокой усопших. В начале 1548 года объявили, что на Сретение, или День свечей, не будут освящать свечи, в Пепельную среду (день начала Великого поста) нельзя будет использовать пепел, а в Пальмовое воскресенье — пальмовые ветви.

В соответствии с реформистским уклоном парламента его члены приняли закон, разрешавший проводить двойное причастие — хлебом и вином[43]; в связи с этим был введен национальный чин причастия, включенный в латинскую литургию. Если людям более «высокого сорта» давали мускатное вино или мальвазию, то остальным приходилось довольствоваться кларетом[44].

---

[43] Примечания: 43

В католичестве причастие под обоими видами — хлебом и вином — доступно только духовенству. Протестанты настаивали на доступе к причастию вином и мирян.

[44] Примечания: 44

Все перечисленные вина были привозными, но мальвазия и мускатное вино относятся к классу десертных, а кларет — легких красных сухих вин; его производили в Бордо во Франции.

Далее было решено отменить ограничения на издание, преподавание и чтение Священного Писания. Так возникла надежда на превращение Англии в землю обетованную. С этого времени возведение в сан епископа происходило путем выдачи патентного письма от короля, что позволяло обеспечить новообращенную нацию постоянным штатом священнослужителей. Шаг за шагом религия в стране постепенно менялась.

Парламент издал новый Закон об измене, отменявший суровые законы, которые старый король применял к подданным своего подчас неспокойного королевства. Теперь уже плохой отзыв о короле не считался изменой, а для расследования более чудовищных деяний требовалось представить двух свидетелей вместо одного, как было раньше. Именно это условие о необходимости двух свидетелей Генри Галлам, известный специалист по истории административной власти, назвал «одним из важнейших конституционных положений за время правления династии Тюдоров»[45].

В том же духе терпимости из свода законов

---

[45] Примечания: 45

Галлам Генри (Henry Hallam, 1777–1859) — английский историк и юрист, основатель вигской историографии английской истории, автор работ по конституционной истории Англии.

был исключен Закон о сжигании еретиков от 1414 года. Что еще более важно, отменили Шесть статей 1539 года, называемые также Законом о запрете различных мнений. Поскольку основной целью его принятия являлась поддержка ортодоксального католичества и усмирение активных реформаторов, в новой атмосфере правления Эдуарда закон потерял необходимость и целесообразность, а кроме того, его отмена могла считаться мерой обеспечения веротерпимости. Поэтому парламент отбросил все прежние предосторожности, связанные с изменой и ересью, таким образом негласно отказавшись от жестоких законов прошлого царствования.

Однако были приняты и менее либеральные меры. В частности, утвердили новый Закон о бродяжничестве, согласно которому все, кто не желал работать, становились рабами. Услышав от двух свидетелей о «праздной жизни» некоего лица, два мировых судьи могли постановить, чтобы виновному выжгли на груди букву «V»[46], и приговорить его к двум годам рабства, причем преступника допускалось заковывать в цепи и погонять кнутом. Всякий, кто пытался избежать

[46] Примечания: 46
От *англ.* vagabond — бродяга. — *Прим. пер.*

подобного принудительного труда, подлежал наказанию в виде обращения в пожизненное рабство за первую попытку бегства и смертной казни за вторую. Столь жесткие меры объяснялись беспокойством, которое причиняли бродяги в Англии XVI века. Рыская по стране целыми бандами, они просили милостыню или воровали по своему усмотрению; «дюжие бродяги» представляли собой древний орден со своими традициями и языком в виде «бродяжьего жаргона». Фраза «Этот малый изрядно разубран, подшибим-ка его, облупим да и дадим деру» значила ровно то же самое, что «Этот человек очень хорошо одет, давайте его повалим, обворуем и убежим».

Считалось, что человек без хозяина есть признак разложения или упадка общественного строя, поскольку это порождает новое беспокойство о будущем. В 1577 году Уильям Гаррисон писал: «Хотя не прошло еще полных шестидесяти лет с начала действия новой системы, можно с легкостью судить о ее пользе, поскольку теперь их [бродяг] число, как одного пола, так и второго, достигает, насколько я слышал, всего десяти тысяч человек». Однако законодательство свидетельствует об общественной дисциплине, применявшейся в стране с помощью церковных

«обходов», судебных запретов и прокламаций. Всякий праздношатающийся подлежал задержанию или тюремному заключению. Страх беспорядков держал общество в тисках.

Поистине бушующий поток новых законов хлынул в первые месяцы правления герцога Сомерсета. Весной 1548 года Уильям Пэджет, когда-то участвовавший в заговоре вместе с теперешним регентом, написал ему письмо, в котором заявил о беспорядках в стране: «Использование старой религии запрещено, в то время как новая еще не усвоена одиннадцатью двенадцатых королевства». Пэджет посоветовал регенту оставаться бдительным и двигаться осторожно: «Комиссии по одному вопросу, новые законы по другому, а прокламации по третьему, одна за другой и так часто, что народ не успевает к ним привыкнуть… Вам следует пожалеть несчастных детей бедняков и, думая о сохранении порядка в стране, не вводить более новых правил в таком количестве». Однако герцог Сомерсет возражал ему, считая его Кассандрой, предрекающей несчастья.

Никогда еще вопросы религии не вызывали столько разногласий. Некоторые говорили, что герцог Сомерсет зашел слишком далеко, другие, наоборот, жаловались, что принятых мер недо-

статочно. Признаки религиозных противоречий можно найти и среди членов королевской семьи. Эдуард проповедовал «душевный мир и покой», предпочитая его измененной религии, и начал даже писать трактат на французском языке о верховенстве папской власти; в то же время его старшая сестра Мария четыре раза в неделю посещала мессы. В церквях между разными группами — консерваторами и реформаторами — возникали стычки. В одной церкви отдавали предпочтение римским обрядам, в другой следовали Женеве, тогда как в соседних церквях могли отправлять службы, как в Цюрихе или Виттенберге. Широко тиражировались сатирические стихи, высмеивавшие и консерваторов, и реформаторов. Один из таких памфлетов носил название «Бей папистов! Написано мною, Гансом Гэтприком», а другой вышел в печати как «Балет, провозглашающий падение вавилонской блудницы, под заглавием „Привяжи кобылу, озорник“».

Согласно сообщениям церковных старост Станфорда в Вейле (тогда Беркшир), те годы стали «временами раскола, когда государство отделилось от католической церкви» и «все богоугодные церемонии и благие обряды были из церкви изъяты». Приходской священник Эдвик-ле-Ст-

рит в Донкастере писал, что в молебственные дни перед Вознесением «по полям не совершали крестного хода, а жестокосердые тираны со злобою низвергли все кресты, стоявшие на открытой местности». В одной из школ Бодмина в результате ряда искусно проведенных битв мальчики разделились на враждебные группы «старой» и «новой религии». Когда же им удалось с помощью пороха взорвать теленка, вмешался школьный учитель со своими розгами. Общественный и религиозный порядок нужно было поддерживать любой ценой. В церкви Святой Марии Вулнот тринадцатилетнего мальчика высекли нагим; его проступок заключался в том, что во время мессы он бросил свою кепку в Святые Дары.

Поэтому весной 1548 года деятельность проповедников запретили, кроме тех, которые получили специальное разрешение. Это было сделано, чтобы усмирить «нерассудительных, вздорных, ожесточенных и несдержанных» людей, которые вечно подливали масла в огонь религиозной вражды. Однако даже таких мер оказалось недостаточно, и в конце того же года проповеди полностью прекратились. Единственное исключение было сделано для консервативного епископа Винчестерского Стивена Гардинера. Его

выпустили из Флитской тюрьмы, взяв обещание, что он станет придерживаться новой религиозной системы, и едва епископ успел вернуться в свой дворец в Саутуарке, как получил известие, что должен выступить перед королем. Его попросили зачитать вслух и одобрить ряд пунктов относительно недавних религиозных изменений. Другими словами, епископу приказали дать публичное согласие на уничтожение образов и проведение двойного причастия.

Он отказался, ответив, что такая проповедь «напоминает урок для заучивания». Вследствие этого епископа Винчестерского вызвали в суд, где регент пригрозил лишить его сана за неповиновение королю. Стивен Гардинер немного смягчился, согласившись сочинить проповедь, которая затрагивала бы вышеуказанные предметы. Он дал согласие прочесть проповедь в День святого Петра, 29 июня, но накануне днем получил записку от регента, в которой тот запрещал ему упоминать о доктрине пресуществления. И, уже собираясь отправить капеллана с устным ответом, епископ внезапно передумал. «Не ходите, — остановил он капеллана. — Уверяю вас, я отлично справлюсь».

На следующий день епископ занял новое место

для проповедей — открытую кафедру в личном королевском саду дворца Уайтхолл. Юный король сидел у окна галереи, откуда открывался хороший обзор, а в саду собралась «такая публика, какую едва ли видывали ранее». Все желали услышать о примирении епископа с переменами в религиозной системе. Он же начал свою речь со слов: «Я открыто провозглашу, что думаю о состоянии англиканской церкви на сегодняшний день, о том, насколько оно мне нравится, и о своем мнении по этому поводу». Заявление это было в определенном отношении неоднозначным. Скрепя сердце епископ согласился с отменой поминовений, считая, однако, что все же следует молиться за усопших. Он признал, что обряды и церемонии — по сути «вещи незначительные», поэтому он не имеет ничего против реформ, будучи тем не менее убежден, что священники должны соблюдать обет безбрачия. Несмотря на приказ регента избегать темы пресуществления, епископ подтвердил силу таинства фразой «Сие есть тело Мое».

По окончании проповеди Стивен Гардинер с «тихой радостью» отправился обратно в Саутуарк на своей барже. Когда до его капеллана дошел слух о скором заключении епископа в Тауэр,

тот ответил, что «это лишь сказки, ведь едва ли он когда-либо в жизни доставлял тайному совету такое удовольствие». На следующий день его арестовали по обвинению в «умышленном неподчинении» и отправили в лондонский Тауэр, где продержали в строгом режиме следующие пять лет.

Даже в гуще подобных противоречий герцог Сомерсет был занят Шотландией. В начале 1548 года он издал «послание или наставление» шотландскому народу, призывая закрепить братские узы на основе общих интересов и «единого языка на одном острове», который, как прежде, должен носить «старое нейтральное имя Британия». Герцог вновь настаивал на заключении брака между Эдуардом и Марией в качестве основания для подобного объединения, шотландцы же вновь его не послушали. Поэтому подтверждение сведений о запланированной помолвке шотландской королевы Марии с дофином, старшим сыном короля Франции, стало настоящим ударом. Так началась государственная карьера юной принцессы, чья непростая жизнь в последующие тридцать девять лет бросила тень на дела Англии. По слухам, даже в десятилетнем возрасте Мария обладала «духом столь высоким и благородным, что выражала

сильнейшее неудовольствие, если с ней обращались уничижительно». Мария де Гиз, вдова Якова V, стала фактически регентом Шотландии на время пребывания дочери во Франции, где юную девушку должны были воспитывать вместе с будущим мужем. Теперь на северных границах Англии ощущалось тягостное французское присутствие.

Французский король все еще хотел вернуть Булонь, однако решительная победа войск герцога Сомерсета в ущелье Пинки его остановила. Вдобавок в интересах Англии было избежать войны с Францией, поскольку любая военная кампания повлекла бы за собой неподъемные затраты. В феврале 1548 года юный король Эдуард благосклонно принял французского посла в Гринвиче, где проводилась учебная осада; для удобства общения они говорили между собой на латыни. Четыре месяца спустя французский отряд высадился в Лите, чтобы помочь шотландским союзникам. В районе города Хаддингтон в Восточном Лотиане было проведено несколько атак и контратак, однако стороны избегали масштабных сражений. Присутствие французских войск на шотландской земле раздражало, подчеркивая недостатки политики герцога Сомерсета,

который предполагал усмирить шотландцев путем создания военных гарнизонов.

Младший брат регента барон Томас Сеймур продолжал вынашивать планы собственного возвышения. Новые доказательства их несостоятельности появились в то время, когда молодая леди Елизавета вошла в дом Екатерины Парр. Хотя девушке на тот момент было всего четырнадцать, столь юный возраст ничуть не смущал человека, с удовольствием признававшего себя ее «отчимом». Он мог войти к ней в спальню в одной ночной сорочке и домашних туфлях и устроить игривую потасовку, хлопая девушку по спине или ягодицам. Очевидно, привлекательный лорд-адмирал вскружил принцессе голову. Говорят даже, что Екатерина Парр в конце концов застала их в объятиях друг друга и Елизавете пришлось покинуть дом. Когда пошли слухи, что принцесса носит под сердцем ребенка Томаса Сеймура, члены тайного совета были вынуждены опросить ее ближайшее окружение. И хотя сообщения оказались ложными, иностранные послы не упускали возможности поделиться пикантными подробностями жизни дочери Анны Болейн. Эта история способствовала значительному росту естественной осмотрительности и

скрытности Елизаветы.

Когда ранней осенью 1548 года Екатерина Парр скончалась на шестой день после родов, произведя на свет малышку-дочь, барону Сеймуру вновь представилась возможность укрепить свое положение. Вскоре стало ясно, что он все еще строит планы о вступлении в брак с леди Елизаветой. Например, барон пытался выяснить у Томаса Парри, одного из ее домашних слуг, «не уменьшились ли ее великолепные ягодицы». Что, вероятно, более существенно, он стал наводить справки о «состоянии земельного имущества ее высочества и сколько она держит слуг». Какими поместьями и землями владеет? Хорошие ли земли и будут ли они в ее собственности бессрочно?

Однажды по дороге в парламент между Томасом Сеймуром и одним из придворных состоялся следующий разговор.

— Милорд, — начал его спутник, — к моему величайшему сожалению, мне стало известно о некоторых слухах, касающихся вашей светлости.

— Что же это за слухи?

— Мне сообщили, что вы намереваетесь просить руки леди Марии или леди Елизаветы. Затрагивая эту тему, милорд, должен заметить, что попытки осуществить такой замысел могут

подорвать не только ваше положение, но и навредить всем, кто последует за милордом.

Когда барон Сеймур опроверг наличие у себя подобных намерений, придворный ответил:

— Рад это слышать — и лучше даже не пытайтесь.

Он предупредил барона, что два предыдущих короля с огромным недоверием относились к могуществу своих подданных; неужели новый король не мог разделять с ними эту слабость? А в таком случае даже собственный брат барона Сеймура регент Сомерсет мог почувствовать необходимость пойти против него.

Тем не менее барон Сеймур лишь отмахнулся от подобных предостережений и решил, что настало время оказать влияние на самого Эдуарда. «С нашей последней встречи, — заявил он королю, — вы возмужали, превратившись в благородного юношу. Уверен, что через три-четыре года ваше величество сможет править самостоятельно». Когда бы королю исполнилось шестнадцать, он, вероятно, проявил бы способности и желание управлять страной по своему усмотрению, а следовательно, отстранить регента; тогда барон Сеймур смог бы возвыситься, добившись благосклонности монарха. Однако на

этом этапе король просто сказал «нет».

Несмотря ни на что, барон Сеймур продолжал плести интриги. Укрепив свое жилище — Холтский замок в Вустершире, он заполнил погреба пивом, говядиной и пшеницей; всеми правдами и неправдами барон заполучил «двойной ключ», дававший ему доступ в королевский сад и покои. В компании последователей он много раз совершал путешествие от Холтского замка до Уайтхолла, заявляя, что «короля могут похитить, ведь со мною теперь пришло больше человек, чем находится во всем замке помимо нас». Затем, ночью 16 января 1549 года, барон Сеймур неожиданно наткнулся на собаку Эдуарда прямо у дверей королевской спальни и пристрелил ее; и пока отовсюду раздавались крики «На помощь! Убийцы!», барона задержала охрана. Весьма вероятно, что Томас Сеймур намеревался похитить короля и развязать по этому поводу гражданскую войну. Позже ходили слухи, что он готовился собрать личную армию в надежде захватить королевский монетный двор в Бристоле; все это были явные признаки покушения на измену.

На следующий день после того, как барона нашли в покоях короля, его арестовали и отвезли в Тауэр; вскоре он предстал перед судом под угро-

зой смертной казни по обвинению в измене. При этом герцог Сомерсет, вынужденный вести дело против собственного младшего брата, оказался в весьма незавидном положении. «Они не могут меня убить, — заявлял барон Сеймур, — разве что навредить». Впрочем, чуть позже он уже жаловался на своих «друзей» из тайного совета, вздыхая: «Кажется, они меня забыли». Даже юный король отвернулся от барона Сеймура со словами «Лучше бы он скончался ранее». Барону было лучше умереть.

В ходе рассмотрения дела официально расследовали планы барона, связанные с Елизаветой. Саму юную принцессу допросили вместе с наиболее значительными членами ее свиты. «Все они поют одну песню, — писал следователь регенту, — не думаю, что это могло бы произойти, если бы они не договорились заранее». Поэтому кажется вероятным, что ухаживания барона Сеймура зашли дальше дозволенного и могли граничить с изменой. «За границей ходят слухи, — жаловалась Елизавета, — что меня заключили в Тауэр с ребенком от милорда адмирала». Хотя слухи были ложными, из свиты принцессы удалили троих, ведь едва ли бывает дым без огня.

Даже находясь в Тауэре, Томас Сеймур продол-

жал строить козни. Из аксельбанта, выдернутого из рукава, он сделал перо и, по словам Хью Латимера, умудрился изготовить чернила «с поистине небывалой искусностью». С их помощью барон написал два письма, адресованные принцессам Марии и Елизавете, «в которых подстрекал обеих к заговору против его светлости милорда регента». Барон Сеймур спрятал письма в башмаке, однако в ходе тюремного обыска их обнаружили.

Король, источник правосудия, был вынужден вмешаться. «Нам известно, — обратился он к совету, — о существовании серьезных обвинений, предъявляемых милорду адмиралу, моему дяде, и что все они граничат с изменой; мы понимаем, что ваше единственное желание заключается в восстановлении справедливости. Поэтому нам представляется оправданным, и мы повелеваем, чтобы вы привели в исполнение все, о чем просите». На следующий день, 25 февраля, в парламент был отправлен билль о лишении гражданских и имущественных прав за государственную измену. По одной из статей барон Сеймур обвинялся в попытке «захватить правительство его королевского величества с величайшей опасностью для его величества лично и подорвать устои государственности».

20 марта его отвели на Тауэр-Хилл и казнили. Смертный приговор дрожащей рукой подписал сам регент, который, впрочем, не принимал участия в заседаниях парламента по делу младшего брата. Высказывались предположения, что некоторые члены тайного совета были только рады стравить братьев друг с другом в надежде, что это может привести к падению их обоих. Разумеется, нашлись и те, кто обвинял герцога Сомерсета в братоубийстве. Одна «почтенная благочестивая дама» упрекала его в следующих выражениях: «Где брат твой? Голос крови брата твоего вопиет ко мне из земли». Регента осуждали, называя «кровопийцей и ненасытным волком» и предсказывая, что «падение одного брата приведет к ниспровержению другого».

19. Амбары Кредитона

В первые годы правления юного короля стали очевидны не только социальные, но и религиозные противоречия. «В былые времена, — говорил Хью Латимер, самый популярный проповедник тех лет, в одном из своих поучений, — человек был полон сострадания; теперь же нет в нем жалости, ибо в Лондоне брат его погибает на улице от холода, в немощи лежит у закрытых дверей меж двумя складами и — не знаю, как это назвать, — умирает от голода». Власти уменьшили содержание благородных металлов в монетах, что вызвало новые волны инфляции в уже давно обнищавшей стране. За семь лет, с 1540 по 1547 год, цены выросли на 46 %. В 1549 году они поднялись еще на 11 %. А растущая численность населения означала лишь дальнейшее усугубление тяжелого положения бедняков и сельскохозяйственных рабочих. Продукты были дорогими, а заработная плата — мизерной. Войдя в историю под названием «ценовой революции», эта ситуация сопровождалась дефицитом продуктов питания и нищетой на национальном

уровне. В дополнение к этому даже администрации едва удавалось выплачивать свои долги.

Хью Латимер знал, на кого следует возложить большую часть вины. «Это вы, лендлорды, — говорил он, — вы, повышающие арендную плату и уподобляющиеся не отцу, а отчиму, владеете слишком многим… и в результате возникает такой дефицит, что бедняки, живущие своим трудом, не могут в поте лица своего заработать на жизнь». В основном люди жаловались на систему огораживания. Этот термин в действительности охватывал целый ряд практик, представлявших собой совершенно новый подход к землепользованию. Один из элементов огораживания — это укрупнение, то есть объединение множества мелких земельных участков в руках одного человека; второй элемент представлял собой огораживание лендлордом ранее общинных земель, которые он теперь объявлял своей собственностью; третий — превращение пахотных земель в пастбища для скота. Так и получилось, что Хью Латимер восставал против «этих скотоводов, огораживателей, повышающих арендную плату… там, где раньше кругом были домовладельцы и обыватели, теперь можно встретить лишь пастуха с собакой». Предполагается, что основная

часть огораживаний завершилась ранее, однако быстрый рост цен и падение уровня заработной платы создали климат, усугублявший все прочие экономические проблемы.

Хью Латимер обращался и к проблеме порчи монет: «Что за прелестный шиллинг [12 пенсов] у нас теперь, — начинал он, — на днях я принял его почти за целый гроут [4 пенса]». Другими словами, стоимость шиллинга сократилась на две трети. Джон Хейвуд сформулировал эту проблему несколько иначе:

> *Покраснел мой тестон — вас устроил бы он?*
>
> *Верно, милость небес: глянь, зарделся стыдом*[47].

Другими словами, под тонким слоем серебра на поверхности монет стала проступать медь. Когда к деньгам не относятся с достаточной серьезностью, экономика начинает рушиться. Реформатор Джон Хупер писал Уильяму Сесилу,

---

[47] Примечания: 47

These testons look red: how like you the same? / 'Tis a token of grace: they blush for shame. Тестон — английская серебряная монета, первоначально равная 1 (одному) шиллингу или 12 пенсам, затем — только 6 (шести) пенсам. Название связано с изображением бюста короля на лицевой стороне — от *ит.* testa (голова). Чеканился в правление Генриха VII, Генриха VIII и Эдуарда VI.

начинавшему тогда свою придворную карьеру, что «цены на товар здесь такие, как я вам и говорил, а количество людей велико. С каждым днем их маленькие домишки и бедные жилища приходят во все больший упадок. Так и остается им жить в вечной нужде, разве что Господь пошлет хворь и заберет их из этого мира. Вам известно, чем грозят крайности и насколько неуправляемым и губительным может быть голод».

Летом 1549 года произошло несколько восстаний против системы огораживаний, в ходе которых разъяренная толпа сметала ограждения, установленные для раздела земель. Сами огораживания стали символом всех напастей, преследовавших народ, в том числе посягательств на пустующие и общинные земли, а также утраты жильцами прав перед лендлордами, постоянно повышавшими арендную плату. Обычаи постепенно уступали место договорной системе и конкуренции. В ответ на восстания правительство регента послало комиссию для расследования, почему «многие оказались доведены до крайней бедности и вынуждены оставить родные места»; также проводилось расследование для проверки выполнения соответствующих законов, принятых в правление двух предыду-

щих монархов.

В интересах регента было открыть доступ на территорию королевского оленьего парка в Хэмптон-Корте, а также восстановить общинное право на землю во многих приходах. Посол Священной Римской империи сообщал своему двору: «С условием сохранения строжайшей тайны мне сообщили, будто регент объявил тайному совету, что, по его мнению, требования крестьян справедливы и оправданны; бедные люди, у которых нет земли для выпаса скота, должны сохранить право на общинные земли, а также те, которые всегда были в общей собственности, а богатым людям и знати не следует захватывать эти земли или присоединять их к своим паркам и владениям». В голову барону Сомерсету могла прийти еще одна мысль. Если новая вера не способствовала установлению социальной справедливости и не упрочила прав бедных слоев населения, она точно не выполнила некоторые из своих первостепенных задач.

Тем не менее разногласия и недовольство продолжались. Если в правление предыдущего монарха «все было слишком жестко», как заявил сэр Уильям Пэджет герцогу Сомерсету в конце 1548 года, то «теперь стало слишком распущен-

но». В былые времена «и действия, и слова могли заключать в себе опасность, будь они даже без злого умысла; теперь же каждый вправе говорить и творить все, что вздумает, без какой-либо опаски». В правление юного короля царил беспорядок.

Общее недовольство только возрастало. «Все идет к худшему, и ситуация плачевна, — писал Уильям Пэджет, — всякий пребывает практически на грани отчаяния и утратил мужество, а о нужде нашей столь хорошо известно, что враги презирают нас, а друзья — сочувствуют». Весной 1549 года была издана прокламация, направленная против «бесстыдных, праздных, мятежных и беспорядочных людей, которые… судачат направо и налево… подогревая слухи и сочиняя небылицы».

Говорили, будто король скончался. «Тем временем, — писал Эдуард в своем дневнике, — из-за слухов о собственной смерти мне пришлось проехать по Лондону». Утверждали, что война с Шотландией окончилась полным провалом. И действительно, она не принесла роста благополучия. Ходили слухи, что введут налог на проведение свадеб, крестин и похорон. Бедный урожай 1549 года только усугубил протесты. В

качестве меры предосторожности запретили все состязания по борьбе, перенесли все театральные постановки и интерлюдии: было неблагоразумно допускать любые массовые скопления людей. Бедняков обвиняли в подстрекательстве к мятежу, однако можно найти и другие причины недовольства. В труде «Путь к богатству» Роберт Кроули обвинял в подстрекательстве к народным волнениям «крупных фермеров, скотоводов, богатых мясников, законников, купцов, джентльменов, рыцарей, лордов и уж не знаю кого еще».

В мае назрело восстание в Уилтшире, однако войска местного магната рассеяли смутьянов, убив часть из них. В Оксфордшире повстанцы потерпели поражение от армии в полторы тысячи человек под предводительством лорда Грея; некоторые были схвачены и повешены, что более соответствует военному времени, тогда как другие бежали восвояси. Похожие неудачные восстания прошли в Суссексе и Гэмпшире, Кенте и Глостершире, Суффолке и Эссексе, Хартфордшире, Лестершире и Вустершире. Во всей стране творилось что-то неладное, даже если очаги сопротивления быстро подавлялись.

Однако ничто не смогло сломить силу народного восстания, которое началось в первые дни

июня. Оно получило известность под названием Западный мятеж, или восстание Книги молитв, свидетельствуя о том, что между проблемами религиозного и социального характера было невероятно трудно провести границу. В начале 1549 года вторая сессия парламента Эдуарда одобрила публикацию Книги общих молитв. Ее утвердили в рамках Закона о единообразии, который был принят для обеспечения «единообразия проведения служб и совершения таинств во всем королевстве» и стал одним из наиболее важных и постоянных парламентских законов, дававших предписания по доктринальным основам и англиканской литургии для будущих поколений.

Этот закон разработал Томас Кранмер при участии епископов, а свобода дебатов между старшим духовенством в палате лордов означала, что его принятие не обошлось без серьезной оппозиции. Один из современников писал, что «вопрос благословенной плоти и крови Иисуса Христа вызвал серьезные разногласия. Надеюсь, его решат наилучшим образом, помоги им Святой Дух». Однако Святой Дух не вмешался, и, хотя закон все же был принят, восемь из восемнадцати присутствовавших епископов проголосовали против.

В ходе общего обсуждения Томас Кранмер уверял: «Суть нашей веры — верить, что Он не в хлебе и вине, а на небесах». Кранмер отрицал доктрину пресуществления, а следовательно, настаивал на исключительно духовном присутствии Христа в Святых Дарах, определявшемся верой принимавшего их человека. Ни Библия, ни Святые Отцы никогда не упоминали эту доктрину; Томас Кранмер считал пресуществление изобретением Антихриста и его наследника, папы Григория VII, в чье правление в конце XI века она и была введена. Однако более консервативные епископы, в свою очередь, осудили мнение Кранмера как ересь. Один из реформаторов, Петр Мартир Вермильи, в то время писал: «Вопрос причащения влечет за собой такой раздор, что о нем говорят на каждом углу; в палате лордов епископы спорят о нем каждый день с таким жаром, какого еще не слыхивали, а члены палаты общин толпятся на галереях, чтобы послушать обсуждение». То были дни, когда принципы религии обсуждались с той же готовностью, как сегодня — принципы политики и экономики.

Книга общих молитв в новой редакции используется до сих пор. Она объединяет в себе требник, богослужебник и описание обряда литургии. В

свое время эта книга служила для англиканской церкви источником сил и единства, однако, как все великие революционные издания, на момент публикации она вызвала яростные споры. Эта богослужебная книга была написана торжественным и изысканным языком, который мы можем рассмотреть на одном примере. В средневековом обряде венчания невеста клялась быть «опытной и покорной и в постели, и за накрытым столом». В этой фразе слышна приятная аллитерация древнего языка[48]. Теперь же новобрачных просили «любить и чтить» друг друга «в радости и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и во здравии».

Еще одно основополагающее изменение стало очевидно в новом англоязычном тексте. «Посему, о Господи, Отче Небесный, сообразно закону горячо любимого Сына Твоего, Спасителя нашего Иисуса Христа, мы, смиренные слуги Твои, сими Дарами Святыми возвеличиваем и творим пред лицем Твоим воспоминание, заповеданное нам Сыном Твоим: воспоминаем святые Страсти Христовы, великое Воскресение и чудесное Вознесение». То, что ранее считалось «священной жертвой», стало теперь «воспоминанием». Рас-

[48] Примечания: 48

В оригинале: *bonner and buxom in bed and in board*; слово *bonner* теперь пишется как *bonny*.

пятие Христово вспоминали, а не повторяли или воспроизводили.

В результате все наиболее мистические обряды из причастия исключили. Не было больше «перекладывания книги с одного места на другое; положения или целования потира… не подносили больше соединенные пальцы или ладони к вискам; не дышали на гостии или потир»; никакого таинственного шепота и внезапных поворотов корпуса. Здание театра благочестия начали разбирать. В кульминационный момент драмы гостии и потир больше не поднимали; поклонение Святым Дарам урезали как аналог идолопоклонства. Жертва больше не упоминалась, а священнослужителю, которого уже не называли священником, предписывалось просто поместить хлеб и вино на алтарь. Таким образом, причастие было лишено ореола таинственности.

По прежним правилам проведения службы в момент поднятия гостий священник должен был символично повернуться лицом на восток, в направлении Голгофы, спиной к прихожанам, словно бы вкушая Святые Дары; именно с востока должен прийти Христос в день Страшного суда. Теперь священнослужителю полагалось стоять с северной стороны стола для причастия лицом

к людям. Богатые облачения прошлого были теперь под запретом, и священнослужитель мог носить лишь белый стихарь. Из Книги молитв изъяли традиционный календарь с днями святых, празднование которых теперь считалось чистым суеверием.

Что, однако, более важно — теперь службы проводились на английском, а не на латыни. Кто-то из прихожан высказал ставшее впоследствии популярной жалобой мнение о том, что английский язык не может передать таинство причащения и службы лучше проводить на языке, которого прихожане не понимают. Так месса приобретает магический оттенок как ритуальное произнесение заклинаний. Прежние службы люди читали нараспев и заучивали на протяжении десяти веков. Слова гимнов и псалмов, сам чин причастия стали частью народной памяти. А теперь один-единственный закон парламента их уничтожал. Все эти изменения знаменовали решительный перелом в мире средневекового католичества.

Всякий священнослужитель, который отказывался использовать новую книгу, подлежал шестимесячному аресту и лишался поста; любое третье нарушение каралось пожизненным заключением. То был поистине закон о «едино-

образии». Однако если герцог Сомерсет и Томас Кранмер надеялись таким образом подавить сопротивление, их ждало скорое разочарование. В графствах на западе страны такой разрыв с традиционными практиками вызвал бурю протеста. Новый молитвенник и порядок службы должны были ввести в употребление на Троицын день, 9 июня 1549 года. Но в приходе Сампфорд-Кортни графства Девон эти нововведения приняли более чем холодно. На следующий день прихожане обратились к своему священнику и спросили, какую службу он собирается провести, нового или старого образца. Нового, ответил тот. Однако люди заявили, что и слышать ничего не хотят, кроме «старой, древней религии».

Священник согласился выполнить их просьбу не без некоторой готовности. Отправившись с народом в церковь, он облачился в традиционное одеяние и отслужил мессу на латыни, со всеми запрещенными обрядами. Вести об этом событии разлетелись из Сампфорд-Кортни по всему Девону и Корнуоллу. Чтобы оповестить всех о благой вести, звонили в колокола. Требовали «повесить прежние Святые Дары над алтарем и поклониться им, а кто не поклонится, пусть умрет как последний еретик». Добавляли: «Мы не принима-

ем ни новой службы, ни Библии на английском». Эти события стали началом Восстания книги молитв. Недовольство на почве религии переросло в общественный ропот, усугублявшийся общими экономическими тяготами. Мир начал переворачиваться с ног на голову:

> *Когда крапивник острый нож на журавля наточит,*
>
> *А на пригорке воробей построить церковь хочет;*
>
> *Когда мышам внезапно кот на верность присягает…*[49]

Пожалуй, восстания следовало ожидать. Один реформатор делился со своим коллегой с континента наблюдением о том, что «значительная часть населения страны — настоящие паписты». Другой реформатор, Мартин Буцер, писал в родной город Страсбург, что «изменения проводятся в основном с помощью указов, которым большинство подчиняется с огромным неудовольствием». Это и стало главной причиной восстания; лондонский парламент навязывал народу свои

---

[49] Примечания: 49

When wrens wear woodknives, cranes for to kill / And sparrows build churches on a green hill / And cats unto mice do swear obedience…

нововведения. Как отмечал Мартин Буцер позже, «из тех, кто посвятил себя службе религии, лишь небольшому числу удалось истинно привязаться к царству Христову».

Когда восстание в Сампфорд-Кортни попытался подавить один местный дворянин, зарубленный за это прямо на ступенях приходской церкви, его тело предали земле в направлении с севера на юг — свидетельство о том, что убитого сочли еретиком. Восстание, теперь запятнанное кровью, быстро разрасталось. Историк из Эксетера Джон Хукер писал в то время, что новости разнеслись «словно облако, гонимое порывистым ветром, и точно раскаты грома, прозвучавшие в одночасье по всей стране… люди хлопали в ладоши от радости, единодушно соглашаясь установить единый порядок в каждом своем приходе». К девонским мятежникам присоединились корнуолльские, и общими силами они взяли Кредитон. Чтобы освободить город, приверженцы режима сожгли все амбары, в которых прятались повстанцы. Так фраза «Амбары Кредитона!» стала популярным боевым кличем.

В деревеньке Клист-Сент-Мэри, расположенной в пяти километрах на восток от Эксетера, также не обошлось без происшествий. Уолтер Рэли, отец

носящего то же имя прославленного мореплавателя, по пути в город встретил старушку, которая направлялась на мессу и молилась, перебирая в руках четки. Он остановился, чтобы сделать ей выговор, а «после добавил, что по закону ее ожидает наказание». Женщина поспешила в церковь, где обвинила Рэли «в жестоких и недостойных речах относительно религии». Она поведала другим прихожанам, что он угрожал «сжечь и разграбить их жилища, если она не бросит четки и не откажется от своих гостий и святой воды». В этих словах заключалась принципиальная и к тому же весьма неблагоразумная угроза всему сообществу; Уолтера Рэли нашли и избили, а местную мельницу сожгли дотла. Эти события стали частью самого восстания.

В начале июля процессия из двух тысяч повстанцев направилась в Эксетер. Впереди толпы шли священники в полном облачении, распевая гимны, а перед ними несли дароносицу — украшенный драгоценными камнями сосуд со Святым причастием. Мятежники пришли, чтобы осадить город в знак презрения к мерзкой ереси. Несмотря на нехватку пищи и воды, горожане Эксетера мужественно сопротивлялись; один из них даже заявил, что «скорее съест одну руку и

будет биться второй, чем сдаст город».

Мятежники составили устав, в котором провозглашали: «Мы будем соблюдать, хранить и исполнять священный закон наших предков и восстановим таинство причастия в его древнем величии». Книгу общих молитв они отвергали, сравнивая ее с «рождественской пьесой» или «рождественской забавой»; наблюдение это было связано с тем, что во время причастия мужчинам и женщинам следовало стоять отдельными группами. Это требование крайне напоминало первое движение праздничного танца и вызывало насмешки.

Поскольку местным феодалам никак не удавалось подавить восстание, герцогу Сомерсету пришлось задействовать своих солдат, большинство из которых были немецкими и итальянскими наемниками. Никогда еще правитель Англии не призывал иностранные войска против собственного народа. Из шести сражений с мятежниками самой кровопролитной оказалась битва в деревне Клист-Сент-Мэри, где 25 июля лорд Рассел атаковал две тысячи человек, которых сейчас должно называть врагами; тысяча повстанцев погибли в самом сражении, еще девятьсот попали в плен и были зверски убиты при Клист-Хит.

Ходили слухи, что всем им перерезали горло в течение десяти минут. Деревню предали огню, а многих жителей убили. Возможно, в правление герцога Сомерсета действительно не сжигали еретиков, однако эту кровавую расправу следует считать одним из ужасов войны за веру. Услышав о массовом убийстве, повстанцы собрали еще один отряд для наступления на Клист-Хит, где с двумя тысячами из них быстро расправились.

После этого лорд Рассел отправился освобождать Эксетер, но ко времени его прибытия мятежники уже сняли осаду и покинули окрестности города. Впрочем, возмездие еще можно было совершить. Одного из священников, проводивших службы по католическому образцу, повесили на шпиле церкви Святого Фомы на юге города — в полном облачении, вместе с колокольчиком, четками и сосудом для святой воды, признаками старой веры. Мэра Бодмина пригласили на ужин, после которого попросили осмотреть виселицу.

— Как вы считаете, — спросили его, — достаточно ли она прочна?

— Полагаю, что так, сэр.

— Что ж, тогда взойдите на нее, ибо она для вас.

На самом деле участвовать в восстании мэра

заставили мятежники. Однако в случае мести расправа всегда коротка. Решающего сражения при Сампфорд-Кортни, где начались беспорядки, оказалось достаточно, чтобы положить конец Восстанию книги молитв.

Не успели загасить один пожар, как вспыхнул другой. Во вторую неделю июля несколько жителей Норфолка повалили столбы и изгороди вокруг огороженных полей, а затем под предводительством Роберта Кета разбили лагерь в Маусхолд-Хит, прямо у городских стен Нориджа. Со всей округи к ним стали стекаться люди, чтобы выступить против того, что считали чудовищно жестоким режимом мелкопоместного дворянства; так, по оценкам, у стен города собралось до 16 тысяч человек. Группа жителей деревни Хейдон прошла строем под знаменем своей приходской церкви, заявив таким образом о своей верности старой вере. Казалось, герцог Сомерсет и члены тайного совета сочли, что восстание разрасталось благодаря усилиям «негодных священников-папистов».

Роберт Кет и другие лидеры мятежников направили регенту ряд документов, в которых выразили свои жалобы, умоляя его светлость, «чтобы ни один лорд, каким бы поместьем он ни

владел, не мог распоряжаться общинной землей» и чтобы «неоправданно подорожавшие арендуемые земли вновь шли по цене первого года правления короля Генриха VII». Ни один владелец поместья не должен иметь доступа к использованию общинной земли. Частное правосудие необходимо отменить. В целом эти требования ясно свидетельствуют о вере в древние сельские обычаи и традиции; мятежники были не новаторами, а консерваторами, выступавшими против внедрения свободного рынка, ненасытности недавно разбогатевших лендлордов и неуклонного обесценивания денег. Они мечтали вернуться к укладу, который можно назвать феодализмом. И это одна из причин, почему они стремились сохранить старую веру. Примечательно, что в Норфолке мятежники впервые собрались вместе во время пьесы, посвященной переносу мощей Томаса Бекета в раку Кентерберийского собора.

Прошли слухи, что в Норфолке оставят в живых столько дворян, сколько там белых быков — другими словами, ни одного. «Вся власть сконцентрирована в руках мелкопоместных дворян, — говорилось в первом сообщении о восстании, — и они пользуются ею таким образом, что жизнь становится невыносимой, и нам оста-

ется лишь терпеть нищету и невзгоды… Чем мы питаемся? Травами и кореньями. А поскольку у нас тоже есть душа и тело, неужели это все, чего мы можем ожидать от жизни?» На туше убитой овцы оставили такие строки:

Мистер Пратт, вы владелец откормленных стад,

И за это спасибо хотим вам сказать;

Мы оставим вам шкуры овец, так и быть,

Чтобы женушке шпильки могли вы купить,

И за это спасибо должны вы сказать[50].

Как говорил регент императорскому послу, «все загорелись необычайной ненавистью к дворянам, считая их своими главными врагами… В Норфолке не только с джентльменами, но и со служилыми людьми обращаются столь дурно, что хуже и быть не может». В рамках предосторожности к юному королю приставили охрану из двух тысяч всадников и четырех тысяч пехотин-

[50] Примечания: 50

Mr Pratt, your sheep are very fat, / And we thank you for that; / We have left you the skins / To pay for your wife's pins, / And you must thank us for that.

цев. Ворота Лондона укрепили, а на Лондонском мосту поместили подъемный мост. 18 июля было объявлено военное положение, и даже простое упоминание о восстании влекло за собой смерть на виселице. Все это демонстрирует, насколько сильно локальный бунт мог угрожать внутренней гармонии правительства Тюдоров, пусть и основанной на неформальном договоре между центром и областями. Стоило лишь ее расстроить, как последовал полный разлад.

Мятежники в Маусхолд-Хит объявили себя «друзьями и помощниками короля», еще раз подчеркивая свою роль приверженцев традиционной монархии, и даже внесли некую видимость порядка в свои нестройные ряды. От каждой сотни выбрали по одному делегату, а Роберт Кет распорядился, чтобы правосудие отправлялось под могучим дубом, который стал известен как Древо Реформации. Некоторых дворян и землевладельцев заставили пройтись под этим дубом, а затем, обвинив в грабеже бедняков, оставили в лагере в качестве пленных.

В других районах Суффолка и за его пределами мятежники разбивали местные лагеря, создавая таким образом целую сеть по всей Восточной Англии. В Йоркшире собралось около трех тысяч

человек, провозглашавших, что «в Англии не должно быть короля, а всю знать и дворян нужно уничтожить». Эти призывы звучали куда более радикально по сравнению с требованиями Роберта Кета и его людей; однако теперь все они без исключения были объявлены виновниками беспорядков.

31 июля маркиз Нортгемптон привел под стены Нориджа полторы тысячи солдат в попытке перекрыть пути снабжения между городом и повстанцами. Пробираясь по узким улочкам и проходам между домами, его воины оказались практически беззащитными меж обветшалых, полуразрушенных стен. Поэтому, когда в город пришли мятежники из Маусхолд-Хит, согласно одному летописцу оглашавшие окрестности «бессвязными криками и звероподобными воплями», и стали прорубаться сквозь стены, маркиз бежал, оставив Норидж на милость повстанцев. Роберт Кет разбил вооруженный лагерь на территории собора и взял на себя командование. Теперь он и его люди, напавшие на королевскую армию и устроившие настоящую бойню, были повинны в государственной измене.

Герцог Сомерсет и члены тайного совета собирались ежедневно на протяжении целой недели,

но так ничего и не решили. Сначала регент планировал сам вести армию против Роберта Кета, впрочем, затем по неясным причинам передумал. Вместо этого он послал сражаться Джона Дадли, графа Уорика, во главе шести тысяч пеших и полутора тысяч конных воинов. 23 августа на расстоянии пяти километров от Нориджа Джон Дадли бросил Роберту Кету последний, и решающий, вызов: сдаться или потерпеть неизбежное поражение от численно превосходящих сил противника. Когда королевский герольд приблизился к мятежникам с новостью об этом предложении, какой-то юнец спустил штаны и «совершил непотребство», за что был застрелен солдатами Джона Дадли.

Лагерь восставших охватило смятение, и, когда Роберт Кет предложил встретиться с Дадли, сторонники не захотели отпускать его от себя. Вслед за тем Джон Дадли обстрелял Норидж; пробив опускную решетку крепостных ворот, его солдаты принялись кружить по улицам с мечами наголо. Рыцари и дворяне целовали друг у друга лезвие меча, предварительно выхватив его из ножен, что, по словам летописца Рафаэля Холинсхеда, представляло собой «древний обычай, к которому прибегали воители в минуту смертельной

опасности». Джон Дадли направился на рыночную площадь, где расположилось большинство повстанцев, и немедленно повесил сорок девять человек Роберта Кета; виселица развалилась, не выдержав такого скопления тел. Мятежники разделились на три группы и бежали, изрыгая проклятия в адрес королевской армии.

Поскольку большая часть города была в огне, а запасы — на исходе, Роберт Кет решил, что лучше перенести лагерь из Маусхолд-Хит в более защищенную местность Дассиндейл к востоку от Нориджа. Пленных дворян он прихватил с собой на случай, если они пригодятся для переговоров. На следующее утро Джон Дадли со своей армией направился в Дассиндейл, где мятежникам предложили помилование. Они отказались. После беспорядочной предварительной стычки в дело пошла артиллерия, и повстанцы дрогнули, а Джон Дадли направил своего коня в гущу мятежников; наиболее выдающиеся из них, включая Роберта Кета, бежали с поля боя. Оставшиеся начали строить баррикады из попавшихся под руку телег и повозок; им грозила практически неминуемая смерть — если не на поле боя сейчас, то на виселице впоследствии, однако Джон Дадли вновь пообещал им амнистию. Очевидно, он сам

вышел к мятежникам, чтобы уверить их в своих словах: если они смирятся и сложат оружие, то будут прощены. Большинство повстанцев ухватилось за эту последнюю возможность с криками: «Боже, храни короля Эдуарда! Боже, храни короля Эдуарда!» К середине дня сражение было окончено; бездыханные тела двух тысяч восставших остались на поле боя.

Роберт Кет, которого нашли скрывавшимся в амбаре на расстоянии тринадцати километров от места сражения, попал в плен. На следующий день его под вооруженной охраной отправили в Норидж, где было повешено 300 непокорных мятежников. Самого Кета, закованного в цепи, после суда в Лондоне в конце концов повесили на стене Нориджского замка. В 1949 году на месте его казни установили памятную доску с такой надписью: «В знак уважения и восстановления доброго имени посвящается выдающемуся отважному вождю английского народа в долгой борьбе за свободу и справедливость и против жизни в рабских условиях».

Однако в свое время фигуру Роберта Кета воспринимали куда более неоднозначно. Когда-то он был арендатором у Джона Дадли, и ходили слухи, что они вместе замышляли свергнуть регента. В

частности, военный казначей посылал Кету деньги. Поговаривали, что леди Мария была замешана в заговоре. Однако его основные участники, если и действительно являлись таковыми, успешно замели после себя все возможные следы. История эта темная и неясная. И если мы можем привести хронику более значительных событий того времени, то частные дела остаются невидимыми для наших глаз. Видя лишь тени и очертания фигур — льстеца, прячущего под плащом нож, интригана с открытым денежным мешком, — мы не можем сделать никакого вывода.

Пусть мятежи и были подавлены, их повсеместное распространение деморализовало правительство регента. Герцог Сомерсет действовал непоследовательно, в одном случае пытаясь пойти навстречу недовольным, а в другом — полагаясь на грубую силу для их подавления; прибегая то к умиротворению, то к насилию, он приобрел себе репутацию человека слабого и одновременно жестокого. И если было ясно, что реакция герцога Сомерсета и его коллег отличается непоследовательностью, столь же очевидной представляется слабость и неуверенность, проявленная руководством Девона и Норфолка. То, что главный магнат Восточной Англии герцог

Норфолк с 1546 года был заключен в Тауэре по обвинению в государственной измене, ничуть не улучшало ситуацию. Пожалуй, показательно, что леди Мария, крупнейший землевладелец Норфолка, едва ли попыталась что-либо предпринять, чтобы остановить беспорядки.

В этот момент на первый план вышел Джон Дадли, граф Уорик; хотя его считали другом и коллегой герцога Сомерсета, в политике, как говорится, победитель получает все. В годы правления Генриха граф успешно сражался в Шотландии и Франции; теперь же его репутация военачальника получила новое подтверждение благодаря победе над мятежниками в Норфолке, где он, в отличие от герцога Сомерсета, лично участвовал в сражениях. Осмотрительный и дальновидный Джон Дадли избегал высокомерия и придерживался примиренческого подхода.

Вернувшись в Лондон во главе победоносной армии, он практически взял управление городом в свои руки. Такая власть теперь подталкивала его к дальнейшим действиям. Было очевидно, что политика герцога Сомерсета потерпела фиаско. Утверждали, что регент зашел слишком далеко, пытаясь умиротворить повстанцев в самом начале; что, судя по ряду писем, отправленных им

летом, он вплотную приблизился к сотрудничеству с мятежниками против «овцевладельцев». Пусть это и была всего лишь тактика ведения переговоров, подобно той, которую использовал Генрих VIII в случае с Благодатным паломничеством, тем не менее ее хватило, чтобы вызвать подозрения и неприязнь владевшего землей социального класса. Регента осуждали за легкомыслие и мягкость.

Существовали и другие свидетельства его неудачи. Установленное с помощью гарнизонов английское влияние в Шотландии слабело день ото дня. Летом становившийся все сильнее король Франции Генрих II объявил Англии войну и начал осаду английской колонии в Булони. Кроме того, у него в руках находилась юная королева Шотландии, его будущая невестка, и король, очевидно, намеревался присоединить ее страну к собственным владениям. Начиная с восстания на родине и заканчивая провалом за границей, все свидетельствовало о просчетах герцога Сомерсета в руководстве страной.

Итак, по возвращении в Лондон Джон Дадли вновь начал плести интриги, консультируясь с наиболее влиятельными членами тайного совета. Вскоре о предложении свергнуть герцога

Сомерсета сообщили леди Марии и, что весьма вероятно, попросили ее принять участие в заговоре; была даже возможность, что на некоторое время ее назначат регентом в связи с юным возрастом короля. Общаясь с консерваторами, Джон Дадли, впрочем, заискивал перед реформаторами. Члены тайного совета объединились против регента.

Главные члены совета направили Эдуарду письмо, в котором перечислили свои доводы в пользу низложения герцога Сомерсета. Он стал слишком «высокомерен и заносчив»; привык «уязвлять тех из нас, кто открыто высказывает свое мнение»; ведет себя «самовольно и надменно»; своими прокламациями и проектами довел народ «до такой вольности и дерзости, что тот не ограничился учинением восстаний и мятежей по всей стране»; и наконец, в самый разгар всех этих бесчинств он продолжает строительство «четырех или пяти неслыханных по своей роскоши резиденций» для личного пользования.

Узнав об этих весьма невыгодных для себя настроениях, впервые проявившихся поздней весной, а может, в начале лета, герцог Сомерсет постарался немедленно заручиться поддержкой. Он стал рассылать письма и выпускать прокла-

мации, на которые тайный совет, в свою очередь, отвечал такими же письмами и прокламациями. 5 октября юный король призвал «всех своих любящих подданных» явиться в Хэмптон-Корт, где в то время располагалась его резиденция, взяв с собою «сбрую и оружие»; его устами явно говорил регент. Юный монарх предстал даже перед некоторыми сторонниками герцога Сомерсета, обращаясь к ним со словами: «Молю вас быть благосклонными к нам и нашему дяде». Эдуард едва ли испытывал какую-либо серьезную привязанность к родственнику или хотя бы некоторое негодование в связи с поворотом событий. Когда он в конце концов вернулся в Лондон, посол Священной Римской империи заявил, что юный король «выглядел так, словно был сильно поражен».

Два дня спустя регент отправил Эдуарда из Хэмптон-Корта в Виндзорский замок, приставив к королю охрану из числа своих вооруженных всадников, сам же тем временем обратился с призывом о помощи к членам палаты лордов и к народу. Однако никто не встал на его защиту. Казалось, что теперь даже Томас Кранмер, с которым они вместе планировали религиозные реформы, выступил против него.

Чтобы известить народ, Джон Дадли и члены тайного совета выпустили прокламацию, а также написали послам и обеим принцессам. Вдобавок они приняли меры предосторожности, отправив письмо самому королю, в котором выражали свою преданность и осуждали герцога Сомерсета за то, что он не слушал их советы и превышал должностные полномочия. Видя, что все настроены против него, регент сдался; любое другое поведение могло бы только привести к гражданской войне, а борьба между аристократами обернулась бы нежеланным повторением Войны Алой и Белой розы. Он сдался, полагая, что может рассчитывать на снисходительное обращение. Однако и его самого, и его сторонников отправили прямиком в Тауэр, где герцог Сомерсет «признал свою вину» по двадцати девяти пунктам выдвинутого против него обвинения.

Хотя Джон Дадли, вероятно, и приложил руку к этим событиям, было незаметно, чтобы он извлек из них какую-либо непосредственную выгоду. Поначалу казалось, что в тайном совете стал приобретать все большее влияние консервативный лагерь. Поэтому на Рождество была издана прокламация, осуждавшая определенных лиц «с пагубными наклонностями» и заявлявшая,

что им нельзя позволить «вновь вернуться к римским службам, своему колдовскому хлебу и воде и церемониям, полным тщеславия и суеверия…». Поскольку фигура герцога Сомерсета была тесно связана с такими новшествами, как Книга общих молитв, следовало ожидать, что падение регента подарит его религиозным противникам новую надежду. Начали ходить слухи, что консервативная фракция готовилась нанести удар Джону Дадли, обвинив его в пособничестве герцогу Сомерсету; вслед за тем сообщалось, что Томасу Кранмеру пришлось убеждать короля назначить членами тайного совета реформаторов, чтобы получить большинство. В конечном итоге, с помощью целого ряда столь же неясных, сколь и замысловатых ухищрений, Джон Дадли взял верх над консерваторами и изгнал главных членов их группы из тайного совета. Полностью помилованного герцога Сомерсета выпустили из Тауэра в феврале 1550 года. Тем не менее государственная политика изменилась навсегда.

20. «Князь беспорядков»

Джон Дадли не стал брать себе титул регента; он был слишком осторожен, чтобы заявлять о своем превосходстве таким образом, и вместо этого решил руководить страной, действуя через коллег по тайному совету. Поэтому он объявил себя лордом-председателем совета. Руководящая роль юного короля теперь была упрочена; Эдуард стал посещать некоторые собрания тайного совета, но все же вероятно, что они тщательно планировались в его интересах.

Хотя Джон Дадли и не стал регентом, он взял себе другой титул. Со временем, уверившись в собственной власти, он был пожалован титулом герцога Нортумберленда. Капеллан герцога Джон Хупер провозгласил его «верным и бесстрашным воином Господа», объявив всем о его реформаторских заслугах. Однако чужая душа — потемки. Перед смертью герцог Нортумберленд признался, что втайне всегда оставался верен старой католической вере Англии, что, в свою очередь, давало основание предположить, что он поднял знамя Реформации с единственной целью — сохранить

и упрочить свою власть.

Помимо этого Джон Дадли поддерживал религиозные реформы в надежде поживиться их плодами; новый епископ, избранный на Винчестерский престол, был обязан передать государству свои земли в обмен на ежегодное жалованье, и герцог Нортумберленд впоследствии завладел этой огромной территорией, разделив ее со своими сторонниками. Даремская епархия была ликвидирована, а ее доход направлен на обеспечение новой резиденции герцога. Епископские земли стали последним блюдом на церковном пиру. Проповедник собора Святого Петра горько сожалел о том, что «государственные мужи в своей алчности столь злоупотребили этими благами, что даже те крохи, которые шли на помощь бедным, поддержание образования и обеспечение нужд богоугодных учреждений в стране, стали служить суетным и порочным честолюбивым устремлениям». Благотворительность уступила место взяточничеству. В правление короля-ребенка стоявшие у власти взрослые могли безнаказанно разорять королевство, набивая при этом свою мошну и утробу.

В отношениях с герцогом Эдуард продолжал вести себя удивительно безвольно и пассивно.

Один французский наблюдатель писал: «Когда бы ни возникало нечто важное, что он [герцог Нортумберленд] желал, чтобы король произнес или сделал, не дав другим догадаться об истинном источнике таковых слов или действий, ночью, когда все уже спали, он, никем не замеченный, тайком пробирался в спальню к юному королю. А на следующее утро тот являлся в совет и словно бы от своего лица выступал в защиту определенных вопросов, чем приводил всех в необычайное удивление, заставляя увериться в том, что это его идеи». Другой иностранец отмечал, что король не сводил с герцога глаз и мог покинуть совещание или прервать беседу, «если герцог Нортумберленд делал ему соответствующий знак». Постепенно король все больше узнавал о том, что происходит в мире и как работает правительство, не имея, однако, никаких самостоятельных полномочий. Герцог Нортумберленд руководил раздачей государственных должностей и земельных владений. Говорили, что он всячески поощрял юного короля в занятиях воинскими искусствами, включая стрельбу из лука и охоту, чтобы тот не стоял у него на пути.

Тем не менее в вопросах религии у Эдуарда, очевидно, уже успели сформироваться собственные

взгляды. В момент падения герцога Сомерсета ему было двенадцать лет от роду. Это возраст вполне достаточный для увлечения верой и благочестием, и его критика религиозных воззрений и практик сводной сестры Марии указывает на уже развитую к тому времени непримиримость и строгость Эдуарда в этой области. Годом ранее юный король завершил трактат о притязаниях папы римского, в котором пришел к заключению, что понтифик «воистину есть сын диавола, дурной человек, Антихрист и чудовищный тиран». Возможно, учителя и наставляли его подобным образом, однако тон, несомненно, принадлежит самому Эдуарду. Присутствуя на рукоположении нового епископа, король столкнулся с практикой молитвенного призывания святых; одним росчерком пера он отменил ее как богохульное наслоение. Именно Эдуард принял решение о необходимости еженедельных проповедей в церквях по всей стране. «Поверьте, — писал один реформатор, — еще не встречали вы за последнюю тысячу лет такой эрудиции вкупе с благочестием и ласковым нравом».

Как мы заметили, Эдуард получил известность в качестве «благочестивого бесенка», и вполне вероятно, что он отличался значительным юно-

шеским идеализмом. Разве не прославляли его как «юного Иосию»? Возможно, он желал соответствовать такому сравнению. Так, в ранние годы правления Эдуарда попросили высказать свое мнение по любопытному вопросу епископского облачения.

Джон Хупер, капеллан герцога Нортумберленда, был назначен епископом Глостера. Однако будущий епископ столкнулся с одним препятствием. На церемонии рукоположения и литургиях ему пришлось бы облачаться в особое одеяние — белый стихарь-рокетто и черную симару, которые он ранее порицал, называя одеждами вавилонской блудницы. Джон Хупер заявлял, что не желает уподобляться сороке с ее черно-белым оперением и что стихарь есть магическое платье заклинателя. Одновременно ему нужно было дать клятву верности архиепископу Кентерберийскому, тогда как в прошлом он дал себе обещание полагаться лишь на Священное Писание. Такое сопротивление угрожало новому церковному учению расколом, в связи с чем Хупера на время заключили в Флитскую тюрьму. Томас Кранмер попросил короля высказаться по этому вопросу, и по приказу Эдуарда был достигнут компромисс. Джону Хуперу предстояло

облачиться в церемониальное одеяние во время рукоположения, но он мог не надевать его на литургиях в своей епархии. С тех пор епископ стал известен как «отец нонконформизма».

В конце 1549 года созвали парламент, подтвердивший изменения в сфере религии. Восемь степеней священства средневековой церкви были отменены, а их место занял более простой порядок из епископа, священника и диакона. Отправление священнических обязанностей и проповедование было упрощено. Более не ожидалось, что священник будет «приносить жертву и служить мессу и за живых, и за мертвых», как требовалось ранее, но станет просто проповедовать Евангелие и совершать причастие. Однако в среде духовенства все еще оставалось множество скрытых католиков; во время причастия они исполняли песнопения с теми же понижениями голоса и шепотом, какие приняты в католической мессе; наклонялись над столом для причастия; преклоняли колена и поднимали руки вверх; ударяли себя в грудь и совершали крестное знамение в воздухе. То были «гнусные отрепья папизма», служившие, однако, утешением для многих прихожан.

Приняли новый закон, запрещавший разме-

щать в приходских церквях любые статуи или изображения, за исключением «монументальных фигур королей или дворян, которых никогда не почитали как святых». Поскольку Книга общих молитв содержала в себе всю необходимую информацию, прочие молитвенники, руководства или миссалы подлежали уничтожению. Если их не сжигали, то продавали переплетчикам в качестве удобного расходного материала; вдобавок их, конечно, можно было использовать в отхожих местах. Весной следующего года вышел указ, согласно которому каменные алтари подлежали замене деревянными столами для причастия. «Значительное приобретение, уверяю вас, — заявлял один консервативно настроенный епископ, — поставить стол для устриц на место алтаря…»

Во избежание народных волнений алтарь из собора Святого Павла вынесли глубокой ночью, а у подножия ступеней, прямо перед занавесью, поставили стол. Однако, согласно хронике того времени, три дня спустя «в храме Павла умертвили человека, а позднее в тот же день учинили две драки». Такие «драки», или волнения, стали столь частым явлением, что против них была издана прокламация, в которой выражалось

сожаление по поводу «частых перебранок, дебошей, драк и кровопролития, помимо ружейной стрельбы по голубям, в некоторых упомянутых церквях». Церкви теперь стали центром горьких разногласий.

Приходская церковь превратилась в простую, полупустую комнату; никаких бросающихся в глаза украшений, за исключением разве что одного-двух памятных текстов и расписной деревянной таблички с королевским гербом. Где раньше стоял алтарь, теперь располагался стол и скамья для прихожан. Уильям Гаррисон чуть позже писал: «Смертельно холоден наш век… а в церквях все покрыто синим льдом». Однако в этих полупустых церквях миряне гораздо более активно участвовали в службе; первостепенное значение придавалось чтению Библии, а основам христианского вероучения — Символу веры и молитве — уделялось пристальное внимание. Даже при дворе короля религиозная поэзия сменила сонеты и баллады. Театр при Эдуарде VI сконцентрировался на темах Священного Писания.

Все еще существовала возможность зайти слишком далеко. Весной 1550 года Джоан Бочер, известная как Джоан из Кента, была арестована за проповедь доктрины о невоплощенности

Христа во чреве Девы Марии. С ее слов, Он прошел сквозь Нее подобно тому, как луч солнца проходит сквозь стакан. На допросе Джоан ловко указала на изменения, внесенные религиозными органами в официальную доктрину. «Еще совсем недавно, — заметила она, — вы сожгли Энн Аскью на костре за кусок хлеба [то есть за отрицание пресуществления], а теперь сами верите в ту же доктрину и проповедуете ее…» С этим было сложно спорить. Тем не менее Джоан из Кента приговорили к сожжению, и, когда проповедник стал порицать ее, привязанную к столбу в Смитфилде, она выкрикнула в ответ, что тот «лгал, как последний подлец». Так она и погибла. Ее осудили как «анабаптистку», всеобъемлющее понятие, которое предполагало позор и применялось ко всем, чьи убеждения могли привести к анархии или подрыву авторитета доктрины о Теле Христовом.

То были неспокойные времена. Страх нового народного восстания все еще держал многих в тисках, а дороговизна ресурсов ослабляла правительство. Казна опустела, поэтому необходимо было заключить мир с Францией. Герцог Нортумберленд смог быстро этого добиться, отдав французскому королю Булонь и получив

только половину обещанной компенсации. Завоевание Генриха VIII оказалось ошибкой, за которую пришлось дорого заплатить. Решение герцога об уступке Булони на тот момент подверглось ожесточенной критике, свидетельствуя об утрате Англией превосходства на европейской политической арене, но оно положило конец разорительной политике агрессии. Как писал Уильям Пэджет герцогу Нортумберленду, «тогда было тогда, а теперь — теперь». Кале стал последним осколком бывших английских владений во Франции; скоро, однако, суждено было потерять и его. Герцог Нортумберленд вывел английские войска из Шотландии, положив конец еще одному любимому герцогом Сомерсетом направлению внешней политики. С наемниками, помогавшими подавить восстания на западе и востоке, рассчитались. Пожалуй, этот период можно рассматривать как время, когда островное положение Англии впервые проявилось столь явно.

О значимости восстаний свидетельствует новый парламентский Закон о наказании за незаконные сборища и возмущение королевских подданных. Помимо этого герцог Нортумберленд начал работать над устранением других причин

недовольства. Он взял на себя непростую задачу по исправлению ситуации с содержанием благородного металла в монетах, стоимость которых сократилась за время правления Генриха VIII и регента Сомерсета. В этом отношении Джон Дадли и его коллеги по совету добились лишь незначительного успеха. Под руководством Дадли тайный совет вновь стал руководящим органом королевства.

Леди Мария однажды охарактеризовала герцога Нортумберленда как «наименее устойчивого человека в Англии». Он ответил комплиментом на комплимент, заявив, что считает ее серьезной угрозой и для себя самого, и для нового религиозного порядка. Поскольку она была следующей в линии престолонаследия, после кончины Эдуарда герцогу Нортумберленду в лучшем случае грозила бы ссылка. Леди Мария также являлась единственной наиболее значимой сторонницей старой веры. Вероятно, было бы удобнее от нее избавиться, однако в таком случае народное возмущение могло бы угрожать государственному единству. Кроме того, леди Мария приходилась двоюродной сестрой сильнейшему монарху Европы, императору Карлу V, и герцог Нортумберленд прекрасно понимал, что было бы крайне

неблагоразумно и даже опасно навлекать на себя его гнев; Карл, незадолго до этого подчинивший своей власти мятежные немецкие провинции, отлично знал, насколько плохо Англия готова к войне. Весной 1550 года Марию лишили привилегии соблюдения обрядов старой религии и призвали повиноваться Закону о единообразии. Посол Священной Римской империи немедленно выразил свой протест по поводу данного ограничения.

С этого времени Мария чувствовала, что ей грозит опасность. Она говорила послу, что члены тайного совета «порочны и лукавы в своем поведении, а ко мне настроены с особой недоброжелательностью». Она была уверена, что теперь ее точно планируют убить. Поэтому к лету Мария вынашивала планы бегства, надеясь перебраться на лодке на материковую часть Европы, где она могла бы укрыться при дворе своей двоюродной сестры во Фландрии. В конце июня в районе Модона, что на побережье Эссекса, к берегам Англии подошли четыре военных корабля Священной Римской империи и еще четыре менее крупных судна, однако к этому времени стало казаться, что Мария потеряла самообладание. Вновь и вновь она повторяла: «Что мне делать? Что теперь со

мною будет?» Корабли удалились, а тайный совет стал еще пристальнее следить за принцессой. Ее капелланам приказали воздержаться от чтения мессы, на что Мария возразила, что на них распространяется ее неприкосновенность.

Тогда сам Эдуард отправил ей письмо, отчасти написанное собственноручно, в котором порицал ее неуместную набожность, предупредив ее о том, что «в нашем государстве для нас стало бы источником неудовольствия позволять вам, столь важному подданному, не соблюдать наши законы. Ваша близость к нам по крови, равно как и величина земельных владений в условиях сего времени лишь увеличивают вашу вину». В этих строках проступает явная угроза наказания или даже кары. В ответ Мария сообщала брату, что его письмо причинило ей «больше страдания, чем любой недуг, даже чем сама смерть». Их размолвка стала источником печали и подозрений.

Когда Марию вызвали в Лондон для отчета о своем поведении, ее сопровождали пятьдесят рыцарей, облаченных в бархат, с золотыми цепями на груди, а также свита из восьмидесяти слуг, каждый из которых держал в руках четки. Посыл был предельно ясен. Но кроме провозглашения верности старой вере этот спектакль был призван

продемонстрировать силу и власть леди Марии. Если суждено было начаться борьбе, принцесса вполне могла выйти из нее победительницей. Ведь с нею была сила старой веры. Два дня спустя леди Мария отправилась с процессией в Вестминстер, куда для приветствия собрались тысячи людей. Зло витало в воздухе. Сообщалось, что земля затряслась, когда «всадники одновременно спешились и вдруг растворились как дым». Согласно ряду записей, «взошло три солнца, и люди не могли различить, какое из них истинное».

Эдуард на тот момент недавно начал вести дневник. В записи от марта 1551 года значится: «Леди Мария, моя сестра, приехала ко мне в Вестминстер». Ее вызвали на встречу с юным королем в присутствии тайного совета, где Эдуард ясно дал понять, что «не способен более терпеть» посещение ею католических месс.

— Душа моя принадлежит Господу, — ответила она. — Я не поменяю своей веры и не стану лицемерно скрывать своих убеждений за противными им действиями.

— Я не ограничиваю вас в вере, — возразил Эдуард. — Вы не способны править как король, но должны подчиняться как верноподданная. Пример ваш может вызвать значительные

неудобства.

Как сообщают источники, диалог продолжился следующим образом:

— Зрелость и жизненный опыт, — заявила Мария, — еще многому научат ваше величество.

— Возможно, вам также предстоит кое-чему поучиться. Ведь учиться никогда не поздно.

Вскоре после этого пришло письмо от Карла V, который угрожал войной, если Эдуард не позволит его сестре посещать мессу. По словам императора, «ответ последовал не сразу». В конце концов ему ответили, что, будучи подданной короля, Мария обязана соблюдать его закон.

Несмотря на это, герцог Нортумберленд уделял много времени и внимания внутреннему сопротивлению, с которым сталкивался его режим. Главной угрозой вновь стал герцог Сомерсет, который после недолгого заключения вернулся в тайный совет и стремился подорвать авторитет своего преемника. Пережив Тауэр, герцог Сомерсет лишился большей части своего влияния. С его гордостью это было сложно вынести. Поэтому он запустил волну перешептываний, или «народного ропота», направленного против политики лорда-председателя.

Герцог Сомерсет организовал лагерь противни-

ков герцога Нортумберленда, в первую очередь из числа своих лондонских сторонников, и вполне возможно, что в качестве крайней меры планировал осуществить парламентский переворот; поговаривали даже, что он нанял убийцу, чтобы тот отрезал Нортумберленду голову, и что подстрекал жителей Лондона барабанным боем, звуком труб и криками «Свободу!». Лорд-председатель не стал ждать, пока ему нанесут удар, и осенью 1551 года приказал арестовать герцога Сомерсета. На суде его впоследствии обвинили в подстрекательстве к бунту, например такими замечаниями, как это: «Алчность дворянства дала народу повод восстать». Обвинение в покушении на убийство было, очевидно, сфабриковано самим герцогом Нортумберлендом. И действительно, накануне своей казни он признался в подделке улик и попросил прощения у сына герцога Сомерсета.

Толпы людей пришли на Тауэр-Хилл в день казни герцога Сомерсета. Стоя на эшафоте, он обратился к ним со словами: «Власть имущие и добрые люди…» Пока он говорил, раздался шум, который напоминал «взрыв пороха, подожженного в закрытом доме», и в то же самое время стук лошадиных копыт, «словно целый табун мчался

на толпу во весь опор, чтобы ее растоптать». Зрителей охватила паника; в замешательстве они стали разбегаться с криками «Господи, спаси! Господи, спаси нас!» или «Они скачут сюда, они здесь — и там тоже! Скорее, спасайтесь!». На самом деле не было ни лошадей, ни пороха. Один только всадник подъехал к помосту, при виде которого в толпе раздались крики: «Помилуют, его помилуют! Боже, храни короля!» Держа в руках свою шляпу, герцог Сомерсет ждал, пока крики стихнут. «Не будет этого, добрые люди, — произнес он, — не будет никакого помилования. Такая смерть есть воля Господа». Закончив свою речь и собравшись с духом, он трижды прошептал «Господи Иисусе, помилуй меня», отдал палачу свои кольца и положил голову на плаху в ожидании, пока опустится топор. Когда все было кончено, многие бросились к эшафоту, чтобы обмакнуть платок в кровь убитого.

Сообщают, что при дворе в это время устраивали множество забав и развлечений для юного короля, чтобы отогнать любые «слезные мысли». Однако сам Эдуард, очевидно, остался довольно равнодушен к судьбе своего дяди. В его дневниковой записи от 22 января 1552 года значится: «Сегодня на Тауэр-Хилл между восемью и девятью

часами утра герцогу Сомерсету отрубили голову». Девятнадцать месяцев спустя на тот же эшафот было суждено взойти герцогу Нортумберленду.

Государственные дела пришли в расстройство. Естественным следствием порчи монет, произошедшей за время регентства, стал рост цен на основные и наиболее необходимые продукты питания. Урожай 1551 года оказался крайне скудным — третий год подряд; спрос на английские шерстяные изделия в Европе сократился, и сообщалось даже о переизбытке ткани в Антверпене. С последних дней правления Генриха деньги потеряли половину своей стоимости. Например, цена на муку удвоилась, так что стандартная буханка хлеба стоимостью в полпенса стала в два раза меньше; руководителям госпиталя Святого Варфоломея пришлось увеличить порции своих подопечных. Герцог Нортумберленд и его коллеги едва ли могли что-то изменить; они оказались практически беспомощны перед лицом беды.

Словно всех этих печалей и бедствий было мало, летом того года страну охватила эпидемия, ставшая известной под названием «английский пот», или «потливая болезнь». Ее также называли «Стой, кавалер», поскольку иногда человек, танцевавший при дворе в девять часов, к один-

надцати мог уже быть мертв. Первые признаки болезни — озноб и дрожь — проявлялись ночью; за ними обыкновенно следовали жар и рвота. Почти с самого начала приступ сопровождался сильным потоотделением; завершали его беспамятство и смерть. За первые несколько дней болезнь унесла жизни одной тысячи жителей Лондона и еще две-три тысячи в последующие недели. В одной лондонской хронике говорилось, что «заснувшие от изнеможения хотя бы на четверть часа уже более не приходили в сознание и не разговаривали, но если и пробуждались, то в предсмертной агонии». Это был поистине ужасный год.

23 января 1552 года, на следующий день после казни бывшего регента, парламент собрался на четвертую сессию по очередному неотложному вопросу, связанному с религией. Наиболее значимым результатом его работы стало второе, исправленное издание Книги общих молитв, которое дополнили новыми реформами. Призывать Деву Марию и святых было запрещено. Причастие больше не упоминалось, поскольку его заменило богослужение, называвшееся «Господня вечеря». Одеяния подверглись значительному упрощению. Любая молитва или действие, не

основанные на Священном Писании, отбрасывались. Такой была новая, реформированная англиканская вера, проявившаяся в литургии, которая до сегодняшнего дня остается почти неизменной.

Яростные споры вызвал вопрос о коленопреклонении в ходе причастия. Подразумевало ли оно поклонение хлебу и вину? Или являлось лишь знаком благоговения? Епископы не могли прийти к согласию по данному вопросу, и в конце концов в текст было внесено дополнение, объяснявшее, что в акте коленопреклонения не обнаруживалось связи с суеверием. На похоронах больше не дозволялось читать молитвы по усопшему, а священник не должен был обращаться к телу; мертвых отделили от живых. В более широком смысле можно сказать, что прошлое больше не имело власти над будущим, и это освобождение — а может, беспамятность — оказало огромное влияние на направление развития жизни в Англии.

Новая литургия, введенная Книгой общих молитв, получила поддержку во втором Законе о единообразии. Согласно этому закону, церковная утварь и другое ценное движимое имущество подлежало отчуждению. Поскольку причастие

отменили, соответствующие предметы для богослужения были больше не нужны. Из церквей изъяли потиры и подсвечники, дарохранительницы и мирницы, дароносицы и бутылочки для благовоний. Исчезли ризы и плувиалы, ковры, гобелены и подушки. Конфисковали расшитые серебром и золотом ткани, кованые железные и медные изделия. Английская Реформация достигла апогея. Можно сказать, что основополагающие элементы протестантского вероучения и практик были сформулированы в ходе правления Эдуарда VI; Елизавета I лишь доработала их.

Закон предписывал обязательное посещение церкви по воскресеньям; первое нарушение грозило шестью месяцами тюремного заключения, а третье — пожизненным заточением. Похоже, однако, что многие из тех, кто разочаровался в новой литургии и нарушил закон, получили лишь выговор. Других просто вгоняли в скуку проповеди и наставления, нотации и назидания. «Поистине, что за скорбный беспорядок, — писал Хью Латимер, — когда прихожане расхаживают взад и вперед во время проповеди… вечно что-то шепчут и бормочут прямо под ухом у священника, так что он нередко забывает, о чем говорил».

Специально для защиты религиозных реформ

был принят новый Закон об измене; теперь считалось тяжелым преступлением, если человек ставил под сомнение верховную власть короля или отступал от религиозных догматов, принятых англиканской церковью. Консервативно настроенные священники, выступавшие против нового порядка, находились в Тауэре или под домашним арестом.

Томас Кранмер завершил работу над книгами, в которых объединялись идеи реформации, — «Собрание символов веры» и «Кодекс религиозных конституций». Выдвинутые Кранмером «Сорок две статьи» так и не были утверждены ни в парламенте, ни на конвокации духовенства, однако, послужив моделью для «39 статей», принятых Елизаветой в 1563 году, однако они считаются основой англиканства. Статьи отражали зрелые теологические взгляды Кранмера и отличались заметной кальвинистской направленностью. В них утверждался принцип *sola fide*, или спасение только верою, а также доктрина предопределения, или «предустановленности жизни». Тридцать девятая статья отвергала пресуществление как идею, «противоречащую тексту самого Священного Писания», которая «породила великое множество суеверий», а обряд причащения

называла «вредной выдумкой и лукавством».

Томас Кранмер и его коллеги создали кодекс церковных законов, чтобы заменить каноническое право католической церкви. Отрицание христианского вероучения заслуживало смерти. За прелюбодеяние полагалось пожизненное тюремное заключение или каторга. Соблазнивший незамужнюю женщину обязан был на ней жениться, а если уже был женат — отдать ей треть своего имущества. Но данный кодекс так и не получил законную силу, и церковные суды продолжали свою беспорядочную работу в отсутствие четкого ориентира.

Впрочем, в ходе правления Эдуарда реформаторы выполнили свою задачу. Достижения Генриха в политике теперь повторились в религиозной сфере; власти папы пришел конец. С принятием доктрины оправдания верой потребность в церкви как посреднице между человеком и Богом отпала, а утрата Святыми Дарами своей значимости сократила власть духовенства. Отрицание пресуществления фактически уничтожило причастие. Католические ритуалы были отброшены.

Осенью того же года герцог Нортумберленд снова столкнулся с угрозой восстания. В декабре он «немедленно и настоятельно требовал,

чтобы лорды — члены тайного совета не теряли бдительности для предотвращения случаев государственной измены в той мере, в которой их возможно предвидеть». Три месяца спустя в некоторых частях страны было введено военное положение. Перешептывания за спиной лорда-председателя прекратились, однако возможность восстания представляла серьезную угрозу для членов совета при Эдуарде, которые в народе никогда не пользовались популярностью.

Один из этих советников имел особое значение. Уильям Сесил, которому суждено было играть выдающуюся роль в правление Елизаветы, в возрасте тридцати лет стал членом тайного совета и секретарем короля; его необыкновенные способности руководителя и «конфиденциального секретаря» были признаны уже тогда. Сначала он служил у герцога Сомерсета, затем, проведя некоторое время в Тауэре в связи с падением своего покровителя, вернулся в руководящие круги силами герцога Нортумберленда. Зимой 1550 года Уильям Сесил подготовил труд, в котором четко обозначил перспективы развития государства. «Император Священной Римской империи, — писал он, — стремится к верховной власти в Европе, которой он не сможет добиться, не по-

давив религиозную Реформацию; а Реформацию он сокрушит, только если сокрушит Английское государство. Помимо религиозных разногласий у него имеются другие поводы враждовать с Англией, поэтому католики ни перед чем не остановятся, чтобы добиться нашего ниспровержения. Тем временем между нами самими царит раздор. Большинство наших подданных встанет на сторону противника…»

Последнее предложение явно свидетельствует о признании того, что большая часть населения страны не оценила деятельность реформаторов. По словам Уильяма Сесила, в случае войны Англии с Карлом V большинство скорее подчинилось бы папе римскому, нежели королю. Большинство пэров и епископов, практически все судьи и адвокаты, а также все священники и мировые судьи выбрали бы сторону папы. Вот поправка для тех, кто считает, что Реформация времен Эдуарда пользовалась значительной популярностью. Возможно, народ и уступил, однако, согласно свидетельству Сесила, никоим образом не оправдывал изменений. Привычка к почтительности и послушанию дополнялась страхом и бессилием.

21. Королева на девять дней

В первые дни 1552 года юный король составил список «некоторых размышлений по значимым вопросам, требующим немедленного решения в моем совете». Теперь это был уже не просто совет, а «мой совет». Эдуарду шел четырнадцатый год, и он начал по-настоящему осуществлять свои полномочия. Ричард II в возрасте четырнадцати лет вынужден был разбираться с последствиями крестьянского восстания под предводительством Уота Тайлера.

В начале апреля Эдуард заболел, заразившись то ли оспой, то ли корью, но затем быстро поправился. Своему другу детства он писал: «Оспа причинила нам некоторое неудобство, став досадною помехою для написания вам; теперь же мы наконец от нее избавлены». Юный король все еще чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы посещать парламент, и 15 апреля сделал такую запись в своем дневнике: «Я подписал документ, содержащий названия тех законов, которые хотел бы принять, и он был зачитан в палате».

После выздоровления Эдуард стал собственно-

ручно подписывать королевские разрешения, больше не полагаясь на подписи своих советников. Он принимал участие в решении не только вопросов внешней политики, но и таких коварных проблем, как порча монет. До нас дошел документ, написанный Эдуардом лично и касающийся метода проведения заседаний в тайном совете. Нам неизвестно, была ли идея этого документа кем-то ему предложена или принадлежала ему самому. Однако у юного короля, очевидно, имелись все задатки, чтобы стать хорошим администратором. Часть своих записей он делал на греческом языке, чтобы слуги не могли их прочесть. Летом того же года Эдуард совершил торжественный выезд в сопровождении четырех тысяч всадников. Это был лучший способ продемонстрировать подданным свою власть и авторитет; в числе прочих городов огромная процессия посетила Портсмут и Саутгемптон, прежде чем проехать по Уилтширу и Дорсету.

Однако заболеваемость и смертность того времени вскоре закружили в своем водовороте одну из главных фигур эпохи. К осени Эдуард стал казаться слабее, чем раньше, и обратился к итальянскому лекарю, который, как и большинство докторов того времени, занимался астрологией.

Иероним Кардано отмечал, что король «был роста чуть ниже среднего, бледнолицый и сероглазый»; скорее «плохо следил за своим здоровьем, нежели страдал от хронических заболеваний. Лопатки имел несколько выступающие». Кардано сообщал, что король «держался словно старик».

В феврале 1553 года Эдуард подхватил простуду или лихорадку, сопровождавшуюся жаром; месяц спустя он все еще выглядел «крайне слабым и истощенным». Весной Эдуард переехал в свой дворец в Гринвиче; в то же время посол Священной Римской империи сообщал, что юный король «слабел день ото дня и таял на глазах». Его мокрота имела то зеленоватый, то черный оттенок. Но он все еще был способен на характерную для настоящего Тюдора вспышку ярости. Когда однажды не выполнили одно из его желаний, Эдуард воскликнул своим советникам: «Вы щиплете из меня перья, точно я ручной сокол, — настанет день, когда я сам стану вас общипывать!»

12 мая императорский посол писал, что Эдуард «страдает от гнойной опухоли легкого». Он добавил, что король «начинает покрываться язвами; мучается жестоким, продолжительным кашлем; кожа пересыхает, тело горит, живот вздулся, и его не оставляет медленная лихорадка». Две недели

спустя сообщалось, что Эдуард «засыпает, лишь когда ему вводят лекарства, которые доктора называют опиатами… Мокрота, что он отхаркивает, черна, дурно пахнет и полна угля; источаемое ею зловоние выше всякой меры». 12 июня король подписал «Сорок две статьи»; но было уже слишком поздно. Они так и не получили статус закона. К лету «сам король потерял надежду, будучи, с его слов, столь слаб, что не может более терпеть». Ему шел шестнадцатый год — опасный возраст для мужчин из династии Тюдоров. Принц Артур, дядя Эдуарда, скончался в возрасте пятнадцати лет; сводный брат короля, герцог Ричмонд, умер в семнадцать.

Природу его заболевания описывали по-разному, однако вероятно, что это была легочная инфекция, которая привела к пневмонии. Ходившие в то время слухи о том, что Эдуард стал жертвой отравителей, представляются крайне маловероятными. *Cui bono?*[51] Все более усиливавшаяся слабость короля заставляла герцога Нортумберленда испытывать панический страх. Следующей в очереди на престол, согласно завещанию Генриха VIII, была леди Мария, которая

---

[51] Примечания: 51
«Кому это могло быть выгодно?» (*лат.*) — *Прим. пер.*

осуждала и ненавидела его как человека, истреблявшего старую веру. Если бы престол достался ей, то она отменила бы все достижения Реформации. Это было немыслимо.

Поэтому ранним летом 1553 года герцог Нортумберленд и король Эдуард решили изменить порядок престолонаследия. Существует мнение, что план был разработан герцогом единолично, однако нет никаких оснований предполагать, что «благочестивый бесенок» стал бы сидеть сложа руки в ожидании отмены всех религиозных реформ. От их сохранения зависела судьба государства. Сам герцог Нортумберленд, очевидно, устал руководить страной. «Кажется, — писал он, — я достиг предела возможных забот и волнений».

На ранних стадиях заболевания Эдуарда сам герцог Нортумберленд сообщал Марии о состоянии больного. В феврале, когда ее брат слег в лихорадке, Марию пригласили ко двору, где «встретили с куда большим почтением и устроили прием более роскошный», чем когда-либо; на окраине городе ее встретил герцог Нортумберленд в сопровождении сотни всадников, а по прибытии в Уайтхолл собравшиеся там советники склонили перед нею головы, словно

она уже сидела на английском троне. Чем более вероятным казалось приближение кончины Эдуарда, тем отчаяннее становилась необходимость лишить Марию прав на престол. Его не должна была занять королева-католичка. Но если не она, то кто?

Джейн Грей приходилась правнучкой Генриху VII по линии его младшей дочери Марии и была третьей в очереди на престол после леди Марии и Елизаветы; для герцога Нортумберленда ее кандидатура имела еще одно неоценимое преимущество: Джейн приходилась ему невесткой. Он была пылкой сторонницей Реформации с безупречными религиозными воззрениями. Однажды Джейн спросила одну из служанок леди Марии, почему она приседает перед Святыми Дарами. «Я приседаю перед Тем, Который меня сотворил». — «Но разве эти гостии не дело рук пекаря?» Своему учителю Джейн заявила, что для нее «было бы позором следовать миледи Марии, нарушая слово Господне». Джейн Грей была определенно новой веры и обладала глубокими познаниями. Когда учитель Елизаветы Роджер Ашем однажды посетил ее, то обнаружил девушку за чтением платоновского «Федона». Он спросил, почему она не стреляет оленей в парке

вместе со своей семьей. «По моему мнению, — ответила Джейн, — все их развлечения в парке способны доставить лишь тень того удовольствия, что я нахожу в чтении Платона». Она стала бы просто идеальной королевой, особенно находясь под отеческим надзором самого герцога.

Итак, Эдуард и герцог Нортумберленд, предположительно работая заодно, составили новое завещание. Мария и Елизавета вновь объявлялись незаконнорожденными, что, таким образом, лишало их прав на английский престол. В конце мая юный король подготовил «свой проект престолонаследия». Вначале он написал, что корона должна перейти к «наследникам леди Джейн мужеского пола», в надежде прожить достаточно долго, чтобы увидеть плоды ее брака; на данном этапе он еще не мог представить себе правление королевы. Затем, примерно три недели спустя, он стер эти слова и на их место вставил «леди Джейн и ее наследникам мужеского пола». Вероятно, у короля наступило ухудшение. В любом случае ему, должно быть, дали понять, что он может не выжить.

Многие из членов тайного совета выступили против этого проекта, считая, что несовершеннолетний король не вправе отменять закон

парламента. В королевский дворец в Гринвиче вызвали судей, которые, выслушав предложение Эдуарда, единодушно заявили, что оно противоречит закону. Король отвечал им с пренебрежением и остался непреклонен. Судьи попросили отсрочку. Вернувшись в совет два дня спустя, они объявили, что позволение изменить порядок престолонаследования повлечет за собой обвинение в государственной измене.

Герцог Нортумберленд отсутствовал, когда прибыли судьи, однако, услышав их вердикт, «ворвался в комнату, пылая от гнева и трясясь от ярости… и заявил, что готов вступить в поединок с любым участником ссоры и драться голыми руками, в одном белье». Судьи покинули помещение. На следующий день они вернулись по срочному вызову, и их провели к постели короля. Эдуард встретил посетителей «резкими словами, а лицо его выражало раздражение». «Почему вы не повинуетесь моей воле? Я хочу, чтобы вы исполнили все немедленно!» Королевские советники молчали. Судьи были явно напуганы. Единственное, о чем они попросили, — зафиксировать свои распоряжения в письменном виде и получить помилование, в случае если их согласие будет впоследствии признано преступным.

Они доказывали друг другу, что выполнение приказаний своего монарха не может считаться государственной изменой. Итак, это свершилось. Выдающиеся лица королевства все-таки подписали документ, лишавший леди Марию прав на престол.

То были последние дни юного короля. 1 июля Эдуарда показали толпе из окна дворца, вероятно, чтобы опровергнуть слухи о его смерти; однако он выглядел «столь слабым и истощенным», что его появление едва ли обнадежило кого-то из зрителей. Когда толпа собралась и на следующий день в надежде вновь увидеть короля, вышел один из придворных, объявивший, что «воздух был слишком холоден».

Во дворец вызвали профессора медицины из Оксфорда, а также «знахарку», которая посоветовала воспользоваться целительной силой некой таинственной жидкости. Их допустили к больному со строгим условием: никому не рассказывать об истинном состоянии короля. В Тауэре удвоили охрану, и по городу мигом разлетелись нелепые слухи о неминуемой угрозе. Послу Священной Римской империи рассказывали, что отряд из пятисот воинов был отправлен в Хартфордшир, чтобы окружить Хансдон, особ-

няк леди Марии, и схватить ее. Далее посол сообщал, что принцессу собирались отвезти в Тауэр под предлогом подготовки к коронации и заточить там на неопределенный срок. Герцог Нортумберленд вместе со своими соратниками скупал все доступное в Лондоне вооружение, а на Темзе корабли готовились к выходу в море. Предлагалось, чтобы церковные проповедники под надзором герцога Нортумберленда объявили со своих кафедр о том, что Мария является незаконнорожденной. Ходили слухи, что герцог готов отдать Англию французам в обмен на помощь короля Франции. Пожалуй, слухи были сильно преувеличены. Хотя вероятно, что герцог Нортумберленд заключил соглашение об использовании французских войск в том случае, если в Англии разгорится восстание. В любом случае Генрих II, король Франции, ни за что не пожелал бы, чтобы двоюродная сестра его соперника Карла V взошла на английский престол.

6 июля Эдуард скончался. Согласно одной популярной брошюре, или «информационному листку», между восемью и девятью часами вечера король прошептал свою последнюю молитву: «Господи Владыко, избавь меня от этой жалкой жизни и дай место среди избранных Тобою…»

Несомненно, это лишь благочестивая фантазия автора, заявлявшего, как он своими глазами видел, что Эдуард скончался истинным кальвинистом. С осторожностью следует относиться и к другому свидетельству. Согласно этой версии, умирающий король скорее почувствовал, нежели увидел, находившихся в комнате докторов и благородных членов тайного совета.

— Неужели вы так близко? — спросил он их. — Я думал, вы стоите намного дальше.

— Мы услышали, что вы говорили сами с собой, но о чем — нам неизвестно.

— Я молился Господу моему.

Один из слуг взял юного короля на руки.

— Я так ослаб, — прошептал Эдуард. — Господи, помилуй и прими мою душу.

Согласно «Хронике серых монахов», в день его смерти с небес были явлены знамения и чудеса. Над Лондоном разразилась гроза, уподобив летний полдень темной ночи; ветер вырывал с корнем громадные деревья, улицы превратились в реки, а в городских садах выпал град, красный, точно кровь. Говорили, что открылась могила Генриха VIII и старый король поднялся из нее в знак протеста против нарушения своего завещания.

За два дня до случившегося Мария, заранее готовая ко всевозможным угрозам, бежала из своего особняка и укрылась в относительно безопасном имении Кеннингхолл в Норфолке, в окружении друзей и союзников. Смерть Эдуарда держали в тайне еще три дня, чтобы герцог Нортумберленд мог завершить все свои приготовления. О юном короле он говорил так, словно тот еще был жив.

Леди Джейн Грей отправили в Лондон и 9 июля сообщили, что король хочет поговорить с ней. Девушку отвезли в особняк герцога Нортумберленда Сайон-Хаус, где ее приветствовал герцог в окружении ряда других лордов. «Король, — промолвил Нортумберленд, — покинул этот мир». Затем он объяснил ей условия нового завещания, объявив леди Джейн новым монархом. Закончив свою речь, он и другие лорды упали перед ней на колени. Новость она приняла с тревогой. Корона — не для нее. Она не способна. Затем леди Джейн пришла в себя и, сложив руки в молитве, попросила милости Господа, чтобы править достойно.

В тот же самый день Мария узнала о судьбе своего младшего брата. Сев за стол, она написала письмо наиболее выдающимся представителям знати в королевстве. «Милорды, — обращалась она к ним, — приветствую вас и извещаю о по-

лучении нами точных известий о том, что наш покойный царственный брат и бывший верховный правитель вручил дух свой милости Господа». Как писала Мария далее, ей «кажется странным, что о кончине нашего вышеупомянутого брата в прошлый четверг ночью мы не получили от вас никаких известий», а затем она требовала, чтобы «наш титул и право носить корону и управлять государством были провозглашены в Лондоне». Сообщается, что, прочитав это письмо, лорды тревожно переглянулись, а их жены начали всхлипывать. Марии отправили ответное письмо с призывом «не досаждать английскому народу и не беспокоить его» своими незаконными притязаниями.

10 июля в Чипсайде, Полс-Кросс и Флите герольды объявили о восхождении на престол королевы Джейн. Доказательств всеобщего ликования по этому поводу или хотя бы одобрения у нас нет. Толпа ответила гробовым молчанием, если не открытым неудовольствием; на лицах людей читались «печаль и неприязнь». Согласно одной хронике, когда слуга винодела Гилберт Поттер выкрикнул, что «у леди Марии прав больше», его тут же схватили и увели. На следующее утро мальчику под корень отрезали уши.

Можно было подумать, что герцог Нортумберленд занимает исключительно выгодное положение. Он контролировал флот и казну, руководил крепостями и гарнизонами по всей стране. Мария пока армией не располагала; все, что у нее было, — ее семья. Однако всей власти герцога Нортумберленда оказалось недостаточно перед лицом решительного сопротивления принцессы и праведного гнева ее сторонников. Обман и лицемерие не должны были подвергать опасности законный порядок наследования английского престола. Кризис, разгоревшийся в государстве по вине самого Нортумберленда, никого не оставил в стороне. Некоторые из членов тайного совета в душе сомневались в герцоге. Другие чувствовали себя потерянно и неуверенно. Уильям Сесил вооружился и стал строить планы бегства из страны.

Герцог Нортумберленд решил силой задержать леди Марию и отвезти ее в Лондон. Если бы он начал действовать раньше, хотя бы до того, как Эдуард скончался, он мог бы ее погубить. Сначала предполагалось, что во главе вооруженного отряда противников Марии встанет отец Джейн Грей герцог Суффолк, однако возражения новой королевы исключили этот вариант. Вместо

него сам герцог Нортумберленд в сопровождении шестисот вооруженных солдат должен был выехать из Лондона через Шордич. Горожане смотрели им вслед. «Народ столпился, чтобы на нас посмотреть, — заметил герцог, — но никто не желает нам счастливого пути». Нортумберленд призвал своих сторонников оставаться верными ему, однако вряд ли мог быть полностью уверен в их верности.

Мария твердо стояла на своем. Как и отец, она была решительна и непреклонна; отличаясь истинно тюдоровским ощущением собственного величия, она помимо этого считала своим религиозным долгом спасти Англию от ереси. Полагали, что она может бежать к находившемуся в Брюсселе императору, но зачем королеве оставлять свое государство? К ней начали стекаться сторонники, и в первых рядах их оказались граф Суссекс и граф Бат. Жители окрестных городов и деревень взяли в руки оружие. Казалось, вся Восточная Англия поднялась, чтобы защитить Марию. В Норидже ее провозгласили законной королевой. Небольшая флотилия из шести кораблей, отправленная герцогом Нортумберлендом для охраны морских путей у побережья Нориджа, переметнулась в лагерь леди Марии. Когда она

вышла для осмотра своих новых войск, раздался крик: «Да здравствует добрая королева Мария!» Лагерь перенесли из Кеннингхолла в замок Фрамлингем в Суффолке, где Мария могла бы отразить любое нападение. Однако она все еще находилась в смертельной опасности. Если бы ее судили в случае поражения, то, скорее всего, обвинили бы в государственной измене. На кону теперь стояла не только судьба целой нации, но и судьба религии.

Герцог Нортумберленд привел своих сторонников в Ньюмаркет, Кембриджшир, выбранный в качестве места сбора армии, которая состояла из держателей различных дворянских земель. Однако, когда туда дошли вести о переходе флота на сторону Марии, солдаты подняли мятеж. Они объявили, что отказываются служить своим лордам и идти против королевы Марии. Герцог Нортумберленд отправил срочное сообщение советникам, требуя подкрепления, однако получил «крайне сдержанный ответ». В отсутствие своего председателя члены тайного совета начали сомневаться в целесообразности всего предприятия. Как писал в своей хронике современник, «пыл их начал угасать».

Пока радикальные проповедники продолжали

вести кампанию против Марии со своих кафедр, Уильям Сесил вместе с группой сторонников занялся организацией государственного переворота. В это время все они находились в Тауэре рядом с самой королевой Джейн, под надзором преданного герцогу Нортумберленду гарнизона. В среду 19 июля, когда войска герцога открыто восстали против него, советникам удалось покинуть Тауэр и собраться в замке Бейнардс, расположенном на северном берегу Темзы, примерно на 1,2 километра выше Лондонского моста.

К группе присоединился лорд-мэр, олдермены и другие видные горожане. Граф Арундел заговорил первым. Если они продолжат поддерживать леди Джейн Грей, гражданская война будет неизбежна, с большой вероятностью иностранного вмешательства. Сложно представить судьбу печальнее этой для Англии и ее народа. Затем поднялся граф Пембрук и, вынув меч из ножен, объявил: «Или мне суждено погибнуть, или этот клинок возведет на престол леди Марию». Ни одного голоса не прозвучало в поддержку герцога Нортумберленда или леди Джейн. После этого отряд из ста пятидесяти человек отправился в Тауэр, где потребовал ключи именем королевы Марии. Отец леди Джейн понял, что пришел

конец; бросившись в спальню дочери, он сорвал с постели, на которой она сидела, королевский балдахин. Правление ее продлилось всего девять дней.

Затем лорды тайного совета проследовали на перекресток в Чипсайде, где должным образом объявили Марию королевой Англии. В толпе собравшихся кричали «Боже, храни королеву!», а граф Пембрук бросил свой кошелек и расшитую шляпу в самую гущу людей. В соборе Святого Павла забили в колокола, к их звону присоединились все прочие колокольни города. Затем процессия лордов направилась в собор, где впервые за почти семь лет хор исполнил хвалебный гимн, известный под названием «Тебя, Бога, хвалим». На всех крупных перекрестках подмастерья собирали хворост, чтобы жечь костры. В тот вечер члены тайного совета отправили письмо герцогу Нортумберленду, прося его сложить оружие.

Герцог, едва ли не заточенный в Кембридже, сам поспешил явиться на базарную площадь. Он объявил рассерженной толпе, что, провозгласив королевой Джейн и выступая против Марии, следовал приказаниям тайного совета; теперь же, когда советники поменяли свое мнение, он готов сделать то же самое. И, бросив в воздух

шляпу, он воскликнул: «Боже, храни королеву Марию!» Герцог сказал одному из своих коллег, что Мария — милосердная женщина и объявит общее помилование. На что получил такой ответ: «На тех, кто сейчас у власти, надеяться нельзя».

Граф Арундел приехал в Кембридж с приказанием арестовать герцога.

— Повинуюсь, милорд, — сказал Нортумберленд, — но прошу вас меня пощадить, зная мое положение.

— Милорд, вам следовало просить о пощаде раньше. Я должен выполнить данный мне приказ.

3 августа в семь часов утра королева Мария с триумфом въехала в столицу в сопровождении свиты из пятисот слуг; конь ее был покрыт золотой попоной, а платье из пурпурного бархата расшито золотом. На шее королевы блистала золотая цепь, усыпанная драгоценными камнями, равно как и ее головной убор. В Олдгейте Марию приветствовали видные государственные мужи, а затем процессия проследовала сквозь ликующую толпу к лондонскому Тауэру. Там в ожидании возможности приветствовать ее стояли коленопреклоненные пленники старого режима; среди них были герцог Норфолк и епи-

скопы-консерваторы. Мария подняла их с колен и поцеловала каждого в щеку. «Вы — мои пленники!» — воскликнула она, прежде чем возвратить им свободу. Загремели пушечные залпы, «точно раскаты грома, подобные землетрясению».

Не прошло и трех недель, как герцога Нортумберленда возвели на эшафот на Тауэр-Хилл. Перед толпой собравшихся он признался, что «жил неправедно и творил зло во все дни моей жизни». Далее, вероятно к изумлению наблюдателей, он обвинил радикальных проповедников, которые заставили его отвернуться от истинной веры. «Молю всех вас, — заявил он, — поверить, что я умираю католиком». За день до этого он посетил мессу в часовне Святого Петра в Оковах в Тауэре. Говорили, что герцог обратился в католичество в отчаянной попытке избежать смерти или, возможно, спасти свою семью от дальнейших преследований. Однако его возврат к старой вере вполне мог быть искренним.

Перед самым концом герцог Нортумберленд прочел 129-й псалом *De Profundis*[52]. По обычаю палач попросил у своей жертвы прощения; он был одет в белый передник, словно мясник. «Я

[52] Примечания: 52

«Из глубин». Начало покаянного псалма (отходной молитвы), читаемого над умирающим.

заслужил тысячу смертей», — возразил герцог. Начертив на покрытом опилками помосте крестное знамение, он склонил голову на плаху. Одного взмаха топора оказалось достаточно. Кровь, пролившуюся сквозь щели в полу эшафота, вытерли какие-то дети.

22. Восход

Посол Священной Римской империи объявил, что триумфальное возвращение Марией своей короны — чудо Господне и проявление Божьей воли. Новая королева и сама считала свое восхождение на престол результатом Божественного Промысла. Ее судьба и долг — вернуть свою страну в лоно старой веры. Можно еще сказать, что с мирской точки зрения установившийся режим был свергнут вследствие народного восстания. Помимо этого, Мария взошла на престол во многом благодаря верности дворян-католиков; ни один лорд, открыто придерживавшийся протестантской веры, ее не поддержал. Услышав о том, что в Лондоне ее провозгласили королевой, она приказала вернуть распятие в свою часовню во Фрамлингеме.

Когда Мария впервые въезжала в столицу после воцарения, жители многих домов в знак перемен поставили у окон изображения Девы Марии и святых. Вести о ее вступлении на престол дошли до прихожан Эксетерского собора, которые собрались послушать проповедь реформатора

Майлза Ковердейла; пока сообщение шепотом передавалось из уст в уста, многие стали вставать и уходить. Лишь немногие «благочестивые» прихожане остались. По всей стране стали служить мессу на латыни. Без каких-либо указов или прокламаций в церкви стали возвращать образа и алтари старой веры. Вновь установили распятия, на свои места вернули статуи Девы Марии и святых. Когда в Кенте какой-то судья попытался наказать священников за проведение мессы, он сам попал под стражу. В любом случае в королевской часовне в Уайтхолле теперь служили шесть-семь месс ежедневно. Месса снова стала фундаментом истинной веры.

Один вопрос, однако, вызывал у Марии сомнения, а именно похороны брата. Ей не хотелось прибегать к практике захоронения, которую использовали реформаторы. По ее словам, она просто не могла «допустить, чтобы ее брата предали земле, точно бродячего пса». Ей советовали, что короля-еретика лучше и похоронить как еретика, избежав таким образом общественного резонанса. Мария пошла на компромисс. Она с неохотой согласилась, чтобы Эдварда похоронили по обряду, которому он сам отдавал предпочтение при жизни, но постаралась обес-

печить спасение его души и сохранить верность собственным принципам, договорившись о проведении католической мессы по усопшему накануне похорон, а также об исполнении реквиема несколько дней спустя.

18 августа 1553 года Мария издала Прокламацию о религии, в которой запретила использование таких оскорбительных слов, как «папист». Она приказала, чтобы никто «не смел более под предлогом проповедей или занятий, будь то в церкви, публично или тайно, толковать Священное Писание или учить о религии, кроме как в школах при университете». Другими словами, Мария запретила проповедовать все радикальные и реформаторские учения. Утверждая, что не намерена никого принуждать, она, однако, делала одну зловещую оговорку — «до тех пор, пока с общего согласия не будут сделаны дальнейшие распоряжения».

Все же в некоторых кругах сопротивление возврату к старой мере могло быть поистине яростным. Некоторые проповедники, признанные в своем кругу благочестивыми, провозгласили истинной доктрину времен правления короля Эдуарда. Как и всегда, Лондон был центром религиозного радикализма. Когда один католический

священник читал проповедь на Полс-Кросс, в толпе отовсюду стали раздаваться крики «Лжешь!» и «Прочь отсюда! Гоните его!». Затем в направлении кафедры полетел кинжал, и священнику пришлось поспешно ретироваться через расположенное неподалеку здание школы. Однако теперь европейские реформаторы, сделавшие столицу Англии своим домом, стали в спешном порядке возвращаться в Цюрих, Женеву или Страсбург. Колония валлонских ткачей, поселившаяся в Гластонбери, с радостью вернулась домой.

Были и другие случаи сопротивления. В Суффолке во время католической мессы подожгли церковь. Радикал по имени Томас Флауэр в ходе причастия выхватил из-за пояса деревянный нож и несколько раз ударил им проводившего церемонию священника. Вскоре реформаторам пришлось встречаться тайно; под покровом ночи они уходили в поля или на стоявшие у берега Темзы корабли. Епископ Лондонский Эдмунд Боннер был полон решимости уничтожить еретиков. «Да-да, — говорил он одному из них, — у вас целое братство, но я сокрушу его, уверяю вас». При герцоге Нортумберленде тайный совет приговорил епископа к пожизненному заключению в тюрьме Маршалси; вскоре он получил

известность под прозвищем Кровавый Боннер за целенаправленную политику преследования реформаторов.

Еще один восстановленный на своем посту епископ, Стивен Гардинер, едва успел выйти из Тауэра, как столкнулся с еретиком. «Милорд, — сказал ему тот, — я не еретик, ибо то, что вы считаете ересью, есть наше служение Живому Богу».

«Боже милостивый! — заорал епископ. — Разве не говорил я вам, милорд заместитель, как узнать еретика? Они носятся со своим „Живым Богом“ так, словно есть Бог мертвый. Эти еретики только и знают, что твердить „Господь живет, Живой Бог правит, Господь Бог“ и ничего кроме „Бога“». В этот момент он снял шляпу и принялся лихорадочно тереть «переднюю часть головы, где один непокорный локон все время стоял дыбом». Последнее, что произнес епископ: «Уведите его! Это самый упрямый подлец, которого мне когда-либо доводилось встречать». С другим радикальным проповедником он расправился со словами: «Тащите этого взбесившегося шута прямиком в тюрьму». Архидиакон Вестминстера отличался не менее пылким нравом; споря с последователем арианства, в котором Сын Божий

считается ниже Бога Отца, он плюнул узнику в лицо. Если слово «католик» в годы правления королевы Марии стало звучать как символ победы, то «протестант», напротив, превратилось в бранное слово.

Измерить истинную глубину веры английского народа не представляется возможным. Очевидно, что новой вере было действительно преданно лишь меньшинство, и не так много людей полностью придерживались католичества. Новое направление религиозной политики, удар по обрядам старой веры и опустошение церквей неизбежно должны были губительно сказаться на религиозности народа. Связь со священным стала слабее. В таком случае можно сказать, что произошел переход не от католичества к протестантизму (или наоборот), а скорее от пылкой, инстинктивной набожности Средневековья к мягкому приспособленчеству или вовсе безразличию. Это вполне бы соответствовало Реформации, сконцентрированной не столько на провозглашении новой веры и принципов, сколько на перераспределении власти и богатства. Привычка и обычай, а не вера и благочестие стали основными факторами английской религии.

Не считая несчастной Джейн Грей, Мария ста-

ла первой женщиной, которую провозгласили правящей королевой Англии. Ее единственная возможная предшественница Матильда не была коронована и носила титул «повелительница», или «госпожа» (domina). Однако в роду Марии существовал один прецедент: ее бабка Изабелла была королевой Кастилии и имела великое множество придворных. Екатерина Арагонская также, несомненно, обсуждала со своей дочерью все ритуалы и великолепие, связанные с положением правящей королевы. Прабабка Марии Маргарет Бофорт обладала огромной властью, будучи «серым кардиналом» у своего сына Генриха VII. А ее двоюродная сестра Маргарет последние двадцать лет управляла Фландрией в качестве королевы-регентши. С самого детства ее готовили к роли королевы; никто из подданных не мог поцеловать девочку — только ее руку, а на официальных мероприятиях окружающие преклоняли колени. Однако во Фландрии существовала традиция вступления женщин на престол, на которую Маргарет могла опираться.

Хотя первыми советниками Марии стали члены ее семьи, она все же не могла полностью обойтись без советников предыдущего режима: лишь они обладали достаточными знаниями и

навыками для поддержания государственного строя. За два дня до коронации Мария вызвала их к себе. Когда они собрались, королева упала на колени и обратилась к ним с речью об обязанностях, возложенных на нее как на монарха Господом. «Все свои дела и себя саму я вверяю вам и заклинаю вас выполнять свой долг согласно данным вами клятвам». По свидетельству испанского посла, который стал главным доверенным лицом королевы, ее речь так глубоко растрогала советников, что они не знали, как отвечать. Однако ее шаг был хорошо продуман. Мария знала, что в прошлом многие из них относились к ней враждебно и подписали документ, лишавший ее прав на престол, поэтому она им не доверяла. Королева заявила послу, что «использует лицемерие советников себе во благо так, чтобы их согласие не позволило им строить против нее козни».

Состоявший из пятидесяти членов тайный совет королевы Марии вышел довольно громоздким и трудноуправляемым. Саму королеву приводили в ярость раздоры между советниками: они непрестанно «пререкались и меняли свое мнение», обвиняя друг друга и оправдывая себя. Одни хранили ей верность с самого начала,

другие до последней минуты вели себя вероломно. Одни были консервативными епископами, которых недавно выпустили из тюрьмы; другие — крупными магнатами, которые нажились на конфискации монастырских земель. Позднее королева жаловалась, что больше всего времени потратила на споры с ними. Однако вскоре из числа советников образовался узкий круг, куда вошли шесть-семь человек. Наиболее значимый из них — старый епископ Винчестерский Стивен Гардинер. Он был выпущен из Тауэра и назначен лорд-канцлером. Большинство других являлись профессиональными управленцами, которые служили при прежнем короле.

Мария принялась за руководство страной с энтузиазмом. Встав на рассвете, она молилась и слушала закрытую мессу; затем садилась за рабочий стол, где оставалась до часа или двух пополудни. Далее королева делала перерыв на легкий обед, после чего возвращалась к делам, не покидая рабочего стола до полуночи. Она писала письма; давала аудиенции подданным; совещалась с членами тайного совета. Тем не менее большинство было уверено, что ей необходим муж. Женщина на престоле казалась чем-то неестественным, отступлением от нормы, кото-

рое мог исправить лишь облеченный властью мужчина рядом.

Когда парламент собрался 5 октября в первый год правления Марии, вопрос замужества королевы был довольно актуален. И в палате лордов, и в палате общин подавляющее большинство выступало за ее брак с англичанином. На церемонии коронации четыре дня назад Мария предстала с распущенными волосами в знак своей девственности.

Обсуждались и более общие вопросы. Парламент принял билль, утверждавший действительность брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской и узаконивший права Марии на престол. Был принят закон о закреплении религиозного устройства, существовавшего в последний год правления Генриха VIII, который отменял, таким образом, все реформы Эдуарда. Принятие решения по этому вопросу затянулось на целых четыре дня, но в итоге закон утвердили 270 голосами против восьмидесяти. Итак, значительное меньшинство поддерживало реформы Эдуарда. Однако члены парламента дали понять, что есть два вопроса, по которым они единодушны. Возврата церковного имущества и восстановления власти папы римского не будет.

Через месяц спикер палаты общин предстал перед королевой и членами тайного совета. Он передал Марии петицию по вопросу ее замужества, а затем произнес долгую и многословную речь, в которой призвал королеву избрать в качестве супруга кого-то из своих подданных. Было бы неуместно останавливать свой выбор на ком-то из-за границы, поскольку у иностранного принца будут иные интересы и приоритеты. Вскочив на ноги, в поспешном и явно не подготовленном заранее ответе королева заявила: «Если вы, наша палата общин, против нашей воли изберете нам супруга, который будет нам не по нраву, это может повлечь за собой неудобные последствия в виде нашей кончины; заключив брак не по любви, мы сойдем в могилу в течение трех месяцев…»

Однако в вопрос выбора супруга уже были вовлечены другие стороны. Всего через девять дней после провозглашения Марии королевой Англии испанский посол задал ей вопрос о браке. В ответ Мария сообщила о своей готовности последовать совету двоюродного брата, Карла V, а это фактически означало, что она способна не колеблясь соединить себя узами брака с членом испанской королевской семьи, к которой и так принадле-

жала. Мария и в самом деле была наполовину испанкой. Наиболее подходящим кандидатом неминуемо становился Филипп, старший сын короля[53]. Именно этого страшились палаты лордов и общин.

Осенью 1553 года, пока в парламенте шло заседание, Мария призвала испанского посла в свою личную часовню — это было убежище королевы, где она хранила Святые Дары, — и поведала послу, как «непрестанно плакала, моля Господа дать ей ответ на вопрос о замужестве». Встав на колени, Мария начала читать один из григорианских хоралов «Прииди, Дух животворящий». Очевидно, тогда она и решила выйти замуж за Филиппа. Такой выбор был в некотором роде естественным. Как могла королева Англии взять в супруги одного из своих подданных?

Тем временем появился один возможный английский кандидат. Эдуард Кортни, правнук Эдуарда IV и наследник династии Йорков, который последние пятнадцать лет провел в тюрьме по сфабрикованному обвинению в государственной измене; текшая в его жилах кровь Плантагенетов всегда представляла угрозу для

[53] Примечания: 53

Будущий Филипп II, король Испании с 1556 по 1598 г. Еще ранее, с 1554 г. — король Неаполя и Сицилии, а с 1580 г. — король Португалии.

династии Тюдоров. Хотя Мария и освободила узника, считая это делом чести, в ее намерения не входило выходить за него замуж. «Я никогда и ни за что не стану его женой, — заявила она членам тайного совета, — это я вам обещаю, а я человек слова. Что говорю — обязательно исполняю». Эдуард Кортни оказался королеве не по вкусу. Долгое заключение сделало его слабым и бездеятельным. Взоры Марии окончательно обратились в сторону Испании.

Однажды вечером испанский посол был принят при дворе; кланяясь королеве, он прошептал ей на ухо, что у него есть для нее документ от императора Священной Римской империи. Он тут же передал ей письмо, которое Мария немедленно спрятала. На следующий вечер посол прибыл во дворец на барже с официальным предложением для Марии сочетаться браком с Филиппом. Несколько дней спустя, когда королева со свитой направлялась в часовню на вечернюю службу, кто-то из придворных крикнул «Измена!», подняв общую тревогу. Мария осталась невозмутима, тогда как ее младшую сестру охватили страх и дрожь.

За развитием ситуации с замужеством сестры принцесса Елизавета в основном наблюдала

со стороны. Хотя она и последовала за Марией, когда та триумфально въезжала в Лондон, это было скорее способом показать их взаимное согласие и оспорить права соперников на престол, поскольку кроме этого сестер ничего не объединяло. Елизавету негласно ассоциировали с протестантским влиянием, и вскоре она попала под подозрение как протестантка. Как сообщал французский посол, «Елизавета не посещает мессы и не сопровождает свою сестру в часовню». Считалось, что она горда и вспыльчива, как и многие другие члены ее семьи. Императорский посол, еще один проводник новостей и слухов, решил, что «принцессу Елизавету следует опасаться; она обладает особыми чарами».

Однако Елизавета знала, когда проявить гибкость. Услышав, что ее отказ посещать мессу расценивается как мятеж, она упала на колени перед королевой, умоляя наставить ее в католической вере. Тем не менее искренность Елизаветы вызывала сомнения; говорили, что она только и ждет случая, чтобы связаться с еретиками. Во время посещения своей первой мессы осенью того года по дороге в часовню Елизавета жаловалась на мучительную боль в животе, «напуская на себя страдальческий вид». Она не пользова-

лась великолепными четками, подаренными сестрой. Мария дала понять, что не хочет перехода престола к Елизавете, но в таком случае ее единственным выходом было произвести на свет собственных детей. Королеве уже исполнилось тридцать семь; худая и тонкогубая, она отличалась пристальным, властным взглядом; на стороне двадцатилетней Елизаветы были молодость и красота. Она могла представлять угрозу.

Угроза эта проявилась в форме восстания в начале 1554 года. Когда в январе в столицу прибыли испанские послы, чтобы скрепить печатью условия брачного договора Марии и Филиппа, лондонцы «были далеки от ликования и горестно повесили головы». Школьники забросали испанскую делегацию снежками. Условия договора объявили 14 января, и, хотя они ограничивали роль Филиппа в определении английской политики, по сообщению одного хрониста, «всякий пребывал в замешательстве, ежедневно ожидая худшего». В стране назревал не только религиозный, но и политический конфликт. К концу 1553 года причащение и другие католические обряды были объявлены единственной законной формой религиозного поклонения. В декабре, перед закрытием парламентских слушаний, в окно ко-

ролевских покоев забросили мертвую собаку; на голове у нее была выбрита тонзура, как у монаха. В другой раз на Фрайдей-стрит обнаружили повешенную кошку, одетую наподобие католического священника; между лапок у нее был зажат кусок хлеба, напоминавший причастную гостию.

Предводители протестантов начали действовать сообща; в их числе были сэр Томас Уайетт, сын известного поэта, а также герцог Суффолк вместе со своими тремя братьями. Сам Суффолк приходился отцом Джейн Грей, королеве на девять дней. К ним присоединился и Эдуард Кортни, возможно обиженный отказом Марии. Они вступили в сговор с французским послом, чьей стране решение королевы вступить в брак с наследником испанской короны нанесло оскорбление. Если одни мятежники просто выступали против испанского присутствия, то другие были убежденными реформаторами, которых не устраивал возврат к католичеству. Часть восставших принадлежала к военным кругам, сформировавшимся при герцоге Нортумберленде и Эдуарде VI. Предполагалось, что первыми поднимутся Корнуолл и Девоншир; Томас Уайетт должен был отвечать за свой родной Кент, а герцог Суффолк — поднять волнение в Мидлендсе (Срединных

землях / Центральной Англии). Затем все отряды сошлись бы в Лондоне, где они рассчитывали получить теплый прием.

Первые две недели нового года заговорщики оставались в Лондоне, однако в то время Эдуард Кортни стал проявлять признаки нерешительности. По собственному признанию, он верил, что королева все-таки сочетается с ним браком, и задерживался в окрестностях королевской резиденции; затем Кортни заказал себе богато украшенный придворный костюм и неосторожно высказался о том, что ему было известно. Допросив его, канцлер Стивен Гардинер многое узнал о заговоре. Тогда канцлер вызвал в Лондон одного из заговорщиков — сэра Питера Кэрью. Тот запаниковал и попытался поднять мятеж в своем родном городе Эксетере; Эксетер не восстал, и Кэрью бежал во Францию.

Томас Уайетт, приведенный в замешательство этими неожиданными и неприятными известиями, призвал жителей Кента к восстанию. 25 января церкви по всему графству зазвонили в колокола, подавая сигнал тревоги, и была издана прокламация, согласно которой испанская армия готовилась пересечь море, чтобы завоевать Англию. Уайетт захватил пушки с пришварто-

ванных в Медуэе кораблей и перевез их в свою крепость в Рочестере. В первые дни восстания королева не проявляла тревоги. «Подождем, пока прибудет принц, — говорила она, — и все будет хорошо». Однако такое отношение было небезопасно. У Марии не было армии, и она боялась, что многие члены тайного совета в глубине души желали победы повстанцам. В городе согласились выделить пятьсот человек из специально подготовленных отрядов — не только для защиты столицы, но и для обеспечения безопасности королевы.

Король Франции обещал послать на помощь восставшим восемьдесят судов, и эти новости каким-то образом достигли английского двора. Французский посол находился под пристальным наблюдением, а одного из его гонцов арестовали. У него было обнаружено несколько зашифрованных сообщений от самого посла, а также копия письма леди Елизаветы к ее сестре. И хотя признаков государственной измены найти не удалось, подозрения все равно возникли. Чем могло письмо принцессы заинтересовать короля Франции?

Герцог Норфолк повел отряды лондонцев на Рочестер, но на подходе к мосту, к своему ужасу,

увидел, что его солдаты переходят на сторону Томаса Уайетта. Кругом раздавались крики: «Уайетт! Уайетт! Мы все англичане!» Герцог Норфолк с несколькими офицерами в страхе за свою жизнь поскакали прочь. Тогда на мосту показался сам Уайетт. «Все, кто останется с нами, — объявил он, — добро пожаловать. Все, кто решит уйти, — пусть уходят». Так его войско пополнилось на триста-четыреста вооруженных воинов. Казалось, восстание имело все шансы на успех. Если бы Томас Уайетт пошел на Лондон немедленно, ему могли бы открыть ворота города.

Оказавшись беззащитной, королева тем не менее оставалась непреклонна и не теряла решимости. По улицам города она проехала до ратуши, где провела встречу с жителями Лондона. Ее голос звучал настолько низко, что его часто сравнивали с мужским, а пронизывающий взгляд мог внушать не только уважение, но и страх. Со ступеней ратуши Мария обратилась к горожанам. Будучи законной королевой Англии, она взывала к любви и преданности лондонцев перед лицом самонадеянного мятежника, намеревавшегося «подчинить закон своим прихотям и дать волю мошенникам и прочим жалким смутьянам, чтобы те устроили всеобщий погром

и разграбление». Одновременно Мария обещала созвать парламент для рассмотрения кандидатуры Филиппа в качестве своего супруга; если палаты лордов и общин отвергнут его, то королева забудет о нем.

Ее отвага и выдержка произвели на лондонцев сильное впечатление. На следующий день 25 тысяч вооруженных горожан встало на защиту королевы от посягательств Уайетта и его людей. По прибытии в Гринвич из Рочестера отряд мятежников перешел на южный берег по Лондонскому мосту и обнаружил, что ворота закрыты. Уайетта объявили предателем, а за его голову назначили награду в сто фунтов стерлингов. В ответ Томас Уайетт стал носить шляпу, на которой крупными буквами было написано его имя.

Положение сообщника Уайетта герцога Суффолка выглядело весьма неутешительно: его попытка поднять бунт в Мидлендсе окончилась неудачей; герцог бежал в одно из своих имений, однако его местонахождение выдал егерь. Вместе с Суффолком восстанием в Мидлендсе должен был заниматься лорд Джон Грей, дядя несчастной Джейн Грей; два дня он скрывался в полом стволе старого дерева без пищи и воды. Но его также обнаружили. Семейству Грей пришел конец.

Лондонский мост был теперь перегорожен, и Уайетт в нерешительности стоял перед ним под прицелом тауэрских пушек. Пересечь реку не представлялось возможным. После долгих сомнений и разного рода совещаний Уайетт со своим отрядом решил поехать к Кингстонскому мосту, откуда мог возобновить наступление на Лондон; его друзья, находившиеся в городе, обещали теплый прием. Поэтому на следующее утро Томас Уайетт отправился в путь в сопровождении отряда из полутора тысяч человек, а также нескольких орудий, добытых с медуэйских кораблей; в четыре часа пополудни его войско достигло Кингстона. Часть моста оказалась разрушена, а на противоположном берегу реки дежурила стража; стражники сбежали, и Уайетт приказал починить мост, используя пришвартованные неподалеку баржи. После переправы он вновь пошел в наступление на Лондон.

Между двумя и тремя часами ночи королеву разбудили со словами, что ее ждет баржа, чтобы отвезти в безопасное место — Виндзорский замок. «Ехать мне или остаться?» — спросила королева свое ближайшее окружение. Лучший совет она получила от испанского посла. «Если поедете, — начал он, — о вашем бегстве станет

известно, город восстанет, Тауэр будет захвачен, а узников выпустят на волю. Еретики станут убивать священников, и Елизавету объявят королевой». Сила этого довода убедила Марию.

В девять часов утра Томас Уайетт повел своих уже изможденных солдат вверх по холму в Найтсбридж, однако королевская кавалерия раскололо его войско неподалеку от Гайд-парк-корнер. Лишившись арьергарда, Уайатт тем не менее продолжал двигаться по дороге, известной теперь как Пэлл-Мэлл; небольшая толпа горожан собралась, чтобы посмотреть на его наступление, но не подавала виду. Лондонцы расступились, пропустив мятежников сквозь толпу. Некоторые из придворных были встревожены таким молчаливым одобрением, и вскоре по всему Уайтхоллу зазвучали крики: «Измена! Мы проиграли! Все потеряно!» Королева отвечала, что будет защищаться сама, если никто не станет драться за нее. Она с радостью умрет рядом с теми, кто служил ей верой и правдой.

Однако до этого не дошло. Томас Уайетт с остатками своего войска медленно продвигался по Стрэнду и Флит-стрит к старому городу. Но ворота Ладгейт оказались для него закрытыми. «Ведь я держал с ними связь!» — проговорил Уайетт

в отчаянии. Он сел на скамью перед трактиром «Белль-Саваж-Ярд» (сейчас известен как «Белл-Ярд»), пока его соратники разбегались по аллеям и переулкам Ладгейт-Хилл. Когда часть королевской конницы подъехала к Уайетту, он отдал солдатам свой меч и был взят под стражу.

В первые дни после восстания на всех главных площадях Лондона, от Смитфилда до Тауэр-Хилл, установили виселицы. Некоторых мятежных солдат повесили прямо у дверей их домов. «Никогда еще свет не видывал столько повешенных, — писал французский посол, — сколько их вешают здесь каждый день». Хотя посреди этой бойни иногда преобладало милосердие. 22 февраля перед королевой предстали четыреста человек с удавками на шее, и все они были помилованы.

С момента восхождения Марии на престол леди Джейн Грей оставалась в Тауэре, и, если бы обстоятельства сложились несколько иначе, ее бы, несомненно, помиловали. Однако вероломство отца кардинально изменило положение Джейн. Королева ожесточилась против нее самой и всей ее семьи. Старый аббат Вестминстера пытался обратить девушку в католическую веру, но она не поддалась на его увещевания. По дороге на эшафот, расположенный на Тауэр-Хилл, Джейн

тихо молилась; она спокойно взошла по ступеням и объявила собравшимся, что, хотя и нарушила закон, приняв корону, но была неповинна в дурных намерениях. Затем Джейн прочла 50-й псалом «Помилуй мя, Боже» и распустила волосы, позаботившись, чтобы они не падали ей на шею. «Молю вас покончить со мною скорее», — обратилась Джейн к палачу. Преклонив колени, она спросила его:

— Вы ведь не отрубите мне голову прежде, чем я положу ее на плаху?

— Нет, мадам.

Завязав глаза платком, Джейн попыталась нащупать плаху.

— Что мне теперь делать? Где она?

Один из свидетелей помог девушке, и она склонила голову. Ее муж, отец и дяди также были обезглавлены.

Оставался еще один человек, которому, несмотря на все подозрения, удалось избежать наказания. Ожидая развития событий, принцесса Елизавета находилась в безопасности в поместье Эшридж-Хаус, графство Хартфордшир. Стало ясно, что восстание Уайетта было задумано с целью возведения Елизаветы на престол вместо ее сестры, впрочем, доказательства участия принцессы

в заговоре отсутствовали. Личных слуг Елизаветы допросили в Тауэре под угрозой повешения. Сама Елизавета сослалась на болезнь, но ее тоже вызвали в Лондон и уже 18 февраля доставили в столицу в паланкине. В знак своей невинности принцесса проследовала по улицам города вся в белом; по описанию испанского посла, ее бледное лицо «было исполнено гордости, высокомерия и презрения». Посол, равно как и его господин, настаивали на казни Елизаветы. По всему Лондону разлетелись сенсационные новости о чудесном голосе, раздававшемся из крепостной стены. Когда кричали «Боже, храни королеву», ответа не было; но стоило лишь воскликнуть «Боже, храни леди Елизавету», как в ответ звучало «Да будет так». Легковерность толпы поистине не имеет пределов. Естественно, «чудо» объяснялось всего лишь проделками служанки.

Королева отказалась увидеться со своей сестрой, и Елизавете предоставили покои во дворце Уайтхолл, где она находилась под пристальным наблюдением. Принцесса провела в заключении несколько недель, а в начале апреля ее допросил королевский тайный совет. Советники обвинили Елизавету в пособничестве мятежникам, но она с негодованием отвергла это заявление,

упорно продолжая все отрицать. В конце концов советники решили, что ее следует перевести из Уайтхолла в Тауэр, и, когда принцессе об этом объявили, она впала «в глубокую скорбь». Несложно понять причины такого отчаяния. Ее мать была заключена в Тауэр незадолго до своей казни, да и саму принцессу вполне могла постигнуть та же участь. Попросив об отсрочке, Елизавета написала королеве письмо, в котором сетовала на судьбу: «Кажется, мое положение таково, что я признана виновной без ответа и достоверных доказательств, ибо без каких-либо четких оснований Совет Ваш по Вашему же повелению приказывает перевести меня в Тауэр, место более привычное для невинно осужденных изменников, нежели для верноподданных». Далее она заявляла, что «никогда не предпринимала, не советовала и не одобряла такого дела, которое могло бы причинить Вам какой бы то ни было вред».

На письмо Мария не ответила. «Что ж, в таком случае, — по слухам, проговорила Елизавета, — если нет другого выхода, то мне остается смириться». Ее доставили в Тауэр на барже и высадили на берег у подъемного моста. «Вот ступает на берег верноподданный, — объявила она конвою

и тюремным надзирателям, — верноподданный, преданнее которого еще ни один арестант не всходил по этим ступеням». В тот день лил невероятно сильный дождь, и Елизавета, охваченная унынием, присела на близлежащий камень.

— Мадам, — обратился к ней лейтенант Тауэра, — вам лучше укрыться от дождя; сидеть здесь вредно для вашего здоровья.

— Лучше сидеть здесь, нежели в месте еще более страшном, ибо, видит Бог, я не представляю, что ждет меня.

Елизавету под конвоем провели в крепость, запирая все двери за ее спиной. Она не могла быть уверена, что когда-нибудь снова окажется на свободе. Позднее в разговоре с французским послом она признавалась, что от отчаяния хотела написать своей сестре с просьбой, чтобы ее, как и мать, обезглавили мечом, а не топором. Однако вскоре для Елизаветы были сделаны некоторые послабления; к середине апреля ей позволили гулять в «преддверии» здания тюрьмы, наслаждаясь садом Тауэра. Впереди нее всегда шли два стражника, а еще двое — позади. Тем временем другим заключенным было приказано «даже глаз не поднимать в том направлении, в котором находится ее светлость».

Через пять дней после заключения в Тауэр Елизавету еще раз допросили. Как она связана с Уайеттом и прочими мятежниками? Получала ли она от них письма или сообщения? Принцесса отвечала отрицательно, утверждая, что не знала ни о мятежниках, ни о том, что они делали. Объявив себя невиновной, она потребовала предъявить доказательства своей измены. Доказательств не было. «Милорды, — сказала принцесса, — вы в самом деле очень пристально за мной следите». Елизавета продолжала держать себя с властным спокойствием; опасность научила ее лицемерию и изворотливости.

18 мая принцессу освободили из Тауэра и отправили в Вудсток, графство Окфордшир, под надзор сэра Генри Бедингфилда. Говорят, что одним из своих бриллиантов она процарапала на оконном стекле особняка следующие строки:

Есть подозрения одни,
Нет доказательств у них.
Елизавета, узница темницы[54].

И она оставалась узницей. На холме, с которого

[54] Примечания: 54
Much suspected by me, / Nothing proved can be. / *Quod* Elizabeth the prisoner.

открывался вид на поместье, расположился отряд солдат, и никто не мог попасть на территорию без разрешения сэра Бедингфилда.

20 июля Филипп высадился в Саутгемптоне. Ступив на английскую землю, он немедленно обнажил меч и нес его в руке; это посчитали дурным предзнаменованием. У себя на родине Филипп привык к солнцу, однако Англия встретила его грозовыми ливнями, которые длились несколько дней; многие из его свиты простудились. Через три дня после прибытия Филиппа встретили у входа в Винчестерский собор и провели в епископский дворец; сразу после ужина его приняла королева, и «каждый из них радостно улыбался другому, к великому удовлетворению и ликованию окружающих». Мария понимала испанскую речь на слух, но сама говорить не могла. В тот вечер перед собранием придворных Филипп говорил по-английски первый, и последний, раз. Филипп должен был сказать: «Доброй ночи, господа!» (*Good night, my lords all*), но смог из себя выдавить лишь: «Добры но» (*God ni hit*). Вероятнее всего, что между собой Мария и Филипп разговаривали по-французски. Королева не слишком впечатлила испанцев; по словам одного из них, Мария «оказалась значительно старше, чем нам

давали понять»; она была небольшого роста, а ее стройность граничила с худобой. В свои двадцать семь Филипп был на одиннадцать лет младше.

25 июля они сочетались браком в Винчестерском соборе, и герольды объявили их королем и королевой Англии, Франции, Неаполя, Иерусалима и Ирландии. Отец пожаловал Филиппу неаполитанскую корону буквально за день до венчания, чтобы королева Англии не сомневалась, что выходит замуж за равного. В ходе торжественной мессы все обратили внимание, что взгляд королевы прикован к усыпанному драгоценными камнями распятию. На свадебном пиру, к неудовольствию испанской свиты, Марии подносили кушанья на золотых тарелках, тогда как Филиппу приходилось довольствоваться серебряными. Во дворцах Мария всегда останавливалась в покоях, предназначенных для короля, а Филипп — в комнатах королевы-супруги. Положение его выглядело довольно неоднозначно. Он не был коронован и не мог никому оказывать покровительство на английской территории; ему не позволялось назначать своих людей на какие-либо посты, а королева никогда не передавала ему своих полномочий.

18 августа королевская чета проехала по Лон-

дону, сопровождаемая уважительным, хотя и несколько умеренным гулом ликования. В проповеди на Полс-Кросс Стивен Гардинер призвал горожан «вести себя достойно», чтобы Филипп «мог отныне оставаться с нами». Вскоре после этого по улицам города проехали двадцать возов с испанским золотом.

Однако все богатства мира не смогли бы унять страх и развеять подозрения горожан. Ходили слухи, что в страну вторгнется громадная испанская армия, а церкви захватят испанские монахи. Люди боялись, что Англия больше не будет независимым государством. Как отметил один хронист, «англичане столь дурны и столь мало боятся Бога, что обращаются с монахами поистине бессовестно, и те несчастные не решаются даже покинуть свои жилища… Толпа пыталась сорвать плащи со спины дона Педро и его племянника дона Антонио, спрашивая, зачем они носят кресты, и глумясь над ними». Религия вкупе с ненавистью к иностранцам образовали взрывоопасную смесь.

Испанцы, в свою очередь, относились к англичанам с презрением. Здесь будет уместно рассмотреть общее представление о нации, которую французский посол именовал не иначе как

«этот мерзкий остров». Считалось, что женщины довольно красивы, а мужчины имеют приятную внешность и здоровый румянец. Язык англичан находили грубым, но чего еще можно ожидать от людей, живущих на краю света? По большому счету они просто варвары. Бранились англичане столь неистово, что поражали иностранцев; даже дети ругались последними словами. Свой излюбленный напиток, «двойное пиво», по крепости напоминавшее виски, люди потребляли в огромном количестве, после чего теряли человеческий облик. Возможно, именно пиво способствовало возникновению обильной отрыжки, ставшей для всех англичан того времени своеобразным видом спорта; каждый прием пищи завершался отрыжечным состязанием. Обедать садились в любое время с десяти часов утра до полудня, а ужинали обычно в шесть вечера.

И что же ели эти варвары? Испанская знать и сам Филипп были поражены разнообразием пищи. «Эти англичане строят дома из палок и глины, но питаются обыкновенно не хуже короля». В пищу употребляли огромные говяжьи голени, баранину и телятину, ягнятину и свинину; ели соленое мясо дикого кабана, бекон, пироги с фруктовой начинкой и всевозможное мясо птицы.

Однако далеко не все могли позволить себе так питаться, и бедняки, вероятно, могли позволить себе лишь «белое мясо» молочного скота, такое как масло и сыр, а также фасоль, горох, лук и чеснок.

В описаниях испанских гостей их хозяева представали «белокожими, румяными и вздорными». То был жестокий мир, где каждый имел при себе оружие. Англичане отличались вспыльчивым нравом. Не годились ни на что, кроме как есть и пить; танцы их представляли собой сплошные «шаги и прискоки с самодовольным видом»; женщины «непрестанно злословили»; все они были настоящие разбойники. С местным населением испанские придворные вели себя «словно со зверьми, которых стараются не замечать». Драки и скандалы случались не только на улицах, но даже в залах Уайтхолла. В одном из таких уличных боев участвовало пятьсот англичан; в результате шестеро погибли, а еще три дюжины получили тяжелые ранения. Нередко происходили и более невинные случаи взаимного недопонимания. Когда королеву посетила герцогиня Альба, ни одна из них не хотела позволить другой занять более низкое место; затейливый обмен любезностями завершился тем, что обе сидели на полу.

Осенью того года казалось возможным и даже весьма вероятным, что вскоре должен созреть плод королевского брака. Королева решила, что зачала, и доктора поддержали ее в этом предположении. Если бы это действительно было правдой, то все текущие проблемы Марии, включая отношение народа к ее мужу, нашли бы свое решение. По всем церквям страны пели гимн «Тебя, Бога, хвалим» и возносили молитвы за благополучное появление на свет наследника престола. Конечно, некоторых перспектива прихода к власти очередного монарха-католика приводила в ужас. К воротам дворца Уайтхолл кто-то приколотил листок со следующими словами: «Неужели вы, благородные англичане, окажетесь такими глупцами, чтобы поверить, что наша королева носит в себе плод? И от кого могла бы она зачать, если не от макаки или пса?» Страна замерла в ожидании.

23. Вера отцов наших

Подавление восстания Уайетта и последовавший за этим приезд Филиппа придали королеве уверенность. Темпы религиозной реформы — или, скорее, возвращения к прежней религии — усилились. Мессу праздновали во всем королевстве. В 1554 году, в праздник Входа Господня в Иерусалим, ладони во время шествия опять держали над головой, и церемония «поклонения Кресту» была возобновлена в Великую пятницу; древний обряд воскресения был проведен в Пасхальное воскресенье. Цитаты из Священного Писания, занявшие некогда место образов и картин, были стерты или покрыты известкой. В соборе Святого Павла хор поднялся в башню для пения гимнов, возродив давно ушедшую в небытие традицию. Епископ Лондонский Эдмунд Боннер постановил, что в числе инструментов отправления обрядов каждая церковь в городе должна иметь «крест с подсвечниками, крест для мертвых, фимиам, сосуд для благовоний, небольшой колокол для звона во время четвертой части мессы…». Следовало иметь высокий алтарь с

облачениями и завесами. Епископ спросил, были ли случаи, когда члены конгрегации опускали голову, прятались за колонны или даже покидали церковь во время возношения Святых Даров. Позднее была возвращена и церковная музыка.

Некоторые люди стали жертвами этих изменений. Женатые священники были лишены средств к существованию. Викарий Уинби в Йоркшире предстал перед своей конгрегацией в стихаре и с зажженной свечой в руках. «Повелители мои, — начал он, — я был под действием обмана и искушения, полагая, что могу вступить в законный брак…» Затем он начал просить о прощении. Из двадцати двух епископов эдвардианского режима лишь семеро не изменили своим взглядам. Реформаторы Кранмер, Ридли и Латимер были высланы в Оксфорд, чтобы держать ответ перед епископами и духовенством конвокации. Из Тауэра, что служил местом их заточения, они были отправлены в Бокардо. То была оксфордская тюрьма в сторожевой башне у северных городских ворот. Королева питала особую неприязнь к архиепископу Кранмеру, который некогда приложил руку к низвержению ее матери. Боннер с издевкой называл его «господин Кентерберийский».

Над ними состоялся суд перед комиссией конвокации, который можно было назвать показательным. Когда Кранмер отвечал на вопросы о пресуществлении, его речь пытались заглушить, дабы она не была вообще никому слышна; его сочли «необразованным», «неумелым» и «дерзким».

Ридли был вызван для допроса на следующий день. «Вы можете видеть, сколь упрям, тщеславен, хитер и непостоянен этот человек, — заключил инквизитор, — но очевидно и то, что сила истины непоколебима. Так провозгласите же вместе со мной торжество истины!» Духовенство ответило единодушно. Весь допрос Ридли сопровождался «полным беспорядком, постоянными криками, провокациями и упреками», ввиду чего духовное учреждение напоминало базар.

Когда в зал суда вошел Латимер, ему, престарелому и хрупкому, было разрешено присесть. Он имел при себе трость; на груди лежало пенсне на веревочке. Суд объявил его еретиком, и он не стал противиться своей участи, посчитав ее способом прославления Господа. «Если, имея такую веру, ты войдешь в рай, — сказал ему один из допрашивающих, — то мне никогда туда не попасть».

Порядка восьмисот протестантов бежали в

центры европейского протестантизма; в их числе было много клириков и ученых из университетов. Вдовствующая герцогиня Суффолк уехала вместе с многочисленной прислугой, включая прачку и шута. В городах вроде Франкфурта и Цюриха были основаны восемь английских коммун, из которых струился поток памфлетов, проклинающих Марию и ее режим. Изгнанники, вполне естественно, надеялись на убиение идолопоклонницы. Она была королевой зла. Самих себя они считали притесненным меньшинством, небольшой группой сохранивших веру, над которой нависла нескончаемая тень преследования. Образ этот просуществовал долго и способствовал формированию идеологии более строгой формы кальвинизма. Анонимный автор «Смиренной мольбы к Господу» считал, что в возвращении папства повинны «неблагодарность и греховная жизнь» Англии. Более долговременным наследием религиозных беженцев стала Женевская Библия, которая была предметом непреходящего почитания Шекспира. В более свободное правление королевы Елизаветы один епископ вспоминал годы изгнания с большой нежностью: «О, Цюрих, Цюрих! Я думаю о Цюрихе в Англии больше, чем я когда-либо думал об Англии, бу-

дучи в Цюрихе».

Зимой 1554 года в Англию прибыл клирик совершенно другой породы. Реджинальд Поул, кардинал и папский легат, возвращался на родину из двадцатидвухлетнего изгнания. Вернулся он в воодушевлении и с праведным намерением вернуть свою страну под крыло Рима. Англия все еще пребывала под папским интердиктом, вероятно подвергавшим все население риску вечных мук. Семья Поула была казнена по приказу Генриха VIII; его мать, Маргарет Поул, обезглавлена, испытав перед смертью ужасные муки. Он считал себя сыном мученицы. Человеком он был серьезным и благочестивым, степенным и честным.

В один из последних ноябрьских дней его баркас с огромным серебряным крестом на носу прошел под Лондонским мостом, направляясь во дворец Уайтхолл. Там его встретил объятиями Филипп; сама королева ожидала на верху главной лестницы. Когда кардинал Поул поднялся к ней, она бросилась ему на грудь. «Ваше появление, — молвила она, — для меня столь же отрадно, сколь и обладание моим королевством». Он ответил ей по-латыни, словами, с коими архангел Гавриил обратился к Богородице: *Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum, benedicta tu in*

mulieribus — «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». И тогда королева почувствовала шевеление ребенка в ее чреве. То был момент благословения.

Четыре дня спустя члены палаты лордов и палаты общин собрались в Главном зале Уайтхолла, где кардинал, находящийся по правую руку от королевы, выступил с обращением к ним. Присутствующие заметили, что королева пытается очень четко обозначить факт своей предполагаемой беременности. Поул объявил парламенту, что пришел возвратить ключи от рая с тем условием, что все законы, направленные против папства, будут упразднены. «Я пришел не проклясть, — сказал он, — но примирить. Я пришел не принудить, но возвратить». Было видно, как некоторые плакали. Когда члены палаты лордов и палаты общин собрались в Вестминстере на следующий день, было решено подчиниться; этот вердикт не поддержали лишь два депутата. Тем самым был положен конец схизме двух правлений.

30 ноября, в День святого Андрея, кардинал восседал на возвышении в верхнем конце Вестминстерского холла. Когда он поднялся на ноги, Мария и Филипп преклонили колени; то же самое

сделали все собравшиеся. Властью, данной ему Иисусом Христом и святейшим владыкой папой Юлием III, он начал освобождать «все сие королевство и владения его от всей ереси и схизмы, и от любых предубеждений, хулы и боли, ими порожденных; и мы возвращаем вас под единство нашей Святой Матери Церкви во имя Отца, Сына и Святого Духа».

Было слышно, как рыдает королева. Осуществилась самая значительная и священная цель ее жизни. Многие в зале восклицали: «Аминь, аминь!» — и тоже не могли сдержать слезы. Некоторые члены правительства, рыдая, бросились в объятия друг друга. Они медленно перешли в часовню, где хор исполнял гимн *Te Deum*. Когда эта новость дошла до Рима, был произведен выстрел из пушки замка Святого Ангела. На написанном в тот год портрете королевы ее шею украшает большой Т-образный (антониевский) крест на жемчужном ожерелье; с талии свисает реликварий из эмали, украшенный эмблемами четырех евангелистов. Она любила украшения. Но это было украшение-послание.

Важнейшей своей целью Поул видел восстановление порядка в ослабевшей вере. Он пытался наладить финансы церкви; назначил двадцать

епископов; основал семинарии для обучения молодых священников. Он много лет прожил в Риме и потому желал верховенства папы. Члены двух палат парламента, однако, уже ушли от этого. Сие было неосуществимо. Поул хотел вернуть монастырские земли, экспроприированные во время правления Генриха, однако осуществлению этой цели мешало слишком много интересов. Какой лорд или дворянин согласится отказаться от земель, находящихся в его владении вот уже тридцать лет? Императорский посол отмечал, что, так или иначе, «католики имеют больше церковного имущества, чем еретики».

После завершения торжественной церемонии отпущения грехов парламент перешел к решению вопроса о церковных землях. Закон гласил, что земли эти всегда являлись предметом статутного права и что никакие другие инстанции не могли вмешиваться в управление ими. В адрес папы было направлено заявление с просьбой разрешить оставить такие земли светским владельцам. При том же парламенте Стивен Гардинер преуспел в проведении своего «Восстановления законов о ереси», так был вновь введен в действие средневековый статут *de heretico comburendo* — о сожжении еретиков.

К жизни вернулись и другие элементы католичества. Картузианские монахи были высланы в Шин, в то время как бенедиктинцев возвратили в Вестминстер; доминиканцы воссоединились в госпитале Святого Варфоломея в Смитфилде, а францисканцы в Гринвиче. Бригиттинки, многие из которых пересекли Ла-Манш во время правления Генриха, вернулись обратно в Сион.

Однако возрожденное при Марии католичество не восстановило былое вероисповедание в полном объеме. Исполнение мессы было для королевы единственным важнейшим элементом вероисповедания, которому подчинялись все остальные. Единственной усыпальницей, которую следовало реставрировать, была усыпальница Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве, и в годы своего правления Мария ни разу не принимала участия в паломничестве. К святому Томасу Бекету (Фоме Кентерберийскому) и Богоматери Уолсингемской относились без почтения. Некоторые из знакомых традиций так же негласно игнорировались. Интерес к святым или Богоматери был весьма скудным. Мало говорилось о хождении по мукам. Мария оставалась верховным главой церкви Англии, в то время как доктрина верховенства папы римского под-

держивалась лишь на словах. Отмечалось, что в то время практически половина населения не достигла двадцатилетия и поэтому никогда не находилась под властью папы. Такое господство попросту не могло быть установлено еще раз.

Важность Священного Писания была вновь подтверждена явным отхождением от практики средневекового католичества; кардинал, например, поручил выполнить перевод Нового Завета на английский язык. Была признана сила молитвы и созвана группа проповедников для опровержения ошибок протестантской веры. Двадцатитысячная толпа пришла слушать Спиталфилдские проповеди, читавшиеся с кафедры в Спиталфилдсе в течение Пасхальной недели. Епископ Боннер помогал проповедникам, отредактировав набор предписаний под названием «Выгодное и необходимое учение» и составив тринадцать типовых проповедей. Делалось все, чтобы вновь познакомить жителей Англии с их старой религией, лишившейся теперь наиболее явных своих суеверий. В целом можно сказать, что Мария старалась воссоздать католическую веру, существовавшую в стране в конце правления Генриха VIII, и что она истинно продолжала работу своего отца.

Сходным образом были воскрешены торжества и церемонии времен его царствования. Вновь обрели популярность гулянья в День Святой Троицы, Пахотный понедельник[55], а также понедельник и вторник через неделю после Пасхи; в честь многих духовных праздников на улицах Лондона можно было увидеть пышные церковные процессии. В праздник Тела Господня 1555 года церковное шествие вдоль Уайтхолла возглавлял епископ Боннер, несший Святые Дары; множество людей «преклоняли колена, плакали и благодарили Господа». Майские игры, имевшие место в том же году в Вестминстере, были посвящены «великанам, мавританским копьям, оружию, и барабанам, и чертям, и трем танцам моррис[56], волынкам и виолам; много было людей в костюмах, и леди мая изящно ехала верхом

---

[55] Примечания: 55

Пахотный понедельник — первый понедельник после Крещения, символическое начало пахоты. Отмечался на севере и востоке Англии.

[56] Примечания: 56

Моррис — народный театрализованный танец, исполняемый в ходе майских празднеств. Люди в средневековых костюмах с колокольчиками и трещотками изображают сказочных и легендарных героев, например Робин Гуда. Название восходит к слову Moorish — мавританский.

вместе с менестрелями». «Князь беспорядка»[57] также вернулся «со своими советниками и прочими разными помощниками; был тут диавол, кричащий об огне, и некто похожий на Смерть со стрелой в руке». Так запечатлел это событие в дневнике житель Лондона Генри Мэйчин.

Однако не все были довольны. В самом начале 1555 года, спустя две недели после принятия парламентом Закона о ереси, было разогнано тайное собрание мужчин и женщин, что собрались на кладбище церкви Боу для отправления службы на английском языке и читали молитвы вроде «Отвади, Господи, королеву Марию от идолопоклонства, или укороти дни ее». Начались преследования.

Первым, кому было суждено умереть в ходе организованной Марией кампании, стал Джон Роджерс, каноник собора Святого Павла, который читал проповеди против католической реакции у креста на соборном кладбище. Именно его выбрали с целью «сделать первый шаг». Его увезли из Ньюгейта в Смитфилд, и в ходе своего последнего путешествия он увиделся с женой и

[57] Примечания: 57

«Князем беспорядков», или «владыкой буянов» (*англ.* the Lord of Misrule), во время рождественских игр в Англии называли главу этих увеселений, то есть временного руководителя.

десятью детьми, которые встретили его счастливыми возгласами, будто он ехал на банкет. Встретившиеся ему на пути люди подбадривали его. Когда Роджерса привязывали к столбу, ему предложили помилование за публичное отречение от своих взглядов. Однако он отказался. Был зажжен огонь. Казалось, что он не страдал, но купал руки в огне, «будто бы это была холодная вода». Настало время сожжений.

Одной из ранних жертв стал Джон Хупер, епископ Глостерский. Его везли из Ньюгейта с мешком на голове, затем конвой передал его в его епископство, где 9 февраля он был привязан к столбу. Страдания его были очень сильными, поскольку связки молодого хвороста горели крайне медленно; огонь достиг лишь его ног и нижней части тела; когда он погас, епископ вскрикнул: «Ради Господней любви, добрые люди, дайте мне больше огня!» — после чего зажгли более интенсивное пламя. Очевидец писал, что «он молотил себя руками в грудь, пока одна рука не отвалилась; он продолжил колотить другой рукой, пока из кончиков пальцев не потекли жир, вода и кровь…» Его муки длились еще примерно три четверти часа, и в конце концов он «расстался с жизнью тихо, словно ребенок в своей

колыбели».

В тот же самый день ткач, мясник, цирюльник, священник, дворянин и подмастерье были приговорены к сожжению епископом Боннером по обвинению в непринятии доктрины пресуществления. В скором времени тюрьмы Лондона заполнились и другими кандидатами на мученичество. После признания священника виновным в еретичестве его ноги были сломаны железом, поэтому к столбу его пришлость привязать на стуле. Фокс в воспоминаниях о сожжениях времен правления Марии утверждает, что «когда его сжигали, он сидел, объятый огнем, маленькие дети подбегали и вскрикивали — настолько хорошо, насколько они могли говорить в своем возрасте: „Господи, даруй силы Твоему слуге и сдержи Свое обещание, Господи, даруй силы Твоему слуге и сдержи Свое обещание“».

За северными воротами Честера был сожжен молодой мужчина. Ему на макушку поставили банку дегтя и смолы, и, когда пламя достигло ее, горючая смесь потекла по его лицу. В Боу в одном огне были сожжены одиннадцать мужчин и две женщины; в то же самое время огню были преданы десятеро в Льюисе. Томас Хоукс, глядя смерти в глаза, сказал своим друзьям, что, если

терпеть огонь будет возможно, он покажет это, подняв руки. Он трижды хлопнул в ладоши в огне перед тем, как ушел из жизни. Когда было зажжено пламя в Джесус-Грин, Кембридж, огонь поддерживали с помощью книг. Одной из них была книга о причастии на английском языке, и страдающий в огне поднял ее и читал до тех пор, пока дым и пламя не заволокли страницу. Другая жертва, по воспоминаниям, «сладко спала» в огне. Когда доктор богословия шел к столбу, он внезапно начал танцевать.

— Что это с вами, господин доктор? — спросил его шериф. — Как вы себя чувствуете?

— Ну, господин шериф, я никогда не чувствовал себя лучше, ведь я почти дома. Мне осталось пройти две ступеньки, и я уже сейчас в доме моего Отца.

Можно описать способ казни. В землю всаживался большой кол или столб, к которому вела лестница или планка. Жертву ставили на планку таким образом, чтобы его или ее было видно толпе; мужчин раздевали и оставляли в рубахах, женщин — в сорочках. Затем жертву приковывали к столбу цепями, оставляя свободными руки. Вокруг столба ставили связки древесины и хвороста. Порой было непросто разжечь пламя или

контролировать его. Древесина могла быть слишком сырой, а ветер — дуть не в нужную сторону. Друзья жертв иногда привязывали небольшие кулечки с порохом к их шее, но случалось, что взрыв был слишком слабым, и это лишь усугубляло их страдания.

Очень часто жертвы перед казнью молились или пели. Они преклоняли колени и падали ниц перед столбом. Потом многие целовали столб или разложенные связки древесины. Присутствующие при сожжении не всегда или не обязательно сочувствовали приговоренным. Во многих случаях жертву забрасывали кусками дерева или камнями. Когда один мужчина, умирая, запел псалом, его оглушили ударом по голове. «Ей-богу, — обходительно обратился религиозный комиссар к ударившему, — вы испортили старую добрую песню». Количество уличных торговцев было не сосчитать, и на сожжении в Дартфорде «появились всевозможные продавцы фруктов с лошадьми, навьюченными вишней, и продавали свой товар». Любой принесший вязанку хвороста в огонь получал сорокадневную «индульгенцию» от мук чистилища, поэтому родители отправляли своих отпрысков с топливом для костра.

Стивен Гардинер считал, что нескольких

сожжений будет достаточно и что жестокий пример побудит еретиков проявлять осторожность и хранить молчание. Но его оптимизм оказался преждевременным. Непоколебимость мучеников и открытое сочувствие многих присутствовавших на сожжениях тревожили его. Говорилось, что одно сожжение стоило больше ста проповедей против папства. Вероятно, некоторые попытки остановить череду убиений он предпринимал, но было уже слишком поздно. Кампания террора, возможно, принесла плоды; иногда предполагается, что своим постепенным свертыванием она обязана растущему общественному сопротивлению. Однако наиболее вероятная причина — сокращение численности самих еретиков.

Королева и кардинал Поул в особенности не видели никакой необходимости отменять казни. Еретики были дыханием ада, тлетворной опасностью для благополучия государства. Любой совращенный еретиками будет проклят навеки. В пасторальном письме в Лондон Поул писал, что «нет людей более вредоносных для общественного благосостояния, чем они». Королева считала их виновными в государственной измене и подстрекательствах к мятежу — двух величай-

ших преступлениях, ей известных. Зараженный баран может заразить все стадо. Она не была одинока в этом убеждении. Великий реформатор Кальвин утверждал, что истребление проповедников ложных богов есть долг христианина; так, он организовал сожжение испанского теолога Сервета[58] за его отрицание Троицы. Кранмер восторженно отнесся к сожжению анабаптистки Джоан Бочер. Поэтому никто на самом деле не сомневался в важности сожжений. Под вопрос ставилась лишь их пригодность для выбитого из колеи общества.

За четыре года публичных сожжений были погублены почти триста мужчин и женщин; в подавляющем большинстве случаев сожжения происходили на юго-востоке Англии, который когда-то наиболее благоприятно воспринял религиозную реформу. При содействии епископа Боннера были уничтожены сто двенадцать жителей Лондона, в то время как в Йоркшире был сожжен лишь один мужчина. Этот факт может свидетельствовать о распространенности новой веры на севере Англии, но вместе с тем и отражать нежелание властей подвергать людей

[58] Примечания: 58

Сервет Мигель (1511–1553) — испанский богослов, естествоиспытатель и врач. Первым в Европе описал малый круг кровообращения.

гонениям и смерти. Большинство пострадавших были ремесленниками и торговцами, независимыми работниками общества.

Важнейший вопрос, который задавали им дознаватели, был таков: «Что для вас таинство алтаря?» Если они не верили в то, что Тело и Кровь Христа физически и духовно присутствовали в хлебе и вине, они обвинялись в ереси. Епископ Боннер выносил приговор фразой «Поскольку ты, должно быть, один из них». На что узник отвечал: «Да, милорд, *я есть один из них*». Другой мужчина вызывающе произнес: «Мысль свободна, милорд». Появилось распоряжение о том, что наиболее строптивых можно подвергнуть пыткам. За три месяца до своей смерти королева отправила шерифу Хэмпшира жалобу, обвинив его в том, что он отменил сожжение мужчины, который отрекся от своих взглядов, когда его коснулся первый язык пламени. Так она получила прозвище Мария Кровавая.

В труде «Книга мучеников» Джон Фокс создал историю страданий, которой было суждено на несколько веков стать протестантской народной легендой сразу после публикации в 1563 году; автор изобразил ряд драматических ситуаций, в которых злостные священники и притворщики

уничтожали приверженцев истинной религии. Тем не менее эти мученики не всегда были единоверцами; были среди них те, кто отрицал божественность Христа, и те, кто осуждал практику крещения младенцев, и те, кто ставил под сомнение доктрину Троицы. Когда их заточили в одну и ту же тюрьму, они постоянно отказывались молиться все вместе. Следует вскользь упомянуть о том, что в правление Елизаветы около двухсот католиков подверглись удушению или вспарыванию живота. Многие из погибших были бы сожжены в рамках религиозной политики Генриха VIII.

Тем не менее книга Фокса, по существу, демонизировала католицизм в Англии второй половины XVI века; после этого периода он всегда будет связываться с пламенем костров.

24. Беспокойное время

Мария не была беременна в момент благословения кардинала. Плоду чрева ее не суждено было жить. В апреле 1555 года Елизавета была вызвана из Вудстока в Уайтхолл, чтобы наследник предполагаемый мог присутствовать при рождении наследника законного, и была препровождена туда под строгой охраной. Это было разумной мерой предосторожности на тот случай, если королева умрет при родах. Филипп посетил принцессу спустя два или три дня после ее прибытия, и докладывалось, что впоследствии он просил свою жену смиловаться над сестрой. Король преподнес Елизавете бриллиант стоимостью четыре тысячи дукатов[59]. Позднее Елизавета утверждала, что Филипп влюбился в нее, однако наиболее вероятным мотивом этого поступка являлась его боязнь за собственную безопасность в случае смерти жены. Люди могли поднять против него восстание.

Мария была нездорова. Венецианский посол

[59] Примечания: 59

Дукат — полновесная золотая монета большинства европейских стран. Вес дуката равнялся 3,5 г. Монета чеканилась из золота 986-й пробы.

сообщал, что «у нее некрепкий организм, и в последнее время она страдает от головных, а также сильных сердечных болей, ввиду чего ей показаны регулярный прием медикаментов и кровопускания. Она на очень строгой диете». Он докладывал, что некий молодой человек провозгласил себя истинным Эдуардом VI, таким образом «вызвав волнения среди простого народа»; его прилюдно выпороли, а уши отрезали, однако это происшествие не прибавило королеве спокойствия. В воздухе витали волнения. Любую толпу, собравшуюся на улицах Лондона, разгоняли. Лето того года выдалось холодным и дождливым; урожай погиб, а поля превратились в грязь. Для XVI века это было стихийным бедствием. Цены на товары первой необходимости взлетели в два, а то и в три раза. Народу грозила гибель от голода.

Счастливый момент рождения наследника должен был настать в конце апреля. Мария удалилась в Хэмптон-Корт — обитель относительного покоя. Звенели колокола, в соборе Святого Павла исполнялся гимн *Te Deum*… Ничего не происходило. Мария все же пыталась держаться уверенно и утверждала, что ощущает шевеление младенца. Священники и мальчики-певчие продолжали

шествия по улицам Лондона, вслед за ними шли бедные мужчины и женщины из домов призрения, перебиравшие четки и читавшие молитвы от лица своего господина. Святые Дары были торжественно пронесены по улице Чипсайд в свете горящей свечи. И все же молитвы были тщетны. Ребенку не суждено было родиться. Мария пробыла в затворничестве весь май; в полном отчаянии сидела она на полу, обняв колени.

Она плакала и молилась. Она была уверена, что Господь наказал ее. В чем же был ее грех? Ей не удалось уничтожить всех еретиков в королевстве; чудовище схизмы до сих пор было живо. Она утвердилась во мнении о том, что не родит ребенка, пока не будут сожжены все еретики, заключенные в темницы. 24 мая она направила епископам циркуляр, призывая их проявить еще большую скорость и прилежание в преследовании «не соблюдающих порядка личностей». Сожжение еретиков может вернуть ей способность родить.

Государственные дела были под угрозой. Императорский посол докладывал императору: «Предвижу конвульсии и волнения, кои не описать пером». Он повторил слухи о том, что Мария никогда не была беременна или — что нанес-

ло бы еще больший ущерб — что подходящий новорожденный мальчик будет принесен в ее спальню. Циркулировали страхи о том, что королева бесплодна и никогда не произведет на свет наследника. Возможно, мнимую беременность спровоцировала киста или опухоль; в этом случае ее положение могло оказаться смертельно опасным[60].

Елизавета была вызвана из Вудстока в Хэмптон-Корт, где, к огромному неудовольствию королевы, придворные преклонили перед ней колена и поцеловали руку. На Елизавету было оказано давление с целью заставить ее просить прощения сестры, однако она не признала за собой преступлений. Неделю спустя две женщины встретились впервые за почти два года. Два летописца — Фокс и Холиншед — оставили свидетельства об этой встрече.

— Ты отказываешься сознаться, — сказала ей королева, — ты защищаешь свою правду. Я молю Господа, чтобы так и случилось.

— А если же нет, — ответила Елизавета, — не желаю ни милости, ни прощения из рук твоих.

Королева спросила Елизавету, собиралась ли та

---

[60] Примечания: 60

По меркам Средневековья королева уже давно покинула возраст деторождения. В феврале 1555 г. ей исполнилось 39 лет.

распространять сообщения о своем незаконном заточении в Тауэре и Вудстоке. Елизавета отвергла любые подобные намерения.

— Я заслужила эту ношу, — сказала она, — мне ее и нести.

Королева лишь произнесла по-испански *Dios sabe* — «Бог знает». После этого сестра покинула ее. Елизавета осталась на свободе.

Дальнейшее пребывание в Англии было для Филиппа невыносимым: его беспокойная и сломленная супруга потерпела в его глазах полное фиаско. У него не будет сына, который взойдет на престол. «Посоветуйте, — сказал он советнику, — какую позицию следует мне занять в разговоре с королевой относительно моего отъезда от нее и вероисповедания. Я знаю, что должен сказать что-то, но помоги мне Бог!» Необходимость его отъезда стала более острой еще и по той причине, что его отец Карл V принял решение отречься от престола и удалиться в монастырь. Филипп сообщил жене, что покинет ее на две или три недели, но это было ложью. В конце августа они расстались в Гринвиче, поскольку долгое путешествие в Дувр подорвало бы здоровье королевы.

Венецианский посол был на месте неизменно. Королева держала себя в руках, пока провожала

своего супруга через холлы и залы дворца перед его отъездом; она стояла на вершине лестницы, облаченная в королевское великолепное и благородное одеяние, когда он вышел за дверь и направился к реке. Затем она вернулась в свои личные покои с видом на Темзу, где, «думая, что ее никто не видит, дала волю своему горю, не сдерживая потоки слез». Она смотрела, как судно медленно уходит из вида и Филипп снимает шляпу в знак прощания.

Шли недели. Вечера после завершения работы правительства королева проводила за написанием длинных посланий отсутствующему мужу. Он отвечал ей коротко и по делу. Она даже взяла на себя труд написать самому императору, выражая «невероятную печаль, овладевшую мной ввиду отсутствия короля». Еще она, вероятно, получала новости о его беспутстве при императорском дворе в Брюсселе; он предавался трапезам и танцам жизнерадостнее, чем когда-либо в Лондоне. Он посещал мадам д'Алер, красивую женщину, которой был очень очарован. У него были и другие компаньонки. Он наслаждался поглощением гор жирной грудинки, и сообщалось, что его интерес к куртизанкам возрос как никогда.

Осенью 1555 года он принял командование

испанской территорией в Нидерландах и, когда Мария написала ему письмо с просьбой вернуться к ней, ответил, что вернуться в Англию он сможет лишь в том случае, если ему будет отведена роль в ее управлении. Это был, по сути своей, вежливый отказ. Англия стала для него дорогим отвлекающим фактором. Мария призналась, что возвращается к жизни, которую вела до замужества. Сообщали, что она выглядит постаревшей на десять лет.

Опасное положение королевы, конечно, подстегнуло чужое честолюбие. В парламенте наблюдались раскол и неподчинение, и сама королева жаловалась на «многих агрессивных членов оппозиции»; в осенние выборы 1555 года ее предложение о возвращении «мудрых, серьезных и католического склада» людей не было исполнено в полной мере. Парламентских партий или групп в современном смысле слова не существовало, имелась лишь неустойчивая совокупность недовольных лиц. Правительство Марии выдержало еще один удар — в ноябре от «задержки мочи» скончался канцлер Стивен Гардинер. Из своей тюремной камеры архидьякон Винчестерский писал, что «несмотря на то, что василиск мертв, его ядовитые цыплята и вави-

лонская блудница еще живы».

В конце 1555 года был раскрыт вооруженный заговор против королевы. «Я уверен, вы слышали, — доверительно сообщил товарищу сэр Генри Дадли, — что намечается коронация». Под этим он имел в виду слухи, что Мария собирается короновать Филиппа как короля; это обернулось бы ужасной угрозой безопасности и независимости Англии. Такой перспективы было достаточно, чтобы расшевелить западных дворян, которые начали организовывать заговор с целью отправиться на Лондон и передать корону Елизавете; Марию же собирались выпроводить в Брюссель в объятия мужа.

Сэр Генри Дадли внес в план некоторые улучшения: он намеревался привлечь Французское государство. Французский король обещал предоставить денежные средства и корабли, при этом экипажи должны были состоять из западных каперов. Капитан острова Уайт был готов сдать свой остров, и Дадли взял на себя обязательство совершить атаку на Портсмут, где он должен был найти бездействующие пушки. Во время полуночной аудиенции французский король Генрих II передал Дадли внушительную сумму денег и велел ему провести разведку нормандского побе-

режья с целью подготовки к вторжению.

Стены королевского двора имеют уши и глаза. Английский посол в Париже был проинформирован о состоявшемся между Дадли и королем разговоре сразу же после того, как он произошел, и передал Марии эту информацию в зашифрованном виде. Один из заговорщиков, охваченный паническим страхом, выдал совету имена своих сообщников. Они были арестованы и брошены в тюрьму, некоторые подверглись пыткам.

Однако даже казнь заговорщиков не принесла Марии спокойствия. Французский посол, вновь призванный в это напряженное время, сообщал: «Она беспрестанно страшится, что ее жизнь могут отнять ее же приближенные». Она была «совершенно измучена» и видела заговоры на каждом шагу. Уайтхолльский и Гринвичский дворцы кишели вооруженными солдатами. Мария не выходила в свет и ежедневно спала не более трех часов.

Имя Елизаветы было упомянуто заговорщиками Дадли, однако четких доказательств ее участия в мятеже не было; подозрения витали в воздухе. Коннетабль Франции герцог Монморанси написал французскому послу, приказав ему «удержать госпожу Елизавету от каких-

либо действий в деле, о котором вы написали мне, поскольку это все разрушит». Пятеро ее домашних слуг были арестованы, и одного из них признали виновным в государственной измене; позже — помиловали. Принцесса теперь была наследницей престола, и дело с ней следовало вести осторожно. Мария пыталась скрыть свои истинные чувства, однако в личном общении постоянно отзывалась о Елизавете с ненавистью и презрением. Атмосфера еще более омрачалась беспрестанными слухами о том, что Филипп намерен вторгнуться в страну с императорской армией.

В начале мая 1556 года в небе Лондона появилась горящая комета; она была размером с пол-луны и «к удивлению и изумлению людей, извергала пламя». Комета горела в небе следующие семь дней и ночей, знаменуя тем самым великие изменения в мировых делах. Группа из двенадцати мужчин ходила по улицам, предвещая конец света, но поднятый ими переполох был лишь прикрытием для их грабежей. Все более и более многочисленными становились слухи о мятежах и восстаниях.

В то беспокойное время Мария в основном полагалась на поддержку Реджинальда Поула. По его

настоянию самые громкие сожжения правления Марии были совершены в Оксфорде. Три великих епископа Реформации — Ридли, Латимер и Кранмер — были лишены своего сана и подвергнуты унижению. Самому большому позору подвергся архиепископ Кентерберийский. Он был облачен в архиерейские одежды — за тем исключением, что сшиты они были из грубого холста. Когда с несчастного срывали одеяния, епископ Боннер произнес речь. «Этот человек, — объявил он, — презирал папу и теперь папой же судим. Этот человек разрушал церкви и теперь в церкви же судим. Этот человек проклинал таинство и теперь перед таинством же проклят». Один из присутствующих несколько раз дергал Боннера за рукав, умоляя его прекратить издевательства над почтенным старым человеком. Боннер не обращал на эти увещевания никакого внимания. Брадобрей состриг волосы с головы старика, а затем Кранмера силой опустили на колени перед Боннером, который начал царапать кончики пальцев архиепископа, чтобы осквернить руку, которая когда-то проводила таинство елеосвящения. «Теперь, — заявил он, — ты больше не владыка». Кранмеру выдали изношенную рясу и засаленную бюргерскую шляпу, а затем передали

его мирским властям.

Столб для сожжения был установлен во рву у колледжа Баллиол. Ридли и Латимер должны были попрощаться с жизнью первыми.

— О, вы здесь? — воскликнул Ридли, увидев соратника.

— Да, я следую за вами так быстро, как только могу.

Достигнув столба, они оба преклонили колени и поцеловали его. Ридли отдал своим друзьям небольшие подарки, что были при нем, — кусочки имбиря и мускатного ореха, свои часы. Латимеру отдать было нечего; он смиренно стоял, пока с него снимали всю одежду, кроме савана, который был на нем в знак его судьбы. Ридли выдали небольшой мешочек пороха, чтобы привязать к шее.

— Есть ли у вас такой же для моего брата?

— Да, сэр, есть.

— Тогда быстро дайте ему, не то будет поздно.

Они были привязаны на противоположных сторонах, и, когда горящее полено оказалось у ног Ридли, Латимер крикнул ему:

— Будьте покойны, владыка Ридли, и будьте мужчиной. Сегодня мы по благодати Божией зажжем в Англии такую свечу, которую — я в это

верю — будет не загасить.

Эти слова стали, вероятно, самыми знаменитыми во всей истории Реформации, но они могли быть придуманы Джоном Фоксом во втором издании «Книги мучеников». Что было на самом деле, установить невозможно.

Когда языки пламени начали подниматься вверх, Ридли вскрикнул: *In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum* — «В руце Твои, Господи, передаю дух мой». Латимер вскричал: «О Отец Небесный, прими мою душу!» Казалось, что Латимер распростер перед пламенем объятия и «после этого провел руками по лицу, будто бы омыв его огнем, и вскоре умер…» Ридли повезло меньше: огонь горел с недостаточной силой и поднимался очень медленно. В агонии он кричал: «Я не горю! Я не горю! Господи, ниспошли мне милость Твою! Пускай огонь заберет меня! Я не горю!» Накал пламени увеличился, и, когда оно поднялось выше, мешочек с порохом, привязанный к шее Ридли, взорвался. Пришло его время.

Томас Кранмер, в прошлом архиепископ Кентерберийский, наблюдал за сожжением своих сподвижников с башни Бокардо, и был поражен до глубины души. Отмечается, что он пал на колени в слезах. Некоторое время он, вероятно,

плакал по себе самому. Он всегда был предан своему государству; для него оно представляло божественный закон. Разве не следует ему сейчас подчиниться монарху и верховному главе церкви, даже если она желает возвратиться под римскую юрисдикцию? В его сознании верховенство папы римского было невозможным. Не менее неприемлемым было для него неповиновение своему монарху.

Вскоре после сожжения его сподвижников он был переведен из Бокардо в дом декана церкви Христа, где почувствовал себя чуть более вольготно. Там его посещал испанский монах, пытавшийся убедить его в добродетелях католической веры. Он действительно несколько раз публично отрекся из уважения к доводам монаха или из страха мучительной смерти, как вскоре обнаружится. Он написал декларацию, в которой признал папу верховным главой английской церкви; это был его долг перед королевой и парламентом. В другой декларации он утверждал, что верит во все статьи о вере, обнародованные католической церковью; в частности, он принял силу таинств. 18 марта 1556 года, в шестой декларации, он признал себя неугодным грешником, который подвергал гонениям святую церковь

и отобрал у королевства веру истинную. Его декларация стала одним из самых важных религиозных заявлений в королевстве. Говорили, что один лосось стоил тысячи лягушек.

Эти шесть манифестов веры можно было бы счесть достаточными для того, чтобы даровать ему помилование, или, по крайней мере, отсрочить смертную казнь. И все же Кранмер был отцом схизмы Англии, самым энергичным сторонником Реформации. Мария не могла простить ему распространения ереси, равно как не могла забыть гонений на ее мать. 20 марта ему сообщили, что на следующий день состоится его казнь.

В то последнее утро его привели в церковь Святой Марии, где он стоял у кафедры, пока читали направленную против него проповедь. Он выглядел «самим воплощением страдания». Иногда он возводил очи к небесам, иногда вперял взгляд в землю; лицо его было в слезах. Ожидалось, что он произнесет небольшую речь, в которой подтвердит, что принимает истины католической церкви. Он начал с признания себя несчастным грешником, написавшим много богопротивных документов. Присутствующие были уверены: он собирается повторить, что верит в силу таинств. Однако вместо этого он стал раскаиваться в том,

что недавно отказался от своих убеждений, и отрекся от тех шести деклараций, что составил прежде. В аудитории послышались бормотание, затем — выкрики. Он заявил, что написал все это «из страха смерти». Университетскую церковь охватила сумятица, и Кранмеру теперь приходилось кричать, чтобы быть услышанным:

— А что касается папы, я отвергаю его как врага Христова, Антихриста, со всей его лживой доктриной.

Один из присутствующих лордов окликнул его:

— Держи себя в руках и будь христианином.

Однако сдержать Кранмера было невозможно.

— А что касается таинств, моя вера остается такой же, как я описал в книге против епископа Винчестерского!

Иными словами, он не принял католическую доктрину пресуществления.

Его спустили с кафедры и под царящие гвалт и беспорядок поволокли вон из церкви, наружу, где шел дождь; пока его вели к столбу, испанский монах все твердил: *Non fecisti*? — «Ты не делал этого? Ты не делал этого?»

Кранмер пал перед столбом на колени и начал молиться; очень скоро после того, как его при-

вязали, показалось пламя, и он направил свою правую руку прямо в центр полыхающего огня со словами «моя недостойная правая рука» — за составление отречений. Не тронутой огнем рукой он вытер со лба пот, проступивший от жары. Умер он достаточно тихо, читая молитву «Господи Иисусе! Прими дух мой», пока пламя окутывало его. В тот день архиепископом Кентерберийским стал кардинал Поул.

25. «Ныне отпущаеши»

20 марта 1557 года Филипп вернулся в Англию. В Гринвиче он был встречен салютом из тридцати двух орудий. Это было подходящим приветствием для человека, прибывшего обсудить войну. Филипп уже объявил войну Генриху II, защищая имперские интересы во Франции и исторических Нидерландах. Теперь ему требовалась поддержка второй родины. Он объявил, что хочет обсудить лишь вопрос свободных поставок зерна, однако на самом деле он нуждался в оружии и солдатах. Королевский совет не был настроен помогать Филиппу. Страна была истощена, и жители Англии не намеревались отстаивать интересы Габсбургов.

Тем не менее королева, естественно, хотела поддержать мужа и ревностно призывала к военным действиям в противовес большей части совета, которая не желала вмешиваться в европейские дела. В присутствии Филиппа она заявила членам совета, что считает своим долгом следовать за мужем и начать войну против страны, «которая уже представляет собой угрозу

всему миру». Она вызвала членов совета к себе по одному и пригрозила, что в случае несогласия с ее требованиями их ждет наказание — от отстранения от должности до казни. Как отмечал в то время французский посол, Мария «подчинила бы своей воле не только людей, но и сами силы природы». Она была своевольной и властной, под стать отцу и сестре.

Необходимость войны стала ей ясна после атаки двух французских кораблей на Скарборо ближе к концу апреля; под командованием странствующего вельможи сэра Томаса Стаффорда небольшой отряд произвел высадку на берегу и захватил гарнизон замка Скарборо. После этого Стаффорд объявил, что укрепления страны будут вот-вот «доставлены двенадцати тысячам испанцев до коронации короля».

Вторжение отнюдь не было удачным. Стаффорд и его армия были окружены и захвачены через три дня, однако интересам Франции был нанесен урон. С тех пор ходили слухи о том, что Стаффорд на самом деле был приманен к английскому берегу «двойным агентом», возжелавшим столкновения с Францией. Для апологетов конфликта эта атака была очень удобна. Вслед за ней в июне была объявлена война; следовало

перебросить семь тысяч бойцов через Ла-Манш, чтобы сразиться с французами на территории исторических Нидерландов. Филипп покинул Англию через месяц с целью принять командование своими войсками.

Казалось, что перспективы весьма благоприятные. Испанцы одержали важнейшую победу у Сен-Кантена, и прибывшие спустя два дня английские войска помогли взять штурмом сам город; они не могли похвастаться выигранной битвой, но хотя бы были на стороне победителей. В Лондоне зажигали костры, и в церквях исполнялись гимны в честь победы.

Вскоре фортуна изменила англичанам. К границе, преследуя кампанию огня и разрушения в поддержку своего традиционного союзника, подошла шотландская армия, против которой пришлось отправить английские войска. К середине декабря французы собрались в районе Кале, последнего английского города-гарнизона на территории их страны. Военный совет города направил срочную депешу в Лондон с просьбой о подкреплении: запасов оставалось мало, и возможности выдержать осаду не было. Королева приказала приготовить подкрепление, однако два дня спустя, 31 декабря, приказ свой отменила

на том основании, что «по ее данным, нападения на Кале или Пейл[61] не ожидается». Пейл был ближайшей соседней областью, подконтрольной Англии, и занимал территорию в 310 квадратных километров.

Однако данные королевы были неверны. Французская армия под предводительством герцога де Гиза постепенно сломила защиту английской территории, а затем осадила и сам Кале. Комендант Кале отправил сообщение, в котором утверждал, что «был начисто лишен утешения и помощи, которых искал». Город был взят в первую неделю нового, 1558 года. Пять тысяч его жителей были отправлены в Англию. Когда-то Кале называли «самым ярким бриллиантом английской короны». Он являлся центром англо-европейской торговли; это напоминание об империи Плантагенетов оставалось владением Англии на протяжении двухсот одиннадцати лет. Потеря Кале была полной катастрофой.

По прошествии времени можно утверждать, что захват французами Кале на самом деле был

[61] Примечания: 61

Пейл — название средневековой английской колонии на юго-востоке Ирландии с центром в Дублине, ядро английской колонизации соседнего острова, военный анклав, окруженный непокоренными кельтскими племенами.

благом. Ведь Кале требовал постоянного финансирования своего гарнизона. Несколько позднее Томас Фуллер[62] написал: «Кале уже не наш, и Бог с ним. То был нищий город, на поддержание которого Англия ежегодно выделяла средств в десять раз больше, чем он того стоил». Потеря Кале воспрепятствовала дальнейшему бессмысленному вмешательству Англии в дела Франции; таким образом, страна медленно начала обращать внимание на запад и Новый Свет. Лишь за год до этого события Себастьян Кабот был назначен пожизненным управляющим получившей патент от Филиппа и Марии Компании купцов-авантюристов «для открытия регионов, доминионов, островов и мест неизвестных».

Тем не менее в то время капитуляция Кале считалась катастрофой. Королева была преисполнена злости и печали. Она привыкла выискивать Божественное провидение во всех своих делах, и после подобного бесчестья ей казалось, что Господь ее покинул. Кто-то из числа ее прислуги позднее рассказывал Джону Фоксу, как однажды она вздохнула и молвила: «Когда я буду мертва и тело мое — вскрыто, тогда в сердце моем найдут

[62] Примечания: 62

Томас Фуллер (1608–1661) — английский историк и проповедник, автор «Церковной истории Британии» (1655). Автор множества афоризмов.

Кале».

Очень многие верили в то, что осмелевшие французы начнут вторжение. Парламент постановил, что на обнищавшую и упрямую страну необходимо наложить крупный налог с целью улучшения обороноспособности. Филипп выступил с инициативой возглавить объединенную армию Англии и Испании для возвращения Кале. Совет отклонил это предложение на том основании, что «надежда на возвращение Кале очень мала» и что провал кампании может «привести к затруднениям». Союз с испанцами уже и без того доказал свою несостоятельность.

Мог ли он принести плоды каким-то другим способом? Во время потери Кале королева убедила себя, что у нее в конце концов наступила беременность. Разговор с мужем она откладывала до тех пор, пока факт беременности не стал для нее очевиден. На исходе марта она составила завещание, в котором было указано, что она «предвидит серьезную опасность, в которой по воле Господа находятся все женщины, ожидающие родов». Однако это опять было заблуждением, порожденным надеждой и страхом. К началу мая стало ясно, что беременности нет. Пропала последняя надежда. Вероятно, ошибоч-

ные признаки грядущего деторождения могли быть симптомом болезни, которая вскоре унесла ее жизнь. С этого времени участились сообщения и слухи о ее «заболевании».

Болезни были одной из главных черт ее царствования. В первые месяцы 1558 года на людей обрушилась эпидемия под названием «новая лихорадка»; это было похоже на вирусную форму гриппа, и вместе с участившимися случаями чумы и потливой горячки она унесла жизни огромной части населения. Смертность в тот год была выше, чем когда-либо в XVI веке. Именно в этой атмосфере всеобщего страдания, порожденного «лихорадкой», проходил последний период правления Марии.

Это все еще было время сожжений в более чем единичном смысле. Все меньше оставалось людей, ожидавших костра, но королева все равно требовала их смерти. В поле за пределами Лондона была обнаружена группа радикалов, собравшихся для отправления молитвы, и сразу были задержаны тринадцать человек. Семеро из них были сожжены в Смитфилде 28 июня, в то время как оставшиеся шесть по приказу епископа Боннера — глубокой ночью в Брентфорде. Согласно выпущенной Марией прокламации,

никому не разрешалось подходить к еретику, трогать, успокаивать его или обращаться к нему, пока его ведут к столбу; неповиновение каралось смертью.

Летом 1558 года Мария вернулась из Хэмптон-Корта в Уайтхолл. Сообщалось, что она пребывала в глубокой депрессии. Как писал один посол, «истина состоит в том, что ее заболевание, очевидно, неизлечимо, и рано или поздно лишит ее жизни, и то, когда это произойдет, зависит от того, сколь сильны будут ее переживания, которые забирают у нее сил больше, чем сама болезнь, пусть и столь опасная». Переживания, должно быть, усилились, когда она поняла, что теряет любовь и доверие своих подданных. Потеря Кале подчеркнула тот факт, что она была неудачливой королевой; в XVI веке удача — или провидение — считалась доказательством Божьего повеления. Филиппу доложили о том, что после Кале лишь треть былого числа прихожан посещали мессу. Из европейских городов изливали гнев и злобу религиозные беженцы; не было среди них противника более агрессивного, чем Джон Нокс, выпустивший труд под названием «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин». «Я не боюсь заявить, — писал он, —

что в небесной канцелярии уже назначен день расплаты с Иезавелью Английской, настоящим чудовищем, неспособным отказаться от своей чудовищной жестокости»[63].

К началу сентября было ясно, что Мария смертельно больна. Она часто лежала без чувств. Она заразилась лихорадкой. Возможно, этим она была обязана охватившей страну эпидемии. В следующем месяце Филиппу сообщили, что его жена при смерти.

Внимание государства и его советников переключилось на Елизавету. Она знала, что корона скоро перейдет к ней. Когда посол Филиппа встретился с ней, чтобы напомнить о расположении, некогда выказанном ей его господином, она держалась нарочито холодно. Она унаследует королевство без какой-либо помощи с его стороны. Она сообщила послу, что ее сестра потеряла доверие страны, когда вышла замуж за иностранца. Это ее предположение могло быть верным. В любом случае она не собиралась допустить ту

[63] Примечания: 63

Нокс использовал образ библейской отрицательной героини Иезавели — жены царя Ахава, жившей в IX в. до н. э. и прославившейся преследованием пророков Яхве, в первую очередь Илии. Иезавель упоминается в Откровении Иоанна Богослова, а в трудах Иоанна Златоуста, Григория Назианзина (Богослова) и Афанасия Александрийского Иезавель — нарицательное имя женщин, восставших против учения церкви и святых. См.: Православная энциклопедия, статья «Иезавель».

же ошибку. Посол заключил, что «она весьма самодовольная и умная женщина».

5 ноября парламент направил срочное требование в совет о том, что его членам следует убедить королеву «признать госпожу Елизавету своей сестрой и наследницей и сообщить ей об этом решении в обходительной манере». Королева дала свое согласие и попросила лишь о том, чтобы ее преемница оплатила свои долги и не меняла государственную религию. Елизавета, конечно, сочла правильным проигнорировать это, равно как она проигнорировала все положения официального завещания Марии. К тому времени, как письмо было доставлено ей в ее дом в Хэтфилде, она уже собирала свой двор. В качестве меры предосторожности она заручилась поддержкой военных.

Когда 9 ноября прибыл испанский посол, было ясно, что дни Марии сочтены. Согласно ее самой близкой служанке Джейн Дормер, королева успокаивала своих посетителей; она рассказывала им о своих снах, в которых «видела маленьких детей, подобных ангелам, которые играли перед ней и пели сладкозвучные песни и дарили ей такое успокоение, какое не могло дать ничто мирское». Должно быть, она надеялась, что скоро ее примут

ангелы. Ее не стало в 6 часов утра 17 ноября во время мессы.

Кардинал Поул получил известие о ее смерти в Ламбете; он и сам был близок к кончине из-за эпидемии лихорадки, и, считалось, этот очередной удар был достаточным, чтобы уничтожить его. Он скончался 12 часов спустя, в 7 вечера. Когда новость о смерти сестры дошла до Елизаветы, она упала на колени и воскликнула: *O domino factum est istud, et est mirabile in oculis nostris* — «Это — от Господа, и есть диво в очах наших».

В 8 часов утра, спустя два часа после кончины Марии, был созван парламент с объявлением о том, что Елизавета сейчас является «королевой сего королевства». Палата общин ответила: «Боже, храни королеву Елизавету, да царствует она долго над нами». Звенели колокола, горели костры; у домов богатых горожан были накрыты столы, где угощали вином и элем.

Однако были люди, оплакивавшие Марию. В надгробной проповеди епископ Винчестерский восхвалял многочисленные добродетели усопшей и ее набожность, упоминая, что ее колени отвердели от беспрестанного коленопреклонения. Вместе с тем новая королева — «леди в наивысшей степени благочестивая, и нам долж-

но подчиняться ей, поскольку, как вы понимаете, „живая собака лучше мертвого льва“[64]». За это неразумное замечание он был лишен сана. Тем временем английский двор скупал в Антверпене шелк, готовясь к коронации.

[64] Примечания: 64

Епископ цитировал широкоизвестное высказывание Екклесиаста (9:4), которое в русском синодальном переводе звучит несколько иначе: «И псу живому лучше, нежели мертвому льву», — но прекрасно известно и в более распространенном варианте из авторского текста. В Словаре русских пословиц В. И. Даля встречается вариант «Живой пес лучше мертвого льва».

26. Королева-девственница

Свое путешествие в Лондон Елизавета начала в последнюю неделю ноября; ее сопровождала большая группа аристократов и дворян. Встретившая ее в Хайгейте процессия епископов с почтением преклонила колени; она подала руку для поцелуя каждому из них, обойдя вниманием епископа Боннера. Слишком известна была его репутация «Кровавого Боннера». Это был первый раз, когда королева обозначила свои истинные религиозные убеждения.

Елизавета пребывала в Чартерхаусе на протяжении пяти дней до официального вступления во владение Тауэром, что было предварительным шагом к ее коронации. Она торжественно ехала верхом по улицам города, где ее приветствовали детские хоры и ученые. Въехав в Тауэр, она сказала своим сопровождающим: «Кто-то был низведен правительницей страны до узника этой тюрьмы. Я же выросла из узника этой тюрьмы в правительницу страны». Сообщают, что она сразу прошла к камере, в которой когда-то пребывала в заточении, и упала на колени в молитве.

К выдающемуся ученому и магу Джону Ди обратились с просьбой составить гороскоп с целью выявить наиболее благоприятный день для коронации. Такой день был установлен — воскресенье, 15 января 1559 года, а предшествующий день был выбран для торжественного шествия ее по улицам Лондона от Тауэра до Вестминстера. Облаченная в богатую королевскую мантию из золотой парчи на горностаевом меху, Елизавета восседала в открытом златотканом паланкине, который сопровождала тысяча всадников.

Это был день парадной церемонии, в который королева исполнила свою роль с огромным мастерством и удовольствием. Она махала зрителям рукой и выкрикивала приветствия: «Господь да хранит вас, мой народ!» Она удивленно и радостно всплескивала руками, слушала, как ребенок щебечет короткую молитву, «с неусыпным вниманием на лице; лик ее непостижимым образом менялся так, что можно было подумать, будто слова ребенка имеют отношение к ней лично». Она грациозно принимала маленькие букетики цветов и веточки розмарина, которые вручали ей бедные женщины Лондона. Ни от кого не укрылись ее радость и удовольствие. «Спаси вас всех Господь!», «Всем сердцем вас благодарю!».

Когда процессия проходила по улице Чипсайд, было видно, что Елизавета широко улыбается. «Я только что услышала, как кто-то в толпе сказал, — поделилась она со своим сопровождающим, — я помню старика Гарри Восьмого». В ней сохранилась способность олицетворять народный дух, которой обладал ее отец. Когда Библия на английском языке была на шелковой нити опущена в ее паланкин, она приняла ее обеими руками, поцеловала и прижала к груди. «Я благодарю город за этот подарок и почитаю его больше всех других». Когда были прочитаны молитвы за возвращение к истинной религии, она возвела глаза к небу и воскликнула: «Аминь!»

На ее пути было организовано бесчисленное множество сцен с представлениями. На Малом акведуке по улице Чипсайд была воздвигнута аллегория Времени и Истины. Елизавета поинтересовалась, кем является старик, держащий косу и песочные часы, но это она, конечно, уже знала. «Время», — был ответ. «Время! — воскликнула она. — Именно время привело меня сюда!» Проезжая мимо Темпл-бара, она крикнула народу: «Я буду для вас хорошей королевой, оставьте в этом все сомнения».

Однако существовала проблема, касающаяся

коронации. Архиепископ Кентерберийский был мертв. Архиепископ Йоркский отказался короновать Елизавету в качестве верховного главы церкви, а выжившие католические епископы последовали его примеру. Исполнить эту роль в аббатстве в конце концов удалось уговорить епископа Карлайльского, с тем условием, однако, что королева принесет старинную клятву, которую давали ее предшественники-католики. То было лишь началом противоречий в вопросах вероисповедания.

Было и другое препятствие. В соответствии с каноническим правом Елизавета считалась незаконнорожденной, поэтому передача ей престола была запрещена. В связи с этим наиболее подходящим кандидатом на трон стала шотландская королева Мария Стюарт, которая приходилась правнучкой Генриху VII и весьма кстати оказалась католичкой. Мария была замужем за дофином Франции, которого вскоре короновали как Франциска II; именно в то время молодая пара начала совмещать английский и французский гербы в знак владения ими. С тех самых пор между Елизаветой и Марией началась дуэль длиною в жизнь.

В день своей коронации Елизавета совершила

пеший переход от Вестминстерского холла до аббатства. Ноги ее ступали по богатому малиновому ковру, который сворачивался присутствующими после того, когда она проходила. Ее волосы не были убраны в знак ее невинности. Когда она прибыла к церковным вратам, все колокола в Лондоне прозвонили в унисон. На вопрос о том, желают ли члены конгрегации видеть Елизавету своей королевой, они воскликнули: «Да!» Тогда по помещению разнеслись звуки органов, флейт, барабанов и труб. Торжественный ужин, посвященный коронации, начался в Вестминстер-Холле в три часа дня и закончился в час ночи.

Она провела встречу со своим тайным советом в Хэтфилде еще перед появлением в Лондоне. Двадцать девять назначенных Марией советников вскоре либо сами вышли из совета, либо сложили с себя полномочия по требованию; в совете остались лишь шестеро могущественных вельмож, среди которых были графы Арундел и Бедфорд, а также несколько чиновников, обладавших бесценным опытом. Клирики и католики покинули совет. Он представлял собой светский орган, состоявший из представителей дворянства и знати, прошедших обучение в Кембридже и Судебных

иннах; они в большинстве своем были родственниками, и несколько позднее восемнадцать из двадцати пяти членов были связаны узами родства между собой или с самой Елизаветой.

Одним из самых важных назначений, осуществленных королевой, было утверждение Роберта Дадли — позднее графа Лестера — шталмейстером (конюшим). Он происходил из выдающейся, хоть и запятнавшей себя семьи. Он был сыном герцога Нортумберленда, пытавшегося передать трон леди Джейн Грей, и стал другом детства Елизаветы в возрасте семи или восьми лет; они, вероятно, могли позднее встречаться в Тауэре, где оба пребывали в заточении на протяжении некоторого времени. «Я оказываю ему расположение лишь потому, — так передавали слова Елизаветы, — что он проявил ко мне доброту в то тяжелое для меня время, когда у власти находилась моя сестра». В любом случае между ними установились крепкие и теплые отношения, которые впоследствии стали источником беспрестанных скандалов.

Женщины в окружении королевы приходились ей дальними родственницами и происходили из достаточно знатных семей. Елизавета всегда появлялась в компании семи леди опочивальни

и шести фрейлин, все они были одеты в одежды черного или белого цвета либо обоих этих цветов. Она не хотела, чтобы красота платья какой-либо из ее сопровождающих затмила эффект от ее ярких нарядов. На девушек были наложены жесткие правила. Они не должны были справляться у королевы о государственных делах, а также никогда не могли обручиться или выйти замуж без согласия государыни. За несоблюдение этих правил некоторые из них были заточены в тюрьму. Сама Елизавета, естественно, всегда выделялась из толпы. У нее был несколько смуглый цвет лица, который королева унаследовала от матери, но она наносила на лицо яичный белок, квасцы и другие вещества, ввиду чего со временем оно приобрело блестящую белизну; ее лицо считалось слишком вытянутым, чтобы быть безупречно красивым, однако глаза ее были большими и выразительными. Волосы государыни были золотисто-рыжего цвета, равно как у отца, а скулы высокими, как у матери. Благодаря несколько крючковатому носу она напоминала орлицу.

Елизавета назначила сэра Уильяма Сесила государственным секретарем, сказав ему: «Вы будете давать мне такие наставления, которые сочтете

наилучшими; не считайтесь с моими личными желаниями». Здесь она избежала разочарований. Сесил служил ей верой и правдой до конца своей жизни. Она называла его своим «духом» и обращалась к нему «Сэр Дух». Он начал свою карьеру в царствование Эдуарда VI и сумел даже в правление Марии сохранить расположение к себе и репутацию самого способного и трудолюбивого чиновника того времени. В его привычку входило составление подробного анализа конкретной проблемы; при этом аргументы за и против были изложены в двух колонках. В государственных и религиозных делах он придерживался среднего курса, и в этом отношении он очень чутко прислушивался к пожеланиям своей государыни. Исследователь Елизаветинской эпохи Уильям Кемден писал, что «из всех гениев он был самым рьяным работягой; из всех деловых людей — самым гениальным». Сесил был и бойцом — во всех смыслах этого слова.

Сесил хорошо знал, сколько серьезны проблемы и опасности, угрожавшие королеве. Бывший секретарь совета Эдуарда VI выслал новоиспеченному совету обращение, в котором дал свое видение положения дел в государстве: «Королева в нищете; королевство истощено; знать обедне-

ла и прогнила; не хватает хороших капитанов и солдат; в народе беспорядки; правосудие не отправляется; цены на товары высоки; невоздержанность в мясе, пище, одежде; между нами царят разногласия; война с Францией; французский король оседлал королевство, будучи одной ногой в Кале, другой — в Шотландии; неизменные враги, но ни одного верного друга».

Именно поэтому новые министры, окружавшие королеву, наиболее всего призывали ее к осторожности — осторожности в вопросах религиозной и внешней политики. Согласно одному из изречений Сесила, королевство выиграет больше от года мира, чем от десяти лет войны. Елизавета разделяла его мнение, хорошо понимая, что война означала непосильные затраты, а казна была пуста. В связи с этим было необходимо смириться с потерей Кале и заключить мир с Францией. Мудрым шагом было бы достичь соглашения с Шотландией, дабы обезопасить северную границу. Поговаривали, что в Англии не было стены, способной выдержать пушечный удар.

Однако в некоторых делах она действовала быстро. Получив письмо от членов Королевского колледжа (Кембридж) с просьбой оказать помощь

в выборе нового ректора, она ответила сразу коротким письмом, указав лишь имя.

Зимой 1558 года, еще до коронации Елизаветы, был составлен документ под названием «Инструмент изменения религии». Весьма вероятно, что он принадлежал перу Уильяма Сесила, который был поборником протестантизма. В документе он призывал к полному восстановлению «истинной религии» в той форме, в которой она существовала во времена правления Эдуарда VI. Автор полностью сознавал все риски, которые несло собой такое «изменение». Папа бы предал королеву анафеме, а французы смогли бы атаковать англичан не только как врагов, но и как еретиков. Против королевства могла подняться католическая власть Шотландии. Повстанцы внутри страны представляли бы опасность не меньшую, чем внешние враги; епископы, а также множество судей воспротивились бы переменам. Большая часть населения тоже могла бы выказать неудовлетворенность и непокорство. Тем не менее божественное дело должно было быть сделано. Только после этого Елизавета и ее страна будут защищены и прославлены. С этой мыслью в конце года было объявлено, что литания и «Отче наш» могут исполняться на английском языке.

На практике оказалось, что внедрить это «изменение» весьма непросто. Парламент собрался спустя 11 дней после коронации Елизаветы. Когда королевская процессия вошла в Вестминстерское аббатство для привычного слушания мессы перед парламентским заседанием, королеву встретила группа монахов, державших в руках зажженные свечи. «Уберите эти факелы, — произнесла королева, — все и так хорошо видно». В последовавшем выступлении проповедник осудил монахов за их роль в преследовании еретиков в годы правления Марии и настоятельно призвал королеву не поощрять «идолопоклонство» в ее стране. Было очень хорошо понятно, что служба в королевской часовне стала по духу преимущественно протестантской; с возношением гостий покончили. Елизавета никогда не одобрит требований Рима. Как могла Елизавета принять веру, которая низвергла ее мать как проститутку, а ее саму — как незаконнорожденную дочь? А еще она терпеть не могла запах фимиама.

Королева не питала любви к теологическим тонкостям. Несмотря на то что однажды она обмолвилась, что изучала богословие с детства, она считала, что диспуты на тему религии были «веревками из песка или морским илом,

тянущимся до луны». «Есть лишь один Иисус Христос, — заявила она французскому послу, — остальное — споры о пустяках». Ее религиозные взгляды весьма трудно поддаются определению; ей нравилась сложная хоровая музыка, она ценила многие обряды римского вероисповедания; называла себя протестанткой, однако хранила в королевской часовне маленькое распятие, что наиболее радикальные поборники новой веры считали идолопоклонством. Государыня питала сильную неприязнь по отношению к женатым священникам.

В первые месяцы 1559 года приняли несколько законов подряд. Восстановили религиозные законы времен Эдуарда VI. Продолжилось отправление обрядов на английском языке. Были приняты частные законопроекты, возвращавшие светским владельцам некоторые земли, отнятые епископами в период правления Марии. Второй эдвардианский молитвенник вновь был признан основой отправления церковных служб, однако в него были внесены небольшие изменения, чтобы не допустить оскорбления чувств католиков. Например, из книги исчезло упоминание об «отвратительных бесчинствах» папы, и было негласно признано действительное присутствие

Христа при таинстве. На практике священнику было разрешено быть одетым в то же самое облачение и стоять в такой же позе, что и во время правления предыдущей королевы. Елизавета была согласна величаться «верховной правительницей», но никак не «верховным главой» английской церкви. Главой был Христос.

Целью елизаветинского «урегулирования», как впоследствии стали называть эти меры, был компромиссный курс. Тем не менее невозможно утверждать, что урегулирование это одобрялось полностью. Католические епископы в составе палаты лордов противились мерам, и Акт о единообразии, восстановивший Книгу общих молитв, был в конце концов принят с перевесом всего в три голоса. Диспут между католиками и протестантами в Вестминстер-Холле ничего не решил. Один из спорщиков «вертелся во все стороны и вставал во всевозможные позы, топал ногами, махал руками, загибал свои бакенбарды, щелкал пальцами, попеременно поднимал и опускал брови». После дебатов Елизавета была вынуждена заключить в тюрьму двух католических епископов, чтобы те прилюдно не отлучили ее от церкви. Это был способ уменьшения оппозиции ее предложениям в палате лордов. Палата

общин эти меры поддерживала, однако многие члены палаты лордов были настроены вызывающе враждебно. В конце концов, количество голосов за и против законопроекта было почти равным.

Королева желала успокоить споры в любых их формах; она поставила перед собой задачу прийти к широкому соглашению, при котором протестанты и католики могли бы жить в мире. Урегулирование, если оно таковым было, фактически не устраивало ни одну из сторон. Католики оплакивали отмену политического курса Марии, в то время как протестанты были склонны полагать, что английская церковь все еще оставалась папской. Пуританские критики называли Книгу общих молитв «выуженным из папской свалки хламьем, полным кощунств католическим требником». Тогда, по сути, существовало смешанное религиозное устройство, зиждущееся на компромиссе и приспособлении. В то время как церковная структура оставалась в большей степени нетронутой, литургия содержала древние, средневековые, лютеранские и кальвинистские элементы; церковь была протестантской по своему отношению к отправлению молитв, но католической с точки зрения обряд-

ности. Это была, по всей видимости, наименее реформированная из всех реформированных религий, и она не ввела единообразной теологической системы. Ветхая телега должна была везти столько же пассажиров, сколь и раньше. Поэтому Елизавета оставалась осторожной. Ближе к концу ее правления Фрэнсис Бэкон, философ и государственный деятель, заявил, что у нее нет намерения заглядывать в душу каждому своему подданному. Она требовала лишь внешнего подчинения англиканской церкви ради сохранения порядка. Все англичане были обязаны посещать приходские церкви каждое воскресенье, а также по церковным праздникам; неповиновение наказывалось штрафом в один шиллинг. За двадцать лет государство четырежды меняло религию, и пришло время положить конец нововведениям.

Елизавета никому и никогда не позволяла вмешиваться в наведенный ею порядок, и порядок этот — за исключением короткого периода междувластия в XVII веке[65] — сохранился

[65] Примечания: 65

Имеется в виду эпоха Английской буржуазной революции, когда радикально настроенные протестанты (пресвитериане) в 1643 г. ликвидировали англиканскую церковь, отменив епископальный строй, секвестировав имущество духовенства и храмов и введя Вестминстерское исповедание. После реставрации Стюартов в 1660 г. восстановили и англиканскую церковь.

практически нетронутым и по сей день. Один из ее советников отмечал, что она «поместила свою Реформацию на твердый камень, чтобы та оставалась неизменной». Это было чисто английское урегулирование: практичное, нежели умозрительное, объединявшее вместе предметы, которые в ином случае могли бы считаться несовместимыми; оно вводило компромисс и терпимость, а также немалую долю неопределенности. Елизаветинское урегулирование уцелело благодаря отсутствию в нем ясности. В Лондоне протестанты проповедовали только о предопределении и оправдании верой, в то время как в Йорке верующие молились, перебирая четки. «Разница между католиками и лютеранами, — сказала королева в разговоре с испанским послом, — по своей сути не так важна». Она требовала лишь такого решения вопроса, который бы позволил сохранить порядок и объединил ее подданных.

Можно проследить и политические причины обеспокоенности Елизаветы вопросом веры. Она не хотела ни потерять поддержку лютеранских принцев в Германии, ни вызвать враждебность католических королей европейских стран. Религия народа имела весьма важный внешне-

политический контекст.

Перед концом парламентского заседания спикер палаты общин испросил разрешения представить королеве петицию, которая имела существенное значение для благополучия королевства. Петиция содержала пожелание — или настойчивую просьбу — о том, чтобы королева вышла замуж и родила наследника. Только так можно сохранить мир и порядок в королевстве и защитить трон от внешних врагов. Елизавета выдержала паузу, после чего дала пространный ответ, в котором выразила желание остаться «девственницей, коей вы видите меня». Она таинственно намекнула на опасность того, что любой может «оставить доброту и проявить неблагодарность». Наследник мужского пола, другими словами, может попытаться вытеснить ее, что всегда было опасностью для женщины-монарха.

Затем Елизавета сняла с пальца коронационное кольцо. Она заявила, что получила это кольцо на священном условии, что она связана узами брака с королевством и не примет никого другого в качестве партнера. Будет вполне достаточно, если на ее могиле будет написано: «Здесь лежит Елизавета, которая правила, будучи девственницей, и умерла, будучи девственницей». Это ее заявле-

ние оказалось верным. Опыт ее матери и сестры продемонстрировал ей все опасности замужнего положения, а один из ее докторов высказал предположение, что Елизавета может не вынести родов. И конечно, как она сказала, она могла опасаться наследника мужского пола. Испанский король Филипп, ее зять, уже предлагал взять ее в жены; Елизавета некоторое время вежливо избегала разговоров на эту тему, не озвучивая отрицательного ответа. Прямой отказ последовал позже, когда она объявила, что не может выйти за него, поскольку является протестанткой.

Когда парламент наконец собрался во вторую неделю мая, испанский епископ сформулировал характер изменений. «Святые Дары были вчера вынесены из королевской часовни, месса была проведена на английском языке. Епископы, что не дадут клятву [верности], будут лишены сана; а когда они будут лишены сана, королева продолжит работу и утвердит их преемников». Действительно, все за исключением одного были лишены сана епископа и заменены более подходящими людьми. Монахи и монахини разлетелись кто куда; статуи Девы Марии и святых были в очередной раз убраны из занимаемых ими ниш, равно как исчезло распятие с гале-

реи над алтарной преградой. Новую литургию признавали очень медленно — если не сказать скрепя сердце; и тем не менее спустя поколение она стала сердцем английской религии. Еретики времен царствования Марии уже давно были освобождены из тюремных камер. И все же не все было столь безоблачно. Жители севера не признавали Книгу общих молитв и вновь шепотом заговорили о восстании.

Королева умело управляла своим парламентом. С помощью Сесила и других советников она с легкостью лавировала между католиками и более радикальным духовенством, возвратившимся из изгнания, в котором оно находилось при Марии. В каком-то смысле Елизавета стала символом возрождающейся нации. Ее личный опыт прямо отразил тяготы государства. Она была в опасности во время царствования Марии и Филиппа, терпела лишения, и жизнь ее была подвержена настоящим угрозам. Елизавета была узницей. Теперь она восторжествовала.

Елизавета получила власть несмотря на то, что была женщиной. Она возглавляла королевский двор, который состоял практически из одних мужчин и насчитывал около полутора тысяч человек, и должна была учиться держать под

контролем свой совет, состоявший полностью из мужчин. Елизавета от природы была дипломатом, хитрость в ней сменялась упрямством. Ей не нужна была армия переводчиков, поскольку она владела латинским, итальянским, французским, испанским и немецким языками. Интеллект и сообразительность королевы были бесценны; волевой и властный характер помогал ей в непрекращающейся битве с миром. Испанский посол отмечал, что Елизавету боялись гораздо больше, чем ее сестру, и что приказы она отдавала столь же властно, сколь ее отец. Однажды государыня сказала, что очень бы хотела «совершить что-то, что заставит славу о ней при жизни ее распространиться в зарубежные страны и послужит поводом для посмертной памяти». Ничего конкретного совершать было не нужно. Ей было достаточно — и даже более чем достаточно — оставаться самой собой.

С этого времени берет свое начало культ Елизаветы. Ее в конце концов стали почитать как обладающую неистовым духом Девору — героиню Книги Судей Израилевых; она была Юдифью, была Эсфирью. Была Глорианой и Пандорой. Была Астреей, греческой девственной богиней справедливости, которая в золотой век жила на

земле средь живых; Астрея вознеслась на небо как созвездие Девы. Дни рождения и коронации Елизаветы считались национальными праздниками и отмечались парадами, банкетами и музыкой.

В судьбе королевы можно найти многие знаки провидения. Ее день рождения — 7 сентября — также был праздником Рождества Богородицы. В тот день победитель рыцарского турнира Генри Ли возвел павильон «церкви подобный, внутри которой горело множество огней». Картины, миниатюры и гравюры по дереву изображали Елизавету в качестве аллегорической фигуры в обстоятельствах славы. Другой вопрос состоит в том, был ли английский народ ослеплен и обманут этими творениями. Глубокие запасы безразличия и даже цинизма помогли не поддаться льстивым речам. Настроения и мнения английского народа середины XVI века установить невозможно, однако нет сомнения в том, что они, как и представители всех других поколений, не отличались покорностью и верностью.

И все же Елизавету стали величать королевой-девственницей (подразумевая отсылки к другой непорочной деве — Богородице), девизом которой было *semper eadem* — «всегда неизменна».

Это стало общеизвестной истиной и, возможно, трагедией периода ее правления.

27. Две королевы

Летом 1559 года Елизавета издала ряд предписаний по вопросам религии. Литургия должна была читаться на английском языке, а в каждой церкви — иметься Библия в переводе на английский язык. Образы и памятники «выдуманным чудесам, паломничествам, идолопоклонству и предрассудкам» должны были быть сняты со стен и окон, однако тканые убранства следовало отреставрировать или возвратить на место. Полное иконоборчество отныне воспрещалось. Запрещены были также культ святых и молитвы об умерших.

Процессии во время молебственных дней, во время которых люди обходили территорию прихода и призывали к благословению полей и народа, следовало продолжать. Конгрегации было приказано снимать головной убор и кланяться при произнесении имени Христа, а также преклонять колени во время литании. Духовенству полагалось носить традиционные рясы, дополненные квадратными головными уборами. Для совершения обряда причастия необходимо было

использовать гостию вместо порций обычного хлеба. Были разрешены «скромные и членораздельные» песни. Под запретом оказались все оскорбительные ярлыки, такие как «еретик» или «папист». Предписания, таким образом, были попыткой уладить разногласия и смягчить колкости и взаимные упреки, имевшие место при дальнейшем изменении религии.

Тем не менее различия бросались в глаза при посвящении в сан архиепископа Кентерберийского. Мэтью Паркер не хотел становиться архиепископом. Он считал эту ношу для себя слишком тяжелой и написал Сесилу письмо, информируя его о своем желании остаться частным лицом, что «мне с моим испортившимся голосом и низкой подготовкой подходит больше, чем войти в состав находящейся на виду высокородной публики». Он хотел, чтобы о нем «полностью забыли». Но королева настояла: в конце концов, он был капелланом ее матери. Ему сообщили, что «она желает, чтобы вы отправились сюда [в Лондон] столь поспешно, сколь это возможно».

На самом посвящении в сан лишь один епископ был — правомерно — облачен в плувиал; два епископа отказались надевать папские платья, а посему были в стихарях; четвертый был убеж-

ден, что надеть стихарь означало бы перейти границу, и был одет лишь в черную женевскую мантию. Ссора ничего хорошего не предвещала. Все четырнадцать выживших епископов времен правления Марии между тем были лишены сана; некоторые из них провели остаток жизни в тюрьме за нежелание принести клятву верности. Епископ Боннер, например, был заключен в тюрьму Маршалси. Он попытался сблизиться с некоторыми отбывавшими там срок преступниками, называя тех «друзьями» и «соседями». Один из них в ответ епископу сказал: «Ступай в ад, чудовище, и поищи друзей там».

А затем наступила пора серебряного распятия, которое хранила королева. Для приверженцев протестантизма это распятие было папским идолом, в котором поклонение предмету заняло место поклонения Господу. Тем не менее распятие находилось в личной часовне королевы; перед ним горели свечи. Это был, по словам одного реформатора, «предательский идол», помещенный на «алтарь отвращения». Смятение среди духовенства было столь сильным, что четыре епископа провели дискуссию перед советом. Несмотря на их рвение, распятие осталось на своем месте. Когда настоятель собора

Святого Павла начал читать Елизавете наставления о противозаконности крестов, он навлек на себя ее праведный гнев. «Не смейте говорить об этом», — заявила она ему. Когда он вернулся к злополучной теме, она возразила: «Оставьте, оставьте! Это не имеет отношения к вашей работе, и этот вопрос уже опостылел». Он быстро завершил проповедь, и она вышла из часовни.

После этого имели место два случая, когда на распятие было совершено нападение, и оно было сломано — на радость епископу Нориджскому. «Наконец-то мы избавились от этого креста! Он слишком долго находился здесь, к великой горести благочестивых христиан». Оба происшествия закончились водружением креста на его прежнее место. Для Елизаветы он был символом ее веры в обряд и порядок, а также способом сохранения отношений с Испанией и Ватиканом. Она заявила испанскому послу, что «многие люди считают нас маврами или тюрками, в то время как вещи, отделяющие нас от католиков, весьма незначительны». Конечно, это было благосклонным жестом в сторону ее более консервативно настроенных подданных. В скором времени в несколько измененном обличье вернулся католический реквием по умершим и возобновилось

«празднование Вечери Господней на похоронах».

Весной того же года в духе религиозного примирения королева отправилась в составе процессии в Госпиталь Святой Марии, на восток города, чтобы отслушать проповедь. Ее сопровождала тысяча мужчин в доспехах, а также исполнители танца моррис и два белых медведя в повозке. Религия теперь вновь могла быть частью празднества. После проповеди животных убили, использовав отравленные приманки. Местами в Лондоне псалмы исполнялись по-английски впервые со времен Эдуарда VI; отмечалось, что у Креста Святого Павла вместе пели шесть тысяч человек.

> *И будет он как дерево, посаженное при потоках вод,*
>
> *Которое приносит плод свой во время свое*[66].

С целью убедиться в том, что вновь выпущенные предписания исполняются, в конце лета провели ряд ревизий. Были назначены сто двадцать пять инспекторов для посещения шести разных «округов» страны. Однако пэры и джен-

---

[66] Примечания: 66

He shall be like the tree that groweth fast by the river side: / Which bringeth forth most pleasant fruit in her due time and tide.

три, выбранные для выполнения этой задачи, не смогли с ней справиться ввиду невозможности или нежелания, в связи с чем ее решение было возложено на более энергичных юристов и клириков. Вполне естественно, они были рьяными протестантами, предвкушавшими всеобщую чистку церквей. Все свидетельства указывают на то, что в большинстве областей после появления ревизионных комиссий из церквей поспешно выносили алтари и образы. В Лондоне, Эксетере, Йорке и других городах были видны костры, в которых горели католические излишества. В огонь бросали священнические одежды, статуи, знамена и украшения. Архиепископ Йоркский приветствовал разрушение «сосудов, сотворенных для Баала» и «загрязненных и осквернённых алтарей». Создавалось впечатление, что ревизоры демонстрируют куда более ревностное желание изыскать предметы идолопоклонства, чем того могла бы пожелать королева. В связи с этим Елизавета вскоре издала прокламацию, осуждавшую «невежество и отсутствие должного уважения» при содержании церквей, упоминая «неподходящие и неприглядные столы с неподходящим убранством для таинства причастия и в целом отсутствие чистоты в местах молитвы и

подобающих подобным местам украшений». Нет сомнений в том, что именно духовенству предстояло определить, что могло входить в понятие «подобающих украшений».

В некоторых частях страны сопротивление переменам до сих пор было сильно, хоть и проявлялось в завуалированной форме. Изображения и статуи порой просто завешивали. Скрывали и другие элементы былой религии. Это делалось по разным причинам, не связанным порой с набожностью. Самой острой из них был порядок престолонаследия. Если Елизавета уйдет из жизни, не оставив наследника, королевой могла стать католичка Мария Стюарт, которая отменила бы все произведенные изменения.

Присутствие Марии Стюарт при французском дворе представляло собой крупную дипломатическую проблему, с которой Елизавете и ее совету приходилось иметь дело. Мария стала королевой Франции (поскольку муж ее был коронован как Франциск II в 1559 году); кроме того, она величала себя королевой Англии. В ее отсутствие Шотландией правила ее мать Мария де Гиз, которая потребовала направить со своей родины в Шотландию больше войск для подавления шотландских вельмож-протестантов. Французские

войска были дислоцированы в Нормандии, в то время как французские форты на северном берегу реки Твид сохраняли наступательные или оборонительные позиции. В Англии опасались вторжения.

Считалось, что французский двор кишел заговорами для убийства английской королевы. Объявлялось, что дядья Марии — братья де Гиз — замыслили «отравить королеву руками итальянца по имени Стефано, полного чернобородого мужчины около сорока пяти лет от роду, который предложит королеве свои услуги инженера». Стефано так и не объявился. Жизнь Елизаветы в любом случае была полна мер предосторожности. Ни одно блюдо не могло появиться на ее столе непроверенным, и любая перчатка или платок могли быть преподнесены ей только после тщательного осмотра. Каждую неделю королева принимала противоядия от отравляющих веществ.

Вскоре возникла очередная сложность с шотландской стороны. Лорды-протестанты отправили к Елизавете посла с просьбой предоставить армию для очищения страны от французов. Елизавета не была поклонницей вооруженных конфликтов. Поскольку восстание нанесло бы се-

рьезный вред положению шотландской королевы Марии Стюарт, не было никакой необходимости в том, чтобы поддержать или даже одобрить этот мятеж. Елизавета, что вполне естественно, поддерживала притязания законной королевы. Было бы неправильно отвергнуть миропомазанного монарха. Елизавета не одобряла протестантизма шотландцев. Людей этой веры вел Джон Нокс, протестант, некогда злобно ругавший идею о том, что монархом может быть женщина.

Уильям Сесил был более ярым протестантом и более самоуверенным государственным деятелем. Он выступил с политическим курсом, включавшим в себя вторжение английской армии в Шотландию и при необходимости свержение Марии Стюарт с трона. «Надо разжечь огонь любым способом, — писал он, — ведь, если он погаснет, такая возможность не представится нам никогда». Ему было ясно, что можно выступить против сил европейского католичества и подавить их. Он опасался, что французы готовят заговор с целью низвергнуть Английское государство и религию.

Королева мешкала и противилась программе Сесила. Оно объявила совету, что «в войну вступать опасно». Сесил пригрозил ей отставкой,

заявив, что ее политику двусмысленности поддерживают трусы и льстецы. Главный трус — сэр Николас Бэкон — придерживался мнения о том, что «безопасность заключается в умеренности». Елизавета тайно выслала денежные средства; затем отправила флот в Ферт-оф-Форт. Наконец, к концу года ее убедили отправить войска на территорию своего северного соседа; к огорчению и недовольству королевы, войска не преуспели в атаке на французскую крепость Лит. Штурмовые лестницы оказались слишком короткими. Англичане начали блокаду, что было самым неудачным вариантом развития событий. «Ее величество устроила мне такие муки, — писал Сесил, — лихорадка завершилась лишь по прошествии пяти приступов».

Войну поддерживал Сесил, и Сесил должен был ее завершить. Королева приказала ему заключить мир с шотландцами и французами. Удрученный, он все же обязан был подчиниться. Эдинбургский договор, подписанный летом 1560 года, представлял собой благородный акт перемирия. Обе стороны согласились вывести войска из страны; дополнительно оговаривалось, что Мария и Франциск откажутся от своих притязаний на английский престол. Англия противостояла

Франции и выдержала эти испытания. То был урок, который усвоили все стороны. Конфликт между Францией и Испанией был столь силен, что Филипп был в некотором смысле обязан поддержать еретичку Елизавету в любой конфронтации с соседней страной. Можно сказать, что его благосклонное бездействие способствовало упрочению триумфа протестантизма в Англии.

Договор, который, вероятно, представлял собой большее, чем могли рассчитывать Сесил и Елизавета, обладал одним серьезным недостатком: Мария так и не подписала этот документ. Мария де Гиз умерла тем же летом, и после выведения из страны французских войск шотландский парламент утвердил протестантскую веру; это решение опять не было ратифицировано королевой, и былой раскол между вероучениями возобновился со всей силой. Марию Стюарт можно было простить за то, что она думала, будто королева-соперница пыталась с помощью договора лишить ее верности и поддержки ее подданных. Однако ее сопровождающие при дворе в Париже до сих пор провожали ее словами «Расступитесь! Идет королева Англии!» Ее притязания на английский престол стали единственным источником напа-

стей, которые обрушились на нее впоследствии.

Самым важным вопросом для королевства оставалось замужество Елизаветы. Филипп II продолжал просить ее руки, и его примеру следовали многие великие мужи Европы. Взять в жены королеву всегда выгодно. К осени 1560 года за ее сердце боролись десять или двенадцать именитых поклонников. На руку Елизаветы претендовали два короля, два эрцгерцога, пять герцогов и два графа. Самыми видными из них являлись эрцгерцоги Карл и Фердинанд Австрийские; замыкал процессию поклонников баловник Эрик Шведский, старший сын шведского короля. Елизавета не скрывала, что их внимание ей приятно, но главным оружием в ее арсенале всегда были кокетство и притворство. Она не говорила, что *никогда* не выйдет замуж, однако все же предполагала остаться девственницей. То, чего она — по ее словам — хотела, на самом деле не являлось предметом ее желаний; высказываемые ею намерения постоянно входили в противоречие с ее истинными планами. Она твердо следовала курсу промедления и двусмысленности. Испанский посол писал следующее: «Вы увидите, что иметь дело с этой женщиной — удовольствие достаточно сомнительное; мне

кажется, что в ней уживаются сто тысяч чертей, несмотря на то что она неуклонно твердит мне, что жаждет стать монахиней и проводить время в келье за молитвой». Безусловно, в неустойчивом и полном опасностей мире всегда полезно иметь у себя в поклонниках самых влиятельных особ нескольких стран.

Осенью 1560 года шотландский теолог отправил ей письмо, в котором рассказал, как умерла ее мать, не забыв упомянуть и сцену, когда Анна Болейн в молитве протягивала малютку Елизавету рассвирепевшему Генриху: то было своевременным напоминанием об опасностях супружества. Есть вероятность, что желание остаться незамужней было свойственно ей всегда. Разве не заявляла она, что находилась замужем за парламентом и народом своим? То был мистический политический брак, в котором она становилась целостной, объединяясь с миром мужчин. Это можно было назвать термином *государство*, или *политическое образование*[67]. Тем не менее в обстоятельствах той эпохи подобное решение было смелым, а подчас и поразительным. Казалось непостижимым, что женщина — а уж тем паче

[67] Примечания: 67

Термин *body politic* означает «политическое тело» монарха, продолжающее жить и после смерти его физического тела (*body natural*).

королева — решит не связывать себя ни с кем узами брака. Незамужние женщины оказывались жертвами нешуточных социальных предрассудков. Это попирало божественный, равно как и человеческий порядок. Незамужняя королева была бы подвержена «печалям и слабостям», сопутствующим безбрачному положению. Несколько позднее архиепископ Кентерберийский вместе с епископами Лондонским и Йоркским направили ей пастырское послание, в котором выразили обеспокоенность тем, что «столь продолжительное отсутствие у вашего величества детей может быть знаком недовольства нами Господа». Бесплодие королевы поставило под угрозу безопасность и даже существование страны.

Был в этой группе еще один игрок. Конюший Роберт Дадли входил в свиту королевы. Он был красивым и ярким мужчиной; понятно, что королева испытывала к нему нешуточную симпатию и привязанность. Весной 1560 года прошли слухи, будто бы она денно и нощно посещает его покои, и вскоре эти слухи переросли в скандал, о котором оставили воспоминания даже иностранные послы при английском дворе. Поговаривали о том, что, если умрет жена Дадли, Елизавета выйдет за него замуж. К суду была привлечена женщина

из Брентфорда, заявляющая, что королева беременна от него. Летом того же года, сразу после успеха в Шотландии, Елизавета путешествовала вдоль южного берега Темзы. Дадли был ее неизменным спутником; вместе с ней он ежедневно ездил верхом и охотился. Сесил, видя, что его влияние снизилось, обдумывал свое положение. Он заявил испанскому послу, что «королева ведет себя так, что он подумывает об отставке. Плох тот моряк, что не прибился к берегу, видя, что приближается шторм…»

Затем, 8 сентября 1560 года, Эми Дадли погибла при таинственных обстоятельствах. Она сломала шею в результате падения с лестницы. Удобная смерть жены Дадли спровоцировала «мрачные и опасные подозрения и слухи». Подтолкнули ли ее? Или это было самоубийство? Королева отослала своего фаворита в его дом в Кью, где он пробыл некоторое время. Дадли пребывал в состоянии потрясения и тревоги. Он сказал одному из своих слуг, сэру Томасу Блаунту, что «ужасность и внезапность этого несчастья настолько ошеломляют меня… что я не нахожу покоя». Он слишком хорошо знал, во что «злобный мир» раздует случившееся.

После рассмотрения доказательств коронер-

ский суд вынес решение о том, что причиной смерти стал несчастныйо случай. Разумеется, этому вердикту было не под силу заглушить слухи о заговоре и даже об участии самой королевы в планировании убийства Эми Дадли. Правдивость слухов была очень маловероятной: после подобного события королева не смогла бы выйти замуж за Дадли по политическим соображениям. Апологеты заговора могли предположить даже то, что убийство Эми Дадли организовал Сесил, таким образом уничтожая все шансы на брак Дадли с королевой и нанося урон его репутации.

Неизвестно, какие отношения связывали королеву и фаворита. Характер Елизаветы был сформирован опытом и превратностями судьбы; она всегда была осторожна и держала руку на пульсе. Могла ли она навлечь несчастье, вступив в романтические отношения с одним из своих подданных? Королева очень редко была одна, если и была вообще. Ее окружали леди опочивальни и фрейлины, даже когда государыня спала; любой отход от строгого церемониала в ее жизни был бы сразу отмечен. «Моя жизнь словно открытая книга, и у меня столько свидетелей, — говорила она, — что я не могу понять, как обо мне сложилось такое отвратительное мнение».

В этих обстоятельствах Сесил составил меморандум для собственного пользования, в котором обобщил достоинства эрцгерцога Карла Австрийского, который до сих пор считался самым видным кандидатом на руку Елизаветы, и конюшего Роберта Дадли. Все говорило в пользу эрцгерцога. Сесил отмечал, что в статье «доход» у Карла значится «согласно отчетам, три тысячи дукатов в год», в то время как Дадли «весь в долгах и находится на иждивении у королевы». Что касается «дружбы», то эрцгерцог был дружен с императором и королем Испании, а также различными герцогами; Дадли же «друзей не имел, но мог приобрести таковых через королеву». Репутация Карла была такова, что он был «всеми почитаем», в то время как Дадли — «многими презираем. Смерть его жены». Сесил знал, что дело было закрыто. Но, как он говорил, «только Бог знает, что решит делать королева».

В начале 1561 года близкий товарищ Дадли обратился к испанскому послу с предложением. Он предположил, что, если Филипп II посодействует организации свадьбы Дадли и королевы, Елизавета, возможно, будет более благосклонно относиться к возможности воссоединения с Римом. Реакция Сесила на этот маневр была неза-

медлительной — он выявил папский заговор, арестовал и заключил в тюрьму нескольких католических священников и дворян по подозрению в посещении мессы. Общество приняло его меры с таким энтузиазмом, что для Дадли это стало недвусмысленным предупреждением о том, что любые предложения по примирению с папой будут отклонены. «Я счел необходимым, — писал Сесил, — сорвать ожидания папистов, обнаружив и наказав нескольких фанатиков мессы». Ожидавшийся визит папского нунция был отменен.

Весьма маловероятно, что Елизавета была замешана в планах Дадли. Она была достаточно сообразительна и разумна, чтобы понимать, что участие в подобном предприятии было бы в высшей степени недальновидным. На самом деле именно в этот период она наиболее нетерпимо высказывалась о супружестве. Архиепископ Кентерберийский сообщил Сесилу, что королева произносила «столь горькие слова о божественном супружеском союзе, что я пришел в ужас». Слова эти могли быть сказаны в контексте предложения о предоставлении духовенству возможности жениться, однако более глубокий смысл ее слов вполне ясен. «Здесь будет лишь одна госпожа, — заявляла она, — господина не будет!»

Будучи замужем, она была бы королевой; будучи незамужней, она была и королем, и королевой одновременно. Когда посол одного из германских государств заметил, что брак — «желаемое зло», она засмеялась. «Столь ли желаемое?» — спросила она его. Она бы предпочла быть одинокой попрошайкой, чем замужней королевой.

Вопрос престолонаследия омрачила очередная напасть. Леди Катерина Грей была младшей сестрой злополучной Джейн Грей; как таковую, ее можно было рассматривать в качестве законной наследницы престола в случае, если ее кузине Марии Стюарт будет отказано в ее притязаниях. Однако в ноябре 1560 года она вступила в тайный брак с Эдвардом Сеймуром, сыном покойного регента Сомерсета. Как возможная наследница и леди опочивальни, она имела двойную обязанность испрашивать у королевы разрешения на брак. Свои отношения с Сеймуром она скрыла, вне всякого сомнения опасаясь, что Елизавета воспротивится любому их дальнейшему общению. Когда речь шла о делах сердечных — не говоря уже о вопросах наследования, — королева была жесткой.

Реакция Елизаветы на новость, которая неизбежно достигла ее, была предсказуемой — она

пришла в ярость. Она заточила новоиспеченных супругов в Тауэр на неопределенный срок. Когда Катерина Грей родила в тюрьме сына, страхи Елизаветы усилились: перспектива наследника мужского пола существенно ослабила ее позиции. Она намеревалась провозгласить новорожденного незаконнорожденным, таким образом отрезая ему путь к короне. Катерина Грей — с ее стороны это было чрезвычайно неразумно — потеряла документы о заключении брака и забыла имя клирика, обвенчавшего их; единственный свидетель церемонии недавно преставился. Судьба, или провидение, были против нее. Ребенок был объявлен незаконнорожденным, а Катерина была освобождена из Тауэра и помещена под домашний арест, под коим и находилась семь лет до своей смерти. Сама королева была убеждена, что за этим династическим браком скрывались «великие интриги и цели», а кое-где ходили слухи о том, что союз Катерины Грей и Эдварда Сеймура устраивался как альтернатива елизаветинскому режиму.

Когда младшая сестра Катерины Грей Мария также вышла замуж без официального разрешения, ее поместили под домашний арест; муж ее был на несколько лет заключен в тюрьму Флит.

Брак этот был объектом непристойных шуток и вызывал недоумение. Мария Грей была «очень уродливым» карликом «с горбатой спиной», в то время как муж ее ростом был более двух метров и не мог похвастаться знатным происхождением. Они не представляли реальной угрозы королеве. И тем не менее королеву, как говорили в то время, приводили в негодование те естественные радости, что позволяли себе другие люди, но которые сама она себе запрещала.

Корона действительно была окружена тревогами. Вновь объявилась Мария Стюарт — источник тревог и опасений. Смерть Франциска II в декабре 1560 года оставила ее бездетной вдовой в государстве, которое не готово было благосклонно принимать ее среди враждующих группировок королевского двора. Ее устрашающая свекровь Екатерина Медичи, ставшая регентом Франции при десятилетнем Карле IX, питала к Марии «нешуточную неприязнь». Мария, в свою очередь, к свекрови относилась пренебрежительно, считая ее не более чем дочерью торговца, но смерть мужа лишила шотландскую королеву статуса и власти. Настало время вернуться в собственное королевство, где ее положение было бы более прочным.

Католические и протестантские партии Шотландии направили к ней послов с просьбой вступить в наследство. Католики убеждали ее высадиться на северо-восточном побережье страны; там ее встретил бы дом Гордонов, семья ревностных католиков, и с триумфом препроводил до Эдинбурга. Протестанты также желали возвращения Марии и надеялись на ее компромиссное отношение к их религии, поскольку это обеспечило бы защиту трона. В любом случае в Шотландии Марию ожидал радушный прием.

Она отправила своего посла к Елизавете, испрашивая ее разрешения на то, чтобы высадиться по пути в Шотландию в английском порту. Английская королева дала послу ответ громко, на многолюдном собрании. Она заявила о своем несогласии удовлетворить просьбу Марии, добавив, что той не следует требовать каких-либо одолжений, пока ею не будет подписан Эдинбургский договор, отрицающий притязания шотландской королевы на английский трон. «Пускай ваша королева ратифицирует договор, — объявила она, — и ей с моей стороны будет обеспечено — будь то на море или на суше — все, что можно ожидать от королевы, родственницы и соседки».

После этого английский посол в Париже был вызван для аудиенции с Марией. «Все монархи и страны сочтут странным то, — сказала она, — что сначала она настраивала моих подданных против меня, а теперь, когда я стала вдовой, затрудняет мое возвращение на родину».

Затем с ее стороны поступила косвенная угроза. «Я не ставлю под сомнение ее положение или отношения с подданными. И все же я осведомлена о том, что в ее государстве есть [некоторые], кто в достаточной степени склонны к тому, чтобы выслушать предложения». За угрозой последовала злая насмешка. «Ваша королева считает, что я молода и неопытна. Признаюсь — я младше ее». Марии тогда было всего девятнадцать лет, но к сарказму она прибегала уже вполне умело. Было ясно, что на Альбионе будет две королевы. Джону Ноксу доводилось встречаться Марией Стюарт. «Если нет в ней, — сказал он после, — ума гордого, остроумия коварного и сердца черствого, направленного против Господа и истины Его, то я ошибся в своем суждении».

Ее путешествие в Шотландию началось 15 августа 1561 года. Когда ее корабль отчалил от порта Кале, другое судно потерпело крушение; оно начало тонуть, теряя пассажиров и экипаж. «Боже

милостивый! — вскрикнула Мария. — Какой плохой знак для путешествия!» Какой плохой знак для царствования! При швартовке в Лите она и ее сопровождающие ужаснулись тому, в каком состоянии были лошади, которых им предстояло оседлать. Она уже оплакивала потерю роскоши французского королевского двора. Когда той ночью она отдыхала в Холирудском дворце, за ее окном пели псалмы около пятисот кальвинистов. Следующим утром они угрожали ее капеллану-католику, которого посчитали немногим более чем священником Баала. «Так, — заявила королева, — мои подданные начинают выказывать приветствие и верность; что будет в конце — мне неизвестно, но осмеливаюсь предположить, что мое положение будет очень худо». По крайней мере, эти слова приписываются ей. Однако даже в самых точных исторических документах могут присутствовать рассуждения задним числом.

Летом 1561 года, прямо перед возвращением Марии на родину, невиданное событие потрясло Лондон. Средневековый шпиль собора Святого Павла возвышался на 158,5 метра над землей и на 79 метров над башней; в то время создавалось впечатление, будто обшитый свинцом деревянный шпиль касается самих небес. 4 июня город

затянуло штормовой тучей, отчего стало темно, будто ночью. Примерно в два часа пополудни из глубин этой тучи вырвалась вспышка молнии, и пучок света ударил в наивысшую точку собора. Казалось, что все прошло, однако ранним вечером стало видно, что шар окутан голубой дымкой или туманом. Спустя минуту крест и орел на конце шпиля проломили крышу и обрушились на пол южного трансепта; свинцовая обшивка растаяла и потекла по стенам башни, и очень скоро вся структура была охвачена огнем.

Говорилось, что «весь Лондон в ужасе бросился к церкви». Королева видела огонь из окон своего Гринвичского дворца. Некоторые моряки бросили якорь на Темзе и организовали импровизированный конвейер из ведер с речной водой; затем они взобрались на крышу с мокрыми шкурами, чтобы подавить пламя. К полуночи огонь был потушен, и собор представлял собой почерневшие руины без крыши. Многие верили в то, что это недобрый знак, предвещавший великие изменения в делах человеческих, но, как и всегда, он остался неясен. Что касается самого собора, то башню отреставрировали, однако шпиль так и не восстановили.

Некоторые были уверены в том, что воспламе-

нение было делом рук папистов, использовавших порох или более неуловимые магические методы. Весной 1561 года была сформирована комиссия по расследованию «фанатиков мессы и колдунов», и по подозрениям в некромантии были арестованы некоторые дворяне-католики; в использовании темных искусств против королевы признались различные колдуны, после чего они были пронесены по улицам Лондона и пригвождены к позорному столбу.

Таким образом, остров кишел слухами. Призывали обратиться к предсказаниям Нострадамуса, и в 1562 году на двадцать книготорговцев наложили штраф за продажу одной из его книг предзнаменований. Тот же год был свидетелем многих других чудес. Ко двору было принесено тело ребенка, родившегося с кольцом шерсти вокруг шеи и с руками, «подобными жабьим лапам». Рождались свиньи с человеческими носами.

Столь предивные телята и свиньи
И иные подобные уродцы
Знаменуют собой перемены в мире[68].

[68] Примечания: 68
The calves and pigs so strange / With other more of such misshape, / Declareth this world's change.

Елизавета заболела; вероятно, это было самое неблагоприятное время для хвори. В конце одного письма, составленного осенью 1562 года, она добавила: «Писать дальше мне не позволяет жар». Тогда она отдыхала во дворце Хэмптон-Корт. Чтобы смягчить проявления жара, она приняла ванну, однако вместо желаемого эффекта у нее начался озноб, и тело быстро поддалось болезни. У нее обнаружили оспу, которая с большой вероятностью могла отнять у нее жизнь. Позже она вспоминала, что «смерть распоряжалась практически всеми моими членами, поэтому я тогда желала, чтобы тоненькая ниточка жизни, которая длилась столь (как я думала) долго, слишком долго, будет тихо разрезана Клото». Клото была одной из мойр-Судеб, управляющая человеческой долей. Елизавета впала в бессознательное состояние и «не произносила ни слова».

Сесила вызвали сразу после того, как королева слегла. Ему сообщили, что жить ей, возможно, осталось всего несколько дней. Члены совета были вызваны из Лондона. Денно и нощно они проводили встречи, обсуждая грозившую им катастрофу. Все сомнения и противоречия в государстве достигли критической точки в дискуссиях о порядке престолонаследия. О Марии

Стюарт не могло быть и речи: воцарения второй королевы-католички допустить было нельзя. Из всех кандидатов самой подходящей считалась леди Катерина Грей, все еще пребывавшая в опале после тайного заключения брака. Она, по крайней мере, была протестанткой.

Когда лихорадка значительно стихла, королева вернулась в сознание. Она была уверена в том, что умирает, и, когда члены совета собрались у ее ложа, она попросила их назначить Дадли регентом королевства. Она сказала им, что очень его любит, однако заявила, призвав Господа в свидетели, что между ними никогда не было «ничего непристойного». И все же кризис миновал: ее крепкое от природы здоровье взяло верх, и она осталась в живых. Однако факт того, что она смертна, стал теперь очевиден всему государству и ей самой. В следующие годы королева не желала, чтобы ей напоминали о ее болезни.

28. Тридцать девять шагов

Религия Англии всегда обладала жизненно важным европейским аспектом. В начале 1560-х годов, например, страна стала частью Религиозных войн, расколовших Францию. В вопросах веры ни одно государство не было островом. В период регентства Екатерины Медичи боролись за господство католики и гугеноты, при этом Гизы поддерживали католиков, а Бурбоны приняли сторону протестантов. Сама Екатерина обязана была поддерживать между ними определенное равновесие, чтобы сохранить единство королевства. В эту нелегкую борьбу были, в свою очередь, втянуты правители других европейских государств, как католических, так и протестантских; в числе первых были император Священной Римской империи Фердинанд I и Филипп II Испанский. Елизавета не могла оставаться в стороне: это выглядело бы слабостью. Большая часть ее совета, представлявшая собой приверженцев протестантизма, также поддержала бы дело протестантов.

Елизавета, как всегда, медлила. Она никогда

не принимала решение, когда его можно было избежать. Промедление было ее способом ведения государственных дел. Она не водила дружбы с кальвинистами-гугенотами, поскольку не уважала учений Кальвина в лице Джона Нокса и его «Первого трубного гласа против чудовищного режима женщин». Ей была противна мысль растратить столь нужные стране денежные средства в войнах европейских государств. И у нее было куда больше причин для наблюдения за действиями Марии Стюарт в Шотландии. В любом случае всеобщая Религиозная война в Европе пророчила многие опасности. Она могла втянуть Англию в бессмысленную бойню. Но война была возможностью выиграть дорогие призы. Один из советников писал Елизавете, что «есть вероятность, что во всей этой суматохе представится возможность вернуть Кале». И все же королева колебалась. Она отправила к Екатерине Медичи посла с обещанием оказать ей помощь в любом посредничестве.

В то же время Мария Стюарт добивалась встречи с английской кузиной, питая надежду на то, что Елизавета признает ее притязания на трон. Елизавета была открыта возможности увидеться с близкой родственницей и соседствующей

королевой. Эта встреча могла способствовать перемирию во Франции и успокоению Гизов, с которыми была связана Мария, бывшая некогда женой французского короля. Но и здесь подстерегали бесконечные опасности. Совет был единогласен: этой встрече двух королев не бывать. Они не сомневались в том, что Мария — тайный враг, продолжающий преследовать интересы католичества от лица Франции. Слишком страшно было представить, что королевой Англии опять станет католичка.

Елизавета отстояла свое желание встретиться с королевой шотландцев и обещала устроить для той прием в Ноттингеме в начале сентября 1562 года. Властям города были направлены письма с приказом подготовиться к прибытию эскортов двух королев, насчитывавших около четырех тысяч человек. Однако были получены новости о том, что испанские войска подходят к французской границе, дабы поддержать претензии Гизов. Протестанты, должно быть, были огорошены; предложения Елизаветы относительно посредничества теперь оказались тщетными, а любые встречи — в высшей степени бестактными. Поэтому запланированную встречу с Марией Елизавета отменила. Узнав об этом, королева

шотландцев слегла на целый день.

Отчаявшийся предводитель гугенотов принц Конде обратился к Елизавете с просьбой предоставить ему войска и денежные средства. Он до сих пор контролировал Нормандию и в ответ на ее помощь обещал передать ей Гавр и Дьеп в качестве обеспечения возвращения Кале в состав Англии. Она больше не могла медлить; ее нежелание помочь протестантам разрушало доверие к ней на Антверпенской бирже. 22 сентября в Хэмптон-Корте был заключен договор с представителями Конде. Королева согласилась отправить войска численностью шесть тысяч человек во Францию, а также предоставить крупный заем. Она писала Марии о необходимости «защитить собственные дома от разрушения, когда соседские охвачены огнем». Нужде закон не писан.

2 октября английское войско покинуло Портсмут и направилось во Францию, где два дня спустя овладело Гавром. Это был первый шаг к возвращению Кале. Есть вероятность, что королева была заинтересована в этом городе больше, чем в помощи протестантам. Вопреки ее прямым приказам, небольшая часть английских войск присоединилась к протестантам для защиты Руана. Дела военные, как ей было хорошо

известно, — вещь непостоянная. Руан был взят католическими отрядами Гизов, а защитники города преданы мечу. За кровавой битвой при Дрё на северо-западе Франции, в которой обе стороны потеряли тысячи бойцов, последовал непростой период затишья. Затем Екатерина Медичи организовала перемирие между католиками и протестантами, в котором принцу Конде была предложена умеренная форма религиозной терпимости. Тогда казалось вероятным, что, по поговорке того времени, английским интересам суждено было «пойти коту под хвост».

Английские войска в Гавре вели себя вызывающе. Они хотели «надрать французам задницу» и обещали королеве, что «ни одна пядь земли не будет отдана без крови». Конде и Гиз теперь рука об руку шли на давнего врага, а Елизавета бранила принца, называя его «предателем, клятвопреступником и капризным злодеем». Она настояла на том, чтобы Кале был передан ей до того, как она покинет Гавр. Она приказала спустить корабли на воду; было сформировано войско из преступников, отбывавших наказание в лондонских тюрьмах; воры и разбойники вступали в ряды армии, чтобы избежать виселицы.

Но смерть пришла в другом обличье. В ан-

глийском гарнизоне Гавра вспыхнула «странная болезнь». В самый пик июньской жары стало известно, что это чума. К концу месяца ежедневно гибли шестьдесят человек. Осаждавшие город французы оставили его без воды; невозможно было достать ни свежего мяса, ни свежих овощей. К началу июля в живых оставались лишь полторы тысячи человек, и французская артиллерия опустошала улицы. Королева и совет высылали все больше и больше бойцов, однако тщетно: отравленный и загрязненный воздух был более губителен, чем орудия французов. Командир гарнизона граф Уорик заключил соглашение с врагом. По существу, он сдался. Гавр был возвращен французам, а остаткам англичан было разрешено погрузиться на свои корабли.

Произошедшее было кошмаром, но это была лишь прелюдия к очередной катастрофе. Возвращающиеся солдаты привезли чуму в Англию. Оставшуюся часть лета в городах и деревнях, которые солдаты оставляли за собой по пути, буйствовала смерть. Симптомы были схожи с симптомами лихорадки: приступы озноба сменялись острыми головными болями, которые, в свою очередь, переходили в неудержимое желание спать. Такая истома чаще всего приводила к

смерти. В августе смертность в Лондоне возросла с семисот до двух тысяч человек в неделю. Лишь когда ноябрьские и декабрьские ливни очистили улицы, эпидемия прекратилась.

Из Гаврской катастрофы королева вынесла два жестоких урока. Неразумно полагаться на обещания правителей. Опасно вмешиваться в войны, которые не она сама инициировала. В последовавшем соглашении Елизавета отказалась от всех претензий на Кале.

В начале 1563 года был созван парламент, чтобы рассмотреть важные для государства вопросы и, в частности, определить финансирование продолжающейся войны с Францией. Однако представители обеих палат больше хотели решить проблему престолонаследия: последняя болезнь королевы четче показала, сколь непрочным будет положение государства в случае ее кончины. Дебаты были столь серьезными, что Мария Стюарт направила посла с целью наблюдения за процедурами и отстаивания ее интересов.

Члены палаты общин долго рассуждали об опасностях незамужнего положения королевы. Если не предвиделось свадьбы или если не был выбран наследник, вся страна была в известном смысле бесплодной; это увеличивало риск беско-

нечных бед, в числе которых были гражданская война и иностранное вторжение. В ответ на их петицию королева произнесла довольно прямую, но неоднозначную речь, в которой утверждала, что понимает все опасности так же хорошо, как и парламентарии, если не лучше. Она когда-то читала о некоем философе, который имел привычку пересказывать весь алфавит, прежде чем приступать к обдумыванию деликатной проблемы (ту же самую историю рассказывали о римском императоре Августе); так же и она будет ждать и молиться, прежде чем принять какое-либо решение. «Я уверяю вас, что пусть после смерти моей у вас будет много мачех, но никогда не будет у вас более подходящей матери, чем я собираюсь быть для всех вас». Это можно считать любезным ответом.

В петиции, направленной лордам несколькими днями спустя, Елизавета была более прямолинейной. Она выразила надежду на то, что они проявят бóльшую предусмотрительность, чем их коллеги из нижней палаты, которая была полна «беспокойных голов, в мозгу которых маршируют тщетные суждения». Королева заявила, что назначение наследника престола приведет к гражданским волнениям и кровопролитию.

Отметины на ее лице были отнюдь не следами преклонного возраста, но шрамами от оспы. В любом случае она, как мать Иоанна Крестителя, может родить в более зрелом возрасте. Ведь ей, в конце концов, было в тот момент всего двадцать девять лет.

В окончательном обращении к членам обеих палат, которое зачитал лорд-канцлер, Елизавета признала, что не принимала решения *не* выходить замуж. «И, если я изыщу возможность подчинить мои предпочтения надобности вашей, я этому не воспротивлюсь». «Если» может быть весьма шатким обязательством. Она обещала посоветоваться с учеными мужами, «чтобы я с большей радостью обеспечила вам благо после смерти моей, чем всеми молитвами, прочтенными мной, пока я жива; и это будет означать, что нить моей жизнь сохранится». Эта фраза мастерски вводила в заблуждение, а потому могла означать все что угодно или ничего.

Утверждалась Елизавета и на другом фронте. Есть вероятность, что Уильям Сесил, а также некоторые другие члены совета оказывали содействие в продвижении парламентских петиций. Прямой вовлеченности в дискуссии с королевой с их стороны не наблюдалось, однако косвенным

образом они могли оказывать на нее давление. «Вопрос слишком серьезен, — писал Сесил, — я не могу в него вмешиваться. Ниспошли, Господи, достойное решение!» Тем не менее именно он считал, что парламент должен рассматривать вопрос престолонаследия и консультировать по нему — даже ценой уменьшения королевских полномочий.

Сесил был убежден, что совет должен направлять, а то и управлять королевой. Чтобы правление Елизаветы было богоугодным, ей нужен мудрый мужской совет. Один из советников королевы, сэр Фрэнсис Ноллис, объяснил ей, что необходимо отставить в сторону «те увлечения и страсти ума вашего, что управляют вами. Меж тем ценить вам стоит более всего те решения, что приняты при обсуждении с вашими самыми преданными советниками». Члены совета были «стражами» или «отцами страны». Елизавета не могла стать тираном.

И все же королева сохранила свою власть над парламентом. Ее предшественница созвала пять парламентов за четыре года, в то время как сама она в первые тридцать лет правления созывала его лишь семь раз. «В моей власти, — заявила однажды спикеру Елизавета, — созывать парла-

менты: в моей власти завершать и направлять их; в моей власти соглашаться или не соглашаться с любым вопросом, находящимся на рассмотрении в парламенте». Законодательство исходило из совета либо попадало на рассмотрение в парламент по его требованию или с его молчаливого согласия. Министры Елизаветы, такие как Ноллис и Хаттон, были членами палаты общин. Спикер был назначен королевой в качестве орудия ее власти. Конечно, долгое правление королевы было свидетелем некоторых случаев неподчинения и недовольства, но в целом ей удавалось снижать накал страстей любезными речами, дипломатичными переговорами или избирательным заточением особенно строптивых парламентариев. В битве сообразительности она была непобедима.

Вопрос «свободы речи» поднимался, однако так никогда и не был решен, и связанные с ним проблемы вновь появились на горизонте в период правления следующего монарха Якова I. В целом парламент считался продолжением королевского правительства, при условии что источник всего права, согласно словам одного политического философа, «зиждется на различных статутах, изданных королем, палатой лордов и

палатой общин».

В 1563 году Сесил подготовил законопроект о порядке престолонаследия, в котором указывал, что в случае, если королева преставится, не произведя на свет наследника, власть на ближайшее будущее перейдет к тайному совету. На некоторое время Англия станет олигархией или аристократической республикой, напоминающей политический строй Венеции. Сесил предложил, что после этого ответственность за выбор нового монарха должна будет лежать на парламенте. Идея наследственно-выборной монархии была новой и пугающей; она отрицала все устройство и дух династии Тюдоров. Конечно, на такой шаг Сесил решился, будучи преисполнен беспокойства и напряжения. Впрочем, законопроект так и не поступил на обсуждение; попадись он Елизавете, она безусловно его бы аннулировала. Сесил, возможно, понимал, что перегнул палку.

Парламент опубликовал два закона, несколько более важных, чем остальные. Среди мер, вводимых Статутом о ремесленниках, было предписание о том, что минимальный размер заработной платы должен устанавливаться местными мировыми судьями. Рабочие нанимались на работу на основании годового контракта.

Подмастерья должны были согласно традиции Лондона отслужить семь лет. Все трудоспособные мужчины в период сбора урожая могли были быть отправлены на принудительные полевые работы. Эти меры могли бы быть временными, направленными на решение сиюминутных проблем, однако этот случайный и не отличающийся связностью статут не потерял силы на протяжении следущих двухсот пятидесяти лет.

Другой закон рассматривал проблему «сильных нищих» и безработных. Была введена обязанность каждого прихода поддерживать «немощных, престарелых и нуждающихся» путем выделения общинных средств. Облегчение участи бедных перестало быть прерогативой церкви — многовековой традицией, но стало местным мирским вопросом. Подношения бедным именовались «пожертвованиями», а еда со стола богатых называлась «хлебом Матери Божьей»; эти понятия, разумеется, исчезли. Возможно, поиску новых мер способствовал роспуск религиозных учреждений в годы правления Генриха VIII.

Можно утверждать, что протестантизм создал дополнительное пространство, в котором светские власти могли управлять всей страной. В

1553 году был основан первый работный дом в Англии, Брайдуэлл; в Эксетере работный дом был открыт в 1579 году. Власти Лондона уже основали пять «госпиталей», которые пришли на смену средневековым религиозным аналогам. Госпитали Святого Томаса и Святого Варфоломея были предназначены для больных и престарелых; они существуют и сегодня. Госпиталь Христа давал кров бездомным детям, в то время как Бедлам предназначался для душевнобольных. Законом 1572 года был учрежден первый местный налог в рамках Закона о бедных. Затем последовали другие законы и статуты. Однако термин *state* — «государство» — в своем современном значении появился лишь на закате XVI века.

Поэтому можно с некоторой уверенностью сказать, что эти два закона оказались самыми знаменательными для социально-экономической структуры английского общества. Однако парламентские меры были отнюдь не благосклонными, а, напротив, строгими и авторитарными. К примеру, ужесточились наказания за бродяжничество. Обычные бродяги подвергались порке и отправлялись в заключение до тех пор, пока для них не подыщут хозяина; опасные же элементы изгонялись из королевства, а в случае возвраще-

ния приговаривались к каторжным работам или заканчивали свой путь на виселице[69].

В 1563 году произошло собрание конвокации епископов и старшего духовенства, как обычно, совместно с парламентом. Поскольку эта конвокация была первой после восстановления протестантской веры, считалось необходимым сформировать от лица церкви надлежащее законодательство. Документ «Общие замечания по вопросам, которые должно поднять духовенство в следующем парламенте и синоде» выражал желание «постатейно сформулировать определенную форму вероучения». Нужно было установить основу веры Англии.

В ходе совещаний и дебатов были сформулированы Тридцать девять статей вероисповедания. Некоторые из них не были составлены вовремя, и парламент не смог принять необходимое законодательство; такие статьи должны были ожидать парламента, созванного тремя годами спустя. Лишь в 1571 году документ стал официальным догматом веры. Но самая важная работа была

[69] Примечания: 69

Совокупность законов и постановлений против бродяг и нищих, изданных Тюдорами, получила название «кровавого законодательства против экспроприированных» в 1-м томе «Капитала» Карла Маркса (глава 24).

сделана. Конвокация 1563 года установила главное вероучение в истории англиканской церкви, которое до сих пор не потеряло своей силы. Литургия должна была исполняться на народном языке; месса не дозволялась, и поклонение Святым Дарам считалось богохульным; папские доктрины пресуществления и хождения по мукам отвергались; взывать к святым запрещалось. Подчеркивалась роль монарха как верховного главы церкви.

В целом Тридцать девять статей считались умеренно кальвинистскими, однако нет ни одной статьи, которая бы противоречила лютеранству и кальвинизму. Статьи представляют собой настолько широкое определение протестантской веры, насколько таковое можно было дать в XVI веке. Они считались тридцатью девятью шагами к широкому внутреннему соглашению. Более ревностные протестанты не всегда были довольны результатом, и с течением времени их взгляды стали называть пуританскими. «Я признаюсь, — писал епископ Даремский, — мы терпим многие вещи, противные сердцу нашему; но мы не можем отказаться от них, хотя всегда были к этому подстрекаемы. Мы находимся в подчинении и не можем ввести никаких нов-

шеств без одобрения королевы; не можем мы и менять законы; единственное, что нам подвластно, — это сделать выбор: терпеть или разрушить спокойствие церкви». Эти слова можно считать предзнаменованием будущих расхождений.

Вероисповедание большей части населения, вероятно, было смешанным и изменчивым, ни полностью старым, ни совершенно новым. Протестантская религия была введена недавно, в то время как католическая религия уже продолжительное время отмирала. Два современника предположили, что во времена восхождения Елизаветы на престол лишь 1 % населения активно склонялся в сторону протестантизма. В 1561 году оксфордский профессор богословия Николас Сандер составил документ «Как простые англичане относятся к католической вере», в котором заявлял, что «земледельцы и пастухи являются католиками»; конечно, они представляли собой большую часть населения. Он отмечал, что ремесленники не принимали протестантскую веру, «за исключением тех, что были заняты сидячей работой, например ткачи и сапожники». Среди территорий, придерживавшихся преимущественно католических взглядов, выделялись Уэльс, Девон, Камберленд, Нортумберленд и

Уэстморленд. В течение следующих нескольких десятилетий учения протестантов стали более благосклонно восприниматься в Кенте, Эссексе, Суффолке, Суссексе и, конечно, Лондоне.

Летом 1561 года епископ Карлайльский доложил, что во многих церквях его епископства до сих пор служили мессу — с молчаливого согласия местного лорда. Тем же летом судьи Херефорда распорядились, чтобы День святого Лаврентия отныне считался церковным праздником или выходным днем. Ни один мясник не продавал мясо и ни один торговец не осмеливался открыть свой магазин в этот день. В Девоншире был оказан прием неортодоксальным священникам (католикам), где их «потчевали и прославляли так, что даже сам Христос не мог быть удостоен столь почтительного обращения». Епископ Винчестерский сетовал, что его люди «упрямо пресмыкались перед суевериями и папой, при этом не было недостатка в священниках, что ежедневно бы внушали им то же самое». В городском совете Херефорда не было «ни души, что относилась бы к сей [протестантской] религии благосклонно». Лишь шестеро практиковали ее в Ладлоу. В 1567 году семнадцать церквей на востоке Йоркшира до сих пор имели католические

атрибуты, а семью годами спустя в более чем дюжине церквей Нортгемптоншира имелись галереи над алтарной преградой, которые давно были запрещены. В годы правления Елизаветы в Ланкашире вели деятельность семьдесят пять священников-католиков, в Йоркшире — еще сто.

Пусть большая часть населения до сих пор склонялась к прежней религии, мало кто стремился воспротивиться властям, открыто практикуя ее — по крайней мере, в Лондоне и на юго-востоке Англии. Некоторые люди утверждали, что если, посещая протестантские богослужения, они совершают грех, то грех этот падет на королеву. Пока они еженедельно посещали церковь и совершали новые обряды протестантской веры, они были свободны верить во что угодно. Они могли как верить во что-либо, так и ни во что не верить. Было легче и безопаснее исполнять и подчиняться, чем оказывать сопротивление.

Поэтому протестантские службы были гибкими, если не сказать двусмысленными, и открыто предлагали лишь то, во что верил каждый христианин: правила богослужения и церемониал могли быть некоторым образом изменены, чтобы соответствовать религиозным предпочтениям конгрегации. Так, в 1564 году Сесилу доложили

о том, сколь по-разному проходят богослужения: «некоторые совершают церковную службу и молитвы в алтарной части; другие — в нефе… одни строго придерживаются буквы священных книг, а другие смешивают метр псалмов… некоторые причащаются, преклонив колени, иные — стоя; кто-то принимает крещение в купели, кто-то — в водоеме; некоторые крестятся, некоторые — нет».

Отсутствие порядка наблюдалось и в одеяниях священнослужителей. «На некоторых служителях стихарь, на некоторых его нет; на некоторых квадратная шапочка, на других же круглая, на третьих шапочка с пуговицей, на четвертых круглая шляпа; кто-то облачен в одеяния ученого, кто-то — в другие». Много жалоб было по поводу отсутствия должного внимания при совершении церковных служб и формального к ним отношения. В церквях не на чем остановить взор: все былые украшения изъяты из церковных помещений. Отмечалось, что по воскресеньям в пивных было не протолкнуться, и люди готовы с куда бóльшим рвением пойти на медведя, нежели посетить церковную службу. Когда исчезли великие обряды, появилось много людей, которые, как выразился один клирик, «кувшин эля почитали

сильнее, чем церковную кафедру, а скирды хлеба — более дверей в церковь; они, приходя на службу не из набожности, а из желания следовать моде, довольствуются тем, что, пару раз сняв шапку и преклонив колени, кашлянув и сплюнув» поют псалом или дремлют во время проповеди. Что касалось священнослужителей-протестантов, было всего семь тысяч посвященных в сан из общего числа в девять тысяч духовных лиц.

Однако было бы неблагоразумно преувеличивать ревностный характер позиции католиков. Еще за восемнадцать месяцев до вступления Елизаветы на престол венецианский посол предположил, что лишь очень малое число не достигших тридцатипятилетнего возраста англичан были истинными католиками. Новую религию они не приветствовали, однако старую веру уже потеряли. Они были «безучастными к религии», как окрестил их один бенедиктинец. Поэтому мы предполагаем, что в стране наблюдался весьма высокий уровень равнодушия к религии. Мужчина или женщина того возраста уже и не смогли бы вспомнить те времена, когда монарх не был главой церкви, впрочем, этот факт вряд ли мог пробудить в людях набожность.

К безразличию добавлялись неуверенность и

замешательство. Епископ Солсбери, читая проповедь перед королевой, сокрушался о том, что «бедные люди покинуты и брошены, словно овцы без пастуха… от них требуют сменить религию, и они не ведают, куда им идти, ведь некому их наставить: они не понимают ни от чего надо отказаться, ни что следует принять». Многие и вовсе пребывали в невежестве. Один пожилой человек, услышав, что будет спасен через Христа, сказал в ответ: «Сдается мне, я однажды слышал о человеке, о котором вы говорите, в спектакле в Кендале, что назывался „Тело Христово“, в котором был висевший на дереве человек, истекавший кровью».

Некоторые, однако, имели весьма четкое представление о том, во что от них ожидалось верить. Уже в 1572 году анонимный летописец указывал, что за пределами Лондона менее чем один из сорока человек был «добросовестным и истово верующим проповедником». Это небольшое и ревностное меньшинство черпало недюжинное вдохновение в «Книге мучеников» Фокса, опубликованной весной 1563 года. Та содержала пронзительные и подчас наводящие ужас истории о тех, кто принял сожжение за новую веру в правление предшественницы Елизаветы —

Марии. Например, Фокс описал тяжелую участь женщины, которая родила дитя в то время, как языки пламени сжигали ее в Гернси; младенца бросили в огонь к матери. Когда-то эту историю считали выдуманной, однако другие документы эпохи предполагают, что она случилась в точности так, как описал ее Фокс. Ксилографии книги представляли собой бриллианты агиографии. Благодаря этой книге страна, лишенная одних святых, обрела целую плеяду других.

Фокс создал новую историю Реформации, в которой англиканская церковь сохранила «старинную древнюю церковь Христову», которая постоянно находилась в тени католической церкви. «Время Антихриста», начавшееся примерно в 1100 году наконец завершилось. Фокс объявлял следующее: «Поскольку Господь объединил нас, англичан, здесь, в одном государстве, а также и в одной церкви, будто на одном корабле, давайте не калечить и не делить этот корабль». В тот период в понятие *государство* входили политическое образование и всеобщее благо; это был образ общества, выходящего за рамки личных интересов и горечи разногласий и постулирующего идеализированный и плодотворный союз всех владений королевства. Целью было «богоугодное

государство».

Англичане в очередной раз стали избранным народом. Путем создания протестантской историографии Фокс, по сути, придал новой религии форму и содержание. Книга выдержала пять изданий в годы правления Елизаветы и стала наиболее популярной и незаменимой из всех книг о вере — после Библии. В конце концов поступил приказ о том, чтобы эта книга — наряду с «Парафразами» Эразма Роттердамского — была в каждой приходской церкви.

Многие ревностные протестанты не были удовлетворены религиозным урегулированием и ждали дня, когда будут осуществлены очередные реформы. Один из них — декан Уэлского кафедрального собора — научил свою собаку срывать папские квадратные шапочки со всех клириков-конформистов, которые отваживались их надеть. В 1560-е годы подобные радикально настроенные люди еще были частью неспокойной и раздосадованной елизаветинской церкви, однако уже начинали отстаивать свою самобытность. Например, именно в этот период из церкви в более широком смысле начало выделяться пуританское движение. Сотня лондонских священников была созвана в Ламбет, где перед ними выступил

духовник в традиционном облачении, состоящем из четырехугольного головного убора, столы и мантии ученого. Когда прибывших священников спросили, наденут ли они то же самое облачение, они пришли в смятение. «Невероятно сильны, — вспоминал один наблюдатель, — были муки и страдания этих священнослужителей». Они воскликнули: «За такой порок наши души будут погублены!» В конце концов шестьдесят один человек согласился надеть эти одеяния, в то время как тридцать девять были временно отстранены от своих обязанностей и должны были в течение трех месяцев подчиниться.

Теперь по приказу королевы стали приниматься иные меры против протестантов более строгих взглядов. Любому, кто отказывался подписать декларацию верности, не давали согласия на осуществление богослужений. В результате многие богобоязненные священники стали жить мирской жизнью, в которой работали юристами и даже докторами; некоторые мигрировали в Шотландию, известную своим более доброжелательным отношением, либо обосновались в Цюрихе и Женеве. В ответ на серию памфлетов и книг с проповедями, приветствующими пуританское течение, Звездная палата издала судебный

запрет, воспрещающий под страхом трехмесячного тюремного заключения публикацию любых трактатов, направленных «против предписаний королевы».

Радикальные сектанты, считая, что на них организованы гонения, сплотились еще сильнее. За эталон они приняли богослужебную книгу, используемую кальвинистами в Женеве. Традиционную литургию на английском языке, используемую, как они утверждали, «традиционалистами», они отвергали. Особенно оживленной была их деятельность в Лондоне. В 1567 году Джон Стоу писал, что «группа, именующая себя пуританами или незапятнанными агнцами Господа… содержала церковь в Минорис при Олдгейте». В разное время они собирались на корабле в доках Святой Екатерины, на Пудинг-Лейн и в доме ювелира на улице Стрэнд.

Мнения по поводу крещения и предопределения у них различались, но они были едины в страстном стремлении молиться и распространять Слово Божье. Они подчеркивали огромное значение Священного Писания, презирали пережитки папства, до сих пор не исчезнувшие из новой религии, призывали незыблемо соблюдать священный день отдохновения — воскресенье,

осуждая всеобщую разнузданность эпохи. Смысл заключался в личной вере человека, доступ к которой имело лишь милосердие, но ни один священник. Можно сказать, что благочестивые чтили духовную церковь, в то время как верующие, придерживающиеся традиционных взглядов, — зримую.

В июне 1567 года группа сектантов арендовала Пламберс-Холл в Чекер-Ярде, Лондон, якобы для празднования свадьбы; в действительности они стремились провести день в проповедях и молитвах. Молва об их планах достигла властей города. Их окружили, а некоторых арестовали шерифы. Сектанты предстали перед епископом Лондонским. Двадцать четыре человека были на некоторое время брошены в тюрьму. Возможно, именно это событие стало толчком к зарождению религиозных распрей, которые в конце концов привели к расколу страны.

Пуритане пользовались поддержкой наиболее влиятельных людей королевства. Многие епископы благосклонно относились к их стремлениям. Наиболее известным человеком из знати, защищавшим радикальных протестантов, был граф Лестер. Считается, что Уильям Сесил вместе с другими советниками королевы придерживались

тех же взглядов. Влиятельная группа пуритан начала формироваться в Кембриджском университете. Королева была невозмутима. Елизавета не собиралась насаждать единственно возможную религию, но требовала подчинения. На этом, как она считала, зиждился мир в королевстве. Ничто бы не вынудило ее провести доктринальную реформу. Ей была неприятна мысль о каких бы то ни было изменениях религии.

Другие были настроены оптимистично. В «Апологии англиканской церкви» 1562 года Джон Джуэл, епископ Солсберийский, провозгласил, что «мы приблизились к апостольской вере столь близко, сколь возможно». Свое убеждение он обосновывал тем, что «мы исследовали святую Библию, которая не может лгать, и нашли нашу истинную форму религии». Эти умеренные протестанты верили, что отыскали вековую истину, давно исчезнувшую в трясине папства. В годы правления Елизаветы вкус к протестантской религии под влиянием конформизма или равнодушия постепенно обрело большинство людей, однако это соглашательство медленно, но верно переросло в традиционную религию Англии. Спустя несколько лет не осталось людей, знавших иные формы богослужения. Эта монархическая

церковь на рубеже веков получила название англиканской.

Имело место и другое преобразование, ставшее заслугой королевы и ее совета, — денежная реформа. Елизавета изъяла из обращения обесценившиеся монеты, а также уменьшила количество дешевого металла, используемого при чеканке; впервые за много лет стоимость монеты стала эквивалентна ее номинальной стоимости. Королева положила конец снижению стоимости, начавшемуся в правление ее отца. Достижение это было столь эпохальным, что нашло отражение в месте ее упокоения. В эпитафии оно приводится третьим в числе наиболее успешных свершений Елизаветы после религиозной реформы и сохранения мира. Набожность, мир и процветание должны быть неделимы.

29. Соперницы

Королевы Шотландии и Англии оставались незамужними, и это необычное положение оборачивалось для обеих трудностями. Мария Стюарт искала спутника жизни во Франции или Испании; ходили слухи, что она, вероятно, выйдет замуж за дона Карлоса — сына испанского короля Филиппа II — или даже за брата своего покойного мужа — Карла IX Французского. Случись так, сила ее страны удвоилась бы, а угроза соседней державе стала бы еще серьезнее. Проявив неслыханную дерзость, Елизавета предложила представителям Шотландии при ее дворе, чтобы их госпожа рассмотрела в качестве кандидата на ее руку Роберта Дадли — недавнего фаворита самой Елизаветы, чтобы в итоге произошло объединение в один двор с финансированием со стороны английской королевы. Мария некоторое время рассматривала это предложение как очередное средство приблизиться к английскому трону, однако никогда не была готова принять то, что отвергла Елизавета. Она воодушевленно ублажала соперницу расплывчатыми обещания-

ми, но в действительности искала иностранного принца.

Это заставило Елизавету пересмотреть вопрос собственного замужества. В очередной раз она обратила внимание на кандидатуру эрцгерцога Карла Австрийского и в начале 1564 года написала Габсбургам о том, что «должна была принять это решение во благо ее страны и подданных». Она отнеслась к словам парламента со всей серьезностью. Однако вероисповедание эрцгерцога создавало известные трудности: он был истовым католиком, который не потерпел бы никаких препятствий к отправлению своей религии. Роберту Дадли осенью 1564 года был дарован титул графа Лестера, однако новый статус не смог существенно приблизить его к цели. Он еще оставался серьезным фаворитом королевы, ее истинным рыцарем «без страха и упрека». На церемонии вручения Дадли титула шотландский посол отметил, что «королева не могла удержаться от того, чтобы не коснуться слегка рукой его шеи». Выйди Елизавета замуж, однако, такие знаки расположения стали бы строжайше запрещены.

Дадли, вероятно, принял решение расстроить возможный союз королевы и эрцгерцога. Он вступил в сговор с французами с целью продвижения

кандидатуры молодого Карла IX, однако огромная разница в возрасте между 14-летним мальчиком и 31-летней женщиной стала бы предметом глумлений и волнений. Елизавета сказала, что не пройдет и нескольких лет, как он уйдет от нее, оставив ее недовольной старой женщиной. Когда испанский посол спросил ее, намеревается ли она выйти замуж за французского короля, она «полуприкрыла лицо и засмеялась».

После провала французского плана Лестер выступил против заключения брака Елизаветы с эрцгерцогом ввиду вероисповедания этого кандидата, Вероятно, не следует удивляться тому, что в этот период Лестер стал проявлять себя защитником истинной протестантской веры. Он поддерживал «богоугодных» миссионеров, к примеру, в их протестах против папских элементов Книги общих молитв. Его точку зрения относительно брака Елизаветы и Карла Австрийского категорически не поддерживали Сесил, герцог Норфолк и граф Суссекс; последний лично посетил Вену, чтобы ускорить заключение союза.

Таким образом, в сердце королевского двора и совета царили разногласия. Приближенные Суссекса и Лестера носили при себе оружие «будто бы затем, чтобы сделать все от них зависящее»;

первые носили желтые ленты, вторые щеголяли с пурпурными[70]. Королева приказала им «не связываться» друг с другом и сложить оружие. Но Лестер продолжал собирать «большие группы бойцов, вооруженных мечами и щитами». Настал момент, когда двое влиятельных вельмож обменялись «резкими словами и вызовами на дуэль», на что королева ответила приказом о том, чтобы они вместе проехали верхом по улицам Лондона в знак примирения. Со временем Суссекса возвысили до лорда-председателя Северного совета, вследствие чего он уехал в Йорк. Этот скандал, однако, напоминает о трениях между представителями знати, которые были столь значительными в предыдущие века. Королевский двор во многом оставался средневековым институтом. Вероятно, присутствие королевы побуждало окружающих ее великих вельмож утверждать свою мужскую власть; они были полководцами, однако к тому же в известном смысле и мнимыми любовниками, сражавшимися за ее благосклонность.

---

[70] Примечания: 70

Желтый — один из ливрейных цветов династии Габсбургов. Красный/пурпурный — один из цветов французских королей, восходящий к орифламме — запрестольной хоругви аббатства Сен-Дени близ Парижа.

Переговоры между лондонским и венским дворами шли крайне медленно; однако отсрочки и полемика на тему религии были для Елизаветы приемлемы, если они помогали отложить окончательное решение на более поздний срок. Это означало, что она была в мирных отношениях с обеими ветвями империи Габсбургов в лице Филиппа II Испанского и нового императора Максимилиана II. Сам Филипп был уверен в том, что Елизавета — подходящая невеста для его кузена; его посол покупал информацию о менструальном цикле королевы у ее прачек.

В то время предпринимались попытки стандартизировать портрет Елизаветы. В конце 1563 года Уильям Сесил подготовил прокламацию, в которой подверг критике образы королевы, «написанные красками, выполненные в гравюре или напечатанные»; эти нелестные или бесхитростные портреты порождали «жалобы среди ее любящих подданных». Решили, что «искусный [умелый] человек» создаст великое произведение, на которое нужно будет ориентироваться при создании всех остальных портретов. Поскольку портреты постоянно использовались в переговорах о заключении брака, королева, должно быть, хотела, чтобы ее образ был более совершенным.

В это десятилетие она лелеяла надежду на существование алхимического эликсира жизни, который бы сохранил ее молодость и красоту. Уильям Сесил в дневнике отмечал, что голландец Корнелиус Ланой «был брошен в Тауэр за то, что ввел ее королевское величество в заблуждение, заявив, что сможет приготовить такой эликсир».

Переговоры Елизаветы с Габсбургами омрачались ухищрениями Марии Стюарт. Шотландская королева обратила внимание на молодого человека Генри Стюарта, лорда Дарнли. Он родился в Лидсе, однако его отец был четвертым графом Ленноксом, виднейшим шотландским дворянином, вынужденно подавшимся в бега из-за соперничающей фракции. Однако наиболее существенно, что Дарнли приходился внуком Маргарите Тюдор, сестре Генриха VIII, а самой Марии Стюарт — кузеном. С шотландской стороны он был прямым потомком Якова II. Любой союз с Дарнли серьезнейшим образом упрочивал претензии Марии Стюарт на английский престол после смерти Елизаветы. Дарнли тоже был католиком, и духовенство пресвитерианской шотландской церкви пуще всего опасалось повторного воцарения католичества. Молодой человек получил разрешение на посещение

Шотландии, где он, конечно, засвидетельствовал почтение своей кузине, королеве. Она наблюдала его «несущимся по рингу» во время рыцарской игры для наездников, и весьма скоро они стали неразлучны. Мария безумно влюбилась в него практически с первого взгляда. Она во многих отношениях была экзальтированной и импульсивной особой, полагаясь не на рассудок, а на инстинкты; она была обделена расчетливостью, коей обладала ее соперница.

В ходе этих матримониальных игр шотландский посол сэр Джеймс Мелвилл был обязан следить за елизаветинским двором и сообщать информацию и сплетни. В мемуарах, написанных на заре XVII века, он кратко обрисовал разговоры с Елизаветой и ее поведение, которые раскрывают ее характер с очень интересной стороны. Она обсуждала с ним женский костюм различных стран и говорила, что у нее имеются «одеяния» из всех цивилизованных государств. Она доказала это, каждый день представая в новом платье.

Она спросила его:

— Какой цвет волос считается лучшим, и чьи волосы — вашей королевы или мои — лучше, и чьи волосы красивее?

Мелвилл на манер оракулов Сивилл ответил:

— Красота обеих — не самый худший из ваших грехов.

Елизавета настаивала на более конкретном ответе.

— Вы — самая прекрасная королева в Англии, наша же королева — самая прекрасная королева в Шотландии.

Она, однако, не была удовлетворена ответом Мелвилла. Он был вынужден высказать свое мнение.

— Вы обе — самые красивые леди вашего двора; вы самая белокожая, но наша королева в высшей степени очаровательна.

— Какая из нас, — спросила его Елизавета затем, — выше ростом?

— Наша королева.

— Тогда она слишком высокая, поскольку мой рост ни слишком высокий, ни слишком низкий.

Когда Елизавета поинтересовалась у Мелвилла о времяпрепровождении Марии, он ответил, что его госпожа иной раз любит сесть за лютню или верджинел. Елизавета спросила, умело ли играет шотландская королева.

— Достаточно умело для королевы, — ответил Мелвилл.

Затем последовал подстроенный спектакль.

После ужина кузен королевы лорд Хансдон пригласил Мелвилла в уединенную галерею, обещая, что там посол услышит чарующую музыку. Он прошептал, будто бы раскрывая секрет, что там «королева играет на своем верджинеле». Несколько мгновений посол слушал, а затем весьма дерзко отодвинул гобелен, висящий над дверью в уединенное помещение, и увидел великую королеву за верджинелом. Она сидела к нему спиной, но повернула голову и изумилась, увидев посла; она встала, притворяясь смущенной, и сказала, что «не привыкла играть при людях, а лишь в уединении, чтобы отвести от себя тоску», и спросила:

— Как вы сюда попали?

Мелвилл ответил, что его привлекла сладкозвучная мелодия. Столь любезный ответ пришелся королеве по нраву. Она опустилась на подушку, а он преклонил колено. Затем она подала ему подушку под колено. Это было нарушением этикета, однако королева настояла. Она потребовала, чтобы он ответил «кто лучше играет — она или шотландская королева?». Мелвилл вручил пальму первенства ей. После этого она говорила с ним на французском, итальянском и голландском языках, чтобы доказать свое пре-

восходство.

Двумя днями спустя она решила, что посол должен увидеть, как она танцует. После танца она снова возжелала узнать, которая из королев танцует лучше. Он ответил, что «моя королева танцует не столь искусно или величаво, как танцевала она». Под этим он подразумевал, что танец у Елизаветы был более манерным и подготовленным, чем у Марии.

Не всегда ясно, точны ли воспоминания Мелвилла. Однако он весьма справедливо подчеркнул скрытое соперничество или зависть между двумя женщинами. Когда он вернулся на родину, Мария поинтересовалась у него, верит ли он в правдивость слов Елизаветы о расположении к ней. Он ответил: «С моей точки зрения, Елизавете чужды прямота и честность, но она полна лицемерия, чувства соперничества и страха за то, что благородные качества [Марии] вскоре изгонят и вытеснят ее с трона».

Ранней весной 1565 года Мария, ослепленная любовью к Дарнли, помогала выхаживать его, когда он слег с корью, которая на самом деле могла быть проявлением сифилиса. Английский посол писал Елизавете, что «ситуация неизменна. Королева столь поглощена любовью и

коварством или, в действительности, хвастовством и сумасбродством, что она не способна сдержать обещание, данной самой себе, а значит, не способна сдержать обещание, данное вашему величеству в данных вопросах». Страсть и упрямство Марии опередили ее осмотрительность. Дарнли было двадцать, она была на три года старше.

К маю они тайно обручились, а в июле поженились, не дожидаясь согласия папы на союз двоюродных родственников. Затем Мария объявила Дарнли королем Шотландии, не испросив совета своего парламента. Она вышла замуж в спешке, о чем вскоре пожалела. Дарнли был столь же тщеславен, сколь и неуравновешен, заносчив, безнравственен и слабоволен. Вскоре он отвратил от себя добрую часть шотландской знати. «Слухи здесь ходят невероятные, — писал английский посол в то время, — люди ведут очень странные разговоры, ненависть к лорду Дарнли и его дому предельно высока, его гордость невыносима, его слова невозможно терпеть». Он добавлял, что Дарнли проявляет свою «мужественность», стремясь «бить туда, где, как он уверен, удар будет принят». Другими словами, он был отъявленным задирой и хамом.

Молодая королева и сама была из числа конфликтных личностей. Ее незаконнорожденный единокровный брат Джеймс Стюарт, первый граф Морей, встал в поддержку протестантства и планировал повести против сестры группу повстанцев. Мария призвала пять тысяч своих сторонников, и период с лета до осени 1565 года был ознаменован беспощадной погоней за ее противниками и несколькими столкновениями с ними. «Я ни во что их не ставлю, — заявила Мария, — что они могут и что осмелятся сделать?» Она в стальном шлеме и с парой пистолетов неистово неслась на лошади во весь опор. В конце концов она отогнала своего единокровного брата за английскую границу и торжествующе провозгласила, что смогла бы довести войска до лондонских стен. Она была пугающей противницей.

Брак двух католиков представлял весьма острую проблему для английской королевы и ее совета. Казалось, своим союзом Мария и Дарнли недвусмысленно намекали на свое право наследования английского трона. Было бы вполне естественно, если бы католики Англии сочли их своими законными властителями. Если молодая пара оставит сына и наследника, что было вполне

вероятным, то и без того сложная ситуация бесконечно ухудшится. Учитывая, что Елизавета отказывалась связывать себя узами брака, многие другие ее подданные были готовы принять Марию и Дарнли как наименее неудачную альтернативу королеве-девственнице. Однажды весной 1565 года французский посол застал Елизавету за игрой в шахматы.

— Мадам, перед вами игра жизни. Вы теряете пешку; кажется, что это не столь важно, однако вместе с потерей пешки вы проигрываете игру.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Лорд Дарнли — всего лишь пешка, но если я не позабочусь об этом вопросе, то мне неотвратимо поставят шах и мат.

Известна еще одна беседа, которую можно включить в это повествование. Мария Стюарт обсуждала с придворными портрет королевы Англии и оспаривала его сходство с оригиналом. «Нет, — заявила она, — он не похож на нее. Потому что королева Англии — *я*».

Члены совета обсуждали этот вопрос беспрестанно. Они даже готовились к войне, но в конце концов ничего не предпринимали. Елизавета объявила, что Мария «истинно ищет моей смерти». В это время королева Англии серьезно

заболела; у нее обнаружилась лихорадка, известная в то время как «флюс». Напряжение от ее рискованного положения начало, вероятно, воздействовать и на нее.

Однако к концу года стало очевидно, что не все было так гладко в союзе Марии и Дарнли. Она ожидала, что он будет покладистым и послушным; вместо этого он проявил себя человеком неразумным и упрямым. Он вел себя как король по праву, а не только по имени, и поэтому поведение его стало невыносимым. Мария никому бы не позволила потеснить ее на троне и стала постепенно отстранять мужа от власти. Из короля он превратился в «мужа королевы», и ему было запрещено использовать королевский герб. Он беспробудно пил и, когда однажды она попыталась возразить ему, «бросил ей в ответ такие слова, что она убежала вон в слезах». Его требование супружеской короны было отклонено. «Я точно знаю, — писал английский агент при шотландском дворе, — что королева сокрушается о том, что вступила в брак, что она ненавидит мужа и всех его родственников».

Возникла очередная сложность в лице секретаря Марии — итальянца Давида Риччо, человека изысканных и вкрадчивых манер. Он был бле-

стящим музыкантом и пленил ее любовными песнями; вскоре он стал ее ближайшим советником и поверенным. Вероятно, именно ему принадлежала инициатива отдаления королевы от Дарнли. Он обидел многих шотландских вельмож, возможно, самим фактом того, что был иностранцем, имевшим куда большее влияние на королеву, чем они. Поскольку Риччо был католиком, он вызывал недовольство и у протестантской знати. Шотландские изгнанники времен Марии во главе с графом Мореем лелеяли планы мести.

Они решили заручиться поддержкой Дарнли: он хотя бы был шотландцем. Они информировали его о том, что Риччо был единственной причиной падения его влияния и что секретарь «нанес ему величайшее оскорбление из возможных». Дарнли вступил с ними в союз, в котором ему обещали поддержку его притязаний на престол в обмен на содействие в убийстве Риччо. Морей и его последователи должны были быть помилованы за свой прошлогодний мятеж. После убийства Мария должна была быть заключена в замок Стерлинг; королева уже шесть месяцев носила под сердцем ребенка, однако вельможи, скорее всего, убедили Дарнли в том, что отцом ребенка был Риччо.

Вечером в субботу 9 марта 1566 года Мария принимала Риччо и некоторых других друзей в королевском дворце Холируд в небольшой комнате, примыкающей к ее покоям. Сразу после того, как они собрались, заговорщики под предводительством Дарнли пробрались по потайной лестнице и предстали перед ошарашенной королевой и ее гостями. Когда они оттолкнули Марию и схватили Риччо, он вскричал: «Правосудие! Правосудие! Спасите меня, миледи!» Он попытался схватиться за юбки королевы, но заговорщики оттащили его и поволокли в примыкающую комнату, где он получил пятьдесят шесть ударов кинжалом. Затем его тело стащили с лестницы и бросили у ее подножия.

Когда Мария спросила своего мужа, что побудило его совершить это преступление, он повторил клевету о том, что Риччо «удостаивался ее тела куда больше, чем он». Следующие несколько часов она оставалась в своих личных покоях, однако вскоре ей удалось убедить Дарнли в том, что следующей жертвой заговорщиков будет он. Она весьма точно угадала их злостные намерения. Они с самого начала планировали сложить вину за убийство Риччо на одного Дарнли и донести королеве, что ее муж решил совершить убийство

у нее на глазах с целью покалечить ее и, возможно, нерожденного ребенка.

Дарнли был всерьез встревожен, и в полночь 11 марта он и Мария покинули дворец через помещение прислуги, оседлали коней и сбежали в Данбар. Прочие вельможи с исчезновением Дарнли разъехались; многие из них укрылись в убежище в Берике, что на территории Англии. Мария с триумфом вернулась в Эдинбург; там она замышляла месть по отношению к своему беспомощному и изменчивому супругу. Но отмщение необходимо было отложить до рождения ребенка. Этот ребенок служил предметом сплетен; поговаривали, будто его настоящим отцом был Риччо. Некоторые отталкивающие черты Якова VI Шотландского, который позже стал Яковом I Английским, оказались достаточными для долговечности этих слухов.

Елизавета была ошарашена бесчинством убийства, произошедшего в присутствии правящей королевы. «Будь я на месте королевы Марии, — сказала она испанскому послу, — я бы схватила кинжал своего мужа и нанесла ему удар». Поскольку в то время она вела переговоры о браке с эрцгерцогом Карлом с молчаливого согласия испанцев, то поспешила добавить, что

не предприняла бы подобных действий в *его* отношении.

Ранним летом 1566 года Мария Стюарт родила сына. Посланник с этой вестью прибыл в Гринвичский дворец в ходе пышного приема; он поднялся к Сесилу и прошептал новость ему на ухо. Сесил, в свою очередь, донес ее до своей госпожи. Говорят, что она пала в кресло и обратилась к присутствующим: «Королева шотландцев родила прекрасного сына, а я так и осталась бесплодной». Прием подошел к концу. По крайней мере, так описал это Мелвилл в своих мемуарах. По наблюдению Томаса Фуллера, «когда оживают воспоминания человеческие, истории следует поспешить на боковую». Но даже если сказанное королевой несколько приукрашено, оно остается очень уместным в описываемой ситуации.

Лишь двумя месяцами ранее Елизавета стала жертвой необычной болезни и исхудала настолько, что «можно было пересчитать все ее кости». Поговаривали, что она, может быть, больна чахоткой. «Ее величество, — писал Сесил английскому послу во Франции, — ощущает внезапную боль в животе и внезапно освобождает желудок. Вы можете подумать, что такое положение полностью выбивает человека из колеи, однако

Господь есть оплот всех, кто в Него верует». Несмотря на то что королева держалась уверенно и даже властно, первые годы ее правления были омрачены постоянным ощущением незащищенности и опасности.

Елизавета оправилась от болезни и в конце лета 1566 года отправилась в Оксфорд, по пути сделав остановку в Вудстоке, где была пленницей в период правления своей сестры. Преподаватели Оксфордского университета выехали встретить ее до того, как она въехала в город, и восклицали: *«Vivat regina!»* — «Да здравствует королева!» Она поблагодарила их по-латыни. Затем Елизавета выслушала обращение верноподданных на греческом языке и дала ответ на эту речь на том же древнем языке. Она была не менее образованна, чем любой оксфордский ученый.

Прибытие Елизаветы в университет ознаменовалось и другими речами и проповедями, общественными лекциями и публичными дебатами, спектаклями и обсуждениями. Когда она смотрела драму «Паламон и Арсита» Ричарда Эдвардса, сцена проломилась; три человека погибли и пятеро были ранены. Королева послала собственного парикмахера-хирурга, чтобы тот позаботился о пострадавших, но, когда представление возобно-

вилось, от души смеялась. Елизавета выразила свою врожденную неприязнь по отношению к более догматичным протестантам. Встретив одного именитого пуританина, она отметила: «Господин доктор, та свободная ряса вам восхитительно идет. Я удивлена, что вы настолько щепетильны в этом вопросе [религии], но я пришла сюда не для того, чтобы упрекать вас». Он совершил ошибку, публично попросив королеву продолжить проводить изменения в церкви. Эта тема была для нее закрыта. В конце визита Елизавета произнесла очередную речь по-латыни о величии и ценности учения, и ее паланкин на протяжении трех километров сопровождался группой ученых и местных видных фигур.

Рождение Марией сына Якова встревожило Елизавету, поскольку перспектива наследника существенно увеличила вес партии Марии в Англии. Шотландский посол в Англии заявил своей госпоже, что многие графства уже готовы к мятежу и что знать определила глав этого предприятия. Посол Елизаветы писал Сесилу из французского двора о том, что «руки папы и испанского короля все дальше и глубже в том блюде, чем, как мне кажется, вы знаете… У меня есть причины предупредить вас: будьте бдитель-

ны!». Посол был очень проницателен. Шестью месяцами позже Филипп II написал в Ватикан о том, что скоро придет время «сбросить маску и взяться за дело». Он и папа должны обдумать, как помочь Марии Стюарт и совершить дело Господне; королева шотландцев была «вратами, через которые в Английское королевство должна войти истинная религия».

Поэтому, вероятно, Сесил способствовал давлению, оказанному на Елизавету парламентом 1566 года. Государственный секретарь составил документ, или заметку самому себе, в котором отметил, что «требование и заключения брака, и определения порядка престолонаследия является пределом всех возможных надежд». Парламент собрался осенью того же года, его состав с 1563 года остался неизменным: тогда его не распустили, объявив перерыв в его работе. Недовольство незамужним положением королевы стало еще более острым в течение этого перерыва, и ходили слухи, что палата общин собирается выразить отказ голосовать за ее «ресурсы», то есть финансы, до тех пор, пока она не даст обещание выйти замуж или, по крайней мере, не назовет имя наследника. В ходе дебатов, продолжавшихся два дня по утрам, несколько парламентариев обменялись

тумаками. Палата лордов согласилась присоединиться к палате общин в петиции к королеве.

Елизавета пребывала в ярости из-за поведения своих советников, которых подозревала в тайном сговоре. Сперва она сорвала свою злость на герцоге Норфолке и, когда другой член совета попытался его защитить, заявила, что он разговаривает как чванливый солдат. Затем королева обратилась к своему фавориту Лестеру. Она обвинила его в том, что он покинул ее. Он поклялся, что был готов умереть у ее ног. Какое, спросила его Елизавета, это имеет отношение к делу? Перед тем как разразиться очередными оскорблениями в адрес присутствующих, она покинула зал. Палату общин государыня презирала. Она сказала испанскому послу, что не знает, чего хотят эти «дьяволы».

Елизавета созвала делегацию из пятидесяти семи членов палат лордов и общин в Уайтхолле; спикеру было запрещено присутствовать на этом собрании. Говорить будет лишь королева. Они представили ей петицию, в которой высказали пожелание о том, чтобы королева вышла замуж «где захочет, за кого захочет и тогда, когда захочет». Она начала свою речь с обвинения «разнузданных личностей из палаты общин» в

измышлении «предательской выходки». Затем она обвинила лордов в оказании им поддержки. «Кого я притеснила? — был ее вопрос. — Кого обогатила в ущерб другим?» Но затем она вернулась к теме: «Я уже дала знать, что выйду замуж, и я никогда не нарушу слово королевы, сказанное в общественном месте, ради сохранения моей чести». Королевская честь, конечно, гибкий товар. За этим последовало то, что можно назвать елизаветинским моментом. «Я ваша миропомазанная королева, — сказала она им. — Меня невозможно заставить что-либо делать. Слава Господу, я наделена такими качествами, что, выдвори меня из королевства в одной нижней юбке, я смогу выжить в любой точке христианского мира».

Сесил зачитал уточненную версию ее речи палате общин в их зале; ответом было молчание. Членов палаты речь не впечатлила, и практически сразу послышались призывы подать королеве новую петицию о вступлении в брак. Королева потребовала вызвать спикера и велела ему уведомить парламент о том, что «более разговоров на эту тему быть не должно». Когда они выразили ей возмущение по поводу вмешательства в их «законные привилегии», она мудро поддалась. Но это ни в коей степени не могло быть названо

триумфом. В конце сессии, в январе 1567 года, Елизавета поднялась с трона и произнесла заключительную речь. Уже начало смеркаться. «В этом собрании мне довелось, — сказала она, — узреть такое лицемерие — притом что я всегда выступала за откровенность, — что я диву даюсь. Да, два лица под одним колпаком, а тело гниет». Она закончила речь словами: «Будьте осторожны, испытывая терпение своего монарха, как вы сейчас испытали мое… Лорд-хранитель, прошу исполнить мой наказ».

В приглушенном свете было видно, как лорд-храни-тель печати поднялся на ноги. «Ее королевское величество распускает этот парламент. Прошу каждого благосклонно удалиться». Елизавета поднялась на королевский баркас и вернулась во дворец. Парламент не созывался следующие четыре года. Как отмечал Сесил, «вопрос порядка престолонаследия открыт, заключения брака не ожидается, из этого проистекают опасности, общая дезориентировка».

Несколько отступая от темы, можно отметить, что именно тогда в Англии появились первые кареты. Джон Тейлор, известный «водный по-

эт»[71], считал, что они были привезены в Англию королевским кучером, голландцем Уильямом Бунером. «Карета, — писал он, — была в те дни странным чудовищем, и ее вид приводил и лошадей, и пешеходов в изумление. Некоторые полагали, что это — привезенный из Китая панцирь краба, другие считали ее одним из языческих храмов, в которых людоеды поклонялись дьяволу. Вскоре начались протесты по поводу нехватки кожи, которая активно использовалась при изготовлении карет». Так, в 1560-е годы наиболее излюбленными темами разговоров у жителей Лондона были чудовищная повозка и свадьба королевы.

[71] Примечания: 71

Джон Тейлор (1578–1653) — английский поэт и памфлетист, взявший в 1630 года прозвище «водный поэт» (Water Poet), долгое время работавший лодочником на Темзе. См.: *Макаров В. С.* Тейлор Джон [Электронный ресурс] // Информационно-исследовательская база данных «Современники Шекспира». URL: http://around-shake. ru/personae/4260.html

30. Весенние обряды

Испортив одновременно отношения с женой и с шотландской аристократией, Генри Стюарт, лорд Дарнли, имел веские основания покинуть Шотландию; он рассуждал о побеге в Англию, хотя вряд ли его ждал радушный прием при дворе Елизаветы. Она отказывалась признать его королем Шотландии, а он самообольщался настолько, что верил в законность своих претензий на английский престол. После благополучного рождения сына Мария отвернулась от него, считая, что на нем лежит ответственность за убийство ее итальянского секретаря. Мария не ужинала и не спала с ним, а однажды, согласно английскому послу в Шотландии, «выразилась словами, кои негоже ради пристойности и чести королевы здесь докладывать».

В начале 1567 года из надежных источников Мария узнала, что Дарнли планирует похитить их сына и править страной от его имени в качестве регента; саму королеву предполагалось заточить в охраняемом замке. Необходимо было установить наблюдение за всеми его передвижениями

и встречами. Когда он заболел — возможно, от очередного рецидива сифилиса, — она навещала его больничные покои и оставалась при нем следующие два или три дня. В конце января она привезла его в Эдинбург на конных носилках.

На этом этапе появилось новое действующее лицо — Джеймс, четвертый граф Босуэлл. В двадцать один год он стал лейтенантом границы и служил матери Марии во время ее регентства в Шотландии. Он был одним из вельмож, сопровождавших только что овдовевшую Марию в ее путешествии из Парижа; вскоре молодая королева обратила на него внимание. Он уже стал одним из ее главных советников и в своей антипатии к Дарнли не уступал королеве.

Босуэлл принадлежал к небольшому кругу придворных, планировавших навсегда избавиться от Дарнли, и его члены заключили между собой соглашение или договор. Впоследствии этот документ был воспроизведен в труде Роберта Питкерна «Древние уголовные процессы Шотландии» (1833). Заговорщики заявляли, что «такой неопытный глупец и высокомерный тиран [как король] не должен править ими — следовательно, по целому ряду причин все они заключили, что его необходимо удалить [убить]

тем или иным способом»; они поклялись в верности друг другу и пообещали разделить вину за убийство. Доподлинно неизвестно, знала ли об этом королева Шотландии, хотя ее единокровный брат был в курсе готовящегося заговора. Впоследствии она утверждала, что приказала им не предпринимать ничего, что «способно запятнать ее честь и совесть». Однако даже если Мария и не дала согласия на эти предложения, она, по ее признанию, выслушала будущих убийц ее мужа без сильных возражений. Она могла обвинить их в измене, однако предпочла хранить молчание.

По мере того как Мария и Дарнли приближались к Эдинбургу, им навстречу выехал Босуэлл. Они собирались остановиться в замке Крейгмиллар, однако граф направил их в новую резиденцию — дом провоста церкви Святой Марии, известный как Керк-оф-Филд или Керк-о'Филд. Комнаты Дарнли с пышным убранством, достойным короля, располагались в западном крыле здания. Именно там Мария дежурила у постели выздоравливающего мужа. Она не ночевала в доме, а по вечерам удалялась в более роскошную обстановку дворца Холируд. Известно, что ее апартаменты, расположенные прямо под покоями мужа, были готовы через несколь-

ко дней, и она с особым вниманием подошла к расположению кровати. «Передвиньте ее вот туда, — приказала она своему камердинеру, — на другую сторону». Она осталась там на ночь в среду 5 февраля и в пятницу 7 февраля. Как твердили более поздние слухи, это была часть ее замысла, чтобы народ стал подозревать, будто она сама являлась мишенью заговорщиков.

В субботу вечером, примерно в десять часов, двое или трое мужчин притащили несколько мешков с порохом в комнату Марии в Керк-о'Филд. Сама Мария вместе с мужем находилась в покоях этажом выше, и в этот момент спохватилась, что намеревалась посетить маскарадный бал в Холируде. Покидая комнату, она, словно вспомнив задним числом, сказала: «А Риччо убили как раз в этот день в том году». Дарнли повернулся к камергеру и спросил: «Почему она вдруг заговорила об убийстве Дэйви?»

В два часа ночи в понедельник по всему Эдинбургу пронесся оглушительный грохот. Дом старого провоста Керк-о'Филд лежал в руинах. Дарнли не погиб при взрыве. Его тело вместе с телом его пажа обнаружили примерно в 40 метрах от дома под деревом, по ту сторону городской стены, без «каких-либо признаков ожогов». Не-

подалеку от них обнаружились стул, веревка и меховая мантия Дарнли. Нашелся и кинжал, ни на одной из жертв не было следов ранений.

Последние минуты их жизни до сих пор остаются неразгаданной тайной. Возможно, их задушили во сне; возможно, их преследовали и расправились с ними в саду. Или они выбрались наружу из окна на втором этаже, обнаружив, что двери их комнаты заперты, и тотчас угодили в руки к убийцам, которые и лишили их жизни рядом с местом взрыва. Через несколько часов после взрыва к дверям городского магистрата в Эдинбурге приколотили плакаты, обвинявшие Босуэлла и его сообщников в преступлении. О неприязни Босуэлла к Дарнли знали все. Два дня спустя Мария обнародовала прокламацию, в которой предлагала две тысячи фунтов стерлингов за улики против убийц ее мужа. Однако она прекрасно осознавала, что имя Босуэлла у всех на устах. Его портреты были развешаны по городским воротам и стенам с подписью «Вот убийца короля».

Услышав новости о смерти Дарнли и о причастности к ней Босуэлла, Елизавета отправила срочное письмо Марии. «Сударыня, — начала она, — слух мой поражен словно громом, а ра-

зум глубоко опечален и сердце полно ужаса при страшной вести о чудовищном убийстве вашего больного мужа и моего кузена, и я едва могу собраться с мыслями, чтобы написать об этом…» Она открыто признала, что больше беспокоится о Марии, нежели о ее муже, и добавила: «Я не стану притворяться, что не замечаю молвы людской; ибо говорят, что вы будете смотреть сквозь пальцы [проявите безучастность] на возмездие за сие деяние». Другими словами, Мария, по слухам, и так уже стала соучастницей или по меньшей мере дала свое согласие на преступление. Королева Англии увещевала ее решительно положить конец этим пересудам; она убеждала ее «тронуть даже самого близкого к вам, если он замешан в деле». Это письмо так сильно разозлило Марию, что она отказалась на него отвечать.

Европейские монаршие дворы теперь активно обсуждали роль Марии в убийстве мужа. Некоторые открыто обвиняли королеву, тогда как мнения ее католических сторонников по этому вопросу разделились. «Если окажется, что она виновна, — писал один из послов при ее дворе, — она лишится поддержки своей партии в Англии, а о восстановлении религии придется забыть».

Через день после взрыва Мария присутствова-

ла на свадебном пиру одной из ее камеристок; ей следовало объявить придворный траур сразу после трагедии, однако она тянула с решением пять дней. Ее мужа похоронили без каких-либо торжественных церемоний в часовне дворца Холируд. Было вполне очевидно, что его внезапное устранение из жизни стало для королевы огромным облегчением. Мария и Босуэлл стали появляться вместе на публике. Королева подарила ему лошадей и изысканные одежды своего мужа — поступок, который еще больше охладил к ней общественное мнение. Ходили слухи, что, несмотря на свое женатое положение, Босуэлл настойчиво добивался руки королевы.

Отец Дарнли граф Леннокс выдвинул против Босуэлла обвинения, которые полагалось заслушать в ходе открытого судебного процесса. Суд должен был состояться 12 апреля в городском магистрате, однако председатели оказались сторонниками Босуэлла; в то же время дворцовую охрану усилили на триста кавалеристов. Сам Босуэлл отправился к залу суда в сопровождении четырех тысяч дружинников. Граф Леннокс, почувствовав недоброе, побоялся появиться в Эдинбурге. Как и следовало ожидать, после более чем восьмичасового совещания Босуэллу вынес-

ли оправдательный вердикт.

Несмотря на это, события теперь развивались столь стремительно, что никто не чувствовал себя в безопасности. Через девять дней после судебного процесса Мария отправилась в замок Стерлинг, чтобы забрать своего младенца-сына, однако попечитель мальчика граф Мар отказался отдать его матери. Он пришел в ужас от мысли, что юный наследник попадет в руки Босуэлла, убийцы его отца. Через три дня, 24 апреля, королева ехала из своего родного дворца Линлитгоу в Холируд, когда Босуэлл похитил ее и отвез в Данбар. Именно там ее и «обесчестили». Вместе с тем Мария прожила в замке двенадцать дней, не предприняв сколько-нибудь серьезных попыток спастись бегством или оказать ему сопротивление. 26 апреля Босуэлл отправился в Эдинбург, чтобы ускорить развод с первой женой. На следующий день королева официально ходатайствовала об аннулировании этого брака перед архиепископом собора Святого Андрея.

Некоторые вельможи королевства к этому времени испытывали столь сильное негодование и тревогу, что решили составить заговор против Босуэлла, которого называли «бесчеловечным тираном» и «жестоким убийцей». Вернувшись

с торжественной процессией в Эдинбург, Мария и Босуэлл были встречены молчаливыми и угрюмыми толпами жителей. Несмотря на это, королева пожаловала своему возлюбленному титулы графа Оркни и лорда Шетланда. Участники сговора собирались теперь в замке Стерлинг, где организовали собственный королевский двор вокруг младенца Якова.

14 мая 1567 года Мария Стюарт и Джеймс Босуэлл сочетались браком в церемониальном зале дворца Холируд. Услышав новости о свадьбе, Елизавета выразила протест кузине. «Как же, — спросила она, — можно было сделать столь опрометчивый выбор для вашей чести?» К воротам Холируда кто-то из жителей прибил плакат с сатирическим двустишием:

> *Как говорят у нас в народе,*
>
> *Лишь блудницы замуж в мае выходят*[72].

Уильям Сесил писал, что в Шотландии наступил «сущий хаос; кажется, всех охватило волнение; самые добропорядочные хотят покинуть страну; самые бесчестные дрожат от

---

[72] Примечания: 72
As the common people say, / Only harlots marry in May.

угрызений совести».

Результатом этих обескураживающих событий стала гражданская война. Шотландские графы выступили против Босуэлла под знаменем, которое изображало мертвого Дарнли, лежащего под деревом, и младенца-принца, склонившего колени позади него. В середине июня Мария с новым мужем отправилась в замок Данбар, чтобы укрыться там в безопасности, но затем вывела войска на Карберри-Хилл в окрестностях Эдинбурга. Переговоры, предпринятые сторонами, не дали никаких определенных результатов, однако стало очевидно, что солдаты Марии не хотят сражаться со своими соотечественниками в гражданской войне. Чуть позже они перешли на сторону армии заговорщиков или попросту разошлись восвояси. Потянув время, чтобы дать возможность Босуэллу вернуться обратно в замок, Мария сдалась войску своих вельмож.

Для битвы Мария облачилась в мужские одежды, однако после поражения королеву, переодетую во взятое взаймы платье, спустили к подножию склона верхом на коне. Мария была явно беременна, что указывало всем собравшимся на ее внебрачную связь с Босуэллом до похищения и замужества. Когда она проезжала

мимо солдат, некоторые из них выкрикивали: «Сжечь распутницу!» Ночью королеву попытались тайно вывезти из Эдинбурга, однако толпа уже поджидала ее с гневными оскорблениями. «Сжечь ее, сжечь ее, она недостойна жить, убить ее, утопить ее!» Никогда прежде Мария не сталкивалась с открытой яростью своих подданных. Ее увезли за 30 километров на север, а затем на лодке переправили в тюрьму на острове посреди озера Лох-Ливен, где она провела в заточении большую часть года.

Елизавета была ошарашена поведением своей кузины, но еще больше ее огорчило то, как с Марией обошлись ее вельможи и народ. Неуважение к королеве, суверенному монарху, противоречило всем небесным и земным законам. Подвергнуть ее позорному осмеянию народа, а затем заточить в тюрьму означало непростительный грех. Елизавета написала ей: «Мы клятвенно заверяем вас, что мы приложим все усилия и сделаем все возможное для вашей чести и безопасности, в надежде доказать вам, что вы можете располагать поддержкой вашего дружественного соседа…» Она отправила посла в Эдинбург, однако вельможи отказали ему в аудиенции с Марией. Тем не менее он узнал, что

ее верность Босуэллу по-прежнему сильна. Он писал Елизавете, что она «беспрестанно клянется жить и умереть вместе с ним».

Вряд ли эти пылкие заявления вызвали у английской королевы сочувствие. В ее представлении любовь и верность имели вес лишь как инструменты государственного управления. Позор Марии означал, что ее шансы взойти на английский престол значительно убавились. Так утомительный вопрос о престолонаследии вновь приобрел актуальность. Имелась и другая сложность. Если бы французской королевской семье удалось усыновить маленького принца Якова, то новообретенную мощь Шотландии можно было бы обернуть против Англии. По этой причине летом 1567 года Елизавета возобновила переговоры о браке с эрцгерцогом Карлом Австрийским. Представлялось разумным заполучить Габсбургов в качестве союзника или по меньшей мере не исключать возможность подобного союза.

Таким образом, пока Мария томилась в тюрьме на острове, посол Елизаветы граф Суссекс отправился в Вену. Принимая во внимание то обстоятельство, что эрцгерцог являлся активным приверженцем католической веры, возникновение религиозных разногласий представлялось

вполне естественным. Было предпочтительно и желательно, чтобы он признал английскую литургию. Как еще ранее отмечал испанский посол, первое публичное служение мессы в Англии станет сигналом к всенародному восстанию. Речь шла об очень щепетильных вопросах.

Казалось более целесообразным, чтобы эрцгерцог приехал в Англию для личной встречи с королевой. Карл счел идею ниже своего достоинства: вдруг он приедет и получит отказ под мнимым предлогом религиозных противоречий? Он потребовал устранить все помехи до визита и, в свою очередь, согласился, что ему, как супругу королевы, разрешат слушать мессу лишь в частном порядке. Суссекс настаивал, чтобы Сесил убедил королеву принять компромиссные условия, поскольку в противном случае: «Я предвижу недовольства, разлад, кровопролитие среди ее народа».

Королева ушла от прямого ответа и, по всей видимости, решила отложить дело в долгий ящик. Возможно, принять предложение было ее долгом перед страной, однако в силу врожденного отвращения к супружеству и привязанности к графу Лестеру она мешкала с ответом. «Сильнейшая неприязнь королевы к браку, — писал Филиппу

испанский посол, — в высшей степени удивительна». В конце концов она отправила своему ухажеру письмо, в котором подтверждала единство религии в королевстве, однако разрешала ему свободно исповедовать свою религию во время предполагаемого визита в Англию, «насколько оное представится возможным». Это условие можно истолковывать по-разному, и эрцгерцог ответил, что нашел его слишком расплывчатым. В очередной раз переговоры зашли и тупик и в конечном счете провалились.

Международная обстановка обострилась, когда в августе 1567 года Филипп II отправил герцога Альбу в Нидерланды с войском в 10 тысяч испанских солдат. Присутствие мощной армии посреди Европы, возле западных подступов к Нидерландам и лишь в 160 километрах от устья Темзы вызывало у Елизаветы и ее советников большую озабоченность. Нидерланды состояли из множества государств, провинций и герцогств, доставшихся династии Габсбургов в наследство; они включали в себя большую часть современной Бельгии, часть Северной Франции, Голландию и Зеландию. Вряд ли следовало ожидать, что эти преимущественно торговые государства всегда будут безропотно принимать господство

испанского католического короля. Испанскую армию отправили подавить масштабное восстание, охватившее Антверпен и другие города, где экономическая неурядица вкупе с религиозными разногласиями привела к протестам кальвинистов, лютеран и анабаптистов. Суконщики-кальвинисты из города Ипра, к примеру, напали на местные католические церкви и уничтожали религиозные скульптуры.

Ходили слухи, что Филипп II уже отплыл в Нидерланды и, возможно, по пути завернет в Портсмут. При этих известиях английский двор всполошился. Следует ли приветствовать короля как желанного гостя или встречать его как потенциального врага? В конечном итоге он так и не прибыл в Англию, однако религиозные проблемы остались. Стечение обстоятельств, таких как неудачные переговоры о браке и подавление бунта протестантов, еще сильнее углубило раскол между Англией и Испанией. Обе страны уже встали на путь неминуемого столкновения, которое случилось двадцатью годами позже.

Обстановка в Европе еще больше усугублялась возобновлением гражданских и Религиозных войн во Франции, где гугеноты под руководством принца Конде боролись против католическо-

го режима Карла IX; три тысячи французских протестантов затем присоединились к собратьям-реформаторам в Нидерландах. Елизавета и ее советники благоволили своим единоверцам на континенте и действительно предложили им тайную поддержку; английские агенты ухитрились собрать протестантские силы, а английские деньги помогли их финансировать. Моряки из Уэст-Кантри объединились с флотилией гугенотов в кальвинистской атаке на испанские суда. Один скептично настроенный корабельный священник писал, что «мы бы весьма услужили Господу Богу, если бы лишили испанцев всей добычи, а заодно и жизни, вот только под предлогом религии они охотятся лишь за деньгами». Значение морской державы Англии становилось все очевиднее.

К концу 1568 года пять испанских фрегатов, доставлявших деньги для армии герцога Альбы, бросили якорь в Фалмуте и Плимуте в качестве временного убежища. Елизавета приказала арестовать суда и конфисковать все деньги на том основании, что они принадлежали не Филиппу, а генуэзским банкирам. Она обещала выплатить причитающиеся проценты, а деньги решила использовать для собственных целей. Тогда герцог

Альба спешно установил контроль над английским складом или факторией в Антверпене и изъял все имевшиеся товары. В отместку за это у всех испанских подданных в Англии отняли имущество. Елизавета со своими советниками желала доказать, что способна тягаться с великой европейской державой. Впрочем, это была война без сражений. Переговоры и совещания, встречи и аудиенции продолжались на протяжении следующих четырех лет.

В любом случае это противостояние сил ознаменовало перемену в английской политике. Сесил пытался содействовать консолидации протестантизма путем противодействия Испании, тем самым превратив соперника во врага. Правители Испании и Франции больше не доверяли английской королеве, и Сесил опасался, что в ближайшем времени против нее может сложиться крупный католический альянс. Если испанскую армию удалось перекинуть в Нидерланды, ее можно отправить и в Англию.

Мария по-прежнему оставалась в тюрьме на Лох-Ливен, где ранним летом 1567 года у нее случился выкидыш близнецов. Протестантские вельможи Шотландии вручили ей письмо с отречением от престола, которое она, находясь в столь

ослабленном состоянии, подписала. Говорили, что ей угрожали убийством. Ее сына провозгласили королем Шотландии Яковом VI. У нее было всего несколько слуг и того меньше посетителей. Считалось, что она обладала невероятным даром убеждения, а обаяние способно помочь там, где хитрость не сработала. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы королева сбежала.

Заточение Марии продлилось чуть более десяти месяцев. Вечером 2 мая 1568 года молодой паж, согласно заранее намеченному плану, тайком завладел ключами от ее тюремной камеры в крепостной башне замка; она ждала его, переодевшись в простое платье служанки. Вдвоем они, вместе с еще одной молодой девушкой — чтобы отвлечь подозрение, — запрыгнули в ждавшую их лодку и через несколько минут причалили к берегу. Там Марию встретил отряд всадников и отвез к ее сторонникам, собравшимся в замке Гамильтон; это была группа католиков-лоялистов в преимущественно протестантской стране. Королева отправила послов в Париж и Лондон с письмами, где умоляла о содействии. Елизавета в свойственной ей манере избрала компромиссное решение, предложив выступить посредником между шотландской

королевой и ее подданными. Уильям Сесил, в свою очередь, написал графу Морею, регенту юного короля, правившему Шотландией от его имени, настаивая на «скорейшем подавлении волнений» путем победы над королевой. Таким образом, Англия одновременно говорила двумя голосами. По расхожему выражению тех лет, две головы сидели на одной шее. Из этого следовало, что Сесил мог санкционировать политические меры, которые Елизавета впоследствии была вольна отвергнуть. По всеобщему признанию, он являлся более ревностным протестантом, чем королева, и мог воевать за нее в ее битвах без какого-либо прямо выраженного приказа.

13 мая небольшая армия Марии потерпела поражение под Лэнгсайд-Хилл возле Глазго; королева наблюдала за исходом сражения со склона холма, расположенного в километре от поля битвы, и приняла решение спасаться бегством. Ей грозила постоянная опасность ареста и даже смерти; в отчаянии она пересекла Солуэй и достигла Англии, поспешив укрыться в безопасности замка Карлайл. Теперь она находилась в королевстве Елизаветы. Если Елизавета откажется принять ее, она хотя бы даст Марии беспрепятственно уехать во Францию.

«Я боюсь, — писал архиепископ Кентерберийский, — что наша добрая королева схватила волка за уши». Фраза имела дополнительный смысл: беглого преступника называли «волчьей головой, которую волен отрубить любой».

В письме Елизавете Мария изливала свой гнев на мятежников, которых, судя по ее словам, негласно поддерживала английская правящая верхушка. Мария намекала, что имеет друзей и союзников повсюду, которые явятся к ней на помощь; вполне ясно, что она ссылалась на католических монархов Франции и Испании. Вмешательству этих стран в дела Шотландии необходимо было воспрепятствовать любыми силами. Елизавета уже написала Марии, что «те, в чьем луке две тетивы, возможно, стреляют дальше, однако они редко попадают в цель».

Так что же оставалось делать с Марией? Поначалу Елизавета подумывала пригласить ее к английскому двору, однако ее быстро разубедили. Это способствовало бы росту влияния Марии, а ее присутствие в Уайтхолле и Гринвиче существенно укрепили бы ее претензии на английский престол. Вельможи-католики и без того уже услуживали и любезничали с Марией, и казалось вероятным, что вокруг нее может сформиро-

ваться католическая партия. Да и шотландские вельможи не отнеслись бы благосклонно к поддержке, оказываемой Елизаветой их опальной королеве; это могло вынудить их отправиться за помощью во Францию, с младенцем-королем в качестве награды. Саму Марию ни под каким предлогом нельзя пускать во Францию, где ее появление может повлечь нескончаемые беспорядки.

Таким образом, шотландская королева продолжила жить в почетном заточении. Из Карлайла ее перевели в замок Болтон в Северном Йоркшире. Сначала она дерзко заявила, что ее придется тащить туда силой, однако после множества гневных сцен и демонстративных протестов она в конце концов согласилась на переезд. В этой связи вышел приказ об учреждении комиссии по расследованию событий, касавшихся убийства Дарнли. Сама Елизавета намеревалась стать основным судьей и посредником в этом процессе. Если невиновность Марии докажут, то теоретически ее следует немедленно восстановить на престоле. Если ее признают виновной, Елизавета не сможет принять ее назад. «О сударыня! — писала Елизавета. — В мире нет ни одного существа, более жаждущего услышать вашу оправдатель-

ную речь, чем я; никого, кто с большей радостью внимал бы всем ответам, которые защитят вашу честь». Впрочем, она добавила важную оговорку: «Однако я не могу жертвовать своей репутацией ради спасения Вашей». Елизавета отправила своих советников в Йорк с поручением достичь соглашения между Марией, Елизаветой и сторонниками короля Якова для последующего возвращения Марии. Тогда Елизавета предстала бы в образе великодушной исцелительницы шотландского недуга. Однако события стали развиваться не по плану.

Елизавета летом 1568 года отправилась в странствование. Оно представляло собой длительное путешествие по более доступным графствам Англии, во время которого королева благосклонно соглашалась воспользоваться гостеприимством наиболее видных аристократов, чьи большие особняки встречались на ее пути. Для них эти визиты служили прибыльным бизнесом; ей предоставлялась возможность пожить более скромной жизнью и в то же время показать себя избранным лицам. Это было сложноорганизованное и обременительное мероприятие: одна лишь королевская поклажа разместилась на четырехстах повозках. В пути королеву сопровождали

около пятисот придворных и слуг.

Иногда Елизавета путешествовала в новомодной королевской карете, хотя два года назад она получила несколько синяков и ушибов, когда возница погнал лошадей сломя голову. Однако чаще всего она ехала верхом или сидела в открытом паланкине, который несли слуги, а по пути ее приветствовали подданные, выкрикивая: «Да хранит Господь ваше величество!», в то время как она отвечала: «Да хранит Господь мой народ!» Время от времени она останавливала процессию, чтобы какой-нибудь из просителей мог подать прошение или даже поговорить с ней. «Останови свою повозку, — окликнул ее возничего сержант Бэндлоус из Хантингдоншира, — останови свою повозку, чтобы я мог побеседовать с королевой!» Елизавета рассмеялась и выслушала подданного; затем она протянула ему свою руку для поцелуя.

Так продолжалось путешествие. Испанский посол докладывал, что во время летнего странствования «ее повсюду встречали приветственными возгласами и радушием». Она отметила ту любовь и расположение к ней, которые демонстрировали подданные, в то время как ее соседи (не называя имен) «находятся в столь бедственном положении». Если и существовала

опасность убийства, то в Елизавете ничто не выдавало страха; она даже принимала пищу и напитки, не дожидаясь, пока слуга-отведыватель продегустирует их на случай отравления.

Города, встречавшиеся по пути, тщательно вычистили и выкрасили свежей краской, а всех бродяг и других неблаговидных лиц убрали подальше от глаз. Было принято дарить королеве серебряный кубок, предпочтительно с монетами, который она с радостью принимала. Ее реплики записывались для будущих поколений. «Подойди сюда, маленький регистратор, — обратилась Елизавета к регистратору из Уорика, — мне сказали, что ты будешь бояться взглянуть на меня или говорить прямосердечно; но я боялась тебя даже больше, чем ты меня». Школьный учитель из Нориджа, казалось, нервничал перед тем, как обратиться к ней на латыни. «Не бойся», — приободрила его Елизавета. По завершении его речи она призналась, что «лучше ничего в жизни не слышала, вот тебе моя рука». Покидая Норидж, она заявила: «Я никогда не забуду Норидж, — и, оставив город позади, прокричала: — Прощай, Норидж!»

Один из ораторов в Кембридже перечислял ее добродетели, на что королева скромно покачала

головой, закусила губу и выступила с кратким опровержением. Затем он принялся восхвалять ее невинность. «Да пребудет впредь благословение Божье в сердце твоем!» — воскликнула она. За свое сорокачетырехлетнее правление Елизавета предприняла более двадцати подобных церемониальных путешествий и, когда в возрасте шестидесяти семи лет она собралась отправиться в очередное, некоторые из более пожилых придворных зароптали, на что она безапелляционно ответила: «Старые остаются, а молодые и крепкие здоровьем идут со мной». Впрочем, она никогда не отваживалась заехать слишком далеко, ограничиваясь в своих поездках теми областями, которые в XIX веке стали называть «Ближними графствами»; она никогда не путешествовала по северу или юго-западу.

Расследование по делу Марии началось в Йорке в начале октября 1568 года. Елизавета назначила Томаса Говарда, четвертого герцога Норфолка, главным полномочным представителем от Англии; считалось, что Говард, который, по слухам, придерживался прокатолических взглядов, специально отправлен в Йорк для содействия Марии. Однако в лице герцога Норфолка она нашла не только союзника; она нашла возможного

мужа. Норфолк, трижды вдовец в молодом возрасте тридцати двух лет, вновь стал открыт для женитьбы. Виднейший английский дворянин, он как нельзя лучше подходил для этой роли. Если бы королева Шотландии сочеталась с ним браком, ее восшествие на английский престол представлялось бы легким и почти неизбежным. По всей видимости, сам Норфолк вместе с некоторыми своими союзниками рассматривал такую возможность еще до своей поездки в Йорк. Можно обоснованно предполагать, впрочем, что Елизавета, в свою очередь, даже не подозревала о существовании подобного плана.

Граф Морей, регент Шотландии и единокровный брат Марии, привел членов комиссии в полное замешательство, продемонстрировав восемь писем и двенадцать «адюльтерных» сонетов, якобы написанных Марией Босуэллу; их обнаружили среди личных вещей одного из слуг Босуэлла после решающего сражения при Карберри-Хилл. Эти послания, получившие известность как «Письма из ларца», нанесли куда больший урон репутации Марии, чем убийство самого Дарнли. «Как же ненавистно мне это дело, — писала она Босуэллу, — однако я принялась за него этим утром… Вы вынуждаете меня притворство-

вать, отчего мое сердце наполняется ужасом, и вы вынуждаете меня играть роль, почитай, предательницы… Подумайте, нельзя ли изобрести способ более тайный, через лекарство, ибо он будет принимать лекарство в Крейгмилларе, а также ванны». Можно заключить, что вместе со своим любовником она раздумывала над способом убийства своего мужа.

Подлинность этих писем была и остается предметом спора. Оригинальные послания давно исчезли. Возможно, их кто-то уничтожил, и их содержимое можно прочесть лишь в переводе или копии; некоторые из этих копий содержат на полях пометки Сесила, свидетельствуя о той скрупулезности, с которой он изучал записи. Согласно распространенному предположению, достоверные отрывки переплелись с вымышленными словами и фразами, вставленными, вероятнее всего, Мореем, чтобы изобличить свою единокровную сестру, однако с уверенностью это утверждать невозможно. Можно лишь отметить, что на тот момент они достигли своей цели.

Герцог Норфолк, по собственному признанию, пришел от содержания «Писем из ларца» в ужас. Он писал Елизавете, что в них шла речь о «чудовищных вещах, кои гнусно помыслить

или написать о принце». Несмотря на это, его отвращение никак не повлияло на намерение жениться на Марии. Дело осложнилось тем, что трибунал перенесли из Йорка в Вестминстер, где к концу года члены комиссии, как выразился один из наблюдателей, дошли до «самых гнусных обвинений». Письма были представлены суду и зачитаны перед тайным советом. Сама Мария все отрицала, утверждая, что «обвинения против нее ложны, ибо она, дав слово принцессы, сама о том заявила».

Последовали дни и недели встреч и совещаний между различными заинтересованными сторонами, а неопределенность сложившегося положения усугублялась нерешительностью и колебаниями Елизаветы. Она пообещала Марии поддержку в беде, однако в действительности начала разбирательство, которое выставило королеву Шотландии в весьма неприглядном свете. Мария по-прежнему настаивала на своей невиновности, однако при дворе не осталось никого, кто верил ее словам. Сама Мария отказывалась обсуждать письма, кроме как при личной аудиенции с английской королевой. Однако Елизавета не могла принять Марию, пока та находилась под подозрением в убийстве. Получался замкнутый

круг.

Елизавете не хотелось оправдывать попытки графа Морея низложить собственного законного правителя, однако именно он мог водворить мир и порядок в Шотландии. По этим соображениям она сообщила регенту, что он может отправляться со своей делегацией назад «со всеми полномочиями, которыми они располагали до прибытия в королевство». Ничего решить не удалось. Так или иначе, эти государственные вопросы представлялись слишком деликатными, чтобы продолжать расследование. Елизавета потребовала, чтобы все обсуждаемые вопросы остались в полной тайне. Вся эта путаница так и не привела к сколько-нибудь существенным результатам, но в то же время нанесла серьезный урон репутации шотландской королевы. Марию вскоре перевезли в замок Татбери в графстве Стаффордшир, где ей пришлось свыкаться с условиями своего благородного заточения; тюрьма стала ее домом на следующие восемнадцать лет.

Нерешительность и неуверенность Елизаветы привели Сесила в отчаяние. В личной докладной записке королеве он признавался, что «ее величество никогда не сможет восполнить истощившуюся казну, или вселить надежду в сердца

ее верных подданных, или воспрепятствовать и избежать тех угроз, что против нее умышляются, если не передаст всецело руководство своими ответственнейшими государственными делами в руки верных советников...» Такова была основная дилемма всего ее правления — сила и одиночество одной женщины против целой плеяды мужчин.

Придворная борьба и соперничество в Англии прошли в значительной мере незаметно для внешнего мира, развитие которого шло своим чередом. Во время правления Елизаветы торговля в королевстве набирала обороты за счет специй и благовоний из Индии, горностаевого меха и стали из России[73]. Англия экспортировала шерстяное сукно и телячьи шкуры в Османскую империю, закупая у нее шелка, камлот, ревень, масло, хлопок, ковры, чернильный орех и специи. Из Нового Света везли золото и серебро. Они были частью великого расслоения жизни, медленно охватывавшего планету и стимулируемого

[73] Примечания: 73

Основными вывозимыми из Московского царства товарами были лес, пенька, ворвань, кожа, мед, конопля, воск. Иван Грозный даровал англичанам право добывать железную руду на территории страны и построить железоделательный завод в Вычегде. Англичане закупали образцы русской стали, но не она была главной статьей русского экспорта. Железо англичане ввозили в основном из Швеции.

ростом удельного веса европейской торговли и финансов.

Это была эпоха великих торговых компаний и негоциантов, промышлявших товарами от Москвы и Персии до Китая. К концу правления Елизаветы английские торговцы достигли Гвинейского залива и Индийского океана. Томас Стивенс, один из первых, кто путешествовал по этому океану, отмечал: «На нашем корабле нас ждали рыбы размером с человека, которых они зовут „туберонес“. Они едят все, что падает с корабля в море, и не откажутся от людей, если таковые попадутся». В феврале 1583 года Елизавета отправила письма королям Камбея (на территории нынешнего Гуджарата) и Китая, в которых просила дать ее представителям разрешение на торговлю. В результате этих мероприятий Лондон быстро обгонял Антверпен в роли европейской торговой и финансовой столицы. Когда шах Персии поинтересовался у купца Артура Эдвардса названием его родины, ответ привел его в замешательство.

— Англия, — сказал купец.

— Никто никогда не слыхал о такой земле.

Тогда Эдвардс предположил:

— Инглитерра.

— А, — сказал один из придворных, — Лондро.

Лондон, таким образом, снискал известность бóльшую, чем вся страна.

Турецкие купцы привозили свои товары из Леванта, в то время как суда английских мореплавателей ходили вдоль западного побережья Африки и восточных берегов Нового Света. В 1560-х годах сэр Джон Хокинс совершил три успешных путешествия к Африканскому континенту, где организовал злосчастную торговлю рабами, и, переплыв Атлантический океан, достиг Эспаньолы и испанских колоний Америки. В начале следующего десятилетия сэр Фрэнсис Дрейк[74] предпринял три путешествия в Вест-Индию. Во время последней экспедиции, взобравшись на вершину горы на Панамском перешейке, он увидел великий Тихий океан. Так постепенно, шаг за шагом, разворачивалась карта мира.

В 1568 году было основано Общество королевских рудников для развития рудного дела и продажи меди, это же десятилетие ознаменовалось успешным началом производства оконного стекла и хрусталя. Англия обрастала предметами

[74] Примечания: 74

Ни Хокинс, ни Дрейк не были рыцарями. Елизавета пожаловала им рыцарское звание и право на обращение «сэр» в 1588 и 1581 гг. соответственно.

роскоши — по крайней мере, для тех, кто мог их себе позволить. Некоторые выражали недовольство «переизбытком ненужных товаров, привозимых в Лондонский порт», и даже Сесил сетовал на «излишек шелков, а также вина и специй».

В этом контексте интересно взглянуть на архитектурные чудеса Тюдоровской эпохи, многие из которых сохранились до сего дня. Для нее были характерны витые дымовые трубы и дубовые панели на стенах, эркерные окна со средниками и двускатные крыши головокружительной высоты. Еще одной отличительной чертой стал декоративный штукатурный потолок. Размеры и сложность конструкции окон были такими, что стали поводом для замечания об одном из больших домов елизаветинского времени, «Хардвик-Хаус — больше стекла, чем стен». Дворец Элтем и Хэмптон-Корт демонстрируют тюдоровские залы, увенчанные высокими потолками с открытыми стропилами. Жилые комнаты зажиточных дворян украшали шпалеры, портьеры и занавески. Высокие табуреты, мягкие стулья с чехлами, комоды, сундуки и буфеты служили неизменными предметами убранства. В большинстве комнат имелись подушки.

Тяга к роскоши росла на протяжении всего правления королевы Елизаветы. Из Нового Света привозили сахар и жемчуг, из Старого доставляли лимоны, гранаты и душистое мыло. В прежние времена никто не ел мяса в рыбные дни, а теперь жители Лондона насмешливо называли рыбу пережитком папизма. Уильям Кемден отмечал, что «наша избалованная нация» стала настолько богатой, что ее граждане ударились в «буйство пиршеств» и «показное строительство». Даже сельский пахарь, как писал Томас Лодж, «должен сегодня иметь широкий дублет по последней моде и подвязки из тонкого гранадского шелка». Тонкое кружево стало повальным увлечением жителей обоего пола; им украшали манжеты и гофрированные воротники-фрезы, фартуки и носовые платки. Мода на мужской и женский костюм, по крайней мере в Лондоне, была непостоянна, словно ветер. Надпись на одной деревянной гравюре, изображавшей полуобнаженного англичанина с парой портновских ножниц в руке, гласила: «Хочу надеть то, сам не знаю что». Сэмюэл Роулэндс, английский памфлетист XVI века, составил опись, куда вошли «французский дублет и немецкие чулки; меховая муфта, накидка, испанская шляпа, клинок из

Толедо, итальянский воротник и туфля фламандского пошива».

В последние годы елизаветинского правления наблюдалась особенная экстравагантность в одежде. Появились новые шелка и бархаты; вошли в моду большие гофрированные воротники и юбки с фижмами. Сама королева после своей смерти оставила порядка трех тысяч платьев.

Промышленность Англии по темпам развития не уступала торговле. Капиталовложения в ткацкие станки, угольные печи и кузницы выросли, а парламент опубликовал несколько законов, направленных на стимулирование торговлей кожами. Для производства стекла и мыловарения требовалось больше угля. Производство чушкового чугуна троекратно возросло за тридцатилетний период.

В книге «Описание Англии» 1577 года Уильям Гаррисон дополнил повествование об этих переменах более частными подробностями. Одной из них было «огромное множество дымоходных труб, возведенных в последние годы», другой — «замена посуды, деревянных тарелок оловянными, а также деревянных ложек серебряными или жестяными». Бревна и глина уступили место камню и штукатурке. На смену соломенным

тюфякам пришли перьевые матрасы, а поленья заменили подушками. Усиление более строгих протестантских тенденций пока не препятствовало расточительному материализму, столь характерному для елизаветинского общества. Этот исторический период можно по праву назвать первой светской эпохой.

31. Заговоры и группировки

В тюремном заточении Мария, королева Шотландии, дошла до полного отчаяния, что сделало ее еще более опасной. Она вступила в переписку с герцогом Норфолком, которая, как могло показаться, указывала на сговор против Елизаветы. Сама Елизавета, к тому времени услышавшая слухи о возможном брачном союзе, отчитала Норфолка за то, что он мог даже на секунду допустить такую мысль. «Неужели вы думаете, что я собираюсь жениться на ней, — ответил он, — на этой коварной женщине, прелюбодейке и убийце?» Он добавил, что Мария по-прежнему претендует на английский престол: «[Брак с ней] может облечь меня законным правом притязать на корону с вашей головы». Елизавета, к несчастью, была прекрасно осведомлена об этом обстоятельстве. В январе 1569 года королева отправила конфиденциальное письмо Марии, в котором написала: «Не все те, кто клятвенно заверяет ваших слуг в своей к вам любви, истинно любят вас. Самонадеянность не приведет вас ни к чему хорошему. Не будьте слепы к обстоятельствам и не думайте,

что я слепа. Если вы мудры, то вы поймете мои слова».

Союз консервативных членов совета выразил готовность содействовать союзу Марии и Норфолка; это гарантировало бы самое эффективное решение династической проблемы престолонаследия. Брак между Марией и Босуэллом легко можно было аннулировать, учитывая то, что самому Босуэллу вскоре предстояло сесть в датскую темницу без единого шанса на побег. В мечтах заговорщики представляли, как Марию провозгласят наследницей, а протестантские мятежники в Европе полностью лишатся поддержки. Их политика представляла собой прямую противоположность проводимой Сесилом, чье недоверие к Марии было столь же сильно, как и питаемое им отвращение к европейским папистам. Советники нашли неожиданного союзника в графе Лестере, затаившем злобу на Сесила за то, что тот разрушил его матримониальные планы брака с королевой.

Итак, главный королевский советник стал мишенью скоординированного удара. Лестер заявил королеве, что Сесил из рук вон плохо управляется с государственными делами и поэтому заслуживает плахи: именно он умудрился ис-

портить отношения с французами и испанцами, подвергнув опасности королевство. Елизавета, в свою очередь, выбранила Лестера за сомнения в правильности принимаемых Сесилом — следовательно, и королевой — решений.

Норфолк также высказался против Сесила, зная, что именно он являлся главным камнем преткновения на его пути к браку с Марией. В присутствии королевы он повернулся к графу Нортгемптону. «Видите, милорд, — по некоторым свидетельствам, сказал он, — когда граф Лестер подчиняется указаниям секретаря, он пользуется поддержкой и благосклонностью королевы, но лишь стоит ему выразить обоснованные возражения против политики Сесила, тотчас милость сменяется гневом, и она хочет отправить его в Тауэр. Нет, нет, он не отправится туда в одиночестве». Елизавета ничего не ответила.

Ходили слухи о существовании плана ареста Сесила, однако, как и множество подобных замыслов, он закончился ничем. Преданность королевы своему верному слуге была несокрушимой. Сам Сесил, знавший об угрозе, попытался наладить отношения с Норфолком. Он пошел ему на уступки и предложил более открытое и тесное взаимодействие с другими советниками.

Он уступил буре.

Сам герцог все глубже и глубже погружался в море забот, окружавшее Марию. Они обменивались письмами, полными теплых чувств. Граф Лестер всячески содействовал их связи, в уверенности, что сможет извлечь из нее преимущество. В худшем случае он добьется благодарности будущей королевы, а в лучшем — Елизавета, возможно, решит выйти за него замуж, чтобы досадить Норфолку. Сама Елизавета прекрасно знала об этих слухах, которые ей докладывали бесчисленные доносчики. Однажды королева поинтересовалась у герцога о свежих новостях из-за границы. Он не был в курсе. «Нет? — ответила она. — Вы приехали из Лондона и говорите, что нет никаких новостей о чьей-нибудь свадьбе?»

Вероятнее всего, Норфолк слишком боялся ее гнева, чтобы заводить разговор на подобную тему, и в результате погрузился в еще большее молчание. Однако если бы речь шла о какой-либо тайне, то это грозило бы обвинением в измене. Некоторые из его сторонников покинули его. Граф Лестер, сбитый с толку растущим неудовольствием королевы, сказался больным и с постели поведал Елизавете все, что знал. Королева призвала Норфолка и вынудила его признаться в

существовании договоренности о браке; после этого она приказала ему отказаться от своих планов.

Норфолк покинул королевский двор в разгар летнего путешествия по Титчфилду в графстве Гэмпшир, официально не попрощавшись с королевой перед возвращением в свою лондонскую резиденцию. В Говард-Хаус его ждал посол с посланием от Марии. Шотландская королева жаловалась на сильно затянувшиеся переговоры о браке. Когда посол поинтересовался, каковы намерения королевы, Норфолк ответил, что «у него достаточно друзей, которые смогут помочь ему». Подобные разговоры таили в себе большую опасность. Некоторыми из этих друзей были вельможи-католики с севера, готовые подняться на борьбу во имя шотландской королевы.

Елизавета, подозревавшая о вероятности подобного восстания, велела усилить охрану пленной Марии. Затем она отправила сообщение Норфолку, приказывая ему вернуться ко двору, расположившемуся на тот момент в Виндзоре. До герцога уже успели дойти слухи, якобы на самом деле королева собирается отправить его в Тауэр. В ответ на приказ королевы он сказался больным и поспешно удалился в свое имение Кеннингхолл

в Норфолке. Поместье представляло собой средоточие его власти с земельными владениями, богатством и местными арендаторами. Название Кеннингхолл происходит от англосаксонских слов, означающих «король» и «дворец». Если бы он сочетался браком с Марией, смог ли он стать королем наяву?

Елизавета позже поделилась с Лестером своими опасениями, что в случае, если идея с браком состоится, ее вновь отправят в Тауэр. Когда некоторые члены совета высказали мнение, что намерения Норфолка вовсе не обязательно предполагали злой умысел, королева, как сообщается, упала в обморок. Дело было вовсе не в коварных придворных интригах. Елизавета как никто другой представляла себе эту ситуацию, ведь во время правления Марии Тюдор она сама очутилась в таком же злополучном положении тюремной узницы, а теперь принудила к нему Марию, королеву Шотландии. На куске ткани Мария оранжевой шерстью вышила полосатого кота с короной на голове; Елизавета была рыжеволосой. Затем рядом с котом Мария поместила маленького мышонка.

Норфолк колебался между демонстративным неповиновением и отчаянием. Он отправил коро-

леве письмо, в котором заверял в своей верности и выражал опасения по поводу неправосудного заключения в тюрьму. В то же самое время он написал своим главным сторонникам на севере — среди них Томас Перси, граф Нортумберленд, и Чарльз Невилл, граф Уэстморленд, увещевая их не поднимать восстания, которое могло бы стоить ему головы. Последовал другой безапелляционный королевский приказ. Герцог решил подчиниться требованиям, однако был отослан в место, которого страшился больше всего, — его заперли в Тауэре. Все порты закрылись из опасений иностранного вмешательства.

Настал черед герцогов Нортумберленда и Уэстморленда; приказом Елизаветы их призвали ко двору. «Вечный позор нам и нашей стране, — сетовала жена Уэстморленда, — ибо теперь нам приходится искать норы, чтобы в них укрыться». Она советовала проявить твердость духа и смело противостоять королеве в неизбежной «сумятице». В Топклиффе, одном из поместий графства Нортумберленд, зазвонили в колокола в обратном порядке, что означало призыв к оружию. Графы восстали в ноябре 1569 года во имя старой религии. Со своими дружинами они отправились к Даремскому собору, где разрушили стол для

причастия; затем они разорвали в клочья англиканскую Библию и Книгу общих молитв, после чего потребовали вернуть мессу на латинском языке. Это было самое серьезное испытание, с которым столкнулась Елизавета, а появление религиозных противоречий многократно увеличивало угрозу раскола в королевстве, охваченном гражданской войной. Испанский посол вел двойную игру, обещая активное содействие консерваторам, но на деле не выполняя и сотой части своих обязательств. Французский посол, в свою очередь, пришел в восторг от мысли о том, что Англия погрязнет в таких же религиозных беспорядках, какие бушевали в его стране.

Через два дня мятежные графы проехали через Рипон в традиционных доспехах крестоносцев, с красным крестом на груди; впереди процессии торжественно везли знамя Пяти Ран Христа, еще одной эмблемы старой веры. Именно так выступили против Генриха VIII участники Благодатного паломничества тридцатью годами ранее. Отца самого Нортумберленда, сэра Томаса Перси, арестовали и казнили после поражения Благодатного паломничества. Для прибывших в Рипон графов в соборной церкви отслужили мессу, в которой восславляли всех привержен-

цев «старой католической религии». Коварные советники королевы вознамерились разрушить «истинную и богоугодную католическую религию» и тем самым ввергли королевство в хаос. Во время богослужения зажигались свечи и звучала органная музыка.

Несмотря на это, 28 ноября 1569 года графы обнародовали очередное обращение, в котором место религии занял вопрос престолонаследия. Таким образом они хотели добиться большей поддержки, однако достигли цели лишь отчасти. Многие северные магнаты отказались от участия в восстании. Граф Камберленд, к примеру, не счел перспективу слишком заманчивой. Большая часть английского дворянства, из которого особенно выделялся граф Суссекс, сплотилась вокруг королевы. Лорда Хандсона отправили на север, а графа Бедфорда отослали на запад Англии на случай возникновения там опасности. Саму Марию отвезли в Ковентри и надежно упрятали за городской стеной из красного песчаника. Если бы Марии удалось сговориться с мятежниками, разразилось бы всеобщее восстание. Говорили, что в Зеландии, на юго-западе Нидерландов, у испанцев наготове стояла флотилия кораблей, с пушками и порохом, поджидая своего часа.

Однако история, как известно, не терпит сослагательного наклонения. В результате мятежа католиков государство ужесточило контроль над соблюдением Акта о единообразии, включая обязательное принесение клятвы о верховенстве монарха.

В самом начале беспорядков Елизавета отметила, что «у графов хоть и благородная кровь, но ряды их скудны», и в этом отношении ее суждение оказалось справедливым. Они рассчитывали на всенародную поддержку, однако ошиблись. На три дня графы задержались в Тэдкастере на севере Йоркшира, а затем повернули назад. Их армии, растеряв весь боевой дух, стали раскалываться на части, в то время как королевские солдаты гнались за ними по пятам. Единственное сражение за всю военную кампанию состоялось при Наворте в феврале 1570 года, в ходе которого Хандсон сокрушил неприятельское войско под командованием лорда Дакре.

Мятеж в северных графствах, известный как Северное восстание, к тому моменту себя исчерпал. Графы Нортумберленд и Уэстморленд бежали через границу в Шотландию, а всех оставшихся бунтовщиков вскоре арестовали. Менее сановных участников повесили, лишь в одном Дареме

казнили триста человек. Едва ли в окрестностях нашелся бы город или деревня, где не стояла бы виселица. По оценкам, порядка девятисот мятежников казнили за измену, что стало самым губительным актом возмездия в истории Тюдоровской эпохи. Он служил мерилом королевского гнева и страха. Елизавета ясно дала понять, что «запрещает казнить всех, у кого есть фригольды либо крупное состояние». Она хотела завладеть их деньгами, нежели жизнью; земельная собственность и поместья наиболее влиятельных или зажиточных дворян, таким образом, конфисковались. Графа Нортумберленда шотландцы продали Англии за две тысячи фунтов, а Уэстморленд искал убежища в Испанских Нидерландах.

Этот мятеж стал последним из так называемых традиционных восстаний, возглавляемых феодальными военачальниками, приверженцами старой религии. Крупнейшие вельможи, Перси и Невиллы, некогда считались фактическими правителями своих территорий, где обладали большей властью и авторитетом, чем монарх. Но теперь им не удалось поднять северное дворянство на открытое восстание. Многие католики не желали бросать вызов политическому и социальному порядку в стране. Даже вассалы

влиятельных семейств с большой неохотой брались за оружие. Кризис, которого так страшился Сесил, удалось преодолеть, а старая вера теперь ассоциировалась с изменой и насилием. Ее называли «остывшим пирогом для папистов». Верность большинства жителей королевства престолу подтвердилась. Северное восстание представляло собой один из значимых, но бессобытийных переходных периодов в истории страны.

Вскоре после подавления мятежа Рим предпринял очередную попытку подорвать авторитет королевы. В самом начале 1570 года папа Пий V обнародовал буллу, в которой отлучил Елизавету от церкви как величайшую еретичку и тирана. В булле провозглашалось, что «мнимая королева Англии» более не заслуживает доверия, «служа беззаконию». В ряды богохульников попадали все те, кто подчинялся ее законам и приказам. Сама королева превратилась в законную мишень для атаки любого ревнителя старой веры; ее смерть ускорила бы его путь в рай. Это была последняя битва средневековой религии, последний раз, когда папа римский пытался свергнуть правящего монарха.

Впрочем, ее можно рассматривать как удар,

направленный скорее на английских католиков, чем на английскую королеву. Теперь Рим подстрекал их низложить своего правителя после провала северных графов. Момент, мягко говоря, был выбран неудачный. Если бы буллу издали в разгар Северного восстания, то, возможно, она смогла бы побудить к действию некоторых более слабовольных мятежников. Теперь было очевидным, что на верность и порядочность английских католиков рассчитывать отныне не приходится.

Экземпляр папской буллы прибили к воротам дворца епископа Лондонского. Обвиняемого Джона Фелтона вздернули на дыбу, чтобы выпытать имена его сообщников или соратников; он сохранял молчание, но погиб чудовищной смертью изменника. Тем не менее, поднимаясь на эшафот, он достал кольцо с бриллиантом и попросил передать его Елизавете — «притворщице» — в качестве последнего подарка. Впоследствии папа римский причислил Джона Фелтона к лику блаженных. Так или иначе, его воинственные планы уже потерпели крах к тому моменту, как он принял казнь через четвертование и потрошение. Не случайно в 1570 году вышло второе, более тщательно проработанное издание фундаментального труда протестантской веры, «Книги

мучеников» Фокса. В докладной записке от тайного совета двум архиепископам значилось: это «произведение огромной значимости и ценных знаний касательно религии и иных благодетельных дел, кои для нас обладают великой пользой, чтобы развивать у подданных ее величества положительное мнение, понимание и благоволение к правительству». Примеры столь тесной сплоченности религии и политики в истории встретишь нечасто.

Немаловажно отметить, что 1570 год стал первым в истории, когда день восшествия Елизаветы на престол, 17 ноября, получил статус праздника. Его окрестили «священным днем королевы» и стали отмечать ежегодно с невиданным прежде размахом. В каждом приходе раздавался перезвон церковных колоколов; были и костры, и свечи, и хлеб, и пиво. Торжество стало протестантским эквивалентом священных празднеств средневековой церкви, соединив образ Елизаветы с Девой Марией. В День коронования, как его стали впоследствии называть, во всей Англии вряд ли оставался хоть один уголок, где не слышался бы праздничный звон колоколов.

В тот момент по-прежнему сохранялась возможность вторжения в Англию великой католи-

ческой армии с торжественной санкции папы римского. Отмечали, что англичане стали бояться своей тени. Правительство приняло решение мобилизовать английский флот, а шерифам приказало призывать на службу местных мужчин для обороны государства; в Южной и Восточной Англии на деревенских пустырях организовали стрелковые учения. По этим причинам появление на горизонте большой испанской флотилии летом 1570 года не на шутку встревожило жителей; впрочем, суда направлялись в Антверпен для сопровождения новой невесты Филиппа II. Так или иначе, испанцы не испытывали никакого желания развязывать войну против Англии, а Филипп упрекнул папу римского в том, что тот не посовещался с ним, прежде чем обнародовать буллу. Французский король Карл IX выразил схожий протест. Косвенным следствием папской буллы стало укрепление торговых связей между Англией и Османской империей; безбожница-королева с радостью достигла договоренностей с безбожниками-османами.

Мятежные графы, в свою очередь, продолжали плести интриги против Елизаветы со своими шотландскими сторонниками, и в результате границу постоянно будоражили боевые трево-

ги или вторжения. Весной 1570 года в Южную Шотландию отправили английское войско — в качестве наказания и одновременно предупреждения. Во время этой кампании девять хорошо укрепленных замков, домов и жилых сооружений, а также городов и деревень были полностью уничтожены. Положение шотландской королевы по-прежнему оставалось под большим вопросом. Фактически Мария находилась под домашним арестом, однако многие английские дворяне желали видеть ее на троне. Сесил и другие советники преследовали совершенно другие цели. Сама Елизавета пребывала в нерешительности и сомнениях.

В этой лихорадочной атмосфере вновь зашел разговор о браке английской королевы. На этот раз возможным фаворитом стал принц Генрих, герцог Анжуйский. Он был на семнадцать лет моложе Елизаветы, однако, как брат французского короля, представлял собой самую выгодную партию. Ходили слухи, что семья хотела женить его на королеве Шотландии, и Елизавета, возможно, решила выйти на авансцену, чтобы помешать этому союзу. Теперь как никогда она нуждалась в своем искусстве коварства и обмана, чтобы тянуть переговоры до бесконечности. Вряд ли

королева всерьез задумывалась об этом браке, однако дела государственной важности, вероятно, как и прежде, имели приоритет над ее личными предпочтениями. Союз между Францией и Англией дал бы отпор испанскому влиянию.

Мать герцога Анжуйского Екатерина Медичи возлагала большие надежды на этот брак. «Такое королевство для одного из моих детей!» — объясняла она французскому послу в Англии. Однако сам молодой принц обнаружил весьма строптивый характер. Он был, по словам одного из английских переговорщиков в Париже, «своевольным папистом и вдобавок упрямым, словно ишак». То обстоятельство, что принц являлся папистом, по крайней мере теоретически не сулило ничего хорошего для Англии; Елизавета, еще не так давно столкнувшаяся с угрозой графов, приверженцев старой веры, не желала идти на какие-либо уступки в отношении личных месс или католических исповедников.

Обнаружилась и еще одна помеха. Тогда королева страдала от язвы на голени — трудноизлечимого и очень болезненного недуга. Ее отца также мучили язвы. Молодой принц, прослышав об этом, принародно отозвался о ней как о «старушенции с больной ногой». Он назвал ее *putain*

publique, или «гулящей девкой». Все это ничуть не обнадеживало. Между тем переговоры продолжались, меняя тон с дружественного на враждебный в зависимости от общего состояния европейских отношений. Елизавета приказала своим главным делегатам затягивать и отсрочивать переговоры; им было велено передать Екатерине Медичи «не торопить события в нетерпеливом стремлении получить конкретный ответ, пока вопрос не будет тщательно рассмотрен». В искусстве уклончивости и умении уходить от прямого ответа Елизавете не было равных. Переговоры с горем пополам протянулись в течение нескольких месяцев, и в отчаянии Елизавете предложили руку младшего брата герцога Анжуйского, герцога Франциска (Франсуа) Алансонского. Однако у герцога Алансонского имелись уродливые шрамы от оспы. Предполагалось, что ценой за принятие подобного недостатка станет возвращение Кале Англии, однако в очередной раз переговоры зашли в тупик. Королева мешкала и сомневалась и, казалось, сама не понимала, чего хочет. По правде говоря, вероятности того, что она выйдет замуж, не существовало.

Герцог Норфолк вышел из Тауэра летом 1570 года — униженный, но вовсе не обязательно сми-

ривший. Он отправил Елизавете официальное послание, в котором клялся «никогда больше не помышлять о браке с королевой Шотландии», однако вскоре оказался втянутым в очередной тайный заговор против королевы. Комплот организовал один флорентийский банкир, Роберто ди Ридольфи, живший в Лондоне несколько лет и пользовавшийся полным доверием испанского посла. Ридольфи состоял в переписке с Норфолком и королевой Шотландии, рассчитывая на то, что вельможи поднимут восстание и освободят Марию, а из Шотландии к тому времени подоспеет войско ее сторонников.

Впрочем, план был вилами по воде писан, и вряд ли можно говорить о серьезном участии кого-либо из предполагаемых заговорщиков. Герцог Альба, представитель Филиппа в Испанских Нидерландах, назвал его нелепой бессмыслицей. Однако в Англии все же нашлись те, кто поддерживал сговор, — например, герцог Норфолк. Он воздержался от подписания каких-либо изобличающих документов, однако дал на них устное согласие. Норфолку еще раз зачитали его «наставления» Ридольфи, и он одобрил их содержание: «Мы поручаем вам незамедлительно отправиться в пути, сначала в Рим, затем к коро-

лю-католику, чтобы поведать его святейшеству и его величеству о скверном положении дел на этом острове и о наших оплошностях… и о верном способе разрешить сию проблему ради блага страны и нашего собственного».

Норфолк заявлял о своем страстном стремлении «отстоять право королевы Шотландии на трон и восстановить католическую религию». Затем были озвучены имена восьми пэров и четырех рыцарей, которым вместе поручили командовать армией в 45 тысяч солдат. Их целью должно было стать низвержение Елизаветы и провозглашение Марии королевой. Испании следовало отправить на подмогу войско в шесть тысяч человек, которое после высадки в Харидже или Портсмуте присоединится к английским повстанческим силам. Вероятнее всего, Ридольфи сам написал это письмо, однако тот факт, что Норфолк выслушал все подробности и молча согласился с ними, означал государственную измену. Кажется, он отреагировал на них всего лишь одним словом: «Что ж». Для обвинения этого было достаточно.

Королева Шотландии внесла еще большую неясность в сложившееся положение, заявив, что у нее есть секрет, который она расскажет

только Елизавете при личной встрече. «Вы стали причиной восстания в моем королевстве, — ответила Елизавета, — и хотели лишить меня жизни. Сударыня, мне, право, жаль, что приходится быть столь низкого мнения о Вашем разумении». Затем она заявила, что «все те, кто пытается играть на моих страхах, плохо меня знают. Вы утверждаете, что знаете некую тайну, которую хотите мне поведать. Если это так, Вы должны сообщить об этом в письме. Вы прекрасно знаете, что я считаю нашу встречу нецелесообразной».

Весной 1571 года, когда заговор близился к кульминации, королева созвала парламент. Елизавета правила уже тринадцать лет, и за весь этот период состоялись всего три парламентские сессии. Она не питала особого расположения к депутатам, несмотря на собственные торжественные заверения, поскольку парламентарии чаще занимались обсуждением проблем, нежели поиском решений. Королева так и не нашла себе мужа, а без провозглашенного наследника или правопреемника королевству грозила серьезная опасность. Недавно вспыхнувшее восстание обнажило всю напряженность религиозных противоречий в королевстве. Однако Елизавета нуждалась в средствах, которые мог

санкционировать лишь парламент. В силу этих обстоятельств она появилась на открытии сессии в церемониальных парадных одеждах и с венцом на голове. По правую руку от нее сидели виднейшие церковные сановники, по левую — вельможи королевства; в центре расположились члены тайного совета, а позади столпились рыцари и представители городских магистратов из нижней палаты парламента.

Членов палаты общин больше интересовали вопросы религии, чем финансов. Как-никак это был первый созыв парламента, из которого исключили всех католиков. Парламентарии представили законопроект, обязывающий верующих посещать воскресные церковные службы и причащаться дважды в год. Королева, не переносившая религиозных дебатов, отправила в палату общин послание, запрещавшее обсуждать вопросы, которые ее не касаются, и «избегать долгих разглагольствований». Приказ этот, впрочем, был проигнорирован. Так, последовало рассмотрение законопроекта, предлагавшего реформировать Книгу общих молитв. Согласно ему, Елизавете запрещалось вести себя подобно тирану или, выражаясь языком тех лет, «подобно

Великому турку»[75].

На повестке дня стояла папская булла, и парламент постановил приравнять к государственной измене любые «утверждения, устно или на письме, что королева не есть королева» или «что королева — еретичка, раскольница, угнетатель, безбожница и узурпатор короны». Всех католических священников, скрывающих свое обличье либо выдающих себя за слуг в дворянских поместьях, надлежит бить кнутом или заковать в кандалы как «бродяг или цыган». Изменой признавался незаконный ввоз в страну любых трактатов «епископа Римского», как тогда называли папу, а также любых крестов, икон или четок, благословленных этим епископом. Умилостивив свой праведный грех, парламент присудил выдать королевской казне сто тысяч фунтов стерлингов.

Заговор против Елизаветы начал постепенно сходить на нет. Его зачинщик Ридольфи был большой любитель поговорить, который не всегда следил за словами; заговорщик из него вышел никудышный. Он доверил посыльному передать зашифрованные сообщения, но по прибытии в

---

[75] Примечания: 75

Османскому султану. — *Прим. пер.*

Дувр гонца арестовали и обыскали. Несчастный выдал и другие секреты, когда его посадили на дыбу в лондонском Тауэре. В результате подробности заговора вскоре дошли до Сесила. «На сей раз я приведен в полное замешательство, — писал он, — и не знаю, как избежать опасности». По свидетельству испанского посла, события настолько встревожили Сесила, что он собрался бежать из королевства; он настоятельно посоветовал жене собрать все свои драгоценности и приготовиться к отъезду в любой момент. Положению Сесила в совете, впрочем, ничто не угрожало, и в начале 1571 года ему пожаловали титул лорда Берли. Весьма скоро его назначили лордом-казначеем.

Мария отрицала любую причастность к заговору, однако она по меньшей мере участвовала в составлении плана, поставив подпись на письме с санкционированием вторжения. Знала ли она обо всех деталях сговора — неизвестно. Один из членов парламента отозвался о ней как о «безобразном гигантском драконе и исполинском чудище». После разоблачения комплота Елизавета отбросила все мысли о восстановлении Марии на шотландском престоле; судя по всему, она приняла решение, что королева Шотландии никогда более не обретет свободу. Герцог Нор-

фолк находился в еще более жалком положении. Случайное обнаружение очередного зашифрованного послания стало для него роковым, когда досмотрщики нашли ключ к шифру, спрятанный между двумя черепицами на крыше Говард-Хаус. Они нашли письмо от Марии Стюарт среди личных вещей герцога. Ранней осенью 1571 года его вновь заключили в Тауэр. Берли отправил послание графу Шрусбери, опекуну Марии Стюарт, с отметкой «отправлено из королевского двора 5 сентября 1571 года, в 9 часов вечера»; вверху стояла знакомая надпись о срочности, «спешить, спешить что есть мочи, спешить, спешить, ради своей жизни, жизни, жизни». Мария намеревалась сбежать из тюрьмы и укрыться в Испании. Ее стражу было приказано удвоить.

В ходе допроса Норфолк отрицал, что знает Ридольфи, однако впоследствии сознался, что знаком с ним; затем герцог заявил, что флорентийский банкир завел разговор об измене, но он отказался даже слушать его. Один за другим обманы герцога Норфолка раскрылись. Графов Саутгемптона и Арундела арестовали вместе с лордами Кобэмом и Ламли и их вассалами. Берли очистил двор от католиков.

16 января 1572 года начался судебный процесс

над герцогом Норфолком. Его обвинили в «умышлении на жизнь королевы». Он отверг обвинение, однако в XVI веке возможность дать отпор обвинению короны практически равнялась нулю. Норфолку отказали в праве на адвоката и отобрали все книги и бумаги. Из тюремной камеры в Тауэре он писал, что раздавлен «как мертвая муха» или «бродячая мертвая собака».

Норфолку вынесли обвинительный приговор, однако королева мешкала и не решалась привести его в исполнение. Дважды она подписывала приказ о казни, однако в последний момент передумывала. Не стоит забывать, что Норфолк был знатнейшим сановником Англии и к тому же близким родственником самой королевы. Она призналась Берли, что «задняя часть» ее мозга не доверяет «передней»; ее чувства, другими словами, заглушали голос разума. Терзания рассудка причинили ей такую боль, что она упала в обморок. Берли и Лестер ухаживали за больной королевой три ночи. Та же самая нерешительность и душевные смятения стали причиной фиаско переговоров о ее браке с герцогом Анжуйским.

В конечном итоге в начале лета она подписала третий приказ и после настойчивых убеждений

своих советников решила не отзывать документ. Норфолк отправился на эшафот. Это было первое обезглавливание дворянина за все время правления Елизаветы. На месте заброшенного эшафота на Тауэр-Хилл, стоявшего долгие годы без дела, построили новый. Мария Стюарт, узнав о казни Норфолка, горько разрыдалась; говорили, что она была безутешна несколько дней. Однако королева Шотландии по-прежнему плела интриги, вынашивала заговор. Берли теперь решил сосредоточить внимание на пленной королеве. По его мнению, зло следовало уничтожить на корню.

Весь заговор был настолько неуклюже сработан, что некоторые историки решили, будто Ридольфи сам являлся двойным агентом, нанятым Берли для разоблачения Марии, Норфолка и других заговорщиков-католиков. Подобный сценарий представляется маловероятным, но в сущности правдоподобным. Ридольфи бежал из страны в Париж после ареста своего посыльного в Дувре и больше никогда не возвращался в Англию. Он умер в своем родном городе более чем сорок лет спустя.

В мае 1572 года, сразу после разоблачения заговора Ридольфи, собрался новый парламент. Палата общин возмущенно осуждала возможную

причастность к нему Марии. Один из парламентариев предложил «отрубить ей голову и не раздувать более шумихи вокруг ее персоны»; с этим мнением согласилось большинство собравшихся. Другой член парламента, Томас Диггес, призывал «остерегаться того сладкого яда, что кроется под личиной сердечного сострадания». Берегитесь сострадания. Речь шла не о ее «частном деле», а о безопасности всего государства. Во время заседания объединенной комиссии с членами палаты лордов было решено, что Марию следует предать суду за измену. Конвокация высшего духовенства вынесла аналогичный вердикт, постановив, что «бывшая шотландская королева объединила все грехи распутных сыновей Давида — прелюбодейство, убийства, заговоры, измены и богохульство». Несмотря на это, Елизавете в своей речи — оставшейся незапротоколированной — удалось усмирить их кровожадный гнев.

Затем палата лордов и палата общин представили на рассмотрение законопроект, в котором лишали Марию права на трон и приравнивали к государственной измене любую пропаганду этих притязаний. Королева отказалась одобрить документ, огласив старую фразу *La royne s'advisera* — королева поразмыслит над вопросом, коро-

лева подумает над ним, королева обсудит его. Это означало, что королева вряд ли предпримет какие-либо действия. Возможно, в ее сердце еще теплилось сочувствие к своей родственнице: Елизавета сама однажды была в заточении. По этой причине она передала дело на обсуждение, и все растворилось в тумане слов.

В 1572 году, перед самым перерывом в работе парламента, появился памфлет, адресованный его членам. В нем подвергались сомнению фундаментальные уставы церкви. В «Наставлении парламенту» заявлялось, что «мы в Англии настолько далеки от истинной Реформации, сообразной предписаниям Слова Божьего, что даже видимость ее создать не способны». Авторы труда Джон Филд и Томас Уилкокс хотели, чтобы все церковное учение и организация основывались на Священном Писании. Книга общих молитв признавалась «несовершенной, выуженной из папской навозной кучи, католическим требником всех кощунств мира». Не нужны никакие архиепископы и епископы, церковью должны руководить «равноправные» священнослужители с «законными и благочестивыми сеньорами» в каждой общине. Филда и Уилкокса немедленно приговорили к году заключения за нарушение

Акта о единообразии, однако их слова смогли достичь и более внимательных слушателей; в начале 1570-х годов мы можем увидеть зачатки пресвитерианского движения.

По мере того как парламент проводил все более и более радикальную политику, учитывая полное отсутствие католиков среди членов палаты общин, тот же курс избирали и другие лица, облеченные властью. Двумя годами ранее в Кембридже профессор богословия леди Маргарет прочел курс лекций, в которых выступал в поддержку тех же мер, которые были изложены в «Наставлении»; теолога лишили кафедры и сослали в Женеву, однако в университетах по-прежнему оставались его последователи. «Я не священник! — воскликнул один из выпускников Кембриджа после своего рукоположения. — Нет, я не викарий! Мне ненавистны эти антихристианские имена. Я пастор (наставник) этой конгрегации». Пуританское духовенство Англии в своем значительном большинстве выросло в этих университетах.

В Лондоне и других областях отдельные конгрегации организовали цикл чтения проповедей и наставлений по пуританскому образцу; некоторые популярные проповедники не поддавались

гневу епископов и продолжали нести в мир «Слово Божье», зачастую при поддержке дворянства и джентри. Граф Лестер, как известно, благоволил к идеям пуритан. Сам лорд Берли впоследствии отмечал, говоря о пуританских клириках: «Епископы в наше смутное время совершают очень опрометчивую и губительную ошибку, прогоняя их из своих приходов».

Вскоре начали формироваться зачатки системы, известной как пресвитерианство, собрания священнослужителей и светских пресвитеров церковных приходов. На юге Лондона, в районе Уандсворт, был основан республиканский союз священнослужителей, который стал называть себя «пресвитерий»; впоследствии Уандсворт приобрел известность как прибежище религиозных изгоев, от датчан-протестантов в 1570-х годах до гугенотов, бежавших сюда в начале XVII века. Показательным примером стало появление «изгнаннических церквей» в столице королевства, где протестантских беженцев привлекали к отправлению религиозных обрядов. Несмотря на это, быть приверженцем более строгих убеждений иногда значило подвергать себя опасности. В 1572 году молодой плотник из Суссекса по имени Ной прошел 10 километров от своей деревни в

Хэйлшеме до Уорблтона, чтобы снести майское дерево на деревенском лугу как символ идолопоклонничества; один из местных жителей убил юношу, прострелив ему шею.

К Берли вскоре присоединился еще один королевский советник, Фрэнсис Уолсингем, изощренный и хитроумный шпион; говорили, что из своего дома на Сизинг-Лейн он может услышать то, что шепчут кому-то на ухо в Риме. Он стал родоначальником целой вереницы «разведчиков» в мире европейской дипломатии. Он начал карьеру в качестве посла Елизаветы при французском дворе, а в 1573 году она назначила его одним из своих министров.

Вокруг королевы теперь сформировалась группа убежденных протестантов, которые вместе со своими ставленниками в парламенте противодействовали претензиям Марии Стюарт и католическим силам Европы. Можно предположить, что именно они стали идейными вдохновителями антипапистских мер, принятых последним созывом парламента. Самыми яркими из них были лорд Берли, граф Лестер и Фрэнсис Уолсингем. Они пользовались полным доверием королевы, однако не боялись критически оценивать ее суждения и при необходимости

подталкивать парламент в нужном направлении. Говорили, что они выслушивали приказы королевы, а затем негласно возвращались к своей политике. Сама Елизавета, как казалось, питала к ним искреннюю расположенность. Она называла Уолсингема «мавританцем», возможно, из-за его одежд слишком темного цвета, а Берли — своей «душой». Лестер был ее «глазами».

В этот период на авансцену выступил еще один фаворит, сэр Кристофер Хаттон. Он был в первую очередь придворным изысканной вежливости и обходительности и имел незаурядный танцевальный талант. Его персона привлекла внимание королевы. Она назначила его телохранителем, затем капитаном своей личной охраны, а впоследствии наградила еще более высокими титулами, назначив почетным ректором Оксфорда и лорд-канцлером Англии. Говорили, что он «протанцевал» себе путь к успеху. Его прозвищем было Колпачок или Овечка, вскоре превратившаяся в Барашка.

Свидетельством королевской заботы может стать категоричное письмо, написанное Елизаветой епископу Или. Хаттон жаждал приобрести некоторые земельные владения с садами на Холборн-Хилл и Или-Плейс, принадлежавшие

епископу, однако тот не пожелал уступить их вельможе. Королева, однако, проявила настойчивость и отправила епископу следующее послание: «Гордый прелат, тебе прекрасно известно, кем ты был до того, как я сделала тебя тем, кто ты есть сейчас. Если ты немедленно не исполнишь мое требование, я лишу тебя духовного сана, клянусь Богом. ЕЛИЗАВЕТА». Разумеется, епископ подчинился и отдал свои земли, с условием, что он и его преемники получат беспрепятственный доступ к садам и разрешение собирать 20 бушелей роз ежегодно.

Куда более загадочный переход земельного угодья был отмечен хронистами того периода. Участок земли в Хартфордшире площадью 11 гектаров, известный как Марлеч-Хилл, «тронулся с места и со скрежетом стал перемещаться, унося с собой пасущийся скот, загоны для овец, деревья и так далее, проделав расстояние в сорок шагов за первый день». Через четыре дня он остановился, сформировав холм высотой 22 метра. На своем пути он перевернул местную часовню и оставил яму глубиной 10 метров, шириной 150 метров и длиной 365 метров.

Сообщали и о еще одном чуде. В начале 1572 года граф Лестер подарил Елизавете инкрусти-

рованный драгоценными камнями браслет, в который был вставлен небольшой циферблат. У королевы Англии появились первые в мире наручные часы.

32. Окончание праздника

В ходе летнего путешествия Елизавета часто посещала дом графа Лестера, замок Кенилворт в Уорикшире. Именно здесь ее развлекали пышными представлениями и театральными действами в последующие годы. Когда однажды королева проезжала через парк летом, к ней вышел привратник, одетый в костюм Геркулеса, и произнес приветственную речь. Огромный пруд, расположенный в одной из сторон замка, служил рвом, у которого королеву приветствовали нимфы; казалось, они идут по воде. Самое грандиозное представление в честь приезда королевы состоялось на заднем дворе замка, где соорудили семь пар колонн, на вершине которых расположились греческие боги и богини, преподносившие королеве свои дары. Когда Елизавета въехала на внутренний двор и сошла с лошади, все часы в замке остановили; никто не должен был следить за временем, пока королева находилась в Кенилворте.

На следующий день, в воскресенье, Елизавета отправилась в церковь; однако послеполуденные

часы были наполнены музыкой и танцами. Королева не относилась к поборникам строгих нравов. В особенности она любила танцы. На одном из полотен Елизавета изображена танцующей вольту с кем-то из придворных, предположительно графом Лестером. В этом танце партнер приподнимает и поворачивает партнершу так, что ее ноги болтаются в воздухе. Королева также танцевала гальярду. Она делала пять шагов, а затем подпрыгивала как можно выше, ударяя ногами друг о друга при приземлении на пол. Елизавета настаивала на усложнении танца, желая сделать его еще более замысловатым и интересным, однако более пожилые и степенные советники не поддержали королеву в этом стремлении.

В последующие летние сезоны в замке устраивали и другие развлечения. «Дикарь» из Вест-Индии пел королеве хвалебные оды, и ему вторила нимфа Эхо. Итальянские аллегории, римские мифы и рыцарские романы смешались в одно целое. Королеве показывали местные чудеса вроде ребенка-гиганта и уродливой овцы. Елизавета любила охотиться и ездила верхом вместе с мужчинами в погоне за оленем. Наслаждалась она и медвежьей травлей, когда на двенадцать или тринадцать медведей спускали свору собак.

Не обходилось без акробатов и фейерверков. В жаркую погоду Елизавета пила вино, смешанное пополам с водой. Во время путешествий она касалась больных золотухой, возлагая руки им на шею или челюсть[76].

Итак, летом 1572 года для увеселения Елизаветы служил весь мир тюдоровских развлечений, в котором сельская жизнь и классика дополнялись богатствами английского рыцарского романа. В воздухе чувствовался мир. Условия договора между Францией и Англией были утверждены всего пять месяцев назад. Блуаский мир стал побочным результатом длительных безуспешных переговоров о заключении королевой династического брака, который скрепил бы отношения двух стран. На самом деле целью договора являлась защита от растущей мощи Испании, однако он имел дополнительную ценность, поскольку ограничивал дальнейшие притязания Франции от имени Марии Стюарт.

Приписываемая Лукасу де Хеере картина под названием «Семья Генриха VIII: аллегория престолонаследия Тюдоров», вероятнее всего, написана в честь заключения этого мира. Елиза-

[76] Примечания: 76

В Средневековье считалось, что короли способны исцелить золотуху наложением рук — один из множества тогдашних предрассудков.

вета подарила ее человеку, который более чем кто-либо другой способствовал подписанию договора, а именно Фрэнсису Уолсингему. В нижнем углу картины была сделана следующая надпись: «Уолсингему шлет королева сие полотно: знаком признательности ее и народа английского служит оно». На картине в аллегорической форме изображена династия Тюдоров, начиная с Генриха и заканчивая самой Елизаветой, и вдобавок показана королева, ведущая вперед фигуру Мира, которая несет оливковую ветвь в левой руке и попирает ногами орудия войны.

Впрочем, не обходилось и без вестей о войне. В начале 1572 года нидерландский народ восстал против своих испанских господ и войск герцога Альбы; во главе сопротивления встал принц Вильгельм Оранский, адмирал которого Виллем II де ла Марк ранее укрывался в Англии среди своих собратьев по религии. Весной 1572 года адмирал отплыл из Дувра с небольшой флотилией и захватил город Брилле, расположенный в устье реки Маас[77]. Другие порты Зеландии, Голландии и Утрехта тоже восстали, изгнав испанские

[77] Примечания: 77

Адмирал был вынужден покинуть Дувр по требованию Елизаветы, которая, хотя и поддерживала морских гёзов в их борьбе с испанцами, опасалась открытого противостояния с Филиппом II. Морские гёзы — участники антииспанской борьбы в Нидерландах, действовавшие на море.

гарнизоны. Нидерландских моряков прозвали «морскими гёзами (нищими)», поскольку в те времена пиратство и патриотизм нередко сливались в одно целое. Тем временем, пока французы, воодушевленные выступлением против Испании, захватили графство Эно, принц Оранский сам собрал армию в Германии.

Европейские протестанты со своими французскими союзниками одерживали одну победу за другой над армией католиков Филиппа Испанского, порождая все большее воодушевление среди лондонцев. Именно такого развития событий ждали английские сторонники Реформации; собранное по церквям подаяние вскоре обратили в ружья и порох, а многочисленные добровольцы пересекали Северное море, чтобы принять участие в войне. Парламент, равно как и многие епископы, призывал Елизавету принять участие в конфликте, объявив войну испанской власти в Соединенных провинциях. Она могла бы нанести удар не только во имя Англии, но и во имя Бога.

Тем не менее Елизавета оставалась в нерешительности. Ей не нравилось, что народ Соединенных провинций восстал против своего законного правителя, и у нее не было причин приветствовать замену испанских сил французскими. Ее

политика, как всегда, оставалась осторожной и основанной на компромиссе. Если бы герцогу Альбе удалось победить или хотя бы избежать поражения, она бы позволила противникам продолжать сражение; это вполне соответствовало ее политике стравливания своих врагов. Как писал лорд Берли в наставлениях королеве, «оставьте обе стороны в покое на какое-то время». Однако если бы французы начали захватывать все побережье и рубежи под предлогом союза с нидерландцами, то Елизавета стала бы помогать Филиппу «в защите его наследия» и даже присоединилась бы к нему с тем условием, что он вернет своим подданным свободу религиозного самоопределения и «избавит их от страха перед инквизицией». Этой политики она и придерживалась. Находившийся при английском дворе посол Испании сообщал даже, что королева готова взять Флиссинген под предлогом помощи Вильгельму Оранскому, а потом возвратить его Испании.

Намеренная неопределенность елизаветинской политики пришлась не по вкусу сторонникам радикального протестантизма, но она стала отражением прагматизма, привнесенного во все государственные дела. Поэтому королева, воз-

можно, не с таким уж неудовольствием получала новости о победах герцога Альбы над мятежниками; французы стали беспорядочно отступать, и перед Карлом IX открылась не самая приятная перспектива войны с Испанией без союзников.

В таких непростых обстоятельствах удачный союз французских католиков с протестантами Соединенных провинций не мог продлиться долго. Когда на французского вождя гугенотов Гаспара де Колиньи было совершено покушение, королева-регент Екатерина Медичи стала бояться мести его сторонников. Поэтому в качестве предупредительной меры она приказала уничтожить всех предводителей гугенотов, в том числе и самого Колиньи, которого выбросили из окна его дома. К несчастью, кровопролитие оказалось заразительным, и тогда же, в ночь на 24 августа 1572 года, накануне Дня святого Варфоломея, парижские толпы стали убивать всех гугенотов, которых только смогли найти. Они верили, что разят врагов Господа; среди всеобщего безумия сосед восстал на соседа, гугенотов закалывали, вешали, избивали до смерти. Говорили даже, что некоторые парижане душили младенцев в колыбелях. Тела сваливали на повозки и отвозили к Сене; в ту ночь река разлилась и, как говорили

католики, по милости Господней могла лучше смыть следы ереси. Символом святого Варфоломея был нож, напоминавший о его мученической смерти путем сдирания кожи; в ту ночь нож торжествовал.

Кардинал Орсини сказал французскому королю, что во Франции ни один гугенот не должен остаться в живых, и, хотя этому совету нельзя было в точности последовать на практике, в Париже и провинциях погибли тысячи людей. Страну расколола куда более сильная религиозная ненависть, чем в Англии. Сама резня вошла в историю как Варфоломеевская ночь. Она подорвала авторитет католицизма гораздо больше, чем какое-либо другое событие в истории XVI века. Например, она показала английскому народу его возможную судьбу в случае прихода к власти еще одной королевы-католички. Однако в Риме торжественно звонили колокола, а процессия с участием папы Григория XIII и его кардиналов ходила из храма в храм в знак благодарности.

Королева Елизавета по-прежнему проводила время за увеселительными празднествами в Кенилворте, устроенными в ее честь Лестером, когда до нее дошли новости о кровавой парижской бойне. Она обсуждала с французским послом

затянувшийся вопрос о ее браке с французским принцем. 3 сентября, пока королева была на охоте, из Парижа приехал гонец. Прочитав письмо, Елизавета тотчас прервала все переговоры с послом. Испанский агент в Лондоне сообщил герцогу Альбе, что королева «отправила всех своих музыкантов и менестрелей домой, и в замке не осталось ни танцоров, ни комических фарсов, ни зрелищ…» Все празднества в одночасье закончились, не оставив после себя и следа.

Граф Лестер, стремившийся поддержать протестантов в Европе, писал: «Я полагаю, ни один христианин не слыхал о подобном с языческих времен…» Отчасти благодаря его настоятельным убеждениям Елизавета решила прийти на помощь Вильгельму Оранскому. Она тайно отправила ему тридцать тысяч фунтов стерлингов и позволила собрать войско в шесть тысяч солдат для его кампании. Королева опасалась, что Варфоломеевская ночь может стать лишь прелюдией к всеобщему натиску католических сил против нее и других протестантских правителей. Народ разделял эти страхи. Епископы отправили Елизавете сообщение с просьбой немедленно казнить всех католических священников, сидящих в тюрьме. Епископ Лондонский убеждал Берли

избавить двор от католиков и отправить Марию Стюарт на плаху.

В середине сентября французскому послу позволили вернуться ко двору, переехавшему теперь в Вудсток. Королева была одета в траурные одежды, как и все члены ее совета и придворные дамы; они стояли полукругом и молча приветствовали посла. Елизавета отвела его к окну и спросила, правдивы ли вести о печальных событиях. Он ответил, что против французского короля готовился заговор, затеянный самим Колиньи. Получается, король фактически санкционировал резню в отместку за сговор против его жизни? Послу ничего не оставалось, как оправдываться. Обменявшись с ним несколькими словами, Елизавета удалилась.

В любом случае на публике королева придерживалась политики осторожного нейтралитета. Она отправила герцога Вустера, известного своими прокатолическими убеждениями, в Париж на крещение дочери французского короля; сама Елизавета согласилась стать крестной матерью малышки, к большому неудовольствию своих протестантских советников. Как можно отправлять английского графа с официальным визитом в город, где разразилось самое чудовищ-

ное массовое убийство в истории Европы XVI века? Королева заявляла, что не пойдет против своего дорогого брата короля Испании, несмотря на свою помощь деньгами и войском его врагам. В письме герцогине Ферии в начале 1573 года один испанский придворный весьма неплохо установил все факты, сообщив ей, что «королева обещала выделить средства для шеститысячного войска следующей весной. Если это правда, вы должны раскрыть глаза его величеству на ее вероломство. Она притворяется, что еще не приняла решение, а сама тем временем согласилась на просьбу Соединенных провинций…»

Елизавета, таким образом, вела двойную игру, ловко ухитряясь поддерживать равновесие в отношениях со всеми соседями. Тем не менее ее порывы сдерживала подлинная нерешительность. Эта нерешительность, так похожая на промедление, давала о себе знать как в частных, так и в общих вопросах. Ее настоятельно просили отдать небольшое королевское поместье Ньюхолл графу Суссексу. Благосклонно выслушав предложение, она сказала, что не против пожаловать графу манор, но затем передумала. По зрелом размышлении стоило подарить ему поместье, однако ее отец вложил немало денег

в его строительство. Берли спросил ее, готов ли окончательный ответ, но «она не сказала ничего конкретного, ни нет, ни да». Королева редко находилась в щедром расположении духа. Получив однажды в подарок от Марии Стюарт ночные чепчики, она отметила, что «когда доживаешь до моего возраста, начинаешь брать все, что можешь, обеими руками, а отдаешь лишь мизинцем».

В тот же самый период один из придворных пожаловался Сесилу по другому вопросу: «Это так меня изматывает… Я не могу добиться подписи ее величества на ином письме или разрешения отправить уже написанное, все откладывается день ото дня, от часа к часу, и слышу лишь „вот-вот, скоро, завтра“». Ее крестный сын сэр Джон Харрингтон писал: «Когда дела шли успешно, она самым лукавым образом присуждала заслугу своему доброму имени и разумению; а обернись что-нибудь против ее воли и желания, совету с великим трудом приходилось защищать свои действия, пытаясь в то же время не бросить тень на суждения королевы». Другими словами, она с радостью принимала похвалу и неохотно признавала свою вину.

В отношении большей части государственных

дел Елизавета предпочитала бездействие. И кто скажет, что это не самая мудрая политика? Лучше ничего не делать, чем действовать опрометчиво. Когда порядки в мире определяются стечением обстоятельств или судьбой, какой смысл так спешить? Несмотря на увещевания Сесила и Лестера, таким образом, Елизавета отказалась встать во главе Протестантской лиги Европы. Это подвергло бы ее множеству опасностей. Она и без того добилась взаимопонимания с правящими монархами и гармонии с преобладающим политическим порядком; она не видела смысла ставить его под удар.

Возможно, Елизавета не понимала неистового религиозного рвения кальвинистов в Нидерландах или католиков во Франции; в ее представлении подобные вопросы решались с помощью расчета и компромисса. Впрочем, из их праведного пыла она могла извлечь для себя кое-какую пользу. Когда испанцы вели затянутую военную кампанию против голландцев, а французы стояли на пороге гражданской войны, Англия представлялась оплотом безопасности и порядка. Она даже могла играть роль арбитра судеб Европы. Елизавета решила отозвать английских добровольцев из Нидерландов в качестве жеста

доброй воли по отношению к Филиппу, и весной 1573 года последовало подписание соглашения с Испанией. Договор сулил и гарантированную коммерческую выгоду. К середине апреля порты Испании и Нидерландов официально открылись для английских купцов, которым больше не приходилось опасаться пристального внимания инквизиции.

Событиям, происходившим в дальних уголках планеты, предстояло сыграть роль в более масштабных и длительных конфликтах. В предыдущем, 1572 году сэр Фрэнсис Дрейк высадился в Панаме, стратегической перемычке между серебряными рудниками Перу и портами Карибского бассейна, из которых выходили в плавание испанские корабли. В Испании высказывались опасения, что Дрейк и его команда могут заключить союз с беглыми панамскими рабами, чтобы установить контроль над всем движением по перешейку. Если Мадрид лишится своего золота и серебра, он не сможет финансировать военные кампании в Нидерландах или любых других областях.

В 1578 году бывший работорговец Джон Хокинс был назначен казначеем морского флота и неустанно трудился, чтобы создать флотилию

судов, пригодных для океанского плавания. Предполагалось, что корабли перестанут походить на плавучие крепости, но станут стройнее и быстрее, а на борту разместятся орудия и пушки для дальнего боя. За пятнадцать лет после его назначения страна получила двадцать пять боевых кораблей и восемнадцать морских полубаркасов (пинасов).

В конце 1577 года Дрейк отправился в очередное плавание с флотилией из пяти кораблей под предводительством «Золотой лани», известной тогда под названием «Пеликан». Он спустился вниз вдоль побережья Африки, захватывая все иностранные суда, которые попадались у него на пути, а затем пересек Атлантический океан и достиг Нового Света, откуда, проплыв через Магелланов пролив, вышел в Тихий океан. Он стал первым англичанином, совершившим кругосветное плавание. В тот же самый год Джон Ди, любимый астролог Елизаветы, опубликовал труд под названием «Общие и частные заметки о совершенном искусстве мореплавания». На титульной странице была изображена флотилия английских кораблей, с благословения королевы отчаливающая от хорошо обороняемого берега. Ди выступал за создание Британской им-

перии, великой морской державы, и его работа ознаменовала собой все империалистические стремления английских торговцев и придворных с жаждой авантюризма. Например, английский мореплаватель Мартин Фробишер объединил усилия с сэром Кристофером Хаттоном и Джоном Ди для разработки детального плана по обнаружению Северо-Западного прохода, который, как он полагал, откроет ему путь к Китаю.

О Ричарде Хаклите, выдающемся авторе мемуаров об английских путешествиях, говорили, что период его жизни с 1552 по 1616 год совпал с возникновением Великой Англии — «Англии, раздвинувшей границы своей империи на восток и запад». Сам Хаклит писал, что «подданные прославленного и не имеющего равных королевства ее величества, отправляясь на поиски самых удаленных уголков земного шара, превзошли все страны и народы мира». Первая английская колония в Америке Роанок была основана на территории современной Северной Каролины в 1585 году. Возможно, это не та «империя», о которой грезил Генрих, надев императорскую корону, однако в ее основе неизбежно лежали те же честолюбивые стремления, борьба за власть и погоня за прибылью. Однако вплоть до этого

момента морское противостояние Испании и Англии ограничивалось скорее Новым Светом, нежели Старым.

Отношения между Испанией и Англией охладились из-за очередного религиозного противоречия. В начале 1574 года прибыли первые семинаристы. В городе Дуэ, в Испанских Нидерландах, была основана семинария английских католических священников, откуда в Англию тайно отправилось трое духовников, чтобы начать работу среди верующих. К тому времени английские католики организовали сеть связей, имея собственных священников для проведения церковных таинств и в то же время рассчитывая на помощь беглых католиков из-за рубежа. Некоторые католические священники стали частными капелланами; другие пошли на компромисс и, приняв главенство новой веры, продолжали тайно служить мессу для избранного круга лиц.

Прибытием трех священников дело не ограничилось, и за последующие двадцать пять лет около шестисот духовников отправились в Англию. Они не были миссионерами. Они стремились лишь поддерживать приверженцев старой веры, а не обращать в нее тех, кто принял

протестантство. Тем не менее их деятельность в королевстве представляла собой опасный источник волнений, потому что они выступали против политики той, кого считали незаконным монархом. Руководитель общины в Дуэ Уильям Аллен сообщил духовному начальству в Риме, что священникам был дан указ «проповедовать и обучать (но не публично, а в домах верующих, сообразно примеру апостолов в стародавние дни) католической вере и совершать таинства для тех, кому потребно…». Семинаристам полагалось исповедовать верующих, отпускать грехи схизматикам и укреплять веру тех, кто стремился ей следовать. В предыдущие годы правительство обходилось с католиками с известной долей осторожности, подчиняясь желанию Елизаветы поддерживать мир и порядок любой ценой, однако присутствие священников сочли недопустимым вторжением во внутренние дела страны. Вскоре выбор был сделан в пользу жестких мер.

Неприятности доставляли и приверженцы другого вероисповедания. Весной 1575 года в Олдгейте обнаружили конгрегацию анабаптистов. Эту религиозную секту презирали и боялись больше всего. Несмотря на то что по национальности они были голландцами, их судили в

присутствии епископа Лондонского в соборе Святого Павла за самые чудовищные грехи — ересь и богохульство; пятеро публично покаялись и получили помилование. Они устраивали процессии с зажженными охапками хвороста в руках и отрекались от доктрин, гласивших, что Христос «был рожден» Девой Марией, что младенцев следует крестить, что христианин может служить магистратом или носить меч и что христианин должен давать клятву. Пятнадцать из их сподвижников отправили обратно за границу, а пятерых приговорили к казни через сожжение. В действительности на костер отправили лишь двоих — Джона Уилмейкера и Генри Турвурта, которые приняли в Смитфилде свой конец «с величайшим страхом, криками и рыданиями» на глазах у толпы, рукоплескавшей их казни. Это была первая кровь, пролитая во имя религии за все время правления Елизаветы.

Целых семнадцать лет в королевстве не происходило сожжений, и историк Джон Фокс, писавший о мучениках во время правления Марии, выразил в письме королеве протест по поводу возвращения казней. Елизавета называла его «мой отец Фокс», и в силу этого он имел право на определенную вольность в своих назиданиях. «Я

ни в коем случае не защищаю еретиков, — писал он, — но я человек и пощадил бы другого человека. Сжигать живые тела несчастных, сбившихся с праведного пути скорее от слепоты разума, нежели душевного порыва, и поливать их дегтем и серой, чтоб сильнее распалялось пламя огненное, суть кощунственная скверна папистской веры… ибо любовь Бога пощадила бы их жизни». Королева осталась глуха к этому призыву.

Смерть архиепископа Паркера в мае 1575 года привела к смене общего курса церкви. Паркер оставил после себя огромное состояние, и считалось, что он частенько злоупотреблял своими обязанностями на посту. Его преемник Эдмунд Гриндал был в равной степени знаменит своей набожностью и ученостью; он снискал расположение лорда Берли и, как представлялось, действительно отличался религиозным ригоризмом. Один из анонимных почитателей отправил ему послание, где призывал «держать совет с братией вашей о том, как изгнать остатки папского отребья, которые оскорбительны для праведных христиан. Я знаю, будет нелегко осуществить сие благое дело, о коем вы и ваши братья радеете. Однако (приводятся способы) кое-что сделать можно». Задача представлялась нелегкой, по-

скольку самой Елизавете очень претила идея каких-либо новых изменений или вмешательства во внутренние дела. Она была религиозным консерватором, и весьма скоро Гриндал заслужит королевскую немилость.

Елизавету глубоко тревожило, в частности, все большее распространение так называемых пророчествований или учений. Это были собрания, которые посещали представители духовенства, чтобы обсуждать тексты Священного Писания и обучать начинающих священников искусству проповеди и другим богослужебным обязанностям. Мирянам иногда разрешалось присутствовать на встречах, а заканчивались они обычно обедом в местном трактире, где оглашались и обсуждались предписания доктрины. Понятие «пророчествования» было заимствовано из Первого послания апостола Петра к коринфянам, в котором он призывал: «И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают… ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение»[78].

Эти события с радостью приветствовали при-

---

[78] Примечания: 78
См. 1 Кор. 14:29–31.

верженцы евангелизма. Посещение собраний представителями всех духовных рангов во многом способствовало размыванию традиционной церковной иерархии, а особый акцент на проповедовании и дискуссиях предоставил прекрасную возможность более открытого и непринужденного обсуждения доктрины за рамками воскресных служб. Пророчествования обрели популярность среди широкого населения, и вскоре на них стали собираться жители центральных графств, Восточной Англии, Лондона, Девона, Кента и Суррея.

Королева узнала о существовании подобной деятельности в результате споров между местными консерваторами и инакомыслящими. Ей сообщили, что некоторые священники, отстраненные от своих обязанностей за радикальные мнения, участвуют в собраниях. Елизавета обратилась к архиепископу Гриндалу и попросила их прекратить. Питая глубокую неприязнь к любым формам религиозного фанатизма, она приказала ограничить число проповедников в каждом графстве до трех или четырех. В виде компромисса архиепископ предложил создать кодекс религиозной практики, однако королева ответила отказом. Затем он написал ей письмо, где ссылался на пример библейских пророков, ко-

торые не боялись своими назиданиями обидеть или упрекнуть королей.

Говорить королеве правду было его священной обязанностью. Без проповедования Слова Божьего людей ждал неминуемый конец. Пророчествования возникли для «укрепления в вере, наставления и утешения духовенства», и он добавил: «Я не могу, не погрешив против совести и не оскорбив величие Господа, дать свое согласие на запрет этих учений». Он был готов ослушаться королеву, которая являлась верховным главой его церкви. «Помните, милостивая сударыня, — написал он, — Вы смертный человек». Елизавета ничего не ответила на это довольно дерзкое послание. Пять месяцев спустя королевский двор обнародовал приказ, запрещавший «беспорядочные проповедования, чтения и совершения церковных таинств»; жители оставили свои приходы, чтобы послушать «прения и обсуждение разделившихся мнений о постулатах теологии, столь не свойственные простонародью». Пророчествования, таким образом, подошли к концу.

Сам архиепископ Гриндал навлек на себя негодование королевы. Она хотела отрешить его от должности, однако Сесил и Уолсингем убедили ее, что тем самым она создаст неуместный пре-

цедент. Кроме того, любой публичный скандал сыграет на руку католикам. Поэтому Елизавета лишила его какой-либо фактической власти и повелела оставаться в Ламбетском дворце, где ему дозволялось исполнять лишь самые рутинные обязанности. Когда же Гриндал принял решение по обоюдному согласию уйти в отставку, его смерть поставила точку на необходимости дальнейших компромиссов.

В феврале 1576 года состоялся очередной созыв парламента, и на одном из первых заседаний Питер Вентворт, сторонник идей пуританства, выступил с речью, которую сочли в высшей степени бестактной. Он требовал предоставить полную свободу слова в парламенте, особенно в вопросах религии, даже рискуя навлечь на себя немилость королевы. Он настаивал, что парламент, будучи блюстителем закона, должен иметь возможность невозбранно выполнять свой долг; даже монарх облечен своими полномочиями согласно букве закона. Непозволительно ограничивать религиозные дискуссии из-за слухов, что «ее величеству неугодны подобные темы; всякий, кто затеет об оных разговор, весьма оскорбит королеву». Недопустимо, что королевский двор отправляет в парламент «указания», препят-

ствующие подобным дебатам. «Богом клянусь, господин спикер, как жаль, что эти две вещи нельзя упрятать в ад: я говорю о слухах и указаниях». Затем он добавил, что «никто не безгрешен; никто, даже наша благородная королева… Весьма и весьма опасно, когда правитель ущемляет и обижает своих дворян и свой народ, как поступала ее величество при последнем парламенте. И столь же опасно правителю идти наперекор или противодействовать своему дворянству и народу».

Коллеги Вентворта в палате общин немедленно обвинили его в пропаганде вольности, а не свободы и в особенности осудили за то, что поднял вопрос о прерогативах монарха. Его удалили из зала заседаний и отдали под стражу парламентскому приставу. Затем, представ перед комиссией совета, Вентворт попытался оправдать свои заявления о свободе слова на том основании, что королевские «указания» парламенту недвусмысленно запрещали дискуссии о важнейших вопросах религии. Такая позиция представлялась совершенно неприемлемой. Вентворта посадили в тюрьму на месяц, пока королева в знак особой «милости и благосклонности» не даровала ему свободу. Таким образом, о каких-либо предпосыл-

ках свободы слова в парламенте говорить было еще рано.

В очередной раз в парламенте встал вопрос о браке королевы, и в очередной раз она выступила с возражениями, уклонившись от прямого ответа. Выступая с речью в конце парламентской сессии, Елизавета заявила: «Будь я простой дояркой с ведром в руке, чьими личными интересами можно и пренебречь, я бы не пожертвовала своим бедным и одиноким положением ради замужества с монархом… однако ради вашего блага я готова исполнить долг свой, сколь бы трудным он ни был, если дело касается моей особы». Другими словами, она предпочитала оставаться незамужней, но соглашалась идти на компромисс в важнейших государственных делах.

Королева настолько была довольна произнесенной речью, что отправила ее экземпляр своему крестному сыну Джону Харрингтону вместе с сопроводительным письмом. «Мальчик мой, — написала она, — я велела парламентскому секретарю записать для тебя мои скромные слова, ведь пока таких за малостью лет не допускают в парламент… дабы ты, возможно, в будущем из оных какую пользу извлек для себя, когда память о твоей крестной матушке оста-

нется в прошлом». Ее понимание важнейших государственных дел весьма скоро подверглось серьезным испытаниям.

33. Лягушатник

К концу 1576 года в Нидерландах разбушевалась так называемая испанская ярость, когда многие из не получающих жалованье испанских солдат взбунтовались против своего начальства; последствием стала кровавая резня гражданского населения, в одном лишь Антверпене было убито восемь тысяч человек. Город так никогда и не вернул себе прежнее влияние. Произвол, учиненный солдатами, глубоко возмутил население Нидерландов, которые включали на тот момент территории современных Голландии и Бельгии, и даже католические провинции объединились с мятежными провинциями Голландии и Зеландии в твердой решимости ограничить власть своих испанских владык. Результатом стало Гентское умиротворение, подписанное всего через четыре дня после погромов; новый правитель дон Хуан Австрийский, младший единокровный брат Филиппа II, с крайней неохотой принял эти предложения, одним из условий которых было требование вывода из страны всего испанского войска. Теперь у нидерландских провинций су-

ществовал единый фронт, ратифицированный Брюссельским союзом 1577 года.

Елизавета вновь погрузилась в пучину сомнений. Сэр Уолтер Рэли сказал как-то о ней, что она «все делает наполовину». Несмотря на это, английская история тогда вступила в период мирного времени. Он продолжался двадцать шесть лет, с 1559 по 1585 год, и, как однажды канцлер казначейства сэр Уолтер Майлдмей сказал палате общин, «у нас на родине все спокойно, и чужие треволнения до наших границ не доходят». Впрочем, предостерегая от излишней самоуверенности, он добавил: «Мы должны своевременно обезопасить себя от любой бури, которая может разразиться у нас или за рубежом». Так зачем тогда королеве рисковать поднятием «бури», вмешиваясь в дела Испанских Нидерландов непосредственно или оказывая им военное содействие?

Елизавета отправила 20 тысяч фунтов стерлингов в Нидерланды и договорилась об отправке такой же суммы позднее, при условии полной выплаты долга в течение восьми месяцев; испанцам она объяснила свои действия тем, что просто выделила средства для покрытия задолженностей по выплате зарплат испанским солдатам.

К лету 1577 года армия оккупантов уже была на пути домой. Однако в начале 1578 года все резко изменилось. Армия Нидерландов потерпела сокрушительное поражение в битве при Жамблу, когда войска дона Хуана хлынули через границу обратно в страну. Соединенные провинции уповали на Елизавету в надежде на столь необходимую помощь, однако их чаяния оказались тщетными. Королева не пошевелила и пальцем.

«Если ее величество ничего не предпримет прямо сейчас, — писал ее посол через неделю после поражения, — то, по мнению мудрейших подданных, это повлечет за собой опасные перемены». Прошел еще один месяц без каких-либо намеков на действия со стороны Елизаветы. Ходили слухи, что она собирается отправить армию под началом графа Лестера для борьбы с испанцами, однако то был лишь ложный оптимизм протестантов. Посол вновь писал, что «нерешительность безжалостна и постыдна. Если она скажет нет, то ей не удастся избежать гнева папистов. Если скажет да, она сможет сохранить свои значительные преимущества в войне; но она должна безотлагательно выбрать одно из двух». Для Елизаветы — больше, чем для кого бы то ни было, — подобный совет был настолько

же бесполезен, насколько неприятен. Вместо армии она отправила дополнительные 20 тысяч фунтов стерлингов с условием своевременной компенсации. Один из современников, Уильям Кэмден, писал: «И так сидела она, подобно героической правительнице и арбитру меж испанцев, французов и голландцев; а потому вполне могла произнести фразу, некогда сказанную ее отцом, *cui adhaereo praeest*, или „тот, на чьей я стороне, одержит победу“. И некто совершенно справедливо написал, что Франция и Испания суть весы, измеряющие равновесие сил в Европе, а Англия суть стрелка весов, удерживающая это равновесие».

Влияние Елизаветы на Францию упрочилось еще больше благодаря новому раунду матримониальных переговоров, когда в очередной раз она привлекла внимание герцога Франциска (Франсуа) Анжуйского. Он был невезучим юношей, носившим тогда титул герцога Алансонского. Слухи о его личных пристрастиях стали предметом множества шуток при английском дворе; его лицо покрывали шрамы от оспы, а на спине имелось небольшое искривление, которое опровергало его прозвище Геркулес. Он был на двадцать один год младше английской королевы, что могло

сделать саму Елизавету объектом насмешек. В подобных малообещающих обстоятельствах и начались переговоры о браке. Решительности Елизавете также, возможно, прибавила новость о том, что ее фаворит, граф Лестер, повторно женился. Весной 1578 года он сочетался браком с графиней Эссекс в ходе тайной церемонии, состоявшейся в Кенилворте; говорили, что он «грезил свадьбой» и купил для жены особняк в Уонстеде в графстве Эссекс, чтобы видеться с ней вдали от любопытных глаз.

После этого Лестер прибыл в Лондон, но сказался больным, чтобы не посещать двор. Однако королеве довольно скоро доложили о его приезде. Как сообщал испанский посол, 28 апреля, прогуливаясь по королевскому саду, Елизавета обнаружила оставленное возле двери письмо. Прочитав его, она немедленно отправилась в Лестер-Хаус и пробыла там до десяти часов вечера. Возможно, что Лестер написал письмо в надежде избежать королевского гнева. Впрочем, это могла быть чья-то анонимная кляуза на его свадьбу. Независимо от причины, результат был одинаков. Поговаривали, что королева хотела отправить Лестера в лондонский Тауэр, но потом сменила гнев на милость. Так или иначе, в следующем

месяце она возобновила переговоры о браке с молодым герцогом.

Французы с подозрением отнеслись к побуждениям Елизаветы. Возможно, она хотела лишь помешать герцогу Анжуйскому заключить потенциальный союз с мятежниками в Нидерландах. Франциск был одержим жаждой воинской славы, и перспектива заполучить английскую корону представлялась единственным способом отвлечь его внимание. Вместе Франция и Англия могли бы обрести достаточное влияние, чтобы восстановить мир между Испанией и мятежниками. По этой причине французский двор тщательно взвешивал каждый свой шаг. Король Франции считал, что за предложением англичан скорее стоит искусная махинация, нежели искреннее желание. Сам герцог Анжуйский требовал расторопности и быстрых решений. С французскими послами королева была ласкова, если не сказать кокетлива; она даже притворилась, что не знает о разнице в возрасте между ней и юным герцогом. Она бы относилась к нему не только как к мужу, но и как к сыну. Никто доподлинно не знал, сколько искренности было в льстивых речах королевы; возможно, она сама сомневалась в собственных намерениях.

Отличительной особенностью летнего путешествия Елизаветы в 1578 году стала полная неразбериха. В мае докладывали, что «ее величество отправится в путешествие в Норфолк в этом году, однако никаких точных решений еще не принято». Лестер переживал, что его близкий друг лорд Норт не успеет «подготовить к приезду королевы свой дом, как велит его долг и доброе имя»; тем не менее на замок Кертлинг-Тауэр в окрестностях Ньюмаркета навели новый блеск по такому важному случаю. Спешно пришлось построить новую гостиницу, чтобы разместить многочисленную свиту королевы.

По мнению человека, которому поручили руководить всеми празднествами и гуляньями во время визита Елизаветы в Норидж, местные вельможи получили известие о приезде королевы «в самый последний момент». В середине июля, в самый разгар путешествия, лорд-хранитель печати не был уверен, отправится ли Елизавета в Суффолк, а другой придворный докладывал, что непонятно, собирается ли королева вообще ехать в Норидж, «если правда то, что птичка принесла мне сегодня на хвосте». На следующий день граф Нортумберленд попросил Берли подтвердить «достоверность того, что путешествие ее величе-

ства состоится».

Эта путаница явилась следствием противоречий в Совете, вызванных столкновением различных целей и притязаний самых видных его членов. В ходе празднеств увеселительные мероприятия сопровождались искусно зашифрованными посланиями с политической подоплекой. Ряд членов совета настаивал на нежелательности брака с герцогом Анжуйским. Не случайно во время празднований в Норидже жителям представили картину, изображавшую Елизавету в образе королевы-девственницы. На полотне богиня Целомудрия вручала королеве лук Купидона как особенный предмет, принадлежащий ей одной, поскольку «никто не может поразить сердце ее величества»:

> *О королева, жизнь в целомудрии твоею волей стала,*
>
> *Чтоб сердце не пленить неволи путами...*[79]

Считается, что Ланкастер, выступавший против брака с герцогом Анжуйским, стал главным идейным вдохновителем этих интриг. Не так

---

[79] Примечания: 79

Then since O Queen chaste life is thus thy choice / And that thy heart is free from bondage yoke...

все радужно и безмятежно было в королевстве: за завесой зрелищ и дивертисментов виднелись отблески ожесточенных конфликтов и идеологических антагонизмов.

Елизавета посетила самую неспокойную епархию королевства, где католики и протестанты — или, говоря иначе, староверы и реформаторы — боролись за господство. По пути в Норидж королева остановилась в Бери-Сент-Эдмундс, где двух радикальных проповедников подозревали в пророчествах. Одного из них допросил совет, сопровождавший королеву; его отпустили с миром, а некоторым из пуританских джентри пожаловали дворянское звание рыцаря.

Потом королева отправилась в Юстен-Холл, резиденцию видного католика Эдуарда Роуквуда. Она благосклонно согласилась погостить в его доме, однако в самом конце ее визита в сенном сарае обнаружили икону Девы Марии. Елизавета приказала ее сжечь, «что сельские жители немедленно и сделали у нее на глазах, к удовлетворению самой королевы и несказанной радости всех вокруг, за исключением лишь одного или двух, кто высасывал из идола его ядовитое молоко». Это весьма странный эпизод. Возможно, икону специально подложили противники Ро-

уквуда, желавшие ему навредить. Или это было частью тщательно спланированной постановки, чтобы подчеркнуть неприязнь королевы к папистским суевериям. Самого Роуквуда арестовали и заключили бессрочно в тюрьму.

Во время осмотра Нориджского собора королеве доложили, что герцог Анжуйский вторгся в Нидерланды и заключил с протестантскими государствами соглашение, в котором провозглашался «защитником свобод Нидерландов против испанской тирании». Возмущенная новостью об этом неугодном альянсе, Елизавета обрушила гнев на своих советников, хотя именно ее пренебрежение и топтание на месте побудили нидерландцев искать дружбы с французским герцогом. Она отправила письмо поддержки Филиппу Испанскому, не прекращая тем временем переговоров о сватовстве с герцогом Анжуйским. В скором времени северные провинции сформировали содружество, или лигу. Это был лишь вопрос времени, прежде чем они официально отреклись бы от Филиппа II и, вероятнее всего, признали бы герцога Анжуйского своим новым правителем.

Таким образом, дела при дворе, как и путешествие королевы, сопровождались чередой пере-

менчивых настроений, оборотов и полуоборотов. Неудивительно, что у некоторых королевских подданных это вызывало недовольство. Сэр Филип Сидни, придворный и по совместительству поэт, сообщил друзьям, что «подумывает об одном индийском проекте»; устав от изнурительной рутины и раболепия придворной жизни, он строил планы о путешествии в Новый Свет. Уолсингем, в свою очередь, писал, что он желал «как-нибудь неприметно, с позволения Божьего, удалиться со сцены и занять место в зрительном ряду». Другой придворный, сэр Томас Хиниэдж, сетовал, что «ни провидение, ни советы тут не восторжествуют; если мы и будем процветать, то только, по нашему обыкновению, чудом».

На плечах этих людей лежал величайший груз ответственности и тревог, безмерно отягчаемый непостоянством королевы. Высокое положение и честолюбивые стремления порой таили в себе страшную опасность. 4 апреля 1578 года граф Босуэлл, мятежный супруг Марии Стюарт, скончался. Он кончил свои дни в бреду, привязанный к столбу в подземной темнице замка Драгсхольм в Дании. Вплоть до 1976 года его мумифицированное тело можно было увидеть в церкви, расположенной неподалеку от замка.

В то время королева особенно страдала от разного рода недугов. В возрасте сорока пяти лет у Елизаветы вновь открылась язва на ноге, от которой она мучилась еще восемь лет назад. Осенью 1578 года ее одолел некий «приступ», по словам Джона Ди длившийся четыре часа; на следующий день очередной «болезненный приступ» продолжался три часа. Природа этих приступов неизвестна, однако их описывали как «нестерпимые приступы боли, вызванные болевым синдромом и ревматизмом». В декабре у нее внезапно развилась зубная боль, настолько сильная, что не давала ей уснуть двое суток. Тайный совет собрал консилиум для обсуждения проблемы, на котором зубодер Фенатус рассказал о самом безопасном способе удалить больной зуб.

Советники ждали решения королевы вместе с хирургом, которому поручили выполнить эту операцию. Елизавета, испугавшись болезненного испытания, сначала пошла было на попятную. Тогда епископ Лондонский предложил свою помощь и добровольно согласился лишиться одного из своих оставшихся зубов, чтобы успокоить королеву. Хирург вырвал зуб, не причинив ни малейшего беспокойства епископу, и королева, обнадеженная его примером, благосклонно вве-

рила себя врачу.

Переговоры с герцогом Анжуйским проводились теперь с еще большим энтузиазмом. Несмотря на приступы боли и язву, ее врачи «не видели препятствий» для успешного вынашивания ребенка. В начале 1579 года ко двору пожаловал посол герцога Жан де Симье со свитой из шестидесяти дворян; сам он, возможно, и не был образцовым придворным — убив незадолго до этого собственного брата за измену со своей женой, однако Елизавета нашла его совершенно очаровательным. Она называла его «обезьянкой» и «самым прелестным из моих зверюшек». Королева устроила торжественный бал в его честь и проводила в его компании столько времени, что могло показаться, будто сам Симье — истинный претендент на ее руку. Его даже допустили в королевскую опочивальню, где он попросил в подарок ее ночной чепчик как символ любви к его госпоже.

Граф Лестер выражал негодующие протесты в связи с возможным браком и обвинил Симье в том, что тот околдовал королеву с помощью черной магии. Даже придворные священники выступали в своих проповедях против связей с Францией, а в первое воскресенье Великого поста

один из проповедников сослался на пагубный пример единокровной сестры королевы, Марии, провозгласив, что «браки с иностранцами несут лишь одно зло стране»; Елизавета в гневе ринулась вон из королевской часовни.

В 1579 году Джон Стаббс сочинил язвительный антифранцузский трактат «Обнаружение зияющей пропасти», в котором обвинял некоторых злокозненных «угодников» и «политиканов» в пропаганде интересов французского двора, «где Макиавелли — их Новый Завет, а атеизм — новая религия». Он окрестил потенциальный брак «мезальянсом» и «порочным союзом», подобным союзу чистоплотного быка и чумазого осла; опасность появления папистского наследника была слишком велика, чтобы ее стерпеть. К тому же возраст Елизаветы уже не позволял иметь детей, поэтому брак не послужил бы никакой цели. Памфлет церемонно сожгли в кухонном очаге Стэйшенес-Холла, однако Стаббса ждало дальнейшее наказание. По делу опального памфлетиста состоялось судебное разбирательство в Вестминстере, где его признали виновным в написании «крамольных трудов». Королева хотела смертного приговора, однако ее убедили, что такую меру наказания сочли бы слишком суровой. Вместо

этого суд постановил, что виновнику следует отрубить правую руку. За несколько секунд до того, как приговор был приведен в исполнение, Стаббс воскликнул: «До удара судьбы уже рукой подать», — один из немногих случаев, когда жестокое наказание сопровождалось игрой слов. Когда палач отрубил ему правую руку, Стаббс снял свою шляпу левой рукой и крикнул «Боже, храни королеву», а затем упал без сознания.

Другое происшествие почти вплотную коснулось самой Елизаветы. Когда она в компании Симье совершала речную прогулку по Темзе на королевском баркасе, один из лодочников был ранен выстрелом с другого судна; тут же поднялся переполох, витали слухи о существовании заговора с целью убийства Симье или самой королевы. Впрочем, все оказалось чистой случайностью, и королева простила нечаянного нарушителя со словами, что «я не поверю ничему о своем народе, во что никогда не поверят родители о своих детях».

Молодой герцог Анжуйский прибыл в Англию в середине августа; он приехал ни свет ни заря, когда Симье еще крепко спал. Герцогу не терпелось засвидетельствовать свое почтение королеве, однако Симье уговорил его отдохнуть с

дороги. Посол все же отправил королеве письмо, в котором объяснял, как убедил герцога немедленно «лечь в постель»: «Богом клянусь, как бы я желал, чтобы Вы сейчас были с ним, и тогда он мог бы поведать Вам, не таясь, свои мысли». Официально о приезде Франциска Анжуйского еще не объявляли, и во время дворцового бала на следующей неделе он скрывался за занавесом; королева, кружась в танце, делала жесты в его сторону, которые придворные будто бы не замечали. Через четыре дня Франциск уехал, получив известие о смерти близкого друга, однако успел произвести впечатление. Она назвала его своим *grenouille*, «лягушатником».

Следующая парламентская сессия была назначена на октябрь, однако королева отсрочила ее, чтобы избежать неприятных обсуждений ее брака; она уже привыкла к вмешательству палаты лордов и палаты общин в матримониальные вопросы, однако в этот раз решила его не поощрять. Вместо этого она собрала свой совет на торжественное заседание, чтобы выслушать рекомендации его членов. Фактически советники заседали несколько дней, а однажды пробыли в зале собраний с восьми утра до семи вечера, не отлучаясь ни на минуту. В совете наблюдался

глубокий раскол, семь членов выступали против брака, а пять — за него; поэтому они обратились к королеве и попросили высказать свое настоящее мнение по обсуждаемому вопросу. Лишь тогда они могли бы решить проблему.

Елизавета разрыдалась. Она хотела, чтобы советники вынесли однозначное решение в пользу свадьбы, а теперь ее вновь объяла неизвестность. Он отстаивала идею своего союза с герцогом Анжуйским и позднее в тот же день высказывала убедительные аргументы в ее пользу. Однако она прекрасно осознавала, что этот вопрос разделил во мнениях страну точно так же, как он разделил совет. Более того, без его безоговорочной поддержки Елизавете было бы весьма непросто добиться согласия парламента, в котором все больше преобладали бескомпромиссные протестантские взгляды. Королева приостановила работу парламента еще на три месяца — впрочем, уже без прежней нерешительности и сомнений. Она даже подписала брачный договор, с тем условием, что ей предоставят два месяца, чтобы привлечь на свою сторону подданных или бросить эту затею.

По всей видимости, слезы королевы перед членами совета были совершенно искренними и

свидетельствовали о ее глубоком разочаровании и безысходности: у нее похитили последний шанс устроить свою супружескую жизнь. К тому времени относится портрет королевы, заказанный Кристофером Хаттоном и приписываемый кисти Квентина Метсиса, на котором она изображена стоящей позади колонны, украшенной медальонами Дидоны и Энея из «Энеиды» Вергилия. С другой стороны от нее расположился глобус, демонстрирующий морские путешествия англичан. Символизм картины вполне очевиден. Подобно тому как Эней вынужден покинуть Дидону, чтобы исполнить свое высшее предназначение и основать великий город, так же и королева должна забыть свою любовь к герцогу Анжуйскому и создать свою империю. В это время стало появляться множество портретов королевы со сложным аллегорическим смыслом, в которых целомудрие и империя представляли собой равнозначные ценности. В период между 1579 и 1583 годами было написано не менее одиннадцати портретов с «ситом» — символом целомудрия. Вечно молодая и непоколебимая королева стала, таким образом, символом деятельного и несокрушимого правящего класса.

Между тем ее внутренняя досада порой прини-

мала довольно своеобразную форму. Ее возмутило, что отдельные подданные осмеливаются носить поверх рубашки или блузки воротник-фрезу такой же высоты и размеров, что у самой королевы; в связи с этим вышел парламентский закон, разрешавший уполномоченным королевским придворным стоять на перекрестках и, вооружившись ножницами, обрезать все воротники, превышающие допустимые размеры. Елизавета запретила дворянам носить рапиры больше определенной длины. Ее вкусы могли по-прежнему удивлять экстравагантностью. Она приобрела шесть венгерских лошадей, чтоб запрягать в королевскую карету, и выкрасила их гривы и хвосты в ярко-оранжевый цвет.

Английский хронист Рафаэль Холиншед рассказывает другую историю о гофрированных воротниках, относящуюся к 1580 году, которая представляет то время в довольно занимательном свете. Одиннадцатилетний мальчик из Суссекса пролежал в трансе десять дней; проснувшись, он обнаружил, что в нем появились качества прорицателя или моралиста. Он резко отчитал слугу за его «огромный и безобразный» воротник на шее и сказал, что «лучше ему облачиться во власяницу и посыпать голову пеплом, чем выставлять себя

на посмешище, словно угодник черта»; после этих слов слуга расплакался, взял нож и, сорвав воротник с шеи, разрезал его на мелкие клочья.

В первую неделю апреля 1580 года мощное землетрясение прокатилось по всем юго-восточным областям Англии; жители Лондона в паническом страхе выбегали из домов на улицы, а некоторые утесы Дувра раскалывались и падали в море. Шпиль сорвался с башни Вестминстерского аббатства, а камни, упавшие с крыши школы Крайстс-Хоспитал, убили двоих детей. В памфлете, созданном в то время, Томас Чечьярд писал: «Диковинные сдвиги и толчки земли сотрясали Лондон, а церкви, дворцы, дома и иные сооружения трепетали и содрогались так, что стоящих в них кидало из стороны в сторону, а те, кто сидел, попадали со своих мест». Землетрясение восприняли как знак божественного возмездия, настигшего празднолюбивый и расточительный народ.

Именно в этот период истории, весной и летом 1580 года, в Англию впервые прибыли иезуиты с миссией защиты — если не реставрации — старой религии. Они появились через шесть лет после возвращения в страну католических священников, однако иезуиты, возможно, были

преисполнены большей решимости. Члены ордена, целенаправленно созданного для борьбы с Реформацией, отличались глубокой набожностью и столь же строгой дисциплиной, равно как и непреодолимым стремлением обратить в свою веру как можно большее число людей; их стали называть «черными всадниками папы римского».

Одними из первых возвращенцев стали Эдмунд Кэмпион и Роберт Парсонс, вместе с семью другими сподвижниками. Кэмпион обучался в Английском колледже в Дуэ, однако его раннее образование впечатляет куда больше. Он работал научным сотрудником колледжа Сент-Джонс в Оксфорде и обладал столь выдающейся эрудицией и даром красноречия, что его избрали для торжественного приветствия королевы во время ее визита в университет в 1569 году. Он пользовался покровительством графа Лестера и лорда Берли и, казалось, мог рассчитывать на высокое положение в лоне официальной церкви; его считали наиболее вероятным претендентом на должность архиепископа Кентерберийского в будущем.

Несмотря на все это, Кэмпион, по его словам, стал терзаться «угрызениями совести и чувством

омерзения», которые и вернули его на путь старой веры; он бежал в Дуэ, где принял причащение и приобщился к католическому вероисповеданию. Тем самым Кэмпион заслужил право стать поборником миссии. Он имел друзей и знакомых в Вестминстере; возможно, у него даже были тайные друзья среди членов Королевского совета.

Конечно, ему грозила опасность, ведь он водил дружбу с теми, кто называл Елизавету еретичкой и выступал в поддержку Марии Стюарт. Впрочем, риск являлся неотъемлемой частью всей миссии; его старший товарищ Уильям Аллен заподозрил, что английских католиков могут попытаться припугнуть показательными сожжениями или наказаниями пострашнее. Кэмпиону приказали воздержаться от любых дискуссий о политике и избегать хулы в адрес королевы. Ему полагалось сосредоточиться исключительно на религиозных вопросах — если он и умрет за веру, то умрет как мученик, а не как предатель.

Однако обуздать желания и сомнения английских католиков оказалось непросто. По улицам Лондона были разбросаны прокламации, объявлявшие Елизавету еретичкой и незаконной королевой. В связи с этим совет повторно обнародовал законы против католиков. Дворянина,

которого поймают за слушанием мессы, посадят в тюрьму. На любую английскую семью, которую уличат в укрывании иезуитских священников, заведут судебное дело за пособничество мятежникам. Обстановка ухудшилась, когда в Ирландии высадился отряд итальянских солдат-католиков под началом испанского военачальника; считали, что, вероятно, за этим стоит король Испании, готовящий вторжение. Повсюду сообщалось, что папа римский своим молчаливым согласием санкционировал заговор по убийству королевы.

Уолсингем, ловец шпионов, теперь стал охотником на иезуитов. К концу года шесть или семь молодых иезуитов арестовали и отправили в Тауэр. Говорят, что по сей день ни одна собака не зайдет в Солт-Тауэр, где они сидели в заточении. На стенах этой башни высечены пронзенное сердце, рука и ступня — символ ран Иисуса Христа — вместе с крестом и монограммой IHS, являющимися эмблемой иезуитского ордена[80]. Через какое-то время узников подвергли пыткам на дыбе в сводчатых казематах, располагавшихся

[80] Примечания: 80

Монограмма IHS, над средней буквой которой у иезуитов помещается крест, означает Иисуса, хотя может расшифровываться разными способами: Iesus Hominum Salvator — «Иисус, спаситель человечества»; In Hoc Signo (vinces) — «сим (победиши)»; In Hac Salus — «В этом (кресте) — спасение».

под оружейной палатой. Кто из дворян оказывал им содействие? Где прячутся их главные идеологи? С каждым новым поворотом валика дыбы муки несчастных узников становились все невыносимее.

Несмотря на это, Парсонс и Кэмпион по-прежнему находились на свободе, и все больше иезуитов возвращалось в Англию. Они высаживались на берег тайно, под покровом ночи, сторонясь жилых домов и даже лающих собак; первую ночь они проводили в лесу, какой бы ни была погода, а на рассвете расходились, и каждый отправлялся своей дорогой. Они избегали больших дорог, где незнакомцы могут пристать с вопросами. Они могли выдавать себя за дворян, военных командиров или подмастерий. Один из них, отец Жерар, шел через поля и спрашивал каждого, кто попадался ему на пути, не видел ли тот его улетевшего сокола.

В поместье Стонор-Парк, что в городке Хенли-он-Темз, тайно установили книгопечатный станок, а книгопечатники, чтобы скрыть свой истинный род занятий, переоделись дворянами — не позабыв о шпагах и гофрированных воротниках. Именно от деятельности иезуитов пошло слово «пропаганда». Кэмпион и Парсонс

отправились в путешествие по стране, охватившее большую часть английских графств, где они проповедовали и совершали таинства. Куда бы они ни приехали, повсюду их радушно встречали знать и дворяне. Как правило, иезуиты останавливались всего на одну ночь из-за страха быть обнаруженными.

Летом 1581 года Парсонс описывал опасности, с которыми сталкивались иезуиты, одному из священников. «Иногда, — писал он, — когда мы весело проводим время, сидя за столом и непринужденно обсуждая вопросы религии (ибо наши разговоры в основном на подобные темы), внезапно раздается тот настойчивый стук в дверь, когда кажется, что пожаловали констебли; все замирают и прислушиваются, а сердца колотятся, словно у оленя, который слышит ауканье охотника; мы перестаем есть и вверяем наши души Богу, улучая короткий момент для молитвы; не слышно ни единого слова, ни единого звука, пока слуга не вернется сообщить, в чем дело. Если тревога оказалась ложной, мы все дружно смеемся — еще веселее, чем прежде, после нашего-то испуга».

«Враг не дремлет, — заявил сэр Уолтер Майлдмей палате общин, передавая слова Королевского совета. — В королевство проникли некие иезуи-

ты, двурушники и странствующие братья, чтобы подстрекать народ к мятежу, и многие из тех, кто исправно ходил в церковь, теперь сбились с пути истинного и отказываются ее посещать… настало время принять более жесткие меры». Кэмпион временно укрылся в Лондоне. Он часто навещал друга, жившего возле дороги к Харроу, и по пути к нему проходил мимо виселицы в местечке Тайберн; каждый раз, минуя лобное место, он прикасался к шляпе в знак приветствия орудия, которое однажды, возможно, принесет ему погибель.

Летом 1581 года Кэмпиона обнаружили в тайном «логове священников» в поместье Лайфорд, неподалеку от Абингдона. Его отвезли в Лондон, по-прежнему переодетого в светский костюм, с колетом из бычьей кожи и бархатными чулками; на голову ему нахлобучили шляпу с пером, а ноги связали под брюхом лошади. На шляпе красовалась табличка с надписью «Кэмпион, крамольный иезуит», и под свист и улюлюканье собравшихся толп зевак он проехал к месту своего заключения — подземной темнице под названием «Литл-Из» в Тауэре; крохотная камера размером 0,4 квадратных метра сама по себе представляла полноценную пытку.

На следующий день граф Лестер послал за заключенным, и Кэмпион, препровожденный в уединенную комнату, обнаружил перед собой королеву. Она хорошо помнила прекрасно образованного молодого человека и была намерена, при возможности, спасти ему жизнь. Она спросила, признает ли он ее своим законным правителем; он ответил утвердительно. Папа римский дозволил это. Затем она поинтересовалась, может ли епископ Римский на законных основаниях отлучить ее от церкви. На это он дал уклончивый ответ, сказав, что подобные вопросы находятся за пределами его компетенции. Его отправили обратно в Тауэр и, не добившись ответа при очередном допросе, пытали на дыбе два дня подряд.

В предыдущие века пытки применялись только к тем, кто отказывался сознаться и кого затем медленно «дожимали до смерти», однако в Тюдоровскую эпоху они стали королевской прерогативой, если дело касалось государственной безопасности. В 1580 году сам Берли написал короткое эссе, где рассуждал о пользе подобной практики. Наиболее одиозным из тюремных истязателей был Ричард Топклифф, юрист из Йоркшира, который обрел новое призвание в поиске более изощренных способов пыток над

священниками. Один иезуит писал, сидя в своей тюремной камере, что «на следующее утро после дня святых Симона и Иуды меня подвесили к стене над землей, закрепив кандалы в проушине, настолько высоко, насколько я только мог дотянуться, стоя на табурете: табурет затем убрали, и так я провисел с 8 часов утра до 4 часов дня, без единой передышки или глотка воды, лишь Топклифф пришел сообщить мне, что испанцы прибыли в Саутуарк благодаря нашему сообщничеству: „Ибо чу! разве ты не слышишь барабанную дробь“ (тогда боем барабанов приветствовали лорд-мэра). На следующий день меня также подвесили на час или два: такова лиходейская натура наших противников». Любую форму изуверства стали называть «топклиффским обычаем», а глагол «затопклиффить» обозначал преследование человека, которого хотели «затравить» или «сжить со свету». Говорили, что в мире есть люди, которые пьют кровь с такой же легкостью, как животные пьют воду.

Ослабевший в заточении Эдмунд Кэмпион не потерял силы духа. Он организовал общественную дискуссию по вопросам религии, и часовня Тауэра стала местом состязаний между ним и двумя протестантскими священниками. Три

раза они проводили дебаты, однако не смогли прийти ни к какому окончательному итогу. Дело касалось прежде всего порядка в королевстве, а не религиозных истин. Кэмпиона вновь пытали, однако он, как и прежде, демонстрировал дерзкое непокорство — и тогда над ним учинили судебное разбирательство. В Вестминстер-Холл его доставили с вывихнутыми на дыбе конечностями. Он не мог поднять руку, чтобы провозгласить «невиновен» в ответ; тогда двое других подсудимых поддержали ее и поцеловали при этом сломанную кисть. Исход мог быть лишь один. «Нас обвиняют в измене, — заявил Кэмпион. — Мы не предатели. — Затем он добавил: — Мы мертвы для этого мира, но мы боролись за спасение душ».

Кэмпиона вместе с четырнадцатью другими иезуитами приговорили к смертной казни через традиционное повешение, потрошение и четвертование. Первого декабря его и еще двоих узников повели из Тауэра в Тайберн. Окружающие заметили, что ногти Кэмпиона были сорваны с пальцев его истязателями. Подойдя к эшафоту, он заявил: «Мы пришли сюда, чтобы умереть, но мы не предатели». Веревки, в которых он встретил свой конец, до сих пор хранятся в колледже

Стоунихерст. Во время казни капля его крови окропила одного из зрителей в толпе, Генри Уолпола; Уолпол тотчас обратился в другую веру и сам стал иезуитом. Впоследствии его постигла та же самая участь в Тайберне.

По подсчетам, при Елизавете казнили порядка двухсот католиков, среди них 123 священника — по сравнению с 300 протестантскими мучениками, преданными казни во время куда более краткого правления Марии. В правление Генриха VIII было казнено 308 человек в результате принятия Акта об измене в 1534 году. Историки часто сокрушаются по поводу человеческой нетерпимости, однако стоит воздержаться от подобного соблазна. Невозможно судить о нравах одного века через призму ценностей другого. Так или иначе, отказ признать национальные религиозные правила приравнивался к государственной измене.

Альтернативой смертной казни стало лишение свободы, и в замке Уисбек на острове Или организовали особую тюрьму для священников и мирян-католиков. В контексте современных реалий ее описали бы как лагерь для интернированных, рассчитанный примерно на тридцать пять заключенных. Впрочем, условия не были

суровыми; среди арестантов имелись ученые, и Уисбек превратился в своеобразную семинарию. В древнем замке Бомарис на острове Англси разместился еще один подобный центр. Традиционное содержание под стражей также применялось, и, как отмечали, «тюрьмы были настолько забиты католиками, что не осталось места для воров». На очередном парламентском заседании в начале 1581 года утвердили дальнейшие меры в отношении католиков; штраф за неподчинение власти подняли в двести раз, с 1 шиллинга каждое воскресенье до 20 фунтов стерлингов ежемесячно. Любой, кто попытается освободить подданного от его или ее клятвы верности королеве, признавался виновным в измене.

В подобном же духе произошло и осквернение Чипсайдского креста, к «великому ликованию народа». Он считался языческим идолом, пережитком темных времен господства религиозных предрассудков. В ночь на 21 июня 1581 года некие молодые люди «обмотали веревками самые нижние иконы» на кресте, однако не могли сдвинуть их с места; однако они сорвали изображение Христа и отломали руки у Девы Марии. Сам крест, воздвигнутый на монументе, был снесен.

Изображение креста решили приспособить и для мирских целей. Строители, занимавшиеся ремонтом или реставрацией помещений дворца Уайтхолл, нарисовали красные кресты на свежей штукатурке. Это было сделано для того, чтобы отвадить людей от распространенной привычки справлять нужду где угодно. Считали, что никто не посмеет осквернить изображение креста, помочившись на него.

Иезуитские миссионеры утверждали, что обратили в свою веру 140 тысяч человек; эти данные, возможно, слегка преувеличены, однако так или иначе они не перешли из протестантизма в католичество. Они были готовы провозгласить свою приверженность старой вере, и, разумеется, численно их значительно превосходили так называемые воцерковленные паписты, скрывавшие свою католическую веру посещением протестантских богослужений. Согласно имеющимся оценкам — какими бы хитроумными способами они ни высчитывались, — в стране проживало порядка 200 тысяч католиков; если это число верно, то они составляли примерно 5 % всего населения.

Впрочем, не обязательно было являться католиком, чтобы тебя назвали старовером. Существо-

вали еретики совершенно иной природы. В 1581 году Роберт Браун основал в Норидже первую религиозную организацию, объявлявшую себя независимой от елизаветинского религиозного урегулирования. Ее членов называли — попеременно — браунистами, индепендентами или сепаратистами; они отказывались признавать государственную англиканскую церковь и склонялись к более строгим формам пуританской доктрины. Эти церкви стали известны как «соборные», поскольку зависели от собраний прихожан. В результате браунисты подвергались гонениям и преследованиям властей. Они покинули Норидж и переместились в Бери-Сент-Эдмундс, а оттуда бежали в Голландию; арестованных в Англии, скорее всего, ждала тюрьма или виселица.

Приверженцы другой сектантской конфессии — фамилисты, или Семейство любящих, — верили, что мужчина или женщина может «породниться с Богом» и тем самым обеспечить новое воплощение. Фамилисты отвергали понятие Троицы и не признавали крещение младенцев; они отказывались носить оружие или давать клятвы. В 1581 году Генри Барроу, уволившись из Грейс-Инн, ушел жить в сельскую местность. Во время своего уединения он сформулировал

принципы нового вероучения, известного как барроуизм. Барроу считал, что елизаветинская церковь захламлена папистскими пережитками и что лишь полный разрыв с ней может гарантировать обретение истинной веры. Эти мужчины и женщины отличались подлинно героической твердостью духа. Они бросали вызов принципам общества, в котором жили, и были готовы переносить насмешки и наказания тех, кого их вера оскорбляла. Ни один исторический очерк об Англии XVI века не был бы полным без этих персонажей.

34. Великий заговор

Герцог Франциск Анжуйский вернулся в Англию во время ареста и судебного процесса над Кэмпионом. Возможно, герцог-католик выбрал не вполне удачное время для очередной попытки сватовства, однако подобные конфузы его ничуть не беспокоили. Франциск стоял на теннисной площадке, готовый начать игру, когда к нему подошел французский аббат и попросил вступиться за Кэмпиона перед королевой. Он замешкался на минуту и провел рукой по лицу; затем отвернулся и крикнул: «Играем!»

Это был его последний шанс выиграть игру. Он уже завоевал титул правителя Нидерландов в результате вооруженного вмешательства против испанского господства, однако теперь охотился за более заманчивым трофеем. Если бы ему удалось заполучить корону Англии, в могуществе он мог бы соперничать с братом, французским королем, или даже с Филиппом II. Между тем королева пребывала в еще большей нерешительности. Франциск гостил при дворе три месяца после своего приезда в 1581 году, и его визит

сопровождался постоянным секретничаньем и перешептываниями. В Англию прибыл французский придворный живописец, чтобы написать портрет королевы во весь рост. «Я хочу, чтобы ты, — потребовала Елизавета, — нарисовал меня с вуалью на лице». «Вуалирований» в этих переговорах было действительно хоть пруд пруди.

Герцог нуждался в деньгах для военной кампании против Испании в Нидерландах; королева пообещала ему шестьдесят тысяч фунтов стерлингов, но предоставила лишь их шестую часть. Она пыталась во что бы то ни стало воздержаться от любой явной вовлеченности, чем могла бы спровоцировать войну с Филиппом. В то же время ей хотелось пригрозить испанскому королю потенциальным англо-французским союзом, чтобы пресечь его вмешательство в дела Ирландии. Для удерживания равновесия сил приходилось проявлять чудеса политической эквилибристики.

«Что же мне делать? — спросила Елизавета у архиепископа Йоркского. — Я между Сциллой и Харибдой. Герцог соглашается на все, что я попрошу. Если я не выйду за него, он станет моим врагом, а если выйду — перестану быть хозяйкой в собственном королевстве». Она часто красноречиво убеждала окружающих в своем

намерении сочетаться браком, однако считалось, что об искренности Елизаветы можно было судить лишь по тону ее голоса; если он звучал тихо и бесстрастно, значит, говорила она серьезно. Если судить по этим признакам, она не питала серьезных намерений относительно Франциска Анжуйского. Она лишь упражнялась в своих, как однажды выразился испанский посол Бернардино де Мендоса, «цыганских фокусах».

Как-то раз королева поцеловала герцога в губы и публично пообещала выйти за него, однако многие считали, что она лишь играла определенную роль. Возможно, она дала слово при свидетелях, чтобы снискать доверие французского двора, перед тем как продемонстрировать со всей очевидностью, что протест против этого брака среди членов Королевского совета и всего народа слишком силен, чтобы ему противостоять. Провал надежд вызвал в герцоге чувство глубочайшей досады. В конце 1581 года он заявил, что скорее предпочтет, чтобы они оба погибли, чем покинет Англию без королевы. Елизавета не на шутку встревожилась и стала умолять его не угрожать «бедной старушке в ее собственном королевстве». Об этом докладывал испанский посол.

«Нет, нет, сударыня, вы ошибаетесь; я не хотел причинить вред вашей благословенной особе. Я лишь имел в виду, что скорее позволю изрубить себя на куски, чем не женюсь на вас и стану всеобщим посмешищем». С этими словами он разрыдался, и Елизавете пришлось одолжить ему свой носовой платок. «Думайте обо мне, — сказала она, — как о сестре». Филипп Испанский, которому пересказали этот драматический эпизод, подписал *Ojo* на полях письма. Это означало «Будь внимателен» или «Смотри в оба!».

Представлялось вполне очевидным, что герцог Анжуйский превратился в обузу для английского двора. Елизавета не собиралась выходить за него замуж. «Я давно уже не молода, — заявила она придворным, — и „Отче наш“ мне милее обетов венчания». Ей было сорок девять лет. Когда в феврале 1582 года они с герцогом наконец расстались в Кентербери, слезы текли рекой. Однако говорили, что в своих личных покоях Елизавета от радости пустилась танцевать.

Запутанный европейский узел завязался еще туже с восхождением Филиппа на трон Португалии в 1580 году; его морской флот, таким образом, в одночасье возрос. Филипп уже и без того досадовал на Елизавету из-за нападений сэра Фрэнсиса

Дрейка на испанские корабли и расхищения испанских сокровищ в Тихом океане и Карибском море. Суда с награбленными трофеями, вероятно, в конце концов прибудут в Англию, и Филипп приказал своему послу «немедленно мне сообщить, когда этот пират вернется».

Лондонские торговцы опасались, что их торговля с Испанией окажется под ударом, однако тайный совет заверил их, что Дрейк, авантюрист-одиночка, не сможет навлечь гнев испанцев на Англию. Королева пригласила посла участвовать в медвежьей травле, где обсуждала с ним европейскую политическую обстановку. Правда ли, что Филипп увеличил свой флот еще на шесть тысяч моряков? *Ut quid tot sumptus?* — «К чему такие траты?» У Мендосы имелся готовый ответ. *Nemo novit nisi cui Pater revelavit* — «Этого не знает ни один человек, кроме того, кому поведал Бог». «А, — сказала королева, впечатленная его латинским, — вижу, вы еще кое в чем преуспели, помимо драгунской службы». Мендоса был шталмейстером Филиппа.

Не прекращались слухи о вторжении и войне, и в Чатеме шла подготовка флотилии. У Мендосы состоялась очередная аудиенция с королевой. «Я нашел ее в таком смятении по поводу флота

его величества и муках совести из-за своего соучастия [в захвате сокровищ], что стоило мне войти в комнату, как она вскочила со своего дивана и проделала несколько быстрых шагов мне навстречу. Прежде чем дать мне вымолвить хоть слово, она спросила, прибыл ли я в качестве герольдмейстера, чтобы объявить войну». Он считал, что королева «робка и конфузлива» в частной жизни, несмотря на всю ее браваду на публике.

Елизавета решила сравнять счет с Филиппом, который оказывал поддержку мятежникам в Ирландии, путем разжигания разногласий в его новоприобретенном королевстве Португалии. «Мы считаем целесообразным, — писала она, — добиться того, чтобы король Испании был низложен как в Португалии, так и в Нидерландах; вследствие чего мы будем готовы оказывать такое косвенное содействие, что не станет поводом для войны». Подпольные военные действия, сопровождавшиеся выразительными дипломатическими жестами, были в те времена обычным явлением.

Мария Стюарт, разумеется, по-прежнему поджидала удобного момента, коротая время за тайной перепиской одновременно с Мадридом

и Римом. Она была наиболее вероятным престолонаследником после Елизаветы, поэтому представлялось совершенно естественным, что она упорно добивалась своей цели. Однако большого энтузиазма по поводу возведения ее на трон не наблюдалось, даже среди католиков. Испанский посол сообщил своему господину, что «ни при каких обстоятельствах нельзя делать никаких деклараций, даже шепотом, ибо они парализованы страхом, и ничего хорошего из этого не выйдет». Только после смерти Елизаветы можно предпринять попытку. Даже верный любимец королевы, сэр Кристофер Хаттон, дал знать, что в случае кончины его госпожи он отправится в Шеффилд, где томилась в заключении Мария, и провозгласит ее королевой.

Летом 1583 года новым архиепископом Кентерберийским назначили Джона Уитгифта; в отличие от своего предшественника, Эдмунда Гриндала, он занял бескомпромиссную позицию в отношении пуританских течений, наиболее радикальными из которых были браунисты и барроуисты. Секретарь Уолсингема Николас Фонт, сам придерживавшийся пропуританских взглядов, писал: «Выбор в пользу такого человека на должность архиепископа в подобное время

заставляет меня задуматься, неужто Господь вознамерился покарать свою церковь за ее неблагодарность». В инаугурационной проповеди, прочитанной с кафедры Креста Святого Павла в центре Лондона, Уитгифт яростно критиковал три вида неповиновения, демонстрируемого папистами, анабаптистами и «беспутными и своенравными лицами среди наших верующих»; в последнюю группу он включил и пуритан ригористичного толка. Фонт сообщал, что в своей речи Уитгифт со всей ожесточенностью и неистовством обрушился на «тех, кто возлюбил Реформацию».

Архиепископ обнародовал шесть догматов веры, которым обязано было подчиниться все духовенство, среди них — строгое соблюдение предписаний Тридцати девяти статей и Книги общих молитв; в результате его приказа двести священнослужителей временно отстранили от обязанностей или вынудили сложить с себя полномочия. Приняли новые законы в отношении католиков, отказывающихся присутствовать на англиканских богослужениях. В расследованиях и наказаниях Уитгифт полагался на Верховную комиссию — церковный суд, быстро и тайно выслеживавший ересь и схизму, прегрешения

и пороки. Каждого, кто представал перед судом, вынуждали дать клятву отвечать на все вопросы, вопреки тому принципу, что никто не обязан свидетельствовать против себя. «Эта клятва на Библии, — писал один пуританин, — предназначена, чтобы выведать все секреты наших личных разговоров и собраний с самыми близкими друзьями…»

Эти собрания, или «конференции», имели и более конкретное значение. Приходская церковь в деревне Дедхэм, что в графстве Эссекс, к тому времени приобрела известность как место, где читают «схизматические проповеди и наставления». Осенью 1582 года около двадцати местных священников организовали «конференцию», в ходе которой часть времени посвятили проповедованию и часть — толкованию Священного Писания; обсуждались и насущные вопросы жизни прихода. Следует ли крестить ребенка неженатой пары? Стоит ли одному из священников принять должность капеллана в доме владельца поместья?

Участники собирались в первый понедельник каждого месяца на три часа; они встречались тайно, каждый раз в разных домах, чтобы избежать обнаружения. Время от времени они советова-

лись с учеными коллегами в Кембридже, однако в общем и целом существовали независимо от остальных церквей. Тем не менее они вдохновили другие подобные конференции. «Пойдемте в Дедхэм, — сказали жители Ипсвича, — не помешало бы немного огонька!» Эти собрания можно с определенной долей уверенности назвать прообразом, легшим в основу пресвитерианского движения, которое привело к столь неожиданным результатам в следующее столетие английской истории. Ни Уитгифт, ни Верховная комиссия не стали для них препятствием.

Однажды Генри Барроу, основателю одноименной секты, самому довелось предстать перед комиссией.

Лорд-канцлер (*указывая на Уитгифта*). Кто этот человек?

Барроу. Это монстр, жалкое ничтожество, я не знаю, как назвать его; в нем нет ни духовного, ни мирского, он даже не тот второй зверь, о котором говорится в Откровении.

Лорд-казначей. Где это место, покажи его.

Через десять лет Барроу казнили за публикацию крамольной литературы. Сам Уитгифт остался неумолим, как и прежде. Когда из Кента прибыла

делегация священников, чтобы выразить протест по поводу суровости введенных им мер, он парировал словами: «мальчишки, сопляки, нахалы, невежественные пьянчуги». Особенно настойчивого челобитчика он попытался заглушить криком: «Ах ты щенок, сопливец, птенец неоперившийся, еще молоко на губах не обсохло».

Берли, негласно симпатизировавший пуританству, упрекнул Уитгифта в том, что статьи его регламента по допросу нарушителей «настолько витиевато сформулированы, с таким множеством частностей и околичностей, что даже испанские инквизиторы, по его мнению, не прибегали к стольким вопросам, чтобы выследить и поймать своих жертв». Он считал, что в то время, когда наблюдается такая нехватка ученых священнослужителей, а угроза возвращения католичества стоит остро как никогда, епископы «совершают очень опрометчивую и губительную ошибку, прогоняя их из своих приходов».

Несмотря на это, методы Уитгифта прекрасно сочетались с взглядами самой королевы; она называла архиепископа «мой черный муженек»[81].

---

[81] Примечания: 81

Сэр Джон Поль сообщает, что Уитгифт был черноволосым, но, возможно, перед нами игра слов, и *my little black husband* означает «мой муженек-монах», по цвету одеяний Уитгифта. — *Прим. пер.*

Елизавету тревожило массовое распространение проповедников, призывавших к новым реформам, поэтому она была признательна Уитгифту за его попытки обуздать несогласных. Сам архиепископ заявлял, что Елизавета предоставила ему «личную санкцию» на проведение его политики. Уитгифту, первому из тех, кого можно назвать истинно елизаветинскими епископами, впоследствии пришлось ограничить свои репрессии в отношении более умеренных пуритан; однако ему удалось водворить порядок и единообразие в церкви, во многом благодаря изгнанию католиков и радикальных пуритан из лона государственной религии.

Некоторые священнослужители более строгих вероубеждений зачастую продолжали богослужения из опасения, что в противном случае потеряют паству. Один из них сказал: «Мы должны упорно стараться вынести на своих плечах столько, сколько мы с чистой совестью сможем». Позади королевского герба в приходской церкви Бери-Сент-Эдмундс прикрепили текст из Откровения Иоанна Богослова со словами «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Доста-

точно для Елизаветы.

Когда в воскресенье 12 января 1583 года обрушилась площадка над медвежьей ямой в Пэрис-Гарден, убив множество зрителей, происшествие сочли возмездием Бога за богохульства лондонцев. Летом того же года в небе над городом появилась комета, которая, как полагали, предвещает смерть великого человека. Многие указывали на королеву. В то время Елизавета находилась в своем Ричмондском дворце. Она приказала раскрыть настежь все окна, чтобы лучше разглядеть зловещее небесное светило. Королева воскликнула: *Jacta est alea!* — «Жребий брошен!»[82]

В следующем месяце было совершено покушение на жизнь Елизаветы. Джон Сомервилл проживал вместе с католическим семейством из древнего рода Арденов в поместье Парк-Холл в графстве Уорикшир; молодой человек, казалось, обладал легковозбудимым темпераментом и истово поддерживал Марию Стюарт. В интересах этой молодой леди учинялся не один заговор

---

[82] Примечания: 82

Елизавета цитировала Юлия Цезаря, произнесшего эту фразу при переходе через Рубикон в 49 г. до н. э., когда он решился бросить вызов законам Римской республики: Рубикон был границей между Цизальпийской Галлией и Италией, и Цезарь, будучи проконсулом Галлии, не имел права покидать ее до окончания срока своих полномочий.

против Елизаветы, однако Уолсингему удалось раскрыть все до единого. Сомервилл стал называть королеву Англии ведьмой и исчадием дьявола и рассказал друзьям, что намерен ехать в Лондон с целью убийства; он надеялся «увидеть ее голову на шесте, ибо она змий-искуситель и аспид». Он прикрепил к одежде в качестве амулета эмблему Агнца Божьего и отправился в путь. Находясь, вероятно, в состоянии умопомешательства, он хвастливо рассказывал прохожим о своей божественной миссии, и слухи о нем достигли Лондона быстрее, чем он успел туда добраться. Его схватили и доставили в Тауэр. На дыбе он сознался в своих намерениях и попутно изобличил своего отчима Джона Ардена и их семейного священника. Ардена повесили в Тайберне, а Сомервиллу удалось задушить себя в собственной тюремной камере; священник согласился стать шпионом в других католических семьях.

В то же самое время против Елизаветы сложился еще один заговор. Фрэнсис Трогмортон из старого рода Чеширов владел домом в лондонском районе Полс-Уорф; здесь он исполнял обязанности посредника между Марией Стюарт и испанским послом. Тайные королевские агенты часто видели, как он покидает дом посла, и Уол-

сингем улучил момент, чтобы арестовать его и обыскать дом. Трогмортон был занят написанием зашифрованного послания Марии, когда нагрянули констебли, и смог поспешно уничтожить изобличающий документ. Однако нашлись другие бумаги, среди которых был список видных английских католиков и наброски планов возможных убежищ для высадки неприятельского войска. Среди конфискованных вещей значился трактат в защиту титула королевы Шотландии вместе с «шестью или семью клеветническими пасквилями на ее величество, изданными за рубежом».

Трогмортону предоставили возможность написать короткое письмо испанскому послу, где он настаивал, что ему ничего не известно ни о каких сочинениях, и утверждал, что их ему подбросили противники, желавшие погубить его. Он заявил, что будет хранить верность и молчание до самой смерти, однако был отправлен в Тауэр для убеждения дыбой. Елизавета, столкнувшая с угрозой серьезного заговора, согласилась подвергнуть его мучениям.

В ходе первой пытки на дыбе Трогмортон ни в чем не сознался, однако, когда его привязали к ложу во второй раз, нервы не выдержали и он

раскрыл все подробности сговора. Основатель Католической лиги герцог Генрих I де Гиз намеревался высадиться с армией на побережье Суссекса возле Арундела; к этому времени католическая знать подняла бы восстания во имя Марии, королевы Шотландии. Филипп Испанский «собирался взять на себя половину всех расходов по финансированию кампании». Трогмортон заявил, что Мария в курсе каждой детали плана. После своего признания, как свидетельствует официальный рапорт, он разрыдался и сокрушенно упал на колени. «Теперь, — сказал он, — я выдал все тайны той, которая была самой дорогой моему сердцу королевой в мире…» Трогмортона повесили через несколько месяцев, когда его показания стали бесполезными.

Узнав новости о его аресте и признании, многие влиятельные католики бежали из страны; другие попали под подозрение и были задержаны. По подсчетам, одиннадцать тысяч человек заточили в тюрьму или — в лучшем случае — посадили под домашний арест. Проверки прошли в Судебных иннах, традиционном убежище папистов. Следование догмам англиканской церкви стало теперь непреложным требованием для всех адвокатов. Королева очень скоро осознала весь масштаб

враждебности Испании по отношению к ней. В любую минуту герцог де Гиз мог достичь берегов Англии с войсками Католической лиги; для охраны берегов Даунс, острова Уайт и островов Силли были направлены английские эскадры. Большая часть судов флота отправлялась на запад, наиболее уязвимый перед возможным вторжением испанцев, однако в случае атаки со стороны Ла-Манша враг будет перехвачен и остановлен. Для восстановления фортов и гарнизонов срочно требовались деньги; необходимо было прорыть траншеи для «предотвращения высадки». Берли оставил себе записку «не забыть о Шеффилде», под которым он имел в виду замок Шеффилд, ставший домом, или тюрьмой, для Марии.

Именно там она оставалась, строя заговоры и замышляя интриги в своем относительно комфортном заточении. Ее главной целью было вновь обрести свободу и взойти на престолы Шотландии и Англии. В этом стремлении упорство и хитроумие стали верными спутниками Марии. Многие, в том числе Уолсингем и Берли, ждали возможности, чтобы покончить с ней раз и навсегда. Елизавета, впрочем, пока не разделяла их намерений. Сообщали, что она может признать сына Марии Якова законным королем

Шотландии. Уолсингем предложил заключить союз с нидерландскими протестантами: в сложившемся положении Англии не помешали бы любые союзники.

К королеве Шотландии отправили нескольких полномочных делегатов. Они обнаружили Марию в гневе, жаждущей в очередной раз поведать историю о ее унижениях «горькими словами своих терзаний». Один из членов английской делегации со всем уважением отметил, что, по мнению иностранных наблюдателей, условия ее содержания «исключительно милосердны». Ответ Марии (здесь перефразирован) был подлинно королевским: «Милосердие? При чем здесь милосердие? Я такой же законный правитель, как и ее величество. Я не ниже ее по положению и никогда не была. Я королева с самого своего рождения. Меня провозгласили королевой Франции, величайшего государства в христианском мире. Милосердие — это для подданных. А я не подданный». По отчетам делегации, «все это произносилось с крайней запальчивостью».

Вскоре Мария успокоилась и принялась описывать «свою печаль и прискорбное положение». Она говорила, что младше Елизаветы, но страдания состарили ее. Руководитель делегации сэр

Уильям Уэйд поинтересовался у нее о заговорах и интригах, в которых она принимала участие. «А разве я не могу просить своих друзей о помощи? Я не замышляла ничего дурного, и если они совершили грех, то в том лишь одни виноваты». Уэйд упомянул о доказательствах ее причастности к заговору. Мария вспыхнула негодованием: «Ты не в том положении [звании], чтобы спорить со мной». В конце концов королева сменила гнев на милость и спела для английской делегации. Несмотря на это, она по-прежнему проявляла упрямство и открытую непокорность, убежденная в правоте своего дела и конечном успехе. Любому прохожему, оказавшемуся в окрестностях замка, устраивали допрос, и никто не имел права проникнуть на территорию крепости без специального разрешения совета. Когда бы Мария ни выезжала подышать свежим воздухом, за ней всегда неотступно следовала вооруженная охрана.

Перспективы окрасились в еще более мрачные краски, когда распространились новости об убийстве лидера нидерландских протестантов летом 1584 года. Вильгельма Нассауского, принца Оранского, убили по приказу Филиппа II. Кто мог сомневаться, что следующая на очере-

ди — Елизавета? Герцог де Гиз, возглавлявший Католическую лигу, стал более опасным. Герцог Анжуйский, некогда настойчивый претендент на руку Елизаветы, скончался от лихорадки после сокрушительного провала в Нидерландах; королева, услышав новость о его смерти, была неутешна еще долгое время. Полгода она носила черные одежды и объявила траур при дворе. «Я вдова, — заявила она французскому послу, — которая потеряла своего мужа». Тот ответил, что она — «правительница, которая знает, как перевоплотиться в нужный ей образ». Куда большее значение представляло то, что после кончины Франциска Анжуйского трон переходил к протестанту Генриху Наваррскому, и де Гиз заключил с Филиппом соглашение, чтобы предотвратить эту возможность. Они также сформировали союз против Елизаветы.

Осенью 1584 года королева задала два вопроса своему совету. Должна ли она охранять и защищать Нидерланды от тирании испанского господства? И, если она примет такое решение, «что ей следует сделать, чтобы гарантировать себе безопасность против злого умысла и армии испанского короля?» Большинство советников выступали за вторжение, однако королева по-

прежнему пребывала в нерешительности. Ей хотелось заручиться поддержкой французского короля. В противном случае Англия окажется в совершенном одиночестве.

Именно тогда Берли и Уолсингем подготовили документ, получивший известность как «Обязательство о содействии». Подписавшиеся под ним приносили торжественную клятву, что будут защищать жизнь Елизаветы и обеспечат переход власти к протестантскому престолонаследнику. Они далее давали зарок «преследовать силой оружия или иными способами возмездия» всех, кто посмеет угрожать королеве. Объявлялось, что любого «мнимого наследника, которым или во имя которого сие одиозное деяние будет предпринято либо совершено», ждет неминуемая расправа. Если Елизавету убьют, Мария отправится на казнь. Это был прямой призыв к применению силы. В это время в больших масштабах развернулось производство камей-портретов королевы, создававших сакральный образ величия, который мог соперничать с ликом Девы Марии в католическом мире.

Берли пошел еще дальше в попытках гарантировать протестантское престолонаследие. Он составил документ, согласно которому в случае

кончины королевы следовало созвать Большой совет. Этот совет играл бы роль руководящего органа и одновременно созвал бы парламент для обсуждения порядка наследования; выбор целиком протестантского, без единого католика, парламента не вызывал никаких сомнений. «Правительство королевства продолжит функционировать, как и прежде, — писал Берли в меморандуме, — однако определенного периода межцарствия [междувластия] не избежать». Заявления главного министра вызвали у королевы возмущение. Вмешиваться в подобные дела и подвергать сомнению принцип наследственного правления было непростительной оплошностью с его стороны. Умышление на жизнь королевы само по себе уже приравнивалось к государственной измене. Ей, возможно, казалось, что ее облепил целый рой подданных с одинаковыми религиозными и идеологическими убеждениями. По этой причине она предпочитала давать аудиенции своим советникам лично или по двати человека. Возможно, что именно в силу этого обстоятельства она зачастую прислушивалась к иностранным послам более внимательно, чем к собственным подданным. Эта новая обстановка, вероятно, поможет пролить свет на позднейший

период ее правления.

На парламентской сессии в ноябре 1584 года царило возбуждение. Парламентарии окончательно утвердили положения «Обязательства о содействии» принятием Закона о безопасности королевы. Порядок действий на случай «междувластия» обошли вниманием, и, вероятно, категорическое неудовольствие Елизаветы пресекло дальнейшее обсуждение вопроса. Значимость «Обязательства о содействии» стала особенно очевидной в начале 1585 года с раскрытием очередного заговора против королевы, устроенного ловким двойным агентом Уильямом Парри, который изначально играл роль шпиона среди английских католиков. Вместо этого он восстал против собственной госпожи и однажды спрятался в саду Ричмондского дворца, поджидая ее прихода; когда же она наконец появилась, он был настолько поражен ее величием, что отказался от злодеяния. Это одна из историй. Согласно другой, Парри добился аудиенции с королевой и пришел к ней со спрятанным под рубашкой ножом. Однако и в этот раз у него не хватило духу.

Несмотря на это, Парри арестовали, и Уолсингем устроил ему допрос. Его заключили в Тауэр, откуда затем отправили на эшафот. «Все тело

пробирает дрожь, — писал один из членов парламента после его ареста, — как подумаю, что мы могли потерять сие драгоценнейшее сокровище [Елизавету]». Парри написал признание королеве, которое оканчивалось на чувствительной ноте: «Прощайте же, милосерднейшая, благонравнейшая и достойнейшая королева, что когда-либо правила Англией. Не забывайте о несчастном Парри, низвергнутом вашей державной рукой. Упреждайте ошибки сии в прочих слугах ваших, ибо мне искупленья нет, ежели только ваше величество не проявит особое великодушие, на что не смею надеяться. И последнее, благородная леди, не обходите милостью ваших послушных католиков. Ибо худого я не молвлю».

Члены парламента внесли в «Обязательство о содействии» одну значительную поправку; по приказу самой Елизаветы они недвусмысленным образом освобождали Якова, сына Марии, от угрозы репрессий. В то время королева начала переговоры с молодым человеком в связи с возможностью признания его Яковом VI, законным королем Шотландии. Это, помимо прочего, подразумевало, что у него появятся определенные претензии на английский престол в случае ее смерти. Разумеется, Яков уже унаследовал ко-

рону Шотландии — еще в возрасте тринадцати месяцев, когда трон перешел к нему после вынужденного отречения от престола его матери. Однако официальное признание титула Елизаветой значительно бы упрочило его положение. Да и самой королеве не помешала бы поддержка протестантского монарха в случае вторжения или махинаций со стороны Испании.

Яков отправил послание матери, в котором убеждал ее, что она всегда будет чествоваться как «королева-мать». Марию эти слова привели в бешенство. «Прошу не забывать, — написала она в ответ, — что я — твоя истинная и единственная королева. Не смей оскорблять меня впредь, называя королевой-матерью… у Шотландии нет другого короля или королевы, кроме меня». Она пригрозила проклясть его и лишить наследства, если он в одностороннем порядке подпишет любое соглашение с Англией, однако именно так Яков и поступил. Саму Марию перевели в Титбери, тюрьму более строгого режима, где она могла поразмышлять о своей уменьшившейся верховной власти. Вскоре в замке заточили молодого священника-католика, а через три недели он повесился в собственной тюремной камере. Проснувшись на следующее утро, Мария обнаружила

его висящим прямо перед своими окнами. Она считала, что это предзнаменование ее собственной смерти, и написала Елизавете очередное письмо с отчаянной мольбой защитить ее жизнь и даровать свободу.

Католические союзники Марии тем временем залегли на дно. Филиппа Говарда, графа Арундела, долгое время подозревали в диссидентстве; когда он наконец принял католическое вероисповедание, то составил длинное послание Марии, к котором перечислял все свои несчастья и безуспешные попытки обрести друзей при дворе. Он прекрасно помнил, какая судьба постигла его отца, четвертого герцога Норфолка, казненного за измену. Теперь для него наступил момент, когда он должен «либо позволить неким образом разрушить мое тело, либо подвергнуть откровенной опасности мою душу». В результате граф решил покинуть королевство без официального дозволения.

Говард передал письмо посыльному, а затем отправился к судну, ждавшему его возле побережья Суссекса. Он и не подозревал, что его слуги состояли на службе у тайного совета и даже сам капитан корабля был правительственным шпионом. Два корабля последовали за графом и после

непродолжительного боя вынудили его сдаться. Говарда доставили в Тауэр, где он и томился в заключении до конца своих дней.

За арестом Говарда последовала смерть Генри Перси, восьмого графа Нортумберленда; его заточили в Тауэре после раскрытия заговора Фрэнсиса Трогмортона против королевы, и продержали в тюремной камере целый год без судебного разбирательства. Вечером 20 июня 1585 года его обнаружили мертвым в своей кровати с тремя пулями в сердце. Согласно некоторым версиям, он совершил самоубийство, боясь позора публичной казни. Если бы его не постигла участь изменнической смерти, то по меньшей мере имуществу ничего не грозило. Сообщали, что он якобы выкрикнул: «Этой мерзавке не видать моего имения». Другие, впрочем, считали, что Перси убили за недостаточностью улик против него.

Летом 1585 года Елизавета наконец подписала соглашение с Нидерландами, обещая поддержку в борьбе с испанцами. Она согласилась прислать четыре тысячи человек с оплаченным наперед трехмесячным жалованьем, с условием компенсации всех расходов в будущем. В обмен она получила приморские города Остенде, Слёйс, Брилле и Флиссинген. В многословной декла-

рации провозглашалось содействие «нашим ближайшим соседям, коренному народу Нидерландов, страдающему от затяжных войн и преследования чужими [иностранными] государствами».

Несмотря на это, соглашение появилось слишком поздно, чтобы спасти Антверпен — тремя днями ранее город захватил герцог Пармский. В предыдущие месяцы он овладел Фландрией и большей частью Брабанта, а Брюгге и Гент сдались сами. Королева наконец-то решила раскрыть все свои карты после многих лет тайных переговоров и союзов. Впрочем, становиться королевой Нидерландов она не намеревалась; это неминуемо повлекло бы за собой новые опасности и расходы. Она лишь хотела отстаивать свободу Нидерландов в условиях испанского господства. Она стала бы их защитницей, но не повелительницей.

Ранней осенью 1585 года она финансировала путешествие Фрэнсиса Дрейка в Вест-Индию с целью захвата испанских судов и принадлежавших Испании городов в регионе. Его войско состояло из двадцати девяти кораблей и двух тысяч трехсот человек. Он захватил Санто-Доминго на острове Эспаньола и награбленными

трофеями забил до отказа трюмы своих кораблей. Затем Дрейк отправился в Картахену на побережье Карибского моря и потребовал выкуп за осажденный город в размере ста семи тысяч дукатов. Следующей в очереди была Панама, однако вспышка тропической лихорадки среди команды Дрейка помешала осуществить эту затею.

Конфликты Старого Света, таким образом, переместились в Новый, и, хотя говорить о наличии глобальной стратегии применительно к тому веку было бы анахронизмом, Дрейк и его компаньоны-путешественники, несомненно, понимали, что господству Филиппа в Нидерландах можно нанести серьезный удар, захватив его суда с золотом. Позднее, во времена Непобедимой армады, секретарь Филиппа говорил, что «безопасность Вест-Индии являлась не менее весомым мотивом вторжения, чем возврат Нидерландов». Открытое военное противостояние с Испанией, таким образом, теперь стало лишь вопросом времени. Новый папа римский Сикст V заявил, что Елизавета «подлинно великая королева, ах, если б только она была католичкой, то мы бы в ней души не чаяли. Вы только посмотрите на нее — как она умеет править! Она всего лишь женщина, хозяйка половины одного острова, а ее

боятся Испания, Франция, империя, все!». В этом году Берли заказал художнику полотно, «Портрет с горностаем», на котором королева изображена вместе с мечом, лежащим подле нее на столике. Будучи лордом-казначеем, Берли распоряжался всеми военными расходами королевства.

17 ноября 1585 года, в день двадцатисемилетнего юбилея своей коронации, Елизавета ехала в золотой карете по улицам Лондона; вместо крыши над каретой красовался навес, вышитый жемчугом и золотом. Королева, облаченная во все белое, через короткие паузы выкрикивала: «Боже, храни мой народ!» Собравшиеся преклоняли колени перед проезжавшей королевой и отвечали: «Да хранит Господь ваше величество». За каретой следовал граф Лестер, а впереди ехали Берли и Уолсингем. Лестер и Берли служили королеве с самого начала ее правления, Уолсингем присоединился одиннадцатью годами позже. Елизавета являлась олицетворением собственного девиза *semper eadem* — «всегда неизменна».

В следующем месяце королева отправила графа Лестера в Нидерланды в качестве своего генерал-лейтенанта. Его с нетерпением ждали как «нового мессию», одного из главных поборников международного протестантского движения, и на

волне столь воодушевленных надежд ему предложили пост генерал-губернатора. К великому гневу и недоумению королевы, он принял этот титул. Когда же в начале 1586 года его утвердили «абсолютным губернатором», Елизаветой овладело неистовство. В глазах всего остального мира она действительно была королевой, а Лестер — ее наместником; «вспышки гнева» и «обличительные тирады» королевы тревожили ее советников, а некоторых она даже обвинила в причастности к заговору с целью скомпрометировать ее цели. Она пригрозила заключить мирное соглашение с герцогом Пармским и тем самым нанести удар личному престижу Лестера.

Когда гнев поутих, Елизавета решила оставить Лестера во главе командования английским войском в союзе с нидерландскими силами; однако успех не сопутствовал его кампании. Лестеру с большим трудом удавалось координировать советы союзников и пришлось просить увеличения денежного довольствия и присылки новых людей. Один военачальник писал Берли, что «состояние кромешного хаоса, царящего среди солдат, поистине удручает, припасы и подкрепление необходимы прямо сейчас, прежде чем успеет вмешаться Господь». Лестеру не

удалось уладить конфликты между государствами, например Голландией и Зеландией, равно как и развеять подозрения относительно своих действий. Несмотря на то что Уолсингем настоятельно советовал остерегаться «издержек», он поднял жалованье своим солдатам (включая собственное) и закрыл глаза на взяточничество и массовые злоупотребления. Эта война привела к ощутимому сокращению английского экспорта с последующей потерей рабочих мест; ситуацию усугубил катастрофический неурожай 1586 года, спровоцировавший волну голода, болезней и смертей. Отвлекаясь от авантюр великих мира сего и обращаясь к жизни простых людей, зачастую сталкиваешься с нищетой и недовольством.

Так или иначе, нет ничего удивительного в том, что королеву всерьез встревожили непомерные расходы, связанные с конфликтом. Елизавета питала принципиальное отвращение к войне; у нее не было к ней ни способностей, ни интереса. Распространились слухи, что она собирается заключить перемирие с Испанией и свернуть злополучную кампанию Лестера; сообщалось, что одним из условий этого мирного соглашения станет передача Филиппу II приморских городов. Религия не стала бы препятствием. Если Испания

сможет гарантировать Нидерландам сохранность их «вековых свобод», этого будет достаточно. Берли считал, что любой мир, заключенный на подобных условиях, станет неизгладимым пятном позора на репутации Англии. Он заявил Елизавете, что хочет оставить свою должность и удалиться на покой; на короткое мгновение слова советника растрогали ее, однако затем королева вернулась к своей прежней стратегии, которую он описал как «совершенно нелепую и опасную». Уолсингем согласился с ним и выразил опасение, что все теперь станут говорить, будто «нет в мире двора более одиозного и непостоянного в сношениях, чем наш».

На фоне бездействия одолеваемой сомнениями королевы и разделившегося во мнениях совета война в Нидерландах продолжалась. Драматизма незадавшейся военной кампании прибавила нелепая смерть сэра Филипа Сидни после короткой вооруженной стычки во время осады Зютфена. Он снял броню с ног в героическом порыве повторить подвиг однополчанина, однако был ранен стрелой и скончался. Этот эпизод отразил тот дух романтизма и молодецкую удаль, которые он в себе воплощал. «Я устал, господин секретарь, — писал Лестер Уолсингему, — право,

я так устал».

К лету 1586 года, впрочем, королева возобновила дружеские отношения с фаворитом. В одном из писем она обнаружила свою привязанность к нему следующими строками: «Роб[ерт], боюсь, мои бессвязные речи наведут вас на мысль, будто это летнее полнолуние затуманило мой рассудок». Она закончила письмо словами: «В конце позвольте заверить вас, что мы по-прежнему дружны и для общения нет преград, а потому говорю вам ô ô [ее символ для „глаз“, его прозвища] и молю Господа уберечь вас от печали и горя и защитить от врагов, миллион и легион моих вам благодарностей за все ваши труды и заботы. Всегда ваша, E. R.[83]». Ее настроение всегда отличалось переменчивостью и загадочностью.

Несмотря на храброе противостояние Елизаветы разгневанной Испании, время было крайне опасным. Она боялась козней Марии, и в феврале 1586 года, как докладывали французскому двору, упала в обморок; говорили, что она пролежала без сознания два часа. Ранним летом того же года она с торжественной процессией шла к королевской часовне, когда внезапно ее «объял

[83] Примечания: 83

E. R. — от *англ./лат.* Elizabeth Regina, «Королева Елизавета». — *Прим. пер.*

жуткий страх»; она вернулась в свои покои, чем, по словам испанского делегата, «немало удивила всех собравшихся».

Королева, возможно, была мудрее, чем они предполагали. Уже тогда против нее замышлялся очередной заговор, инициаторами которого стали иезуитский священник Джон Баллард и агент Марии Стюарт в Париже. Им удалось привлечь на свою сторону некоего Энтони Бабингтона, молодого человека из состоятельной католической семьи, а он, в свою очередь, завербовал шестерых придворных, которые в подходящий момент должны восстать и убить Елизавету. Уолсингем тем временем установил за Марией пристальную слежку. Королеву Шотландии перевезли в другую резиденцию, Чартли-Манор. С определенной уверенностью можно утверждать, что Сесил намеренно дал заговору ход и не вмешивался, несмотря на всю его хаотичность и несогласованность. Советники надеялись, что Мария Стюарт вступит в преступную переписку, которая и обречет ее на смерть. Так и вышло. 12 июля Бабингтон отправил Марии послание с описанием плана ее освобождения и вступления на престол. Необходимо было определиться с местом высадки вражеского испанского войска.

Затем наступал час «засылки» «соперника-узурпатора», и Бабингтон выдвинул кандидатуры нескольких добровольцев для исполнения «этого трагического замысла».

Письмо, разумеется, перехватили агенты Уолсингема, прежде чем переслать его Марии; нанятый дешифровщик кодов помог раскрыть содержание тайной переписки. Королевский шпион разработал изощренный план, согласно которому двойной агент должен убедить Марию незаметно выкрасть письма, спрятанные на дне пивных бочек. Мария размышляла над ответом Бабингтону. Ее тюремщик, сэр Эмиас Паулет, написал Уолсингему: «Она прекрасно понимает, что ее хотят погубить и лишить жизни, а затем сказать, будто умерла от болезни». Что ей оставалось терять?

Через несколько дней Мария ответила на письмо Бабингтона. Она подробно изучила его план и сообщила: «Как все будет готово, шесть джентльменов должны приняться за дело, а вы удостоверьтесь, что по завершении их работы меня вызволят из этого места». Уолсингем снова перехватил послание и, прежде чем перенаправить его предполагаемым получателям, приказал своему дешифровщику подделать почерком

Марии постскриптум к письму, якобы прося сообщить имена шести убийц.

Уолсингем со товарищи принялись ждать и лелеять мечты о крахе шотландской королевы. Елизавете, знавшей о заговоре, сообщили, что «зверь, что сеял хаос в мире, будет истреблен». Как сообщалось, Бабингтон настолько верил в успех заговора, что заказал свой портрет в компании шести придворных. Вместе со своими подельниками они беззаботно ели и пили в тавернах, не подозревая, что за ними следят. В августе 1586 года Уолсингем приказал арестовать Джона Балларда по обвинению в сокрытии своей священнической деятельности. Бабингтона обнаружили в Сент-Джонс-Вуд с «вымазанным кожурой незрелых грецких орехов» лицом; триста наиболее видных католиков-староверов из северных английских графств доставили под конвоем в Лондон.

Оставался еще один важный заговорщик. Марию Стюарт арестовали и поместили под стражу, а ее комнаты в Чартли тем временем тщательно обыскали. Обнаружился ключ к шестидесяти различным шифрам вместе со списками ее сторонников в Англии; среди них, к примеру, имелся перечень всех дворян, поклявшихся ей в вер-

ности. Елизавета, прочитав список, тут же его сожгла. *Video taceoque*, — сказала она. «Я вижу, и у меня нет слов».

Заговорщиков предали традиционной казни изменников; Бабингтон встретил свой конец одним из первых. Впрочем, один видный заговорщик еще не попал на эшафот. Теперь не оставалось сомнений, что Мария принимала участие в интригах против королевского трона, а следовательно, и жизни королевы последние восемнадцать лет. Летом того же, 1586 года Елизавета и Яков VI Шотландский заключили Берикское соглашение, связавшее их вечными узами дружбы; монархи договорились защищать протестантскую религию в своих королевствах и оказывать друг другу содействие в случае нападения. Согласно договору, Яков получал ежегодный пансион в размере четырех тысяч фунтов стерлингов, и теперь стало очевидно, что он избран наследником английского престола. Его мать более не принималась в расчет. Какая же судьба ждала ее теперь?

35. Мертвые не кусаются

Когда Марию доставили обратно в Чартли-Манор после изъятия самых секретных документов, ее обступила толпа попрошаек. «Мне нечего вам дать! — воскликнула она. — Я такая же нищенка, как и вы. У меня все отняли». Повернувшись к своим конвоирам, она со слезами на глазах вымолвила: «Благородные джентльмены, я никогда не помышляла и не была причастна ни к какому сговору против королевы». Многие имели веские основания сомневаться в искренности этих слов. Ее тюремщик Паулет получил приказ содержать ее в условиях максимальной изоляции. Тайный совет ежедневно собирался в Виндзоре для обсуждения ситуации, однако судебный процесс над шотландской королевой, уличенной в интригах против Елизаветы, казался теперь лишь делом времени. Осенью 1586 года сорокатрехлетнюю Марию Стюарт перевели из Чартли в замок Фотерингей.

Поначалу Мария протестовала против своего вынужденного переселения. Поскольку она не являлась подданной Англии, на нее не распро-

странялась юрисдикция английского суда. На ее протест Елизавета отправила безапелляционный ответ: «Вы всяческими путями и способами тщились лишить меня жизни и низвергнуть мое королевство в кровопролитный хаос. Сии измены вам будут засвидетельствованы, и все станет явным. Я приказываю вам отвечать дворянам и пэрам королевства, как если я сама среди них присутствую… Говорите правду, ничего не скрывая, и тем скорее вы заслужите мою милость».

Берли сделал черновой рисунок приемного зала в замке Фотерингей, где 14 и 15 октября проходило судебное слушание по делу Марии. Графы, бароны и тайные советники — все, кто выступал в роли судей, — расселись вдоль стен. Для Марии посреди зала поставили стул, прямо напротив трона с церемониальным балдахином; пустой трон символизировал отсутствующую королеву. Не приходилось сомневаться, что судебный процесс станет вопросом жизни и смерти, ведь согласно парламентскому Закону о защите королевы, любая попытка причинить вред монарху повлечет «возмездие всех королевских подданных». Мария прекрасно это понимала и заявила герцогу де Гизу, что готова умереть во имя своей религии. Ее будут считать не убийцей,

а мученицей. В этом отношении смерть послужит очищением от всех грехов.

Между тем она, возможно, тайно надеялась на подспудное нежелание Елизаветы присуждать ей высшую меру наказания; именно по этой причине английская королева придержала за собой возможность проявить «милость» к Марии. Судебная практика не знала прецедентов, подобных ее делу; она была королевой, помазанницей Божьей, не признавшей монарший двор, куда ее насильно привели. Мария также являлась законным претендентом на английскую корону. В силу этого она имела определенные основания для уверенности. Мария полагалась на силу своей личной харизмы перед лицом судей. Она отличалась проницательностью и была бойка на язык; она обладала аурой величия. Не так-то просто получится привести ее в замешательство. Берли вместе с небольшой группой королевских представителей посетил личные покои Марии в замке Фотерингей. «Я — полноправная правительница», — заявила шотландская королева. Она отказалась соглашаться на какие-либо условия: «Мой дух еще не сломлен, и я не преклоню головы перед лицом страданий». Затем она предостерегла их словами: «Не забывайте, что

мир намного больше, чем королевство Англии». Это было напоминание о возможном мщении за ее смерть со стороны католических монархов Европы.

14 октября королева Шотландии, облаченная в черное бархатное платье, вошла в приемный зал и села на предложенный ей стул: представители королевы сняли шляпы в знак почтения к ее статусу. Марию описывали как «крупную» женщину с «полным и одутловатым лицом, двойным подбородком и карими глазами»; после долгих лет томления в тюрьме ее тучности удивляться не приходилось. Ей зачитали предъявляемые обвинения, уличавшие ее в причастности к заговору с целью устранения королевы Елизаветы и сокрушения страны. Мария ответила, что прибыла в Англию как просительница, а оказалась в тюремном заточении, где и пребывает с тех самых пор. Ее, законную королеву и помазанницу Божью, не имеет права судить ни один земной суд. Впрочем, Мария выразила готовность опровергнуть все выдвигаемые против нее обвинения. Тогда вслух зачитали письма Бабингтона, предназначавшиеся ей. «Возможно, Бабигтон и написал эти письма, — ответила она, — но попробуйте сначала доказать, что я их получила». Были оглашены

признания двух личных секретарей Марии, подтверждавшие ее причастность к написанию зашифрованных писем. В очередной раз она продекларировала опровержения своего участия в заговоре против королевы. Мария заявила, что слово монарха оспариванию не подлежит. Шотландская королева пребывала в состоянии абсолютного спокойствия и хладнокровия. Как впоследствии Паулет писал Уолсингему, «в ней не было ни толики страха».

Все понимали, что нельзя дать ей уйти от ответственности. На второй, и последний, день судебного разбирательства Берли предостерег Марию от роптаний по поводу своего тюремного заточения. Лишь ее ошибки тому причиной. «А, — сказала она, — вы, стало быть, мой враг». — «Да, все враги королевы Елизаветы — мои враги». Затем, по срочному приказу королевы, Берли назначил десятидневный перерыв в работе комиссии. Елизавета не хотела, чтобы все подумали, будто она торопится с приговором.

Члены комиссии вновь собрались 25 октября в Звездной палате Вестминстера, где в отсутствие Марии повторно рассмотрели все доказательства. Королеву Шотландии признали виновной. Получив эту новость, Елизавета встала на колени

и пятнадцать минут шептала молитвы. Она воздержалась от каких-либо публичных заявлений. Королева еще не знала, каким будет ее следующий шаг. Мария же, услышав вердикт суда, подняла взор к небесам и возблагодарила Господа. Все было готово для заключительной сцены.

На парламентском собрании, состоявшемся четырьмя днями позже, члены палаты общин и палаты лордов исступленно требовали казни опальной королевы. Берли так все устроил, что обвинения сыпались градом. 3 ноября один из фаворитов Елизаветы, сэр Кристофер Хаттон, осудил деяния Марии, назвав их «в высшей степени бесчестными и омерзительными». Была назначена комиссия из членов обоих палат и одновременно с этим составлена петиция о ее казни. Елизавета, которой огласили содержание петиции в приемном зале, ответила с большой осторожностью. Она предостерегла всех собравшихся: «Поверьте мне, мы, монархи, правим на наших монарших сценах под пристальным вниманием всего мира». Подобно Марии, предупреждавшей королевских делегатов о возможной мести католических правителей, Елизавета напомнила парламенту, что на кону вопрос особой важности. Если бы она и Мария были простыми

доярками «с ведрами в руках», она бы не дала своего согласия на ее казнь при подобных обстоятельствах. Однако королева Шотландии имела своих фаворитов среди союзников и единомышленников, готовых выступить против Англии; угрозу стране представляла не сама Мария, а то, что она собой олицетворяла.

24 ноября Елизавета вновь попыталась уйти от прямого ответа. «Никогда еще я не терзалась так сомнениями, как сегодня, — заявила она, — стоит ли мне говорить или хранить молчание». Что касается петиции, «молю вас покамест удовлетвориться ответом без ответа; решения вашего я не осуждаю, и разумею ваши причины, но молю вас признать мою благодарность, простить нерешительность и благосклонно принять мой безответный ответ…» Она разрешила напечатать свою речь, одобрив предварительно экземпляр ее текста.

Елизавета действительно мучительно размышляла над решением. На ухо ей шептали: «Мертвые не кусаются», но была ли она вправе казнить королеву, помазанницу Божью? Могла ли она отправить на плаху собственную кузину? Короли Франции и Шотландии, родственные Марии по крови, жаждали спасти ее от смерти; как-никак,

она однажды носила корону Франции и стала матерью шотландского короля. Для Филиппа Испанского она представляла особенный интерес как католический монарх и — сколь призрачной ни была бы надежда — потенциальный престолонаследник Елизаветы. Возможно, ее казнь разрушила бы узы, связывавшие протестантов и католиков Англии в едином религиозном братстве. Могла ли ее смерть всколыхнуть гражданскую войну, которой так всегда боялись? По этой причине Елизавета обратилась к палатам лордов и общин со словами: «Я не настолько безрассудна, чтобы не видеть грозящих мне опасностей, однако не настолько слепа, чтоб не осознавать, каким безумством было тщиться заботливо хранить меч, который перерезал бы мое горло». Эти слова как нельзя лучше описывают ее дилемму. Первый биограф Елизаветы Уильям Камден писал, что она часто становилась «задумчива и безмолвна». Два выражения пришли ей на ум: *Aut fer, aut feri* — «Смирись с ней или сразись с ней» — и *Ne feriare, fer* — «Бей, или бит будешь».

В начале декабря новости об обвинительном приговоре Марии наконец принародно объявили в Лондоне под звуки фанфар. На улицах разжигались праздничные костры, а перезвон церковных

колоколов не стихал целые сутки. После оглашения вердикта трон и церемониальный балдахин унесли из приемного зала. В письме в Шотландию Мария говорила: «Так они хотели показать, что я для них — мертвая женщина, лишенная почестей и достоинства королевы». Она опасалась, что любой верный короне англичанин теперь счел бы своим долгом убить ее, руководствуясь санкцией «Обязательства о содействии». Возможно, и сама Елизавета в душе надеялась на подобный исход событий, ведь это освободило бы ее от обязанности отдавать приказ о казни Марии. Таким образом, все эти последние недели Мария жила в постоянном страхе убийства. В последнем письме Елизавете она попросила, чтобы ее тело отвезли во Францию и похоронили рядом с матерью, Марией де Гиз, в монастыре Сен-Пьер в Реймсе.

Очередной созыв парламента состоялся 2 декабря, за два дня до оглашения прокламации, однако в этот раз Елизавета перенесла срок следующего собрания до середины февраля. Она хотела взять десятинедельную передышку, чтобы успокоиться перед принятием окончательного решения. Противоречивые слухи наводнили Лондон в январе 1587 года; жители перешептывались, что Мария якобы сбежала из тюрьмы и что испанцы начали

вторжение. Не исключено, что совет поощрял эти ложные слухи, чтобы подстегнуть нерешительную Елизавету. Уолсингему сообщили о некоем «заговоре», зачинщики которого хотели подсунуть королеве отравленное седло; вся затея, скорее всего, была лишь очередной махинацией придворных, призванной напугать королеву. Дальнейшее промедление грозило опасными последствиями; невозможно было безнаказанно сбрасывать со счетов настроения в стране. Все советники единогласно заявили, что Марию следует казнить.

В начале февраля Елизавета находилась в Гринвиче. Она попросила своего секретаря сэра Уильяма Дэвисона принести приказ на казнь Марии. Он доставил его вместе с кипой других бумаг. Королева отметила, что утро выдалось особенно ясным, и подписала бумаги без какого-либо особого внимания к приказу. Однако затем она вдруг заговорила о нем. Королева так долго мешкала с решением, чтобы продемонстрировать свое нежелание причинять вред Марии. Разве ему не жаль, что приказ подписан? Дэвисон ответил, что лучше уж пострадают виновные, чем безгрешные.

Елизавета затем приказала Дэвисону отнести

приказ к лорд-канцлеру и скрепить печатью как можно скорее и без лишнего шума; затем его следовало отправить без каких бы то ни было официальных объявлений членам комиссии. Она попросила секретаря проинформировать Уолсингема, который лежал больным в постели. «Он, вероятно, будет убит горем», — язвительно отметила она. Дэвисон уже стоял на пороге, как она позвала его назад. Что, если какой-нибудь верный подданный, подписавший «Обязательство о содействии», совершит убийство? Она упомянула имена двоих, одним из которых был тюремщик Марии Эмиас Паулет. Это бы позволило ей избежать осуждения и неблагосклонной критики соперничающих держав. Ей не хотелось становиться виновницей цареубийства. Елизавета настояла, чтобы Дэвисон обсудил вопрос с Уолсингемом; он нехотя согласился, но заявил, что игра не стоит свеч. Ни один придворный не дерзнет совершить подобное деяние без категоричного приказа королевы.

Берли собрал совет и сообщил коллегам, что Елизавета наконец-то подписала приказ. Теперь необходимо было действовать незаметно и быстро. В скором времени гонец спешил с приказом в Фотерингей, и соответствующие письма разо-

слали главным членам совета. Елизавета более не касалась этой темы. Не задавала никаких вопросов. Прочитав ответное письмо Паулета, в котором он отказывался убивать Марию без ее приказа, королева пришла в неистовство; она называла его «тем самым» человеком, кто клялся ей в верности, а теперь пальцем не двинет, чтобы защитить ее безопасность.

Через два дня ее терпение и самообладание были на исходе. Принял ли Дэвисон скорейшие меры? Скрепили ли приказ печатью? Елизавета, по словам самого Дэвисона, «бранилась на чем свет стоит, стыд и позор им всем, что еще ничего не сделано». Тем временем Мария вновь воспрянула духом. Она отправила очередное послание Елизавете, настаивая на своей невиновности и ходатайствуя о личной встрече; королева оставила письмо без ответа, однако, как вспоминал Лестер, «растрогалась до слез». 4 февраля главный палач отправился в замок Фотерингей, переодевшись слугой; топор был спрятан в сундуке. Во вторник 7 февраля в Фотерингей прибыли члены комиссии и во время аудиенции сообщили Марии, что получили распоряжение, скрепленное Большой печатью; казнь назначили на следующее утро.

Поначалу королева Шотландии отказывалась

им верить; затем ее охватила тревога. Она позвала своего врача и принялась обсуждать деньги, которые ей задолжали во Франции. И в этот момент ее нервы не выдержали. Она сообщила, что хочет видеть своего католического капеллана, но представители комиссии не были намерены превращать ее казнь в святое мученичество, которого она так страстно желала; вместо этого они предложили привести протестантского священника. Она отослала записку своему духовнику с просьбой помолиться о ней в эту ночь; наутро, когда ее поведут на казнь, он, возможно, увидит ее и благословит.

В восемь часов утра 8 февраля начальник тюрьмы замка Фотерингей постучал в дверь ее комнаты. Ответа не последовало. Возникли опасения, что королева Шотландии покончила с собой. Впрочем, самоубийство считалось смертным грехом, и Мария не хотела запятнать позором свою славу. Затем дверь открыли. Она стояла на пороге, облаченная в платье и мантию из черного атласа с бархатной оторочкой. Волосы были уложены в прическу; с головы до ног ниспадало белоснежное шелковое покрывало. На шее висело золотое распятие. В руке она держала еще один крест из слоновой кости.

Когда Мария вошла в приемный зал, где состоялся роковой судебный процесс, ее гофмейстер упал на колени и разрыдался. «Мелвилл, — сказала она ему, — вы должны радоваться, а не горевать, ведь настал конец моих страданий. Передайте друзьям моим, я умираю в истинной католической вере». Она поинтересовалась, где ее капеллан; ему запретили присутствовать из-за опасений религиозных демонстраций. Затем она огляделась вокруг в поисках своих прислужниц. Их также не допустили к госпоже во избежание неприглядных сцен — не дай бог, закричат или упадут в обморок. Мария тем не менее нуждалась в своих подданных, чтобы они передали правдивый рассказ о ее смерти тем, кто любит ее в Шотландии и за границей. В конечном итоге ей разрешили выбрать шестерых ближайших сподвижников в качестве сопровождающих. *Allons donc*, — молвила она, когда те собрались. — «Пойдемте же». По лестнице она спустилась в парадный зал.

Из помещения убрали всю мебель, а в дальнем конце установили эшафот размером 1,1 квадратных метра и 0,8 метра высотой; подмостки были покрыты черным сукном и ограждены парапетом. Перед колодой установили черный

стул, а рядом положили черную подушку. Топор ждал своего часа возле ограды. В камине ярким пламенем пылали дрова. В зале собрались триста рыцарей и дворян графства, чтобы стать свидетелями памятного события, а снаружи замка столпились тысячи жителей. Вести о ее грядущей казни разлетелись в одночасье.

Хладнокровно и без малейшего признака страха, Мария села на заранее установленный перед плахой стул и прослушала оглашение смертного приговора. К ней подошел граф Шрусбери:

— Сударыня, вы знаете, что нам приказано сделать.

— Исполняйте свой долг.

Мария приготовилась было пасть на колени, чтобы произнести молитву, как священник Питерборо попытался упредить ее; однако от волнения он пробормотал лишь что-то несвязное.

— Господин декан, я католичка и умру католичкой. Бессмысленно пытаться остановить меня, а от ваших молитв мне пользы нет.

Последовало короткое препирательство. Когда Мария склонила колени, священник стал возносить английскую молитву, к которой присоединились все собравшиеся. Тогда шотландская королева принялась громко читать покаянные

псалмы по-латыни, истово ударяя себя в грудь своим распятием.

Палачи в черном вышли на подмостки и попросили у нее прощения за тот долг, который они были обязаны исполнить. «Прощаю вас от всего сердца, — ответила Мария, — ибо в смерти вижу я разрешение всех моих земных мук». Они стали прилаживать ее платье для заключительной сцены, а Мария окинула взглядом собравшихся поблизости графов: «Право, милорды, мне еще никогда не прислуживала подобная свита». Она положила свое распятие на стул; главный палач хотел взять его в качестве награды за свой труд, однако ему приказали оставить крест на месте. С Марии сняли шелковое покрывало, а следом за ним — ее черное платье и черную мантию. Под темными одеяниями скрывалось исподнее платье пунцового атласа и бархата. Теперь она полыхала кроваво-красным пламенем — цветом мучеников.

Мария преклонила колени на подушку под стенания и всхлипывания столпившихся вокруг прислужниц. «Прощайте, — сказала она им, — до свидания». Один из ее придворных завязал ей глаза платком. Королева прочла вслух псалом *In te, Domine, confide* («На Тебя, Господи, уповаю»),

прежде чем нащупать руками колоду и склонить голову. Она прошептала: *In manus tuas, Domine, commendo animam meam* — «В руце Твои, Господи, предаю дух мой». Она наклонилась вперед, поддерживаемая одним из палачей, в то время как другой высоко занес секиру. Однако палач дал промах, и клинок ударил по завязанному узлу платка. Он замахнулся снова и в этот раз угодил в цель; голова скатилась с плеч, оставив лишь крохотный лоскуток кожи. Чепец и парик слетели на пол, и, когда палач поднял голову, чтобы продемонстрировать зрителям, собравшиеся увидели исчахшую и практически лысую старуху с остатками седых волос.

Декан выступил вперед и провозгласил: «Да постигнет сия судьба всех врагов королевы». Собравшиеся воскликнули: «Аминь». Все завершилось. Внезапно в складках одежды Марии обнаружилась маленькая собачка; пронзительно взвизгивая, она скользила в ее крови. Собачку забрали и тщательно отмыли. Все, к чему прикасалась Мария, — колода, платок, даже ее четки — сожгли в парадном зале. Не оставили ни одной реликвии. Тем не менее она безупречно сыграла свою последнюю сцену, и история Марии, королевы Шотландии, с тех самых пор глубоко

укоренилась в сознании людей.

Утром 9 февраля, вернувшись в Гринвичский дворец после конной прогулки, Елизавета услышала перезвон лондонских колоколов. Что за повод, поинтересовалась она. «Я никогда не видел, чтобы она стонала, — вспоминал молодой кузен Елизаветы Роберт Кэри, — за исключением того дня, когда обезглавили королеву Шотландии». Это был не просто стон. Это был судорожный вопль, вспышка гнева и чувства вины. Елизавета в едва ли не истерическом исступлении бросилась обвинять своих самых верных приближенных в обмане и двуличности. Она никогда не желала смерти своей дорогой кузины. Королева отстранила от себя Берли и два месяца отказывалась принимать его при дворе. Она признала, что подписала ордер на казнь, однако утверждала, будто попросила Дэвисона временно придержать его. Теперь в отместку она жаждала крови сэра Уильяма Дэвисона. К счастью, Елизавету удалось отговорить от столь неблагоразумного решения, и вместо этого над Дэвисоном учинили судебное разбирательство в Звездной палате по обвинению в злоупотреблении доверием королевы; его заключили в Тауэр, однако выпустили через год. Он сыграл свою роль в этом деле.

Через четыре дня после казни Марии Елизавета отправила послание Якову VI, отрицая свою причастность к деянию. «Мой дорогой брат, — писала она, — если бы Вы только знали (но не чувствовали), сколь пронзительна боль, что переполняет мою душу, при мысли о тягчайшем несчастье, кое (против моих замыслов) выпало на нашу долю…» Нельзя отрицать, что королева находилась под колоссальным давлением со стороны своих советников, в частности — Уолсингема и Берли, и, возможно, убедила сама себя, будто бы действовала против своей воли. Ее министры строили заговоры за ее спиной, форсируя казнь Марии. Однако за ее душевными муками могли стоять и угрызения проснувшейся совести.

Угрозы ее правлению усиливались. К весне 1587 года до двора дошли сообщения о военных приготовлениях испанцев в Кадисе и Лиссабоне; в связи с этим в Плимуте сформировали эскадру кораблей под командованием сэра Фрэнсиса Дрейка для отплытия в Испанию. Зная о непостоянстве своей госпожи, Дрейк поспешил покинуть берега Англии, прежде чем она изменит свое решение. Как и следовало ожидать, запретительное распоряжение действительно вышло из-под пера королевы, однако к этому времени Фрэнсис

Дрейк был уже далеко. Он потопил множество транспортных судов в Кадисе, прежде чем отправиться к мысу Святого Викентия, где он мог дать бой испанской армии.

Отказавшись от этой цели, Дрейк решил взять курс на Ла-Корунью. Там он разгромил торговые суда, стоявшие на якоре в бухте, и уничтожил половину всех припасов и вооружений, заготовленных Армадой для войны с Англией. Утверждалось, что у испанцев имелся годовой запас хлеба и вина для сорока тысяч человек, теперь от него не осталось и следа. Дрейк завершил триумфальную кампанию захватом каракки, нагруженной награбленными трофеями из Ост-Индии. Репутации испанцев, таким образом, был нанесен значительный урон, в то время как самонадеянность Англии возросла. Позорный провал вынудил Филиппа отложить планы по вторжению в Англию еще на один год. Елизавета выиграла время, чтобы подготовиться к противостоянию с Испанией, которое теперь было неизбежным.

36. Непобедимая армада

Ущерб, причиненный опустошительными рейдами сэра Фрэнсиса Дрейка, быстро устранили, и к зиме 1587 года испанская флотилия, крупнейшая в Европе за всю историю, взяла курс на море из устья Тахо. Тем временем испанская армия в Нидерландах под командованием герцога Пармского укрепила свои позиции. По плану морской флот под предводительством Альваро де Басаны, маркиза Санта-Крус, в качестве лорда-адмирала должен был отправиться к устью Темзы и бросить якорь возле Маргита; затем испанские корабли взяли бы под контроль Дуврский пролив, предоставив тем самым герцогу Пармскому время и возможность высадить свои войска в Танете. С этого момента путь в Лондон был бы открыт. Но подготовка военно-морских сил оставляла желать лучшего, а в море поднялись осенние ветры. Филиппу Испанскому пришлось скрепя сердце отложить экспедицию до более благоприятной погоды.

Герцога Пармского не известили о задержке, и в итоге его войска мокли под проливным до-

ждем и мерзли в горах Дюнкерка. Когда пришло письмо от короля, пенявшего ему на бездействие, герцог, как и следовало ожидать, пришел в ярость. Ему приказали ждать прибытия испанской флотилии. «Мне, бесспорно, досадно слышать, будто бы я должен был начать вторжение вразрез с Вашими же указаниями. Окажите любезность и сообщите, что мне делать, — и ни одно препятствие не остановит меня, хоть Вы и отправляете меня одного, без всякого подкрепления». Разногласия не сулили ничего хорошего для честолюбивой затеи Филиппа. Финансовые дела Испании хромали. Солдаты сидели на голодном пайке. В довершение всех несчастий адмирал Санта-Крус скончался. Его преемник, герцог Медина-Сидония, был совершенно несведущ в морском бое. Проволочки и злополучные неудачи вновь срывали планы предполагаемой Армады.

Несмотря на это, весной до Англии дошло известие, что масштабные приготовления почти закончены; испанские ведомства заявляли, что флот готовили для экспедиции в Вест-Индию, однако хитрость не прошла.

18 мая 1588 года флотилия испанских судов наконец-то вышла из Тахо; однако ее разбросал сильный шторм. Медина-Сидония советовал

отложить операцию, на что Филипп ответил: «Я посвятил это начинание Господу… Так давай же, делай свое дело». 12 июля испанцы вновь подняли паруса. Флотилию провожали звоном колоколов испанских церквей. На судах имелись экземпляры папской буллы, подтверждавшей отлучение Елизаветы от церкви и призывавшей всех верных католиков к восстанию против нее. Армада состояла из ста тридцати больших военных кораблей с экипажем в 19 тысяч солдат и восемь тысяч моряков на борту.

Испанцы, итальянцы и португальцы формировали различные контингенты, причем испанцы разделились на эскадрильи галисийцев, андалусцев, каталонцев и кастильцев. Вместе с солдатами и моряками плыли шестьсот монахов, в чьи обязанности входило отправление религиозных обрядов и уход за ранеными. Азартные игры и богохульство строго запрещались. Вся испанская армия до единого бойца исповедалась и приняла причастие, получив благословение на свой крестовый поход против еретиков. На королевском штандарте Армады значился девиз: *Exsurge, Domine, et judicia causam tuam*! — «Восстань, Господи, и защити дело свое!» В течение того времени, что испанская флотилия держала

курс на Англию, Филипп каждодневно по четыре часа простаивал на коленях перед Святыми Дарами без молитвенной подушки.

Англичане прекрасно осознавали неотвратимую угрозу. Один из дивизионов флота наблюдал за гаванями, находившимися под контролем герцога Пармского, в то время как основные формирования приготовились к бою в Плимуте. Елизаветинский флот состоял из двадцати пяти боевых галеонов, однако, учитывая опасность положения, его дополнили другими судами, предоставленными Лондоном и частными благодетелями. Некоторое количество кораблей и каботажных судов пришлось взять в аренду. Королева надеялась на помощь сэра Фрэнсиса Дрейка и других каперов. По оценкам, английский флот насчитывал сто девяносто семь различных судов (причем далеко не все годились для морского боя).

Вооруженные отряды и ополченцы графств были готовы настолько, насколько позволяла их шаткая боевая организация; к ним присоединились уцелевшие свиты знати, сформированные из ее главных вассалов. Говорили, что всего насчитывалось сто тысяч человек, готовых взяться за оружие, однако это число, вероятно, преувели-

чено. Так или иначе, столкнись они с герцогом Пармским и его войском, то им бы пришлось иметь дело с лучшей армией Европы. Прибрежным боевым расчетам было приказано отступать там, где враг высаживался на берег, забирать с собой зерно и скот; им следовало дожидаться подкреплений из других формирований. Боевым составам армий центральных графств численностью десять тысяч солдат предстояло объединиться в отдельное войско для защиты самой королевы.

19 июля испанскую флотилию заметили возле мыса Лизард в Ла-Манше. «Испанская армада, — писал Кэмден, — громоздящаяся подобно высоким башням и замкам, выстроилась в полумесяц с семимильным[84] серпом и неторопливо плыла под всеми парусами, несомая тугими ветрами и волнами океана, вздыхавшего под ее тяжестью». Когда дозорный со стеньги «Арк-Ройяла»[85] заметил показавшиеся на горизонте паруса, команда возликовала. Минута битвы между Испанией и Англией настала.

---

[84] Примечания: 84

7 миль = 11,27 километра.

[85] Примечания: 85

«Арк-Ройял» — флагман британского флота; от *англ.* Arc Royal, что значит «Королевский ковчег». — *Прим. пер.*

Рассказывают, что новость застала Дрейка во время игры в кегли в Плимуте. «И игру закончим, и испанцам бой дадим — времени на все хватит», — невозмутимо ответил он. История, возможно, и апокрифическая, однако он вполне мог сказать что-то в этом духе; ему пришлось дожидаться прилива, чтобы сняться с якоря и покинуть гавань. Один из современников отмечал, что «сельские жители тотчас бросились к берегу: кто с дубинами, кто с острыми палками, кто с вилами…» Вероятно, это большая удача, что их боевым навыкам не пришлось проходить испытание на прочность.

Весь остальной мир наблюдал за происходящим с интересом, однако сохранял нейтралитет. Венецианцы ставили на победу англичан, французы лишь предположили, что им удастся сдержать натиск своих врагов в море. «Ради всего святого, — писал вице-адмирал Уайтхолл, — и ради нашей страны, пришлите нам поскорее ядер побольше да покрепче». 21 июля Уильям Хокинс, мэр Плимута, написал: «Вчера вечером испанская флотилия замаячила на горизонте, и милорд адмирал [лорд Говард] умчался в море, прежде чем она успела за этим горизонтом скрыться». Английской флотилии дул попутный ветер, и

уже в воскресенье утром противники сошлись в коротком бою, продлившемся два часа. Один из галеонов Филиппа получил серьезные повреждения и был конвоирован англичанами в Дартмут.

Первое полноценное сражение между двумя флотилиями состоялось 23 июля возле мыса Портланд-Билл; англичане обладали преимуществом благодаря своим небольшим кораблям, оснащенным массивными пушками. Испанцы хотели подойти вплотную к противнику и взять его суда на абордаж, позволив солдатам вести бой, однако приблизиться так и не удалось. Англичане в значительной мере полагались на скорость и высокую маневренность своих кораблей. В конечном итоге Медина-Сидония вышел из боя и возобновил курс к месту своей предполагаемой встречи с герцогом Пармским. В ходе этого сражения Говард истратил практически весь боезапас; оставшихся боеприпасов едва хватало на еще одну битву. Испанцам повезло гораздо меньше: они также испытывали недостаток в пушечных ядрах, а их суда получили куда более значительные повреждения. Обломки галеона и одного из флагманов унесло к побережью Франции.

Все три дня по пути к Кале Медина-Сидония слал герцогу Пармскому сообщения, становив-

шиеся час от часу тревожнее. Тем временем английские войска получили подкрепление из прибрежных портов и замков. «Враг следует за мной по пятам, — говорил Сидония герцогу Пармскому, — с утра до ночи, почитай, каждый день, он осыпает меня огнем; однако он не подходит близко, чтобы взять на абордаж. Сколько я предоставил им оказий! Я нарочно подставил корабли под удар, чтобы заманить их на борт; но они не ведутся, и ничего нельзя поделать, ибо корабли их быстры, а наши очень медленны». Англичане, таким образом, гнали испанскую флотилию вперед «как стадо овец», пока Медина-Сидония не достиг гавани Кале.

Впрочем, гавань эта стала для них убежищем ненадолго. В полночь 28 июля, в воскресенье, Говард приказал направить восемь судов-брандеров в скопление стоявших на рейде испанских кораблей; испанцы принялись лихорадочно рубить якоря, чтобы укрыться в морских просторах и темноте ночи. На следующее утро испанский главнокомандующий собрал уцелевшие корабли неподалеку от Дюнкерка; англичане, воспользовавшись подарком судьбы, пошли в атаку. Гравелинское сражение стало решающим боем всей кампании. Англичане пошли в атаку на

испанский флот и стали обстреливать корабли противника из своих пушек. Три галеона затонули или были захвачены вместе с целым рядом менее крупных судов. «Я не стану отчитываться ее величеству, пока не добьюсь еще больших результатов, — писал Говард Уолсингему. — Их войско громадно и могущественно; и все же мы ощипываем его перышко за перышком».

Испанская флотилия действительно теряла свое оперение. В ходе конфликта испанцы лишились восьми галеонов, а многие матросы и солдаты погибли или были при смерти. Ни одно английское судно не получило серьезных повреждений. Герцог Пармский оказался в западне; он отсиживался в Ньивпорте, а Армада тем временем была не в состоянии прибыть к назначенному месту встречи. Голландский флот, враждебный по отношению к герцогу, не давал ему уйти. Затем ветер сменился на вест-зюйд-вест, отбросив испанские суда с отмелей назад в Северное море. У англичан не осталось орудий для сражения, но вместо этого они «с бахвальским куражом» преследовали их вдоль побережья. 31 июля сэр Фрэнсис Дрейк писал: «Мы следуем за испанской армией и намереваемся… вступить с ними в бой… Не сомневаюсь, в скором времени

мы зададим им такого жару, что герцог Сидония захочет оказаться среди своих апельсиновых рощ в порту Святой Марии».

В это время Елизавета прибыла из Лондона на смотр армии в Тилбери. Когда королевский баркас причалил к блокгаузу, в честь королевы дали пушечный залп. Ее встретил эскорт из тысячи всадников и двух тысяч пехотинцев, и на следующий день она приняла участие в официальном смотре войск, проезжая между фалангами солдат «подобно царице амазонок». В своей речи она торжественно заявила, что ее призывали воздержаться от выступления перед толпой, однако она пренебрегла подобной осторожностью; она могла положиться на доверие и преданность своего народа. Затем, как предполагается, она сказала, что готова «жить и умереть вместе с вами за моего Бога, за мое королевство и за мой народ, мою честь и кровь. Я знаю, тело мое — тело хрупкой и беспомощной женщины, но в нем таится сердце и отвага короля, и короля Англии в том числе». Действительно ли она произнесла эти слова — вопрос спорный, однако смысл ее вдохновенной речи, изложенной в более позднее время, несомненно, достоверен. Солдаты ответили на воззвание королевы ликующими криками.

В полдень она удалилась в шатер Лестера, чтобы отобедать в его компании.

Несмотря на все невзгоды, испанская флотилия, потрепанная и деморализованная, упорно продолжала двигаться вдоль побережья Шотландии. Отмечали, что шотландский король сдержал слово, данное Елизавете, и не поддерживал Испанию даже тайно; Яков сообщил испанскому послу при своем дворе, что «единственная благосклонность, которой он ждет от испанцев, — это великодушие Полифема к Одиссею, милостиво пообещавшего съесть его последним».

Когда корабли достигли северного побережья Шотландии, капитанам было приказано как можно скорее отправляться назад в Испанию. Четверо или пятеро человек ежедневно погибали от голода, а всех лошадей пришлось выбросить за борт, чтобы сэкономить пресную воду. Оказавшись в Ирландском море, испанская флотилия попала в шторм, который выбросил суда прямо к берегам Ирландии. Кораблекрушения привели к значительным человеческим жертвам, однако к ним добавилась гибель людей на суше. Один ирландец, Мелагин Маккабб, хвастливо заявлял, что собственноручно зарубил восемьдесят испанцев своей секирой. Английский посол в

Париже сообщал своему венецианскому коллеге, что девятнадцать судов потерпели крушение и повлекли гибель семи тысяч человек; согласно другим отчетам, жертв было куда больше. Лишь половина Армады вернулась в Испанию менее чем с половиной всего экипажа. Сам Филипп II сохранял невозмутимость — или безразличие. На то была, по его словам, воля Господа. Но в душе он неистовствовал и, стоя на коленях, клятвенно обещал, что однажды Англия ему покорится, даже если для этого придется превратить Испанию в безжизненную пустыню.

Впрочем, к английским торжествам, приуроченным к победе, примешивались более мрачные настроения. На улицах портовых городов Ла-Манша тысячи моряков умирали от сыпного тифа и цинги; они победили врага, но не могли побороть болезни. После разгрома Армады лорд-адмирал писал Берли, что «немочи и смерти множатся среди нас удивительным образом», и попросил выделить деньги на продовольствие и одежду. Однако разорительные военные траты истощили казну Елизаветы. Она оставила свой народ на произвол судьбы.

Еще одна жертва войны стала для нее личной утратой. Граф Лестер, изнуренный нидерланд-

ской кампанией, «слег с лихорадкой», переросшей в «затяжную горячку». Его смерть никого особенно не опечалила, кроме самой королевы. Графа считали невеждой и зазнайкой. Историк того времени Джон Стоу писал: «Все, от мала до велика, открыто радовались его смерти ничуть не меньше, чем недавней победе над испанцами».

Елизавета хранила последнее письмо, написанное ей Лестером, в маленькой деревянной шкатулке; она была обнаружена возле постели королевы после ее смерти. Впрочем, душевное смятение, вызванное смертью графа, никак не повлияло на ее прагматичный характер. Граф оставил после себя задолженность перед казначейством, поэтому королева приказала продать его имущество на публичных торгах, чтобы компенсировать свои потери. Нашлись и другие выгоды. Позируя для знаменитого портрета «Армада» кисти Джорджа Гауэра, на котором торжествующая победу Елизавета изображена с императорской короной, королева надела жемчужные бусы, завещанные ей Лестером.

26 ноября Елизавета ехала к собору Святого Павла в богато украшенной колеснице, запряженной двойкой белоснежных лошадей, для заключительного торжества. Подобной ошело-

мительно грандиозной процессии не видали со времен ее коронации тридцатью годами ранее. На следующий год Эдмунд Спенсер завершил работу над первыми тремя томами стихотворной поэмы «Королева фей», в которой в образе Глорианы предстает сама Елизавета.

В конце 1588 года молодой человек бежал по лондонскому Стрэнду, крича толпе: «Если хотите увидеть королеву — поспешите». Говорили, что она вот-вот должна была появиться во внутреннем дворе Сомерсет-Хаус. Жители сломя голову бросились к зданию. Уже опустились сумерки, когда в пять часов вечера среди ярких вспышек факелов внезапно возникла королева.

Да хранит тебя Бог, мой верный народ!

Да хранит Бог Ваше величество!

Возможно, у вас и будет правитель более великий, чем я, но у вас никогда не будет правителя более любящего, чем я!

Елизавете удалось достичь небывалых вершин славы и авторитета, однако разгромное поражение Армады привело и к другим удивительным последствиям. Миф о морском могуществе Англии теперь вжился в национальное самосознание, слившись в единое целое с победой над католичеством и защитой истинной рели-

гии. Дрейк и Хокинс перевоплотились в новых протестантских героев, сражающихся во имя национальной свободы. Папское проклятие спало совершенно невероятным образом. Елизавета писала герцогу Флорентийскому: «Совершенно очевидно, что нам, нашему народу и королевству ниспослано благословение Божье, и куда ни глянь — процветание, мир, послушание, богатство, могущество и прирост наших подданных».

Папа римский Сикст V сделал попытку оправдаться, заявив, будто всегда знал, что испанцы проиграют войну. Испанский посол, услышав это, поздравил его со столь выдающимся даром ясновидения. Папа же «закатил глаза и с набожным видом возвел очи долу». Испания потеряла статус непоколебимого поборника католицизма в христианском мире, а папский престол умерил свои аппетиты. Теперь английские католики пытались приспособиться к государственной церкви, а несогласные подвергались еще более рьяным гонениям.

Смерть графа Лестера способствовала продвижению на служебном поприще еще одного королевского фаворита, Роберта Девере, второго графа Эссекса, которому на момент сражения с Армадой исполнилось двадцать два года. Он был

воспитанником Берли с самой смерти своего отца, сэра Уолтера Девере, внезапно скончавшегося от дизентерии в Ирландии в 1576 году. Двумя годами позже Лестер женился на его вдове, графине Эссекс. Лестер стал для молодого человека отчимом, а по совместительству и крестным отцом. Юный граф Эссекс, таким образом, был благословлен вдвойне.

Роберт Девере всегда отличался нетерпеливостью и честолюбием, стремясь к власти и славе. Говорили, что «он целиком и полностью предан оружию и войне»; однако он вдобавок обладал талантом красноречия и незаурядным умом. Он верил — или утверждал, что верит, — в важность «добродетели», как в ратном деле, так и в законах нравственности; мужественность шла рука об руку с набожностью, отвага — с милосердием и справедливостью. Граф Эссекс преследовал цели «служения общественному благу, ради которого мы все рождены». Он, как и следовало ожидать, был приверженцем протестантизма и благоволил протестантам более радикального толка. Темпераментный и энергичный, Девере выгодно отличался от более пожилых и консервативных советников, служивших при Елизавете. Он «легко обижался и с трудом отходил от обиды»; не мог

«ничего утаить в себе», «ходил с душой — будь в ней любовь или ненависть — нараспашку» и порой был жертвой нервного срыва. Говорили, что двор переменился до неузнаваемости и теперь, казалось, началось новое царствование. В действительности же он просто вступил в более мрачный и обособленный период, жертвой которого стал сам Эссекс.

37. Покайся! Покайся!

То обстоятельство, что значительная доля военного контингента, сражавшегося с Армадой, представляла собой приверженцев пуританских верований, не прошло незамеченным. Иезуит Роберт Парсонс писал, что «пуританская община в Англии считается наиболее активной из всех — иными словами, самой ревностной, находчивой, храброй и решительной; к тому же на их стороне, что немаловажно, большая часть капитанов и солдат».

Пуритане могли собрать огромную когорту последователей по всей стране, в особенности после морского разгрома папистов, и не вызывало сомнений то, что они пользовались поддержкой многих членов палаты общин. Их влияние стало очевидно еще два года назад, во время парламентской сессии 1586 года. Палата общин представила несколько законопроектов, направленных на ограничение власти и полномочий епископов, в связи с чем встревоженный архиепископ Кентерберийский отправил срочное послание королеве. Елизавета уже множество раз

предупреждала парламент не вмешиваться в религиозные дела. Она отправила послание палате общин, укорив их за неподчинение приказам и посягательство на ее верховенство. Она поручила спикеру «проследить, чтобы никакие законопроекты, касающиеся религиозных реформ, не представлялись на рассмотрение, а, будучи все же представленными, не получили дальнейшего хода». «В частности, — сообщил спикер палате общин, — ее величество приказывает вам ни в коем случае не удостоивать своим вниманием и временем надоедливые ходатайства тех, кто в народе зовется пуританами…»

Впрочем, палата общин назиданий не устрашилась и приняла петицию об отмене всех существующих законов, касавшихся церковного управления. Предлагалось «новое руководство по богослужению» в качестве замены традиционной литургии. Никогда еще парламент не отваживался на столь масштабные меры; это свидетельствовало о том, что утверждение пуританской идеологии теперь носило более систематический и принудительный характер. Однако она достигла апогея и должна была пойти на спад.

На предложение о рассмотрении нового

руководства спикер ответил, что королева недвусмысленно запретила членам парламента вмешиваться в религиозные вопросы. Он предрек крайнее неудовольствие Елизаветы и, как и следовало ожидать, немного позже получил очередное послание дворца. Елизавета приказывала ему прислать ей петицию и книгу, а также отправить нескольких наиболее фанатичных парламентариев в тюрьму. «Боюсь, — сокрушался один из членов, — вскоре все придет к тому, что благие дела во имя Господа и ее величества начнут считать пуританством». Это был другой этап отношений между монархом и парламентом.

Распространению пуританской идеологии способствовала и серия памфлетов. За так называемыми трактатами Мартина Марпрелата стоял вымышленный автор. «Мартин» предпринял серию сатирических атак в семи различных трудах против «жалких антихристов, гордых прелатов, несносных поборников Реформации, врагов Евангелия и алчных безнравственных священников». С остроумием и воодушевлением «Мартина» могла соперничать его воинственная задиристость. Он называл духовенство «развращенными, фанатичными и окаянными священниками. Мои рогатые владыки, ваше государство антихри-

стианское; ваше дело безнадежно; ваши догмы смехотворны». Он стремился подорвать авторитет епископов, рисуя их абсурдный образ. «Я, пожалуй, пощажу [епископа] Джона Лондонского в этот раз, ибо он, должно быть, занят игрой в кегли, и негоже будет тревожить моего благочестивого брата, а то, не дай бог, разразится проклятиями…»

Ответным шагом приверженцев государственной церкви стали трактаты «Наушник для идиота Мартина, чтобы помалкивал» и «Кнут для обезьяны. Мартин напоказ». Один из них, как сообщалось, был «напечатан между небом и землей, в миле от дуба и в нескольких полях от опального печатного станка прихвостней Мартина-младшего». Ричард Бэнкрофт, казначей собора Святого Павла, впоследствии ставший архиепископом Кентерберийским, обвинял пуритан в раскольничестве и разжигании розни в церкви. «Ее величество стала жертвой порочной хулы [оскорблений]. Ее власти брошен вызов и звучат дерзкие угрозы. Гражданское правительство поставлено под сомнение. Прерогативы монарха пристрастно проверяются». Пуритане вплотную приблизились к тому, чтобы стать церковью в церкви, со всеми вытекающими последствиями.

Мартин Марпрелат и антимартинские трактаты представляли собой апогей язвительности протестантских споров. Именно к тем временам восходит традиция изображать пуритан на сценах елизаветинских театров в образе персонажей-посмешищ. В шекспировской «Двенадцатой ночи» Мальволио, «вроде как пуританин» (по словам Марии), на двенадцать лет предвосхищает Ребби Бизи, по имени Ревнитель, из «Варфоломеевской ярмарки» Бена Джонсона. «Я повергну Дагона. Я не в силах дольше выносить ваши кощунства… Я сокрушу и посрамлю Дагона… я сокрушу и посрамлю сего языческого идола, который здесь пребывает, ибо он есть бревно, но не бревно, из которого строятся дома и храмы, а бревно в глазу правоверных, и это большое бревно, и даже огромное и омерзительное бревно в глазу моем, ибо сии лицедеи и рифмоплеты, сии нечестивые скоморохи искушают взоры греховными плясками для осмеяния святых братьев и дела их, ибо все они — орудие в руках сатаны и порождение злобы его!»[86]

Памфлеты Марпрелата вскоре стали притчей во языцех всего Лондона, а тем временем

[86] Примечания: 86

Цит. по: *Бен Джонсон*. Варфоломеевская ярмарка / Пер. Т. Гнедич // Джонсон Б. Пьесы. М.; Л.: Искусство, 1960 (Библиотека драматурга). С. 719.

власти прикладывали огромные усилия, чтобы выследить писателя и печатника. Один тайный печатный станок обнаружили в Нортгемптоншире, однако местоположение других так и осталось загадкой. Удалось поймать некоторых подельников автора, которых затем оштрафовали или отправили в тюрьму, однако личность самого Мартина Марпрелата до сих пор доподлинно неизвестна. Впрочем, его боевой дух и находчивость могли быть признаком отчаяния. Тогда казалось маловероятным, что принципы пуританства окажут сколь-либо ощутимое воздействие на елизаветинский образ правления. Легкомысленная веселость Марпрелата, возможно, лишь указывала на то, что ему было нечего терять.

Пуритане нашли в лице архиепископа Уитгифта серьезного и непреклонного врага. «Название „пуритане“, — писал он, — весьма удачно дано им не потому, что они чисты верой[87]… а потому, что они возомнили себя *mundiores ceteris* — более чистыми, чем другие». На протяжении 1589 и 1590 годов вождей пуританского движения арестовывали и заставляли умолкнуть. Некоторых

---

[87] Примечания: 87

Puritans — от *англ.* pure, что значит «чистый». — *Прим. пер.*

даже заключали в тюрьму за отказ принести должностную присягу; они отказывались клясться, что будут отвечать правду на все вопросы в церковном суде. Это была своего рода намеренная провокация на изобличение себя самого. Весной 1589 года члены Верховной комиссии, авторитетные специалисты в религиозных вопросах, издали предписание, запрещавшее служителям всех лондонских приходов читать проповеди радикального толка. Один из видных пуритан, Томас Картрайт, был посажен во Флитскую тюрьму и в конечном счете предстал перед Звездной палатой. Как отмечал один из современников в следующем году, «секта эта значительно ослабла на фоне столь суровых судебных процессов».

Таков был результат. Парламентарии-пуритане оказались не способны реализовать свои цели и добиться продолжения Реформации. Пуританские печатни закрывали одну за другой, а охота за печатными станками Марпрелата превратилась во всеобщее преследование пуританского движения. Последовало десятилетие, которое характеризовали как время стабилизации и восстановления, когда на первый план вышла официальная религиозность, однако точнее было бы назвать его периодом безмолвных

закулисных противоречий, разыгрывавшихся в церквях и местах собраний. Пуританство более не являлось общественным движением или кампанией. Вместо этого оно укрылось в семейных очагах или затаилось в душах верующих, надеявшихся на лучшие времена. Движение пуритан действительно обрело новую силу в правление следующего монарха Якова I.

Между тем религиозные убеждения меньшинства резко контрастировали с безучастностью или равнодушием населения. Тайный совет получил отчет из Ланкашира, где утверждалось, что церкви в значительной массе пустуют, а в графстве развелось «великое множество мерзавцев и пьяниц». Подобная ситуация могла наблюдаться в Англии в любой период истории. Проповедников не хватало, а приходские священники были малограмотны; впрочем, за недостатком прихожан большой потребности в проповедниках не наблюдалось. Церкви «повсеместно стояли полуразрушенными, неотреставрированными или не оборудованными для богослужений», а приходские часовни, построенные для тех, кто не мог регулярно посещать приходскую церковь, «в отсутствие викариев пришли в полнейшее запустение и разруху». Народ «кишмя кишел

на улицах и пивных во время богослужений». Многие из этих людей, в сущности, оставались католиками, так и не принявшими новую веру и отводившими душу во время «храмовых праздников, пирушек, сельских гульбищ, майских забав, приношения камыша, медвежьих потех, голубиных бегов и так далее». Те, кто все же посещал церковные службы, делал это скорее по привычке, чем по набожности; во время обрядов миряне болтали, шутили или вовсе спали.

Другие попросту устали от религиозных разногласий и богословских споров; они в каком-то смысле были антиклерикалами, стремившимися прежде всего к порядку и безопасности. Их, чуждых всякого религиозного рвения, не особенно интересовали новые формы протестантской духовности. Если они и подчинялись канонам существующей религии, то только потому, что им так велели. Так происходил медленный процесс формирования церкви, которая впоследствии стала называться англиканской.

— Покайся! Покайся!

По улицам Лондона гулом прокатился крик. Йомен по имени Хакетт провозгласил себя королем Европы и новым мессией: «Скажите им в

Сити, что Иисус Христос пришел с лопатой[88] в руке, чтобы суд вершить на земле. И если какой человек спросит, где найти его, скажите, что он в доме Уолкера на Броукен-Уорф!» Хакетт заявил, что Елизавета узурпировала корону. Вскоре он оказался на эшафоте, где, испуская дух, взывал к Господу, умоляя вызволить его из рук врагов. «Иначе, — сказал он, — я подожгу небеса и сорву Тебя с трона Твоего собственными руками». Зрители пришли в ужас и призвали продлить процесс его потрошения. Такова типичная сцена Елизаветинской эпохи.

Филипп II, несмотря на разгром Армады, оставался могущественным врагом Англии. Он властвововал над одной из грандиознейших империй в истории человечества; он управлял Испанией, Португалией и большей частью Нидерландов; он владел Миланом и Сицилией, а многие города Италии находились в его полной зависимости. Он был повелителем Филиппинских островов, а также прибрежных поселений Малабара и Коромандела. Он владычествовал

[88] Примечания: 88

«…лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу…» (Мф. 3:12). — *Прим. пер.*

над Островами пряностей[89] в Индонезии. И конечно, он являлся властителем Нового Света по обе стороны экватора. Трофейное золото Южной Америки означало, что его доход вдесятеро превосходил доход Елизаветы. У него было регулярное войско численностью 50 тысяч человек, а у Елизаветы — никакой армии. Император Германии, как и Филипп, принадлежал к династии Габсбургов. Франция была разделена религиозным расколом.

Сэр Джон Пакеринг, лорд-хранитель Большой печати, обратился с речью к обеим палатам парламента о военно-морской мощи испанского короля через пять лет после Армады. Он предостерег собравшихся, что «велико было его могущество и прежде, теперь он явственно стократ сильнее… Он держит вооруженный флот, чтобы заблокировать всю торговлю между Англией, Гасконью и Гвинеей».

Тем не менее теперь Англия была готова бросить этой силе вызов и даже оскорбить ее. Весной 1589 года Дрейк разработал план нападения на Португалию. Елизавета по большому счету стала дольщиком в своеобразной акционерной компа-

---

[89] Примечания: 89

Историческое название Молуккских островов. — *Прим. пер.*

нии; она не имела ни средств, ни людей, чтобы сформировать собственную армаду. Предполагалось, что флотилия направится в Сантандер, однако вместо этого пришлось взять курс на Корунью, где она задержалась на две недели. Командиры кораблей не смогли обеспечить необходимые запасы.

В мае, вопреки приказам, суда отплыли в Лиссабон, на полпути к которому к ним присоединился юный граф Эссекс; англичане надеялись, что португальцы восстанут против своих новых испанских владык. Однако нападение на Лиссабон закончилось провалом, а ожидаемое восстание так и не состоялось. По сообщениям, шесть тысяч человек погибли в «этой бесславной кампании», как назвал ее один капитан; из тысячи джентльменов на борту вернулись лишь триста пятьдесят. Елизавета, крайне неудовлетворенная успехами англичан, приказала отозвать Эссекса.

Столь многообещавшая и столь провальная экспедиция отправилась обратно в Плимут. Дрейк оставался в королевской немилости еще несколько лет. Он растревожил Филиппа Испанского, не причиня ему значительного ущерба, потерпев, таким образом, двойное фиаско. До самых последних дней правления Елизаветы развитие

морского дела ограничивалось каперскими грабительскими налетами; каперство превратилось в коммерческую деятельность, с синдикатами дольщиков и легкодоступным капиталом.

Сэр Ричард Хокинс оставил весьма любопытные записи об английской кампании против испанского флота; его «Наблюдения» повествуют о путешествии в южные моря 1593 года. К примеру, о цинге он пишет следующее: болезнь можно распознать «по опухшим деснам, по продавливанию пальцем руки кожи на ногах… у других же она проявляется слабостью, а кто-то жалуется на боли в спине и так далее». Он упоминает «варку мяса в соленой воде» и порчу провизии от «испарений моря».

Благодаря его наблюдениям мы можем ближе познакомиться с истинной обстановкой морской войны в XVI веке. Хокинс отмечает, например, упрямство английских моряков, которые «втемяшат какую-либо причудливую идею себе в голову, и ни опыт, ни знания, ни примеры, ни доводы, ни авторитетное мнение не могут заставить их от нее отказаться». Когда же пытаешься убедить их, что атаковать два испанских судна будет большой ошибкой, они «ударяются кто во что горазд, кто бахвалится и фанфаронит, кто сыплет

упреками в трусости, кто причитает, что лучше бы уж сидел в своей стране и никуда не уезжал».

Хокинс призывает других капитанов не полагаться всецело на своих подчиненных в самые опасные минуты сражения. Излишек вина, например, «вселял чувство отчаянной и взбалмошной храбрости во многих, кто, одурманенный алкогольными парами, не разумел никакой опасности и лез на рожон; кто-то кичливо бахвалился; другие бранили испанцев на чем свет стоит; третьи брали с собой товарища на подстраховку и ни на шаг от себя не отпускали; все эти неблагоразумные выходки стоили жизни множеству бравых людей».

Сражаться без доспехов — безумное чудачество английского моряка. Испанец, обладая более воздержанным нравом и здравомыслием, с охотой облачался в доспехи, чтобы защитить себя. Англичанин же ими пренебрегал, «предпочитая быть застреленным пулей или пронзенным багром или мечом, чем потерпеть немного неудобств и мучений». В некоторых морских баталиях, сообщает Хокинс, «я видел, как крошечные осколки снарядов убивали и калечили множество моряков за раз, и пролетали целые пушечные ядра, не задевая никого».

Он осуждает тех, кто называет английских моряков пиратами, ведь «у англичан нет ни добрососедских отношений с Испанией, ни перемирия; они воюют; а потому не могут считаться пиратами. Кроме того, это Испания нарушила мир с Англией, а не Англия с Испанией; да и еще ввела эмбарго — что из всех вызовов есть самый позорный и заслуживающий порицания…»

Временная немилость Эссекса не способствовала снижению накала атмосферы при дворе, и летом 1589 года один из наблюдателей отмечал, что «никогда еще двор не видывал такого ожесточенного соперничества, такой завистливости, таких предательств, как сейчас». Несмотря на это, Берли находился в зените славы. Как заявил секретарь королевской печати одному из придворных, «старый Сатурн — угрюмая и своенравная планета, однако она здесь правит бал, и если тебе велено сделать так, а не эдак, — значит, нужно сделать так; и никак иначе».

Берли старательно и неослабно радел об успехе собственного сына Роберта Сесила, который во время болезни отца взял на себя большую часть его государственных дел. Он отличался весьма необычной внешностью. Один из современников описывал его как «худощавого и кривобокого

юношу с горбом на спине, низенького роста, но с лицом довольно миловидным и взглядом вдумчивым и проницательным, рыжеволосого, с жидкой коричневатой бородкой и огромными и жалостливыми зелеными глазами, со складом ума и манерами, подобающими придворной службе». Королева звала его «мой эльф» или «мой гномик»[90].

Сесил и Эссекс выросли в доме лорда Берли, один как сын, другой — как воспитанник, но беспрестанно ссорились друг с другом. Их соперничество особенно обострилось после смерти верного подданного Елизаветы Фрэнсиса Уолсингема весной 1590 года. Эссекс выступал за агрессивную внешнюю политику, поддерживавшую международное протестантское движение. Сесил с отцом придерживались оборонительной стратегии, стремясь удержать Испанию на расстоянии вытянутой руки. Эссекс воплощал в себе благородную и воинственную доблесть; Сесил, в сущности, был придворным карьеристом. Война для Эссекса была сродни спорту или игре; Сесис видел в ней источник расходов и опасностей.

Двое молодых людей, таким образом, сопер-

[90] Примечания: 90

В английских средневековых преданиях эльфы, как правило, отличаются маленьким ростом, что сближает их с гномами.

ничали за власть и благосклонность королевы. Шансов выиграть эту битву у темпераментного Эссекса попросту не было. Один из его компаньонов писал, что «сэр Роберт Сесил то и дело бегает туда-сюда из Лондона во двор и обратно, выходит с кипой бумаг в руках и кипой мыслей в голове и проносится через приемный зал, словно незрячий, не замечая никого на своем пути». На такого придворного королева могла положиться. Весьма скоро ему пожаловали рыцарский титул и назначили членом тайного совета. Именно он осуществлял власть в последние годы правления Елизаветы.

38. Заходящее солнце

Во время обеда королева поинтересовалась у своего резчика, что находится на одном из блюд с крышкой. «Сударыня, — ответил он, — это гроб». «Гробом» в то время называли определенный вид пирога.

«Дурак, — закричала она на него, — как можно было так назвать пирог?» Елизавета, которой шел шестидесятый год, начинала терзаться мыслями о собственной смертности. Ее веки поникли, а зубы с левой стороны выпали, из-за чего речь звучала невнятно и смазанно; она покрывала кожу толстым слоем белой пудры и носила огненно-рыжие парики. В 1593 году королева начала переводить на английский «Утешение философией» Боэция, латинский трактат VI века, — возможно, в качестве противоядия от признаков изможденности и старости, окружавших ее повсюду.

Глубина ее познаний, накопленных за эти годы, могла дать фору любому из придворных. Когда один из ее слуг осмелился заговорить с ней о политике Нидерландов, она резко его осадила:

«Цыц, Браун! Я-то уж побольше твоего знаю». А когда он завел речь по поводу Франции, она вновь его перебила: «Молчи, Браун! Мне ли этого не знать?»

Графа Эссекса наконец призвали в тайный совет. Он нанял двух выдающихся братьев, Фрэнсиса и Энтони Бэконов, в качестве советников по государственным вопросам. Энтони Бэкон прежде состоял на службе у Уолсингема и основал сеть тайных агентов по всему континенту, работавших на протестантское движение. Эссекс, таким образом, мог снабжать королеву ценной информацией. Он считал, что это дальновидное покровительство существенно упрочит его положение при дворе. Несмотря на это, ему никак не удавалось проникнуть в узкий круг особо влиятельных подданных в лице Берли и его сына. В свое время это вызвало чувство глубокой обиды и подозрения.

Последние четыре года Елизавета правила без парламента, однако ее пустая казна нуждалась в пополнении. В связи с этим в середине февраля 1593 года королева созвала парламент и через своего канцлера казначейства сообщила, что «собрала их вместе не для того, чтобы принимать новые законы или попусту тратить ценное время

на праздные разглагольствования, но проголосовать за выделение средств казне, чтобы ее величество могла защитить свое королевство от враждебных поползновений короля Испании».

Палата общин огласила свое традиционное требование о свободе слова и свободе от ареста. Елизавета удовлетворила требование с важной оговоркой, что «ум и речь таят в себе большую опасность, и их свобода речи ограничивается лишь ответом „да“ или „нет“». В качестве ответной меры на попытку королевы пресечь их дискуссии палата общин представила петицию с требованием урегулировать вопрос престолонаследия. Елизавета отправила двоих ее инициаторов во Флитскую тюрьму. С возрастом королева становилась все более деспотичной[91].

Парламент покорился неизбежному и проголосовал за выделение субсидий казне, а также принял законопроект «О приведении подданных ее величества к послушанию». Продемонстрировав силу воли, королева распустила парламент 10 апреля заключительной речью, где упомянула предполагаемое вторжение испанского короля. «Мне сообщили, что во время его послед-

[91] Примечания: 91

Спустя столетия британский историк лорд Актон стал автором афоризма «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

ней кампании некоторые жители прибрежных областей покидали свои города, оставляя их незащищенными и уязвимыми для захвата. Клянусь Господом Богом, если бы я знала этих людей или узнаю в будущем, я покажу им, к каким последствиям приводит страх в подобный решающий момент». В своем презрении она порой была бесподобна.

Елизавета сделала важное заявление по поводу своих внешнеполитических целей: «Возможно, кто-то сочтет меня недальновидной, ибо я, сидя на престоле, не стремилась раздвинуть границы своей империи и увеличить свои владения; этому способствовали благоприятные обстоятельства… Должна сказать, в намерения мои никогда не входило вторгаться в государства моих соседей или узурпировать их власть. Мне довольно справедливо править своим королевством». Она неявно сравнивала себя с испанским королем. В отличие от него ее первостепенной задачей было поддержание мира в стране и защита от внешней угрозы.

Принятый парламентом законопроект о «послушании» был нацелен на борьбу с папистами и раскольниками. Посещение тайных сектантских молебнов и незаконных собраний приравнива-

лось к служению мессы; католики и радикальные протестанты, таким образом, в равной степени рисковали угодить в тюрьму. Объявлялось, что все жители старше шестнадцати лет, отказывающиеся посещать церковные службы в течение одного месяца, подлежат тюремному заключению; повторное нарушение приведет к изгнанию из королевства; повторный отказ после возвращения из ссылки карается смертной казнью. Католикам запрещалось отдаляться от своих домов больше, чем на восемь километров. Для папистов, в сущности, Англия превратилась в своеобразную тюрьму открытого типа.

Репрессии католиков и пуритан служат подходящим контекстом для появления важнейшего религиозного трактата той эпохи. «О законах церковного устройства» Ричарда Хукера, первые четыре тома которого вышли в 1594 году, — красноречивое и авторитетное повествование о том, что можно назвать «срединным путем» елизаветинского религиозного урегулирования.

Хукер заявил, что во многих случаях религиозная полемика возникает по совершенно пустяковым вопросам. Он критиковал пуритан за чрезмерное значение, которое они придавали Священному Писанию, служившему эталоном

для доктрины, но не каноном духовной практики. Необязательно в точности следовать заветам апостолов как непреложным законам. Англиканская церковь, как и другие общественные институты, может устанавливать законы для собственного управления при условии, что они не противоречат Писанию, и человек может вмешиваться в те вопросы, на которые у Писания нет ответа. Пуританская вера в *sola scriptura*, что только Библия содержит все знания, необходимые для спасения души, ничем не обоснована. Церковь, таким образом, может вводить свои собственные обряды. Все те, кто родился в пределах сферы влияния или приходов государственной церкви, должны ей подчиняться. Она есть мать всех.

Церковь зримая была далека от совершенства, поневоле включая в себя как святых, так и грешников, но ведь и она существовала в несовершенном мире. Попытки добиться ясности в вопросах, неисповедимых в земной жизни, ни к чему не приводят; споры о предопределении нецелесообразны и вредны, поскольку правда никогда не откроется на земле. Конгрегации верующих должны полагаться на молитвы и таинства как духовные стержни их веры. На таком фундаменте зиждилось религиозное сообщество.

Относительно кальвинизма в Женеве Хукер отмечал: «Наше убеждение таково, что о нем известно лишь нашей эпохе; что те, кто его защищает, его же и придумали; что ни Христос, ни апостолы никогда не проповедовали его, совсем наоборот». Он признал, что католическая церковь по-прежнему является частью семейства Иисусова, то есть христианской церкви, но запятнана «гнусными и чудовищными кощунствами»; англиканская церковь была церковью истинной, очищенной от этих пороков.

Хукер заявил далее, что церковь и государство представляют собой фундаментальные основы всеобщего блага и оба должны подчиняться естественному Закону Божьему, как его понимает человеческий разум. Христианское учение о Троице, например, не выражено в Библии явно, поэтому оно должно выводиться путем рассуждений. Взаимодействующие институты — церковь и государство — могут управляться христианским монархом. Христианский мир являет собой церковь зримую, сплоченную воедино молитвами и священными обрядами. Хукер далее приводит аргументы в обоснование англиканской церкви. Можно с уверенностью утверждать, что англиканство не существовало до появления

его трактата.

Томас Фуллер в «Церковной истории Британии», написанной двумя поколениями позже, отмечал: «Голос господина Хукера был тих, рост невелик, а мимика отсутствовала; неподвижно стоял он за кафедрой, своей позой отражая ум, неколебимый во мнениях».

Эссекс при помощи братьев Бэкон сосредоточил в своих руках контроль над всей разведкой. Он сыграл важнейшую роль в раскрытии очередного заговора против королевы. Антонио из Крату[92], претендент на трон Португалии, нашел убежище в Англии. Когда обнаружилось, что некоторые его сторонники продают тайны испанцам, Эссексу поручили расследование. В ходе следствия он обнаружил — или по крайней мере открыто заявил об этом, — что португалец Родриго Лопес, врач королевы, собирался отравить ее. Хоть Лопес внешне и выдавал себя за протестанта, на поверку он оказался евреем. Подозрения на его счет были, таким образом, частью антисемитской атмосферы, в которой родился «Мальтийский

[92] Примечания: 92

Антонио из Крату (1531–1595) — приор мальтийских рыцарей в Португалии, внук Мануэла I Счастливого от его второго сына Луиша.

жид» Кристофера Марло[93].

Роберт Сесил, не склонный вставать на сторону Эссекса в важных вопросах, доложил королеве, что против ее доктора никаких доказательств нет. Елизавета назвала Эссекса «легкомысленным и безрассудным юнцом». Тогда Эссекс, стремясь защитить свою репутацию, удвоил усилия. Именно тогда ему наконец удалось раскрыть заговор. Лопеса забрали в Тауэр, где в ходе пыток он во всем сознался. Его приговорили к смертной казни. Эссекс снискал еще большую славу благодаря тому, что спас жизнь своей госпоже; по словам одного из современников, он «выиграл и шпоры, и седло».

Но никакая слава в мире не могла скрыть атмосферы растущего беспокойства советников Елизаветы. За последние пять лет XVI века серия неурожаев привела к беспрецедентному росту цен на жизненно важные товары. Четыре года подряд, начиная с 1594 года, отмечались худшие условия жизни за всю Елизаветинскую эпоху, а

---

[93] Примечания: 93

Ср. русские переводы: *Марло К.* Мальтийский жид / Пер. М. Шелгунова. СПб., 1882; *Марло Кристофер.* Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961 (пер. В. Рождественского под названием «Мальтийский еврей»). Интересно, что Марло — единственный современник, которого в своих произведениях цитировал У. Шекспир.

цена муки выросла втрое с 1594 по 1597 год. За последний год реальная заработная плата упала ниже, чем в любой период с 1260 года. Доля семей, не имевших достаточных земельных наделов, чтобы прокормиться, непрерывно росла. Выросло количество бродяг, вынужденных скитаться по улицам в поисках работы. У многих жителей не хватало денег на пропитание; нехватка продуктов привела к массовому голоду и стала благодатной почвой для сыпного тифа и дизентерии невиданных прежде масштабов. В архивах города Ньюкасл за осень 1597 года значится запись о похоронах за счет городского бюджета двадцати пяти «бедняков, что умерли от нужды на улицах». Таковы обстоятельства тех жалоб, которыми Титания делится со своим мужем и королем эльфов Обероном в шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь», поставленной в 1595 или 1596 году:

И вол тянул ярмо напрасно; пахарь
Без пользы тратил пот; зеленый злак
Сгнил юным, усиков не отрастив;
Загон пустует в наводненном поле,

Овечьим мором сыто воронье[94].

Таким образом, это было время всеобщего волнения и недовольства. В 1595 году мэр Нориджа получил анонимное письмо с предупреждением, что 60 тысяч лондонских ремесленников ждут сигнала о начале восстания. Летом того же года сэра Томаса Уилфорда назначили начальником военной полиции Лондона с приказом арестовывать мятежников и, согласно правосудию военного положения, незамедлительно вешать. Это пример того, как исключительное право королей могло отменить нормы общего права.

Один арестованный сельский работник из Эссекса жаловался, что зерно грузится на суда и продается врагу: «Я буду одним из тех, кто восстанет и соберет человек восемьдесят-девяносто народа, чтобы пойти и отобрать зерно… кто посмеет встать на пути у такой толпы?» Как заявил один житель Кента, «он надеется, что в королевстве разразится великая война и обрушится страданиями на богачей, чтобы поквитались они за их черствость к бедному люду». Осенью 1596 года граф Бат написал тайным советникам, что они должны приказать дворянам Девона

[94] Примечания: 94
Пер. М. Лозинского.

вернуться в свои поместья «и быть готовыми отразить натиск низов народа, если те внезапно взбунтуются от безысходности, что без должной бдительности они могут и непременно сделают». Зачинщик восстания в Оксфордшире в 1596 году заявлял, что «положение никогда не наладится, пока дворяне не будут прижаты к ногтю».

На фоне подлинных страхов мятежа устойчиво росло число уголовных обвинений, о чем свидетельствует статистика за 1590-е годы. «Низшую массу» то и дело критиковали за нерадивость и праздность, и угроза бунта снизу лишь усугубляла атмосферу безысходности, царившую в последние годы правления королевы. К концу десятилетия был принят свод законов о бедных, возлагавший ответственность за бедняков на церковные приходы; средства на поддержание неимущих и безработных обеспечивались за счет приходского налога в пользу бедных. Мировые судьи назначали «попечителей» для нищей братии, которые содержали и управляли приходскими работными домами. Эта основа социального законодательства представляла собой важнейший аспект общественной жизни на протяжении двух с лишним столетий, вплоть до принятия нового Закона о бедных в 1834 году.

Она, вероятно, в значительной мере помогла предотвратить социальную или политическую революцию, став основой порядка в королевстве.

В то время на Елизавету и ее советников сыпались упреки в нерешительности и нерадивом управлении страной. Томас Уилсон в собрании сочинений под названием «Государство Англия в 1600 году от Р. Х.» сетовал, что тайные советники «допускают лишь немногих до дел государственной важности из-за страхов их разглашения, — рискуя тем самым обнаружить свои махинации, — поэтому позволяют очень немногим достичь важных позиций». Да и, по правде говоря, королева не становилась моложе. В том 1596 году она достигла переломного шестидесятитрехлетнего рубежа, внушавшего столько благоговейных страхов. Епископ Энтони Рад из Сент-Дейвидс в великопостной проповеди поздравил ее со счастливым долголетием, дарованным судьбой. Он поделился соображениями по поводу сакральной арифметики, сказав, что семь на девять вместе дают шестьдесят три. Рад процитировал отрывок из Священного Писания, в котором говорится о пожилом возрасте: «И перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в

окно» (Екк. 12:3).

Елизавета назиданиями не прониклась. По завершении проповеди епископа она открыла окно своей личной часовни и заявила ему, что «нужно было оставить свою арифметику при себе». А потом добавила: «Впрочем, великие служители церкви никогда не блистали мудростью». Через несколько дней во дворце «она возблагодарила Бога, что ни ее желудок, ни сила, ни певческий голос, ни гибкость музыкальных пальцев, ни даже зрение ни на толику не ослабли». Она не позволяла придворным художникам использовать светотень на ее портретах, поскольку тень «лишь случайна и по своей природе на лице не присутствует». Тайный совет запретил распространение любых не санкционированных двором портретов. Любые полотна, где присутствовал хоть какой-то намек на старость королевы, «из-за ее великого оскорбления» сжигались в печах. Николасу Хиллиарду заказали написать стилизованный — или маскообразный — портрет Елизаветы, который затем могли копировать менее талантливые художники. Английская живопись по-прежнему оставалась преимущественно консервативной. Эти умонастроения отражены в поэтической рапсодии Фрэнсиса

Дэвисона:

Утро жизни и поныне озаряет ее чело,

Благоуханной молодостью и красотой,

Что в блеске глаз и щек румянце искрится...[95]

Но в ее королевстве сгущались сумерки. Придворные, долгие годы служившие королеве, один за другим умирали; в 1596 году, к примеру, Пакеринг, лорд-хранитель Большой печати, сэр Фрэнсис Ноллис и лорд Хандсон ушли с королевской службы в мир иной. Именно в свете этих событий граф Эссекс принял участие в подготовке великой экспедиции против Кадиса, чтобы еще раз «подпалить бороду» испанскому королю. Поговаривали, что Эссекс безумно устал от придворной жизни в окружении одних стариков. Его сестра называла его «утомленный рыцарь», поскольку он всегда казался «уставшим и жаждущим перемен». В его силах было вдохнуть новую энергию и восстановить честь королевского двора.

В начале июня 1596 года огромная английская

---

[95] Примечания: 95

Time's young hours attend her still, / And her eyes and cheeks do fill, / With fresh youth and beauty...

армада покинула берега Англии и взяла курс на Испанию; флотилия состояла из восьмидесяти двух кораблей под командованием трех человек, одним из которых был Эссекс. Французский король Генрих IV шутил, что Елизавета вряд ли захочет отпускать Эссекса далеко от своей юбки. В этом была доля правды. Королеве никогда не казались убедительными притязания Эссекса на воинскую доблесть. Однако экспедиция в Кадис окончилась оглушительным успехом: вторжение англичан застало испанцев врасплох и город удалось взять в ходе непродолжительной атаки. Эссекс хотел остаться там навсегда, однако истощившиеся припасы вынудили его вернуться со своим войском в Англию.

Победа принесла еще одну награду. Властям Кадиса пришлось затопить в своей гавани испанскую флотилию, чтобы та не попала в руки к врагу; потеря судов обошлась Филиппу Испанскому в двенадцать миллионов дукатов. Это была поистине славная победа, укрепившая статус Англии как повелительницы морей. Эссекса чествовали как главного победителя — все, кроме самой королевы, которая отметила, что экспедиция стала скорее «победоносной кампанией против врага в защиту чести Англии и в особен-

ности прибыльным делом для армии, чем для ее собственных интересов». Елизавету не прельщала военная слава; она жаждала испанского золота, которое поделили между собой наиболее преуспевшие английские солдаты, и гневалась на Эссекса за то, что он ничего не оставил для нее. Слышали, как она мимоходом заметила, что раньше она пыталась угодить ему, а теперь научит его, как угождать ей.

Эссекс и в ту пору отличался невероятной обидчивостью, порой доходящей до помешательства. Когда лорду Говарду из Эффингема пожаловали титул графа Ноттингема в честь его заслуг в победе при Кадисе, Эссекс воспринял это как личное оскорбление. Он разъярился при одной мысли о такой награде и попросил королеву отменить ее. Его протеже Фрэнсис Бэкон посоветовал ему умерить свое негодование. В противном случае королева сочтет его «человеком с вздорным характером, который пользуется ее особой расположенностью и знает это». Именно поэтому она продолжала проявлять благосклонность к его заклятому сопернику. В самый разгар кадисской экспедиции королева назначила Роберта Сесила министром.

Стало очевидно, что Эссекс потерял статус лю-

бимого фаворита и превратился лишь в одного из королевских советников при дворе, которого называли «отравленным ядовитыми укусами ухмыляющихся врагов». Роль главного советника, как и прежде, играл лорд Берли, однако он тоже был в летах. По воспоминаниям французского посла, Берли производил впечатление «горделивого человека, самонадеянного в своих суждениях»; он обладал «своего рода конфликтным и своевольным характером» с «гневливым нравом».

Казалось, сама Елизавета с возрастом стала больше подвержена вспышкам ярости. Весной 1597 года один из придворных, Уильям Фентон, сообщил, что королева «кажется, ведет себя более резко по отношению к своим фрейлинам, нежели прежде, не держит с ними беседу на дружелюбной ноте, но бранит за мелкие провинности, да так, что прекрасные девы почасту рыдают и сокрушаются самым жалостливым образом».

У одной из этих «прекрасных дев», леди Марии Говард, было платье, не уступавшее своей роскошью нарядам королевы. Елизавета приказала принести ей платье и украдкой надела его. Оно оказалось слишком коротким. Королева отправилась в один из дворцовых покоев и

поинтересовалась у дам, «что они думают о ее новомодном наряде». В ответ последовала неловкая тишина, и тогда королева поднялась в комнату самой леди Марии и спросила, «не слишком ли коротко и непригоже сидит на ней платье». Та согласилась. «Что ж, — сказала королева, — если оно не идет мне, раз слишком коротко, то, полагаю, не пойдет и тебе, раз слишком красиво; значит, не подходит ни одной». Платье больше никогда не надевалось.

Под ее горячую руку во время аудиенции в 1597 году попал и польский посол. Его приветственная речь показалось королеве более высокопарной, тем того требовал случай, и она обрушилась на него с критикой. Сесил впоследствии сообщил Эссексу: «Ее величество произнесла один из лучших экспромтов на латыни, которые я когда-либо слышал». Она начала свой ответ с *Expectavi orationem, mihi vero querelam adduxisti!* — «Я ожидала услышать речь, а получила жалобу в свой адрес!» «Несомненно, — добавила она, — с трудом верится, что, окажись здесь сейчас сам король, он стал бы говорить в таких выражениях!» Выговор несчастному послу продолжился. В конце королева, помолчав мгновение, обратилась к придворным: «Смерть Господня, милорды, ме-

ня сегодня вынудили вспомнить мою забытую латынь, что оставалась без дела долгие годы». «Смерть Господня» было расхожим ругательством в те дни.

Французский посол Генриха IV, удостоенный аудиенции у Елизаветы, докладывал, что «все то время, пока королева говорила, она часто вставала со стула и, казалось, была раздражена моими словами; она жаловалась, что от огня больно глазам, хотя камин закрывала большая решетка, а она сидела поодаль, однако приказала его потушить». Несмотря на это, Елизавета не изменяла своему ежедневному моциону. Она ездила верхом или прогуливалась каждый день, даже в дождь и холод. Ее фрейлины, радевшие о здоровье госпожи, как и о своем собственном, попросили Уитгифта вмешаться. Архиепископ умолял королеву оставаться во дворце в непогоду, однако та проигнорировала его совет.

Успешная кампания в Кадисе не избавила Англию от испанской угрозы. Через два месяца Филипп II снарядил очередную армаду; предполагалось, что флотилия направится в Ирландию, чтобы примкнуть к местным мятежникам. Однако штормы, разразившиеся возле мыса Финистерре, сорвали экспедицию. В 1597 году

Елизавета, глубоко раздосадованная сложившимся положением, отдала приказ о новой атаке под предводительством Эссекса и нового графа Ноттингема с целью разбить испанскую флотилию и перехватить суда с трофейными сокровищами возле Азорских островов. Экспедиция, впрочем, пошла не по плану, и англичанам не удалось подступить к испанским кораблям с золотом, которые беспрепятственно скрылись. Прежде чем вернуться в октябре к родным берегам, англичане, однако, смогли отразить удар еще одной армады против Англии — последней авантюры Филиппа. Облегчение, испытанное королевой от миновавшей угрозы, могло сравниться лишь с ее гневом на Эссекса, которому не удалось заполучить сокровища испанского «золотого флота». Его затянуло в порочный круг поражений и разочарований, что весьма скоро обернулось для него гибельными последствиями.

39. Непокорный слуга

Однажды летом 1598 года несколько придворных собрались на закрытое совещание с королевой, чтобы обсудить кандидатуру следующего лорда-наместника Ирландии; страна находилась в состоянии мятежа, поэтому действовать следовало крайне осмотрительно. В тот день на королевском совещании присутствовали Эссекс, Говард, Сесил и один или два других советника. Елизавета предложила назначить сэра Уильяма Ноллиса. Эссекс, знавший, что кандидатуру подсказал ей Сесил, вспылил. Елизавета отпустила в его сторону едкое замечание, и уязвленный Эссекс, скорчив презрительную мину, повернулся к ней спиной, что было смертельным оскорблением. Королева дала ему пощечину и велела «уйти и повеситься».

Тогда Эссекс схватился за эфес меча. Говард бросился между ними и тем самым не дал графу выхватить из ножен меч против своего сюзерена; за это полагалась смертная казнь. Эссекс, однако, поклялся, «что никогда бы не смирился с подобной оплеухой от короля Генриха, ее отца, и что

подобное оскорбление он не может и не станет ни от кого терпеть». Он пробурчал себе под нос что-то о «короле в юбке», прежде чем броситься вон из комнаты и удалиться от двора.

Канцлер Эджертон умолял графа написать челобитную королеве, однако тот отверг предложение, заявив: «Если я получаю неслыханнейшее из оскорблений, заставляет ли меня религия требовать прощения? Разве правители не ошибаются? Разве придворные не могут быть обижены незаслуженно? Пусть глупец Соломона смеется, когда его бьют…» Теперь Эссекс еще пуще неистовствовал против Роберта Сесила, требуя от лорда Кобэма, к примеру, «объявить себя либо его лишь другом, либо другом господина секретаря и его врагом; настаивая, что нейтралитет невозможен». Создавать фракции, впрочем, значило подвергать себя риску изоляции.

Тогда скончался лорд Берли. Елизавета ежедневно отправляла одну из своих фрейлин проведать его здоровье и отнести сердечное снадобье. Она говорила, что «денно и нощно молит небеса послать ему долгие лета жизни, иначе ее народу — а то и ей самой — понадобится сердечное лекарство». Ее «бесстыдник-крестник» Джон Харрингтон отмечал, что «болезнь лорда-каз-

начея до чрезвычайности беспокоит королеву». Берли умер 4 апреля, в возрасте семидесяти семи лет. Харрингтон добавил, что «ее королевское величество часто говорит о Берли со слезами на глазах и отворачивается, когда о нем заходит разговор, а порой и запрещает упоминать его имя в совете».

В следующем месяце Филипп II, король Испании, скончался от гноящихся язв[96]. Так, один за другим, ушли в мир иной два человека, игравшие значительную роль в правление Елизаветы. Королева, впрочем, не всегда спешила искать замену почившим советникам. Их число сократилось до десяти — вполовину меньше, чем в начале ее правления. Эссекс пять месяцев не показывался при дворе после своего поспешного отъезда; он вернулся осенью 1598 года, желая в очередной раз продемонстрировать свой воинский талант. Ирландия находилась в критическом положении. Местное ополчение, поднявшее мятеж под руководством Хью О'Нилла, второго графа Тирона, заманило в засаду английскую армию, посланную для его усмирения; в результате кон-

[96] Примечания: 96

В источниках называются различные причины смерти Филиппа II — от подагры и водянки до рака, последний упомянут в Британской энциклопедии.

тролируемые англичанами территории остались без защиты. В английских провинциях оставаться стало опасно, и многие поселенцы спасались бегством. Английской короне удалось сохранить лишь Ленстер. Считалось, что это была «величайшая потеря и позор для королевы за все годы ее правления».

Эссекс увидел в этом возможность реабилитироваться в глазах королевы и отправил ей письмо с предложением своих услуг. Не дождавшись ответа, он поспешил в Лондон, однако Елизавета отказалась принимать его. «Я остаюсь здесь, — сказал он, — с единственной целью: ждать ваших приказаний». «Передайте графу, — ответила королева, — что я ценю себя ничуть не меньше, чем он сам». За периодом молчания последовал раунд напряженных переговоров, в результате которых Эссекс наконец добился долгожданного назначения лордом-наместником Ирландии. Один из придворных писал: «Если лорд-наместник выполнит на поле сражения то, что пообещал в совете, все будет благополучно…»

Несмотря на это, отношения между королевой и графом оставались напряженными, и непринужденная симпатия прежних лет никогда не вернулась. Они спорили о численности войска,

которое необходимо было послать в Ирландию. Однажды раздосадованный Эссекс написал: «Как бы ее величество ни презирала меня, она узнает, что потеряла того, кто во имя ее опасность посчитал бы развлечением, а смерть — веселым праздником». Не изменяя своему непредсказуемому нраву, граф даже подумывал совсем отказаться от ирландской должности. Однако он прекрасно осознавал, что «не простит себе, если хотя бы не попытается».

В конце марта 1599 года Эссекс вышел в наступление с армией в 16 тысяч человек — самой крупной из когда-либо отправленных в Ирландию. Он решил атаковать Тирон с севера, с суши и моря одновременно; к несчастью, и кораблей, и лошадей было мало, поэтому он организовал экспедицию против Манстера и Лимерика. За два месяца кампании он так и не смог добиться сколь-нибудь значимых результатов. Терпение Елизаветы иссякало; время для нее значило деньги. Она гневалась на Эссекса за назначение графа Саутгемптона своим шталмейстером — вопреки недвусмысленному приказу королевы; граф также пользовался правом жалования рыцарского титула, которое она считала исключительно своей прерогативой. Неужели он метил в короли?

Елизавета послала ему письмо с категоричным приказом найти главного врага. Почему Тирон, этот «неотесанный худородный солдат», теперь считается «знаменитым мятежником»?

Так, по наущению Елизаветы, Эссекс выдвинулся на север с войском в четыре тысячи человек, чтобы дать бой Тирону. Ирландский предводитель выставил куда более многочисленное войско, и Эссекс согласился встретиться с ним для переговоров с глазу на глаз без свидетелей возле переправы на реке Лаган. Что они обсуждали и о чем договорились — неизвестно, однако, когда сообщения о встрече достигли Лондона, враги Эссекса с энтузиазмом принялись распространять слухи о предательстве. Тирон и Эссекс действительно договорились о перемирии, но остальные подробности покрыты завесой тайны. С этого времени граф упорствовал в неподчинении королевским распоряжениям. Вопреки приказу оставаться со своим войском, 24 сентября он покинул Дублин и отплыл назад в Англию.

Как Эссекс предвидел и боялся, его злополучная кампания обросла слухами и подозрениями при дворе. Враги графа воспользовались его отсутствием, чтобы распространять клеветнические сообщения о его поведении. Еще до отплытия из

Ирландии он написал своей госпоже досадливое письмо: «Однако почему я говорю о победе или успехе? Разве не всем известно, что от Англии я не получил ничего, кроме лишений и душевных ран? Разве в армии не судачат, что я лишен благосклонности вашего величества и Вы уже считаете, что и я, и моя кампания обречены на провал?»

Сообщалось, что Эссекс планировал остаться в Ирландии во главе своего войска до самой смерти королевы; тогда бы он смог вернуться героем-победителем. Сама королева считала, что он вступил в сговор с Тироном. Она заявила Фрэнсису Бэкону, что «во всех его действиях проглядывают собственные корыстные мотивы». Королева повысила Роберта Сесила до судебного распорядителя в Суде по опеке и ливреям — завидная должность, о которой мечтал сам Эссекс. Старший брат Сесила стал председателем Северного совета и занял не менее престижное положение.

Эссексу не терпелось как можно быстрее прибыть ко двору, располагавшемуся в тот момент в Несравненном дворце (Nonsuch Palace) в Суррее. Через четыре дня после отплытия из Дублина Эссекс прибыл во дворец и бросился в личную

опочивальню королевы. Он застал Елизавету «только что вставшей с постели, с неприбранными волосами». Эссекс склонил перед ней колени во время их разговора, который, казалось, несколько приободрил его. Впрочем, настроение королевы резко изменилось после ухода графа. Когда ее крестник Джон Харрингтон встал перед ней на колени, она воскликнула: «Боже правый, какая из меня королева! Этот человек мной повелевает! Кто дозволил ему приходить сюда в такую рань? Я послала его по другим делам».

Эссекса призвали в тайный совет для допроса о его поведении в Ирландии. Советом руководил Роберт Сесил. Советники обвинили Эссекса в неподчинении королевским приказам и самовольном уходе с его поста в Ирландии; его упрекали в слишком щедрой раздаче «незаслуженных» рыцарских титулов и во вторжении в королевскую опочивальню без спроса. Его ответы затем передали королеве, которая сообщила, что «немного поразмышляет над ними». Эссекса тем временем посадили под домашний арест в Йорк-Хаус под наблюдением лорда-хранителя, а Елизавета удалилась в Ричмонд. По воспоминаниям одного из современников, Роулэнда Уайта, прислуга Эссекса «боялась встречаться, гулять и

веселиться — не дай бог, накличут беду». А тем временем враги Эссекса беззаботно проводили время за совместным обедом.

Как писал один из придворных осенью 1599 года, «время крайне опасное, ибо главы обеих фракций сейчас здесь, и не знаешь, как себя с ними вести. За тобой наблюдают тысячи глаз, следят за каждым твоим шагом — как же счастливы те, кто живет вдалеке отсюда». Тот же самый Уайт назвал имена главных членов группировок. На стороне сэра Роберта Сесила были графы Шрусбери и Ноттингем, а также лорды Говард и Кобэм вместе с сэром Уолтером Рэли и сэром Джорджем Кэрю. Эссекса поддерживали графы Саутгемптон, Вустер и Ратленд, лорды Маунтджой и Рич. Можно предположить, таким образом, что способность королевы держать в руках бразды контроля над придворной жизнью была не столь сильна, как прежде. Придворные уже не составляли единое целое, повинующееся ее воле.

К началу 1600 года атмосфера при дворе начала накаляться. Кто-то нацарапал на двери Сесила: «Здесь живет Жаба». Сэр Уолтер Рэли написал Сесилу, убеждая его не быть «снисходительным» к Эссексу. «Чем меньше Вы оказываете ему почтения, тем меньше вреда причинит он Вам

и друзьям Вашим; а ежели он потеряет расположение ее величества, то вновь опустится до заурядного простолюдина…» Эссекс, в свою очередь, сетовал в письме Елизавете: «Как если бы меня швырнули в угол, подобно мертвому телу, меня гложут и терзают самые презренные существа на этой планете». После того как в феврале вместо Эссекса в Ирландию отправили Маунтджоя, Фрэнсис Бэкон дискутировал с королевой, убеждая ее, что его господин лучше всех подходил для этой службы. «Эссекс! — воскликнула она. — Когда я отправлю Эссекса назад в Ирландию, я выйду замуж за *тебя*. Скажи мне об этом».

В июне 1600 года в Йорк-Хаус собрался суд по особым делам для рассмотрения дела графа Эссекса. Его попросили встать на колени в дальнем конце стола, за которым сидели советники; через какое-то время ему предоставили подушку; затем разрешили прислониться к шкафу и в конце концов позволили сесть на табуретку, а шляпу положить на пол позади себя. Один придворный вспоминал, что «в высшей степени печальное и жалкое зрелище видеть вчерашнего баловня судьбы, не удостоенного сегодня и малейшей чести, коей он прежде был одарен в избытке. Многие из присутствующих ударились в слезы

при виде столь унизительного падения».

Эссекса обвинили в «дерзком и вопиющем невыполнении распоряжений и ненадлежащем руководстве» в Ирландии; с него сняли клеймо предателя, однако признали виновным в «невыполнении распоряжений королевы». Вслед за тем его отстранили от своих обязанностей и приказали оставаться под домашним арестом на усмотрение ее величества. Казалось, теперь его единственная судьба — пребывать в отставке до самого конца правления королевы. На совет своего сторонника попросить у Елизаветы прощения граф ответил, что его враги «никогда не потерпят, чтобы я искал ее благосклонности». Когда во время бала тем летом одна из фрейлин выбрала роль «Привязанности», Елизавета сказала ей: «Привязанность! Привязанность — это выдумка». Примерно в то же время приказом тайного совета были изъяты из обращения все гравюры с портретами Эссекса и других вельмож. Последовало распоряжение, запрещавшее впредь «свободную продажу гравюр и эстампов с портретами любого дворянина или другого человека».

В Михайлов день, в самом конце сентября, закончилась лицензия Эссекса на таможенную выручку от ввоза сладких вин; королева не

стала ее продлевать, тем самым лишив графа значительной статьи дохода. Как сообщалось, Елизавета заявила: «Строптивого коня лишают фуража, чтобы стал послушнее да покладистее». Эссекс сильно задолжал кредиторам, и они могли в любую минуту потребовать возврата долга у любого из его слуг. Графа охватило бешенство, и он, по словам Харрингтона, «ударялся то в тоску и раскаяние, то в гнев и мятежное негодование — да так внезапно, что, кажется, здравый смысл покинул его…».

Со словом «мятеж» шутить было опасно. Эссекс написал Якову VI Шотландскому с предложением объединить усилия и изгнать из Англии Роберта Сесила и Уолтера Рэли; он сообщил королю Шотландии, что «со всех сторон меня просят положить конец злым умыслам, порочности и безрассудству этих людей и освободить нашу бедную страну, что стонет под тяжестью их ноши». Ответ Якова, по всей видимости, был сдержанным. Вероятно, что Елизавету и Сесила предупредили об этих махинациях, однако они ничего не предприняли; возможно, они ждали открытого предательства. Эссекс, к примеру, слышал, что совет уже допрашивал некоторых узников Тауэра, его союзников. В то Рождество

Елизавета танцевала куранту на придворном балу.

В начале 1601 года Эссекс принялся строить дальнейшие планы с самыми тщеславными своими сторонниками, которых он встретил в Друри-Хаус, лондонской резиденции графа Саутгемптона. Эссекс составил план, согласно которому он и его пособники захватят стражу дворца Уайтхолл, чтобы он смог беспрепятственно проникнуть в покои королевы; затем Эссекс, угрожая своим ополчением, потребует удаления своих врагов от двора. Если попытка не увенчается успехом, он потребует вновь созвать парламент для справедливого разбирательства.

Елизавета и ее советники наблюдали за событиями с некоторой тревогой. Что, если Эссекс нанесет удар раньше, чем ожидалось? Харрингтон сообщал, что «эти сорвиголовы подняли мятеж и стращают всяческими угрозами… королева весьма недовольна и в растерянных чувствах, переживания ее чрезвычайно утомляют. Она отказывается от дорогих скатертей и за обедом съедает лишь немного манше [хлеба из пшеничной муки] и пряной похлебки. Каждое новое сообщение из города вызывает у нее тревогу, и она ропщет на всех своих фрейлин».

Впоследствии он вспоминал, как Елизавета «ходит в беспокойстве по королевским покоям и топает ногой, услышав плохие новости, а временами гневно вонзает свой ржавый меч в шпалеру». Последний эпизод поистине достоин пера Шекспира.

7 февраля Эссекса призвали в тайный совет, однако он отклонил вызов. На следующее утро, в воскресенье, он собрал триста своих сторонников в Эссекс-Хаус; вместе с ними он намеревался отправиться к Кресту Святого Павла, где в этот день обычно собирались жители Лондона, чтобы послушать проповеди. Он надеялся убедить горожан и их подмастерьев примкнуть к его ополчению, не иначе как пообещав «спасти королеву от ее злых советников». Своим закадычным друзьям он признался, что «старуха скрючилась что телом, что умом». В его отряде оказался шпион Фердинандо Горджес, который и выдал все планы Сесилу. Лорд-мэр Лондона получил приказ разослать всех жителей по своим домам, а во дворце Уайтхолл вдвое усилили охрану.

Приблизительно в десять часов утра лорд-канцлер вместе с другими представителями короны прибыл в Эссекс-Хаус и потребовал его впустить; после небольшой задержки им разрешили вой-

ти. Пришедшие поинтересовались у Эссекса, почему его сторонники собрались с оружием в руках, на что он ответил перечислением всех тех несправедливостей, жертвой которых он стал. «Ты теряешь время, — убеждал его один из сторонников. — Долой их! Они предатели». Тогда Эссекс принял опрометчивое решение запереть их в собственном доме и вместе с союзниками выехал на улицы города. Размахивая пистолетами и рапирами, они кричали: «Сесил и Рэли продали Англию Испании! Граждане Лондона, восстаньте и защитите честь Англии и королевы!»

Граждане Лондона не откликнулись на призыв. На улицах не было ни души. Эссекс подъехал к Ладгейт-Хилл, где отдал приказ об атаке. Однако к тому времени его сторонники, осознав всю безнадежность своего положения, стали покидать его. Елизавета, услышав новости о мятеже, отреагировала спокойно. Несмотря на некоторое смятение среди ее свиты, королева предложила, что, возможно, ей самой стоит отправиться в город и встретиться лицом к лицу с противниками: «Ни один не осмелится взглянуть мне в глаза».

Противостояния не потребовалось. Обескураженный неудачной попыткой поднять на восстание жителей, Эссекс поехал в Квинайт,

откуда на лодке доплыл до Эссекс-Хаус; там он обнаружил, что Фердинандо Горджес выпустил его заложников. Дом вскоре окружили королевские войска, и после напряженных переговоров с представителями короны Эссекс сдался лорду-адмиралу. Вместе с главными пособниками его забрали в Ламбетский дворец, а на следующий день на лодке отправили вниз по Темзе в Тауэр. Елизавета заявила французскому послу: «Этот неблагодарный глупец наконец показал свое истинное лицо». На следующий день после несостоявшегося мятежа королева обнародовала прокламацию, где благодарила жителей Лондона за верность.

И все же в придворных кулуарах порой слышались слова в поддержку Эссекса. Томас Ли, служивший под его началом в Ирландии, предложил четырем или пяти смельчакам ворваться в покои королевы и вынудить ее подписать приказ об освобождении Эссекса и Саутгемптона. Ли разоблачили и арестовали в тот же вечер возле королевской столовой. На следующий день он был предан суду, обвинен и казнен. В середине февраля королева обнародовала очередную прокламацию, в которой приказывала всем скитальцам, праздношатающимся и разносчикам

сплетен покинуть Лондон под страхом смертной казни.

19 февраля Эссекс и Саутгемптон предстали перед судом равных в Вестминстер-Холле. Оба отрицали обвинения в измене, однако их вину признали без всяких доказательств, как само собой разумеющееся. Они пытались спорить с обвинителями, но безуспешно. Эссекс, одетый во все черное, заявил: «Я сделал лишь то, что велел мне закон природы и мое положение». Подобные понятия, впрочем, не признавались общим правом и, по всей видимости, были заимствованы из рыцарского кодекса чести. Они не могли спасти его. После оглашения смертного приговора он оставался спокоен. «Хоть вы и обвинили меня в суде наказаний, — заявил он судьям, — в суде совести вы бы меня оправдали». Через два дня Сесила и некоторых других советников попросили навестить Эссекса в Тауэре. Их взору предстал до неузнаваемости изменившийся человек, называвший себя «самым низким, подлым и неблагодарным предателем на свете». Он признал, что королева не будет чувствовать себя в безопасности, пока он жив.

Это было последнее аристократическое восстание в Англии, подобное мятежу, учиненному

представителями рода Перси в начале XV века. Эссекс не пользовался столь широкой областной или территориальной поддержкой, однако сложные мотивы чести и доблести, лежавшие в основе противоречий, остались неизменными. На восстании в определенном смысле лежал отпечаток Средневековья. Как сказал граф Саутгемптон сэру Роберту Сидни во время последней осады Эссекс-Хаус, «вы — воитель и знаете, что самим призванием мы обязаны защищать себя от равных нам, но того более — от нижестоящих противников». Стремлениями Эссекса и его сторонников — братства, многих членов которого связывали кровные узы, — руководил древний и благородный кодекс чести, однако при елизаветинском дворе его уже было недостаточно.

Признание Эссексом своей измены пришло слишком поздно. Елизавета благосклонно согласилась на непубличную казнь через обезглавливание и в то же время смягчила наказание графу Саутгемптону до пожизненного заключения. 25 февраля Эссекса привели на эшафот, сооруженный во внутреннем дворе Тауэра. На нем был дублет и бриджи из черного атласа, а с плеч спускался черный бархатный плащ; его голову венчала черная фетровая шляпа. Он никогда не

выходил из своего образа. В последний момент он повернул голову и крикнул: «Палач, бей без промаха!» Понадобилось три удара, чтобы голова слетела с плеч. «Те, кто дерзает прикоснуться к скипетру правителя, — отметила королева, — не заслуживают сострадания».

40. На исходе жизни

После казни графа Эссекса некоторые стали упрекать Елизавету в бессердечии. Поговаривали, что народ устал от правления престарелой королевы и что ее появление на публике уже не встречали с прежним ликованием. Одного жителя Кента вызвали в суд за слова «Жить станет хорошо и весело, только когда ее величество помрет». На приказ констебля подчиниться королевским законам один йомен ответил: «С чегой-то ты мне говоришь о королеве? К черту королеву!»

Осенний созыв парламента в 1601 году — последний в правление Елизаветы — запомнился царившими на нем разногласиями и волнениями. Традиционные возгласы «Боже, храни ваше величество» звучали приглушенно. Проходя мимо группы раздосадованных парламентариев, королева сделала жест рукой, чтобы те посторонились.

— Уступите место, господа, — призвал церемониймейстер парламента.

— Вот повесите нас — места будет предостаточно, — ответил один из собравшихся.

Елизавета взглянула на него, но промолчала.

Вопрос налогообложения стал причиной беспорядков и горячих споров. Цена ирландской кампании Маунтджоя против Тирона была высокой, а на помощь мятежникам отправилось испанское войско. Финансовое бремя, лежавшее на плечах англичан, считали непомерно тяжким, и беднякам приходилось продавать свои «плошки да ложки», чтобы хоть как-то компенсировать выделенную субсидию. Когда один парламентарий заметил, что королева имеет «такое же право на наши земли и товары, как на доход собственной короны», члены палаты общин «кашляли, смеялись и разговаривали». В воздухе витало раздражение. Спикеров бесцеремонно перебивали «кашлем или выкриками», а голосование сопровождалось подзуживанием и громкими перепалками. В конечном итоге, несмотря на все, Елизавета получила требуемую субсидию.

Другим спорным вопросом были монополии. Они представляли собой патенты, которые предоставлялись отдельным лицам с правом распространения определенных товаров для своей выгоды. Для Елизаветы это означало возможность раздавать привилегии своим фаворитам без риска понести личные расходы.

«Невозможно описать словами, — заявил один парламентарий, — или осмыслить разумом великие лишения, что терпит город и страна, которым я служу, от некоторых монополий». Другой член парламента принялся перечислять товары, на которые распространялись монополии, от смородины до уксуса, от свинца до сардин, от сукна до поташа:

— А хлеба там нет?

— Хлеба?

— Хлеба?

— Это странно.

— Нет, если не принять меры, то и хлеб появится в списке раньше, чем соберется очередной парламент.

Королева, услышав эти жалобы, вызвала к себе спикера. Она сообщила ему, что пересмотрит регламент по монополиям; одни исключат, другие временно приостановят. В действие введут лишь те, «что пройдут проверку законом на благо всего народа». Королеве, предвидевшей кризис, удалось разрешить его.

Парламент отправил к Елизавете делегацию со словами признательности, а в конце ноября она обратилась с речью к благодарной палате общин в зале заседаний Уайтхолла. Королева

торжественно заявила: «Я никогда не была ни алчным, скаредным стяжателем, ни строгим правителем-аскетом, ни расточителем; я никогда не стремилась к земным благам, но лишь к благу моих подданных». Затем она добавила: «Я обещаю вам, пока я живу и царствую, я буду править во имя вашего блага». Эта не последняя публичная речь королевы, но одна из самых памятных.

На этом парламентском созыве вопрос престолонаследия упоминался лишь мимоходом, если упоминался вообще. Вероятнее всего, королева свыклась с мыслью о том, что Яков, сын шотландской королевы Марии, взойдет на трон после ее смерти. Елизавета, возможно, не знала, что Роберт Сесил, ее самый выдающийся советник, вел с ним тайные переговоры; впрочем, она, должно быть, подозревала, что он стал наиболее вероятным претендентом на престол. Однако королева хранила молчание. Хоть ее зачастую и укоряли в нерешительности и уклончивости, бывали ситуации, когда ей просто хотелось скрыть свои намерения.

В апреле 1602 года, в возрасте шестидесяти восьми лет, королева приняла участие в быстром и энергичном танце гальярда. В начале следующего месяца она поехала верхом в Луишем на «май-

ские гулянья». Французскому послу она заявила: «В ближайшее время умирать я не собираюсь, и я вовсе не так стара, как думают». Она по-прежнему совершала конные прогулки при любой возможности. Когда один из ее родственников, второй лорд Хандсон, предположил, что ей не стоит больше ездить верхом между Хэмптон-Кортом и Несравненным дворцом, Елизавета прогнала его и двое суток с ним не разговаривала.

Несмотря на это, возраст постепенно брал свое. Ее зрение слабело, а память ухудшалась. Она запоминала лица, но порой забывала имена. После конных прогулок ее ноги зачастую «окостеневали». Иногда Елизавете требовалась помощь, чтобы взобраться на лошадь или подняться по ступенькам. Она рассказала одной из фрейлин, леди Скруп, что однажды ночью видела «свое тело, невероятно худое и пугающее в свете огня». «Я связана железной цепью, что обвила шею мою, — сказала она графу Ноттингему. — Я связана, связана, и жизнь моя уже не та».

Когда ранней весной 1603 года другой родственник королевы, сэр Роберт Кэри, пришел с визитом, то обнаружил ее в состоянии тихого смирения. «Нет, Робин, — сказала она ему, — со мной не все хорошо». Она принялась описывать

свое недомогание, сопровождая рассказ частыми вздохами. 19 марта французский посол сообщил своему господину, то за последние четырнадцать дней она едва прикасалась к еде и мучилась бессонницей. Другой современник вспоминал, что королеву «охватило чувство уныния, она вздыхает и жалостливо плачет». Один из слуг поинтересовался, есть ли у ее печали какая-либо тайная причина. Королева ответила: «На свете нет ничего, что стоило бы моих огорчений».

Четыре дня подряд она сидела на подушках в своих личных покоях, уставив взгляд в пол и не произнося почти ни слова. Она выглядела исчахшей и неопрятной. «Я молюсь», — сказала она. Роберт Сесил постарался уговорить ее:

— Сударыня, сударыня, ради ваших подданных, вы должны лечь в постель.

— Глупый, глупый человек, правителям никогда не говорят *должен*.

На третий день королева положила палец в рот и редко его вынимала. В конце концов она настолько ослабла, что безропотно позволила врачам перенести ее в постель. Когда в горле у нее вскрылся нарыв, она, почувствовав временное облегчение, поела немного бульона. Однако затем ей вновь стало хуже; она неподвижно ле-

жала и, казалось, не видела и не замечала ничего вокруг. Понимая, что дни королевы сочтены, советники спросили ее, признает ли она Якова VI Шотландского своим преемником. Елизавета, не в состоянии вымолвить слово, жестом показала на свою голову — что советники истолковали как знак согласия.

В шесть часов вечера 23 марта архиепископа Кентерберийского призвали к смертному ложу королевы. Полчаса он читал молитвы возле нее, а затем встал, чтобы уйти; однако Елизавета жестом попросила его остаться. Архиепископ читал молитвы еще в течение часа, и, при упоминании вечных радостей, королева схватила его за руку. Вскоре она потеряла сознание и умерла в предрассветные часы следующего утра. Ее коронационное кольцо, намертво приросшее к пальцу, пришлось спилить.

Услышав рыдания королевских фрейлин, сэр Роберт Кэри тотчас вскочил на коня и помчался к Большой Северной дороге. Он направлялся в Эдинбург, чтобы сообщить важную новость Якову VI: теперь он король Англии. Томас Деккер в памфлете «Удивительный год» писал: «В четверг считалось изменой кричать „Боже, храни короля Якова Английского!“, а в пятницу — государствен-

ной изменой этого не кричать. Утром не было слышно ни голоса, лишь шепот и причитания, днем же все наполнилось возгласами ликования и торжества». Долгая эпоха правления династии Тюдоров подошла к концу.

41. Реформация

Мы возвращаемся к ключевой теме этого тома. С самого начала Реформация англиканской церкви являла собой политический и династический вопрос; она не имела корней в народных протестах или идейности гуманистических реформ. Никакому Кальвину или Лютеру не позволили бы проповедовать свое учение в Англии. Реформация целиком и полностью подчинялась контролю короля. У английской Реформации имелись и другие самобытные аспекты. В странах континентальной Европы, принявших протестантизм, упразднялись все католические церемонии и обряды; запрещалась месса, почитание Девы Марии, поклонение святым. Однако Генрих во всех вопросах, за исключением верховенства папы римского, оставался правоверным католиком. Монастыри, возможно, и уничтожили, а верховенство папы заменили супрематией короля, однако месса служилась, как и прежде. Николас Харпсфилд, историк и апологет католичества, дал Генриху следующую характеристику: «Он сбросит человека вниз головой с высокой башни

и прикажет остановиться на полпути». Тем не менее каким-то образом королю удавалось это чудо левитации. Он претворял в жизни перемены постепенно, шаг за шагом, и никто даже не мог мысленно представить или догадаться, каким станет итоговый результат; именно по этой причине Реформация завершилась успехом. Возможно, сам Генрих толком не знал, в каком направлении двигался.

Те, кто поддерживал начинания короля, представляли собой, как правило, людей прагматичного склада: они стремились обогатиться за счет земель и доходов церкви. Это были юристы и придворные, члены парламента, голосовавшие в соответствии с волей короля на протяжении всего периода. Лишь для немногих ученых и богословов теологическая подоплека Реформации имела подлинное значение. Архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер был человеком скорее набожным, нежели принципиальным; церковный правовед и богослов в одном лице, он видел залогом развития соглашение и примирение. Усовершенствование доктрин церкви во время правления Эдуарда и коренной поворот веры при Марии лишь подчеркивают несколько непоследовательные основы религиозной по-

литики.

Елизаветинское религиозное урегулирование привело к возникновению того, что лорд Берли окрестил «разномастной смесью» противоречивых компонентов, которая вскоре стала известна под названием англиканства. Строгий дух протестантизма, идеологические контуры которого сформировались в Цюрихе или Женеве, был настолько же чужд англиканству, как и религиозные догмы Рима. Англиканская литургия совмещала в себе элементы старого и нового, а опасностей религиозных гипотез удавалось избегать посредством намеренной двусмысленности и туманности. Книга общих молитв вдохновлена скорее пафосом набожности, чем неоспоримостью догм.

Протестантизм прививался в Англии, таким образом, через постепенное приспособление и подгонку разнородных элементов. Верующие молчаливо соглашались с новым религиозным мироустройством. Время и забывчивость вкупе с флегматизмом и безразличием медленно и безвозвратно расшатывали влияние старой религии. Таким образом, если к началу XVII столетия Англия стала протестантским государством, то протестантизм этот по своему характеру был

разнородным и разобщенным; мы лишь можем утверждать, что, возможно, Англия перестала быть католической. Время осуществило то, на что оказалась не способна воля человека.

Непреходящее влияние Реформации выразилось в акценте на отдельную личность вместо общества. Уединенные молитвы пришли на смену публичным богослужениям. Получили широкое распространение руководства по индивидуальной религиозной практике. Оправдание одной лишь верой — один из фундаментальных постулатов новой религии — носило сугубо личностный характер. Борьба индивидуальных нравственных чувств вкупе с постоянным осознанием греховности служила материалом для религиозных памфлетов того времени. Можно предположить, что реформированная религия оказала воздействие на условия, в которых сформировались зачатки нового государства; само это слово (государство, *the state*) возникло к концу правления Елизаветы. Протестантский календарь прославлял новую национальную культуру, отмечая такие праздники, как день рождения королевы или победу над Армадой. Жизнь теперь строилась вокруг светских и придворных, а не религиозных церемоний.

Отмежевание от Рима и континентального католичества способствовало распространению убежденности, что Англия в определенном смысле является «избранной» нацией; это, в свою очередь, привело к пересмотру понятия «английскости», которое исключало, к примеру, английских католиков. В трактате *De Vera Obedientia*[97], сочиненном непосредственно после казни Джона Фишера и Томаса Мора, епископ Гардинер заявил: «В Англии едино мнение, что те, кого Англия на свет явила и воспитала, ничего общего с Римом иметь не должны». Популярные проповедники вроде Хью Латимера риторически взывали ко всей нации. О, Англия! Англия! Латимер писал, что «истинно показал нам Господь, что Он есть Бог Англии, или вернее английский Бог».

Вера в Божественный Промысел, одна из благостынь протестантского миропонимания, привела к послушанию и подчинению светской власти. На смену монахам, заботившимся о нуждающихся, пришли приходские церковнослужители. Попечители по призрению бедных и работные дома стали решениями проблемы, которая теперь считалась скорее социальной, нежели предпи-

[97] Примечания: 97
«Об истинном послушании» (*лат.*). — *Прим. пер.*

санной Богом. Передача королевской часовни Святого Стефана в распоряжение палаты общин в 1549 году ознаменовала собой более масштабный переход: Закон Божий окончательно уступил место законам парламента. Идея эффективного управления в XVI веке полностью оформилась, и само государство, как принято считать, сыграло созидательную роль в становлении социальной и экономической политики.

Влияние Реформации на культуру было не менее глубоким. После ухода историков-монахов стали появляться новые формы исторического бытописания; на смену «Хронике» Эдварда Холла, посвященной тюдоровскому кредо и антиклерикальной по своему духу, пришел «Полихроникон» Ранульфа Хигдена. В более широком смысле разрушение церковных сооружений и предметов церковного искусства способствовало формированию безразличия народа по отношению к прошлому. Чувство преемственности и родства исчезло с разрывом многовековых общественных уз. Для общества, чей прежний жизненный уклад в столь значительной степени зависел от традиций и обычаев, последствия, нужно полагать, стали поистине колоссальными. Можно сказать, что память истории была стерта для того, чтобы

сделать следующий рывок вперед.

Угасание популярности мистерий и разнообразных религиозных драм, бывших неотъемлемой частью английской культуры в течение многих веков, неизбежно привело к секуляризации драмы и усилению роли лондонских драматических театров. Пышный расцвет английской драмы в XVI и XVII веках можно считать одним из последствий Реформации.

Литература не осталась в стороне, и перевод Библии на английский язык послужил вдохновением для таких самобытных писателей, как Шекспир, Мильтон и Баньян[98]. В более общем смысле новое положение английского языка способствовало росту грамотности населения. Этим, в свою очередь, можно объяснить активизацию просветительской деятельности в этот период; в 1550-х годах было создано сорок семь новых учебных заведений, а в последующем десятилетии — еще сорок два.

Отмена обрядов католической веры, возможно, имела и более значительные, хотя и менее явные последствия. Процессии молебственных дней, во время которых верующие с крестами и коло-

[98] Примечания: 98

Баньян Джон (1628–1688) — английский писатель и проповедник, автор «Путешествия пилигрима» («Пути паломника», 1678–1684).

кольчиками в руках обходили границы своего прихода, являлись важной частью английского восприятия сакрального места; теперь земля в известной мере стала обмирщенной. Большинство святых источников и монастырских колодцев, рассеянных по английским землям, были преданы забвению, а сама земля из общественного достояния превратилась в ценный товар. По мере того как распадалась общность живых и мертвых, сцепленная воедино скрепами старой церкви, общинные территории королевства становились имуществом отдельных лиц. Серия топографических карт, изданных Кристофером Сакстоном в 1570-х годах, уже не упоминала старые святыни и паломнические пути; эти карты изначально разрабатывались как кадастровые планы местности для новых землевладельцев. Но коммерческий дух требовал жертв, и Уильям Коббетт однажды заметил, что горемычный удел безземельного крестьянина был еще одним результатом Реформации.

Упразднение народных праздников на улицах и площадях городов с течением времени привело к социальному размежеванию. Когда популярность массовых развлечений резко пошла на спад, более обеспеченные слои обще-

ства стали считать себя отдельным классом. Вскоре в церквях стали выделяться места для именитых семейств прихода. Можно взглянуть на эти перемены и под другим углом зрения. По подсчетам, количество пивных выросло вдвое за пятидесятилетний период после 1580 года; с исчезновением гильдейских братств, торжеств и церковных пивных гуляний требовался новый способ времяпрепровождения.

Впрочем, можно утверждать, что все эти вопросы — особый акцент на индивидуализме, распад общественной жизни, упразднение традиций и обычаев — были необходимыми предпосылками для грядущих великих перемен в мироощущении и историческом положении нации.

Библиография

Этот список ни в коем случае не стоит воспринимать как исчерпывающий, но он представляет собой подборку книг, которые автор посчитал наиболее полезными при подготовке второго тома «Истории Англии».

Религиозная реформа

Aston Margaret. England's Iconoclasts. Oxford, 1988.

_____. Faith and Fire. London, 1993.

Baskerville Geoffrey. English Monks and the Suppression of the Monasteries. London, 1937.

Beard Charles. The Reformation of the Sixteenth Century. London, 1883.

Bernard G. W. The King's Reformation. London, 2005.

Betteridge Tom. Literature and Politics in the English Reformation. Manchester, 2004.

Bossy John. The English Catholic Community. London, 1975.

Brigden Susan. London and the Reformation. Oxford, 1989.

Burnet Gilbert. The History of the Reformation of the Church of England. Three volumes. Oxford, 1829.

Carlson Eric Josef (ed.). Religion and the English People. Kirksville, Miss., 1998.

Chadwick Owen. The Reformation. London, 1964.

Collinson Patrick. The Religion of Protestants. Oxford, 1982.

_____. Godly People. London, 1983.

_____. The Birthpangs of Protestant England. Basingstoke, 1988.

Constant G. The Reformation in England. London, 1934.

Davies Horton. Worship and Theology in England. Princeton, 1996.

Dickens A. G. The English Reformation. London, 1964.

Doran Susan and *Durston Christopher*. Princes, Pastors and People. London, 1991.

Duffy Eamon. The Stripping of the Altars. London, 1992.

_____. The Voices of Morebath. London, 2001.

_____. Marking the Hours. London, 2006.

Elton Geoffrey (ed.). The Reformation. Cambridge, 1958.

_____. Reform and Reformation. London, 1977.

Gairdner James. A History of the English Church in

the Sixteenth Century. London, 1902.

_____. Lollardy and the Reformation in England. Two volumes. London, 1908.

Gasquet F. A. Henry VIII and the English Monasteries. London, 1906.

Haigh Christopher (ed.). The English Reformation Revised. Cambridge, 1987.

_____. English Reformations. Oxford, 1993.

Heal Felicity. Reformation in Britain and Ireland. Oxford, 2003.

Heath Peter. English Parish Clergy. London, 1969.

Hughes Philip. The Reformation in England. Three volumes. London, 1956.

Hurstfield Joel (ed.). The Reformation Crisis. London, 1965.

Hutton Ronald. The Rise and Fall of Merry England. Oxford, 1994.

King John N. English Reformation Literature. Princeton, 1982.

Knappen M. M. Tudor Puritanism. London, 1939.

Knowles David. The Religious Orders in England. Cambridge, 1959.

Lake Peter and *Dowling Maria* (eds.). Protestantism and the National Church. Beckenham, 1987.

MacCulloch Diarmaid. Thomas Cranmer. London, 1996.

_____. The Later Reformation in England. London, 2001.

_____. The Reformation. London, 2003.

Maitland S. R. Essays on the Reformation in England. London, 1849.

Marshall Peter. The Catholic Priesthood and the English Reformation. Oxford, 1994.

_____ (ed.). The Impact of the English Reformation. London, 1997.

McConica James Kelsey. English Humanists and Reformation Politics. Oxford, 1965.

Morgan John. Godly Learning. Cambridge, 1986.

O'Day Rosemary. The Debate on the English Reformation. London, 1986.

Pollard A. E. Thomas Cranmer. London, 1905.

Powicke Maurice. The Reformation in England. Oxford, 1941.

Randell Keith. Henry VIII and the Reformation in England. London, 1993.

Read Conyers. Social and Political Forces in the English Reformation. Houston, 1953.

Rex Richard. Henry VIII and the English Reformation. London, 1993.

Rosman Doreen. From Catholic to Protestant. London, 1996.

Rupp E. G. The Making of the English Protestant

Tradition. Cambridge, 1966.

Scarisbrick J. J. The Reformation and the English People. Oxford, 1984.

Shagan Ethan H. Popular Politics and the English Reformation. Cambridge, 2003.

Smith H. Maynard: Pre-Reformation England. London, 1938.

_____. Henry VIII and the Reformation. London, 1948.

Walker Greg. Persuasive Fictions. Aldershot, 1996.

Whiting Robert. The Blind Devotion of the People. Cambridge, 1989.

Wooding Lucy. Rethinking Catholicism in Reformation England. Oxford, 2000.

Youings Joyce. The Dissolution of the Monasteries. London, 1971.

Правление Генриха

Anglo Sydney. Images of Tudor Kingship. London, 1992.

Bernard G. W. Power and Politics in Tudor England. Aldershot, 2000.

_____. Anne Boleyn. London, 2010.

Brewer J. S. The Reign of Henry VIII. London, 1884.

Brigden Susan. New Worlds, Lost Worlds. London, 2001.

Brown Andrew D. Popular Piety in Late Medieval England. Oxford, 1995.

Byrne M. St Clare (ed.). The Letters of Henry VIII. London, 1936.

Coby J. Patrick. Henry VIII and the Reformation Parliament. London, 2006.

Coleman Christopher and *Starkey David* (eds.). Revolution Reassessed. Oxford, 1986.

Davies C. S. L. Peace, Printand Protestantism. London, 1977.

Dodds Madeleine Hope and *Dodds Ruth*. The Pilgrimage of Grace and the Exeter Conspiracy. Two volumes. Cambridge, 1915.

Elton Geoffrey. Policy and Police. Cambridge, 1972.

Erickson Carolly. Great Harry. London, 1980.

Fox Alistair and *Guy John*. Reassessing the Henrician Age. Oxford, 1986.

Froude James Anthony. History of England from the Fall of Wolsey to the Death of Elizabeth. Twelve volumes. London, 1862–1870.

Galton Arthur. The Character and Times of Thomas Cromwell. Birmingham, 1887.

Graves Michael A. R. Henry VIII. London, 2003.

Guy John. The Cardinal's Court. Hassocks, 1977.

_____. The Tudor Monarchy. London, 1997.

Gwyn Peter. The King's Cardinal. London, 1990.

Hoak Dale (ed.). Tudor Political Culture. Cambridge, 1995.

Hoyle R. W. The Pilgrimage of Grace. Oxford, 2001.

Hutchinson Robert. Thomas Cromwell. London, 2007.

Ives E. W. Anne Boleyn. London, 1986.

Jones Whitney R. D. The Tudor Commonwealth. London, 1970.

Lingard John and *Belloc Hilaire*. The History of England. Eleven volumes. New York, 1912.

MacCulloch Diarmaid (ed.). The Reign of Henry VIII. Basingstoke, 1995.

Pickthorn Kenneth. Early Tudor Government. Cambridge, 1951.

Pollard A. F. Wolsey. London, 1929.

_____. Henry VIII. London, 1934.

Randell Keith. Henry VIII and the Government of England. London, 1991.

Rosenthal Joel and *Richmond Colin* (eds.). People, Politics and Community in the Later Middle Ages. Gloucester, 1987.

Scarisbrick J. J. Henry VIII. London, 1968.

Smith Lacey Baldwin. Henry VIII. London, 1971.

Starkey David (ed.). Henry VIII: A European Court in England. London, 1991.

_____. The Reign of Henry VIII. London, 2002.

_____. Henry, Virtuous Prince. London, 2008.

Watts John L. (ed.). The End of the Middle Ages? London, 1998.

Weir Alison. The Six Wives of Henry VIII. London, 1991.

_____. Henry VIII. London, 2001.

Williams C. H. England under the Early Tudors. London, 1925.

_____. The Tudor Despotism. London, 1928.

Williams Penry. The Tudor Regime. Oxford, 1979.

Wooding Lucy. Henry VIII. London, 2009.

Zeeveld W. Gordon. Foundations of Tudor Policy. Cambridge, Mass., 1948.

Правление Эдуарда

Alford Stephen. Kinship and Politics in the Reign of Edward VI. Cambridge, 2002.

Aston Margaret. The King's Bedpost. Cambridge, 1993.

Beer Barrett L. Rebellion and Riot, Popular Disorder in England during the Reign of Edward VI. Kent, Ohio, 2005.

Bush M. L. The Government Policy of Protector Somerset. London, 1975.

Constant G. Introduction of the Reformation into England, Edward VI. London, 1942.

Gasquet Francis Aidan and *Bishop Edmund*. Edward VI and the Book of Common Prayer. London, 1890.

Heard Nigel. Edward VI and Mary. London, 1990.

Hoak D. E. The King's Council in the Reign of Edward VI. Cambridge, 1976.

Jones Whitney R. D. The Mid-Tudor Crisis. London, 1973.

Jordan W. K. Edward VI, the Young King. London, 1968.

_____. Edward VI: The Threshold of Power. London, 1970.

Loach Jennifer. Edward VI. London, 1999.

Loach Jennifer and *Tittler Robert* (eds.). The Mid-Tudor Polity. London, 1980.

MacCulloch Diarmaid. Tudor Church Militant, Edward VI and the Protestant Reformation. London, 1999.

Mackie J. D. The Earlier Tudors. Oxford, 1952.

Pollard A. F. England under Protector Somerset. London, 1900.

Skidmore Chris. Edward VI. London, 2007.

Правление Марии

Duffy Eamon. Fires of Faith. London, 2009.

Duffy Eamon and *Loades David* (eds.). The Church of Mary Tudor. Aldershot, 2006.

Edwards John and *Truman Ronald* (eds.). Reforming Catholicism in the England of Mary Tudor: the achievement of Friar Bartolome Carranza. Aldershot, 2005.

Erickson Carolly. Bloody Mary. London, 1978.

Loach Jennifer. Parliament and the Crown in the Reign of Mary Tudor. Oxford, 1986.

Loades David. Mary Tudor. Oxford, 1989.

Miller James Arthur. Stephen Gardiner and the Tudor Reaction. London, 1926.

Porter Linda. Mary Tudor: The First Queen. London, 2007.

Prescott H. F. M. Mary Tudor. London, 1940.

Richards Judith M. Mary Tudor. London, 2008.

Schenk W. Reginald Pole. London, 1950.

White Beatrice. Mary Tudor. London, 1935.

Whitelock Anna. Mary Tudor. London, 2009.

Правление Елизаветы

Adams Simon. Leicester and the Court. Manchester, 2002.

Alford Stephen. The Early Elizabethan Polity. Cambridge, 1998.

_____. Burghley. London, 2008.

Archer Jayne Elisabeth, Goldring Elizabeth and *Knight Sarah*. The Progresses, Pageants and

Entertainments of Queen Elizabeth I. Oxford, 2007.

Black J. B. The Reign of Elizabeth. Oxford, 1936.

Collinson Patrick. Elizabethan Essays. London, 1994.

_____. The Elizabethan Puritan Movement. London, 1967.

Doran Susan. Monarchy and Matrimony. London, 1996.

_____. Queen Elizabeth I. London, 2003.

Doran Susan and *Freeman Thomas S.* (eds.). The Myth of Elizabeth. London, 2003.

Dunn Jane. Elizabeth and Mary. London, 2003.

Elton G. R. The Parliament of England, 1559–1581. Cambridge, 1986.

Graves Michael A. R. Burghley. London, 1998.

Greaves Richard L. (ed.). Elizabeth I, Queen of England. London, 1974.

Guy John (ed.). The Reign of Elizabeth I. Cambridge, 1995.

_____. My Heart is My Own. London, 2004.

Haigh Christopher (ed.). The Reign of Elizabeth I. London, 1984.

_____. Elizabeth I. London, 1988.

Hammer Paul E. J. The Polarisation of Elizabethan Politics. Cambridge, 1999.

Haugaard William P. Elizabeth and the English

Reformation. Cambridge, 1968.

Hibbert Christopher. The Virgin Queen. London, 1990.

Hurstfield Joel. Freedom, Corruption and Government in Elizabethan England. London, 1973.

Jenkins Elizabeth. Elizabeth the Great. London, 1958.

Jones Norman. The Birth of the Elizabethan Age. Oxford, 1993.

Levin Carole. The Reign of Elizabeth I. Basingstoke, 2002.

Levine Joseph M. (ed.). Elizabeth I. London, 1969.

MacCaffrey Wallace. The Shaping of the Elizabethan Regime. London, 1969.

_____. Elizabeth I. London, 1993.

McClaren A. N. Political Culture in the Reign of Elizabeth I. Cambridge, 1999.

Mears Natalie. Queenship and Political Discourse in the Elizabethan Realms. Cambridge, 2005.

Meyer Arnold Oskar. England and the Catholic Church under Queen Elizabeth. London, 1967.

Neale J. E. Queen Elizabeth I. London, 1934.

_____. Essays in Elizabethan History. London, 1958.

Palliser D. A. The Age of Elizabeth. London, 1983.

Rex Richard. Elizabeth I. Stroud, 2003.

Strickland Agnes. The Life of Queen Elizabeth.

London, 1906.

Strong Roy. Gloriana. London, 1987.

Weir Alison. Elizabeth the Queen. London, 1998.

Williams Penry. The Later Tudors. Oxford, 1995.

Общество

Bindoff S. T. Tudor England. London, 1950.

Bindoff S. T., *Hurstfield J*. and *Williams C. H*. (eds.). Elizabethan Government and Society. London, 1961.

Byrne M. St Clare. Elizabethan Life in Town and Country. London, 1925.

Chambers J. D. Population, Economy and Society in Pre-Industrial England. Oxford, 1972.

Cheyney Edward P. Social Changes in England in the Sixteenth Century. Pennsylvania, 1895.

Clark Peter (ed.). The Early Modern Town. London, 1976.

_____. The Cambridge Urban History of England. Volume Two, 1540–1840. Cambridge, 2000.

Clay C. G. A. Economic Expansion and Social Change, England 1500–1700. Two volumes. Cambridge, 1984.

Collinson Patrick (ed.). The Sixteenth Century. Oxford, 2002.

Coward Barry. Social Change and Continuity in Early Modern England. London, 1988.

Cressy David. Birth, Marriage and Death. Oxford,

1997.

Dodd A. H. Life in Elizabethan England. London, 1961.

Ellis Steven G. Tudor Frontiers and Noble Power. Oxford, 1995.

Elton G. R. England Under the Tudors. London, 1955.

Guy John. Tudor England. Oxford, 1988.

Jack Sybil M. Trade and Industry in Tudor and Stuart England. London, 1977.

James Mervyn. Society, Politics and Culture. Cambridge, 1986.

Polito Mary. Governmental Arts in Early Tudor England. Aldershot, 2005.

Ramsey Peter H. (ed.). The Price Revolution in Sixteenth-Century England. London, 1971.

Robertson H. M. Aspects of the Rise of Economic Individualism. Cambridge, 1933.

Rowse A. L. The England of Elizabeth. London, 1950.

_____. The Expansion of Elizabethan England. London, 1955.

Sharpe Kevin. Selling the Tudor Monarchy. London, 2009.

Simon Joan. Education and Society in Tudor England. Cambridge, 1967.

Sommerville C. John. The Secularisation of Early Modern England. Oxford, 1992.

Tawney R. H. The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. London, 1912.

Thurley Simon. The Royal Palaces of Tudor England. London, 1993.

Walsham Alexandra. The Reformation of the Landscape. Oxford, 2011.

Wernham R. B. Before the Armada. London, 1966.

Williams Penry. Life in Tudor England. London, 1964.

Фотоматериалы

1. Портрет Генриха VIII.

© The Berger Collection at the Denver Art Museum, USA / The Bridgeman Art Library.

2. Портрет Екатерины Арагонской.

© Philip Mould Ltd, London / The Bridgeman Art Library.

3. Деревянная гравюра, изображающая рыцарей короля Генриха после победы в битве при Флодден-Филд.

© Private Collection / The Bridgeman Art Library.

4. Деталь изображения Поля золотой парчи.

© 2011 Her Majesty Queen Elizabeth II / The Bridgeman Art Library.

5. Письмо короля Генриха VIII кардиналу Уолси.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

6. Кардинал Томас Уолси.

© *Hulton Archive / Getty Images*.

7. Томас Мор.

© *2011 Her Majesty Queen Elizabeth II / The Bridgeman Art Library*.

8. Гравюра с изображением короля Генриха VIII.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

9. Портрет Анны Болейн.

© *Hever Castle, Kent / The Bridgeman Art Library*.

10. Портрет Томаса Говарда.

© *Arundel Castle / The Bridgeman Art Library*.

11. Деталь гравюры, изображающей мученичество монахов Чартерхауса.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

12. Гравюра с изображением Благодатного паломничества, XIX в.

© *The Stapleton Collection / The Bridgeman Art Library*.

13. Портрет Джейн Сеймур.

© *Kunsthistorisches Museum, Vienna / The Bridgeman Art Library*.

14. Аргументы епископа Латимера против ка-

толической доктрины Чистилища.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

15. Портрет лорда Кромвеля в дни величия.

© *The Trustees of the Weston Park Foundation / The Bridgeman Art Library*.

16. Портрет Анны Клевской.

© *Hever Castle, Kent / The Bridgeman Art Library*.

17. Титульный лист Большой Библии 1539 г.

© *Universal History Archive / Getty Images*.

18. Гравюра с портрета Екатерины Говард.

© *The Stapleton Collection / The Bridgeman Art Library*.

19. Портрет Екатерины Парр.

© *National Portrait Gallery, London / Roger-Viollet, Paris / The Bridgeman Art Library*.

20. Аллегория тюдоровской династии.

© *Sudeley Castle, Gloucestershire / The Bridgeman Art Library*.

21. Портрет леди Джейн Грей.

© *Yale Center for British Art, Paul Mellon Collection, USA / The Bridgeman Art Library*.

22. Портрет Эдуарда VI.

© *Boltin Picture Library / The Bridgeman Art Library*.

23. Королева Мария I.

© *Society of Antiquaries of London / The Bridgeman*

Art Library.

24. Портрет Филиппа II Испанского.

© Philip Mould Ltd, London / The Bridgeman Art Library.

25. Антикатолическая аллегория, изображающая Стивена Гардинера, епископа Винчестерского.

© Christie's Images / The Bridgeman Art Library.

26. Деревянная гравюра, иллюстрирующая сожжение Томаса Кранмера, архиепископа Кентерберийского.

© Lambeth Palace Library, London / The Bridgeman Art Library.

27. Юная принцесса Елизавета Тюдор.

© 2011 Her Majesty Queen Elizabeth II / The Bridgeman Art Library.

28. Страница рукописи с подписью королевы Елизаветы I.

© Private Collection / The Bridgeman Art Library.

29. Портрет королевы Елизаветы I в коронационном одеянии.

© National Portrait Gallery, London / The Bridgeman Art Library.

30. Роберт Дадли, 1-й граф Лестер.

© Yale Center for British Art, Paul Mellon Collection, USA / The Bridgeman Art Library.

31. Томас Говард, 4-й герцог Норфолк.

© *His Grace The Duke of Norfolk, Arundel Castle / The Bridgeman Art Library*.

32. Гравюра, изображающая королеву Елизавету I в парламенте.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

33. Мария Шотландская в белых траурных одеждах.

© *Scottish National Portrait Gallery, Edinburgh / The Bridgeman Art Library*.

34. Казнь королевы Марии Шотландской.

© *Scottish National Portrait Gallery, Edinburgh / The Bridgeman Art Library*.

35. Гравюра с изображением папской буллы против королевы Елизаветы.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

36. Раскрашенная вручную медная гравюра с изображением прибытия королевы Елизаветы I в Несравненный дворец.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

37. Карта, иллюстрирующая маршрут Армады.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

38. Портрет сэра Фрэнсиса Дрейка.

© *Kunsthistorisches Museum, Vienna / The Bridgeman Art Library*.

39. Иллюстрация «Арк-Ройяла».

© *Mansell / Time & Life Pictures / Getty Images*.

40. Портрет Уильяма Сесила, 1-го барона Берли.

© *Burghley House Collection, Lincolnshire / The Bridgeman Art Library*.

41. Гравюра с изображением сэра Фрэнсиса Уолсингема.

© *Private Collection / The Bridgeman Art Library*.

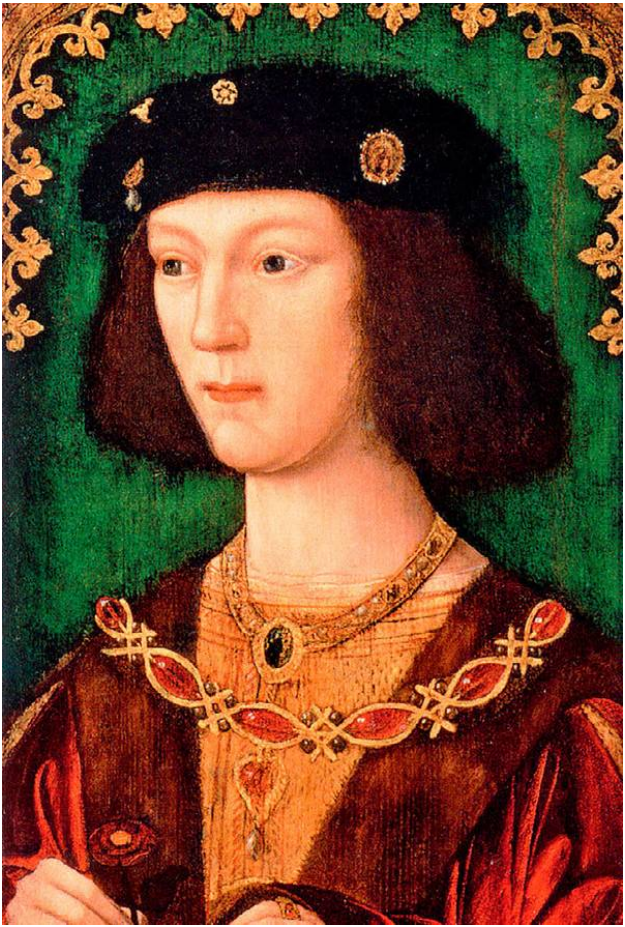
42. Портрет сэра Роберта Сесила.

© *Bonhams, London / The Bridgeman Art Library*.

43. Портрет Якова VI Шотландского, впоследствии Якова I Английского.

© *Falkland Palace, Fife / Mark Fiennes / The Bridgeman Art Library*.

Вкладка



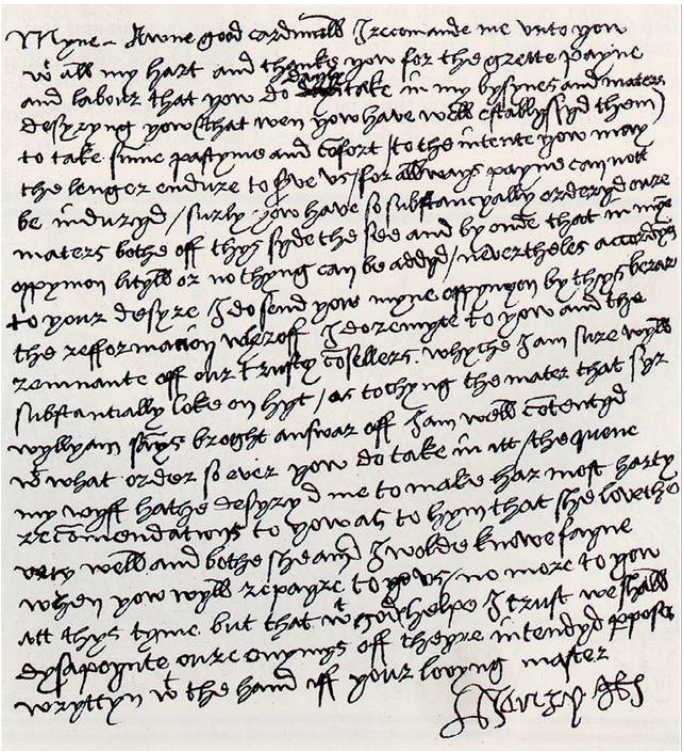
Портрет Генриха VIII во время восхождения на престол: венценосный юноша в расцвете сил. Ок. 1509 г.

THERINA
REGINA

Портрет первой несчастной жены Генриха VIII Екатерины Арагонской, дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. XVI в.

Деревянная гравюра, изображающая рыцарей короля Генриха после победы англичан над шотландцами в битве при Флодден-Филд. 1513 г.

Деталь изображения Поля золотой парчи. Ок. 1545 г. Дипломатия в ее лучшем проявлении



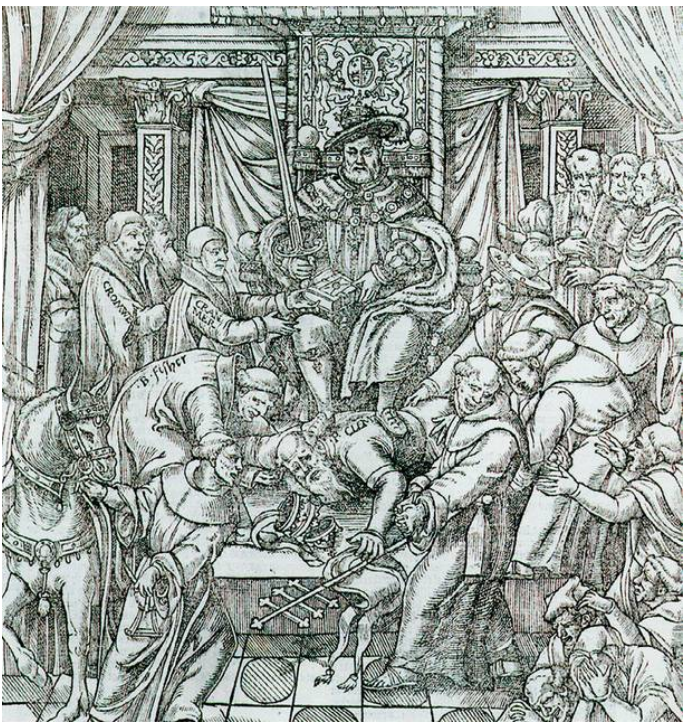
Письмо короля Генриха VIII кардиналу Уолси («Мой дорогой кардинал»), тогда еще близкому соратнику, в котором король благодарил его за усердную работу и убеждал немного «отдохнуть от забот и трудов». Ок. 1518 г.

CARDINAL

Кардинал Томас Уолси в зените славы перед своим ниспровержением. Ок. 1520 г.

Tho: Moor Ld Chancelour

Томас Мор, «совесть» Англии, навлекший на себя неприязнь короля. Ганс Гольбейн Младший. Ок. 1527 г. Рисунок мелом



Гравюра с изображением короля Генриха VIII, торжествующего над папой римским. 1534 г. Аллегорическое изображение, типичное для того времени

ANNA · BOLINA
ANG · RECINA

Портрет невезучей Анны Болейн, навлекшей на себя гнев мужа. 1534 г.

HOMAS · DVKE · OFF · NORFOLK · MARSHALL ·
ND · TRESVRER · OFF · INGLONDE
HE · LXVI YERE · OF · HIS · AGE ·

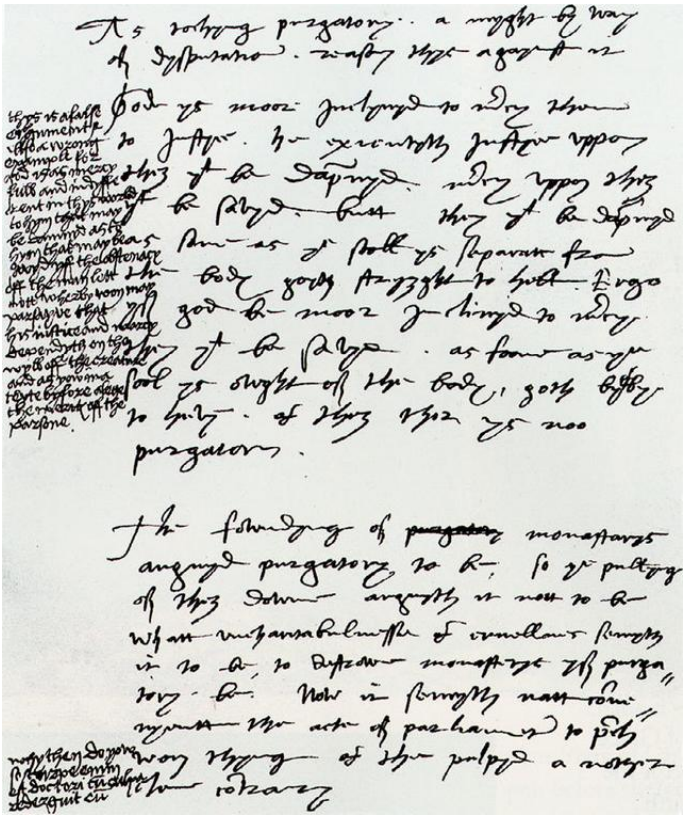
Портрет Томаса Говарда, 3-го герцога Норфолка, придворного, которого в конечном итоге обвинили в государственной измене. Ганс Гольбейн Младший. XVI в.

Деталь гравюры, изображающей мученичество монахов Чартерхауса. Им заживо вспороли животы

Гравюра с изображением Благодатного паломничества. XIX в. Восстание в северных

графствах во имя «старой веры»

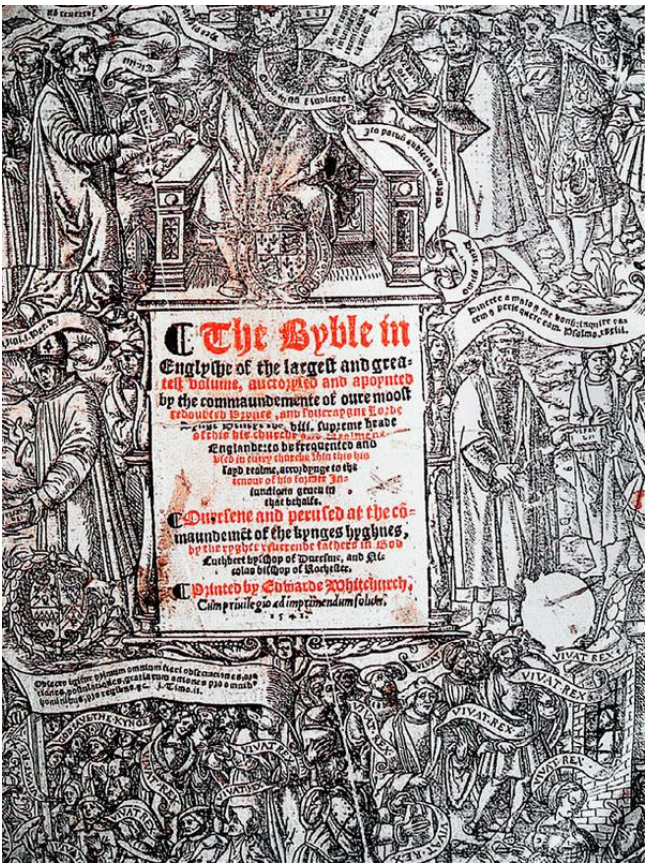
Портрет Джейн Сеймур, матери Эдуарда VI, единственной супруги короля Генриха VIII, подарившей ему наследника. Ганс Гольбейн Младший. 1536 г.



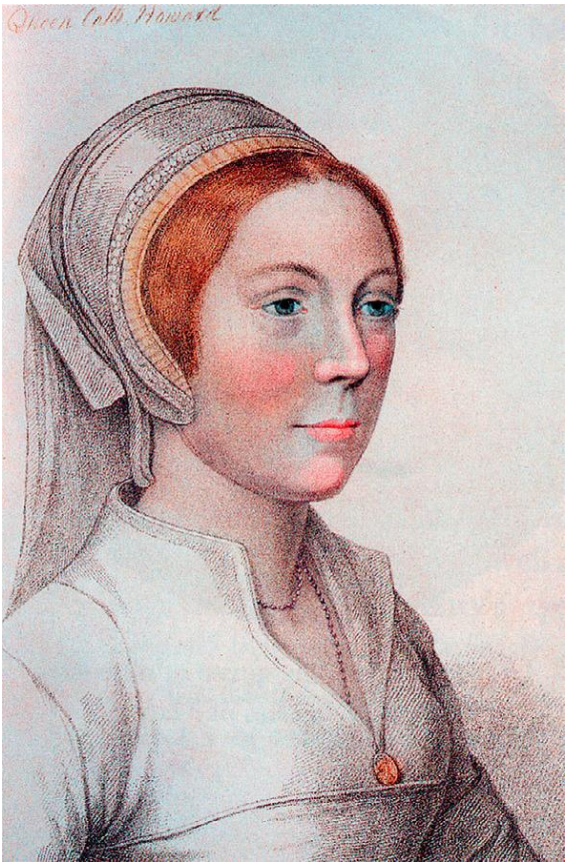
Аргументы епископа Латимера против католической доктрины Чистилища, с маргиналиями Генриха VIII. Ок. 1538 г.

Портрет лорда Кромвеля в дни величия, прежде чем и он попал в немилость и был казнен. Ганс Гольбейн Младший. XVI в.

Портрет Анны Клевской, неугодной невесты короля, пережившей супруга. Ганс Гольбейн Младший


¶ The Byble in
Englyshe of the largest and grea-
test volume, auctorysed and apoynted
by the commaundemente of oure moost
redoubted Prynce, and Soueraygne Lorde
Kynge Henry the viii. Supreme Hede
of this Churche and Realme of
Englande: to be frequented and
vsed in euery churche within this
sayd realme, accordynge to the
tenour of the Iniunctions geuen vn-
to his graces
that behalfe.
¶ Ouersene and perused at the cō-
maundemēt of the kynges hyghnes,
by the ryghte reuerende fathers in God
Cuthbert bysshop of Duresme, and Ni-
colas bysshop of Rochester.
¶ Prynted by Edwarde Whitchurch.
Cum priuilegio ad imprimendum solum.
VIVAT REX

Титульный лист Большой Библии 1539 г., первого официального издания на английском языке


Queen Cath. Howard

Гравюра с портрета Екатерины Говард, которая отправилась на плаху, едва успев выйти замуж. Ганс Гольбейн Младший. 1796 г.

THARINE PARRE

Портрет Екатерины Парр, последней и самой удачливой из всех супруг Генриха

Аллегория тюдоровской династии — пример королевской пропаганды. Лукас де Хеер. Ок.

1570–1575 гг.

Портрет леди Джейн Грей — королевы, правившей девять дней до восхождения на трон Марии. Ок. 1547 г.

E
R

Портрет Эдуарда VI, бледнолицего и болезненного, во время его восхождения на престол

Королева Мария I, непреклонная и деспотическая. Ок. 1554 г.

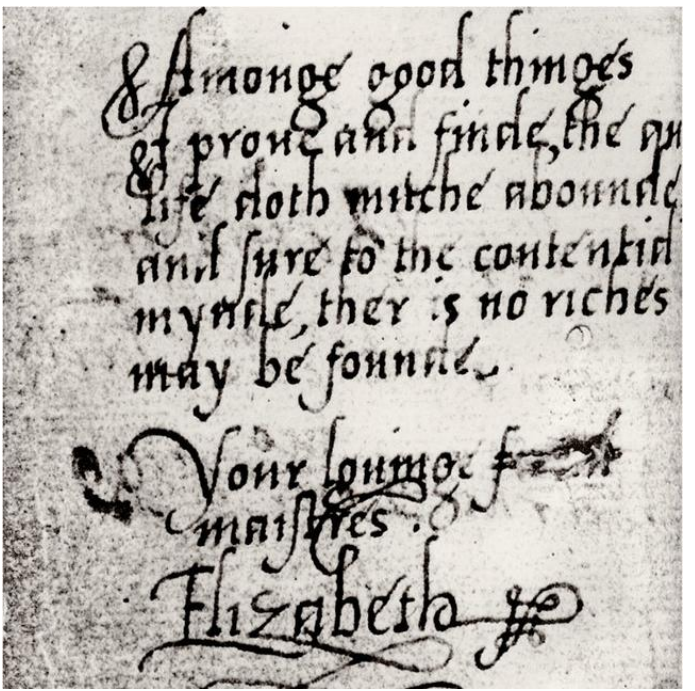
Портрет Филиппа II Испанского, супруга Марии поневоле, покинувшего ее при первой возможности. XVI в.

the Lamb speaketh
Why Do You Crucifie Me
for the rights

Антикатолическая аллегория, изображающая Стивена Гардинера, епископа Винчестерского. 1556 г. Иллюстрация восходит ко времени правления Эдуарда VI, когда паписты считались исчадием Сатаны

Деревянная гравюра, иллюстрирующая сожжение Томаса Кранмера, архиепископа Кентерберийского, одной из многочисленных жертв Марии. Из «Книги мучеников» Джона Фокса, опубл. 1563 г.

Юная принцесса Елизавета Тюдор. Ок. 1546 г. Ее детство и юность были сопряжены с множеством опасностей



Страница рукописи с подписью королевы Елизаветы I, демонстрирующей волевую и властную натуру

Портрет королевы Елизаветы I в коронационном одеянии — воплощение величия

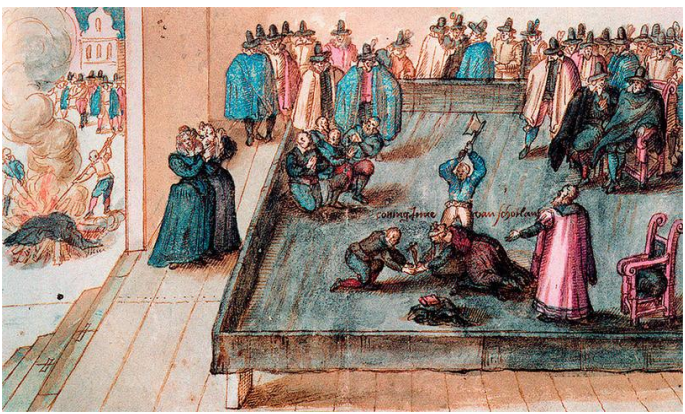
Роберт Дадли, 1-й граф Лестер. Ок. 1560-х гг. Он всегда был фаворитом Елизаветы, и их нежная дружба вызывала множество слухов

Томас Говард, 4-й герцог Норфолк, казненный за заговор против королевы. Ок. 1562 г.

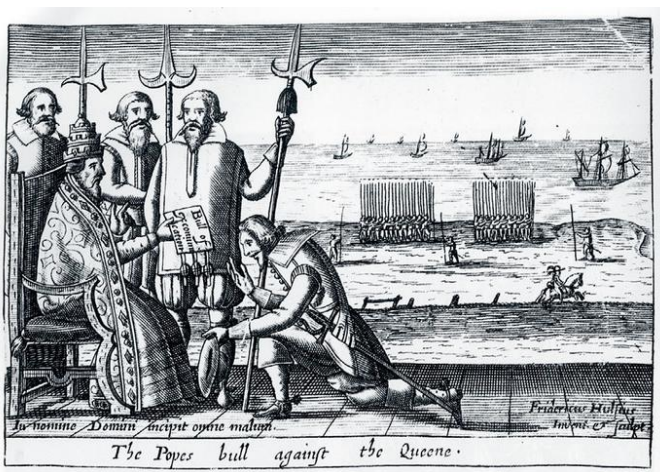
The Chancellors Seat

Гравюра, изображающая королеву Елизавету I в парламенте, к которому она применяла политику кнута и пряника

Неутомимая заговорщица Мария Шотландская в белых траурных одеждах



Казнь королевы Марии Шотландской, которая считала, что умирает святой мученицей. Картина написана после ее смерти. Ок. 1613 г.



Гравюра с изображением папской буллы против королевы Елизаветы, обнародованной в 1570 г. В ней папа предал королеву анафеме как еретичку

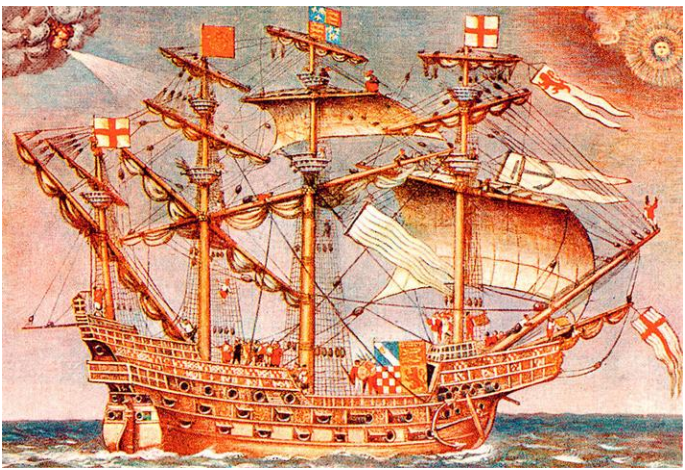
Раскрашенная вручную медная гравюра с изображением прибытия королевы Елизаветы I в Несравненный дворец, подобного которому не было во всем королевстве. 1582 г.

Карта, иллюстрирующая злополучный

маршрут Армады, оказавшейся в ловушке морских волн и английских кораблей. 1588 г.

Ætatis Suæ 42
Anno Dñi 1581

Портрет сэра Фрэнсиса Дрейка, победоносного капитана и непревзойденного мореплавателя. Николас Хиллиард. 1581 г.



Изображение «Арк-Ройяла», флагмана ан-

глийского флота в битве с испанской Арма-дой

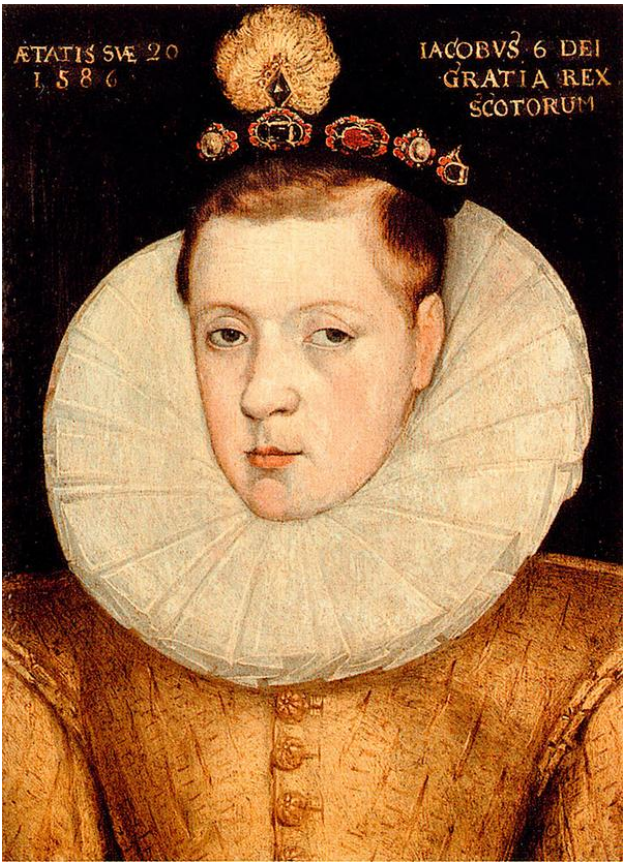
Портрет Уильяма Сесила, 1-го барона Берли, главного советника Елизаветы, которого она называла «моя душа». XVI в.

FRANC. WALSINGHAMIVS

Гравюра с изображением сэра Фрэнсиса Уолсингема, главы британской разведки и доверенного советника Елизаветы

SERO. SED SERIO.

Портрет несокрушимого сэра Роберта Сесила, которого королева называла «мой гномик»


ÆTATIS SVÆ 20
1586
IACOBVS 6 DEI
GRATIA REX
SCOTORUM

Портрет Якова VI Шотландского, впоследствии Якова I Английского. 1586 г.